THE DEPARTMENT FOR ARCHIVES AND RECORDS KEEPING
OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF REPUBLIC OF BELARUS

BELARUSIAN ARCHIVAL SCIENCE AND RECORDS
MANAGEMENT RESEARCH INSTITUTE

ARCHEOGRAPHICAL COMMISSION

THE BELARUSIAN ARCHEOGRAPHICAL YEAR-BOOK

Founded in 2000

Volume 16

Minsk
2015

ДЭПАРТАМЕНТ ПА АРХІВАХ І СПРАВАВОДСТВУ
МІНІСТЭРСТВА ЮСТЫЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

БЕЛАРУСКІ НАВУКОВА-ДАСЛЕДЧЫ ІНСТЫТУТ
ДАКУМЕНТАЗНАЎСТВА І АРХІЎНАЙ СПРАВЫ

АРХЕАГРАФІЧНАЯ КАМІСІЯ

БЕЛАРУСКІ АРХЕАГРАФІЧНЫ ШТОГОДНІК

Заснаваны ў 2000 годзе

Выпуск 16

Мінск
2015

УДК 930.25(476)(058)

У шаснаццатым выпуску «Беларускага археаграфічнага штогодніка» друкуюцца матэрыялы па археаграфіі, архівазнаўстве, крыніцазнаўстве, кадыкалогіі, тэксталогіі і гісторыі дзяржаўных устаноў. Публікуюцца дакументы па сярэдневяковай, новай і найноўшай гісторыі Беларусі, агляды архіўных фондаў і іншыя матэрыялы.

Прызначаны для архівістаў, гісторыкаў, краязнаўцаў, філолагаў.

Рэкамендавана да друку Вучоным саветам БелНДІДАС

Рэдакцыйная калегія:
Э. М. САВІЦКІ (галоўны рэдактар), У. І. АДАМУШКА, Г. Я. ГАЛЕНЧАНКА,
В. А. ГАПАНОВІЧ, С. У. ЖУМАР, Д. У. КАРАЎ, У. К. КОРШУК,
В. А. КОСМАЧ, М. В. ЛАРЫН (Расія), І. Б. МАЦЯШ (Украіна),
В. Л. НАСЕВІЧ, В. С. ПАЗДНЯКОЎ (адказны сакратар), А. Я. РЫБАКОЎ,
І. В. САВЕРЧАНКА, А. М. САРОКІН, В. Д. СЕЛЯМЕНЕЎ,
М. Ф. ШУМЕЙКА

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 4 ліпеня 2005 г. № 101 (у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 2 лютага 2011 г. № 26) «Беларускі археаграфічны штогоднік» уключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па гістарычных навуках

© БелНДІДАС, 2015

АГУЛЬНЫ СХОД АРХЕАГРАФІЧНАЙ КАМІСІІ ДЭПАРТАМЕНТА ПА АРХІВАХ І СПРАВАВОДСТВУ МІНІСТЭРСТВА ЮСТЫЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

У Беларускім навукова-даследчым інстытуце дакументазнаўства і архіўнай справы 13 лістапада 2014 г. адбыўся агульны сход членаў Археаграфічнай камісіі Дэпартамента па архівах і справаводству Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь, у якім прынялі ўдзел прадстаўнікі ўстаноў архіўнай галіны рэспублікі, Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, вну, выдавецтваў. Вёў сход старшыня камісіі, дырэктар Дэпартамента па архівах і справаводству Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь У. І. Адамушка. Агульны сход заслухаў справаздачны даклад першага намесніка Бюро Археаграфічнай камісіі В. С. Пазднякова «Аб выкананні Плана публікацый дакументаў Нацыянальнага архіўнага фонду Рэспублікі Беларусь на 2009—2013 гг. і прыняцці Плана публікацый дакументаў Нацыянальнага архіўнага фонду Рэспублікі Беларусь на 2014—2018 гг.», прыняў да ўвагі справаздачу, прыняў за аснову прадстаўлены план публікацыйнай працы і даручыў Бюро камісіі яго дапрацаваць. Старшыня Бюро камісіі М. Ф. Шумейка выступіў з дакладам «Аднаўленне археаграфічнай традыцыі: да 15-годдзя стварэння Археаграфічнай камісіі Дэпартамента па архівах і справаводству Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь», у якім асвятліў асноўныя праблемы і іх рашэнне ў дзейнасці камісіі. У спрэчках выступілі У. І. Адамушка, члены Археаграфічнай камісіі.

Ніжэй публікуюцца даклады В. С. Пазднякова і М. Ф. Шумейкі.

В. С. Поздняков

О ВЫПОЛНЕНИИ ПЛАНА ПУБЛИКАЦИЙ ДОКУМЕНТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВНОГО ФОНДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА 2009—2013 гг. И ПРИНЯТИИ ПЛАНА ПУБЛИКАЦИЙ ДОКУМЕНТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВНОГО ФОНДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА 2014—2018 гг.

Уважаемый председатель Археографической комиссии!

Уважаемые члены комиссии, коллеги!

Прежде всего, несколько слов об изменениях в составе руководящих органов Археографической комиссии, утвержденных 13 марта 2014 г. Предыдущий председатель Бюро Археографической комиссии, Эдуард Михайлович Савицкий, попросился в отставку, и теперь Бюро возглавляет Михаил Федорович Шумейко, члены Бюро — Валерий Семенович Поздняков (первый заместитель), Григорий Степанович Жолнеркевич, Вячеслав Леонидович Носевич, Вячеслав Дмитриевич Селеменев, Дмитрий Чеславович Матвейчик, Станислав Степанович Рудович (секретарь). Э. М. Савицкий остается главным редактором «Беларускага археаграфічнага штогодніка». Состав руководящих органов Археографической комиссии отражен на сайтах Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь и БелНИИДАД.

Теперь о выполнении Плана публикаций документов Национального архивного фонда Республики Беларусь на 2009—2013 гг. Он был утвержден

Бюро Археографической комиссии в 2009 г. и неоднократно корректировался. Перед нашим собранием Бюро комиссии разослало в учреждения архивной отрасли письма с просьбой отметить, что было сделано, и вот результаты.

Национальный архив Республики Беларусь в 2009 г. издал:

Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси 1941—2008 гг.: документы и материалы / составители: В. И. Адамушко, Н. Е. Калесник, В. Д. Селеменев, В. В. Скалабан, В. В. Шумский. Минск: НАРБ, 2009. 304 с. (межведомственное научное тематическое издание, подготовленное совместно с Управлением по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Вооруженных Сил Республики Беларусь).

Хатынь. Трагедия и память: документы и материалы / Составители: В. И. Адамушко, И. А. Валаханович, Н. Е. Калесник, Н. В. Кириллова, В. Д. Селеменев, В. В. Скалабан. Минск: НАРБ, 2009. 272 с. (межведомственное научное тематическое издание, подготовленное совместно с Государственным мемориальным комплексом «Хатынь», Центральным архивом КГБ Республики Беларусь).

Гомельская губерния. 1919—1926 гг.: документы и материалы / составители: М. А. Алейникова, В. Д. Селеменев, В. В. Скалабан, И. Н. Шишенок [и др.]. Минск: НАРБ, 2009. 270 с. (международное межархивное научное тематическое издание, подготовленное совместно с Государственным архивом Гомельской области, РГАСПИ и ГАРФ).

Минская область в документах и материалах. Вып. 2. Возрождение, 1946—1953 гг. / составители: Н. П. Белезняк [и др.]. Минск: НАРБ, 2009. 272 с. (межархивное научное тематическое издание, подготовленное совместно с Государственным архивом Минской области).

«Ты з Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі…». Верасень 1939 г. — 1956 г.: дакументы і матэрыялы: У 2 кн. Кн. 1. Верасень 1939 г. — 1941 г. / складальнікі: У. І. Адамушка, В. У. Скалабан (адказны складальнік) [і інш.]. Мінск: Беларуская навука, 2009. 340 с.; Кн. 2. Ліпень 1944 г. — 1956 г. / складальнікі: У. І. Адамушка, А. Ф. Вялікі (адказны складальнік) [і інш.]. Мінск: Беларуская навука, 2009. 301 с. (международное межархивное научное тематическое издание, подготовленное совместно с Институтом истории Национальной академии наук Беларуси, РГАСПИ, ГАРФ).

Свидетельствуют палачи. Уничтожение евреев на оккупированной территории Беларуси в 1941—1944 гг.: документы и материалы / составители: В. И. Адамушко, И. П. Герасимова, В. Д. Селеменев. Минск: НАРБ, 2009 (межведомственное научное тематическое издание, подготовленное совместно с Музеем истории и культуры евреев Беларуси).

Национальная академия наук Беларуси. 1928—2008 гг.: документы и материалы / составители: Н. В. Василевская [и др.]. Минск: Белорусская наука, 2009. 767 с. (межведомственное научное тематическое издание, подготовленное совместно с Национальной академией наук Беларуси).

В 2010 г. изданы:

Гомельская область в первые месяцы Великой Отечественной войны: документы и материалы / составители: В. Д. Селеменев (руководитель), М. А. Алейникова, З. А. Александрович, И. А. Валаханович, П. Л. Жданович, Д. Н. Жигалов, Е. Л. Луначарский, В. В. Скалабан, П. М. Черный. Минск: НАРБ, 2010. 272 с. (межархивное научное тематическое издание, подготовленное совместно с Государственным архивом Гомельской области).

Гомельщина партизанская. Вып. 1. Начало. Июнь 1941 г. — май 1942 г. / составители: В. Д. Селеменев (руководитель), И. А. Валаханович, П. Л. Жданович, Д. Н. Жигалов, В. В. Скалабан. Минск: НАРБ, 2010. 260 с. (межведомственное научное тематическое издание, подготовленное совместно с Гомельским областным музеем военной славы).

Белорусы в советском тылу. Вып. 1. Июль 1941 г. — 1942 г. / составители: В. И. Адамушко, Л. П. Кошелева, Е. Л. Луначарский, В. Д. Селеменев, В. В. Скалабан, М. Е. Тумаш, Л. В. Хузеева, Н. А. Шарангина. Минск: НАРБ, 2010. 260 с. Вып. 2. 1943 г. — 1944 г. / составители: В. И. Адамушко, Е. Л. Луначарский, В. Д. Селеменев, В. В. Скалабан, М. Е. Тумаш, Н. А. Шарангина. Минск: НАРБ, 2010. 184 с. (международное межархивное научное тематическое издание).

Свидетельствуют палачи. Уничтожение евреев на оккупированной территории Беларуси в 1941—1944 гг.: документы и материалы / составители: В. И. Адамушко, И. П. Герасимова, В. Д. Селеменев. 2-е изд. Минск: НАРБ, 2010. 216 с. (межведомственное научное тематическое издание, подготовленное совместно с Музеем истории и культуры евреев Беларуси).

Академик В. М. Игнатовский: документы и материалы / составители: В. В. Скалабан, Н. В. Токарев. Минск: Беларуская навука, 2010. 277 с. (межведомственное научное тематическое издание, подготовленное совместно с Институтом истории Национальной академии наук Беларуси).

«Купала і Колас, вы нас гадавалі». Кн. 1. 1909—1939 гг.: дакументы і матэрыялы / складальнікі: В. Д. Селяменеў, В. У. Скалабан. Мінск: Літаратура і мастацтва, 2010. 320 с. (международное межархивное научное тематическое издание).

История 4-й Белорусской партизанской бригады / составители: Н. В. Воронова [и др.]. Минск: НАРБ, 2010. 162 с. (межархивное научное тематическое издание, подготовленное совместно с Государственным архивом Витебской области).

Беларускае замежжа = Белорусское зарубежье / складальнікі: Н. А. Голубева [і інш.]. Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2010. 480 с. (межархивное научное тематическое издание, подготовленное совместно с Департаментом по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, Национальным историческим архивом Республики Беларусь, Национальным историческим архивом Республики Беларусь в Гродно, Белорусским государственным архивом-музеем литературы и искусства.

Также в 2010 г. вышли в свет 3 электронных ресурса:

Спадчына акадэміка Яўхіма Карскага: да 150-годдзя з дня нараджэння // Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2010 (межведомственное научное тематическое издание, подготовленное совместно с Департаментом по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, Национальной библиотекой Беларуси).

Нацыянальны мастацкі музей Рэспублікі Беларусь. З гісторыі даваенных збораў. Страты і вяртанне. Дакументы, фотаздымкі. Віртуальная выстаўка (электронная публикация на CD диске — межведомственное научное тематическое издание, подготовленное совместно с Национальным художественным музеем Беларуси).

Спадчына акадэміка Яўхіма Карскага: да 150-годдзя з дня нараджэння / составители: К. В. Суша, В. В. Скалабан (электронная публикация на CD диске — межведомственное научное тематическое издание, подготовленное совместно с Национальной библиотекой Беларуси).

В 2011 г. изданы:

Голод в СССР 1921—1934: В 3 т. Т. 1. 1929 — июль 1932. Документы: В 2 книгах / составители: В. В. Кондрашин (ответственный составитель), Н. Е. Глущенко, Т. М. Голышкина, Е. М. Грибанова, Г. Т. Исахан, М. М. Кудюкина, О. В. Лавинская, Ю. Г. Орлова, Т. В. Сорокина, Н. С. Тархова, В. Д. Селеменев, В. М. Хрусталев, Т. В. Царевская-Дякина. Кн. 1. М.: МФД, 2011. 656 с. Кн. 2. М.: МФД, 2011. 560 с. (международное межархивное научное тематическое издание).

Трагедия белорусских деревень 1941—1944. Документы и материалы / составители: Е. М. Гриневич, Н. А. Денисова, Н. В. Кириллова, В. Д. Селеменев. Минск; М.: Фонд «Историческая память», 2011. 535 с. (межархивное научное тематическое издание, подготовленное совместно с Белорусским государственным архивом кинофотофонодокументов и Фондом «Историческая память»).

Чернобыльская катастрофа 1986—1991: документы и материалы / составители: В. И. Адамушко, З. А. Александрович, В. В. Антипенко, И. И. Миклашевич, В. Д. Селеменев, В. В. Скалабан. М. Е. Тумаш, В. А. Черников. Минск: Институт радиологии, 2011. 336 с. (межведомственное научное тематическое издание, подготовленное совместно с Государственным архивом Гомельской области и Департаментом по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь).

ОУН—УПА в Беларуси. 1939—1953 гг. Документы и материалы / составители: В. И. Адамушко, И. А. Валахонович, В. И. Гуленко, Д. Н. Жигалов, Ю. В. Зверев, А. Г. Карапузова, В. Д. Селеменев, В. В. Скалабан. Минск:

Вышэйшая школа, 2011. 527 с. (международное межархивное научное тематическое издание, изданное по заказу Администрации Президента Республики Беларусь).

«Купала і Колас, вы нас гадавалі». Дакументы і матэрыялы ў дзвюх кнігах. Кн. 2. 1939—2009. У 2 частках. Ч. 1 / складальнікі: В. Д. Селяменеў, В. У. Скалабан. Мінск: Літаратура і мастацтва, 2011. 384 с. (международное межведомственное научное тематическое издание).

В 2012 г. изданы:

Витебская губерния, 1917—1924 гг.: документы и материалы / составители: Н. В. Воронова и др.; редколлегия: В. И. Адамушко и др. Витебск: Витебская областная типография, 2012. 407 с.; [12] л. ил. (межархивное научное тематическое издание, подготовленное совместно с Государственным архивом Витебской области).

Минский городской Совет депутатов. 1917—2012. Документы и материалы / составители: В. Д. Селеменев (руководитель), В. И. Адамушко, Я. Н. Блажей [и др.]. Минск: Дом Печати, 2012. 728 с. (межведомственное научное тематическое издание, подготовленное совместно с Государственным архивом Минской области, Белорусским государственным архивом кинофотофонодокументов, Минским городским Советом депутатов).

«Купала і Колас, вы нас гадавалі. Дакументы і матэрыялы ў дзвюх кнігах. Кн. 2. 1939—2009. У 2 частках. Ч. 2 / складальнікі: В. Д. Селяменеў, В. У. Скалабан. Мінск: Літаратура і мастацтва, 2012. 336 с. (международное межведомственное научное тематическое издание).

Польша—Беларусь: 1921—1953. Документы и материалы / Минск: Беларуская навука, 2012 (международное межведомственное научное тематическое издание, изданное по заказу Администрации Президента Республики Беларусь).

В 2013 г. изданы:

Конфессии на Гомельщине в 20—30-е гг. XX в. Минск: НАРБ, 2013 (межведомственное научное тематическое издание, подготовленное совместно с Государственным архивом Гомельской области, Гомельским государственным университетом им. Франциска Скорины).

Гомельская область. Начало 1938 — июнь 1941 гг. Минск: НАРБ, 2013 (межархивное научное тематическое издание, подготовленное совместно с Государственным архивом Гомельской области).

Национальный исторический архив Беларуси в 2009—2013 гг. издал:

Архіварыус: Зборнік навуковых паведамленняў і артыкулаў. Вып. 7 / рэд.: Ю. М. Бохан [і інш.]. Мінск: БелНДІДАС, 2009. 344 с.

Архіварыус: Зборнік навуковых паведамленняў і артыкулаў. Вып. 8 / рэд.: Ю. М. Бохан [і інш.]. Мінск: НГАБ, 2010. 285 с.

Архіварыус: Зборнік навуковых паведамленняў і артыкулаў. Вып. 9 / рэд.: Ю. М. Бохан [і інш.]. Мінск: НГАБ, 2011. 299 с.

Архіварыус: Зборнік навуковых паведамленняў і артыкулаў. Вып. 10 / рэд.: Ю. М. Бохан [і інш.]. Мінск: НГАБ, 2012. 360 с.

Архіварыус: Зборнік навуковых паведамленняў і артыкулаў. Вып. 11 / рэд. Ю. М. Бохан [і інш.]. Мінск: НГАБ, 2013. 318 с.

Витебская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1802—1917) / Т. Е. Леонтьева [и др.]; составители: Т. Е. Леонтьева, Д. Л. Яцкевич; редколлегия: А. К. Голубович (главный редактор) [и др.]. Минск: БелНИИДАД, 2009. 524 с.; [16] с. ил.

Иностранные подданные в Беларуси (конец XVIII — начало XX в.) / составитель И. Л. Вернер; редколлегия: В. И. Адамушко [и др.]. Минск: Тип. Макарова и К, 2012. 528 с.

Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст. (з актавых кніг Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) / складальнікі: А. Ф. Аляксандрава, В. У. Бабкова, І. М. Бобер; Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2012. 736 с.; іл. (Беларусь у актавых кнігах XVI—XVIII стст.).

Могилевская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1772—1917) / Е. К. Анищенко [и др.]; составители: Ю. Н. Снапковский, Д. Л. Яцкевич. Минск: Беларусь, 2014. 814 с.; [12] л. ил.

Гербоўнік беларускай шляхты. Т. 3. / Д. Ч. Матвейчык [і інш.]; навуковы рэдактар А. Рахуба. Мінск: Беларусь, 2014. 647 с.; [16] л. іл.

Кроме того, сверх упомянутого плана Национальный исторический архив Беларуси за отчетный период подготовил и выпустил следующие документальные издания:

Беларусь и война 1812 года: Сборник документов / составители: А. М. Лукашевич, Д. Л. Яцкевич; редкол.: В. И. Адамушко (главный редактор) [и др.]. Минск: Беларусь, 2011. 559 с.; [16] с. ил.

Паўстанне 1863—1864 гг. у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях: Дакументы і матэрыялы Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі / складальнік Д. Ч. Матвейчык; рэдкалегія: У. І. Адамушка [і інш.]. Мінск: А. М. Вараксін, 2014. 544 с.

Беларусь в годы Первой мировой войны (1914—1918): сборник документов / составитель В. В. Врублевский [и др.]; редколлегия: В. И. Адамушко (председатель) [и др.]. Минск: Беларусь, 2014. 355 с.; ил.

Подготовка и выпуск запланированных изданий «Гісторыя дзяржаўных устаноў Вялікага Княства Літоўскага па дакументах НГАБ XVI — XVIII стст. Навуковы даведнік», «Ашмянскі гродскі суд. 1661—1663 гг.», «Мінскі гродскі суд. 1640—1649 гг.» были исключены архивом из Плана публикаций в связи с тем, что по прошествии времени они утратили актуальность и их концепция не отвечает современным критериям.

Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства в 2009—2103 гг. издал:

Бабарэка А. Збор твораў: у 2 т. / [складальнікі: А. Бабарэка, В. Жыбуль, Г. В. Запартыка]. Вільня: Інстытут беларусістыкі; Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства, 2011.

Брайцев Я. Среди болот и лесов: проза / [вступительная статья Г. В. Запартыко]. Минск: Регистр, 2013. 318, [1] с.; портр.

Летапіс Дукорскай Петра-Паўлаўскай царквы (1867—1917) / [складанне и каментарыі У. Кулажанкі; навуковы рэдактар М. Шумейка]. Мінск: Звязда, 2013. 165, [2] с.; [2] л. каляр. іл.

Пра час «Узвышша». Вып. 5: матэрыялы Узвышаўскіх чытанняў (Мінск, 2008—2010) / складальнікі: Г. В. Запартыка, В. В. Жыбуль, У. Г. Кулажанка. Мінск: РІВШ, 2011. 307 с.

Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов издал:

Колер 50-х: Першыя каляровыя фотаздымкі БДАКФФД. Дзяржынск, 2010. 50 с.

Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела издал:

Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 10. Мінск, 2009.

Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 11. Мінск, 2010.

Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 12. Мінск, 2011.

Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 13. Мінск, 2012.

Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 14. Мінск, 2013.

Государственный архив Брестской области издал:

Брест в 1919—1939 гг.: документы и материалы / [составители: А. Г. Карапузова (ответственный составитель), И. Э. Еленская, А. В. Теребунь; редколлегия: Е. С. Розенблат (главный редактор) [и др.]. Брест: Альтернатива, 2009. 305, [1] с.

Брест в 1939—1941 гг.: документы и материалы / [составители: А. Г. Карапузова и др.; редколлегия: Е. С. Розенблат (главный редактор) и др.]. Брест: Альтернатива, 2012. 244, [1] с.; [6] л. ил.; портр.; табл.

Государственный архив Витебской области издал:

Витебщина освобожденная: октябрь 1943—декабрь 1945: документы и материалы / составители: Н. В. Воронова [и др.]; редколлегия: В. П. Коханко [и др.]. Витебск: Витебская областная типография, 2009. 535 с.; [12] л. ил.; табл.

История 4-й Белорусской партизанской бригады / составители: Н. В. Воронова [и др.]. Минск: НАРБ, 2010. 162 с. (совместно с Национальным архивом Республики Беларусь).

Витебская губерния, 1917—1924 гг.: документы и материалы / составители: Н. В. Воронова и др.; редколлегия: В. И. Адамушко и др. Витебск: Витебская областная типография, 2012. 407 с.; [12] л. ил. (совместно с Национальным архивом Республики Беларусь).

Зональный государственный архив в г. Глубокое вне плана издал:

Послевоенное развитие Глубокского района: 1944—1950 гг.: документы и материалы / составители: Н. А. Боровик [и др.]. Минск: Медисонт, 2010. 424 с.

Послевоенное восстановление системы народного образования в Браславском, Докшицком, Глубокском, Миорском, Поставском, Шарковщинском районах (1944—1950 гг.): сборник документов / составители: Н. А. Боровик, З. Н. Рослевич. Минск: Медисонт, 2012. 420 с.

Государственный архив Гомельской области издал:

Гомельская область. 1938—1941 гг.: Документы и материалы / составители: М. А. Алейникова (и др.); редколлегия: В. И. Адамушко (и др.). Минск: НАРБ, 2013. 216 с.; ил.

Совместно с Национальным архивом Республики Беларусь и другими учреждениями издал сборники документов «Гомельская губерния. 1918—1926 гг.» (2009), «Гомельская область в первые месяцы Великой Отечественной войны» (2010), «Чернобыльская катастрофа. 1986—1991» (2011), «Конфессии на Гомельщине (20—30-е годы XX в.)» (2013).

Государственный архив Гродненской области издал:

Аўгустоўскі канал і яго наваколле: (па дакументах Дзяржаўнага архіва Гродзенскай вобласці) / складальнікі: Л. В. Кісель [і інш.]; навуковы рэдактар С. Я. Куль-Сяльверстава. Слонім: Слонімская друкарня, 2011. 114 с.; іл.

Государственный архив Минской области издал:

Минская область в документах и материалах. Вып. 2. Возрождение, 1946—1953 гг. Сборник документов. Минск, 2009. 272 с.

Минский городской Совет депутатов. 1917—2012. Документы и материалы / составители: В. Д. Селеменев (руководитель), В. И. Адамушко, Я. Н. Блажей [и др.]. Минск: Дом Печати, 2012. 728 с. (совместно с Национальным архивом Республики Беларусь и др.).

Минская область в документах и материалах. Вып. 3. Оккупация, 1941—1944 гг. Сборник документов. Минск, 2013. 144 с.

Государственный архив общественных объединений Могилевской области издал:

Могилевская область после Великой Отечественной войны. Восстановление народного хозяйства: октябрь 1943—декабрь 1946 г.: документы и материалы / составители: А. Н. Годун, Т. В. Чемрук. Могилев: АмелияПринт, 2013. 336 с.

Кроме того, некоторые архивы издали путеводители по своим фондам, обзоры документов.

Таким образом, хотя план публикаций документов Национального архивного фонда Республики Беларусь на 2009—2013 гг. не выполнен полностью в силу ряда причин, но документальные издания учреждений архивной отрасли Беларуси весьма многочисленны и охватывают самые разные темы и направления.

Бюро Археографической комиссии составило проект плана на следующий пятилетний период 2014—2018 гг. Составлен он методом опроса архивных учреждений республики. Некоторые учреждения решили максимально выложить свои планы в открытый доступ, некоторые — минимально. Планы лежат перед вами. Хочу сразу обратить ваше внимание, что сейчас перед нами стоит задача принять план в целом, но утверждать в окончательном виде его будет Бюро Археографической комиссии после нашего общего собрания. Все предложения по дополнению или сокращению плана можно направлять в Бюро.

М. Ф. Шумейко,

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ: К 15-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ ДЕПАРТАМЕНТА ПО АРХИВАМ И ДЕЛОПРОИЗВОДСТВУ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ[1]

Ровно 15 лет тому назад, 28 октября 1999 г., коллегия Госкомархива Республики Беларусь приняла постановление, знаменовавшее, на наш взгляд, начало возрождения прерванной в Беларуси в 1930-е гг. археографической традиции. В нем, в частности, говорилось: «В целях улучшения и совершенствования археографической работы в архивной отрасли коллегия Госкомархива постановляет: 1) Образовать Археографическую комиссию Государственного комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь. Возложить на комиссию разработку совместно с государственными архивами и заинтересованными научными и учебными учреждениями программы издания документов Национального архивного фонда Республики Беларусь, координацию публикаторской деятельности государственных архивов и заинтересованных учреждений, научную разработку проблем теории и истории белорусской археографии» [11, с. 31—32].

27 января 2000 г. было утверждено положение о комиссии, в соответствии с которым она объявлялась ведомственным координационным, научно-методическим и публикаторским центром в области археографии [8, с. 37—38]. Таким образом, в практическую плоскость реализации переводились регулярно высказывавшиеся в республике, начиная с первого послевоенного десятилетия, декларации и пожелания о необходимости создания в Беларуси такого центра. В 2001—2003 гг. в Витебске и Гродно были открыты региональные отделения комиссии.

Автору статьи уже неоднократно приходилось обращаться к предыстории создания комиссии, а также анализу ее деятельности в первые годы существования [16], поэтому позволим себе не занимать внимания читателей повторением ранее сказанного, а сразу же перейти к представляющимся значимыми проблемам, которые стоят перед комиссией, и от успешного решения которых во многом будет зависеть уровень развития гуманитарных наук в республике.

Однако, будучи причастным к созданию комиссии, не могу все-таки не высказать несколько общих соображений, носящих организационный характер. Дело в том, что рассматривая тогда, в конце 1990-х гг., планируемую структуру в качестве своеобразного паллиатива академической (или государственной) Археографической комиссии, сегодня, по прошествии полутора десятилетий со времени ее учреждения, нельзя не отметить, что избранная для нее организационнная форма оказалась на редкость устойчивой. Это очевидно особенно сегод-

[1] В основе статьи — доклад автора на общем собрании Археографической комиссии 13 ноября 2014 г.

ня, в условиях происходящего реформирования Национальной академии наук Беларуси, в основе которого лежит оптимизация ее структуры.

Это же подтверждают и процессы организационного характера, идущие в последнее время у наших ближайших соседей. Сошлемся на решение руководства Института славяноведения РАН от 1 ноября 2011 г. о создании в структуре института отдела археографии, задачами и функциями которого определены: исследование проблем археографии, архивоведения и смежных историко-филологических дисциплин, каталогизация, описание и издание уникальных памятников славянской письменности, изучение и издание научного наследия отечественных историков, обеспечение деятельности Комиссии РАН по археографии, архивоведению и смежным историко-филологическим дисциплинам (Археографической комиссии), организация и проведение научных заседаний, подготовка к изданию «Археографического ежегодника» и др. [4, с. 485]. Как видим, наши коллеги из реформируемой Российской академии наук в значительной степени используют те же организационные формы и опираются на те же структуры, которые использовали и на которые опирались и мы при создании Археографической комиссии.

Аналогичные процессы имеют место и в Украине. В октябре 2013 г. президиум НАН Украины принял постановление об оптимизации отметившего двумя годами ранее свое 20-летие Института украинской археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского путем его объединения с родственным Институтом истории, а по существу — ликвидации Института [12, с. 355—358]. Несмотря на то что выполнение этого постановления, вызвавшего негативную реакцию со стороны коллектива Института украинской археографии и источниковедения, приостановлено, процесс, повторяем, пошел и у наших южных соседей. Все это свидетельствует о правильности сделанного нами 15 лет тому назад выбора организационных форм при учреждении в республике Археографической комиссии.

Говоря об особенностях современного состояния и развития археографии, нельзя не отметить произошедший своего рода «дрейф» ее практической составляющей от академических в сторону архивных структур, что характерно также и для России, и для Украины.

Причины этого явления достаточно убедительно, на наш взгляд, обозначил ректор РГГУ, выступая на заседании «круглого стола», посвященном проблемам преподавания археографии в университете. (Оно состоялось в РГГУ 4 апреля 2007 г. и было приурочено к возрождению ранее существовавшей в структуре Историко-архивного института кафедры археографии, интегрированной в 1996 г. в кафедру теории и методики архивного дела). Так вот, ректор российского вуза, имеющего давние традиции в области подготовки специалистов-археографов, говорил об археографии как об одном из важнейших инструментов повышения научной значимости архивной деятельности

как таковой, а также элементе повышения социального статуса работы архивистов, архивной службы в целом [2, с. 10—11].

Налицо также преимущественное внимание к публикации документов новейшей истории, что объясняется, с одной стороны, произошедшим реформированием архивного дела (имеется в виду интеграция архивов компартий, ранее существовавших вне государственной архивной службы, в последнюю, что открывало археографам доступ до их документов), а с другой, как отмечали участники научно-практической конференции по проблемам публикации документов XX века, жгучей потребностью общества «узнать во многом скрывавшуюся правду о событиях истекающего столетия» [10, с. 3].

Сегодняшняя архивная отрасль Беларуси, опирающаяся на веками создавшийся и не подверженный «конъюнктурной эрозии» документальный фундамент, располагающая высококвалифицированным кадровым потенциалом, в состоянии обеспечить отечественных и зарубежных пользователей качественной археографической продукцией в различных ее формах — начиная от пофондовых, тематических и иных изданий до методических рекомендаций по публикации исторических документов, организации и проведении научных семинаров и конференций по различным аспектам археографической деятельности. В то же время научное сотрудничество и кооперация работников архивных учреждений с коллегами историками, филологами, текстологами, правоведами, представляющими академические, культурно-просветительские, учреждения образования, выводят археографическую деятельность в республике далеко за рамки ведомства, в подчинении которого находится архивная отрасль. И в этом, на наш взгляд, заключается одна из центральных задач белорусской Археографической комиссии, а именно — служить связующим звеном между архивными и иными институциями республики, занимающимися археографической деятельностью в различных ее проявлениях.

В докладе В. С. Позднякова «О выполнении Плана публикаций документов Национального архивного фонда Республики Беларусь на 2009—2013 гг. и принятии Плана публикаций документов Национального архивного фонда Республики Беларусь на 2014—2018 гг.» приводились количественные и другие характеристики результатов археографической деятельности, достигнутых архивными учреждениями Беларуси за последнее пятилетие. Ни в коей мере не пытаясь преувеличить заслуг в этом комиссии, не могу в то же время не отметить причастности к ним большинства ее членов в той или иной форме (путем рецензирования готовившихся сборников документов, справочников по фондам, путеводителей; участия в работе над ними в качестве членов редколлегий, составителей документальных и справочных изданий; наконец, методического обеспечения эдиционной работы архивных учреждений и т. п.).

Особо выделим значение «Беларускага археаграфічнага штогодніка», за 15 лет превратившегося в своеобразную «настольную книгу», особенно для практиков-археографов. Этому способствовал широкий спектр (хронологичес-

кий, языковой, видовой) публикуемых на его страницах исторических документов, которые дают возможность получать ответы на многие, возникающие в процессе эдиционной деятельности, вопросы археографического характера. Однако ежегодник сегодня — это не только «практическое руководство» по публикации документов и материалов; это — и трибуна для проведения научных дискуссий по проблемам археографии и смежных с ней дисциплин источниковедческого цикла, это и возможность для совершенствования международного научного сотрудничества в сфере вышеназванных научных дисциплин, и, конечно же, форма укрепления и развития научных контактов между отечественными архивистами, археографами, документоведами, текстологами, филологами, правоведами. И сегодня, пользуясь случаем, не могу не высказать от имени руководства Археографической комиссии слов признательности в адрес руководства Белорусского НИИ документоведения и архивного дела, обеспечивающего, несмотря ни на что, регулярный выход в срок «Беларускага археаграфічнага штогодніка», включенного Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам.

В отличие от наших российских и украинских коллег, находящихся в более благоприятных, нежели мы, условиях и тем не менее вынужденных в последние годы издавать сдвоенные выпуски своих «Археографического ежегодника» (за 2007—2008; 2009—2010)[2], «Українського археографічного щорічника» (вып. 8/9 (2004), 10/11 (2006), 13/14 (2009), 16/17 (2012), выпускать их со значительным запозданием (так, в Москве только в 2014 г. увидел свет ежегодник за 2011 год!), «Беларускі археаграфічны штогоднік» в течение полутора десятилетий всегда выходит в срок, в конце каждого календарного года. Знаем, что сделать это бывает не так-то просто, и тем большая благодарность руководству БелНИИДАД!

Однако мы погрешили бы против истины, если бы попытались убедить читателей, что не существует никаких проблем в деятельности комиссии. Они, безусловно, есть, и решать их следует сообща, не оглядываясь на ведомственный характер комиссии.

Поскольку выше речь уже шла о ежегоднике, выскажем ряд соображений, связанных с перспективами продолжения этого издания, повышением его научного уровня. Как нам представляется, в условиях появившихся в последнее десятилетие в республике научных (периодических и продолжающихся) изданий исторического профиля (только исторический факультет БГУ издает три сборника: «Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны» (с 2002 г.), «Российские и славянские исследования» (с 2004 г.), «Працы

[2] На это обстоятельство указывал нынешний председатель Археографической комиссии РАН, член-кор. РАН С. М. Каштанов в докладе на научной конференции, посвященной памяти почетного председателя комиссии, редактора «Археографического ежегодника», академика РАО С. О. Шмидта (1922—2013) [5, с. 7].

гістарычнага факультэта БДУ» (с 2006 г.), редколлегия БАШ призвана не только сохранить лицо ежегодника, но и развернуть более активную борьбу за своих потенциальных авторов, расширяя их круг, не ограничиваясь белорусскими учеными и практиками-археографами и архивистами. Здесь нам есть о чем подумать. Мало ввести в состав редколлегии руководителей и представителей архивно-археографических учреждений соседних стран; надо, чтобы они способствовали привлечению к изданию своих коллег, сами выступали в качестве авторов на страницах ежегодника.

У комиссии сложились неформальные научные связи с коллегами из России, Украины (чего нельзя сказать о Литве и Польше). Ее представители не только входят в состав редколлегий ведущих архивно-археографических изданий этих стран («Отечественных архивов», «Пам’яток», «Студій з архівної справи та документознавства», «Архівов України» и др.), но и выступают в качестве авторов статей и составителей документальных публикаций на страницах этих и других профильных изданий. К сожалению, наши российские и украинские коллеги пока что не отвечают такой же взаимностью в плане сотрудничества с БАШ (не говорю за другие издания), и это — наша недоработка. Выходит, что редколлегия недостаточно пропагандирует ежегодник, недостаточно активно работает с потенциальными авторами, прежде всего из так называемого «ближнего зарубежья».

Значение работы по привлечению в БАШ зарубежных авторов, на наш взгляд, приобретает, помимо всего прочего, особую актуальность в условиях создания в республике в начале 2009 г. межведомственной комиссии по выявлению, возвращению и совместному использованию культурных ценностей, оказавшихся за пределами Беларуси. К сожалению, мы не сможем выслушать мнения на этот счет отсутствующих на сегодняшнем общем собрании членов Археографической комиссии, возглавляющих Белорусский фонд культуры и действующую при нем комиссию «Вяртанне».

Со своей же стороны отметим, что благодаря научным контактам с российскими, украинскими, польскими, немецкими, литовскими коллегами (архивистами, историками, библиотечными и музейными работниками) удалось наметить перспективные направления по дальнейшему выявлению и совместному использованию находящихся в хранилищах этих стран документов и материалов, представляющих несомненный интерес для истории и культуры Беларуси. Здесь мы имеем в виду хранящиеся в ЦГИА Украины в Киеве материалы о щорсовском книжно-рукописном собрании графа Хрептовича; находящуюся в ГАРФ коллекцию документов из комплектовавшегося в 1914—1918 гг. Рукописным отделением Библиотеки С.-Петербургской академии наук так называемого «Архива войны», в составе которого имеются многочисленные документы и материалы, присылаемые из Виленской, Гродненской и Минской губ.; там же хранящиеся документы о перемещении в октябре 1939 г. в Минск Виленского исторического архива и его последующей судьбе и др.

Пользуясь случаем, выражаем признательность за содействие в получении сведений о вышеупоминавшихся документах, а также ксерокопий последних бывшим зам. председателя Госкомархива Украины К. Е. Новохатскому и директору ЦГИА Украины в Киеве канд. истор. наук И. Н. Киселю, директору Госархива г. Киева, канд. истор. наук В. П. Купченко, зав. справочно-библиографическим отделом Библиотеки РАН Н. А. Сидоренко и зав. группой исторической библиографии отдела библиографии и краеведения Российской национальной библиотеки, канд. истор. наук А. И. Раздорскому, директору ГАРФ, докт. истор. наук С. В. Мироненко, немецкому историку Стефану Лееру, молодому историку-архивисту из Вильнюса Юлии Олехнович и др.

Далее остановимся на вопросах организации и проведения научных конференций, «круглых столов» и других научных и научно-практических мероприятий по проблемам археографии. Здесь, на наш взгляд, также имеется широкое и пока еще недостаточно освоенное Археографической комиссией поле для деятельности. (И это при том, что комиссией сделано немало в этом направлении). До сих пор остается единственной, специальной конференцией по археографии, проведенной в Беларуси в марте 1999 г. (т. е. еще до создания Археографической комиссии), конференция «Проблемы белорусской археографии», к тому же носившая юбилейный характер[3]. Заметим, что материалы ее так и не были изданы в форме отдельной книги.

Правда, в ноябре 2003 г. академическим Институтом истории была проведена международная научно-практическая конференция, посвященная проблемам изучения и публикации важного, но все-таки ограниченного хронологическими и видовыми рамками корпуса исторических источников — Метрики ВКЛ, которой предшествовал «круглый стол» в Гродно [1; 3]. В работе этих международных научных форумов приняли активное участие и члены нашей комиссии, в частности, А. И. Груша, В. Л. Носевич, Ю. В. Нестерович. «Археографический сегмент» присутствовал также и в организованных и проведенных с участием Археографической комиссии научных, научно-практических конференциях, семинарах, «круглых столах» (назовем среди важнейших посвященные 150-летию со дня рождения А. П. Сапунова (2001), 100-летию Н. Н. Улащика (2006), 100-летию открытия Витебской ученой архивной комиссии (2009) и др.). Оправдала себя и практика проведения в отделе археографии БелНИИДАД «круглых столов» с обсуждением на них актуальных вопросов в области археографии (о терминосистемах, методологии и методике публикации исторических документов в Республике Беларусь, включая польскоязычные и др.) [7, с. 261—263; 13, с. 234—256]. Все это, конечно же, имеет позитивное значение, но реалии жизни выдвигают перед

[3] Приветствуя участников конференции, председатель Археографической комиссии РАН академик С. О. Шмидт отметил, что сама организация ее является показателем «и значительных достижений археографов, архивистов, источниковедов Беларуси, и понимания высокой ценности археографического наследия» [6, с. 229].

комиссией новые проблемы, на которые она должна быть готова дать своевременные и квалифицированные ответы.

Автор статьи только что вернулся из Москвы, где как член оргкомитета принимал участие в организованной кафедрой археографии Историко-архивного института РГГУ совместно с РГАСПИ, Археографической комиссией РАН, Архивом РАН и другими научными, культурно-просветительскими и образовательными учреждениями России научной конференции с международным участием: «Археография в XXI веке: люди, идеи, публикации» (проходила 21—24 октября 2014 г.). Она в очередной раз продемонстрировала, что археография, равно как и архивоведение, документоведение, другие научные дисциплины источниковедческого цикла вступает в новую эпоху, для которой по аналогии с «архивной»[4] характерна своя революция — «археографическая» [14, с. 15—16].

Последнюю, как известно, вызвали соответствующие процессы, начавшиеся в исторической науке, архивном деле, издательском деле. Исчезновение ранее существовавших «запретных зон», идейно-политического контроля в историографии не могло не переориентировать археографов на выбор новых объектов публикации. Этому же способствовал начавшийся в архивах процесс рассекречивания многих ранее недоступных документальных собраний. Параллельно с «государственной археографией» формируется и успешно развивается сфера «негосударственной археографии», составляя первой во многом здоровую конкуренцию. Все это — позитивные процессы, характеризующие произошедшие в последние два десятилетия изменения в археографической сфере. Однако не следует забывать и о иного рода процессах, получивших развитие в это же время. К их числу автор прежде всего относит «археографический нигилизм», порождающий бурный рост публикаций ненаучного типа. И здесь Археографическая комиссия призвана сказать свое веское слово, научным авторитетом влияя на формирование актуальных направлений в сфере практической археографии, противодействуя появлению *псевдоархеографических публикаций* (выдел. мною. — *М. Ш.*). Последние отличает отсутствие информации о публикуемых документах (включая ссылки на места их хранения), неточное, а иногда и излишне выборочное воспроизведение фрагментов текстов и т. п.

Возвращаясь к указанной выше археографической конференции, отметим, что сам характер заслушанных на ее пленарном заседании докладов свидетельствует, что российские коллеги-археографы не только чутко улавливают веяния времени, но и оперативно реагируют на них. Приведем лишь названия некоторых из докладов: «Теория поля» как малоизученная проблема современной

[4] Это, появившееся в литературе определение, связано с начавшимися в 1990-е гг. процессами суверенизации архивного дела в бывших союзных республиках, ставших после развала Союза ССР независимыми государствами. Оно подразумевает комплекс преобразований архивной отрасли, включая изменение сложившейся системы управления, правоотношений, отношений собственности. Подр. об этом см. [9].

археографии» (член-кор. РАН С. М. Каштанов); «Необходимое и достаточное в современной российской археографии» (член-кор. РАН В. П. Козлов); «Археография в кругу историко-филологических дисциплин» (директор Архива РАН, канд. истор. наук В. Ю. Афиани); «Археография в электронной среде: к постановке проблемы» (зам. директора ВНИИДАД, канд. истор. наук Ю. Ю. Юмашева); «Археография: символ прогресса или жертва идеологии?» (доц. кафедры археографии ИАИ РГГУ, канд. истор. наук О. А. Шашкова) и др.

Археографическая комиссия, на наш взгляд, должна активизировать свою деятельность в области подготовки и проведения научных и научно-практических мероприятий, продолжить позитивно зарекомендовавшую себя практику организации и проведения «круглых столов» с приглашением к участию в них заинтересованных лиц как из архивных, так и научных, образовательных и иных учреждений. Как возможный вариант можно предложить организацию и регулярное (ежегодное) проведение археографических чтений по определенной тематике (это и юбилеи значимых исторических событий, таких, как приближающееся 70-летие Победы в Великой Отечественной войне, а также юбилеи выдающихся ученых-гуманитариев и т. п.).

Можно назвать эти чтения «довнаровскими», связав их с личностью первого председателя Археографической комиссии Инбелкульта М. В. Довнар-Запольского (1867—1934), и таким образом продолжить уже существующую традицию проведения (с 1997 г., раз в два года на родине ученого, в Речице) таких чтений, начатую по инициативе Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. Последние, седьмые по счету чтения, состоялись в 2010 г. и, насколько известно автору статьи, руководство Гомельского университета, несмотря на предложения речицкой городской администрации, достаточно индифферентно относится к идее их возобновления. В подобной ситуации перенос чтений в Минск и переориентирование их тематики на археографически-источниковедческие аспекты было бы целесообразным. Разумеется, они не должны быть такими представительными, как это имело место в Речице, но с обязательной публикацией в БАШ информационных сообщений, а также заслушанных на них докладов.

Отметим еще одно, представляющееся нам чрезвычайно важным, направление деятельности Археографической комиссии, которое лежит в русле активизации ее сотрудничества с коллегами из НАН Беларуси, образовательных учреждений, представителями так называемой «негосударственной археографии». Если с первыми (имея в виду отдел источниковедения и археографии Института истории и отдел изданий и текстологии Института языка и литературы им. Якуба Коласа и Янки Купалы НАН Беларуси) у комиссии существуют неплохие деловые контакты (о них уже шла речь выше), то с остальными они оставляют желать лучшего. Это тем более досадно, учитывая, что ряд членов комиссии, в том числе и из состава ее руководства, являются представителями ведущего учреждения образования в республике, готовящего в числе прочих и кадры археографов.

В последние годы вузы Беларуси активно вовлекаются в археографическую деятельность, справедливо рассматривая ее результаты в качестве действенного средства как научного, так и дидактического характера. Появились десятки сборников документов об истории конкретных вузов Беларуси, документальных хрестоматий по отечественной и зарубежной истории, специальным историческим дисциплинам, а также правоведению, филологии и др. К сожалению, не все из них подготовлены на должном археографическом уровне, что в свою очередь не может не приводить к прямо противоположным по сравнению с ожидаемыми результатам.

Разумеется, комиссия в силу своего ведомственного характера не может влиять на деятельность учреждений, находящихся вне государственной архивной системы, а тем более, на представителей так называемой «негосударственной археографии». Однако она своим научным авторитетом может (и должна!) влиять на уровень археографической продукции, независимо от того, кем она готовится.

Мы упомянули о «негосударственной археографии», относя к ней занимающиеся археографической деятельностью редакции региональных историко-краеведческих альманахов, частные и кооперативные издательства и др., не финансируемые из госбюджета структуры. В последнее время она получает все более широкое развитие, что, на наш взгляд, не может не свидетельствовать о становлении и развитии в республике гражданского общества[5]. И задачей комиссии является уделять большее внимание сотрудничеству с представителями «негосударственной археографии». Кстати говоря, мы уже и сегодня пытаемся это делать через участие в подготовке выходящих как в Беларуси, так и за ее пределами различных изданий, таких, как «Скарыніч», биобиблиографический альманах «Асоба і час», «Беларускі гістарычны агляд», книги издательств «Беларускі кнігазбор», ««Лімарыус», «Пейто», «Янушкевич» и др. Мы расчитываем и надеемся на действенное участие в археографической работе в республике краеведов, которые, как известно, могут быть и архивистами, и учеными-историками, и книгоиздателями. Их печатные органы в виде «Краязнаўчай газеты», «Берасцейскага хранографа», «Віцебскіх сшыткаў», «Гарадзенскага палімпсеста», «Лідскага летапісца», «Малога Палесся», «Магілёўскай даўніны» и др. представляют собой реальную археографическую площадку, которая может способствовать приращению археографической базы в республике.

И в завершение статьи отметим, что в конце концов не так важна, на наш взгляд, форма организации археографической работы, как осознание ее зна-

[5] Негосударственную археографияю, на наш взгляд, можно сравнить с широко развернувшимся в 1920-е гг. в России, Украине, Беларуси краеведческим движением, которое, по словам С. О. Шмидта, было «выражением демократической самодеятельности, восходящей еще к дореволюционным научно-просветительским традициям» [15, с. 65].

чимости теми, кто ею занимается (или собирается заняться). Можно, как это уже неоднократно бывало в прошлом, блестящим образом организовать церемониал проведения заседаний Археографической комиссии, образцово вести ее делопроизводство (последнее, кстати, важно!) и проч., а в итоге не иметь на выходе ничего в плане конкретной археографической продукции. Так давайте же совместными усилиями продолжим начатое нашими предшественниками реальное археографическое дело с тем, чтобы нашим потомкам не пришлось, как это делаем мы, возрождать прерванную в очередной раз археографическую традицию.

Источники и литература

1. Актуальныя пытанні вывучэння і выдання Метрыкі Вялікага княства Літоўскага: Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (Мінск, 11—12 лістапада 2003 г.). — Мінск: Ін-т гісторыі НАНБ, 2005.
2. Вестник РГГУ. — 2008. — № 8. — Серия «История» (Документоведение, архивоведение).
3. Вялікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991—2003 гг. = Grand Duchy of Lithuania: history of research, 1991—2003: Матэрыялы міжнароднага «круглага стала» «Гісторыя вывучэння Вялікага княства Літоўскага ў 1991—2003 гг.», Гродна (16—18 мая 2003 г.) / рэдкал.: С. Б. Каўн (адказ. рэд.). — Мінск: Медисонт, 2006.
4. Деятельность Археографической комиссии в 2011 году // Археографический ежегодник за 2011 год. — М., 2014.
5. Каштанов, С. М. Жизнь и деятельность академика С. О. Шмидта. Краткий очерк. Осень патриарха или «мудрость чудака»? / С. М. Каштанов // Вспомогательные и специальные науки истории в XX — начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка. Материалы XXVI Международной научной конференции, Москва, 14—15 апреля 2014 г. — М.: РГГУ, 2014. — С. 5—11.
6. Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. — Вып. 1. — Мінск, 2002.
7. Несцяровіч, Ю. У. Інфармацыя пра пасяджэнне «круглага стала» па праблемах публікацыі гістарычных крыніц у Рэспубліцы Беларусь [июнь 2002 г.] / Ю. У. Несцяровіч // БАШ. — Вып. 3. — Мінск, 2002. — С. 261—263.
8. Палажэнне аб Археаграфічнай камісіі Дзяржаўнага камітэта па архівах і справаводству Рэспублікі Беларусь // Архівы і справаводства. — 2000. — № 2.
9. Пихоя, Р. Г. «Архивная революция»: двадцать лет спустя. Часть 1. Архивы для России. 1990—1991 / Р. Г. Пихоя // АЕ за 2007—2008 гг. — М., 2012. — С. 3—34; Часть 2 // Архивы в России. 1992—1993 // АЕ за 2009—2010 гг. — М., 2013. — С. 3—24; Часть 3 // АЕ за 2011 год. — М., 2014. — С. 4—22.
10. Проблемы публикации документов по истории России XX века: Материалы Всероссийской научно-практической конференции научных и архивных работников. — М.: РОССПЭН, 2001.
11. Создана Археографическая комиссия Госкомархива Республики Беларусь // Архивы и делопроизводство. — 2000. — № 1.
12. Старков, В. А. Украинская археография начала XXI века / В. А. Старков // Вспомогательные и специальные науки истории в XX — начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка: Материалы XXVI Международной научной конференции, Москва, 14—15 апреля 2014 г. — С. 355—358.

13. Стенограмма заседания «круглого стола» по теме «Актуальные проблемы методологии и методики публикации исторических документов в Республике Беларусь», состоявшегося в БелНИИДАД 15 декабря 2010 г. [с приложением текстов докладов] // БАШ. — Мінск, 2011. — Вып. 12.
14. Степанский, А. Д. Археографическая революция / А. Д. Степанский // Архивный фонд Российской Федерации: феномен, мифы и реальность. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции, Москва, 23—24 мая 2001 г. — М.: РГГУ, ИАИ, 2001.
15. Шмидт, С. О. Краеведение и документальные памятники / С. О. Шмидт. — Тверь, 1992.
16. Шумейко, М. Ф. В поисках исторической истины / М. Ф. Шумейко // Архивы и делопроизводство. — 1999. — № 2. — С. 53—60; Он же. З гісторыі беларускай археаграфіі // Там же. — № 5. — С. 39—43; Он же. Деятельность Археографической комиссии Белкомархива в 2000—2001 гг. и перспективы ее развития // БАШ. — Мінск, 2002. — Вып. 3. — С. 3—14; Он же. Возобновление археографической традиции (К 10-летию создания Археографической комиссии в системе Государственной архивной службы Беларуси // Археографический ежегодник за 2009—2010 гг. — М., 2013. — С. 214—227.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 01.12.2014

ДА 75-ГОДДЗЯ АРГАНІЗАЦЫІ АРХІЎНАЙ СПРАВЫ Ў ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ

М. Ш. Федоров,
доцент исторического факультета БГУ;
e-mail: istoch_bsu@bsu.by

К 75-ЛЕТИЮ ОРГАНИЗАЦИИ АРХИВНОГО ДЕЛА В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ

Три четверти века тому назад, 11 февраля 1940 г., Совет Народных Комиссаров БССР принял постановление «Об организации архивного дела в Барановичской, Пинской, Вилейской, Брестской и Белостокской областях БССР», законодательно оформившее создание органов управления архивным делом и сети государственных архивных учреждений в Западной Беларуси [1]. Постановление обязывало Наркомат внутренних дел республики, в подчинение которого осенью 1938 г. были переданы Центральное архивное управление и государственные архивы всех уровней, создать при управлениях НКВД западных областей для руководства архивным делом архивные отделения и государственные архивы в административных центрах этих областей. Существовавший в Гродно архив подлежал реорганизации в филиал находившегося тогда в Могилеве Центрального исторического архива БССР.

Принятие данного постановления, на наш взгляд, следует рассматривать как логическое завершение начатых 17 сентября 1939 г. мероприятий общественно-политического характера, которые привели к воссоединению западных регионов Беларуси в едином белорусском советском государстве.

С другой стороны, это решение правительства Беларуси нельзя рассматривать вне контекста принятых накануне важнейших документов общесоюзного, республиканского и местного уровней. Мы имеем в виду не только Декларацию Народного собрания Западной Беларуси о вхождении Западной Беларуси в состав БССР от 29 октября 1939 г., но и ставший полной неожиданностью для партийно-государственного руководства Белорусской ССР Договор о передаче Литовской Республике г. Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой, подписанный 10 октября 1939 г. [2], принятое в конце октября этого же года в нарушение условий вышеуказанного договора решение Временного управления г. Вильно и Виленским краем о вывозе в Минск части Виленского исторического архива и, наконец, постановление СНК БССР «Об охране в западных областях БССР памятников революции, искусства и старины и сохранении архивов» от 22 декабря 1939 г. [3].

С учетом того, что история интеграции западнобелорусских архивов в состав Государственного архивного фонда БССР стала предметом исследования ряда белорусских, польских и российских исследователей [4], далее основное внимание сосредоточим на тех аспектах, которые не попали в их поле зрения.

Прежде всего, отметим присущий постановлению ярко выраженный охранительный характер, что, на наш взгляд, выглядит вполне логичным в условиях, имевших место после 17 сентября 1939 г., когда происходило уничтожение, вывоз за пределы Беларуси всевозможными научными и псевдонаучными экспедициями памятников истории и культуры, включая и документальные. Наиболее известным в их ряду стал вывоз из Пинска в Москву (в Центральный антирелигиозный музей) книжного собрания объемом около 30 тыс. экземпляров и архива, принадлежавших библиотеке местной католической семинарии [5]*. Значительный ущерб архивам, отложившимся в процессе деятельности на территории Западной Беларуси учреждений польской администрации и не представлявшим оперативного интереса, был также нанесен красноармейцами, нередко употреблявшими архивные дела в качестве отопительного материала.

С учетом такого рода негативных фактов 5—8 пункты постановления, специально подлежавшие доведению до всеобщего сведения через печать, содержали достаточно жесткие установки, призванные прекратить либо свести к минимуму подобные действия в отношении архивов. Так, после определения в 5-м пункте состава архивных документов и материалов, подлежавших включению в Государственный архивный фонд, в трех последующих шла речь о запрещении учреждениям, организациям, должностным и частным лицам уничтожать какие бы то ни было архивные материалы. Руководители учреждений, предприятий, должностные лица обязывались сообщать архивным органам о наличии имеющихся у них либо брошенных или скрываемых материалов, принимать меры по обеспечению их сохранности до момента передачи на хранение в государственные архивы. Лица, виновные в уничтожении, сокрытии или несдаче архивных материалов в государственные архивы, подлежали привлечению к судебной ответственности. Отметим, что это было весьма своевременное решение, сыгравшее важную роль в сохранении архивного наследия западных регионов Беларуси.

К сожалению, отсутствие в фонде Совнаркома республики протоколов заседания правительства, включая и тот, на котором было принято рассматриваемое здесь постановление, с материалами к ним (они были утрачены в годы войны; по косвенным данным известно, что эти документы были вывезены в г. Чкалов и по состоянию на ноябрь 1942 г. хранились там в составе эвакуированного Центрального государственного архива Красной Армии) [6], равно как

* На сегодняшний день в Музее белорусского Полесья (г. Пинск) находится лишь несколько случайно сохранившихся экземпляров книг из этой библиотеки, на что указывают соответствующие штампы. Попытки общественной организации — Фонда братьев Луцкевичей — накануне визита первого российского Президента Б. Н. Ельцина в Беларусь (1995 г.) решить вопрос о возвращении в республику библиотеки не увенчались успехом. Как оказалось, ее собрания оказались рассеянными среди разных библиотечных и музейных учреждений.

и делопроизводственных документов республиканского органа управления архивным делом за предвоенный период не дают возможности в полном объеме составить представление о том, как шел процесс подготовки проекта правительственного решения, кто был привлечен к этой работе и т. п. В силу этого приходится обращаться к документам послевоенного периода с тем, чтобы через них попытаться восстановить процессы, происходившие в западных областях Беларуси в межвоенный период. Не менее ценным источником представляются непострадавшие, в отличие от белорусских, аналогичные документы общесоюзного органа управления архивным делом, по которым можно также проследить за реализацией республиканского правительственного постановления об архивном деле в Западной Беларуси. В дальнейшем мы будем обращаться и к ним.

Возвращаясь к предыстории принятия правительственного постановления об организации архивного дела в Западной Беларуси, отметим, что ему предшествовало носившее более широкий и вместе с тем общий характер решение Совнаркома республики, направленное на обеспечение сохранности здесь не только архивов, но и «памятников революции, искусства и старины». Оно было вызвано принявшими широкий размах фактами уничтожения, расхищения, вывоза с территории Западной Беларуси предметов искусства и старины, включая и архивные документы и материалы. В подписанном 22 декабря 1939 г. Совнаркомом БССР специальном постановлении «Об охране в западных областях БССР памятников революции, искусства и старины и сохранении архивов» на местные органы власти возлагалась охрана этих памятников и архивов. Без ведома и разрешения правительства запрещалось какое бы то ни было уничтожение архивов, а также их вывоз за пределы Беларуси. Отдельным пунктом постановления Центральному архивному управлению совместно с Академией наук республики давалось поручение «паслаць у студзені 1940 г. спецыяльныя экспедыцыі ў заходнія вобласці БССР для выяўлення архіваў, наладжвання іх аховы і канцэнтрацыі архіваў у адным або некалькіх пэўных месцах»*.

* К сожалению, и по прошествии более чем двух десятилетий ситуация с архивами, особенно конфессиональными и личного происхождения, в западных областях Беларуси также оставляла желать лучшего. Об этом свидетельствовал почти такими же, что и в вышеуказанном правительственном постановлении 1939 г., словами известный белорусский историк Н. Н. Улащик, писавший 16 января 1966 г. руководителю Архивного управления при Совете Министров БССР А. И. Азарову: «В последнее время несколько писем получил о том, что в Западной Белоруссии уничтожаются документы, писанные белорусской скорописью (значит, не позже XVI в.). Докшицкий РК КПБ забрал (не знаю, из какого костела) только документы, писанные по-русски, т. е. самые поздние, остальное пошло в печь или гниет, раскиданное в костеле по полу. То же в Воложине. Вообще, в Западную Белоруссию необходимо отправить знающих работников, которые должны осмотреть костелы, церкви и бывшие имения, следует также выявить наличие документов и старопечатных книг у населения. Можно не сомневаться, что собрать можно много» (НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 73. — Д. 264. — Л. 46; опубл.: На абароне спадчыны народа: беларускі крыніцазнаўца і археограф М. М. Улашчык // Беларуская мінуўшчына. — 1993. — № 3—4. — С. 35—36).

Однако, как свидетельствуют документы, это постановление в части охраны в западных областях архивных, музейных и библиотечных собраний не всегда исполнялось на местах. На это указывает специальное циркулярное письмо Председателя Президиума Верховного Совета БССР Н. Я. Наталевича, 5 ноября 1940 г. направленное всем председателям областных и районных исполнительных комитетов, городских Советов, директорам музеев. В нем, в частности, отмечалось, что «в последнее время наблюдаются случаи вывоза различными научными учреждениями и даже отдельными частными лицами важнейших культурно-исторических ценностей, хранящихся в архивах БССР, музеях, быв. дворцах, имениях и т. п., производимого без ведома и разрешения правительства БССР». В подтверждение этого приводились факты вывоза из Пинска в Москву уже упоминавшейся выше библиотеки и собрания рукописей, принадлежавших местной католической семинарии, передачи в Москву хранившегося в Слонимском краеведческом музее подлинного письма А. С. Пушкина*. «Некоторые музеи, — говорилось в письме, — командируют в БССР своих научных работников исключительно с целью вывоза предметов древности, культуры и искусства» [7].

Наряду с необходимостью решения проблемы предотвращения вывоза с территории Западной Беларуси документальных и книжных памятников требовались также меры по собиранию, упорядочению и обеспечению сохранности архивов учреждений как II Речи Посполитой, так и соответствующих фондов Российской империи губернского и уездного уровней, вывезенных с началом Первой мировой войны из Виленской, Гродненской и Минской губерний на восток, а затем по условиям Рижского мирного договора частично возвращенных советской Россией в место их происхождения. Для реализации этих мер нужны были профессиональные архивисты, обладавшие не только опытом практической архивной работы, но и знаниями в области архивоведения. Поэтому неслучайным сразу же вслед за принятием правительственного решения об организации государственных архивов в Западной

* Как сообщала газета «Звязда», письмо А. С. Пушкина было получено из музея членом музейного совета Наркомпроса БССР, доцентом БГУ В. И. Шевченко для передачи его в Музей мировой литературы им. А. М. Горького (Москва). В свою очередь письмо великого русского поэта было принесено Слонимскому музею в дар его научным сотрудником и фактическим создателем музея, известным коллекционером И. И. Стабровским. В газете также сообщалось, что наряду с этой реликвией Шевченко передавал московскому музею и выявленные в Западной Беларуси два письма поэта Г. Р. Державина и записку с автографом Л. Н. Толстого (см.: Невядомае пісьмо А. С. Пушкіна // Звязда. — 1940. — 19 вер.)

Беларуси стало направление сюда из восточных регионов Беларуси, а также России на руководящие должности специалистов, имевших в большинстве своем историко-архивное образование*.

Так, начальником Архивного отделения УНКВД по Белостокской области стал выпускник МГИАИ 1934 г. Ф. А. Александров, поработавший несколько лет в Центрархиве Башкирской АССР, затем поступивший в 1936 г. в аспирантуру при этом же институте и закончивший ее в 1939 г. Архивное отделение в Бресте возглавил выпускник МГИАИ 1937 г. И. С. Никишин, судьба которого сложилась трагически: по информации зам. начальника Отдела госархивов НКВД БССР П. П. Старовойтова от 14 марта 1942 г. он был повешен в первый же день войны «контрреволюционными элементами» [8]. Во главе Вилейского архивного отделения встал выпускник МГИАИ 1936 г. В. П. Андреев. Директором Гродненского филиала ЦГИА БССР 6 августа 1940 г. был назначен только что закончивший Историко-архивный институт уроженец м. Ляды Дубровенского р-на Витебской обл. Л. И. Чванов. Проработавший менее года в этой должности, Чванов, по его словам, «при наступлении немцев … дошел до Минска и был оккупирован немцами. Жил при самых страшных лишениях и только Красная Армия освободила в 1944 г., 26 июня» [9]. Находясь в действующей армии, Л. И. Чванов пытался вернуться к архивной работе, обращаясь за поддержкой к знавшему его В. И. Пичете и ссылаясь при этом на согласие возглавившего летом 1944 г. Архивный отдел НКВД БССР своего однокашника А. И. Азарова принять его на работу в архив. Однако должность директора (начальника) Гродненского филиала ЦГИА БССР в марте 1945 г. заняла окончившая МГИАИ годом позже Л. И. Чванова недавняя белорусская партизанка В. С. Давыдова.

Под руководством этих и других опытных архивистов в весьма непростых условиях решались вопросы упорядочения архивов, нередко представлявших собой печальное зрелище; одновременно, насколько это было возможным, готовились к передаче в ставшую уже советской Литву принадлежавшие ей архивные фонды. О последнем, в частности, свидетельствует буквально за две недели до начала войны поступившее в адрес руководства АО НКВД БССР письмо архивистов Литвы, в котором они, ссылаясь на информацию В. П. Андреева о том, что в Вилейском областном архиве хранятся фонды учреждений,

* Направление в Западную Беларусь специалистов-архивистов было начато с конца 1939 г. и продолжалось едва ли не до июня 1941 г. Так, 17 октября 1940 г. зам. начальника ГАУ НКВД СССР Чибряков сообщал своему белорусскому коллеге в Минске: «В Пинск на днях послали одного работника, окончившего Историко-архивный институт» (НАРБ. — Ф. 249. — Оп. 1. — Д. 1354. — Л. 21). И тем не менее, проблема с кадрами продолжала оставаться актуальной, на что указывалось в отчете АО НКВД БССР за I кв. 1941 г., направленном в ГАУ НКВД СССР: «Крупным недостатком является то, что в архивах, можно сказать, нет подготовленных работников, которые хотя бы немного разбирались в вопросах архивной работы» (НАРБ. — Ф. 249. — Оп. 1. — Д. 1359. — Л. 13).

действовавших в Вильне (окружного и офицерского судов, воеводства, учебного округа и др.), требовали передать их в Вильнюс [10]. Сведения о наличии в Госархиве Вилейской области этих фондов содержались в составленном вр. и. о. начальника АО УНКВД по Вилейской области В. П. Андреевым перечне архивных материалов Госархива Вилейской области [11].

Наряду с кадровой не менее острой являлась проблема с помещениями для архивов и их обустройством. Вновь назначенные руководители архивных органов и учреждений западных областей вынуждены были по всем вопросам, даже самым мелким, обращаться в Минск, поскольку местные органы власти, ссылаясь на отсутствие в областных бюджетах соответствующих статей, отказывали архивам в поддержке. Подобные запросы поступали из Бреста, где архив размещался в жилом доме по ул. Белостокской, 42, занимая в нем около 400 кв. м (в остальных 11 комнатах дома проживали горожане) [12]; такая же ситуация была в Пинске, где директор областного архива Кучеров вынужден был обращаться к первому секретарю ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко, чтобы тот посодействовал выселению из занимаемого архивом помещения небезопасного в пожарном отношении соседа—областного управления кинематографии [13].

30 декабря 1940 г. в докладной записке в ГАУ НКВД СССР начальник АО НКВД БССР И. А. Переплетчиков отмечал, что основной причиной, тормозящей процесс концентрации архивных материалов в госархивах Западной Беларуси, является недостаточная их обеспеченность помещениями, необорудованность имевшихся. «В связи с таким положением, — писал он в другой записке, в феврале 1941 г. направленной в тот же адрес, — создалась реальная угроза гибели архивных материалов, находящихся в районах» [14].

По инициативе Ф. А. Александрова 15 февраля 1941 г. исполком Белостокской области рассмотрел вопрос «О состоянии архивного дела в Белостокской области» [15]. В принятом постановлении обращалось внимание на то, что «многие руководители советских и хозяйственных организаций, предприятий и учреждений не уяснили себе политического значения архива и относятся с пренебрежением к хранящемуся у них архивному материалу, допуская расхищение, уничтожение и порчу его». Отмечалась крайне медленная разработка архивного материала областного архива, приводившая к тому, что «наиболее важные фонды (архивы воеводства, дефензивы, суда, прокуратуры, тюрем и т. д.) не выделены из общего архива»; неприспособленность помещения, в котором он находился (отсутствие рабочей комнаты и т. д.).

С целью улучшения архивного дела в области исполком утвердил штат архивного отделения в составе 5 человек, обязал все районные и городские исполкомы Советов депутатов трудящихся организовать районные (городские) архивные отделы с одной штатной единицей, а в Ломже и Гродно — с двумя, обеспечив их соответствующими помещениями. Областному архиву передавалось здание бывшей кирхи, представлявшей на то время 4-квартир-

ный жилой дом. На его ремонт и соответствующее оборудование исполком просил правительство республики выделить 150 тыс. руб.

25 апреля 1941 г. архивное отделение по Барановичской области (начальник Козлов) провело производственное совещание заведующих районными архивами области, на котором присутствовал зам. начальника АО НКВД БССР П. П. Старовойтов. Почти все его участники отмечали неудовлетворительное состояние с обеспечением архивов помещениями, недостаточную помощь архивистам со стороны руководства исполкомов и отделов НКВД, что приводило к многочисленным фактам гибели архивных собраний на местах. Выступавший первым заведующий Новогрудским архивом Макась говорил, что в районе и особенно в городе имеется огромное количество архивных материалов, исчисляемых сотнями тонн, ибо здесь находились учреждения воеводского уровня. Архивы размещались в четырех зданиях, полностью занимая 16 комнат. Огромный фонд бывшего окружного суда вместе с фондом окружного прокурора размещались в здании, в котором располагалась воинская часть, вследствие чего, отмечал Макась, «обеспечить этот материал сохранностью очень трудно, так как командование отвечать за него не хочет, части часто меняются и сколько раз ни опечатывал его, всегда печати находил сорванными и спрашивать не с кого, ибо там заходили все красноармейцы и что хотели, то и делали; одна воинская часть пыталась его сжечь, но мы успели предостеречь» [16]. Подобная ситуация имела место и в других районных архивах западных областей.

И, тем не менее, благодаря активным действиям архивистов западных областей Беларуси, к началу войны в них было сконцентрировано более трети состава Единого государственного архивного фонда республики. Правда, и год спустя после принятия правительственного решения о создании архивов в западных областях находившиеся в них дела в значительной своей части оставались неразобранными и несистематизированными. Так, в отчете за 1940 г. руководство Филиала ЦГИА БССР в г. Гродно отмечало, что из 900 тыс. хранившихся в нем дел только 200 тыс. заинвентаризировано; 320 тыс. систематизированы, но не заинвентаризированы, а 320 тыс. вообще не разобраны [17].

Если по Госархиву Белостокской области на конец 1940 г. был предоставлен список фондов с указанием их объемов в единицах хранения, то в составленном тогда же директором Пинского архива аналогичном списке, включавшем 14 позиций, объем фондов приводился в тоннах; перечень же архивных материалов по Госархиву Вилейской области вообще не давал представления о его объеме. Две последние позиции из списка в количестве 24 наименований носили достаточно неопределенный характер: 23. Материалы Петлюры (переписка и фотографии); 24. Церковные материалы [18]. Подобный же список из 39 позиций был предоставлен 20 марта 1941 г. и по Госархиву Барановичской области [19].

Вместе с тем, обратившись к делопроизводственным документам, составленным вскоре после освобождения Беларуси летом 1944 г., находим в них количественные данные о понесенных белорусскими архивами за годы войны потерях, исчисляемые от количества хранившихся в архивах Западной Беларуси накануне 22 июня 1941 г. дел. Так вот, по Госархиву Барановичской области их числилось около 350 тыс.; по Белостокскому — около 600 тыс.; по Брестскому — около 450 тыс.; по Вилейскому — 130 тыс.; по Пинскому — 250 тыс. [20].

Значительное количество дел учреждений польской администрации по Виленскому и Новогрудскому воеводствам хранилось в Виленском архиве, большая часть которого в конце октября 1939 г. по решению Временного управления г. Вильны и Виленского края была вывезена в Минск*. Работа по их систематизации с целью последующего распределения по государственным архивам Беларуси, Литвы и России в соответствии с принятыми в сентябре 1940 г. и январе 1941 г. решениями Совнаркома Союза ССР не была завершена из-за начавшейся войны**. На это, в частности, указывают некоторые документы делопроизводственного характера, составленные за полгода до начала войны. Так, отвечая на поступивший 17 октября 1940 г. запрос зам. начальника ГАУ НКВД СССР Чибрякова о предполагаемых сроках завершения разбора по фондам хранившегося в Академии наук бывшего Виленского архива, уже переданного в систему НКВД, И. А. Переплетчиков, ссылаясь на мнение заведующего получившего с перемещением из Вильны в Минск статус Исторического архива АН БССР К. А. Бангайтиса, полагал, что работа «затянется месяцев на десять» [21].

Как известно, заняв Минск, немцы выбросили хранившийся в недостроенном здании Президиума Академии наук архив, нарушив проведенную в нем хотя бы и несовершенную систематизацию. Очевидцы тех событий свидетельствовали, что среди валявшихся на территории академического двора и даже на площадке клинического городка встречалось «много … дел полицейских органов Польши за время 1920—25 гг. (о выдаче паспортов, о полити-

* Подр. об этом см.: Шумейко, М. Ф. История архивного дела в Беларуси в документах российских архивов // Архивы и делопроизводство. — 2010. — № 4. — С. 110—121.

** Об этом шла речь в докладной записке президента АН БССР академика К. В. Горева, 28 ноября 1940 г. направленной на имя секретаря ЦК КП(б)Б В. Н. Малина. Отмечая наличие в Виленском архиве большого количества неупорядоченных дел польской администрации по Виленскому и Новогрудскому воеводствам, представлявших, по мнению автора записки, больший интерес для органов НКВД, нежели Академии наук, Горев предлагал выделить их из состава архива и передать АО НКВД БССР, еще не зная о том, что в конце сентября 1940 г. Совнаркомом Союза ССР было принято решение о передаче всего Виленского архива в ведение НКВД с последующим распределением его фондов между Минском, Вильнюсом и Москвой (НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 21. — Д. 1646. — Л. 17).

ческой благонадежности отдельных граждан). Встречались папки с делами о польском восстании 1863 г. Наконец, валялось огромное количество фотокарточек (из дел польской полиции)» [22]. Судьба этого архива оказалась более чем трагической: мало того, что значительная его часть пострадала во время перемещения в Минск осенью 1939 г. и последующего ненадлежащего хранения в неприспособленном цокольном помещении, также с оккупацией Минска архив подвергся существенному разграблению нацистами.

Другим крупнейшим историческим архивом на территории Западной Беларуси наряду с Виленским являлся Гродненский (Archiwum Panstwowy w Grodnie), включенный в 1921 г. в сеть архивных учреждений II Речи Посполитой. Основу его составляли неэвакуированные в годы Первой мировой войны архивы канцелярии губернатора, губернского правления, губернского по крестьянским делам присутствия, губернской казенной палаты, Гродненского окружного суда, нотариального архива и других учреждений [23]. В начале 1926 г. сюда по указанию польского архивного руководства были переведены из архива г. Сувалок документы учреждений бывших Сувалкской и Августовской губерний, возвращенные в 1925 г. из России по условиям Рижского мирного договора [24]. В 1930 г. по требованию польских властей в Гродненский архив из Москвы и Ленинграда были переданы еще 250 ящиков с документами и материалами. Это были фонды уездных по воинской повинности присутствий, городских управ, земских начальников, уездных предводителей дворянства, уездных съездов земских начальников, землеустроительных комиссий, волостных правлений, судебных следователей, мещанских управ, почтово-телеграфных контор и др., общим объемом около 25—30 тыс. дел [25].

В конце 1940 г. было подготовлено к отправке из Москвы в Гродно свыше полутора десятков фондов гродненских контрольной палаты, казенной палаты, акцизного управления, отделений Государственного и Крестьянского поземельного банков и других финансового характера документов, объемом свыше 36 тыс. дел за 1802—1914 гг. Они хранились в Центральном государственном особом архиве (Москва, Большая Серпуховская, 15). Информация ГАУ НКВД СССР об этом была направлена 23 декабря 1940 г. И. А. Переплетчикову и в копии — начальнику Особого архива Н. Сергееву. Получив ее, руководство Архивного отдела НКВД БССР запросило начальника Особого архива конкретизировать объем дел по каждому фонду и уточнить, имеются ли на них описи. В ответном письме Н. Сергеев информировал, что намечаются к отправке в Гродно два вагона в количестве около 50 тыс. дел. Он сообщал также, что все архивные материалы, подлежавшие отправке, разобраны, из них выделена макулатура; на них имеются архивно-инвентарные описи. К 15—20 марта 1941 г., отмечал он, материал будет подготовлен к отправке. Из ответного письма руководства АО НКВД БССР от 23 января 1941 г. неясно, был ли в конце концов отправлен архивный материал в Гродно. Дело в том, что И. А. Переплетчиков сообщал Н. Сергееву, что «Гродненский филиал Центрального исторического архива из-за отсутствия места не может сейчас принять материалы, указанные в вашем отношении» [26].

Начавшаяся война не только приостановила процесс интеграции архивов Западной Беларуси в Единый государственный архивный фонд республики, но и нанесла им колоссальный ущерб (особенно пострадали госархивы Барановичской, Вилейской и Пинской областей), последствия которого продолжают сказываться и сегодня.

Источники и литература

1. Архивное дело в БССР (1918—1968): Сб. законодат. и руковод. док. — Минск, 1972. — С. 87—89.
2. Знешняя палітыка Беларусі: Зборнік дакументаў і матэрыялаў. — Т. 3 (1928 г. — чэрвень 1941 г.). — Мінск, 2001. — С. 177—179.
3. НАРБ. — Ф. 7. — Оп. 1. — Д. 893 б. — Л. 188. Типограф. экз. Опубл. в пер. на пол. яз. в кн.: «Zachodnia Bialorus» 17.IX.1939—22.VI.1941: Wydarzenia i losy ludzkie. Rok 1939. — Warszawa, 1998. — С. 433—434.
4. Великий, А. Ф. О включении польских архивов в архивную службу БССР (1939—1941 гг.) // Архивы и делопроизводство. — 2014. — № 5. — С. 82—89; Он же. Архивы западных областей БССР в 1939—1941 гг. // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск: БелНДІДАС, 2014. — Вып. 15. — С. 75—82; Корнеев, В. Е., Копылова, О. Н. Архивы на службе тоталитарного государства (1918 — начало 1940-х гг.) // Отечественные архивы. — 1992. — № 3. — С. 16—17; Шумейко, М. Ф. Воссоединение Единого государственного архивного фонда БССР (к 75-летию создания государственных архивов в западных областях Беларуси) // Архивы и делопроизводство. — 2015. — № 1. — С. 91—102; Rosowska, E. Losy polskich archiwaliow na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej (1939—1945) // Archeion. — T. CVI. — Warszawa, 2003. — S. 85—117.
5. Известия. — 1940. — 7 сент.
6. Шумейко, М. Ф. Собрать рассеянное. О реституции белорусских архивов в прошлом и настоящем. — Минск, 1997. — С. 121.
7. Госархив Брестской обл. — Ф. 282. — Оп. 1. — Д. 57. — Л. 238; опубл. в журн.: Кантакты і дыялогі. — 2000. — № 3.
8. НАРБ. — Ф. 249. — Оп. 5. — Д. 3. — Л. 2.
9. Архив РАН. — Ф. 1548 (В. И. Пичета). — Оп. 3. — Д. 231. — Л. 1 (Из письма Л. И. Чванова В. И. Пичете 15 февраля 1945 г.).
10. НАРБ. — Ф. 249. — Оп. 4. — Д. 45. — Л. 54—54 об. (Письмо начальника АО НКВД ЛитССР В. Норнова и начальника ЦГА НКВД ЛитССР Ст. Заличковского зам. начальника ГАУ НКВД СССР Чибрякову; в копии — начальнику АО НКВД БССР И. А. Переплетчикову от 9 июня 1941 г.).
11. НАРБ. — Ф. 249. — Оп. 1. — Д. 1359. — Л. 31.
12. Там же. — Д. 1390. — Л. 4 (Из письма начальника АО УНКВД БССР по Брестской обл. И. С. Никишина и директора Госархива Брестской обл. Гальперштейна начальнику АО НКВД БССР И. А. Переплетчикову от 5 марта 1941 г.).
13. Там же. — Ф. 4п. — Оп. 21. — Д. 1646. — Л. 35 (Из письма Кучерова П. Пономаренко от 2 декабря 1940 г.).
14. Там же. — Ф. 249. — Оп. 1. — Д. 1359. — Л. 4.
15. Там же. — Д. 1390. — Л. 6—7.

16. Там же. — Д. 1359. — Л. 20.
17. Там же. — Д. 1365. — Л. 31.
18. Там же. — Д. 1359. — Л. 31.
19. Там же. — Л. 32.
20. Там же. — Ф. 4п. — Оп. 47. — Д. 32. — Л. 63—65 (Из докладной записки зам. наркома внутренних дел БССР С. С. Бельченко секретарю ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко 19 сентября 1944 г.); Ф. 750 (Комиссия по истории Отечественной войны при ЦК КП(б)Б). Оп. 1. — Д. 125. — Л. 37—39 (Из стенограммы беседы сотрудника Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР Б. Л. Лихтер с зам. нач. АО НКВД БССР П. П. Старовойтовым 30 августа 1944 г.).
21. Там же. — Ф. 249. — Оп. 1. — Д. 1354. — Л. 20.
22. Там же. — Оп. 8. — Д. 5. — Л. 42—43 (Из информации библиотечного работника АН БССР Б. Сенько 18 июля 1944 г.).
23. Александров, Ф. А. Гродненский архив // Архивное дело. — 1940. — № 4(56). — С. 60—64.
24. НАРБ. — Ф. 249. — Оп. 5. — Д. 863. — Л. 35—36 (Из неопубликованной статьи директора ЦГИА БССР в г. Гродно А. С. Каткова об истории образования архива, предназначавшейся для «Научно-информационного бюллетеня АУ при СМ БССР», декабрь 1961 г.).
25. Там же. — Д. 1009. — Л. 143 (Из неопубликованной статьи А. С. Каткова «История организации и комплектования документальными материалами ЦГИА БССР в г. Гродно», присланной автором летом 1964 г. в Архивное управление при СМ БССР и предназначавшейся в качестве предисловия к путеводителю по архиву).
26. ГАРФ. — Ф. 5325. — Оп. 10. — Д. 4003. — Л. 11. Правда, А. С. Катков в вышеупоминавшейся статье (см. сн. 25), ссылаясь на отчет Филиала ЦГИА БССР в г. Гродно за 1940 год, утверждал, что в 1940 г. в архив поступило 15 фондов объемом 38 тыс. дел, называя при этом те же фонды, о которых шла речь в переписке между руководством АО НКВД БССР и Особым архивом. При этом он писал: «Архивы, передавшие документы, точно неизвестны, однако, можно предположить, что материалы поступили из *Государственного исторического архива Московской обл.*» [выдел. мною. — *М. Ф.*].

Артыкул паступіў у рэдакцыю 19.06.2015

Т. Ю. Афанасьева,
директор Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно;
e-mail: niab_grodno@tut.by

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ БЕЛАРУСИ В г. ГРОДНО (К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ)

Архивы — это народная память, противостоящая уничтожающей силе времени. Несомненно, это относится и к Национальному историческому архиву Беларуси в г. Гродно, который 11 февраля отметил свое 75-летие.

С образованием Гродненской губернии в 1801 г. и учреждением губернского правления в 1802 г. был создан и его архив. На протяжении XIX в. архив располагался в нескольких помещениях зданий города. В 80-х гг. XIX в. в пристройке здания так называемой «б. почтовой конторы», построенной во II половине XVIII в. и расположенной на Дворцовой площади, 4 (ныне пл. Тизенгауза, 2) была расположена часть архива губернского правления (пристройка в 1987 г. была снесена). И только в 1900 г. это здание было полностью отдано под архив губернского правления.

Архив губернского правления принимал только «законченные» дела из учреждений губернии. Кроме того, ему были переданы актовые книги многочисленных местных судов Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой за XVI—XVIII вв. 2 апреля 1852 г. Николай I подписал указ «Об учреждении в Киеве, Витебске и Вильно центральных архивов для актовых книг Западных губерний». Из архива были изъяты и переданы в Виленский центральный архив древние актовые книги по 1799 г. включительно, «важные в археографическом отношении и составленные единственные в своем роде материалы для отечественной истории и для дворянских родов».

При разборе архивов уездных учреждений Гродненской губернии путем продажи их на вес уничтожались дела, имеющие историческое значение. Таким образом, было уничтожено большое количество дел по истории восстаний 1830—1831 гг. и 1863—1864 гг. В 1865 г. губернским правлением были учреждены комиссии по разбору старых архивных дел, подлежащих уничтожению в учреждениях, подведомственных МВД. Ими было отмечено, что «при уничтожении архивных дел, подлежит вообще соблюдать крайнюю осмотрительность, дабы не подвергнуть уничтожению такие дела, в которых впоследствии может встретиться надобность, если не для текущих дел, то при составлении исторических, статистических и др. ученых сведений».

Территория Беларуси слишком часто становилась ареной военных действий, следствием чего являлось или прямое уничтожение документальных материалов (как, например, в 1812 и 1915 гг.), или их вывоз в сопредельные страны (в порядке эвакуации на Восток или в качестве трофеев — на Запад). Перед оккупацией Гродно французскими войсками архив губернского правления был вывезен в Москву, Тамбов и другие города России. Вернулась только часть архива (часть дел сгорела во время пожара в Москве). В Первую мировую вой-

ну архив вновь понес значительный ущерб. Часть дел эвакуировали в глубь России; многие из них осели в российских архивах. Хотя еще до 1914 г. значительная часть его ценнейших материалов передавалась для пополнения научных собраний Вильно и Петербурга. В период оккупации Гродно немецкими войсками часть архива была вывезена в Кенигсберг (ныне Калининград).

В период нахождения Западной Беларуси в составе Польши, в этом же здании в Гродно размещался Государственный архив (Archiwum Państwowe w Grodnie), который был образован в декабре 1921 г. из неэвакуированных во время Первой мировой войны архивов учреждений бывшей Гродненской губернии. Летом 1922 г. к нему присоединили архив в Новогрудке, а в 1925 г. — архив в Сувалках. Директором архива была Янина Козловска-Студницка, жена Вацлава-Гизберта Студницкого, сотрудника Виленского архива.

В 1928 г. польское правительство возбудило ходатайство перед правительством Советского Союза о передаче Государственному архиву в Гродно документальных материалов учреждений Гродненской губернии, эвакуированных во время войны в центральные районы России. Советское правительство удовлетворило это ходатайство и в феврале 1930 г. в Гродно поступили из Москвы 204 ящика документальных материалов, а в июле месяце того же года — 46 ящиков из Ленинграда. В 1935 г. из Виленского государственного архива поступили материалы за I половину XIX в. Фонд архива увеличился до 750 тыс. ед. хр.

После присоединения Западной Белоруссии к БССР на базе архива в октябре 1939 г. было положено начало организации, а 11 февраля 1940 г. постановлением № 182 СНК БССР Гродненский архив был реорганизован в исторический архив (филиал Центрального государственного исторического архива БССР). В 1960 г. преобразован в ЦГИА БССР в г. Гродно, в мае 1993 г. — в Белорусский государственный исторический архив, в феврале 1995 г. — в Национальный исторический архив в г. Гродно, в сентябре 1996 г. — в Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. В 2001 г. архив получил название «Государственное учреждение «Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно».

С первых дней образования архива его состав стал пополняться новыми документальными материалами. Так, в ноябре 1939 г. в его состав были включены материалы, образовавшиеся в процессе деятельности учреждений бывшей буржуазной Польши за 1919—1939 гг. В 1940 г. в архив поступили документальные материалы за 1802—1914 гг. (предположительно из Государственного архива Московской области). Таким образом, к концу 1940 г. в архиве было сконцентрировано 935 тыс. ед. хр. за 1802—1939 гг.

После нападения Германии на Советский Союз деятельность архива была прекращена. Документальные материалы вывезти в глубь страны не удалось. Фашистские оккупанты варварски обращались с документальными ценностями, они были выброшены из здания архива. Некоторое время

документы находились на Советской площади города, а потом были свалены в камеры и во двор тюрьмы. В январе 1944 г. 40 тыс. ед. хр. за 1919—1939 гг. были вывезены в Данциг (ныне Гданьск). После освобождения Гродно в июле 1944 г. было установлено, что в здании тюрьмы сохранилось 728 тыс. ед. хр. документальных материалов.

С образованием в сентябре 1944 г. Гродненской области и Государственного архива Гродненской области, последнему были переданы из архива все документальные материалы за 1919—1939 гг.

Начиная с 1946 г. архив получал десятки тысяч документальных материалов по своему профилю за XVI — начало XX в. из ЦГИА СССР в г. Москве, ЦГА Литовской ССР, ЦГИА БССР в г. Могилеве, областных государственных архивов РСФСР и БССР. В 1954 г. архив по договоренности с Управлением культуры Гродненской области произвел обследование Слонимского краеведческого и Волковысского военно-исторического музеев. Было обнаружено большое количество документальной россыпи, не относящейся к профилю музеев и находившейся без всякого надзора на складах. Россыпь в количестве 335 кг была получена архивом. Эта россыпь включала документальные материалы личного происхождения помещиков Гродненской губернии Быховцев и Слизней с 1528 по 1939 г. В 1961 г. сотрудниками архива были обнаружены в подвале Гродненского бригидского костела документальные материалы за XVI—XIX вв., отложившиеся в процессе деятельности костела и монастыря и около 200 экземпляров книг церковного содержания. Все они долгое время находились в сыром подвале, в результате чего подверглись сильному разрушению. В этом же году поступили метрические книги религиозных учреждений из архива ЗАГС Брестской области. Начиная с 2004 г. архив ежегодно получает метрические книги из архива ЗАГС Гродненской области и отделов ЗАГС райисполкомов. В 2010 г. были получены метрические книги религиозных учреждений Брестской области из НИАБ в г. Минске, а в этом году получаем оставшиеся на хранении книги из архивов ЗАГС Гродненской и Брестской областей, отделов ЗАГС райисполкомов.

В процессе приведения документальных материалов в порядок архив проводил работу по выявлению непрофильных фондов и выделению в макулатуру документов, не представляющих научной и практической ценности. В результате этой работы были выявлены и переданы в ЦГИА Литовской ССР документальные материалы учреждений Сувалкской и Августовской губерний; в ЦГА Литовской ССР, ЦГВИА СССР, ЦГАДА СССР — документальные материалы за 1569—1923 гг.; в Польскую Народную Республику — документальные материалы учреждений Ломжинской, Люблинской, Калишской и Седлецкой губерний. В 1964 г. документы гродских и земских судов, магистратов, ратуш, подкоморских, комиссарских, эксдивизорских судов и других учреждений XVI—XVIII вв. были переданы в НИАБ в г. Минске.

На сегодняшний день в архиве сконцентрированы документальные материалы губернских, уездных и волостных органов власти и управления, хозяйственно-экономических, финансовых, жандармских, судебных, культурно-просветительных и других учреждений Гродненской губернии и часть документов Вилейского, Дисненского, Лидского, Ошмянского уездов Виленской губернии. На 1 января 2015 г. в архиве хранится 1310 фондов, включающих 415 239 ед. хр. за XVI — первую половину XX в. В этом подлинном «резервуаре человеческой памяти» на полках лежит, дожидаясь своего исследователя, не только уникальная, но зачастую и попросту бесценная информация о многосторонней жизни наших далеких и ближайших предков. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно является научно-методическим и научно-исследовательским центром по работе с документами Национального архивного фонда Республики Беларусь, осуществляет прием и постоянное хранение, научную разработку и использование документов.

Хранителями документальных материалов являются сотрудники отдела обеспечения сохранности документов и фондов, а больницей для воскрешения этих ценнейших документов является лаборатория обеспечения сохранности и микрофильмирования документов. Созданием и усовершенствованием научно-справочного аппарата занимается отдел учета документов, информационно-поисковых систем и автоматизированных архивных технологий. Использование архивных документов осуществляет отдел информации, публикации и использования документов.

Указом Президента Республики Беларусь от 14 января 2008 г. № 20 в Государственную инвестиционную программу включен объект «Реконструкция здания с приспособлением под Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно».

На протяжении 2008—2014 гг. архив подготавливал архивные документы, научно-справочный аппарат и научно-справочную библиотеку к перевозке в новое здание. День переезда в новое здание, который казался таким далеким, все-таки наступил. Сотрудники покидали старое здание, в котором архив находился более 100 лет. Для многих эти стены стали поистине родными. Наряду с сотрудниками архива, неутомимо работавшими все эти летние месяцы, огромную помощь в погрузочных работах и обеспечении транспортом оказали военнослужащие 74-го отдельного полка связи. Коллектив сообща преодолел немало трудностей и без доброго человеческого отношения друг к другу, взаимопомощи и поддержки переезд, наверное, был бы совсем другим. Переезд длился с 10 июня по 19 августа 2014 г.

30 октября 2014 г. состоялось торжественное открытие нового здания архива, а уже 3 ноября начал работать читальный зал. Прием граждан, исполнение биографических запросов от граждан и учреждений не прекращался ни на один день. Сейчас архив осваивает новую технику — высокопроизводительный сканер, дезинфекционную камеру и оборудование для переплета дел.

Долгожданное новое здание накладывает определенные обязательства на всех работников архива, требует увеличения объемов различных видов архивных работ. А четкий ритм и качество работы всегда были присущи нашему архиву. Мы благодарны всем архивистам, которые в разные годы работали в Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно. В наши дни коллектив приумножает достижения предыдущих поколений архивистов.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 28.04.2015

А. Г. Карапузова,
директор Государственного архива Брестской области;
e-mail: oblgosarhiv@brest.by

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЯ, РАЗВИТИЕ, КАДРЫ (1940—2015 гг.)

Государственный архив Брестской области — ведущее архивное учреждение Брестской области и крупнейшее хранилище документальных материалов по истории Брестчины с 1919 года.

На 01.01.2015 в госархиве числится 2091 фонд, 1 094 201 ед. хр. Источниками комплектования архива являются 383 организации, расположенные на территории г. Бреста, Брестского, Жабинковского, Каменецкого и Малоритского районов Брестской области.

На постоянном хранении в архиве находятся документы учреждений и организаций, которые действовали на территории Брестской области в период нахождения ее в составе Польши (1919—1939 гг.); документы советских учреждений, организаций, предприятий области за 1939—1941, 1944—1991 гг.; документы периода немецкой оккупации (1941—1944 гг.); документы учреждений бывших компартии и комсомола Беларуси, а также документы периода суверенной Республики Беларусь (с 1991 года).

В 2015 г. Брестский областной архив отмечает 75-летний юбилей. Сделаем небольшой экскурс в историю архива и проследим основные этапы в его становлении и развитии.

Государственный архив Брестской области отсчитывает свою историю с 11 февраля 1940 г. — даты принятия постановления СНК БССР «Об организации архивного дела в Барановичской, Пинской, Вилейской, Брестской и Белостокской областях БССР» [2, л. 39—40], которым были созданы архивные отделы при управлениях НКВД западных областей для руководства архивным делом и областные архивы «для концентрации, учета, хранения, приведения в порядок и научной разработки архивных материалов».

На первых этапах своей деятельности перед архивом стояла задача собрать и сохранить документальные материалы, отложившиеся в деятельности учреждений, организаций и предприятий, действовавших на территории Брестчины в период нахождения ее в составе Польши.

В августе 1940 г., т. е. спустя полгода после создания архива, для его размещения было выделено здание по ул. Белостокской, 42 в г. Бресте (ныне ул. Советских пограничников, 34) [2, л. 62].

С этого времени архив начинает полноценно функционировать: проводятся работы по учету, фондированию, научно-технической обработке сконцентрированных в архиве документов, их использованию для наведения справок, прежде всего в оперативной работе органов НКВД.

В 1941 г. штат архива состоял из 18 работников (директор, старший научный сотрудник, 5 переводчиков, старший архивно-технический работ-

ник, 3 архивно-технических работника, инспектор, бухгалтер, секретарь-машинист, дворник-истопник, уборщица, 2 вахтера) [8, л. 1]. Однако фактически работало 15 человек, из них 10 мужчин, большинство работников было в возрасте до 30 лет, с высшим образованием работников не было, со средним (неполным средним) — 10 человек, с начальным — 4 [5, л. 43—44].

По данным паспорта архива на 1 января 1941 г. на хранении находилось 125 фондов в объеме 765 983 ед. хр. [10, л. 1]. Однако эта цифра определялась приблизительно, т. к. большая часть документов находилась в неупорядоченном состоянии, отсутствовал учетно-справочный аппарат. В послевоенных документах имеются сведения, что к июню 1941 г. в архиве было сосредоточено около 500 000 дел [11, л. 1].

Деятельность архива была прервана с началом Великой Отечественной войны. Документальные материалы, хранящиеся в архиве, не были эвакуированы и в годы немецко-фашистской оккупации оставались на месте. За период оккупации архиву нанесен значительный ущерб: было уничтожено и вывезено около 50 000 ед. хр., часть документального материала была свалена в сырые подвалы и на чердак, где большое количество дел было испорчено и повреждено. Около 50% документов оказалось в листовой россыпи, был уничтожен почти весь научно-справочный аппарат к документам, а также стеллажное оборудование и часть мебели [11, л. 1—2].

После освобождения г. Бреста от немецко-фашистских захватчиков работа архива возобновилась, создавались приемлемые условия для хранения документов, организовывалась просушка документов, формирование дел из россыпи, распределение их по фондам, описание, подшивка и т. д.

По мере освобождения территории Брестской области следом за частями Красной Армии продвигалась и оперативная группа сотрудников архивного отдела для сбора документальных материалов немецкого командования и органов гражданской администрации. В результате фонды архива пополнились документами Брестской городской управы, Брест-Литовского окружного комиссариата, районных управ и др. [6, л. 23].

Кроме того, в 1944 г. в архив поступила незначительная часть чудом сохранившихся документов советских учреждений за 1939—1941 гг.

По состоянию на сентябрь 1944 г. структура архива выглядела следующим образом: 1. Руководство (начальник архива, заместитель начальника), 2. Отдел общих фондов (начальник отдела — старший научный сотрудник, научный сотрудник, старший архивариус, архивариус), 3. Отдел секретных фондов (начальник отдела — старший научный сотрудник, научный сотрудник, архивариус), 4. Отдел научно-справочной литературы (начальник отдела — научный сотрудник, архивариус), 5. Читальный зал (начальник читального зала — научный сотрудник), 6. Административно-обслуживающий персонал (заведующий хозяйством, старший бухгалтер, секретарь-машинистка, 3 вахтера, 2 уборщицы, дворник) [9, л. 1—1 об.].

По штатному расписанию архива числилась 21 единица, хотя фактически работало только 15 человек, т. к. из-за отсутствия подходящих кадров некоторые должности оставались вакантными, в т. ч. должность начальника архива [9, л. 7; 3, л. 9].

На 01.01.1945 в архиве насчитывалось 139 фондов в объеме 787 983 ед. хр. (из них упорядочено 1500 дел), протяженность стеллажных полок составляла 220 м погонных. В 1944 г. было выдано 3 справки, читальный зал посетили 2 человека [10, л. 1—2].

В первые послевоенные годы архив столкнулся с рядом проблем: отсутствовало стеллажное оборудование, зданию и помещениям архива требовался ремонт, рабочие помещения недостаточно отапливались; медленно шла работа по фондированию, научно-технической обработке документальных материалов, т. к. большинство сотрудников не владело польским языком. Проблемой также было неукомплектованность штата архива квалифицированными кадрами.

Со второй половины 1940-х гг. архивные документы стали использоваться в научных и практических целях, в читальном зале архива начали работать исследователи.

В 1948 г. для проведения экспертизы научной ценности хранящихся в архиве документальных материалов была создана экспертная комиссия [12, л. 1]. Текущие рабочие вопросы периодически обсуждались на совместных производственных и методических совещаниях архивного отдела и архива, проводились общие собрания коллектива.

В связи с ликвидацией Пинской и Барановичской областей в январе 1954 г. их областные архивы были преобразованы: Пинский — в филиал госархива Брестской области, Барановичский — в Барановичский городской архив.

К 1959 г. все хранящиеся в архиве документальные материалы были приведены в порядок. В паспорте архива на 01.01.1959 значится 755 фондов, 323 864 ед. хр., протяженность стеллажных полок — 2731 м погонных. Штатная и списочная численность составляла 23 работника [13, л. 1—2].

Таким образом, понадобилось почти 15 лет после окончания войны, чтобы упорядочить, описать, учесть все документальные материалы, оборудовать архивохранилища необходимым количеством стеллажей.

В 1959 г. в целях создания страхового фонда наиболее ценных документальных материалов была оборудована микрофотолаборатория и приобретена установка для микрофотокопирования «УДМ-2» [7, л. 8].

Об объемах выполняемых работ в эти годы говорят данные отчетов. Так, в 1959 г. были выполнены следующие работы: проведен ремонт в 4 комнатах архивохранилищ с установкой 6 новых стеллажей, закартонировано 33 421 ед. хр., подшито 1789 дел, проведена проверка наличия в объеме 47 865 дел, отреставрировано 11 435 листов, из архивохранилищ работникам архива и в читальный зал выдано 12 013 дел, принято на постоянное хранение

3382 дела; проводилась тематическая разработка документов, с этой целью полистно просмотрено 5700 ед. хр., составлено 2659 карточек, для облегчения справочной работы составлено 5055 алфавитных карточек; по архивным документам подготовлено 3 статьи, 2 выставки, читались лекции и доклады; исполнено 3 тематических запроса, наведено справок на 14 757 лиц, из них с положительным результатом 3170, в читальном зале работало 20 исследователей, которым выдано 290 дел, и др. [7, л. 2—13].

В 1960 г. архивы из системы МВД перешли в подчинение правительству, начался новый этап в развитии архивной службы и архива.

С 1960-х гг. архив стал планомерно комплектоваться документами учреждений, организаций и предприятий, которые были определены как источники комплектования.

В 1963 г. постановлением Совета Министров БССР «О мерах по улучшению архивного дела в БССР» была определена новая сеть госархивов республики, в результате были созданы филиалы госархива Брестской области в г. Барановичи и г. Кобрине на базе упраздненных городского и районных архивов [1, с. 115—121]. Филиал архива в г. Пинске был укрупнен за счет районных госархивов. За каждым архивом была закреплена зона обслуживания, в частности за госархивом Брестской области — г. Брест, Брестский и Каменецкий районы. А с 1966 г. в связи с образованием новых районов в республике в зону обслуживания архива дополнительно вошли Жабинковский и Малоритский районы [1, с. 131—132].

В 1966 г. для размещения документов архиву было предоставлено здание бывшей церкви по ул. Советской, 10 в г. Бресте, где после капитального ремонта и реконструкции были оборудованы архивохранилища. В результате общая протяженность стеллажей архива увеличилась более чем в два раза и стала составлять 6939 м погонных.

В 1966 г. значительно увеличился объем хранящихся в архиве документов в связи с перемещением документальных материалов периода 1919—1939 гг. из филиала архива в г. Пинске и документов довоенного советского периода из филиала в г. Кобрине (общим объемом 230 871 ед. хр.) [4, л. 70—71; 14, л. 3, 5, 6]. В результате чего почти на 70% увеличился объем хранящихся в архиве документов и на 01.01.1967 стал составлять 558 652 ед. хр., объединенных в 1474 фонда [16, л. 1].

В 1967 г. за достигнутые успехи в работе Государственный архив Брестской области награжден Почетной грамотой Главного архивного управления при Совете Министров СССР.

В 1967 г. штат архива состоял из 27 человек. Структура архива выглядела следующим образом: 1. Директор архива — заместитель заведующего архивным отделом, 2. Отдел ведомственных архивов, комплектования и экспертизы (3 чел.), 3. Отдел фондов, учета и научно-справочного аппарата (7 чел.), 4. Отдел использования и публикации (5 чел.), 5. Лаборатория по реставрации и микро-

фотокопированию (3 чел.), 6. Административно-обслуживающий персонал (8 чел.) [15, л. 26—27]. Кроме того, при госархиве работала хозрасчетная группа по научно-технической обработке документов в составе 4 чел.

Такая организационная структура архива просуществовала до конца 1979 г. В последующем она видоизменилась и состояла из следующих подразделений: 1) отдел ведомственных архивов, комплектования и экспертизы ценности документов; 2) отдел обеспечения сохранности документов и фондов; 3) отдел информационно-поисковых систем; 4) отдел информации, публикации и научного использования документов; 5) лаборатория обеспечения сохранности документов, микрофильмирования; 6) группа эксплуатации и обслуживания зданий. В архиве работало 33 человека, из них 4 — в хозрасчетном отделе.

В апреле 1984 г. для рассмотрения важнейших проблем деятельности архива создана дирекция в составе директора архива, заведующих отделами, секретаря парторганизации, председателя профкома, секретаря комсомольской организации [17, л. 5].

В 1990 г. здание Свято-Николаевской церкви, в котором почти 25 лет размещались хранилища архива, решением Брестского облисполкома передано Брестскому горисполкому для последующего возвращения церкви [18, л. 4а]. Для размещения хранившихся там документов архиву были предоставлены в аренду подвальные помещения в Ленинском райисполкоме г. Бреста по ул. Ленина, 13 (ныне администрация Ленинского района г. Бреста), которые архив арендует до настоящего времени.

С распадом СССР начался новый этап в истории архива. В январе 1992 г. архиву был передан массив документов бывшего партархива Брестского обкома КПБ, а также документы текущего делопроизводства обкома, горкомов и райкомов КПБ объемом почти 330 тыс. дел [19]. Архив также принял здание по ул. Энгельса, 8, которое стало его основным зданием, а здание по ул. Советских пограничников, 34 было задействовано как архивохранилище.

В 1996 г. филиалы архива в гг. Барановичи, Кобрин и Пинск стали самостоятельными госархивами.

В мае 2001 г. Государственный архив Брестской области был переименован в научно-методическое учреждение «Государственный архив Брестской области».

В связи с недостатком стеллажных площадей решением Брестского облисполкома в 2004 г. архиву было выделено здание по ул. В. Хоружей, 15, в котором в 2005—2010 гг. проводилась реконструкция и перепрофилирование под архив. Это здание, ранее принадлежавшее Брестскому областному управлению местной промышленности, было построено в 1978 г. и имело промышленное назначение. Проектом была предусмотрена полная перепланировка помещений здания, утепление наружных стен, замена окон, кровли, монтаж систем отопления, канализации, электрической части, внутренний ремонт помещений и др.

В результате архив получил здание общей площадью 4245 м^2 (в том числе архивохранилища — почти 1700 м^2), оснащенное современными системами вентиляции и кондиционирования воздуха, охранной и пожарной сигнализации, газового пожаротушения, а также видеонаблюдения.

31 декабря 2010 г. новое здание архива по ул. В. Хоружей, 15 введено в эксплуатацию. С июля 2011 г. оно стало основным зданием архива и его юридическим адресом.

Но этому предшествовало еще одно знаменательное событие — переезд архива и перемещение архивных документов в новое здание. Это было самое масштабное перемещение документов и имущества за всю историю архива. На протяжении марта-июля 2011 г. из зданий по ул. Энгельса, 8 и Советских пограничников, 34 было перемещено более 850 тыс. ед. хр. (около 36 тыс. архивных коробок), более 20 тыс. книг и брошюр научно-справочной библиотеки, около 1200 каталожных и картотечных ящиков, перевезена мебель и другое имущество архива. Переезд осуществлялся силами коллектива архива с помощью студентов исторического факультета Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина.

11 августа 2011 г. состоялось торжественное открытие нового здания.

В здании архива по ул. Энгельса, 8, оставшимся за архивом, с октября 2012 г. начался капитальный ремонт с модернизацией. Здание по ул. Советских пограничников, 34 архив освободил и передал другому владельцу.

С мая 2012 г. архив стал именоваться как учреждение «Государственный архив Брестской области».

На сегодняшний день штатная численность архива составляет 57 единиц, из них 34 руководителя и специалиста по основной деятельности, 23 — административно-управленческий и обслуживающий персонал.

На 01.01.2015 в госархиве числится 2091 фонд, 1 094 201 дело, из них советского и постсоветского периодов — 1754 фондов, 642 689 дел (в т. ч. партийный комплекс — 961 фонд, 327 240 дел), польского периода — 337 фондов, 451 512 дел. Протяженность стеллажных полок составляет свыше 14 тыс. погонных метров. В научно-справочной библиотеке насчитывается около 21 тыс. книг и брошюр.

Выполнением возложенных на архив задач занимаются 5 отделов: 1) отдел обеспечения сохранности документов и фондов, специальной работы; 2) отдел информационно-поисковых систем; 3) отдел делопроизводства и формирования Национального архивного фонда; 4) отдел использования и публикации документов; 5) отдел материально-технического снабжения, обслуживания и эксплуатации зданий.

Для решения производственных вопросов в архиве функционирует дирекция. Периодически проводятся общие собрания коллектива. Из числа наиболее квалифицированных и опытных специалистов в архиве действует экспертно-методическая комиссия.

Архив на протяжении своей 75-летней истории успешно выполняет стоящие перед ним задачи по сохранению документального наследия Брестчины: обеспечивает физическую сохранность документов, комплектуется новыми документами, создает к ним научно-справочный аппарат, использует документы во всесторонних целях.

Только за последние 5 лет (2010—2014 гг.) подвергнуто реставрации 40 846 листов, ремонту — 139 166 листов, подшито и переплетено 7789 дел; принято на постоянное хранение в архив 30 769 дел от организаций и граждан; упорядочено 44 761 дело постоянного хранения; подвергнуто усовершенствованию и переработке архивных описей в объеме 12 220 дел, с целью каталогизации изучено 2376 ед. хр., в результате составлено 11 220 тематических карточек; исполнено 372 тематических запроса, 31 085 запросов социально-правового, биографического, генеалогического характера, на личном приеме принято 19 547 посетителей. В указанный период по документам архива подготовлено 13 выставок, 17 радиопередач, 35 статей, организовано 17 экскурсий по архиву, принято участие в 11 телепередачах; в читальном зале обслужено 613 исследователей, зарегистрировано 5640 посещений. Для служебных целей работникам архива из архивохранилищ было выдано 113 790 дел, для исследователей, работающих в читальном зале архива, — 32 887 дел.

Архив активно принимает участие в публикационной работе. На протяжении всей деятельности архива его документы публиковались в различных межархивных сборниках документов.

В 2009 г. впервые в истории архива был подготовлен и издан самостоятельный сборник архивных документов «Брест в 1919—1939 гг.: документы и материалы», в котором опубликовано 187 документов, посвященных истории г. Бреста в период между двумя мировыми войнами.

В 2012 г. вышел в свет второй сборник архивных документов «Брест в 1939—1941 гг. Документы и материалы», в котором опубликовано 142 документа по истории г. Бреста с сентября 1939 г. по июнь 1941 г.

В 2010 г. издан справочник «Государственный архив Брестской области. Путеводитель по фондам 1919—1939».

Архив широко занимается выставочной деятельностью. Ежегодно готовятся выставки архивных документов, посвященные различным событиям и юбилейным датам в истории страны и региона. Кроме того, архив принимает участие в совместных выставочных проектах (с библиотечными, музейными, учебными учреждениями).

Широкий резонанс общественности вызвала подготовленная архивом в 2012 г. выставка «Архивные лики истории», в экспозиции которой были представлены нетрадиционные архивные документы из разных архивных фондов различных исторических периодов: карты, планы, объявления, афиши, плакаты, фотографии, паспорта, домовые книги, карточки, письма, телеграммы, нотные и печатные издания и другие материалы.

В последние годы набирает популярность новая форма организации выставок — виртуальные выставки архивных документов, размещаемые в сети Интернет. Впервые такая выставка была подготовлена архивом в 2012 г. по мотивам выставки «Архивные лики истории» и размещена на сайте главного управления юстиции Брестского облисполкома.

В декабре 2014 г. к 75-летию со дня образования Брестской области архивом подготовлена виртуальная выставка «История Брестской области в архивных документах», размещенная на сайте Брестского облисполкома.

Говоря о развитии архива, нельзя не сказать о его сотрудниках. Ведь успешное функционирование и развитие любого учреждения, как известно, зависит во многом от кадрового потенциала — работающих там людей.

За 75 лет в архиве сменилось не одно поколение сотрудников, внесших свой вклад в его становление и развитие. Как правило, это были люди, любящие свою профессию, архив.

Сегодня в архиве трудится коллектив, сочетающий опыт и молодость. Наряду с архивными «аксакалами», проработавшими 20—40 лет, успешно работает молодежь.

За 75-летнюю историю архива его возглавляло 11 руководителей (до 1960 г. — начальников, после — директоров): Гальперштейн Год Аронович (1941), Лапутько Михаил Степанович (1945—1947), Павловская Нина Филипповна (1947—1949), Смолин Василий Алексеевич (1949—1952), Степанова Евгения Яковлевна (1952—1957), Пономарев Гавриил Васильевич (1957—1974), Лазарев Матвей Егорович (1975—1976), Либеровская Тамара Дмитриевна (1976—1977), Зайцев Макар Иванович (1977—1981), Теребунь Анна Васильевна (1981—2006), Карапузова Анна Геннадьевна (с 2006 г.).

Примечательно, что два руководителя архива занимали этот пост 43 года, т. е. более половины всего срока существования архива.

Пономарев Гавриил Васильевич был директором почти 18 лет. Именно при нем был решен вопрос с квалифицированными архивными кадрами — молодежь, приходящая работать в архив, направлялась на обучение в Московский историко-архивный институт, что позволило в будущем сформировать костяк опытных специалистов-архивистов.

Теребунь Анна Васильевна (1948—2007) являлась директором архива с января 1981 г. по май 2006 г. Она посвятила свою жизнь архивному делу, проработав в архиве 36 лет, из них 25 — находясь на посту директора. Она внесла огромный вклад в развитие архивного дела, обладала высоким профессионализмом, была талантливым организатором и умелым руководителем. Активно занималась научно-публикационной деятельностью. Награждена нагрудным знаком «Ганаровы архівіст Беларусі» (2004).

Среди руководителей и специалистов архива также было немало достойных архивистов, преданно служивших однажды избранной профессии, проработавших в архиве 20—30, а то и более лет: Либеровская Тамара Дмитри-

евна (работала в 1947—1979 гг.), Кухта Янина Петровна (1952—1985), Норов Глеб Михайлович (1965—1987), Понарина Нина Афанасьевна (1969—1998), Юрчик Ольга Никифоровна (1962—2006), Кунцевич Галина Ивановна (1974—2009), Шляхтич Ирина Ивановна (1975—2008), Дацкевич Людмила Васильевна (1987—2008) и др.

Более 40 лет отдали архивной службе и продолжают трудиться в архиве Романович Лидия Григорьевна, Орлова Татьяна Петровна, Перегуд Наталья Владимировна, Кузина Галина Николаевна.

Таким образом, за свою 75-летнюю историю архив прошел сложный путь, пережил немало событий, развивался, прирастал архивными фондами, менял прописку… За это время количество фондов выросло в 15 раз, протяженность стеллажных полок увеличилась в 65 раз. Менялась структурная организация архива, росла штатная численность, но неизменной оставалась главная задача архива — сохранять и пополнять документальное наследие Брестчины, использовать его во благо людей и государства.

Хранящиеся в архиве документы востребованы со стороны граждан, организаций, исследователей. Ежегодно в архив поступают тысячи запросов от граждан и юридических лиц, в читальном зале работают историки, журналисты, краеведы, студенты.

Следует отдать дань уважения и благодарности всем поколениям сотрудников Государственного архива Брестской области, внесшим весомый вклад в развитие архива и архивного дела области, а нынешним архивистам необходимо помнить достижения предшественников и приумножать их.

Литература и источники

1. Архивное дело в БССР (1918—1968): Сборник законодательных и руководящих документов / Сост. Е. Ф. Шорохов; под ред. А. И. Азарова. — Минск: Издательство «Полымя», 1972. — 142 с.
2. Государственный архив Брестской области. — Ф. 733. — Оп. 1. — Д. 1.
3. Там же. — Д. 9.
4. Там же. — Д. 666.
5. Там же. — Оп. 2. — Д. 3.
6. Там же. — Оп. 3. — Д. 6.
7. Там же. — Д. 107.
8. Там же. — Ф. 805. — Оп. 1. — Д. 4.
9. Там же. — Д. 5.
10. Там же. — Д. 7.
11. Там же. — Д. 13.
12. Там же. — Д. 25.
13. Там же. — Д. 112.
14. Там же. — Д. 234.
15. Там же. — Д. 244.
16. Там же. — Д. 252.
17. Там же. — Д. 571.
18. Там же. — Д. 723.

19. Там же. — Д. 775.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 12.06.2015

О. И. Шершень,
заведующий отделом обеспечения сохранности, учета,
научно-справочного аппарата, использования и публикации документов
Зонального государственного архива в г. Барановичи;
e-mail: arhivbrn@brest.by

ЮБИЛЕЙ БАРАНОВИЧСКОГО АРХИВА

В 1939—1940 гг. в связи с установлением Советской власти в западных областях БССР начали свою деятельность и архивные органы, была создана сеть государственных и ведомственных архивов, которые не только собирали подлинные документы и обеспечивали их сохранность, но и осуществляли информационное обслуживание всех отраслей народного хозяйства, науки и культуры. 11 февраля 1940 г. было принято постановление Совета Народных Комиссаров БССР «Об организации архивного дела в Барановичской, Пинской, Вилейской, Брестской и Белостокской областях БССР», согласно которому в указанных областях были созданы областные архивы для концентрации, учета, хранения, приведения в порядок и научной разработки архивных материалов [1].

Деятельность архивных учреждений на территории области была прервана вторжением немецко-фашистских захватчиков в июне 1941 г. С освобождением территории Барановичской области в июле 1944 г. принимались срочные меры по восстановлению архивных учреждений области, возобновлению их деятельности, по спасению и приведению в порядок документов, по улучшению условий их хранения, определению размеров и учету ущерба, причиненного архивам в годы войны. Из отчетов Барановичского областного архива за 1944 г. следует, что уже в первые месяцы после восстановления архива было составлено более 30 актов по учету ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками Барановичской области. К 1945 г. удалось упорядочить 64 фонда в количестве 12 043 дел [2]. Документы доставлялись из районных госархивов, которых на территории области было 15. Большинство из них (Столбцовский, Любчанский, Ивенецкий, Мирский, Кореличский, Городищенский, Козловщинский, Дятловский, Бытенский) оказались полностью разрушенными, документы сожжены немцами. Для них подбирались здания, назначались заведующие. В остальных райгосархивах сохранились документы преимущественно периода немецко-фашистской оккупации, исключение составил лишь Новогрудский райгосархив, где документы хранились большей частью польские. К примеру, в Ляховичском райгосархиве хранились документы районной управы, волости; в Несвижском — немецкого лесхоза, биржи труда, паспортного стола; в Клецком — немецкого банка, земельного отдела районной городской управы [3]. В самом областном архиве документы относились к периоду 1928—1944 гг. Это были документы окружных судов, городских, районных управ, частной гимназии, комендатур полиции. По данным отчетов архива за 1944—1945 гг. «…здание госархива находилось по ул. Мицкевича, штат на начало 1945 г. составлял 20 человек, укомплектован был в количестве 14 человек. Помещением являлась бывшая немецкая кухня, состоявшая из трех малых комнат. В помещении стеллажей нет, разобранный материал находится на полу. Материалов в архиве имеется около 4-х тонн» [4].

В первые годы после возобновления деятельности основной задачей архива был сбор документальных материалов, которые объединялись в фонды. К 1954 г. объем документов составил 50 000 ед. хр., которые объединились в 633 фонда. Госархив уже размещался в двух зданиях по той же улице Мицкевича. «В 1953 г. было дополнительно установлено стеллажное оборудование, произведены ремонт и покраска крыши основного здания, отремонтированы дровяной склад и гараж. Полуподвальное помещение отремонтировано и приспособлено под архивохранилище. В нерабочее время архив охраняется вахтерской охраной, хранилища и рабочие комнаты запираются и опечатываются. Штатная численность — 14 человек» [5]. Вот что представлял собой Госархив Барановичской области перед его реорганизацией.

В связи с упразднением Барановичской области в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 января 1954 г. на базе областного архива был организован Государственный архив Барановичского горисполкома, куда принимались документы от упраздненных организаций бывшей Барановичской области и действующих организаций г. Барановичи, а также от райгосархивов. Размещался он по той же ул. Мицкевича и еще частично в трех комнатах в помещении бывшего облисполкома. В первые годы своей деятельности архив провел большую работу по передаче фондов и отдельных документов организаций, ранее действовавших на территории западных областей БССР и районов, отошедших к другим областям при упразднении Барановичской области. Были переданы документы в госархивы Гродненской, Пинской, Бобруйской, Минской, Полоцкой, Брестской, Молодечненской, Брянской областей и г. Москвы. В связи с этим хронологические рамки хранящихся в архиве документов сузились. По данным отчета Барановичского городского архива за 1963 г. объем хранящихся документов составил 52 285 ед. хр. за 1939—1941, 1944—1959 гг. [6].

В дальнейшем с целью укрепления архивов 11 ноября 1963 г. было принято постановление Совета Министров БССР «О мерах по улучшению архивного дела в БССР», поскольку еще имелись недостатки в комплектовании, хранении и использовании архивных документов [7]. Согласно этому постановлению Барановичский городской архив был упразднен, функции его переданы организованному на его базе филиалу Госархива Брестской области (по Указу Президента Республики Беларусь от 20 сентября 1996 г. филиал был переименован в зональный государственный архив). Первоначально в зону обслуживания филиала входила территория г. Барановичи, Барановичского и Ляховичского районов. Вскоре после выхода постановления Барановичским и Ляховичским райисполкомами были приняты решения «О мерах по улучшению архивного

дела в районах», по которым руководители организаций были обязаны обеспечивать архивы должной сохранностью и усиливать контроль за их состоянием [8]. Вскоре после образования в 1965 г. Ивацевичского района и в 1966 г. Ганцевичского района их территория также вошла в зону обслуживания Барановичского филиала. Значительно увеличился объем хранящихся документов; на начало 1967 г. он составил 71 182 дела [9].

В 1970 г. для архива было построено новое здание, расположенное по улице Лисина, где до настоящего времени хранится более 200 тыс. архивных документов, охватывающих период 1939—1941, 1944—2013 гг.

Источники и литература

1. Архивное дело в БССР (1918—1968). — Минск, 1972. — С. 87.
2. ЗГА в г. Барановичи. — Ф. 288. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 2.
3. Там же. — Оп. 2. — Д. 5. — Л. 8—10.
4. Там же. — Л. 11.
5. Там же. — Д. 102. — Л. 26.
6. Там же. — Оп. 3. — Д. 72. — Л. 22.
7. Архивное дело в БССР (1918—1968). — Минск, 1972. — С. 115.
8. ЗГА в г. Барановичи. — Ф. 516. — Оп. 1. — Д. 247. — Л. 23; Ф. 807. — Оп. 1. — Д. 280. — Л. 32.
9. Там же. — Ф. 1211. — Оп. 1. — Д. 27. — Л. 4.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 11.03.2015

О. В. Адамович,
заведующий отделом использования и публикации документов и внедрения автоматизированных технологий Зонального государственного архива в г. Молодечно;
e-mail: inout@archmol.by

ПУТЬ ДЛИНОЮ В 75 ЛЕТ (К ЮБИЛЕЮ УЧРЕЖДЕНИЯ «ЗОНАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ В г. МОЛОДЕЧНО»)

В 2015 г. учреждению «Зональный государственный архив в г. Молодечно» исполнилось 75 лет. Это повод вспомнить историю архива, которую своим трудом создавали многие поколения архивистов.

Архив организован на основании постановления Совета Народных Комиссаров БССР от 11 февраля 1940 г. «Об организации архивного дела в Барановичской, Пинской, Вилейской, Брестской и Белостокской областях БССР» как Государственный архив Вилейской области. В 1940 г. штат областного архива насчитывал 10 человек, но фактически в архиве работали 6 человек. Должность начальника архива совмещал с должностью начальника архивного отдела УНКВД по Вилейской области Андреев Василий Петрович.

В архиве концентрировались, главным образом, документы оперативного значения и почти не было материалов исторического характера, причем из имевшихся материалов значительная часть подлежала передаче в другие архивы. В большинстве своем архивные материалы были разбиты по фондам и группам фондов, но не все они были описаны, а 25% находилось в состоянии россыпи. Всего в архиве до Великой Отечественной войны хранилось 130 тыс. дел.

В период Великой Отечественной войны и немецкой оккупации большая часть документов погибла, а часть удалось спасти: они были эвакуированы в г. Саратов. После войны в Вилейский областной госархив из эвакуации вернулись 4625 единиц хранения.

В июле 1944 г. областной архив УНКВД Вилейской области возобновил свою деятельность.

Постановлением Президиума Верховного Совета БССР от 20 сентября 1944 г. Вилейская область была переименована в Молодечненскую, а г. Молодечно стал административно-политическим центром области и района. Государственный архив Вилейской области был переименован в Государственный архив Молодечненской области и переехал в г. Молодечно. В связи с упразднением Молодечненской области 20 января 1960 г. архив был переименован в Филиал Государственного архива Минской области в г. Молодечно (решение Минского облисполкома от 9 февраля 1960 г. № 57) и назывался так до 1996 г., когда стал зональным. Свое настоящее наименование архив получил на основании постановления Совета Министров Республики Беларусь «Об утверждении системы государственных архивных учреждений Республики Беларусь» от 20 марта 2012 г. № 243.

С 1944 по 1963 г. архив почти ежегодно переезжал в различные помещения, которые приспосабливались для хранения документов, но плохо подходили для этой цели. За эти годы сменилось много руководителей архива: некоторые задерживались на месяцы, другие — на несколько лет. Всего, с 1940 по 1964 г., на должности начальника, затем директора архива сменились 15 человек.

В 1963 г. архив разместился в здании бывшей Молодечненской тюрьмы на ул. Ленинской (позже стала называться Привокзальной, затем Революционной, в настоящее время — ул. Либаво-Роменская). В 2009 г. ЗГА переехал в перепрофилированное здание бывшего «Приорбанка» по ул. Великий Гостинец, в котором располагается в настоящее время.

С конца января 1964 г. по июнь 2004 г. бессменным директором архива на протяжении … 40 лет (!) оставался Герасимович Ростислав Федорович. К сожалению, его больше нет с нами, но память о нем жива в сердцах архивистов. За трудовые достижения Ростислав Федорович неоднократно поощрялся вышестоящими органами: награжден Почетной грамотой Верховного Совета БССР (1991), Почетной грамотой Национального собрания Республики Беларусь (2002), нагрудным знаком «Ганаровы архівіст Беларусі», многими Почетными грамотами Главархивов СССР и БССР, архивного отдела Миноблисполкома.

Историю организации создают люди, которые в ней работают. Один из старейших ветеранов архива — Корнилова Надежда Адамовна, ветеран Великой Отечественной войны. Пришла в архив еще в 1944 г., продолжала работать в нем до середины 1980-х гг. Она создавала архивные фонды из россыпи документов, которые поступали в архив.

Среди ветеранов-архивистов — Митюра Валентина Николаевна (проработала в архиве почти 45 лет), которая была направлена в Молодечненский архив после окончания Московского историко-архивного института. Москвичка, она навсегда связала свою судьбу с нашим городом и архивом.

Еще один сотрудник архива, окончивший Московский историко-архивный институт — Колтакова Нелли Васильевна, которая работает в архиве уже более 40 лет.

Также более 40 лет проработали в архиве Козуро Галина Ивановна, Погудо Лия Григорьевна.

Вот уже на протяжении 10 лет директором архива работает Иванова Наталья Владимировна. Общий стаж работы в архиве — 33 года. До того, как стать директором, Наталья Владимировна работала в отделе использования и публикации документов сначала сотрудником, затем — заведующим отдела.

Продолжают работать в архиве наши ветераны — Кириленко Мария Петровна — более 35 лет, приближается к 30-летнему рубежу самый опытный «справочник» Минской области — Кравченко Ирина Ивановна.

Кроме многочисленных грамот и благодарностей, в «активе» архива 4 нагрудных знака «Ганаровы архівіст Беларусі»: у Герасимовича Р. Ф., Колтаковой Н. В., Ивановой Н. В., Кириленко М. П.

К 75-летнему юбилею архива за достижение высоких и стабильных показателей в труде, значительный вклад в реализацию государственной политики в сфере архивного дела в Республике Беларусь коллектив Молодечненского архива награжден Почетными грамотами Министерства юстиции Республики Беларусь и Молодечненского райисполкома.

По состоянию на 01.01.2015 г. в архиве на хранении находятся 1730 фондов, более 266 тыс. дел. Среди них документы польского периода за 1918—1939 гг., более 45 тыс. дел включены в 149 фондов.

Хронологические рамки документов, хранящихся в архиве — 1918—2010 гг.

«Польский период» представлен в архиве документами организаций бывшего польского государства, действовавших на территории Браславского, Вилейского, Дисненского, Дуниловичского, Молодечненского, Ошмянского, Поставского, Свенцянского поветов Виленского воеводства и Воложинского повета Новогрудского воеводства.

Наиболее интересными являются фонды Виленского воеводского управления, Виленского окружного земельного управления, поветовых организаций.

Комплекс документов за 1939—1941 гг. является очень неполным, но он характеризует политику того времени. Наиболее ценным в этом комплексе является фонд Вилейской областной прокуратуры, который содержит наблюдательные производства по делам по обвинению граждан в государственных преступлениях. В этом фонде имеются документы о репрессиях в отношении тысяч жителей Вилейской области.

Послевоенный период представлен в архиве документами бывшей Молодечненской области (1944 — январь 1960 г.) и четырех районов зоны комплектования архива, которые характеризуют развитие экономики, образования, здравоохранения, культуры и др.

В зону обслуживания архива входят Вилейский, Воложинский, Молодечненский и Мядельский районы. Штатная численность архива — 24 человека, из них 16 архивистов (4 имеют высшее историко-архивное образование).

Архив принимает на постоянное хранение документы от 186 организаций своей зоны комплектования; ежегодно архивом исполняется более 1500 справок социально-правового, биографического, тематического характера, из которых более 100 заявлений поступает из стран дальнего зарубежья (Польши, США, Австралии и др.). Также исполняется более 300 запросов, поступивших по электронной почте.

В настоящее время архив занимается комплектованием, обеспечением сохранности документов, их дальнейшим использованием в различных сфе-

рах общества с использованием новых технологий. Первый компьютер появился в архиве в отделе использования и публикации документов еще в начале 1990-х гг. До 2000 г. только один сотрудник архива работал на компьютере. Создание баз данных — такую задачу помогала решать новая техника. Первой стала база данных (работал компьютер в среде DOS) на лиц, репрессированных в 1940-х гг. (по документам Вилейской областной прокуратуры). Всего сотрудниками отдела созданы 15 баз данных по различным вопросам, а также небольшая программа «Календарь».

С 2004 г. существует архивный сайт, который посещают в месяц 1,5—2 тыс. человек. На страничках сайта можно узнать об истории архива, составе и содержании документов и научно-справочном аппарате архива, о знаменательных и памятных датах зоны обслуживания архива на текущий год, о том, как написать заявление в архив и т. д.

Ежегодно в читальном зале архива работают 30—40 посетителей. Среди исследователей не только представители стран СНГ, но и дальнего зарубежья — Польши, Аргентины, Израиля и др. Так, в 2008 г. архив посетила американская кинозвезда Лиза Кудроу, которая обнаружила сведения о своих предках в документах архива.

За 75 лет документы архива публиковались на страницах различных газет, журналов: «Беларуская мінуўшчына», «Спадчына», «Браслаўскія сшыткі», «Куфэрак Віленшчыны»; в Вилейской, Воложинской, Молодечненской, Мядельской районных газетах, «Мінскай праўдзе».

Также документы архива вошли в следующие сборники:

Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР. Документы и материалы. — Т. 1. 1921—1929. — Минск, 1962;

Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии в 1920—1939 гг. / В. Полуян и И. Полуян. — Минск, 1962;

Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР. Документы и материалы. — Т. 2. 1929—1939. — Минск, 1972;

Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии. 1927—1939 гг. / В. Полуян. — Минск, 1978;

Жизнь, отданная народу. Статьи и речи С. О. Притыцкого, документы и воспоминания о нем. — Минск, 1978;

Помилуйте… Документы по репрессиям 1939—1941 гг. в Вилейской области / Адамушко В. И., Иванова Н. В., ГАУ. — 1992;

Крыжовы шлях. Дапаможнік для вывучаючых гісторыю Беларусі. Сшытак першы. — Мінск, 1993;

Палітычныя рэпрэсіі 20—50-ых гадоў на Беларусі / У. Адамушка. — Мінск, 1994;

Litości… / W. Adamuszko, N. Iwanowa. — Warszawa, 1996;

«Памяць». Гісторыка-дакументальная хроніка. Валожынскі раён. — Мінск, 1996;

«Памяць». Гісторыка-дакументальная хроніка Мядзельскага раёна. — Мінск, 1998;

Аграрные преобразования в Вилейской области, 1939—1941 гг. Документы и материалы. — Минск, 2001;

«Памяць». Гісторыка-дакументальная хроніка горада Маладзечна і Маладзечанскага раёна. — Мінск, 2002;

Аграрные преобразования в Молодечненской области, 1944—1953 гг. Документы. — Минск, 2003;

«Памяць». Гісторыка-дакументальная хроніка Вілейскага раёна. — Мінск, 2003 и др.

За 75 лет деятельности архива сменилось не одно поколение архивистов, но у всех нас есть общие качества: преданность своему делу, высокий профессионализм, работа с полной отдачей.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 28.05.2015

М. М. Стефанович,
архивист I категории Зонального государственного архива в г. Пинске;
e-mail: zonarx@brest.by

АРХИВНАЯ СЛУЖБА ГОРОДА ПИНСКА ОТМЕЧАЕТ СВОЕ 75-ЛЕТИЕ

Архивной службе города Пинска исполнилось 75 лет. Ее история началась в феврале 1940 г., когда Совет Народных Комиссаров БССР принял постановление № 182 «Об организации архивного дела в Барановичской, Пинской, Вилейской, Брестской и Белостокской областях». Так, 11 февраля 1940 г. Государственный архив Пинской области начал свою деятельность. Помещение находилось в подвале здания исполкома Пинского областного Совета депутатов трудящихся. Штатная численность сотрудников на 1940 г. составляла 10 человек, на 1941 г. — 8 человек.

Великая Отечественная война прервала все начинания сотрудников архива. В июле 1941 г. архив был забит досками и завален камнями. После освобождения Пинска 14 июля 1944 г. облисполком принял решение № 30 от 3 августа о возобновлении деятельности архива. После освобождения территории республики от немецко-фашистских захватчиков принимались срочные меры по спасению и приведению в порядок документов. Документы оказались в плачевном состоянии, архивистам приходилось неустанно разбирать их, фондировать, собирать из россыпи. До 1954 г. Пинский областной архив занимался, в основном, концентрацией и научно-технической обработкой документов польского периода (1919—1939 гг.) и периода Великой Отечественной войны.

В связи с упразднением Пинской области Государственный архив Пинской области был реорганизован 15 февраля 1954 г. в Филиал государственного архива Брестской области в г. Пинске. Чувствовалась нехватка площадей и недостаточность материально-технической базы.

Ситуация резко изменилась в 1986 г., когда архивная служба г. Пинска обрела постоянную прописку в трехэтажном здании на 200 000 ед. хр. После переезда на современных передвижных стеллажах удобно разместились архивные дела, а у сотрудников появились просторные кабинеты. Несведущему человеку трудно представить себе тот колоссальный объем работы, который ложился на плечи архивистов после переезда! Нужно было не только упаковать, а затем распаковать десятки тысяч ценных документов, но и обеспечить их полную сохранность, наладить учет.

В 1996 г. архив получил название «Зональный государственный архив в г. Пинске». В июне 2001 г. был преобразован в научно-методическое учреждение «Зональный государственный архив в г. Пинске», а в мае 2012 г. произошло очередное преобразование — в учреждение «Зональный государственный архив в г. Пинске».

На сегодняшний день в архиве хранятся документы, отложившиеся в результате деятельности органов государственной власти, государственных

учреждений, организаций и предприятий, общественно-политических организаций Полесского региона (города Пинска, Дрогичинского, Ивановского, Лунинецкого, Пинского и Столинского районов) и документов личного происхождения с 1944 г. Все документы архива открыты для научного, практического и социально-культурного использования. Государственный архив всю работу в области использования документов строил на тесном сотрудничестве с исследователями, учреждениями, организациями. Как правило, это или предоставление документов для исследователей, или предоставление информации по запросам потребителей. На паритетных началах с учреждениями и организациями архив получил опыт работы в выставочной и публикационной деятельности. Второе направление совместной работы в области использования документов — публикационная деятельность. Одной из распространенных и традиционных форм работы является публикация статей и подборок документов в районных средствах массовой информации. В последние годы архив принимал активное участие в подготовке хронико-документальных книг «Память». Особое место в публикационной деятельности заняли подготовка и издание путеводителя.

Важное значение для пользователей архивной информацией имели условия работы с документами. Все государственные архивы Беларуси обеспечивают работу пользователей через читальные залы. С каждым годом количество пользователей в читальном зале увеличивается. Так, за период с 2010 по 2014 г. в читальном зале работал 261 пользователь (из них один иностранец). Количество посещений читального зала в указанный период составляло 349. Пользователям было выдано 5064 дела. Состав пользователей заметно расширился. Интерес к архивным документам стал появляться не только у журналистов, писателей, аспирантов, преподавателей, но и у студентов, школьников. Частыми посетителями читального зала стали представители общественных организаций, культуры, образования, экономической сферы. В тематике наметилась тенденция к более углубленному изучению истории нашего края. Всем исследователям даются консультации, оказывается помощь в подборе документов по интересующей их теме.

Архив в работе по обеспечению законных прав и интересов граждан сотрудничает с органами соцзащиты, УВД, судами, прокуратурой, юридическими консультациями, нотариальными конторами, архивами ЗАГС и др. Работа с этими организациями проводится, в основном, в форме «запрос—ответ», реже — в форме проведения с ними консультаций. Заинтересованные учреждения обращаются в архив по вопросам трудовой деятельности граждан, о заработной плате, о трудовых и имущественных правах, об образовании, награждении и др. За период с 2010 по 2014 г. в архив от заинтересованных организаций и граждан поступил 5881 запрос. В ходе личного приема было принято и проконсультировано 1567 граждан. В последние годы увеличилось число запросов, поступающих по электронной почте. Среди них

запросы как из стран СНГ (Россия, Украина, Казахстан, Молдавия), так и из стран Евросоюза (Великобритания, Германия, Польша, Латвия, Литва, Франция) и стран дальнего зарубежья (США, Австралия, Канада, Израиль).

Начиная с 1990 г. архив перешел на новые условия хозяйствования, строя свою деятельность на основе сочетания бюджетного финансирования с доходами от выполнения платных услуг и работ, договоров с учреждениями, организациями и предприятиями. Архив осуществляет отдельные виды деятельности по привлечению внебюджетных средств. В первую очередь, это работы, связанные с научно-технической обработкой документов и совершенствованием организации документов в учреждениях, организациях, на предприятиях. Если ранее в архиве существовал специальный хозрасчетный отдел, который вел эту работу, то после ликвидации отдела в 1992 г. (в связи с отсутствием фронта работ и нерентабельностью) эти функции в значительно меньшем объеме перешли к отделу комплектования.

В эти годы продолжается работа по комплектованию архивного фонда документами личного происхождения. На хранении в архиве имеются документы участников Великой Отечественной войны: Э. Б. Нордмана, П. Я. Журкова, И. Т. Белова, И. Р. Дежурко; Героя Советского Союза М. Д. Шило; участника боевых действий в Афганистане М. Н. Зубко; народного депутата Верховного Совета Республики Беларусь И. Е. Некрасова; художников Е. П. Пулхова, С. Ф. Жилевича, В. М. Киркевича, Е. С. Шатохина; члена Ассоциации хирургов Беларуси О. Ф. Макаревича; члена Союза писателей Беларуси В. И. Локун. Также имеется коллекция документов театра «Диоген» и его актеров.

Архив постоянно пополняется документами районных органов государственной власти и управления, а также учреждений, организаций и предприятий г. Пинска, Пинского, Дрогичинского, Ивановского, Лунинецкого и Столинского районов. На сегодняшний день в архиве хранится 235 113 дел. Материальная база архива хорошо укреплена. Рабочие места сотрудников оборудованы компьютерной техникой, в их распоряжении электронная почта и интернет. Сейчас в архиве г. Пинска трудятся 12 квалифицированных специалистов. Коллектив пинских архивистов — это сообщество единомышленников, увлеченных своим делом. Ежегодно они не только значительно перевыполняют плановые показатели, но и ищут новые формы работы.

Архивохранилища Пинска хранят настоящие сокровища, по крупице собранные сменяющимися поколениями специалистов. Здесь бережно сберегаются документы учреждений и организаций прошлых лет. Бесценны сберегаемые в архивохранилищах документы, но не меньшую ценность представляют и люди, которые в них трудятся. Они делают все, чтобы сохранить историю родной земли. Сегодня архив Пинска — это хорошо организованная оперативная служба, обладающая квалифицированными кадрами и современными техническими средствами. История Полесья — в надежных руках ее архивистов!

Артыкул паступіў у рэдакцыю 04.03.2015

АРТЫКУЛЫ

В. С. Пазднякоў,
загадчык аддзела археаграфіі
Беларускага навукова-даследчага інстытута
дакументазнаўства і архіўнай справы;
e-mail: vpmiensk@gmail.com

«БЕЛАРУСКАМУ АРХЕАГРАФІЧНАМУ ШТОГОДНІКУ» 15 ГАДОЎ

У юбілейным 2000 г. пабачыў свет 1-ы выпуск «Беларускага археаграфічнага штогодніка». Пачыналася новае тысячагоддзе, і тагачасныя кіраўнікі вырашылі даць жыццё новай, нябачанай раней з'яве ў беларускай архівістыцы — штогадоваму выданню, якое б засяродзілася на праблемах пошуку і публікацыі гістарычных крыніц па самым шырокім коле гістарычнай праблематыкі. У гэты час Беларусь зведала сапраўдны бум цікавасці да сваёй гісторыі, і гісторыкі адклікнуліся на яго шырокай прапановай сваіх твораў, у тым ліку ў фармаце перыёдыкі.

«Беларускі гістарычны часопіс», які выдаваўся з 1993 г., у гэты час павялічыў сваю перыядычнасць з 4 нумароў на год да 6. У 1997 г. пачаў выдавацца часопіс «Гісторыя: праблемы выкладання», у 1998 г. — «Беларускі альманах» у Гродне, у 1999 г. — часопіс «Архівы і справаводства», у 2001 г. — штогадовы зборнік навукова-папулярных паведамленняў і артыкулаў «Архіварыус». У росквіце былі часопісы «Беларускі гістарычны агляд» і «Спадчына». У такіх умовах скарыстацца попытам на гістарычныя веды і заснаваць новы часопіс было разумным рашэннем.

Месца «Беларускага археаграфічнага штогодніка» сярод беларускіх часопісаў было блізкім да «Спадчыны», якая ў гэты час вельмі многа друкавала гістарычных матэрыялаў, але не столькі архіўных, колькі публіцыстычных, літаратурных. Попыт на архіўныя матэрыялы з боку чытачоў таксама быў. Заснавальнікі «Беларускага археаграфічнага штогодніка» сапраўды маглі разлічваць на чытацкі попыт і, сапраўды, атрымалі належную ўвагу.

Адначасова было прынята рашэнне пазіцыяніраваць новае беларускае выданне як працяг пэўных гістарычных традыцый сярод аналагічных постсавецкіх выданняў. Ідэйным узорам для БАШа стаў расійскі «Археографический ежегодник», заснаваны яшчэ ў 1957 г. Традыцыя выдання археаграфічных штогоднікаў была працягнута ва Украіне, дзе з 1992 г. выходзіць «Український археографічний щорічник» як працяг «Украінскага археаграфічнага зборніка», што выдаваўся ў Кіеве яшчэ ў 1926—1930 гг.

Першым галоўным рэдактарам «Беларускага археаграфічнага штогодніка» быў прызначаны доктар гістарычных навук, прафесар Расціслаў Пятровіч Платонаў (1930—2001), выдатны гісторык, на жаль, яшчэ недастаткова поўна ацэнены ў беларускай гістарыяграфіі. Пад яго рэдагаваннем выйшлі і два наступныя выпускі (да вып. 3, 2002). Праз некаторы час калектыўнага рэдагавання штогоднік атрымаў новых «гаспадароў». Наступнымі галоўнымі рэдак-

тарамі БАШа сталі доктар гістарычных навук, прафесар Уладзімір Канстанцінавіч Коршук (з вып. 6, 2005) і доктар гістарычных навук, прафесар Эдуард Міхайлавіч Савіцкі (з вып. 8, 2007).

Змест першага выпуску «Беларускага археаграфічнага штогодніка» быў досыць разнастайным. Гэта бачна нават з пераліку рубрык: «Археаграфія», «Архівазнаўства і архіўная справа», «Крыніцазнаўства», «Тэксталогія», «З гісторыі дзяржаўных устаноў», «Аўтаматызаваныя архіўныя тэхналогіі», «Дакументы», «Бібліяграфія. Рэцэнзіі. Інфармацыя», «Хроніка», «Памяці таварыша».

Невыпадкова 1-ы выпуск «Беларускага археаграфічнага штогодніка» адкрываўся рубрыкай «Археаграфія». Так заснавальнікі штогодніка абазначылі галоўны кірунак яго дзейнасці, пастуліравалі яго прыярытэт. Аднак мела месца і супярэчнасць. Сапраўды, калі ў археаграфічным выданні толькі адна частка адведзена для археаграфіі, то гэта азначае, што іншыя часткі будуць заняты іншымі матэрыямі, больш-менш блізкімі да археаграфіі. У рубрыцы «Археаграфія» быў надрукаваны адзін артыкул, прысвечаны ўласна археаграфічнай тэматыцы. Іншыя рубрыкі былі больш прадстаўнічыя: «Архівазнаўства і архіўная справа» мела 7 артыкулаў, «Крыніцазнаўства» — 4 артыкулы, «Дакументы» — 5, «Бібліяграфія. Рэцэнзіі. Інфармацыя» — 7, «Памяці таварыша» — 3, іншыя — па аднаму.

Устаноўленая рубрыкацыя «Беларускага археаграфічнага штогодніка» захоўвалася і надалей, праўда, з некаторымі зменамі. У 2-м выпуску (2001) з'явіліся рубрыкі «Палеаграфія», «Постаці», «У замежных архівах», «Юбілеі». У 3-м выпуску (2002) мы бачым аб'яднаныя рубрыкі «Тэксталогія. Палеаграфія» і «Хроніка і інфармацыя», а таксама новую — «Геральдыка»; рубрыка «Дакументы» змяніла назву на «Дакументальныя публікацыі».

Выпуск 4 (2003) адметны тым, што рубрыка «Архівазнаўства і архіўная справа» скараціла назву да «Архівазнаўства», тут жа мы бачым старыя рубрыкі з назвамі ў скарочаных варыянтах — «Тэксталогія» і «Сфрагістыка». У наступных выпусках выдаўцы «Беларускага археаграфічнага штогодніка», у асноўным, не адыходзілі ад выпрацаванай рубрыкацыі. Аднак у выпуску 6 (2005) можна сустрэць рубрыку «Крыніцазнаўства. Кадыкалогія» (апошняя дысцыпліна з'явілася ў штогодніку ўпершыню), і даволі абстрактную назву рубрыкі «Агляды», а ў выпуску 7 (2006) — новую рубрыку «Генеалогія».

Прывядзём статыстыку публікацый «Беларускага археаграфічнага штогодніка» гэтага перыяду па рубрыках.

Рубрыкі	Вып. 1	Вып. 2	Вып. 3	Вып. 4	Вып. 5	Вып. 6	Вып. 7	Усяго
«Археаграфія»	3	3	11	4	4	2	2	29
«Архівазнаўства і архіўная справа» («Архівазнаўства»)	7	6	4	4	3	2	2	28
«Крыніцазнаўства» («Крыніцазнаўства. Кадыкалогія»)	4	4	4	2	5	8	4	31
«Тэксталогія» («Тэксталогія. Палеаграфія», «Палеаграфія»)	1	1	2	1	2	1	2	10
«З гісторыі дзяржаўных устаноў»	1	7	1	4	6	4	1	24
«Аўтаматызаваныя архіўныя тэхналогіі»	1							1
«Дакументы» («Дакументальныя публікацыі»)	5	4	6	6	4	5	6	36
«Бібліяграфія. Рэцэнзіі. Інфармацыя» («Бібліяграфія. Рэцэнзіі», «Рэцэнзіі»)	7	4	4	5	5	2	5	32
«Хроніка» («Хроніка. Інфармацыя», «Інфармацыя»)	1	1	6	5	7	2	2	24
«Памяці таварыша»	3	1	1	1		1		7
«Постаці»		1	2	2	2	1	2	10
«У замежных архівах»		1	1	1				3
«Юбілеі»		3	2					5
«Сфрагістыка. Геральдыка» («Сфрагістыка»)			2	1	2	1		6
«Агляды»						3	2	5
«Генеалогія»							1	1

Рубрыкацыя рашуча змянілася з прыходам Э. М. Савіцкага на пасаду галоўнага рэдактара штогодніка. З выпуску 8 (2007) матэрыялы штогодніка размяркоўваюцца па дзвюх вялікіх рубрыках — «Артыкулы» і «Публікацыі дакументаў» і трох больш малых — «Постаці», «Рэцэнзіі», «Інфармацыя». Акрамя таго, у выпуску 12 (2011) у спецыяльнай рубрыцы «Круглы стол» па тэме «Актуальныя праблемы метадалогіі і методыкі публікацыі гістарычных

дакументаў у Рэспубліцы Беларусь» былі змешчаны даклады і выступленні, зробленыя на гэтым «круглым стале». Новая рубрыкацыя штогодніка была набліжана да структуры маскоўскага «Археографического ежегодника», у якім ніколі не было дробных раздзелаў.

Рубрыкі	Вып. 8	Вып. 9	Вып. 10	Вып. 11	Вып. 12	Вып. 13	Вып. 14	Вып. 15	Усяго
«Артыкулы»	14	20	19	10	15	27	18	20	143
«Публікацыі дакументаў»	6	3	4	8	5	4	4	2	36
«Постаці»	6	6	3	10	12	8	10	8	63
«Рэцэнзіі»	7	4	5	6			1	1	24
«Інфармацыя»	1		1						2

Сярод аўтараў матэрыялаў, змешчаных на старонках «Беларускага археаграфічнага штогодніка» — вядомыя гісторыкі, літаратуразнаўцы, моваведы, дактары навук Ю. М. Бохан, С. П. Віцязь, В. Ф. Голубеў, Э. Р. Іофе, У. П. Казлоў (Масква), Д. У. Караў, Г. В. Кісялёў, Ю. А. Лабынцаў (Масква), А. М. Лукашэвіч, І. Б. Мацяш (Кіеў), С. І. Міхальчанка (Бранск), М. І. Мушынскі, М. В. Нікалаеў (Санкт-Пецярбург), Р. П. Платонаў, С. Я. Рассадзін, І. В. Сабеннікава (Масква), Э. М. Савіцкі, А. Л. Самовіч, А. М. Сарокін, Г. Л. Харашкевіч (Масква), кандыдаты навук У. І. Адамушка, Я. К. Анішчанка, З. В. Антановіч, А. В. Бурачонак, А. Ф. Вялікі, В. В. Гарбачова, А. І. Груша, А. І. Дзярновіч, А. У. Ерашэвіч, А. А. Жлутка, С. У. Жумар, В. С. Іванова, К. І. Козак, А. Л. Кіштымаў, І. П. Клімаў, У. П. Крук, А. М. Латушкін, Ю. М. Лаўрык, Д. В. Лісейчыкаў, А. А. Макіенка (Кіеў), Д. Ч. Матвейчык, А. М. Міхальчанка, В. С. Мянжынскі, В. Л. Насевіч, Ю. У. Несцяровіч, С. Я. Новікаў, Г. Г. Паўлоўская, А. І. Раздорскі (Санкт-Пецярбург), С. С. Рудовіч, А. Я. Рыбакоў, С. А. Рыбчонак, Г. М. Сагановіч, І. А. Саракавік, В. Д. Селяменеў, В. У. Скалабан, У. А. Сосна, М. Ф. Спірыдонаў, І. А. Сынкова, А. М. Філатава, А. Э. Фірыновіч, У. В. Фядосаў, А. І. Цітавец, А. І. Чуткі (Кіеў), А. І. Шаланда, М. Ф. Шумейка, М. М. Ялінская, В. В. Яноўская, Я. Я. Янушкевіч і іншыя.

З замежных аўтараў у «Беларускім археаграфічным штогодніку» найбольш добра прадстаўлена Украіна і Расія, два аўтары прадстаўляюць Германію (В. Б. Келер, П.-М. Бергер).

З іншых асаблівасцей нашага штогодніка можна адзначыць, што з 5-га выпуску (2004) друкуюцца рэзюмэ артыкулаў на беларускай і англійскай мовах, а з 10-га выпуску (2009) — на беларускай, рускай і англійскай мовах. З 9-га выпуску (2008) штогоднік публікуе змест не толькі на беларускай, але і на англійскай мове. З гэтага выпуску друкуецца і тытульны ліст на англійскай мове. У сувязі з гэтым быў выпрацаваны англійскі варыянт назвы нашага штогодніка — «The Belarusian Archeographical Year-Book».

Пачынаючы з 2005 г., калі Вышэйшая атэстацыйная камісія зацвердзіла «Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў», БАШ знаходзіцца ў гэтым спісе ў раздзеле «Гістарычныя навукі». У 2009 г. Міжнародным цэнтрам ISSN нашаму штогодніку нададзены міжнародны стандартны нумар серыйнага выдання (ISSN 2076-3468).

Аналізуючы не такі ўжо і доўгі, але насычаны шлях нашага штогодніка, можна з упэўненасцю сказаць, што ён заняў сваё годнае месца ў беларускай архівістыцы і гістарычнай навуцы. Яго чытаюць і архівісты, і навукоўцы, і студэнты, і простыя аматары беларускай гісторыі. Не ў малой ступені папулярнасці БАШа садзейнічае тое, што яго выпускі выстаўлены ў Інтэрнэце.

Сярод пытанняў, якія турбуюць рэдкалегію БАШа, можна назваць некалькі асноўных. Як і раней, штогоднік рэдагуецца толькі на грамадскіх пачатках. Гэта не садзейнічае павышэнню ўзроўню штогодніка ва ўсіх адносінах. Відавочна, штогоднік у большым памеры мог бы змяшчаць на сваіх старонках публікацыі гістарычных крыніц. Безумоўна, асноўная форма публікацыі гістарычных дакументаў і матэрыялаў у наш час — гэта тэматычныя зборнікі, але пасля выдання такіх зборнікаў амаль заўсёды застаецца нявыдадзенай па розных прычынах пэўная колькасць матэрыялаў. Найбольш цікавыя з іх мог бы друкаваць БАШ. БАШ — вельмі прыдатнае месца для публікацыі і адзінкавых гістарычных дакументаў, якія маюць выключнае навуковае значэнне. Пакуль мала ўвагі ўдзяляецца на старонках БАШа навейшым тэндэнцыям у электронных публікацыях гістарычных дакуменаў самых розных відаў. На фоне добрага супрацоўніцтва БАШа з архівістамі і навукоўцамі з Расіі і Украіны робіцца відавочным неабходнасць развіваць адносіны і з іншымі нашымі суседзямі, а таксама з архівістамі і гісторыкамі іншых краін. Трэба больш увагі ўдзяляць рэцэнзаванню на старонках БАШа прац па архівістыцы, археаграфіі, крыніцазнаўстве, а таксама зборнікаў дакументаў, якіх у наш час выдаецца шмат. Трэба вырашыць і праблему аўтарскіх экзэмпляраў, хоць у выглядзе асобных адбіткаў.

Усведамляючы гэтыя недахопы і цяжкасці, рэдакцыя «Беларускага археаграфічнага штогодніка» з аптымізмам глядзіць у будучыню і мае намер і надалей прыкладаць усе намаганні для развіцця айчыннай археаграфіі і архіўнай справы.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 05.06.2015

К. И. Козак,
доцент кафедры источниковедения БГУ,
кандидат исторических наук;
e-mail: kozak@ibb.by

ФОНДЫ АРХИВОВ И МУЗЕЕВ О ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941—1944 гг.

Документальная культура памяти трагедии и героизма белорусского народа. История мировой цивилизации неоднократно омрачалась войнами, порождаемыми межгосударственными, национальными или корпоративными интересами политических элит. В их ходе боевые действия несут огромные людские потери и материальные разрушения, влекут масштабные социально-политические перемены и долговременные последствия. Неудивительно, что этот социальный феномен является объектом многочисленных исследований.

Вторая мировая — Великая Отечественная войны — это была одна страшная война для мира, Европы, СССР, и для Беларуси. Треть населения погибла в этой войне, однако до настоящего времени составляющие потери не персонифицированы. Из более чем 800 тыс. военнопленных, погибших на территории Беларуси, известны только треть. Из более чем 70 тыс. евреев Минского гетто — только десятая часть. Такое же положение и в отношении других погибших во время Холокоста. В нашей стране больше неизвестных жертв. Мы не можем назвать всех сожженных своих граждан в более чем 600 населенных пунктах Беларуси. Возвратившиеся из плена, концентрационных лагерей и мест принудительного содержания получали статус предателей и изменников. Испытавшие насилие женщины нуждались в особой помощи. Разруха и голод, одиночество и неуверенность для многих стали спутниками жизни. Страх в сознании слабого маленького человека укрепился надолго [1, с. 32].

Война закончилась победой солдат Красной Армии, союзников в этой мировой войне, партизан и подпольщиков, а в их рядах около миллиона белорусов. Одновременно на пожарища и разоренные места, города и поселки возвращались победители. Более 600 тыс. из них фронтовиков. Они освобождали Освенцим, Краков, Будапешт, Вену, Берлин. Тысячи лагерей смерти прекратили свое смертоносное существование. Миллионы были освобождены от принудительного труда в странах третьего рейха, на оккупированных территориях Европы. Это больше, чем победа в войне, это победа над нацизмом, который уничтожал целые народы, страны, человеческое достоинство и свободу. Минск из красивого города превратился в руины. Из 250 тыс. жителей стало в пять раз меньше. Тем не менее на освобожденной территории Минск стал уникальным центром восстановления. В коллективном созидании участвовали разные группы, настроения, ожидания. В нем Победители оставались победителями. Они оставили часть своей памяти о войне. Только

часть памяти. Определение «Великая Отечественная война и победа советского народа» утверждалось всеми средствами пропаганды и агитации.

Даже по истечении 70 лет со времени окончания Второй мировой войны участники трагических событий не смогли воссоздать масштабную историческую панораму. Мешали различные мировоззрения, политические системы, границы, недоверие к другому представлению и мышлению. За более чем 20-летнюю историю белорусской независимой государственности появилось немало свидетельств, которые могут раскрыть малоизвестные факты одного из наиболее пострадавших регионов Европы, дополнить летопись Второй мировой войны. В основе такого подхода — сущностное изучение документального источника, а на его основе — воссоздание исторической полноты Второй мировой войны. Ведь еще не в полной мере выяснена природа формирования комплексов документов как военных, так и гражданских органов. Ранее чуждые для научного плана в своем большинстве документы многочисленных оккупационных органов, сохранившиеся в белорусских или бывших советских архивных учреждениях, с конца 1990-х гг. обрели исследовательскую значимость.

Особенности формирования документальных центров. В процессе деятельности местных подпольных партийных и партизанских органов сформировался наибольший состав документов по истории сопротивления германскому оккупационному режиму. Из них часть составили документы оккупационных органов, являющиеся трофеями партизан. Они в силу своей оперативной значимости бережно хранились наравне с партизанскими. Другая часть представлена запротоколированными свидетельствами преступных намерений германских войск, представителей белорусской коллаборации. Третья часть документации была выявлена оперативными группами НКВД БССР, идущими вслед за частями Красной Армии по линии фронта освобождения территории Беларуси.

НКВД—МВД—КГБ и их документационная база. Вследствие широкой государственной программы по преследованию соучастников или выявлению таковых как центральными, так и местными органами в послевоенное время были собраны многочисленные материалы, подтверждающие факты деятельности различных оккупационных структур. Ведущим учреждением, ответственным за сохранность документации военных событий и разработку концепции войны, на протяжении почти 40-летнего периода наряду с партийными органами являлся НКВД (МВД) БССР. Уже в 1944 г. начальник отделения секретных фондов архивного отдела НКВД БССР сообщил о приоритетных задачах и первых результатах — разработке 84 фондов учреждений и организаций, созданных в годы войны германскими оккупантами. В результате было выявлено и взято на учет 30,1 тыс. лиц, сотрудничавших с немцами. Сюда входили полицейские, члены антисоветских партий и организаций. В последующем данная документация широко использовалась не только спецорганами Беларуси,

но и Совнаркомом, Наркоматом иностранных дел при подготовке различного рода материалов и документов и имела, прежде всего, политический характер.

Таким образом, можно отметить, что органы НКВД в союзной иерархии обозначены как главные структуры в сборе и затем обработке документов оккупационных органов. Наиболее значимые материалы оседали в центральных, т. е. союзных архивах. Местные материалы оставались на хранении в республиканских или областных архивных органах и учреждениях.

К настоящему времени в архиве МВД Республики Беларусь сконцентрирован только небольшой материал. Так, в фонде приказов МВД БССР имеются следственные дела, частные определения. Военно-полевые сводки содержат сведения о большом количестве разоблаченных агентов, антисоветских элементов, предотвращении заговоров и государственных измен, сведения о местах принудительного содержания населения, военнопленных в лагерях и т. д.

Необходимо отметить аспект специфики материалов ведомственного подчинения, которые достаточно сложны для введения в научный оборот. Это прежде всего относится к архиву КГБ Республики Беларусь. Там находится ряд документальных материалов, подготовленных на основе следственных дел военных преступников, в том числе белорусских коллаборантов, членов политических партий и объединений. Только небольшую их часть исследовали В. Ф. Романовский, А. Ф. Хацкевич, Я. С. Павлов, В. Н. Михнюк [88; 91].

Важным источником, характеризующим деятельность оккупационных органов по угону граждан на принудительные работы в Германию и другие страны Европы, стали переданные УКГБ по Могилевской области в ГАМогО фильтрационные дела, фильтрационные картотеки на 100 тыс. человек, вывезенных в годы войны в Германию [59, с. 70].

От партийного к Национальному архивному фонду. В борьбе за владение материалами и их прочтение наиболее значимую роль сыграли партийные органы. Они доминировали как организаторы всенародного антифашистского сопротивления, как первые созидатели истории Великой Отечественной войны. Поэтому немногим позднее в рамках централизации Государственного архивного фонда, но вокруг центральных партийных органов из музеев, личных и ведомственных архивов в 1948—1949, 1954—1955 гг. были сконцентрированы документы по истории войны, имеющие связь с германскими органами [42; 114, с. 168—169, 180—181]. Это в некоторой степени объяснялось решениями партийных органов о подготовке документальных сборников о преступлениях немецко-фашистских оккупантов в Беларуси, а в период хрущевской «оттепели» — укрытием специфических материалов в ведомственных архивах партийных органов.

В результате к началу 1990-х гг., несмотря на то, что большинство материалов периода войны сохраняется в НАРБ (с апреля 1992 г. ЦПА КПБ вошел в состав НАРБ), разрозненные коллекции, отдельные фонды продолжают храниться в ведомственных архивах МВД, КГБ, НАН Беларуси и других государственных учреждениях Беларуси. Анализируя их состояние и возможности для широкого научного исследования, можно отметить, что сложность работы с ними определяется их децентрализованным хранением и ведомственным использованием. Самостоятельность сказалась на различной степени научной разработки и наличия справочного аппарата, форм допуска к особо значимым материалам, а также незначительным количеством введенных в научный оборот документов. Всего, по приблизительным подсчетам, около 1 тыс. архивных фондов сосредоточены в НАРБ, 6 областных, частично зональных государственных и других ведомственных архивах* (* подсчитано автором. — Здесь и далее) [31; 32].

Классификация документов. Для удобства характеристики документов попытаемся классифицировать их. Прежде всего, этот документальный массив по истории войны можно разделить на два обособленных друг от друга комплекса: комплекс гражданской и комплекс военной документации. Комплекс гражданский документации разделяется на четыре класса.

Первый класс — гражданская документация официального происхождения, созданная учреждениями, организациями, предприятиями БССР, СССР.

Второй — группа документов неофициального происхождения, созданная на территории Беларуси гражданами Беларуси и иностранных государств.

Третий — гражданские документы учреждений, организаций, созданных германскими органами на оккупированной территории.

Четвертый — группа документов официального и неофициального происхождения, перемещенная на территорию СССР в годы Второй мировой войны из зарубежных государств.

Для большего представления рассмотрим каждый из классов.

Группа документов официального происхождения, созданная учреждениями, организациями, предприятиями СССР, разделяется на три больших подкласса:

подкласс документации директивно-политического характера высшего уровня включает 3 группы: указания, поручения И. В. Сталина; постановления Политбюро ЦК ВКП(б); протоколы заседаний Политбюро, секретариата, совещаний членов Политбюро, секретарей ЦК ВКП(б) и материалы к ним;

подкласс документации директивно-исполнительного характера высшего уровня — 4 группы: постановления ГКО; протоколы бюро ЦК КП(б)Б; документы ЦШПД, БШПД, раскрывающие стратегические, тактические и кадровые аспекты организации партизанской деятельности на оккупированной территории; объемная группа фондов различных наркоматов, ведомств;

подкласс документации, связанный с непосредственной организацией и обеспечением выполнения директивных документов высшего уровня (основной массив сосредоточен в госархивах и в большей степени адекватно отражает жизнь в условиях войны, в ее реальных проявлениях) включает группы: сводки НКВД о настроениях в обществе; материалы партизанских соедине-

ний, бригад и отрядов; материалы комиссии по установлению и расследованию злодеяний германских оккупационных органов.

Класс гражданской документации неофициального происхождения, созданной в годы войны на территории Беларуси гражданами БССР и гражданами иностранных государств, включает прежде всего документы личного происхождения. Среди них письма, дневники, мемуары, письма людей из германской неволи. Класс гражданской документации учреждений, организаций, созданной германскими органами на оккупированной территории, включает группы документов, созданных собственно этими учреждениями, директивные документы организаций германских органов по наведению «нового порядка» и документацию граждан на оккупированной территории. Здесь также выделяются подклассы.

Первый подкласс — это официальная документация учреждений, организаций, предприятий, подвергшихся германской агрессии других стран;

второй — официальная документация учреждений, организаций государств германского блока. В этом подклассе можно выделить документы репрессивно-карательных органов. Особый интерес среди них представляют всевозможные инструктивно-методические материалы, связанные с политикой на оккупированной территории;

третий — подлинные документы германских руководителей;

четвертый — германская техническая, технологическая, проектная документация, связанная с вывозом оборудования и других материально-культурных ценностей;

пятый — материалы белорусской эмиграции: документы белорусских эмигрантов, организаций и личные фонды. В основе их характеристик неоднозначные процессы.

Документы по истории войны прежде всего военного характера можно разделить на шесть классов:

первый — документы высших органов Вооруженных сил СССР и Германии, включающие разработку стратегии армии в случае войны, масштабных боевых действий и военных конфликтов;

второй — материалы высшего и среднего звеньев военного управления, характеризующие разработанную стратегию и тактику наступательных и оборонительных операций;

третий — материалы, связанные с реализацией разработанной стратегии и тактики боевых действий;

четвертый — документы, характеризующие результаты стратегических и тактических действий;

пятый — материалы о непосредственных боевых действиях и операциях;

шестой — материалы, касающиеся работ по организации специальными органами формирования морально-политического духа солдат германской армии.

Репрезентативность Национального архива Республики Беларусь. В итоге наибольший комплекс документов по германской оккупации Беларуси сконцентрирован в Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ) в 4 группах: гражданские оккупационные органы; военные оккупационные органы; белорусская коллаборация; военно-экономические органы и организации [39, с. 25]. В обособленный комплекс входит наиболее многочисленная часть фондов партизанских формирований, подпольных партийных, комсомольских и антифашистских органов. Кроме трофейных документов там имеются многочисленные и важные свидетельства деятельности оккупационных органов, их сферы влияния и противодействия антифашистскому сопротивлению [6; 9; 29; 54; 92; 97; 99; 100; 102; 115].

Военные формирования и их службы. Что касается документов вермахта, то в ряде фондов по истории КПБ имеются обособленные комплексы материалов вооруженных формирований германской армии. К примеру, в фонде 4683 (Институт Истории партии КПБ. Оп. 3. Ед. хр. 919—925, 1025—1026; всего 9 ед. хр.) находятся тексты книг немецких военных историков, частично или целиком переведенные на русский язык [52; 89; 110]. Сохранились оригинальные документы 1-й кавалерийской бригады СС, 91-й ПБ, 332-й ПБ, 309-й ПБ, 310-й ПБ 203-й ОД, 221-й ОД, 15-й ПП, 102-й словацкого полка, дневники 203-й ОД и 337-й ПД, 23-й (307-й) ПБ, 24-й ПП СС [80] (10 фондов в количестве 1589 листов без учета 1-й кав. бр. СС). Всего 190 ед. хр. (36 256 л.), из которых 77 ед. хр. (11 243 л.) в ходе научно-технической обработки документов переведено на русский язык [43, с. 138]. В частности, в дневнике 23-й (307-й) ПБ кроме информационного материала о боевых действиях 1942—1943 гг. в районе Крайска, Глубокого, Постав, Полоцка имеются фотоматериалы о дислокации формирований в Минске, Глубоком, Полоцке. В них представлены и материалы повседневности, об отношениях с местным населением, захоронениях [81]. Данные разведывательного характера, включающие трофейные документальные материалы о ликвидации подполья, представлены в фонде Минского антифашистского подполья за период 1941—1944 гг. (Ф. 1346, 492 ед. хр.).

Что касается характеристик военных административных органов, то наибольшую значимость представляют так называемые «Александрийские микрофильмы». Они долгое время сохранялись в г. Александрии (США) и стали предметом культурного и научного обмена между странами — участницами войны. Что касается Беларуси, то с 1960-х гг. отдельные микрофильмы, имеющие отношение к истории Беларуси, переданы в текущий архив ИИП при ЦК КПБ (бывший Партархив), ЦГАОР. Таким образом, национальная коллекция «Александрийских микрофильмов» в НАРБ составляет 26 кинолент, из которых 81 микрофильм переведен (30%), а от всей совокупности данный показатель составляет только 5% [48, с. 210—217; 49, с. 9—13; 50, с. 108—111; 84, с. 105].

Положительно оценивая значимый источниковый ресурс НАРБ о военных и гражданских оккупационных органах, тем не менее следует заметить, что он нуждается в существенном дополнении. Например, представленная структура Главной железнодорожной дирекции «Минск», которая обеспечивала транспортное передвижение на территории Беларуси, функционировала в контексте деятельности таких же дирекций, как «Рига», «Киев», Днепр». Отсутствие одного звена в такой цепочке может значительно уменьшить научную и информационную значимость всего комплекса документов. Собранный же белорусскими архивистами оригинальный материал вызывает наибольший интерес военных историков [112, с. 24—25].

Отдельную, но важную группу составили 2897 уголовных дел за воинские и иные преступления в период войны и до 1951 г. Дополнительным материалом к ним могут послужить 3618 судебных дел военнопленных и интернированных. В большинстве это бывшие немецкие граждане (150 австрийцев). Из них 24 были приговорены к смертной казни, а остальные — к каторжным работам на срок от 10 до 25 лет. В отношении 21 обвиняемого уголовное преследование в ходе судебного разбирательства было прекращено. Из состава германских военнопленных по обвинению в воинских преступлениях против народов СССР преимущественно по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. были приговорены в Беларуси 57 генералов, немалое количество офицеров, 38 работников разведорганов [113, с. 129].

Гражданские оккупационные органы. Их анализ показывает, что практически большая часть документов Генерального комиссариата Беларуси (ГКБ) сохранилась. Сюда можно отнести и материалы статистического отдела, и Небен бюро при ГКБ, в совокупности это составило 3577 ед. хр.* В итоге, Рейхсминистерство по восточным оккупированным областям — РКО — ГОБ, поскольку являлось звеном жесткой системы управления оккупационными процессами на Беларуси, то их региональные фонды составили абсолютное большинство данного комплекса материалов (3594 ед. хр.*) [63]. В них первый уровень составили учетно-распорядительные документы командования вермахта, Имперского министерства восточных оккупированных областей, РКО, ГКБ и других общественных органов. Имеются положения о структурах, штатные расписания оккупационной администрации. Отчеты, справки, сведения, донесения, переписка с высшими органами государственной власти и управления Германии, РКО, окружными и городскими комиссариатами, командованием тылового района группы армий «Центр», воинских и полицейских формирований и служб, субъектами хозяйствования, общественными организациями о системе управления оккупационными территориями и ее функционировании, работе органов администрации. Перечни военных, гражданских и полицейских учреждений, полицейских опорных пунктов.

Второй уровень составили документы местных органов оккупационной администрации и органов самоуправления — окружных комиссариатов (Барановичского, Борисовского, Брестского, Вилейского, Глубокского, Новогрудского, Минского, Петриковского, Пинского — НАРБ и госархивах шести областей (всего 2154 ед. хр.*). Небольшую группу представляют фонды поветовых и городских комиссариатов. К примеру, в ГКБ только Минский комиссариат (212 ед. хр.), ГУ Брест-Литовский (55 ед. хр.), ГО Белосток — Гродненский (792 ед. хр.) [32, с. 26, 28].

Составной частью региональных органов являются их гражданские отделения: 2 окружные управы (7 ед. хр.), 20 городских (11 059 ед. хр.), 75 районных (3943 ед. хр.), 11 районно-городских (1251 ед. хр.), 76 волостных (207 ед. хр.), 1 сельская управа, а также 7 сельских общин, участков, старост (10 ед. хр.*). В большей части там сосредоточены планирование, штатное расписание, списки субъектов хозяйствования, служащих окружных комиссариатов и управ, бургомистров, старост, переписка по различным военно-хозяйственным делам [32, с. 26—41].

Учитывая, что на территории Беларуси учреждений такого характера, по нашим подсчетам, насчитывалось более 3 тыс. единиц, безусловно, это составило лишь незначительную часть. В совокупности всех уровней возможен комплексный анализ форм, управления и деятельности. Представляется, что их репрезентативность достаточна для отображения второго плана оккупационной политики.

Статистика сохранившихся фондов или документационная часть о местных оккупационных органах дает основание утверждать, что большая их часть отсутствует. К примеру, фонды 3 амсткомиссариатов составили только 5% от их общего количества, 4 шефов районов — 2%, 12 полевых комендатур — 45 ед. хр., 16%, 8 городских — 21 ед. хр., 15%, 15 местных комендатур — 45 ед. хр., 9%. Такое незначительное количество сохранившихся документов свидетельствует об их слабой репрезентативности. К примеру, фонды городских комендатур отражают деятельность за 1941 г. — 2 фонда, 1942 г. — 4, 1943 г. — 6, 1944 г. — 1; в том числе только 3 областей: 4 фонда в Витебской обл., Минской — 2, Могилевской — 1 фонд [32, с. 29—31].

В системе военного управления особое место принадлежит военно-полицейским структурам. Их представляют, прежде всего, действовавшие или находившиеся временно или постоянно воинские формирования, части, учреждения (16 фондов, 26 ед. хр.), полиция безопасности, вспомогательные структуры при них (9 ф., 38 ед. хр.), служба порядка: окружные комендатуры (6 ф., 32 ед. хр.), городские управления (4 ф., 29 ед. хр.), районные и районно-городские управления (35 ф., 1909 ед. хр. (в том числе Бобруйское городское управление — 1108), жандармерия (4 ф., 40 ед. хр.), полицейские участки, отделения (9 ф., 36 ед. хр.); белорусская коллаборация (7 ф., 74 ед. хр.). Несмотря на то, что практически около 2 тыс. ед. хр. характеризуют оккупационные структуры, в них практически отсутствуют документы военных формирований, полицейских частей и подразделений. В большей степени

представлена служба порядка [32,с. 41—48]. Коллаборация представлена фиксированием небольшого фонда командования БКО, 2 окружных управлений (Глубокское и Минское), 2 батальонов (10-й, Заславль и 27-й, Клецк).

Что касается характера материалов, то документы достаточно неоднородны. К примеру, в фонде охранной полиции Минского окружного управления полиции содержатся приказы и распоряжения начальника охранной полиции, строевые записки минских районных участков, заявления о приеме на работу в полицию, списки полицейских служб порядка г. Минска, ведомости на получение обмундирования [66].

Как правило, в малообъемных фондах документы лишь фрагментарно отражают явления. К примеру, фонд полицейского участка д. Вселюб Новогрудского округа включает журнал учета заявлений в полицейский участок [73]. Полные характеристики деятельности отсутствуют, однако формы их использования могут быть разнообразными. К примеру, фонды гражданских органов помимо их количественных и качественных характеристик необходимы и для воссоздания системы правовых отношений с германским руководством, а также военными структурами в различных зонах оккупации. К данной категории можно отнести фонды центральных органов управления и БЦР (68 ед. хр.)*; судебной власти: окружных судов (3 ф., 1669 ед. хр., в том числе Минского окружного суда — Ф. 396, 1645 ед. хр.), районных судов — 1 ф., третейских судов — 1 ф., мировых судов (16 ф., 1647 ед. хр.), военно-полевых судов — 2 ф., прокуратур — 1 ф., тюрем (8 ф., 3400 ед. хр., в том числе арестного дома управления службы порядка г. Могилева — Ф. 255, 2 528 ед. хр.; ГАМогО), нотариатов — 1 ф., юридических бюро ГУ — 1 ф., паспортно-адресных отделов управ (3 ф., 20 ед. хр.), отделов загса (5 ф., 43 ед. хр.); органов жилищно-коммунального обеспечения — 3 ф., бирж труда — 4 ф.

Военно-экономические службы и формирования. Военно-экономическое состояние оккупированного общества представляют следующие структуры:

промышленные предприятия, включающие управленческие структуры, электростанции, предприятия тяжелой, деревообрабатывающей, торфяной, пищевой промышленности и др. (31 ф., 691 ед. хр.);

организации Тодта: инженерно-строительные организации, учреждения и предприятия (7 ф, 1066 ед. хр., в том числе организация Тодта в Минске) [65], строительные фирмы «Константин Борман», «Мартин Гофман» и другие организации транспорта (9 ф., 1839 ед. хр.), экспедиционно-транспортные конторы, в том числе фирма «Костас-Цермински» [67], железнодорожные организации (6 ф.)*, в том числе Главная железнодорожная дирекция г. Минска [64];

сельскохозяйственные органы управления (4 ф., 123 ед. хр.), земельные управления (7 ф., 31 ед. хр.), сельскохозяйственные комендатуры (5 ф., 51 ед. хр.), хозяйственные инспекции и сельскохозяйственные команды (2 ф., 3 ед. хр.), сельскохозяйственные предприятия (3 ф., 104 ед. хр.);

ветеринарные учреждения (3 ф., 6 ед. хр.);

лесохозяйственные организации и учреждения (25 ф., 648 ед. хр.), заготовительные организации (12 ф., 423 ед. хр.);

торговые и кооперативные учреждения и предприятия: Главная контора ЦТО «Восток» (Ф. 377, 224 ед. хр.), Минская окружная контора ЦТО «Восток» (Ф. 398, 985 ед. хр.), районные конторы и их отделения (7 ф., 349 ед. хр.); продовольственно-торговые отделы городских и районных управ (бюро) (8 ф., 312 ед. хр.), продовольственный торговый отдел Могилевского городского управления (Ф. 269, 255 ед. хр.), потребительские и кооперативные общества, торговые фирмы (7 ф., 555 ед. хр.), рынки и магазины (2 ф., 25 ед. хр.), Гродненский уездный таможенный контроль (653 ед. хр.) [32, с. 50—51];

органы финансирования и кредитования (30 ф., 4040 ед. хр.). Одним из наиболее представительных является фонд налогового подотдела Могилевской городской управы (1148 ед. хр., 1941—1944 гг.), где собраны материалы администрации о взимании налогов, переписка, регистрационные листы владельцев кустарно-ремесленных мастерских г. Могилева, списки лиц, имеющих патенты на хозяйственную деятельность, различные справки и ведомости;

организации и предприятия жилищно-коммунального хозяйства, вспомогательные городские службы (16 ф.), организации и предприятия связи (6 ф.), органы здравоохранения (18 ф., 11 025 ед. хр.), в том числе подробный материал о работе Могилевской городской больницы (Ф. 495, 8999 ед. хр., 1941—1944 гг.), органы социального обеспечения и страхования (9 ф.);

органы народного образования (13 ф., 629 ед. хр.), культурно-просветительские учреждения (8 ф., 148 ед. хр.), религиозные организации (1 ф., 1 ед. хр.), общественные организации и формирования (8 ф. — германские, 41 ед. хр., 24 ф. — местные, 682 ед. хр.).

Небольшую группу составили личные фонды представителей гражданской администрации (6 ф., 303 ед. хр. [32, с. 163—164], в том числе К. Б. Езовитова, И. А. Ермаченко, В. М. Русака и др.). Там кроме документов личного происхождения имеются программные материалы, как, например, адресованный Адольфу Гитлеру меморандум президента Рады БНР Василия Захарки от 20 апреля 1939 г. [71].

Таким образом, совокупность представленных архивных материалов позволяет частично воссоздать многочисленные структуры оккупационных органов (военная, военно-полицейская, гражданская) при их соотношении как 1 к 100. Поэтому для воссоздания полноты картины необходимо привлечь и другие фонды. Так, отдельную группу представляют многочисленные документы по истории антифашистского сопротивления (666 ф.). Они в своей совокупности частично содержат обособленные сведения информационного характера по истории оккупационного режима в Беларуси, России, Украине, Литве и Польше. В большей степени это представлено в трофейных немецких документах (приказы, директивы, наставления, отчеты, дневники и др.).

Особое положение занимает комплекс материалов, который характеризует деятельность Белорусского штаба партизанского движения (БШПД). В фонде 1450 насчитывается 11 125 ед. хр. Среди них трофейные документы, карты с местами дислокации германских формирований и гарнизонов, отчеты, докладные записки, справки, информации, разведывательные данные, разведывательные сводки, оперативные сводки, сведения командования партизанских формирований и диверсионных групп о боевой и диверсионной деятельности.

Дневники, альбомы, справочный материал. Для воссоздания информационной полноты целесообразно обратить внимание на такие видовые документы, как дневники БШПД, партизанских формирований [62], сохранившиеся рукописи воспоминаний руководителей партизанского движения П. К. Пономаренко, П. И. Калинина, Е. Н. Прохоренко, И. Ф. Титкова [75], участников ряда боевых операций [79], личные дела партизан — Героев Советского Союза [74], альбомы [78]. Вызывают интерес воспоминания 114 непосредственных участников событий (4137 л.) [77]. В данном отношении будет служить дополнением часть материалов, собранных в фондах личного происхождения П. М. Машерова, первого секретаря Полесского обкома партии И. Д. Ветрова, председателя комиссии по делам бывших партизан и подпольщиков при Президиуме Верховного Совета БССР, секретаря Вилейского подпольного обкома КП(б)Б И. Ф. Климова, руководителя Витебского подполья, участницы партизанского движения В. З. Хоружей, организатора и руководителя партизанского движения В. И. Козлова [68]. В этом ряду также заслуживают внимания небольшие материалы в фондах личного происхождения руководителя БНС, командира БСО И. А. Ермаченко [70].

Отдельную категорию составили аналитические материалы оперативного и разведывательных отделов БШПД и ЦШПД, оперативных групп БШПД на фронтах, штаба о деятельности антисоветских формирований. Большая часть их находится в фонде 3500 (Оп. 1—3). К ним необходимо прежде всего отнести аналитические материалы (от 30 до 82 с.) подполковника Д. Емлютина, помощника начальника ЦШПД майора госбезопасности Г. Б. Фармашова, а также других представителей НКВД БССР, Главного разведывательного управления РККА и др. [56, с. 21].

Полезным для понимания методологии исследований может стать справочный материал, подготовленный в ходе апробирования монографий, мемуаров руководителей партийного подполья и партизанского движения. В итоге предметом к изучению могут послужить материалы 11 рецензий, 111 сборников, подготовленный научно-справочный аппарат периода 1970—1980-х гг. [76].

Отмечая значимость всего комплекса документов, тем не менее следует обратить внимание на их тематическую направленность. В основе их характеристик отражена, прежде всего, карательная деятельность германских войск [94, с. 128—133]. Лишь фрагментарно сохранилась отчетная документация центральных и региональных структур оккупационной администрации, включая годовые отчеты о финансово-хозяйственной деятельности, несмотря на обилие документов кассового и мемориального характера. В незначительной степени они восполняются «Александрийскими микропленками» германского архива (1% от общего количества). Тем не менее обращает на себя внимание наличие фондов Минской дирекции Имперских путей сообщения, скопированных из немецких архивов [61, с. 9, 30].

Определенную значимость при анализе имеют обособленные виды источников. К примеру, 8568 опросных листов, заполненных в 1945—1946 гг. по 17 пунктам возвратившимися из германской неволи гражданами Беларуси из 45 районов Бобруйской, Витебской, Могилевской областей, городов Бобруйска, Витебска, Могилева и Орши [51, с. 29]; ведомости зондеркоманды 7а (03—09. 1944); документы 26-го полицейского полка в составе 733 человек (09.1943), где имеются личные листы, подробные характеристики о биографической деятельности, ряд донесений о боевых операциях [72, л. 1—222].

Информационную направленность в разработке участия оккупационных органов в разнообразных кампаниях приобретают коллекции ксерокопий и фотокопий, поступивших из советских и зарубежных архивов. В частности, в фонде 541 представлены обзоры, информации, сведения о социально-экономическом положении в ГОБ (Генеральном округе Беларусь), анкеты граждан Беларуси, вывезенных на принудительны работы в Люксембург [69].

Определенную ценность имеют такие документы, как запросы партийных органов, воинских частей о поведении и деятельности отдельных лиц в период оккупации; информация о настроениях населения в связи с окончанием войны; сведения об ущербе; материалы о награждении; отношения партийных и советских органов, что дает больший спектр отражения и характеристик происходивших событий.

Облегчают поиск необходимых сведений следующие тематические базы данных НАРБ: «Германская неволя», «Конспиративные квартиры Минского антифашистского подполья», «Соединения и части бывшей германской армии и ее сателлитов на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны 1941—1944 гг.», «Участники партизанского и подпольного движения на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны. 1941—1944 гг.», «Советские военнопленные-офицеры». База данных на сожженные германскими оккупантами деревни Беларуси составляет 5290 наименований с указанием современной и военной административно-территориальной принадлежности. Однако только две из них основаны на документах НАРБ: «Участники партизанского и подпольного движения» и «Германская неволя», а к третьей — «Гражданское население в годы оккупации на территории Беларуси» — планируется приступить [58, с. 168].

Региональные государственные архивы. Значительно дополняют характеристики оккупационного режима документы регионального характера областных государственных архивов.

Государственный архив Брестской области (далее — ГАБО). Из материалов Государственного архива Брестской области по проблемам оккупационной политики германских органов в Беларуси можно соотнести 91 фонд в составе более 12 тыс. ед. хр. При этом большая часть документальных материалов имеет отношение к сфере городских управлений Бреста, Пинска, Лунинца и Барановичей (4 ф., 7558 ед. хр.), 11 районных управлений (12 ф., 1749 ед. хр.), окружных и городских управлений (4 ф., 755 ед. хр.), промышленных предприятий (16 ф., 774 ед. хр.), торговых и сельскохозяйственных организаций (14 ф., 627 ед. хр.) и др. [34, с. 26—28]. Фонд 995, состоящий из трофейных документов, дает представление о деятельности жандармерии [16, с. 204].

Государственный архив Минской области (далее — ГАМО). Одним из наиболее значимых по своему составу документов представляется Государственный архив Минской области. Там имеется 156 фондов, в составе которых хранятся 4,5 тыс. ед. хр. документов оккупационного периода. Это в основном документы по Минской области: г. Минск и район — 28 ф. (2057 ед. хр.), г. Клецк — 9 ф. (471, из них 360 ед. хр. по 4 волостным управлениям), г. Борисов — 9 ф. (270, в том числе 246 ед. хр. фонда службы порядка г. Борисова и района за 07.1941—21.06.1944), Вилейка — 5 ф. (161 ед. хр.), Марьина Горка — 6 ф. (14 ед. хр.), Узда, Старобин (более 100 ед. хр., в основном документы управы, полиции, тюрьмы, суда), от 30 до 100 ед. хр. по Дзержинску, Крупкам, Любани, Мяделю, Несвижу, Старым Дорогам, Слуцку, до 10 ед. хр. — по Березино, Столбцам, Молодечно, Копылю; по Глуску Могилевской области — 6 ф. (102 ед. хр.) [55, с. 26—30]. Всего сохранились документы по 24 волостным [25], 25 районным управам [24], 6 полевым, 3 сельскохозяйственным комендатурам [26].

Государственный архив Витебской области (далее — ГАВО). Одним из наиболее значимых мест хранения документов по истории военных и гражданских оккупационных органов является ГАВО. Основные источники — учреждения, организации, предприятия и формирования, действовавшие на территории оперативного тыла группы армий «Центр» (644 ед. хр.), где сконцентрированы документы 201-й охранной и 3-й авиаполевой дивизий, 181-й, 683-й, 749-й, 815-й полевых комендатур, 282-й, 284-й, 650-й, 763-й, 841-й, 842-й, 846-й, 930-й местных комендатур и филиала 851-й местной комендатуры, гарнизонных комендатур [103]. Наиболее массовая часть документов — из Витебской городской управы (Витебская горуправа) и подведомственных ей учреждений и предприятий (2956 ед. хр.). В этом ряду и органы местного самоуправления г. Орши и Оршанского района (691 ед. хр.), их представительства в форме вспомогательной полиции г. Орши и Оршанского района (217 ед. хр.) [104]. Гражданские органы представлены лепельским мировым судом (138 ед. хр.), учреждениями, организациями, предприятиями и формированиями Глубокского округа (127 ед. хр.), Браславской районной (386 ед. хр.), и волостной управами (210 ед. хр.) [105]. Дополнительными материалами являются коллекции печатных материалов (129 ед. хр.), документов об организации всенародной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками на территории Витебской области (82 ед. хр.), документов личного происхождения участников Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (37 ед. хр.) [106], а также коллекции документов, образовавшихся в деятельности учреждений Генеральных округов Латвия и Литва Рейхскомиссариата Остланд (1941—1944 гг.) (91 ед. хр.); личных документов военнослужащих вермахта (133 ед. хр.), фотографий оккупационного периода 1941—1944 гг. (25 ед. хр.) [107].

Следует отметить, что значимыми являются материалы военных комендатур № 781 286-й охранной дивизии, Витебской № 815, Оршанской, Полоцкой, Смолянинской 286-й ОД, Железнодорожной № 2; Витебской, Сенненской, Толочинской, Богушевской, Витебской, Витебской № 683, Оршанской № 842, Сенненской № 1/846 городских и местных комендатур [19]. Лишь незначительное число материалов сохранилось о районных управах (Бешенковичская, Браславская, Дриссенская, Миорская, Полоцкая, Поставская, Шарковщинская), районно-городских управах (Богушевская, Городокская, Лепельская, Оршанская, Сенненская, Толочинская, Чашникская) [17].

Что касается деятельности службы порядка, то она представлена фондами Глубокского окружного управления, Браславского, Ветринского, Городокского, Оршанского, Толочинского, Чашникского районных и районно-городских управлений, некоторые сведения о составе и направленной деятельности представлены в фондах полевой жандармерии при местной комендатуре г. Орши, штабе Полоцкого полка охраны порядка [18].

Государственный архив Гомельской области (далее — ГАГО). Безусловный интерес представляют документы органов управления, входивших в своем большинстве в зону Рейхсминистерства Украина. Они сконцентрированы в Государственном архиве Гомельской области. Так, систему гражданского управления представляют материалы Петриковского окружного комиссариата; городских (Гомельская, Речицкая), а также районно-городских и районных управ (Буда-Кошелевская, Василевичская, Ветковская, Добрушская, Житковичская, Журавичская, Калинковичская, Кормянская, Лельчицкая, Лоевская, Мозырская, Паричская, Петриковская, Рогачевская, Светиловичская, Стрешинская, Хойникская), Хильчицкая сельская [21].

Что касается деятельности службы порядка, то она представлена в фондах Гомельского городского управления, Добрушского, Кормянского, Паричского, Чечерского районных и районно-городских управлений, 3-го батальона полевой жандармерии № 516 [20].

Государственный архив Гродненской области (далее — ГАГрО). В ГАГрО сконцентрирован материал, касающийся не только Генерального окру-

га Беларусь, но и округа Белосток. В своей основе это материалы Новогрудского, Гродненского поветового и городского, Мостовского, Озерского, Скидельского районных комиссариатов. Что касается военных структур, то небольшой материал характеризует комендатуру № 815 403-й ОД тыла группы армий «Центр», а также местных (Гродненская и Ивьевская), городских управ (Гродненская, Ивьевская), Новогрудского магистрата [22]. Сведения о военных подразделениях представлены в фондах местных формирований РОА, начальника полиции безопасности и СД Белостокского округа, Новогрудского отделения полиции безопасности и СД, Лидского окружного управления службы порядка, Гродненской поветовой жандармерии, железнодорожной полицейской охраны г. Лиды, полицейского участка д. Вселюб Новогрудского округа [23]. Одним из важных информационных аспектов является то, что такие документы содержат сведения по истории повседневности, включая жизнь немцев на территории Белостокской, Вилейской и Барановичской областей [96, с. 70—77].

Государственный архив Могилевской области (далее — ГАМогО). Значимыми являются документальные материалы ГАМогО. Это прежде всего документы местных органов управления: Осиповичской окружной, Бобруйской, Могилевской, Осиповичской городских, Белыничской, Бобруйской, Быховской, Кировской, Могилевской, Осиповичской, Пропойской, Хотимской, Чаусской, Чериковской, Шкловской районных управ [28]. Определенный материал о деятельности органов службы порядка представлен в фондах Бобруйского окружного и городского, Бобруйского, Глусского, Кировского, Кличевского, Осиповичского управлений, волостной полиции пос. Елизово Осиповичского района [27].

Таким образом, более двух третей составил основной комплекс в НАРБ. Часть хранится в местных архивах и еще недостаточно изучена. Их введение в научный оборот позволит не только шире воссоздать процессы, но и более системно отразить характер источников, информационную полноту представлений.

Кинофотофонодокументы. Определенный материал по данной теме зафиксирован в фотографиях, кинофильмах отечественного и зарубежного производства, а также звуковых фонозаписях в Белорусском государственном архиве кинофотофонодокументов (далее — БГАКФФД) [32, с. 163—194, 200—203; 10, с. 12]. Так, в 61 фотоальбоме систематизировано 6850 экземпляров фотографий. Трофейные документы, перемещенные в 1945 г. из Германии, широко характеризуют деятельность войск вермахта, оккупационных органов на территории Беларуси (более 10 тыс. ед. хр., кинодокументов — 24 ед. хр.). Это в основном документы о деятельности белорусской коллаборации (РД-БЦР, БСА, БКА, СБМ) и других военно-экономических и культурно-хозяйственных организаций. В германской кинохронике отражены события начала войны (в частности, г. Брест), жизнь населения ряда городов и населенных пунктов Беларуси, политика геноцида германских органов и др. [5, л. 89].

Что касается тематической направленности, то определенную специфику представляют фотоальбомы РОА (альбом № 17 — РОА), полиции и СБМ (альбом № 18), лиц, которые сотрудничали с оккупантами (альбом № 57) и др. В некоторых трофейных документальных кинолентах имеются свидетельства о строевой подготовке членов СБМ, солдат БКО, кадры об антисоветских демонстрациях в Минске, выступлениях президента БЦР Радослава Островского и др. [56, с. 21].

Музейные коллекции. Небольшая часть документального и вещественного материала немецких оккупационных войск хранится в музеях различного типа. Наибольшая их них имеется в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны (далее — БГМИВОВ) [8], а также в 5 областных краеведческих музеях, 6 исторических, 12 районных музеях народной славы (в том числе историко-краеведческих), 19 боевой (народной) славы, 21 музейном учреждении краеведческого, 17 историко-краеведческого характера и 16 других типов [7, с. 367—370; 32, с. 231—235]. Так, в БГМИВОВ коллекция письменных источников насчитывает более 79 тыс. ед. хр., в том числе более 100 ед. хр. — личные документы представителей немецких военных и полицейских структур. Более 31,56 тыс. ед. хр. составляет фотофонд. Часть фонда — это сюжетные фотографии трофейного происхождения, касающиеся боевой деятельности немецкой армии на фронтах, основных аспектов немецкого оккупационного режима на территории Беларуси [61, с. 15].

Безусловно, представляют ценность и материалы, собранные в различных краеведческих музеях. К примеру, Могилевский областной краеведческий музей насчитывает 297 наименований листовок периода Великой Отечественной войны (663 ед., из которых 546 — оригиналы). Среди них и листовки оккупационных органов, Военного совета Русской освободительной армии. Большинство из них — оригиналы [40, с. 301, 304].

Зарубежные архивные источники

В силу специфики комплектования Единого государственного фонда СССР многочисленные архивные фонды по истории Великой Отечественной войны были перемещены в главные союзные архивные учреждения (в настоящее время российские). К ним относятся материалы о взаимоотношениях Красной Армии с германской по фронтам действий, трофейные документы о германской армии, ее руководителях и командирах. Значимая часть документации относится к многочисленным решениям советских и партийных органов в отношении важного западного белорусского плацдарма. В итоге крупные документальные комплексы по истории войны оказались разделенными друг от друга и действовали в определенной мере самостоятельно.

Российские архивные центры. В Российской Федерации военную документацию хранят пять ведомственных архивов: Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО), Центральный военно-морской архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦВМАМО РФ), Центральный пограничный

архив Федеральной службы безопасности России (ЦПАФСБР), Центральный архив внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации (ЦАВВМВД РФ). Но наиболее значительный по объему и содержанию массив документов по истории войны находится в системе государственных архивов России. На федеральном уровне они сосредоточены в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном военном архиве (РГВА), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), Российском государственном архиве военно-морского флота (РГАВМФ), Российском государственном научно-техническом архиве (РГНТА), трех бывших партийных архивах — Центре хранения современной документации (ЦХСД), Центре хранения историко-документальных коллекций (бывшем тайном Особом архиве, ЦХИДК), Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), Российском госархиве звукозаписей (РГАЗ), Российском государственном архиве кинофотодокументов (РГАКФД) [14, с. 67—68].

Определенная часть документальных материалов хранится в государственных архивах России (РГАСПИ. Ф. 69 (9 описей, 19 122 ед. хр. за 1941—1944 гг.), Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования (ЦШПД), материалы Государственной чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (ГЧК. Ф. 644, 1 опись, 463 ед. хр., 1941—1945 гг.), Государственного комитета обороны СССР (ГКО. Ф. 603, 1 опись, 19 ед. хр., 1941—1945 гг.), Всесоюзного комитета помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной Армии (Ф. 71, описи 22—25, 28 — Отдел Великой Отечественной войны, 20 254 ед. хр., 1931—1968 гг.), Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ, 1931—1991 гг., далее РЦХИДНИ, в настоящее время РГАСПИ. Прим.: — *К. К.*). [45, с. 54, 60—61]. При этом определенная часть характеристик по истории оккупации Беларуси дополнена материалами по Украине, Молдове, Польше, Литве, Латвии и другим странам. Личный фонд руководителя ЦШПД П. К. Пономаренко (Ф. 625) в немалой степени углубляет понимание происходящего как в центре, так и на местах [93, с. 27].

В ГАРФ систематизированный материал о деятельности оккупационных органов находится в фондах 7021 «Данные чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их прислужников и нанесенного ущерба», 9526-с «Данные репатриационной комиссии СССР, Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии и Молдавии» и других, в РГВА наиболее значим фонд историко-документальных коллекций (700к, 138к, 1458к), где почти в два раза больше, чем в Германии, находится документов о деятельности министерства оккупированных восточных территорий [86, с. 24].

Фонды ГАРФ являются очень важным источником для понимания взаимоотношений внутри организаций национального движения накануне и в ходе Второй мировой войны и для анализа их контактов с германским военно-политическим руководством. Документы, раскрывающие суть этих взаимоотношений, содержатся в фондах Общеказачьего объединения в Германской империи (Ф. Р-5761), Канцелярии Казачьего национально-освободительного движения (Ф. Р-5762) и в коллекции отдельных документов различных эмигрантских организаций (Ф. Р-9145). Другую группу фондов этого архива представляют собой документы и материалы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (Ф. Р-7021) и Международного трибунала для главных немецких военных преступников (Ф. Р-7445). Эти источники представляют интерес, прежде всего, для понимания сути немецкой «восточной» политики, мероприятий по ее формированию и методов реализации [93, с. 27].

Документы о военнопленных и узниках Второй мировой войны и последующего периода сосредоточены в обширном комплексе документов учреждений, подведомственных ГУВПИ МВД СССР (1939—1960). В их числе документы отделов ГУВПИ, отдельных лагерей, в том числе учетные дела, протоколы допросов иностранных граждан, их воспоминания, собрания литературных произведений, а также документация по захоронению иностранных пленных, умерших на территории СССР. Здесь же имеются официальные документы высших органов Германии и подчиненных им органов полиции и госбезопасности, местных органов, в том числе оккупационных полицейских, хозяйственных, социальных и культурных учреждений и концентрационных лагерей [41].

Документы центральных государственных учреждений, ответственных за оккупированную территорию, представлены делами из министерств по делам оккупированных восточных областей, действовавших на советских землях, и некоторыми материалами Штаба специальной команды Розенберга [3, с. 212—213]. К примеру, такой важный архивный материал о деятельности Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга на оккупированных территориях Украины, Беларуси и России находится в киевских собраниях и представлен в справочнике-указателе (Ф. 3676, 347 ед. хр. и Ф. 3674, 4 ед. хр.). В архиве Москвы в фонде 1401-К насчитывается 77 ед. хр. по данной тематике. Материалы уполномоченного по строительному хозяйству на Востоке и, в частности, в Беларуси об организации Тодт (Ф. R 50 I а), деятельности Оперативного штаба Розенберга (Ф. NS 30, 197 ед. хр.) представлены в немецких архивах [44, с. 8—10].

Оригинальный материал систематизирован в Российском государственном архиве кинофотодокументов, где задокументированы этапы начала военных действий, мобилизации, эвакуации, сбора разведданных, состояния оккупационных органов, мест принудительного содержания военнопленных и гражданского населения, боевые действия сил вермахта, подчиненных им союзнических подразделений, противостояние германским военным и гражданским органам партизанскими формированиями на территории Беларуси [90, с. 278—307, 366—388, 500—527].

Значительный комплекс документов о деятельности оккупационных органов, в частности сил вермахта, отчетные и информационные материалы

находятся в ЦАМО [83, с. 44—47]. В Центральном архиве ФСБ имеется категория следственных дел на граждан, обвиняемых в антисоветской деятельности, в том числе пособников времен Второй мировой войны, карателей времен войны, учетно-проверочные дела на немецких граждан, содержавшихся в спецлагерях на территории советской зоны оккупированной Германии, и трофейных материалов на фольксдойче [3, с. 238].

Украина. Значительный шаг в разработке источниковедческой основы для разработки темы оккупационного режима на территории Украины осуществили украинские историки и архивисты в рамках проекта «Население Украины в период нацистской оккупации (1941—1944)». Для этого возникла необходимость в разработке пяти серий изданий: архивные справочники; документальные издания; устная история; монографические исследования; учебные программы, пособия, хрестоматии по темам оккупации и Холокоста. В оккупационных фондах исследователями проанализированы фонды высших органов управления оккупированными территориями; фонды местных органов оккупационной администрации и органов самоуправления; фонды полиции и формирований, выполнявших полицейские функции; фонды судебных органов; фонды органов экономического освоения оккупированных территорий, транспортного и жилищно-коммунального обеспечения, субъектов хозяйствования; фонды органов управления и обеспечения охраны здоровья; фонды органов и учреждений социального обеспечения и страхования; фонды управленческих структур и отделов образования; фонды управленческих структур в сфере культуры и культурно-просветительных отделов и учреждений; фонды научно-исследовательских учреждений; фонды архивных учреждений; фонды массовой информации и издательств; фонды религиозных организаций; фонды общественных организаций и объединений; фонды военных учреждений, частей, формирований. Учитывая, что часть территории Беларуси входила в состав Рейхскомиссариата Украины (РКУ), то представляют интерес документы Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины (далее — ЦГАВОВУ): фонд 3206 и штабов имперского руководителя Альфреда Розенберга в оккупированных западных и восточных областях (Ф. 3674, 3676), генерал-комиссара Волынь-Подолии (Ф. 2077). Несмотря на то, что большая часть архива РКУ не сохранилась, тем не менее в ЦГАВОВУ насчитывается 1204 ед. хр. (6 описей). Среди документов начальника полиции порядка в Украине (Ф. 3679, 65 ед. хр.) преобладают месячные финансовые счета полиции порядка, в том числе городов Бреста, Гомеля и Пинска. В Государственном архиве Волынской области (ГАВО) содержатся документы, характеризующие период нацистской оккупации в Брестском и Пинском округах. Аналогичные материалы имеются в Государственном архиве Житомирской области (ГАЖО) о Хойникском районе, Государственном архиве Ровенской области (ГАРО) о смежных районах, где действовали ОУН-УПА (Р-Ф. 30, 156 ед. хр.), Государственном архиве Черниговской области (ГАЧО) о партизанских формированиях

и их противостоянии германским оккупационным органам [4, с. 15—16, 21—22, 33—34, 39, 121, 175, 467].

Определенный интерес для изучения проблемы белорусских коллаборационистских формирований представляют материалы Государственного архива Автономной Республики Крым. Так, в фондах Крымского обкома Компартии Украины (Ф. П-1), Крымского штаба партизанского движения (Ф. П-151) и Крымской комиссии по истории Великой Отечественной войны (Ф. П-156) находится много немецких трофейных документов, представляющих собой приказы и инструкции по борьбе с партизанским движением. Как правило, это документы общего характера, централизованно рассылавшиеся на все оккупированные территории. Однако есть и такие документы, которые различные немецкие инстанции, занятые антипартизанской борьбой, посылали друг другу с целью обмена опытом. Например, с 1942 по 1943 г. такая устойчивая связь существовала между крымским Штабом по борьбе с бандитизмом и структурами Главного фюрера СС и полиции «Россия-Центр», в зону ответственности которого входила Беларусь. Следует отметить, что значительное место среди этих документов занимают всевозможные инструкции по использованию местного населения в борьбе против партизан [93, с. 27—28].

Латвия. Значимый для историков документальный материал находится в Государственном архиве Латвии. Это прежде всего документы рейхскомиссара Остланда (Ф. Р-70), штаба вермахта Остланда (Ф. Р-80), высшего руководителя СС и полиции Остланд (Ф. Р-82), о содержании офицеров и солдат вермахта (Ф. Р-180), командира полиции Зипо и СД Остланда (Ф. Р-252), министерства оккупированных восточных областей (Ф. Р-1018), тайной государственной полиции (Ф. Р-1019), главного штаба Зипо и СД Остланда (Ф. Р-1026). Там же находится и фонд Константина Езовитова и др. Некоторые данные о противостоянии партизанских сил и формирований вермахта находятся в бывшем архиве Центрального комитета Компартии Латвии (Ф. РА-101), там же и значимый фонд латвийского штаба партизанского движения (Ф. 302) [132; 56, с. 21].

Литва. Некоторый материал, как, например, архивно-судебные дела на бывших участников литовских полицейских батальонов, находится в архивах Литвы.

Польша. Безусловно, немало материалов имеется и в польских архивах [57, с. 146—149; 56, с. 22]. Это прежде всего относится к *Архиву актов новых в Варшаве (далее — AAN)*. Собранные там материалы о деятельности на всей территории Польши военных формирований Армии Крайовой, ее отдельных разведывательных и политических служб и подразделений охватывают и часть территории Беларуси. Взаимоотношения с украинскими и белорусскими партизанскими структурами, а также наличие и деятельность германских служб, ее карательных органов — концентрационных лагерей, мест принудительного содержания отражают жизнь населения в условиях германской оккупации. Немалая часть информационного материла оккупационных органов о

положении на западной территории Беларуси лежат в основе «Александрийских микрофильмов», которые стали доступны польской стороне. В частности, здесь отражено привлечение местного населения, военнопленных в различные сферы политической, хозяйственной и военной оккупационной деятельности [2]. Так, комплекс документов по проблеме истории национальных меньшинств Беларуси в годы оккупации находится в документации департамента информации и прессы Делегатуры правительства Речи Посполитой на оккупированных территориях (опись 22). Сотрудники его Восточной секции и Национального бюро анализировали оккупационную политику во востоке, настроение населения и отдельных национальных групп [47, с. 36].

Институт памяти народной (далее — IPN). Комиссия по расследованию нацистских преступлений на всей территории довоенной Польши начала свою деятельность еще в 1960-х гг., когда были живы многие свидетели. Собранные архивы IPN хранят в том числе тысячи и тысячи страниц материалов репрессий немцев против граждан СССР. Это военнопленные, мирные жители населенных пунктов Западной Беларуси. В одном из филиалов IPN в Белостоке хранится немалый состав такого рода документации. Многочисленная картотека содержит множество персонифицированных историй [38].

Германия. Для исследователей деятельности вооруженных сил Германии, а также созданных на оккупированных ими территориях различных органов наиболее значимым научным центром является Бундесархив (далее — ВА), документы которого размещены в Берлине и Фрайбурге [86, с. 25—73].

Комплекс материалов является очень обширным и охватывает значительный круг вопросов, которые можно разделить на три группы. В первой группе представлены фонды высших органов командования германских вооруженных сил: Верховного командования сухопутных войск (Ф. RH 2), генерала восточных и иностранных формирований (Ф. RH 58), отдела пропаганды вермахта (Ф. RW 4) и отдела военной разведки и контрразведки — Абвера (Ф. RW 5). В этих фондах содержится общая информация о коллаборационистских формированиях по родам войск, приведена их классификация, структура и численность за разные периоды.

К следующей группе можно отнести фонды военной администрации, действовавшей на территории оккупированной Беларуси. В данном случае наиболее интересными представляются фонды командующего тыловым районом группы армий «Центр» (Ф. RH 22) и командующего войсками вермахта в Рейхскомиссариате Остланд (Ф. RH 41). Анализ информации, хранящейся в этих фондах, позволяет осветить такие вопросы, как организация и функции немецкой военной администрации на территории Беларуси, ее силовые структуры, борьба с партизанским движением, привлечение к сотрудничеству местного населения и его участие в поддержании порядка. Очень подробно освещается участие структур вермахта в создании и использовании белорусской полиции, самообороны и других формирований.

Последняя группа фондов представлена документами и материалами по истории частей и соединений войск СС. Наибольший интерес представляет фонд 30-й гренадерской дивизии войск СС (Ф. RS 3—30). В материалах фонда содержатся приказы, инструкции и отчеты командования дивизии, ее полков и батальонов, относящиеся к периоду боевых действий на Западном фронте. Для анализа ситуации на территории оккупированной Беларуси определенный интерес представляют документы из фондов Специальной команды «Дирлевангер» (Ф. RS 3—36) и Восточно-мусульманской дивизии войск СС (Ф. RS 3—39).

Наконец, в коллекции этого архива нельзя не отметить так называемый фонд генерала В. Позднякова (Ф. MSg 149). Главным образом, это документы по истории власовского движения, которые на протяжении всей своей жизни собирал этот ближайший соратник бывшего советского генерала. Собственно, документы этого фонда не затрагивают истории оккупированной Беларуси. Однако они являются незаменимыми при рассмотрении проблемы взаимоотношений власовского движения и белорусских национальных организаций за период с 1944 по 1945 г. Например, при воссоздании полной картины переговоров между руководством Комитета освобождения народов России (КОНР) и БЦР.

Проблема взаимоотношений внутри лагеря коллаборационистов, но с точки зрения представителей нерусских национальных движений, может быть освещена при помощи информации, хранящейся в архиве мюнхенского Института современной истории. Это документы и материалы из так называемого «фонда Ю. Торвальда», главным образом рукописи участников описываемых событий или интервью с ними, собранные после войны известным немецким историком.

Значительный интерес для историков и специалистов представляют документы Собрания рукописей Управления военно-исторических исследований Министерства обороны ФРГ. Здесь речь идет, прежде всего, о послевоенных воспоминаниях, памятных записках и интервью участников процесса создания и использования коллаборационистских формирований. Как правило, эти материалы можно условно разделить на те, которые вышли из немецкой среды, и те, которые были написаны либо бойцами добровольческих формирований, либо представителями национальных организаций, имевших непосредственное отношение к этим формированиям. К числу первых следует отнести документы, авторами которых были такие немецкие военные деятели, как Р. фон Хайгендорф и Э. Кестринг. Во вторую группу входят материалы, подготовленные уже упоминавшимся власовцем В. Поздняковым [93, с. 28—29].

В *Военном архиве Фрайбурга* находятся источники о военном положении в Беларуси, материалы группы армий «Центр» (армейский корпус, 201-я, 286-я, 707-я ОД, комендатуры) [117]. Так, в фонде RW 41 имеются документы командующего вермахтом о деятельности войск безопасности по охране

занятой территории, охране дорог и транспортных средств, продуктов питания и т. д. Аналогичные сведения представлены в материалах командующего тыла на территории группы войск (Ф. RH 22) и коменданта армейской тыловой области (Ф. RH 23) [86, с. 28].

Значительный интерес представляют малоизученные материалы об участии иностранных формирований в составе войск вермахта (французы, румыны, венгры и др.) [118]. Среди них документы о деятельности военной администрации по созданию мест принудительного содержания граждан на территории Беларуси, об акции вермахта против партизан [119], о действиях германских войск в Беларуси. К примеру, материалы военных комендатур Витебска, Бобруйска, Минска и др. [123], показывающие деятельность зондеркоманды Дирлевангера, кавалерийской бригады СС [120], многочисленные дела о хозяйственной деятельности штаба «Восток» [122].

Исследователей может привлечь малоизвестный для них фонд 756/197 (30-я гренадерская дивизия СС, белорусская № 1), в котором собраны документы по истории различных полицейских формирований, в том числе действовавших в районе Барановичей, Бытеня, Вилейки, Ганцевичей, Глубокого, Лиды, Столбцов, Слонима, Слуцка (за исключением материалов по персональному составу, которые переданы в Аахен, — в архив по персональному составу военнослужащих вермахта). Небезынтересны документы о РОА (Ф. 756/195), особенно приказы начальника СС и полиции «Россия-Центр» и «Беларусь», дневники боевых действий 9-го армейского корпуса, начальника полиции порядка и др. Там имеются также сведения о деятельности белорусских полицейских формирований, в частности, которые принимали участие в карательных операциях в составе бригады Каминского [86, с. 28].

В *архивах Берлина* — Лихтэрфельде, Целендорфе, Хопенгартене — находятся документы Третьего Рейха, гражданской администрации, Рейхскомиссариата Остланд. Так, в фонде Рейхскомиссариата Остланд (Ф. R 90) представлены приказы и распоряжения рейхскомиссара Розенберга и рейхскомиссара Лозе об организации работы новой гражданской администрации на оккупированной территории и проведении организационной, политико-пропагандистской работы среди местного населения по выполнению различных мероприятий в соответствии с указаниями высшего руководства Германии. В соответствии с установленным порядком основу документальных материалов фонда Рейхсминистерства вновь оккупированных восточных территорий составили подчиненные ему органы различных территориальных образований, в том числе ГКБ, РКУ, ГО Белосток и др. (см.: округа Белостока, Брест-Литовска, Кобрина, Минска, Петрикова, Пинска, Слонима, Слуцка и др.) [126]. Более 20 фондов содержат массовые доказательства о деятельности значимых структурных подразделений и их роли в осуществлении военной, экономической и политической сфер [128].

Однако в фонде ГКБ (ВА. R 93), где сконцентрирован аналитический и фактологический материал за период деятельности гражданских органов управления, сохраняется только 21 ед. хр. (в сравнении с 3421 ед. хр. фонда НАРБ) [86, с. 27]. Тем не менее, протокольное заседание генерального комиссара Вильгельма Кубе с представителями военной и гражданской местной администрации в апреле 1943 г. может дать ответы на многие исследовательские вопросы [11]. Определенный интерес представляют материалы «Остланда», РКУ, где отражена оккупационная политика военно-полицейских служб на части территории Беларуси, входившей в сферу влияния или руководства органов оккупационной власти [127]. Отдельные материалы выявлены в различных фондах. К примеру, документы руководителя службы порядка о положении в Гродно, русских шутцманшафтах, жандармерии за 1941—1944 гг. [125] значительно могут дополнить материалы из киевских собраний о деятельности оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга на территориях, входивших в состав РКУ (Брест-Литовск, Столин, Кобрин, Пинск и др.) [44, с. 379, 392—393, 397, 404—405].

Представляющими интерес являются материалы о военно-экономической политике на восточных территориях различных формирований, в том числе небольших рабочих инспекций ЦТО «Восток». Данные документы имеют оригинальную основу и значительно дополняют архивы Фрайбурга [124]. В *архиве Кобленца* сконцентрированы фото- и кинодокументы [85, с. 114—120; 61, с. 59]. Достаточно важный комплекс документов о потерях вермахта и военнопленных находится в *немецкой службе Берлина* и частично *Потсдама* (WASt) [130, s. 9—10]. Небольшая часть документации судебных процессов над нацистскими преступниками, в том числе действовавшими в составе карательных формирований на территории Беларуси, сосредоточена в *архиве Людвигсбурга* [133].

В *Международной службе поиска в г. Арользене (Германия)* имеются сведения о находившихся в концентрационных лагерях Германии и на оккупированной территории Западной Европы лицах, которые работали на бауэров и на предприятиях Германии. Всего там имеется 25 погонных км различных документов с картотекой на 46 млн карточек на граждан, которые попали в немецкое рабство [59, с. 71; 82; 116].

В развитие госпрограмм ФРГ по выплате компенсации гражданам Беларуси — узникам фашизма германскими учреждениями привлечено внимание общественности к данной проблеме через организацию в городах выставок фотодокументов, наглядной агитации периода войны, справочных материалов [12, с. 2; 13; 95].

Великобритания, США. Одним из важных центров по хранению источников белорусской коллаборации периода Второй мировой войны, но практически неизвестным для белорусского исследователя остается архив библиотеки им. Скорины в Лондоне [46, с. 169—175]. Состав его комплекто-

вания обусловил и специфику документов, переданных, приобретенных в ходе организации музея от лиц, перемещенных под влиянием событий войны и являвшихся непосредственными их участниками и в большинстве случаев представлявших белорусскую коллаборацию. В Национальном архиве США (NARA) в микрофильмах отражены отчеты офицеров СС из Берлинского центра документации (А3343), оперативные документы группы армий «Центр» (Т-311, Т-354). Так, в фонде Т-354 содержится более 200 копий документов особого формирования СС Дирлевангера, в том числе приказы, оперативные донесения, телеграммы, выписки из личных дел [35, с. 14].

Израиль. Вызывает интерес и документальный материал в архиве Яд Вашем (Иерусалим), где представлены характеристики военных формирований при осуществлении карательных операций против евреев, в том числе и Беларуси, сконцентрированы своеобразные материалы узников гетто, свидетелей массового уничтожения народов периода Второй мировой войны. Практически это самое большое в мире собрание документов о Катастрофе еврейского народа. 125 млн страниц подлинных документов, фильмов, 420 тыс. фотографий и более 100 тыс. свидетельств являются неопровержимым доказательством геноцида и преступлений против человечества, совершенных нацистами и их помощниками [30].

Исследовательские направления и разработки. Исследование отечественной и зарубежной источниковой базы о германских военных и гражданских оккупационных органах на территории Беларуси дает возможность для историков комплексно и системно представить типологию и структуру органов управления, их основные формы организации и деятельности, рамки специфических условий как для германской, так и советской, и белорусской стороны. Введение организационно-распорядительных документов, статистических характеристик органов управления и властных структур, многообразных формирований и организаций позволяют определить новые, уточненные параметры оккупационной политики, указать периодизацию основных событий, характер установления и деятельности военных, военно-экономических и гражданских служб и формирований, сил военной и политической коллаборации, степень взаимоотношения военной и гражданской власти.

Определению основных базовых категорий оккупационного режима при их временной, территориальной и социальной взаимосвязи будут способствовать источниковые комплексы оккупационных органов, отложившиеся в архивах Беларуси, затем Германии и России, Украины и Латвии. Белорусский комплекс документации неполный и отражает лишь часть комплекса о природе оккупационного режима, его специфике. В итоге назрела потребность разобрать источниковедческие и историографические «завалы» и попытаться определить:

место Беларуси в истории Великой Отечественной и Второй мировой войн;

этапы формирования структур военных, военно-экономических, гражданских и политических органов и их функциональность;

характер и формы германского оккупационного режима, его военные, военно-экономические и гражданские органы и службы как совокупность государственной военной и политической системы;

формы деятельности военной администрации, так как значительная часть СССР, в том числе Беларусь, находилась в зоне деятельности вермахта и его служб;

уровень, степень и роль влияния политического руководства на функционирование региональных военных и гражданских форм управления;

физические и гуманитарные последствия оккупационного режима на состояние гражданского общества Беларуси;

роль и место военной и политической коллаборации в системе оккупационной политики;

тенденции, особенности состояния и деятельности оккупационных органов;

социальную мотивацию в деятельности представителей военных и гражданских органов;

объективность и научность источниковедческой базы и уровень ее информационного ресурса.

Список сокращений

БГАКФФД — Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов
БГМИВОВ — Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны
БКО — Белорусская краевая оборона
БЦР — Белорусская центральная рада
БШПД — Белорусский штаб партизанского движения
ГАБО — Государственный архив Брестской области
ГАВО — Государственный архив Витебской области
ГАГО — Государственный архив Гомельской области
ГАГрО — Государственный архив Гродненской области
ГАМО — Государственный архив Минской области
ГАМогО — Государственный архив Могилевской области
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГКБ — Генеральный комиссариат Беларусь
ГОБ — Генеральный округ Беларусь
ед. хр. — единица хранения
ИИП — Институт истории партии
ИМЛ — Институт марксизма ленинизма
МВД — Министерство внутренних дел
млн — миллион
НКВД — Наркомат внутренних дел
ОД — охранная дивизия
РГАВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота

РГАЗ — Российский госархив звукозаписей
РГАКФД — Российский государственный архив кинофотодокументов
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
РГВА — Российский государственный военный архив
РГНТА — Российский государственный научно-технический архив
РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия
РКО — Рейхскомиссариат Остланд
РКУ — Рейхскомиссариат Украина
РОА — Русская освободительная армия
СБМ — Союз белорусской молодежи
тыс. — тысяча
Ф. — фонд
ЦАВВМВД РФ — Центральный архив внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации
ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны
ЦВМАМО РФ — Центральный военно-морской архив Министерства обороны Российской Федерации
ЦПАФСБР — Центральный пограничный архив Федеральной службы безопасности России
ЦТО — Центральное торговое общество
ЦХИДК — Центр хранения историко-документальных коллекций (бывший Особый архив)
ЦХСД — Центр хранения современной документации
ЦШПД — Центральный штаб партизанского движения

ВА — Бундесархив
ВА МА — Бундесархив-военный архив

Источники и литература

1. Акупацыйны рэжым // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941—1945. — Мінск, 1990.
2. Архив актов новых в Варшаве. Режим доступа: http://www.aan.gov.pl/index_pl.php?action=3_2. Дата доступа: 08.2013.
3. Архивы России, Москвы и Санкт-Петербурга. Справочник-обозрение и библиографический указатель. — М., 1997.
4. Архіви окупації. 1941—1944. Т. 1 / Держ. ком. архівів України; Упоряд. Маковська Н. — Київ, 2006.
5. БГАКФФД. — Ф. 1189. — Оп. 1. — Ед. хр. 17.
6. Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны (22 июня — август 1941 г.): док. и материалы / сост.: В. И. Адамушко [и др.]. — Минск, 2006. — 458 с.
7. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941—1945. Энцыкл. — Мінск, 1990.
8. Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. Путеводитель. — Минск, 1997.
9. Библиография оккупационных периодических изданий, выходивших на территории Белоруссии в 1941—1944 гг. / БелНИЦДААД; авт.-сост. С. В. Жумарь; Науч. ред. А. Ф. Макаревич. — Минск, 1995. — 48 с.
10. Бірукова, В. Акупацыя ў дакументах // Беларуская мінуўшчына. — 1997. — № 1(23).

11. ВА. — R 93/20.
12. Валакіда, Н. На нямецкую фотавыставу злачынстваў вермахта запрошаны беларускія вязні фашысцкіх канцлагераў // Народная воля. — 1998. — 4 жніўня.
13. Взаимопонимание и примирение. — Минск, 2001.
14. Вновь открытые документы по истории Великой Отечественной войны в российских архивах // Козлов, В. П. Российское архивное дело. Архивно-источниковедческое исследование. — М., 1995.
15. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944): Документы и материалы. В 3 т. — Минск, 1967—1982.
16. Габерэр, Э. Нямецкая жандармерыя і беларускія партызаны ў 1941—1944 гг. // АРХЕ. — № 1. — 2013.
17. ГАВО. — Ф. 2083, 15 ед. хр.; Ф. 2828, 3 ед. хр.; Ф. 2840, 2 ед. хр.; Ф. 2825, 1 ед. хр.; Ф. 2844, 9 ед. хр.; Ф. 2087, 33 ед. хр.; Ф. 2123, 323 ед. хр.; Ф. 2088, 91 ед. хр.; Ф. 2074, 688 ед. хр.; Ф. 2081, 35 ед. хр.; Ф. 2127, 11 ед. хр.; Ф. 2109, 30 ед. хр.
18. ГАВО. — Ф. 2838, 2 ед. хр.; Ф. 2830, 4 ед. хр.; Ф. 2084, 8 ед. хр.; Ф. 2092, 219 ед. хр.; Ф. 2150, 7 ед. хр.; Ф. 2111, 13 ед. хр.; Ф. 2107, 2 ед. хр.; Ф. 2832, 1 ед. хр.
19. ГАВО. — Ф. 2839, 4 ед. хр.; Ф. 2098, 1 ед. хр.; Ф. 1610, 1 ед. хр.; Ф. 2110, 1 ед. хр.; Ф. 2827, 1 ед. хр.; Ф. 1608, 2 ед. хр.; Ф. 2099, 4 ед. хр.; Ф. 2146, 5 ед. хр.; Ф. 2085, 1 ед. хр.; Ф. 2145, 1 ед. хр.; Ф. 2130, 2 ед. хр.; Ф. 1607, 11 ед. хр.; Ф. 2122, 4 ед. хр.; Ф. 2116, 3 ед. хр.; Ф. 2102, 4 ед. хр.; Ф. 1602, 6 ед. хр.
20. ГАГО. — Ф. 1349, 2 ед. хр.; Ф. 1319, 37 ед. хр.; Ф. 1346, 1 ед. хр.; Ф. 2765, 2 ед. хр.; Ф. 1809, 92 ед. хр.; Ф. 1689, 1 ед. хр.; Ф. 1811, 20 ед. хр.
21. ГАГО. — Ф. 1853, 1 ед. хр.; Ф. 1687, 1 ед. хр.; Ф. 1326, 17 ед. хр.; Ф. 1334, 3 ед. хр.; Ф. 1316, 5 ед. хр.; Ф. 1846, 26 ед. хр.; Ф. 2757, 1 ед. хр.; Ф. 1344, 33 ед. хр.; Ф. 2752, 1 ед. хр.; Ф. 1322, 29 ед. хр.; Ф. 1810, 2 ед. хр.; Ф. 1850, 15 ед. хр.; Ф. 2764, 1 ед. хр.; Ф. 1557, 1 ед. хр.; Ф. 2818, 2 ед. хр.; Ф. 1318, 8 ед. хр.; Ф. 1827, 2 ед. хр.; Ф. 1940, 1 ед. хр.
22. ГАГрО. — Ф. 642, 11 ед. хр.; Ф. 1, 612 ед. хр.; Ф. 2, 180 ед. хр.; Ф. 117, 25 ед. хр.; Ф. 115, 3 ед. хр.; Ф. 116, 16 ед. хр.; Ф. 8, 12 ед. хр.; Ф. 1115, 2 ед. хр.; Ф. 665, 1 ед. хр.; Ф. 15, 36 ед. хр.; Ф. 681, 2 ед. хр.; Ф. 646, 2 ед. хр.
23. ГАГрО. — Ф. 1251, 1 ед. хр.; Ф. 1084, 1 ед. хр.; Ф. 503, 2 ед. хр.; Ф. 69, 3 ед. хр.; Ф. 12, 15 ед. хр.; Ф. 74, 1 ед. хр.; Ф. 1250, 1 ед. хр.
24. ГАМО. — Ф. 623—625, 681, 1538, 1604, 4218, 4221—4222.
25. ГАМО. — Ф. 630, 632, 1195, 1540—1543, 1566, 1585, 4225, 4229, 4235, 2227.
26. ГАМО. — Ф. 638—639, 814, 1251, 1545, 1616, 1612, 1279, 1609.
27. ГАМогО. — Ф. 840, 17 ед. хр.; Ф. 844, 3 ед. хр.; Ф. 860, 1108 ед. хр.; Ф. 2884, 1 ед. хр.; Ф. 871, 6 ед. хр.; Ф. 2883, 2 ед. хр.; Ф. 2319, 1 ед. хр.
28. ГАМогО. — Ф. 847, 3 ед. хр.; Ф. 858, 657 ед. хр.; Ф. 260, 169 ед. хр.; Ф. 259, 65 ед. хр.; Ф. 258, 25 ед. хр.; Ф. 265, 2 ед. хр.; Ф. 303, 2 ед. хр.; Ф. 859, 324 ед. хр.; Ф. 304, 9 ед. хр.; Ф. 301, 2 ед. хр.; Ф. 866, 9 ед. хр.; Ф. 261, Ф. 845, 435 ед. хр.; Ф. 300, 4 ед. хр.; Ф. 302, 1 ед. хр.; Ф. 305, 28 ед. хр.
29. Гомельщина партизанская. Сборник документов и материалов. Вып. 1. Начало. Июнь—май 1942 г. / сост. В. Д. Селеменев [и др.]. — Минск, 2010.
30. Документация Яд Вашем. Режим доступа: http://www.yadvashem.org/yv/ru/about/documentation.asp. Дата открытия: 07.2015.

31. Документы Национального архивного фонда Республики Беларусь в Национальной библиотеке и музеях системы Министерства культуры и печати Республики Беларусь: Справочник / Комитет по арх. и делопроизводству Респ. Беларусь, БелНИЦДААД; сост.: О. А. Добычина, В. И. Пташникова; Под ред. А. Н. Михальченко. — Минск, 1995. — 167 с.
32. Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Республики Беларусь. — Минск, 1998.
33. Дюков, А. Р. Операция «Зимнее волшебство»: нацистская истребительная политика и латвийский коллаборационизм. — М., 2011.
34. Еленская, И. Э. Документы немецко-фашистских оккупационных органов управления и учреждений как исторический источник (по материалам Госархива Брестской обл.): Автореф. дис. …канд. ист. наук. — Минск, 1999. — С. 26—28.
35. Жуков, Д. А. Охотники за партизанами. Бригада Дирлевангера. — М., 2013.
36. Жумарь, С. В. Оккупационная периодическая печать на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны / БелНИИДАД. — Минск, 1996. — 286 с.
37. «Зимнее волшебство». Нацистская карательная операция в белорусско-латвийском пограничье, февраль—март 1943 г. — М., 2013. — 512 с.
38. Институт памяти народной. Режим доступа: http://russianmemory.ru/ru/polsha-litva/polsha-litva. Дата открытия: 08.2013.
39. Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». — 1997. — Март. — № 21.
40. Кандратьева, Л. Листовки периода Великой Отечественной войны из фондов краеведческого музея // Мінулае і сучасная гісторыя Магілёва. — Магілёў, 2001.
41. Книги смерти Освенцима: Дети Белоруссии, России, Украины, погибшие в Освенциме в 1942—1943 гг.: (по книгам репатриации смерти узников Освенцима). — М., 1995.
42. Козак, К. И. Германский оккупационный режим на территории Беларуси. 1941—1944 гг.: историография и источники. Минск, 2006. — 268 с.
43. Козак, К. И. Оккупационный режим в Беларуси в период Великой Отечественной войны (1941—1944). Источниковедческий обзор // Гістарычныя крыніцы: праблемы класіфікацыі, вывучэння і выкладання. — Мінск, 1998.
44. Кошеварова, Н. Деятельность Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга в оккупированной Европе в период Второй мировой войны. Справочник-указатель архивных документов из киевских собраний / Н. Кошеварова, Н. Малолетова. — Киев, 2006.
45. Краткий путеводитель. Фонды и коллекции, собранные Центральным партийным архивом. Вып. 1. Справочно-информационные материалы к документальным фондам РЦХИДНИ. — М., 1993.
46. Крывадубская, Н. Матэрыялы па гісторыі ў Беларускай бібліятэцы і музеі імя Францішка Скарыны ў Лондане // Рэстытуцыя культурных каштоўнасцей: праблемы вяртання і сумеснага выкарыстання (юрыдычныя, навуковыя і маральныя аспекты). Матэрыялы міжнарод. навук. канф. Мінск, 19—20 чэр. 1997 г. — Мінск, 1997.
47. Крывашэй, Д. А. Нацыянальныя супольнасці Беларусі ў перыяд германскай акупацыі (чэрвень 1941 — ліпень 1944 гг.). — Мінск, 2009.
48. Кубека, С. П. Дакументы па гісторыі партызанскага руху ў Беларусі ў 1942 г. з Нацыянальнай калекцыі «Александрыйскія мікрафільмы» // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Вып. 3. — Мінск, 2002.

49. Кубека, С. П. Германскі акупацыйны рэжым на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны: (па матэрыялах нацыянальнай калекцыі «Александрыйскія мікрафільмы») // Вестник МГЛУ. Серия 3. История, философия, экономика, культурология, политология: научный ежегодник. — № 4. — 2005.
50. Кубека, С. П. Пачатак Вялікай Айчыннай вайны ў адлюстраванні калекцыі «Александрыйскія мікрафільмы» // Великая Победа: героизм и подвиг народов. В 2 т. — Т. 1. — Минск, 2006. — С. 108—111.
51. Курков, И. Н. Анкета как исторический источник (на материалах «Опросных листов для возвратившихся на родину из германской неволи» // Гістарычныя крыніцы: праблемы класіфікацыі, вывучэння і выкладання. Мінск, 23—24 красавіка 1998 г. Матэрыялы да Міжнарод. навук.-практ. канф. — Мінск, 1998.
52. Кюнрих, Г. Партизанская война в Европе 1939—1945. — Т. 2. — [БД].
53. Лагерь смерти Тростенец. Документы и материалы. / сост.: В. И. Адамушко, Г. Д. Кнатько, Н. Е. Калесник, В. Д. Селеменев, Н. А. Яцкевич. Под ред. Г. Д. Кнатько. — Минск, 2003. — 292 с.
54. Лагеря советских военнопленных в Беларуси, 1941—1944 / авт.-сост. В. И. Адамушко и др. . — Минск, 2004. — 192 с.
55. Лісава, Л. Дакументальны фонд Дзяржаўнага архіва Мінскай вобласці перыяду Вялікай Айчыннай вайны (1941—1944) // Беларусь у гады Другой сусветнай вайны: урокі гісторыі і сучаснасць. — Мінск, 1995.
56. Літвін, А. М. Антысавецкія ваенна-паліцэйскія фарміраванні на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. 1941—1944 гг. Вытокі. Структура. Дзейнасць. Аўтарэф. дыс. … д-ра гіст. навук. — Мінск, 2000.
57. Літвін, А. М. Дакументы па гісторыі Беларусі ў Варшаўскай публічнай бібліятэцы // Выяўленне, сумеснае выкарыстанне і вяртанне архіўных, бібліятэчных і музейных каштоўнасцей, якія захоўваюцца ў замежных краінах. — Вып. 6. — Мінск, 1999.
58. Макаренко, Е. А. Система научно-справочного аппарата как основа для изучения состава и содержания документов Национального архива Республики Беларусь // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Навуковы зборнік. — Выпуск 8. — Мінск, 2013. — 219 с.
59. Месцы прымусовага ўтрымання грамадзянскага насельніцтва на часова акупіраванай тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны: Даведнік / Камітэт па арх. і справаводству Рэсп. Беларусь; склад.: У. І. Адамушка, В. У. Бірукова (адк. склад.), У. П. Крук, Г. А. Кудракова; Навук. рэд. У. І. Адамушка. — Мінск, 1996. — 76 с.
60. Минская область в документах и материалах: сборник / сост.: Е. А. Гребень, В. М. Матох. — Минск, 2013. — 143 с.
61. Мужество и трагедия народа: По материалам «круглого стола», посвящ. 55-летию Победы в Великой Отеч. войне (Минск, 3 мая 2000 г.) / БелНИИДАД; Археогр. комис. Гос. ком. по арх. и делопроизводству Респ. Беларусь; Бел. респ. фонд «Взаимопонимание и примирение»; Нац. арх. Респ. Беларусь; Отв. ред.: Р. П. Платонов, В. В. Федосов. — Минск, 2000. — 91 с.
62. НАРБ. — Ф. 4. — Оп. 33а. — Ед. хр. 69; Ф. 3619. — Оп. 1. — Ед. хр. 5; Ф. 1440. — Оп. 3. — Ед. хр. 1036; Ф. 4072. — Оп. 1. — Ед. хр. 32; Ф. 750. — Оп. 1. — Ед. хр. 129—136; Ф. 1440. — Оп. 3. — Ед. хр. 343, 712, 785, 1001.
63. НАРБ. — Ф. 370, 3421 ед. хр.; Ф. 372, 25 ед. хр.
64. НАРБ. — Ф. 378 (Главная железнодорожная дирекция г. Минска, 1423 ед. хр.).
65. НАРБ. — Ф. 379. — Оп. 1, 469 ед. хр.

66. НАРБ. — Ф. 394, 24 ед. хр.
67. НАРБ. — Ф. 400. — Оп. 1, 400 ед. хр.
68. НАРБ. — Ф. 528, 581, 877, 1369, 1487.
69. НАРБ. — Ф. 541.
70. НАРБ. — Ф. 908.
71. НАРБ. — Ф. 908. — Оп. 1.
72. НАРБ. — Ф. 954. — Оп. 1. — Ед. хр. 1. — Л. 1—222.
73. НАРБ. — Ф. 1250, 1 ед. хр.
74. НАРБ. — Ф. 1440. — Оп. 3. — Ед. хр. 289—321.
75. НАРБ. — Ф. 1440. — Оп. 3. — Ед. хр. 365, 341—342, 681, 684, 702, 707, 776, 1023; Ф. 3795. — Оп. 1. — Ед. хр. 2.
76. НАРБ. — Ф. 1440. — Оп. 3. — Ед. хр. 536—540, 544, 611, 613, 667— 669, 688—693, 695—760, 780—783, 830, 773—779.
77. НАРБ. — Ф. 1440. — Оп. 3. — Ед. хр. 644—658, 679, 703, 713—718, 720—721, 723—724, 726—729, 824, 831—835, 837—912, 1023.
78. НАРБ. — Ф. 1440. — Оп. 3. — Ед. хр. 711, 820—821.
79. НАРБ. — Ф. 1440. — Оп. 3. — Ед. хр. 864.
80. НАРБ. — Ф. 1440. — Оп. 3. — Ед. хр. 914—915, 927—928, 930, 939, 941, 989, 992, 1000—1001.
81. НАРБ. — Ф. 1440. — Оп. 3. — Ед. хр. 1001. — Л. 27, 37, 45—46, 48, 50, 69.
82. Национал-социалистические преследования в документах Международной службы розыска. — Арользен, 1998.
83. Никитченко, Т. И. Хранилище документов Великой Отечественной войны // Советские архивы. — 1975. — № 2.
84. Новікаў, С. «Александрыйскія мікрафільмы» як новая гістарычная і археаграфічная першакрыніца // Архівы і справаводства. — 2000. — № 3.
85. Новікаў, С. Архівы Германіі як крыніца новых ведаў і навуковага пошуку па гісторыі Беларусі перыяду Другой сусветнай вайны // Архівы і справаводства. — № 5. — 2000.
86. Новікаў, С. Я. Эканамічная палітыка нацысцкай Германіі ў Беларусі 1941—1944 гг. (агляд крыніц і германскай гістарыяграфіі 1990-х гадоў) . — Мінск, 2002.
87. Озаричи — лагерь смерти. Документы и материалы. — Минск, 1997.
88. Паўлаў, Я. Як загінуў Езавітаў / Я. Паўлаў, У. Міхнюк // Полацак. — 1992. — № 6—10; 1993. — № 1—4;
89. Потттисера, Г. Немецкая центральная императорская железная дорога в восточном походе 1939—1944. — Т. 6—7. — [БД].
90. Путеводитель по кинофотодокументам Российского государственного архива кинофотодокументов. — М., 2010.
91. Раманоўскі, В. Саўдзельнікі ў злачынствах. — Мінск, 1964.
92. Рассакрэчаныя архівы: Дакументы дзяржаўных архіваў Рэспублікі Беларусь, якія пераведзены на адкрытае захоўванне: Даведнік. Вып. 1 / Камітэт па арх. і справаводству Рэсп. Беларусь; БелНДІДАС; склад.: В. А. Дабычына, В. І. Пташнікава; Рэд. А. М. Міхальчанка. — Мінск, 1993. — 147 с.
93. Романько, О. В. Легион под знаком «Погони». Белорусские коллаборационистские формирования в силовых структурах нацистской Германии (1941—1945). — Симферополь, 2008.

94. Селеменев, В. Документы Белорусского государственного архива о трагедии еврейского населения в годы Второй мировой войны // Вестник еврейского ун-та. — 1995. — № 2(9).
95. След времени / сост.: В. Я. Герасимов, В. М. Макарова, А. А. Павлович. — Минск, 2013. — 188 с.
96. Соболевская, О. А. Документы о повседневной жизни немцев в Западной Беларуси (1941—1944 гг.) в фондах ГАГО и перспективы их использования в социокультурной деятельности // Історичні і політологічні дослідження. — № 3. — 2013.
97. Советские и немецкие военнопленные в годы Второй мировой войны / сост.: В. Д. Селеменев [и др.]. — Минск, 2003. — 438 с.
98. Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941—1944. — Минск, 2001.
99. Стенограмма совещания высшего руководства Генерального округа «Белоруссия» (Минск, 8—10 апр. 1943 г.) / авт.-сост.: С. В. Жумарь, С. Е. Новиков, Р. А. Черноглазова. — Минск, 2006.
100. Трагедия белорусских деревень, 1941—1944: Документы и материалы / сост.: Н. В. Кирилова, В. Д. Селеменев и др.; редкол.: В. И. Адамушко и др. — М., 2011. — 535 с.
101. Увековечивание памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси 1941—2008 гг.: док. и материалы / сост.: В. И. Адамушко [и др.]. — Минск, 2008. — 304 с.
102. «Уничтожать как можно больше…» Латвийские коллаборационистские формирования на территории Беларуси, 1941—1944 гг. Сборник документов. — М., 2009. — 360 с.
103. Ф. 1602-ОАФ // Государственный архив Витебской области: путеводитель, 1917—2006 / сост.: Т. В. Буевич, Ю. С. Петухов. — Минск, 2011. — 936 с.
104. Ф. 2073-ОАФ; 2074-ОАФ; Ф. 2092-ОАФ // Государственный архив Витебской области: путеводитель, 1917—2006.
105. Ф. 2090-ОАФ; Ф. 2836-ОАФ; Ф. 2848-ОАФ; Ф. 2849-ОАФ // Государственный архив Витебской области : путеводитель, 1917—2006.
106. Ф. 2290; Ф. 745; Ф. 1900 // Государственный архив Витебской области: путеводитель, 1917—2006.
107. Ф. 2831; Ф. 2037; Ф. 2181 // Государственный архив Витебской области: путеводитель, 1917—2006.
108. Филиппова, А. В. Документы Госархива Минской области — источники изучения немецко-фашистской оккупации Белоруссии (1941—1944 гг.) // Тэзісы міжнар. навук. -тэарэт. канфер. «Архівазнаўства, крыніцазнаўства, гістарыяграфія Беларусі: стан і перспектывы» 1—2 снежня 1993 г. Ч. 1. — Мінск, 1993.
109. Хатынь. Трагедия и память: док. и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.]. — Минск, 2009. — 272 с.
110. Хессе Э. Советско-русская партизанская война в отражении боевых директив и приказов. — Т. 3—5. — М., 1969.
111. Холокост в Беларуси. 1941—1944. Док. и материалы / сост.: Э. Г. Иоффе, Г. Д. Кнатько, В. Д. Селеменев. — Минск, 2002. — 276 с.
112. Цымбал, А. Г. Дакументы Галоўнай чыгуначнай дырэкцыі «Мінск» як крыніца па гісторыі партызанскага руху на тэрыторыі Беларусі (кастрычнік — пачатак лістапада 1943 г.) // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Навуковы зборнік. — Выпуск 8. — Мінск, 2013.

113. Шарков, А. В. Тяжкое бремя плена: военнопленные и интернированные Второй мировой войны на территории Беларуси 1939—1951 гг. / А. В. Шарков, Е. Н. Мох-Докунова. — Минск, 2015.
114. Шумейко, М. Ф. Архивоведение Беларуси / М. Ф. Шумейко, К. И. Козак, В. Д. Селеменев. Ч. 1. — Минск, 1998.
115. Шумейко, М. Ф. События начального периода Великой Отечественной войны в документах Национального архива Республики Беларусь // Архивы и делопроизводство. — 2011. — № 3. — С. 106—113; № 4. — С. 102—112.
116. «Dann kam die deutsche Macht»: Weißrussische kinder haftlinge in deutschen konzentrationslagern 1941—1945; eine dokumentation / Projektgruppe belarus im jungend club courage Köln e. v. (Hg.). — Köln, 1999.
117. BA-MA. — RH 19, 24, 26, 34, 36, 41.
118. BA-MA. — RH 26/9; RH 53—23/49, 50.
119. BA-MA. — RS 3—36/1—23.
120. BA-MA. — RW 17; RS 3—30.
121. BA-MA. — RW 19, 41, 46, 22; RH 22, R 3, 6, 26; RWD 17.
122. BA-MA. — RW 31.
123. BA-MA. — RW 46/523, 516, 503.
124. BA. — R /26, 33, 46, 50, 144, 505, 4318.
125. BA. — R 19/169, 333.
126. BA. — R 6/23, 27, 154, 197, 209, 232, 263, 269, 336, 354, 365—366, 406, 626 и др.; R 707.
127. BA. — R 70 SU, R 70 PL, R 90 92, 94.
128. BA. — R 9/1, 13, 22, 29, 54—55, 115—116, 119—126, 140, 143—144, 219 и др.
129. BA. — R 92/27, 47, 197, 209, 232, 263, 309, 312, 354, 361, 363—368, 406, 492.
130. Deutsche Dienststelle (WASt) für die Benachrichtigung der nächsten Angehörigen von Gefallen der ehemaligen deutschen Wehrmacht. — Berlin, 2004.
131. Musial, B. Sowjetische Partisanen 1941—1944. Mythos und Wirklichkeit. — Paderborn, 2009.
132. Felder, B. M. Lettland im Zweiten Weltkrieg. Zwischen sowjetischen und deutschen Besatzern 1940—1946. — Padeborn, 2009. — 402 s.
133. Pöschko, H. H. Die Ermittler von Ludwigsburg. Deutschland und die Aufklärung nationalsozialistischer Verbrechen. — Berlin, 2008. — 192 s.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 12.09.2015

С. В. Кулинок,
начальник отдела информации и использования документов Белорусского государственного архива научно-технической документации;
e-mail: svkulinok@tut.by

ИСТОРИОГРАФИЯ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЛОРУССКИХ ПАРТИЗАН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Партизанская разведка была важным и надежным источником получения необходимой информации о противнике для нужд боевой деятельности Красной Армии и соединений народных мстителей. Она представляла собой комплекс методов сбора, обработки и передачи по назначению сведений об армии противника, его политических, экономических и военных мероприятиях, военно-политической обстановке на оккупированной врагом территории.

Перед тем как перейти непосредственно к вопросу историографии, необходимо определить еще один важный момент: периодизацию разведывательной деятельности белорусских партизан. Автором предложена следующая периодизация данной проблемы:

— июнь 1941 г. — весна 1942 г. Этот период характеризуется слабой ролью разведки в системе вооруженной борьбы партизан на оккупированной территории Беларуси. Основные документы, касающиеся развития партизанского движения, практически не акцентируют внимание отрядов на ведении разведывательной деятельности, а носят, скорее, агитационно-мобилизационный характер. Приоритетным направлением является боевая и диверсионная деятельность в тылу врага, а разведывательные мероприятия в основном ограничивались «работой на себя». Это было связано с тем, что практически отсутствовала надежная связь с «большой землей», партизанские соединения не имели централизованного руководства и опыта ведения разведки, а также с тем, что продвижение на восток линии фронта было очень стремительным.

— лето 1942 г. — весна 1943 г. Этот период отмечается становлением системы и структуры партизанской разведки. Во многом это было обусловлено созданием руководящих органов партизанского движения — ЦШПД и БШПД, а также разведывательных отделов в их структуре. Основным направлением борьбы в тылу врага становятся диверсии на коммуникациях, а разведывательная деятельность направлена в основном на решение задач экономического и политического характера. В этих сведениях нуждалось Главное политическое управление (ГлавПУ) Красной Армии и Главное разведывательное управление (ГРУ) для корректировки контрпропагандистской деятельности и широкого привлечения местного населения на сторону борьбы с захватчиками, так как оккупационные власти именно в этот период времени начали проведение экономических мероприятий в деревне с целью привлечения крестьянства на свою сторону.

— лето 1943 г. — лето 1944 г. Поражение немецких войск под Курском, переход стратегической инициативы в руки Красной Армии и начало наступательных действий явились причиной увеличения внимания военного руководства к разведывательным данным военного характера о положении немецкой армии на временно оккупированных территориях. Именно в этот период военная разведка для нужд Красной Армии стала доминирующей в действиях партизанских соединений. К этому времени в целом была оформлена и структура партизанской разведки.

Уже более 60 лет изучение истории партизанской разведки на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей, однако комплексного историографического описания данной проблемы до сих пор не проведено. В послевоенное время (до конца 1960-х гг.) разведывательная работа партизан не изучалась как самостоятельная тема, а исследовалась в контексте общей оперативно-разведывательной и боевой деятельности партизанских соединений.

Некоторые сведения о разведывательной деятельности можно встретить в воспоминаниях бывших участников борьбы с оккупантами [12; 16; 38]. Главной особенностью данных работ является их «региональный» характер. Сведения касаются только тех территорий, где действовало партизанское соединение, в котором воевал автор.

В конце 1960-х — начале 1970-х гг. историки обращаются непосредственно к теме партизанской разведки. Первые работы освещали разведывательную деятельность партизан несколько односторонне и сюжетно [1; 2; 14; 18; 21; 24; 40]. Так, военный историк В. Андрианов в статье «Оперативное использование партизанских сил» подробно рассматривает становление и деятельность представительств и оперативных групп республиканских и областных штабов партизанского движения и их роль в организации оперативно-разведывательной деятельности [1, с. 22—23].

В статье «Партизанская разведка в период разгрома немецко-фашистских войск под Курском и на Днепре» А. С. Князьков касается состояния и деятельности партизанской разведки весной—осенью 1943 г. Отмечая сложности в становлении структуры разведки, автор указывает на то, что до создания ЦШПД и БШПД «непосредственно за линией фронта разведывательной деятельностью руководили разведгруппы, посланные разведорганами Красной Армии и госбезопасности, которые, однако, организационно не входили в партизанские формирования и не подчинялись их командованию», а разведывательно-диверсионные группы на 90 процентов состояли из молодежи. Историк отмечает, что «к апрелю 1943 г. в результате принятых мер партизанская разведка приобрела довольно стройные организационные формы», что, по мнению некоторых исследователей, не совсем соответствует действительности. А. Князьков определил основные виды ведения разведывательной деятельности — войсковая и агентурная — а также их основные особенности. К основным

недостаткам разведывательной работы на этом этапе автор относит то, что партизаны вели разведку на небольшую глубину и в основном «на себя», а разведорганы неумело обобщали собираемые ими сведения» [24, с. 301—302, 304].

Другим примером целенаправленного обращения к вопросам партизанской разведки является статья В. Андрианова «Разведывательная деятельность партизан». Автор несколько «отодвигает» время приобретения партизанской разведкой четкой организационной структуры на лето 1943 г., а также затрагивает вопросы создания и деятельности разведывательных отделов в структуре ЦШПД и БШПД.

В подтверждение эффективности разведывательной деятельности партизан В. Андрианов указывает, что «во время подготовки операции «Багратион» белорусские партизаны в течение трех недель выявили и подтвердили в тыловых районах вражеской группы армий «Центр» 33 штаба, 900 гарнизонов, состав и организацию 108 воинских частей противника, 130 зенитно-артиллерийских батарей, 70 крупных складов и 985 км оборонительных рубежей. За этот же период ими было обнаружено 319 ранее никем не отмечавшихся полевых почтовых станций, 30 аэродромов и 11 посадочных площадок, зафиксировано прохождение и состав 1642 вражеских эшелонов, захвачено и направлено в Генеральный штаб Советской Армии 105 оперативных документов (приказы, карты, донесения и т. д.) и 218 экземпляров личных документов фашистских солдат и офицеров (удостоверения, солдатские книжки и т. д.)». Впервые рассматривается динамика роста разведывательных данных (на примере украинских партизан), а также вопросы взаимодействия партизан и авиации дальнего действия [2, с. 20—21, 25—26].

В это же время появляются работы по узким темам партизанской разведки. Так, историк А. Бабушкин впервые коснулся темы разведки химических средств противника. В статье показана роль партизанской разведки в раскрытии планов и возможностей немецкого командования по вопросу применения отравляющих газов на Восточном фронте [4].

В конце 1970-х гг. вышла книга Н. А. Якубовского «В тыл врага». В этой монографии раскрывается деятельность БШПД и ЦШПД, а также показывается работа учебных центров и школ по подготовке партизанских кадров, в том числе и разведчиков. Достаточно подробно характеризуется деятельность школы ЦК КП(б)Б и его учебно-методического центра, центральных школ, особого белорусского сбора и белорусской школы. Ценность данной работы в том, что она рассматривает непосредственно вопросы подготовки кадров для партизанских формирований, которые в дальнейшем осуществляли успешную оперативную и разведывательную работу в тылу врага [40].

В 1980-е гг. продолжается изучение темы партизанского движения. Постепенно историки начинают обращаться к новым сюжетам этой темы, «углубляются» в нее. Итогом работы целой группы белорусских историков стал выход фундаментального 3-томного издания «Всенародная борьба против немецко-

фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны». В работе получили отражение вопросы создания партизанских отрядов и групп, боевой деятельности партизан по годам войны, а в отдельных главах работы содержатся вопросы создания и боевой деятельности партизанских сил в 1941 г., разведки и контрразведки партизан и подпольщиков, ударов партизан по коммуникациям, разгрома вражеских гарнизонов, партизанских рейдов и т. д. [11].

В 1980 г. вышла монография белорусского историка В. Киселева «Партизанская разведка. Сентябрь 1943 — июль 1944», посвященная разведывательной деятельности белорусских партизан [22]. На основании большого количества архивных документов автор описал процесс формирования, развития и результат деятельности разведывательных органов партизанских соединений и штабов в период с сентября 1943 г. по июль 1944 г.

В. Киселев ввел в научный оборот большое количество документов, которые касались непосредственно разведывательной деятельности партизан и вопросов ее совершенствования. В работе гармонично сочетается использование документов руководящих военных и партийных органов по вопросам стратегии и определения векторов развития разведки в партизанских соединениях с документами партизанских формирований.

В. Киселев определил принципиальную позицию по вопросу руководства разведкой партизан. В частности, он отметил, что «основное руководство разведкой партизан в тылу врага осуществляли подпольные обкомы партии… Они отвечали за подбор и расстановку руководящих кадров. Кандидатов на эти должности подбирали подпольные райкомы партии совместно с командованием партизанских бригад и отрядов, обком партии в индивидуальном порядке рассматривал каждую кандидатуру, право окончательного утверждения кандидата имело лишь Бюро КП(б)Б» [22, с. 20]. Данное утверждение не совсем корректно, так как «всей разведывательной работой в партизанских формированиях руководили заместители командиров бригад и отрядов по разведке, ответственность за работу которых, а также за их отбор и подготовку возлагалась на штабы партизанского движения».

Следует отметить, что автор монографии всячески подчеркивает главенствующую роль партийного руководства разведывательной деятельностью. В связи с этим в монографии приводятся многочисленные приказы и распоряжения партийных органов, направленные на активизацию борьбы в тылу врага и мало используется непосредственно организационно-распорядительная документация ЦШПД и БШПД по вопросам ведения разведки. Отсюда наблюдается некоторый «перекос», так как решения парторганов в основном касались вопросов укрепления дисциплины, выдвижения коммунистов и комсомольцев на руководящие должности и увеличения их ответственности, а документы, касающиеся способов и методов ведения разведки, и узкоспециализированные рекомендации практически не рассматриваются.

В монографии рассмотрены некоторые аспекты деятельности разведывательного отдела (РО) БШПД, его роль в организации и контроле разведывательной работы. Исследователь отмечает, что «в основном разведывательный отдел БШПД руководил подразделениями партизанской разведки, направляя указания и задания подчиненным ему отделам республиканских и областных штабов партизанского движения. Только за вторую половину 1943 г. в БШПД было послано 10 указаний по организации разведки, 24 общих и частных задания по разведке конкретных объектов, 48 заданий по доразведке имеющейся информации» [22, с. 42].

В исследовании также затронуты вопросы, связанные с изучением разведывательных документов: радиограмм, разведывательных сводок. Автор отмечает, что одним из источников сведений было содержание радиограмм из партизанских бригад, подпольных партийных органов и отдельных разведывательных групп, которые передавались в ЦШПД. И если в начале 1943 г. их было не более 30 в месяц, то к концу года — уже 400 [22, с. 44].

Некоторое внимание было уделено разведывательным сводкам БШПД, однако автор не касается проблем их составления, оформления и структурной эволюции. Несомненным достоинством монографии является ее фактологическая насыщенность. Автор документально подтверждает практически каждый свой тезис и положение. Детально рассмотрены проблемы ведения контрразведывательной деятельности в партизанских соединениях. Спорным моментом в исследовании можно назвать разделение автором разведки на войсковую и оперативную, в то время как общепринятым является разделение на войсковую и агентурную.

Таким образом, можно отметить, что данная монография стала одним из первых глубоких исследований по вопросу партизанской разведки. К достоинствам данной работы можно отнести богатый фактологический материал, ввод в научный оборот многих новых документов, обращение к новым вопросам, в том числе источниковедческого характера. Автор проанализировал и достаточно полно определил структуру, подчиненность и функции разведывательных органов. На сегодняшний день некоторые положения и выводы автора требуют пересмотра и уточнения, но это связано с тем, что В. Киселев был «первопроходцем» в этой теме и объективно имел право на некоторые погрешности.

Вместе с тем, в данном исследовании можно отметить и ряд недостатков. Первое, что бросается в глаза, это чрезмерное преувеличение автором роли коммунистической партии в становлении и деятельности партизанской разведки. Все успехи и достижения прямо или косвенно приписывались умелому партийно-комсомольскому руководству. Выбранный автором хронологический период исследования (сентябрь 1943 г. — июнь 1944 г.) не позволяет проследить закономерности становления разведывательной деятельности и ее особенности. В монографии наблюдается значительный крен в сторону освещения военной составляющей разведки, в то время как экономические и политические аспекты

практически не рассматриваются. Следует также отметить тот факт, что автор не использовал в своей работе некоторые основополагающие документы по вопросам ведения разведывательной деятельности, например, «Планы развития партизанского движения» на зимний и весенне-летний периоды 1942—1943 гг.

Автор продолжал плодотворно работать по данной теме и в последующем. Значительный интерес представляет статья «Борьба партизан с подрывной деятельностью фашистских спецслужб в Белоруссии», в которой В. Киселев подробно рассмотрел контрразведывательную работу народных мстителей против секретных органов оккупантов. Исследователь дал достаточно подробную характеристику различным немецким спецслужбам (абверу, тайной полевой полиции (ГФП), жандармерии и др.), описал функции и задачи, которые стояли перед органами партизанской контрразведки, раскрыл их структуру [19].

Также В. Киселев описал вклад партизан в получение военно-технической информации о враге. Благодаря действиям партизанских разведчиков, советское руководство своевременно получило сведения о новой немецкой технике и вооружении: танках «Тигр», «Пантера», радиоуправляемых танкетках, новых видах стрелкового оружия, характеристиках фаустпатрона и др. [20, с. 96—102; 23].

С начала 1990-х гг. тема партизанского движения получает новый импульс в своем развитии, в том числе и в вопросах контрразведывательной работы [9]. В первую очередь это проявилось в публицистике. Появляющиеся работы далеко не всегда отличались объективностью, а нередко носили и реакционный характер. В связи с этим, совершенно справедливым представляется мнение белорусского историка А. Ковалени о том, что «опыт показывает, что военное прошлое нельзя освещать ни с коммунистических, ни с антикоммунистических жестко выдержанных позиций. Только те научные работы, которые отражают национально-государственные тенденции общественной жизни, построенные на критическом анализе богатого фактологического материала, максимально приближенные к объективности показа отрицательного и положительного во всей сложности и противоречивости смогут найти соответствующее место в историческом наследии» [17, с. 18—19].

В 1995 г. увидело свет исследование бывшего участника партизанского движения, заместителя командира по разведке Борисовско-Бегомльского партизанского соединения К. И. Доморада, посвященное партизанской разведке и контрразведке [15]. Монография охватывает хронологический период с июня 1941 г. по июль 1944 г., что позволяет проследить основные этапы становления и функционирования партизанской разведки. Работа содержит богатый фактологический материал, который автор почерпнул из ранее опубликованных исследований по партизанской разведке, архивных документов и личного опыта.

В работе автор ставит под сомнение один из основных постулатов данной темы, а именно утверждение В. Киселева о том, что в партизанских формированиях «к лету 1943 г. была создана основа стройной и высокоэффективной централизованной системы партизанских разведывательных органов» [22, с. 21]. На это утверждение К. Доморад справедливо отмечает, что «в данном случае вопрос о централизации системы руководства органами партизанской разведки рассматривается В. Киселевым изолированно, в отрыве от централизации руководства партизанским движением в целом, которая началась еще в 1942 г. в связи с организацией и деятельностью ЦШПД и БШПД и функционированием в их составе РО и завершилась в основном весной 1943 г. созданием территориальных (т. е. областных и зональных) партизанских соединений» [15, с. 24—25]. Другой принципиальной позицией автора в вопросе критики работы В. Киселева является несогласие с выделением такого вида разведки, как «оперативная». К. Доморад указывает, что более точным и правомерным следует считать термин «агентурная разведка».

Упрощенным выглядит разделение К. Доморадом партизанской разведки на два вида: разведка «на себя», то есть в целях обеспечения боевых операций и безопасности партизанских отрядов и бригад, и разведка в интересах Красной Армии. Данную схему можно условно применить к военной составляющей партизанской разведки, в то время как имелась еще экономическая и политическая разведка, которая не укладывалась в эту схему. Кроме того, некоторые разведывательные данные иногда просто невозможно отнести к какой-либо одной группе, например, разведданные о состоянии гарнизонов противника. Вместе с этим, автор определил важное положение, которое заключается в том, что одной из особенностей организационного построения партизанских разведывательных органов в бригадах и соединениях республики было отсутствие установленных штатов этих органов и их подразделений. В каждом случае данный вопрос решался на месте командованием [15, с. 27]. В монографии приведены основные документы по истории и развитию партизанского движения, описываются основные способы ведения разведки, достаточно подробно освещена деятельность разведывательных отделов и представительств ЦШПД и БШПД при военных фронтах.

В своей работе К. Доморад отмечает, что «рассмотрение вопросов организации и совершенствования разведки и контрразведки в партизанских формированиях Беларуси позволяет сделать вывод, что они по существу прошли в своем развитии три периода, совпадающие с тремя периодами в развитии партизанского движения на территории республики, а эти последние, как известно, в основном тождественны с общепринятой периодизацией истории Великой Отечественной войны» [15, с. 48].

В 1999 г. вышла важная работа по проблеме историографии и источниковедению «Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны. Праблемы гістарыяграфії і крыніцазнаўства», в которой раздел историографии партизанского движения написал один из авторитетных белорусских историков А. М. Литвин [8, с. 90—122].

Продолжалось изучение партизанского движения и в 2000-е гг. В этот период было издано большое количество сборников документов [5—7], проводилось изучение новых вопросов историографии [10; 31; 32].

Деятельность разведывательного отдела БШПД нашла некоторое освещение в публикации белорусского историка А. Литвина «Беларускі партызанскі...», подготовленной к 65-летию создания БШПД. Автор отмечает, что «важное место в работе БШПД занимало руководство разведывательной и контрразведывательной деятельностью партизанских формирований, получение разносторонней разведывательной информации о положении на оккупированной территории и своевременное доведение ее до советского военно-политического руководства» [25, с. 5]. Автор справедливо указывает на то, что главными разведывательно-информационными документами БШПД являлись разведывательные сводки, «в которых констатировались все важные и достаточно проверенные сведения» [25, с. 5]. Некоторые неточности возникают при определении общего количества разведывательных сводок, составленных БШПД. А. Литвин, ссылаясь на работу В. Киселева «Партизанская разведка. Сентябрь 1943 — июль 1944», приводит цифру в 176 обобщающих сводок. Подсчеты автора диссертации показали, что за октябрь—декабрь 1942 г. (то есть с момента создания БШПД) было подготовлено 15 разведсводок [30, л. 71—108], за 1943 г. — 86 [28, л. 1—608], за январь—июль 1944 г. — 57 [29, л. 1—437]. Таким образом, общее количество разведывательных сводок — 158.

Такое расхождение можно объяснить тем, что в архивных делах некоторые сводки повторяются по несколько раз, что может привести к ошибке при подсчетах. Кроме того, можно предположить, что БШПД составлял разведсводки и после освобождения Беларуси, то есть после июля 1944 г.

Отдельное место в публикации занимает анализ документов, имеющих важное значение как для развития партизанского движения в целом, так и для активизации разведывательной работы. Так, автор приводит сведения о подготовке в марте 1944 г. разведывательным отделом БШПД развернутого плана организации разведывательно-информационной деятельности на апрель—июнь 1944 г. Практически полностью приведен и проанализирован важнейший документ по развитию партизанского движения — «План развития партизанского движения и действий партизанских отрядов зимой 1942—1943 гг. по Белорусской ССР». Давая характеристику пунктам плана, которые касались заданий партизанским соединениям, А. Литвин указывает, что «во многом они напоминают довоенные разнарядки, которые спускались сверху партийными органами», и чтобы эти планы были исполнены, необходимо было провести большую организационную работу на местах и обеспечить их исполнение через боевую деятельность. По мнению автора статьи, «в условиях жестокого оккупационного режима это было невозможно» [25, с. 5—9].

Главные положения традиционной германской историографии о «советской партизанской войне» определяются концептуально в конце 1980-х гг. С одной стороны главной причиной начала «партизанской войны» являлся характер германской оккупационной политики (реквизиции, насилие, уничтожение), а с другой — значительную роль в развитии партизанского движения сыграло улучшение руководства и создание Центрального штаба партизанского движения. Благодаря этому начинается эпоха преобразования народного сопротивления оккупантам в организованное движение.

В исследовании, посвященном немецкой историографии партизанской борьбы, белорусский историк С. Новиков отмечает то, что современный немецкий историк К. Герлах выделяет 4 фазы партизанского движения. Эти фазы в основном совпадают с периодизацией партизанской разведки, предложенной автором:

— лето 1941 г. — начало 1942 г. — стали создаваться первые партизанские отряды; установлена и налажена связь с советским тылом;

— начало 1942 г. — осень 1942 г. — решаются две важные задачи в партизанском движении: препятствовать налаживанию управления между коллаборационистскими структурами и по возможности помешать экономическому использованию захваченных территорий; разрушение всяческих транспортных и иных учреждений, особенно на железной дороге; начали появляться первые партизанские зоны; создание БШПД; создание и удержание «Суражских ворот»;

— осень 1942 г. — осень 1943 г. — перенесение военных действий партизан на военные цели (рельсовая война в период Курской битвы); расширение партизанских зон; боевые партизанские рейды с востока на запад; привлечение партизанами пособников к сотрудничеству;

— осень 1943 г. — лето 1944 г. — концентрированный удар по транспортным линиям; боевое сотрудничество и координация действий партизан и Красной Армии [32, с. 161—165].

Значительное внимание партизанской борьбе уделено зарубежными историками в работах, переведенных на русский и белорусский языки. Этой проблемы касались такие исследователи, как Д. Армстронг, М. Дин, Н. Мюллер, Ю. Туронок [3; 13; 26; 39]. Среди работ необходимо выделить монографию Н. Мюллера, посвященную роли вермахта в осуществлении оккупационного режима на территории, подчиненной военному командованию. В работе рассматриваются некоторые аспекты боевой деятельности партизанских соединений, в том числе «битва за хлеб», проведения карательных операций и роль в них полицейских формирований. Партизанская разведка рассматривается автором как составная часть вооруженной борьбы в тылу немцев, и вопросы ее значения затрагиваются в контексте противостояния партизан и вермахта [26].

В 1993 г. вышла книга польского историка Ю. Туронка, одна глава которой посвящена проблеме партизанского движения. В монографии автор выдвигает ряд новых и небесспорных гипотез. Так, Ю. Туронок ставит под сомнение правовую составляющую партизанского движения, мотивируя свой

довод тем, что «партизанскую войну советское правительство объявило в самые первые дни германского нашествия, когда намерения Гитлера относительно занятых территорий СССР были еще неизвестны. Особенно это касалось отношения Германии к независимому движению в Прибалтике, Беларуси и в Украине: ни форма владения этими землями, ни хозяйственная политика, и среди остальных — вопрос о роспуске колхозов — ничего не было определено заранее… Таким образом, партизанская война была объявлена без внимания на будущее поведение немецких оккупационных властей и настроения населения, она была продиктована исключительно военными и политическими задачами СССР» [39, с. 89].

Развитие партизанского движения автор напрямую увязывает с военной ситуацией на фронтах. В частности, он пишет: «На развитие партизанского движения в Беларуси влияло много факторов, одним из важнейших, или даже определяющим, оказались взгляды Сталина и Главного командования Красной Армии: они исходили из мнения, что следующий генеральный удар немцев снова будет направлен на центральный участок фронта. Такая оценка ситуации потянула за собой все дальнейшие приказы по созданию во вражеских тылах вооруженной силы, которая могла бы ослабить натиск противника» [39, с. 92—93].

Такая позиция кажется упрощенной и не совсем объективной. На рост партизанского движения большое влияние оказала целенаправленная организационная работа военно-партийного руководства советского государства, сознательная позиция населения оккупированных территорий, пытающихся оказать сопротивление захватчикам, жестокий оккупационный режим военной и гражданской администрации на территории Беларуси.

В монографии американского историка Д. Армстронга «Советские партизаны. Легенды и действительность» вопросам партизанской разведки посвящена отдельная глава. Отмечая ту важную роль, которую играли партизаны в сборе разведданных, автор пишет, что «эта деятельность рассматривается как одна из сторон партизанской войны и анализируется с точки зрения ее вклада в операции советской разведки. Используемые партизанами методы сбора разведывательных сведений для собственных нужд, несомненно, представляют интерес, но куда более важно то, что партизаны являлись для советской разведки практически неисчерпаемым источником агентов и осведомителей, действовавших в тылу у немцев» [3, с. 86—89].

Достаточно спорными представляются рассуждения автора по вопросам взаимодействия партизанской разведки с разведывательными структурами на «большой земле». Д. Армстронг пишет, что «если говорить о проведении разведывательных операций, то, по всей видимости, на начальном этапе войны партизаны либо очень слабо сотрудничали с советской разведкой, либо такого сотрудничества не существовало вообще». Цитируя выдержки из немецких документов, автор утверждает, что «на первом этапе войны отношений между

партизанской и советской разведкой не существовало, и советским разведчикам и агентам даже запрещалось устанавливать контакты с партизанскими отрядами; но теперь [1943 г. — *С. К.*] можно наблюдать усиливающееся сотрудничество между ними, находящее свое выражение в получаемых отрядами заданиях по сбору сведений в контролируемых ими районах…» [3, с. 104—108]. Необходимо отметить, что понятие «советская разведка» автором никак не конкретизируется и представляется, что это некий самостоятельно действовавший автономный военный орган. Не уточняется, с какими структурами взаимодействует разведка партизан: с армейской разведкой, группами, посланными ГРУ Генерального штаба, либо спецгруппами, посланными по линии НКВД—НКГБ. Со всеми этими структурами имелись особенности взаимодействия, а автор упрощенно все сводит к понятию «советская разведка».

Продолжая рассуждение на эту тему, американский историк констатирует, что «имеющиеся в распоряжении материалы не дают точной картины порядка подчиненности советской разведки…» [3]. Однако в библиографическом указателе можно найти все основные работы по партизанской борьбе, в том числе и по структуре и подчиненности партизанской разведки.

Новой и небезосновательной для зарубежной историографии является точка зрения автора на факторы, влияющие на развитие партизанской разведки. В частности, он отмечает, что «усиление проведения партизанами разведывательных действий по времени совпало с расширением поддержки партизан с воздуха. Авиация стала весьма полезным инструментом партизанской разведки, точно так же, как она явилась важным фактором в реорганизации партизанского движения в начале 1942 года. Напрашивается вывод о том, что увеличившееся использование партизан для советской разведки было вовсе не случайным, а стало прямым следствием и одной из предпосылок реорганизации, направленной на повышение эффективности партизан и дальнейшую интеграцию партизанского движения в военный потенциал Советского Союза» [3, л. 112].

В целом, работа оставляет больше вопросов, нежели ответов. Автор основные свои выводы и гипотезы подтверждает немецкими документами, что приводит к тенденциозности и однобокости повествования.

Отдельно следует рассмотреть исследования российского историка А. Попова, посвященные участию органов государственной безопасности в партизанской борьбе, а также противоборству партизанской разведки и контрразведки с немецкими спецслужбами. В объемной статье «Борьба с гитлеровской агентурой в партизанском движении» автор определил основные направления контрразведывательной работы партизан, указав, что «контрразведывательное обеспечение партизанских формирований являлось одним из важнейших факторов, содействовавших успеху боевой деятельности советских партизан и их живучести в годы Великой Отечественной войны», и что основная задача этого обеспечения «состояла в надежном

ограждении партизан от подрывной деятельности спецслужб противника и враждебных элементов» [35, с. 158].

В качестве превентивной меры партизан и чекистов по противодействию немецким спецслужбам А. Попов называет разведывательную работу, направленную на агентурное проникновение в секретные службы, организацию оперативного наблюдения за объектами этих служб, захват их официальных сотрудников и документов, поиск агентуры противника в партизанских соединениях [35, с. 161].

Затрагивается в работе и такой важный аспект разведывательной работы, как разложение полицейских и иных изменнических формирований. Автор справедливо указывает, что «в основу мероприятий по разложению антисоветских воинских формирований чекисты положили фактор идеологического воздействия, рассчитанный на подрыв политико-морального состояния личного состава, нейтрализацию фашистской пропаганды» [35, с. 169]. В процессе разложения преследовалась цель — оторвать рядовых участников от командно-начальствующего состава путем проведения широкой агитации и пропаганды, распространения среди личного состава правдивой информации о положении на фронте, в советском тылу и на оккупированной территории. Такое утверждение автора находит подтверждение и в документах ЦШПД [27, л. 41, 44].

В другом исследовании А. Попова «Борьба гитлеровцев против советских партизан в годы Великой Отечественной войны» автор подробно рассматривает тактику и методы немецких секретных служб в борьбе с партизанами. Указываются основные направления, по которым немцы вели борьбу против партизан: боевые операции, разведка, административно-командные меры, охрана коммуникаций и пропаганда [24, с. 126]. А. Попов целенаправленно акцентирует внимание на использовании немецкими секретными службами в своей работе женщин. В частности, он указывает, что «агентура, как со стороны фашистских спецслужб, так и со стороны партизан, в большинстве своем состояла из женщин», так как «практически все мужское население оккупированных территорий СССР было либо в действующей Красной Армии, либо в партизанах, либо служили гитлеровцам полицаями» [34, с. 134].

Важная информация о разведывательной работе партизан содержится в статье А. Попова «Разведка в тылу врага». Автор достаточно точно сформулировал и определил структуру разведывательной службы в партизанских соединениях. В частности, он пишет, что «в каждом партизанском формировании для обеспечения разведывательной работы пришлось сосредоточить все функции в руках одного человека и, в зависимости от понимания им и командованием стоящих задач, акцент делался на ту или иную сторону этой работы». В некоторых партизанских бригадах были только начальники особых отделов и их уполномоченные в отрядах; в других — заместители командиров по оперативной или войсковой разведке; в третьих — начальники особых отделов, занимающиеся

только агентурной работой, и заместители командиров, руководящие исключительно войсковой разведкой [37, с. 94—95].

Наибольшее распространение получила такая форма организации, когда командир взвода или роты войсковой разведки подчинялся начальнику штаба партизанского соединения, а заместитель командира по разведке занимался только агентурной разведкой.

Несомненным плюсом работы является то, что автор приводит основополагающие документы по разведывательной деятельности. В качестве примера можно привести анализ приказа И. Сталина от 19 апреля 1943 г. «Об улучшении разведработы в партизанских отрядах». Автор уделяет внимание той части приказа, которая касается прав и обязанностей заместителей командиров по разведке — основного звена партизанского разведаппарата. Документ четко регламентировал этот вопрос: «Заместитель командира по разведке обязан подчиняться только руководящим органам партизанского движения, всю разведывательную работу вести самостоятельно и полученные сведения сообщать только по линии штабов партизанского движения» [37, с. 98].

Определяет автор недостатки и просчеты в работе партизанской разведки: отсутствие технического вооружения (средств радиоперехвата, телефонного подслушивания, портативных фотоаппаратов и др.); недостаточная работа по перехвату, дешифровке и использованию данных радиосвязи противника; нарушение принципа строгой специализации разведывательной работы; отсутствие у разведывательных групп и резидентур портативных радиоаппаратов [37, с. 101—102].

Спорным является утверждение автора о том, что «еще одним недостатком партизанской разведки явилось то, что она работала главным образом в интересах обеспечения боевых действий партизанских сил», а для нужд Красной Армии такая работа велась на недостаточном уровне [37, с. 102—103]. Разведывательные документы фонда БШПД (разведсводки, опросные листы, протоколы допросов, отчеты, докладные записки и др.) указывают на то, что с 1942 г. разведка для нужд Красной Армии занимает значительное место в общей разведывательной работе партизан, а объем разведданных начиная с лета 1943 г. постоянно увеличивается.

В 2002 г. увидела свет книга А. Попова «15 встреч с генералом КГБ Бельченко», восьмая глава которой посвящена партизанской разведке. В годы Великой Отечественной войны генерал С. Бельченко занимал должность заместителя начальника ЦШПД и курировал вопросы партизанской разведки. Несомненно, что воспоминания и размышления этого человека позволят более полно и объективно представить некоторые аспекты разведдеятельности партизан. С. Бельченко справедливо определил основные недостатки в разведработе в 1941 — начале 1942 г., указав не только на человеческий фактор (нехватка и слабая подготовка кадров), но и чрезвычайно слабую радиосвязь, плохую связь с крупными городами и центрами, где были штабы и учрежде-

ния врага, недостаточное внедрение агентов в структуры и органы оккупационных властей [33, с. 194—195].

Отметил С. Бельченко и руководящую роль штабов партизанского движения в вопросах организации разведдеятельности: «Было принято решение руководство разведработой партизан в тылу сосредоточить в одних руках, в штабах партизанского движения». Учитывает автор и то, что «все сведения, добывавшиеся разведкой партизан для Красной Армии, годились и для нужд самих отрядов, но собственная разведка была гораздо шире и детальнее [33, с. 196—197, 200]. В книге приводятся многочисленные примеры успешных действий партизан, а также подводятся итоги деятельности партизанской разведки.

К некоторым недостаткам монографии следует отнести тот факт, что при описании целей и задач разведывательной работы разбираются основные аспекты военной разведки, в то время как экономическая и политическая разведка упоминаются лишь косвенно. Кроме того, деление разведки С. Бельченко осуществил, определив в качестве критерия ставившиеся задачи: «разведка намерений противника, разведка состава и дислокации соединений и частей противника, вскрытие перегруппировок и крупных сосредоточений вражеских войск, разведка видов вооружений и средств борьбы, разведка оборонительных рубежей и сооружений, разведка аэродромов, авиационных сил и средств ПВО противника, выявление баз снабжения, крупных складов и предприятий, работавших на немецко-фашистскую армию, коммуникаций и линий связи, метеорологическая разведка, методы разведывательной работы партизан, помощь советских партизан разведывательным органам Красной Армии, недостатки и неиспользованные возможности разведывательной работы партизан». Фактически, такое деление — это более расширенный вариант, чем то, что предложил К. Доморад: разведка «на себя» и для нужд Красной Армии.

В 2003 г. вышла еще одна монография А. Попова «НКВД и партизанское движение», посвященная участию органов государственной безопасности в борьбе в тылу врага. Автор на основании написанных ранее работ и исследований, и привлечения широкой источниковой базы написал подробную и актуальную монографию. В работе, в том числе, показана роль органов НКВД в организации разведывательной деятельности партизанских соединений. Автор справедливо отмечает, что «условия партизанской борьбы требовали умения действовать мелкими группами, самостоятельно решать сложные задачи, не рассчитывая на помощь в течение длительного времени. И этим требованиям в большей мере отвечали пограничники и сотрудники органов госбезопасности. Повседневная служба чекистов в мирное время, на границе, борьба с подрывной деятельностью враждебных элементов, знание приемов и ухищрений противника способствовали выработке таких качеств, которые позволяли эффективно противодействовать контрразведывательным и карательным акциям противника во вражеском тылу» [36, с. 40].

Одним из главных аспектов участия органов государственной безопасности в партизанском движении явилась помощь чекистов партийным и советским органам в кадровом подборе в партизанские отряды (в том числе разведчиков). Уже «26 июня 1941 г. на территории Минской, Могилевской и Витебской областей Белоруссии органами государственной безопасности этой республики было создано 14 партизанских отрядов общей численностью 1162 человека. В их составе оперативных и руководящих работников НКГБ было 539 человек, работников НКВД и милиции — 623 человека» [36, с. 41].

Литература и источники

1. Андрианов, В. Оперативное использование партизанских сил / В. Андрианов // Военно-исторический журнал. — 1969. — № 7. — С. 22—34.
2. Андрианов, В. Разведывательная деятельность партизан / В. Андрианов // Военно-исторический журнал. — 1971. — № 8. — С. 20—28.
3. Армстронг, Д. Советские партизаны. Легенды и действительность. 1941—1944 / Д. Армстронг. — М., 2007. — 493 с.
4. Бабушкин, А. Разведка химических средств противника / А. Бабушкин // Военно-исторический журнал. — 1973. — № 1. — С. 85—89.
5. Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны (22 июня — август 1941): документы и материалы / Комитет по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь, Национальный архив Республики Беларусь, Федеральное архивное агентство России, Государственный архив Российской Федерации, Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны и др. — Минск: НАРБ, 2006. — 455 с.
6. Беларусь в постановлениях и распоряжениях Государственного комитета обороны СССР, 1941—1945 гг.: справочник / Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, Национальный архив Республики Беларусь, Федеральное архивное агентство России, Российский государственный архив социально-политической истории [сост.: В. Д. Селеменев, В. В. Скалабан, В. Н. Шепелев]. — Минск: НАРБ, 2008. — 214 с.
7. Беларусь непокоренная: воспоминания, документы, хроника партизанского движения и подпольной борьбы 1941—1944 / Министерство обороны Республики Беларусь, Военно-научное управление Вооруженных сил Республики Беларусь, Министерство обороны Российской Федерации, Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации [авт.-сост.: В. В. Абатуров и др.]. — Минск: БЕЛТА, 2005. — 391 с.
8. Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: Праблема гістарыяграфіі і крыніцазнаўства / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут гісторыі; [А. М. Літвін, М. Ф. Шумейка, Г. Д. Кнацько і інш.; навук. рэд.: Я. С. Паўлаў, А. М. Літвін]. — Мінск: Беларуская навука, 1999. — 251 с.
9. Борисов, И. С. «Сатурн» на ладони / И. С. Борисов. — Минск: Беларусь, 1994. — 270 с.
10. Бязлепкін, Я. П. Навуковая тэрміналогія англамоўнай гістарыяграфіі ЗША і Вялікабрытаніі па даследванні партызанскага руху // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць [зборнік навуковых артыкулаў] / Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Інстытут гісторыі НАН Беларусі; [рэд-

кал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.) і інш.]. — Вып. 7: у 2 кн. — Кн. 2. — Мінск: МДЛУ, 2008. — С. 39—45.
11. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. В 3 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ; [Авт. кол.: Л. В. Аржаева, К. И. Коморад, А. П. Купреева и др.]. Редкол.: А. Т. Кузьмин и др.— Минск: Беларусь, 1983—1985. — Т. 3.
12. Дедюля, И. П. Партизанский фронт / И. П. Дедюля. — М.: Молодая гвардия, 1975. — 315 с.
13. Дин, М. Пособники холокоста: преступления местной полиции Белоруссии и Украины, 1941—1944: [перевод с английского] / Мартин Дин. — СПб.: Академический проект: ДНК, 2008. — 267 с.
14. Долготович, Б. Д. Ведение разведки партизанами при освобождении Белоруссии / Б. Д. Долготович // Военно-исторический журнал. — 1976. — № 3. — С. 23—29.
15. Доморад, К. И. Разведка и контрразведка в партизанском движении в Белоруссии 1941—1944 гг. / К. И. Доморад; под ред. И. М. Игнатенко. — Минск: Навука і тэхніка, 1995. — 256 с.
16. Золотарь, И. Ф. Под маской бургомистра / И. Ф. Золотарь // Партизанские дни. — М., 1971.
17. Каваленя, А. А. Некаторыя метадалагічныя падыходы ў даследванні гісторыі Вялікай Айчыннай вайны / А. А. Каваленя // Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: стан і перспектывы даследвання праблемы: Матэрыялы «круглага стала» (Мінск, 22 лістапада 2002 г.) / рэдкал.: А. М. Літвін (адказны сакратар) і інш. — Мінск: ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі», 2005. — С. 18—26.
18. Калинин, П. З. Партизанская республика / П. З. Калинин. — 3-е изд. — Минск: Беларусь, 1973. — 367 с.
19. Киселев, В. К. Борьба партизан с подрывной деятельностью фашистских спецслужб в Белоруссии // Вопросы истории. — 1984. — № 3. — С. 12—56.
20. Киселев, В. К. Об этом молчали сводки. — Минск: УП «Технопринт», 2003. — 148 с.
21. Киселев, В. К. Партизанская разведка в Белоруссии / В. К. Киселев // Вопросы истории. — 1974. — № 12. — С. 17—28.
22. Киселев, В. К. Партизанская разведка. Сентябрь 1943 — июль 1944 / В. К. Киселев. — Минск: Издательство БГУ, 1980. — 128 с.
23. Киселев, В. К. Роль разведки партизан Белоруссии в получении военно-технической информации о враге (1943—1944) / В. К. Киселев // Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: стан і перспектывы даследвання праблемы: Матэрыялы «круглага стала» (Мінск, 22 лістапада 2002 г.) / рэдкал.: А. М. Літвін (адказны сакратар) і інш. — Мінск: ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі», 2005. — С. 65—70.
24. Князьков, А. С. Партизанская разведка в период разгрома немецко-фашистских войск под Курском и на Днепре / А. С. Князьков // Ленинский комсомол в Великой Отечественной войне. Сб. статей; Высш. комс. школа при ЦК ВЛКСМ, Ин-т воен. истории М-ва обороны СССР; Ред. кол.: В. А. Житенев и др. — М.: Молодая гвардия, 1974. — С. 301—309.
25. Літвін, А. М. Беларускі партызанскі… / А. М. Літвін // Беларускі гістарычны часопіс. — 2007. — № 9. — С. 3—10.
26. Мюллер, Н. Вермахт и оккупация (1941—1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории / Н. Мюллер; под ред. А. Ф. Юденкова. — М.: Воениздат МО СССР, 1974. — 387 с.

27. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1450. — Оп. 1. — Д. 1.
28. Там же. — Д. 4.
29. Там же. — Оп. 2. — Д. 7.
30. Там же. — Оп. 3. — Д. 20.
31. Новікаў, С. Ваенная Беларусь у найноўшых нямецкіх даследаваннях / С. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс.— 2010. — № 11. — С. 17—26.
32. Новиков, С. Е. Антигерманское сопротивление в Белоруссии 1941—1944 гг.: новые подходы немецких исследователей / С. Е. Новиков // Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941—1944 годах: материалы Международной научно-практической конференции (Минск, 25—26 июня 2009 г.) / [редкол.: М. В. Мясникович (председатель) и др.]. — Минск: Беларуская навука, 2009. — С. 157—165.
33. Попов, А. 15 встреч с генералом КГБ Бельченко / А. Попов. — М.: ОЛМА-Пресс, 2002. — 383 с.
34. Попов, А. Ю. Борьба гитлеровцев против партизан в годы Великой Отечественной войны / А. Ю. Попов // Военно-исторический архив. — 2002. — № 9. — С. 125—145.
35. Попов, А. Ю. Борьба с гитлеровской агентурой в партизанском движении / А. Ю. Попов // Военно-исторический архив. — 2002. — № 12. — С. 158—177.
36. Попов, А. НКВД и партизанское движение / А. Попов. — М.: ОЛМА-Пресс, 2003. — 380 с.
37. Попов, А. Ю. Разведка в тылу врага / А. Ю. Попов // Обозреватель. — 2005. — № 2. — С. 92—103.
38. Прудников, М. С. Разведчики «Неуловимых» / М. С. Прудников. — М.: Совет. Россия, 1972. — 288 с.
39. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Юры Туронак. — Мінск: Беларусь, 1993. — 236 с.
40. Якубовский, Н. А. В тыл врага / Н. А. Якубовский. — Минск: Беларусь, 1979. — 173 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 30.04.2015

Е. И. Третьяк,
ведущий архивист отдела использования документов и информации Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов;
e-mail: akffd@tut.by

ВОССТАНОВЛЕНИЕ МИРНОЙ ЖИЗНИ В БССР В 1944—1945 гг. В СЮЖЕТАХ КИНОЖУРНАЛА «САВЕЦКАЯ БЕЛАРУСЬ»

Оккупация территории БССР войсками Третьего рейха принесла с собой как огромные человеческие потери, так и колоссальный экономический ущерб. В восстановлении нуждались все сферы жизни общества: экономическая, общественно-политическая, культурная. Современным исследователям увидеть возрождение мирной жизни республики из пепла войны помогают кинокадры тех лет. Следует отметить, что киножурналы являются особой разновидностью кинолетописи, что подчеркивает их значимость как исторического свидетельства. В настоящий момент в фондах Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов хранится 4 выпуска киножурнала «Савецкая Беларусь»: № 5 за 1944 г.[1, с. 54], № 5—6 за 1945 г. [1, с. 101], № 7—8 за 1945 г. [1, с. 56], № 11—12 за 1945 г. [1, с. 136], сюжеты которых отразили процесс возращения Советской Белоруссии к мирной жизни.

С 1931 г. при Белгоскино стал работать Сектор кинохроники, входивший во Всесоюзное объединение «Союзкинохроника». С этого момента начался регулярный выпуск киножурнала «За сацыялістычную Беларусь», который в дальнейшем стал называться «Савецкая Беларусь» [5, с. 7]. В годы Великой Отечественной войны их создание на короткое время было прервано и возобновлено в Москве с осени 1942 г. [5, с. 10]. В дальнейшем, выход на экран выпусков киножурнала «Савецкая Беларусь» продолжался до 1991 г. С 1991 г. название было сменено на «Беларусь», после переименования выпуски киножурнала продолжали выходить на экран до 2005 г.

Что касается содержания сюжетов киножурнала «Савецкая Беларусь» за 1944—1945 гг., то главной их задачей было запечатлеть возрождение из руин городов и сел, показать восстановление промышленности и сельского хозяйства Беларуси. Помимо этого, кинокадры тех лет запечатлели общественно-политическую и культурную жизнь республики. Не обошли кинооператоры своим вниманием и военную тематику, а также вопрос охраны государственных границ.

В основном, вести съемки новой мирной жизни стали бывшие военные кинооператоры: М. Беров, Т. Бунимович, И. Вейнерович, Ф. Короткевич, О. Рейзман, В. Цеслюк, но были среди них и новые лица: Ю. Довнар, В. Китас, С. Фрид.

Самой первой темой, отразившей становление мирной жизни в Беларуси, стала тема возрождения из пепла городов и деревень. В годы Великой Отечественной войны на территории БССР было разрушено 209 городов из 270; промышленный и жилищно-коммунальный фонд уничтожен на 80—90%; 3 млн граждан остались без крова. Летом 1944 г. численность населения БССР составляла 62% в отношении к довоенному уровню, из них жители городов — 30%. При этом рабочие промышленных предприятий составляли всего 6% [2, с. 4—5]. Общий экономический ущерб составил 75 млрд рублей в ценах 1941 г. [6, с. 430].

Самые первые кинокадры становления мирной жизни с ярко выраженными следами разрушений за годы Великой Отечественной войны представлены в сюжете «На вызваленай зямлі» киножурнала «Савецкая Беларусь» № 5 за октябрь 1944 г. Благодаря им современный зритель вместе с пассажирами поезда Москва—Минск отправляется в путешествие с Белорусского вокзала Москвы, проезжает по территории Смоленской области, а затем по территории БССР. Вдоль железнодорожного полотна видны разрушенные строения, иногда в объектив кинокамеры попадает еще неубранная разбитая военная техника, но уже четко заметны следы хозяйственных перемен. Далее поезд прибывает на железнодорожный вокзал Минска. Перед нами предстают панорамные съемки города. Здесь следует отметить, что за годы немецкой оккупации в Минске было разрушено 47 школ, 24 детских сада, Дворец пионеров, 2 родильных дома, 3 детские больницы, 5 городских поликлиник, 27 детских яслей, 4 детские консультации, Институт охраны материнства и детства, 24 завода, 5 фабрик, мясокомбинат, 4 гостиницы, водопровод, канализация, телефонно-телеграфная сеть [6, с. 313]. Несмотря на это, уже 5 июля 1944 г. заработал хлебозавод «Автомат». Начались работы по восстановлению минской электростанции, к 11 июля город получил первые киловатты электроэнергии. В первые месяцы после освобождения было восстановлено водоснабжение города, отремонтированы трамвайные линии, открыты магазины (правда, обслуживали население они по карточкам).

Жители Минска принимали активное участие в возрождении своего родного города. Кадры сюжета запечатлели минчан во время разбора стен разрушенных зданий. 8 октября 1944 г. в Минске состоялся первый массовый воскресник. В нем приняли участие свыше 33 тыс. человек. Во время воскресника было уложено в штабеля 1816 тыс. кирпичей, собрано 1056 т металлолома, заготовлено 2050 кубометров щебня, разобрано и уложено в штабеля 403 кубометра бутового камня [2, с. 9].

В дальнейшем тема возрождения городов БССР из руин нашла свое продолжение в кадрах киножурнала «Савецкая Беларусь» № 7—8 за 1945 г. В его сюжетах были показаны строительные работы на улицах Минска и Гомеля, которые выполнялись силами горожан и воинов Красной Армии. Так, в сюжете, посвященном Гомелю, особое внимание уделялось новаторскому опыту бригады каменщика М. К. Бранхилова. Члены бригады использовали для ускорения подачи кирпичей на стену конвейерную ленту и тем самым поставили всесоюзный рекорд по кладке кирпичей за день. За 1944—1945 гг. в городах БССР было построено и сдано в эксплуатацию 1406 тыс. кв. м жилья [4, с. 31].

Отдельно следует отметить кинокадры, связанные со строительством жилья в сельской местности. За годы Великой Отечественной войны на территории БССР не осталось деревень, не пострадавших в ходе оккупации и боевых действий: было сожжено 1,2 млн различных строений и 900 тыс. жилых домов [3, с. 14]. Эта ситуация нашла отражение в сюжете «На месцы спаленых вёсак» киножурнала «Савецкая Беларусь» № 5 за 1944 г. Просматривая кадры киносюжета, зритель становится свидетелем строительства новых домов в колхозе им. И. В. Сталина на Минщине вместо сгоревших за годы немецко-фашистской оккупации.

Вторая тема киножурнала была связана с экономикой и отразила ситуацию, сложившуюся в промышленности и сельском хозяйстве республики. Следует отметить, что возрождение экономики БССР было бы невозможно без помощи других регионов СССР. Так, по мере освобождения территории БССР от войск противника шел процесс восстановления железнодорожных коммуникаций. Всего было отремонтировано 10 тыс. км железнодорожных путей и 1735 железнодорожных мостов. По сети железных дорог за 10 месяцев 1944 г. только с территории Удмуртской АССР было прислано 137 вагонов с различным оборудованием, инструментами и стройматериалами. Еще 287 вагонов прибыло с территории Урала и Сибири [2, с. 13]. Все это способствовало возобновлению работы промышленных предприятий Беларуси. Кадры киножурнала «Савецкая Беларусь» за 1944 г. запечатлели начало работы в Минске протяжной артели «Новый путь» и фотоателье «Рекорд», а также работы по восстановлению Днепро-Бугского канала. Однако особенно ценным является сюжет «Працоўныя Мінска — фронту». Он был сделан на Минском заводе им. К. Е. Ворошилова. Данный завод решением ГКО и СНК СССР предназначался для ремонта танков [7, с. 38]. Поэтому снятые оператором в 1944 г. кинокадры напоминают нам о том, что Великая Отечественная война еще не закончилась, и на Западе идут тяжелые бои. Глядя на экран, мы становимся очевидцами митинга рабочих, проходившего на заводе по случаю ремонта колонны танков и передачи их военным. При этом на танке, идущем впереди колонны, была сделана надпись «За Советскую Белоруссию».

Тема восстановления промышленности БССР была продолжена в киножурнале «Савецкая Беларусь» № 7—8 за 1945 г. Здесь были представлены кинокадры, сделанные во время монтажа и запуска нового оборудования на Минской ТЭЦ под руководством инженера И. П. Петерсона. Другой сюжет киножурнала был посвящен работе Минского кожевенного завода «Большевик». Здесь главным героем стала передовик производства М. В. Валицкая, выполнявшая план на 205%.

Что касается сельского хозяйства Белорусской ССР, то за годы немецко-фашистской оккупации экономический ущерб составил 22471,9 млрд рублей в ценах 1940 г. Посевные площади сократились на 43%. Хотя к весне 1944 г. было восстановлено 2880 колхозов [2, с. 39], их материальная база оставляла

желать лучшего. В 1944 г. из эвакуации в БССР вернулось 36 МТС [7, с. 68]. К началу сева 1945 г. МТС были полностью восстановлены в Минской и Гомельской областях, в Могилевской — на 78,9%, в Витебской — на 66% [7, с. 78]. Для восстановления их работы по распоряжению СНК СССР в БССР было направлено 2214 тракторов, 3323 грузовые автомашины, 224 комбайна, 997 сложных и полусложных молотилок, 13621 плуг и другой инвентарь и сельскохозяйственная техника. Помимо этого, весной 1944 г. из восточных районов СССР колхозы БССР получили 9 млн пудов семенной ржи, 100 тыс. кг семян клевера, 30 тыс. кг тимофеевки, 62 тыс. т посевного льна. Под урожай 1945 г. было выделено 15 тыс. т зерна, 2 тыс. т льна, 22 тыс. т картофеля, в республику также поступило 157 780 голов крупного рогатого скота [2, с. 42].

Начало возрождения сельского хозяйства Беларуси зафиксировали кинокадры сюжета «Новы ўраджай» киножурнала «Савецкая Беларусь» № 5 за 1944 г. Эти съемки проводились кинооператором в колхозе «Заречье» Смолевичского района Минской области. На экране перед зрителями предстает жаркая пора уборки урожая: обмолот зерна на колхозном току, погрузка мешков с зерном нового урожая на автомашины, подсчет итогов работы председателем колхоза тов. Тарасюком и председателем сельского совета тов. Масловым.

Тема восстановления и развития сельского хозяйства БССР нашла свое продолжение в киножурнале «Савецкая Беларусь» № 7—8 за 1945 г. Здесь главными героями одного из киносюжетов стали трактористы Тимковичской МТС Копыльского района Бобруйской области Василий Лобан и его напарник Василий Соколовский. Помимо этого, в сюжеты киножурнала вошли кадры, сделанные во время строительства скотного двора в колхозе «КИМ» Хойникского района Полесской области, а также строительства плотины на р. Волма в Червенском районе и возобновление работы местного рыбхоза. В дикторском тексте подчеркивалось, что хотя рыбхоз был восстановлен только на 60%, но в нем уже было выращено полмиллиона карпов-мальков для зарыбления водоемов республики.

В целом к 1946 г. в БССР было восстановлено 9746 колхозов из 10 165 довоенных [2, с. 39].

Третья тема послевоенных киножурналов связана с общественно-политической и культурной жизнью республики. Уже в кадрах киножурнала за 1944 г. показано возобновление в Минске работы редакций таких газет, как «Звязда», «Советская Белоруссия», «Чырвоная змена». Одновременно с этим, один из сюжетов киножурнала был посвящен торжественному открытию 1 сентября 1944 г. в Минске 23-й средней женской школы. Первые кадры сюжета показывают, как к зданию школы направляются нарядно одетые девочки с цветами. Перед ученицами и преподавателями выступила директор школы, бывшая партизанка А. Р. Бабихина. При этом следует отметить, что поскольку многие педагоги школы недавно демобилизовались, на них еще надета военная форма.

В контексте развития данной темы особо можно выделить киножурнал «Савецкая Беларусь» № 5—6 за 1945 г. Он полностью посвящен юбилейным празднованиям 25-летия ЛКСМБ. Недостатком журнала является то, что он немой, и мы можем только смотреть документальный материал. Тем не менее, данные кинокадры представляют немалую ценность. Сюжеты киножурнала вобрали в себя съемки, сделанные во время торжественного пленума Минского ГК ЛКСМБ, на котором был зачитан Указ Президиума ВС СССР о награждении ЛКСМБ орденом Красного Знамени за мужество и героизм, проявленные его членами в рядах Красной Армии и партизанских отрядах. Отдельно была отмечена работа комсомольской организации города Минска, и секретарю Минского горкома ЛКСМБ тов. Барашко было вручено Переходящее Красное Знамя ЦК ВЛКСМ. На пленуме было заслушано выступление секретаря ЦК ЛКСМБ М. В. Зимянина. Помимо этого, в сюжет были включены хроникально-документальные кадры, сделанные в годы Великой Отечественной войны в партизанских отрядах, а также материал, иллюстрирующий участие комсомольцев Беларуси в экономическом возрождении республики. Здесь были представлены кинокадры, сделанные во время уборки урожая в колхозе «КИМ» Хойникского района Полесской области, строительства в Минске семилетней школы № 5, работы комсомольской смены на железнодорожной станции Гомель-Сортировочный. Заканчивался киножурнал кадрами выступления белорусских спортсменов на параде физкультурников в Москве.

Продолжение темы становления общественно-политической и культурной жизни в БССР в 1944—1945 гг. нашло свое отражение в киножурнале «Савецкая Беларусь» № 11—12 за 1945 г. Он вобрал в себя сюжеты, сделанные во время празднования в Минске 28-й годовщины Октябрьской революции. Как и киножурнал «Савецкая Беларусь» № 5—6 за 1945 г., он без звуковой дорожки. Однако снятые операторами И. Вейнеровичем, М. Беровым, В. Китасом, В. Цеслюком, С. Фридом кинокадры представляют определенный исторический интерес и передают политический дух того времени. Начинается киножурнал материалом, отснятым во время парада войск Минского гарнизона и демонстрации трудящихся города на пл. Ленина у Дома правительства. К празднику здание Дома правительства было украшено портретами И. В. Сталина и маршалов Советского Союза. С трибуны участников парада и демонстрации приветствовали руководители партии и правительства БССР во главе с П. К. Пономаренко.

Второй сюжет киножурнала был посвящен празднованию годовщины Октября в семье минчанина, бывшего партизана А. Ф. Мурашко. Хотя эти кадры носят четко выраженный постановочный характер, тем не менее, они передают душевный подъем и праздничное настроение народа-победителя. Перед нами предстает большая семья А. Ф. Мурашко (отец, мать и девять детей) за накрытым праздничным столом. После чаепития семья слушает по радио

праздничный концерт. Заканчивается киносюжет выступлением артистов Белорусского государственного джаз-оркестра под управлением Э. Рознера.

Отдельно следует упомянуть о киносюжетах, связанных с Красной Армией и пограничниками. Как уже отмечалось ранее, кинокадры того времени запечатлели красноармейцев, помогающих жителям Минска разбирать завалы, военнослужащих, присутствующих на митинге рабочих Минского завода им. К. Е. Ворошилова во время отправки на фронт колонны танков. Демонстрация военной техники была проведена во время парада войск Минского гарнизона в честь 28-й годовщины Октябрьской революции. Отдельный сюжет, размещенный в киножурнале «Савецкая Беларусь» № 7—8 за 1945 г., был посвящен пограничникам. В его кинокадрах представлены р. Буг и пограничный столб на границе Польши и СССР, дозорные вышки и патрулирование границы, а также помощь пограничников местным крестьянам во время полевых работ.

Таким образом, сюжеты послевоенных киножурналов сохранили для современников аудиовизуальный материал, демонстрирующий последствия немецко-фашистской оккупации для БССР. В то же время они являются свидетельством огромных усилий, затраченных народом на восстановление республики. Задачей работников архива является сохранение этих кинодокументов для будущих поколений.

Литература

1. Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов: Справочник. Ч. 1. Кинодокументы / Авт.-сост. С. В. Жумарь. — Молодечно: Тип. «Победа», 2002. — 718 с.
2. Игнатенко, А. П. Социально-экономическое развитие БССР (1944—1960 гг.) / Бел. гос. ун-т им. В. И. Ленина. — Минск, 1990. — 83 с.
3. Купреева, А. П. Народы СССР — трудящимся Белоруссии / Науч. ред. П. Т. Петриков. — Минск: Наука и техника, 1981. — 208 с.
4. Марченко, И. Е. Рабочий класс БССР в послевоенные годы (1945—1950 гг.) / И. Е. Марченко. — Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1962. — 257 с.
5. Ратников, Г. В. Документальное кино Белоруссии (1925—1967 гг.) / Г. В. Ратников. — Минск, 1968. — 21 с.
6. Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков / Чрез. гос. комиссия по установлению и расследованию злодеяний немец.-фашист. захватчиков и их сообщников. — М.: Гос. изд. полит. лит-ры «Кр. пролетарий», 1946. — 459 с.
7. Экономика Белоруссии в период послевоенного возрождения / З. И. Гиоргидзе и др. — Минск: Наука и техника, 1988. — 236 с.

0-140400. Работы по разбору развалин в Минске (1944—1947 гг., г. Минск)
БГАКФФД

Р001506. Вспашка тракторами поля под яровые культуры в одном из колхозов Хойникского района (11 мая 1944 г., Гомельская обл.)
Фототека Института истории при ЦК КПБ (партархив); В. Лупейко

0-19266. Сбор средств на создание эскадрильи «Советская Белоруссия» среди учащихся одной из школ Минска (1944 г., г. Минск)
ЦГАКФФД СССР

0-71299. Колонна танков, отремонтированных на Минском заводе им. К. Е. Ворошилова, направляется на фронт (1944 г., г. Минск)
Фототека Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны

Артыкул паступіў у рэдакцыю 14.05.2015

С. В. Вайтович,
преподаватель кафедры источниковедения БГУ;
e-mail: vajtovich@tut.by

ИСТОЧНИКИ ПО НАЛОГООБЛОЖЕНИЮ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ БССР В 1920-х гг.

Введение в научный оборот материалов налогообложения крестьянства позволяет расширить диапазон интересов исследователей, предложить новые методы изучения, по-новому взглянуть на ставшие «классическими» проблемы.

Послереволюционное развитие привело к формированию системы продовольственных налогов для крестьянства, а в денежных налогах практически полностью отпала нужда. Такая ситуация сложилась в силу объективных причин. Со временем государству пришлось отказаться от неэффективного натурального обложения и вновь задуматься о восстановлении налоговой системы, но в срочном порядке, что определялось тяжелой экономической ситуацией.

Основанием для возрождения налогового дела в РСФСР и БССР стало утверждение Положения ВЦИК от 24 июля 1921 г. о введении в штате НКФ должности налогового инспектора, а также об образовании районных налоговых комиссий.

В резолюции XII съезда РКП(б) 17—22 апреля 1923 г. о налоговой политике в деревне отмечалось, что необходимо освободить крестьянина от натуральных платежей и дать ему возможность частично вносить их в денежной форме [1, с. 2], тем более что крестьянство составляло до 80% населения республики [2, с. 9]. Значительные трудности для крестьянства представлял продналог, отличавшийся сложностью обложения и крайней неудобностью внесения платежей (особенно изъятие картофеля, сена и мяса) [2, с. 40].

В соответствии с Декретом ВЦИК от 10 мая 1923 г. начиная с 1923/1924 окладного года был введен единый сельскохозяйственный налог (далее — ЕСН), заменивший различные натуральные налоги (трудгужналог, подворно-поимущественный налог, единовременный налог на восстановление сельского хозяйства и местные налоги, устанавливаемые местными исполкомами всех уровней) [1, с. 12]. Обложению ЕСН также подлежали городские жители, занимающиеся сельским хозяйством на пригородных землях. При этом горожане-земледельцы не освобождались от городских налогов, а торговая и промысловая деятельность сельчан подлежала промысловому обложению. Налог исчислялся в пудах ржи, население имело право вносить платежи натурой (от чего отказались уже 1 января 1924 г.) либо деньгами.

При определении размеров налога использовался широкий спектр характеристик хозяйства: количество пашни и сенокоса, количество едоков в хозяйстве, количество взрослого рабочего и крупного рогатого скота, урожайность зерновых и трав на десятину. Эти признаки определяли мощность и платежеспособность хозяйств и позволяли их группировать по количеству пахотно-сенокосной земли на едока, количеству голов скота в хозяйстве.

Анализ других актов законодательства о ЕСН позволяет сделать вывод о том, что совершенствование обложения деревни налогом проходило в несколько этапов (в качестве критериев выделения этапа использованы изменения в структуре источников обложения).

Важнейшим нововведением первого этапа (налоговые кампании 1923/24—1924/25 гг.) стал переход к денежной форме налога, что и было одной из основных задач. Еще одна особенность — несовершенство налогового аппарата, которое частично компенсировалось детальной регламентацией налоговых отношений.

В 1924/1925 окладном году отменили разряды урожайности как рудимент натурального обложения, заменив их разрядами по обложению, в которых брались в расчет и цены на хлеб, и сторонние заработки, и общее экономическое положение административно-территориальной единицы. В налоговую кампанию 1925/1926 г. впервые вводилось понятие об условно чистой доходности сельского хозяйства за последние три года для облегчения установления разрядов обложения [3, с. 115].

Следующий этап начался налоговой кампанией 1926/1927 окладного года. ЕСН перестроили на полное обложение доходов хозяйств, т. е. государство стремилось перейти к подоходному обложению деревни. В поселенный список вносились все источники обложения: пашня, скот, луга, специальные отрасли сельского хозяйства, неземледельческие заработки. Налоговый аппарат приобрел опыт проведения кампаний, накопил значительный статистический материал, что позволило упростить процедуру учета источников обложения, оповещения плательщиков. Совершенствовалась система учета источников обложения и первичной отчетности путем карточной регистрации важнейших данных.

Анализируя материалы по налогообложению крестьянства, необходимо помнить о структуре занятости деревни. Всесоюзная перепись населения 1926 г. выявила значительное число самодеятельных хозяйств с подразделением их по видам занятости. Количество землепашцев по регионам БССР различалось в соответствии с экономико-географическими реалиями [4]. Значительное количество крестьян было занято трудом по найму, многие зарабатывали на жизнь собственными промыслами. Важное значение для существования крестьянской семьи имела торговля, причем не только мелкая, к примеру, с рук, лотков, но и оптовая. Такие крестьяне попадали под промысловое обложение, начатое в БССР в сентябре 1921 г.

Промысловому обложению подлежали торговые и промышленные предприятия и заведения, единоличные занятия и отдельные промыслы, перечисленные в особой росписи. Промысловый налог состоял из патентного сбора, дающего право заниматься выбранной деятельностью и подтверждающего ее легальный характер, и уравнительного сбора.

Первоначально по внешним признакам (вид торга и географическое положение) торговые предприятия делились на разряды в зависимости от раз-

мера торговли и, соответственно, размера торговых площадей. Уравнительным сбором облагались обороты предприятий, кроме предприятий первого разряда. Облагались только частные предприятия. Патенты выдавались органами НКФ на основании визированных налоговыми инспекторами заявлений, в отдаленных местностях их выдавали волостные исполкомы [1, с. 8].

Уравнительное обложение началось с декабря 1921 г. Уравнительный сбор взимался в размере определенного процента к обороту предприятия. Налоговые комиссии определяли обороты на основании заявления об обороте установленной формы, торговых книг, данных проверки торговых книг инспектором по прямым налогам, имеющихся в комиссии данных о предприятии и сведений, полученных от владельцев, а также на основании данных, полученных при проверке предприятия за прошедший окладной год.

На практике возникали ситуации, когда данных было недостаточно. В этом случае комиссии пользовались нормативным методом учета оборота предприятия, в основе которого лежал расчет оборота по средним нормам для определенного типа предприятий. Для расчета норм использовали данные, которые могли быть легко учтены: сумма оборота, приходящаяся на одно лицо в розничном торговом заведении, сумма оборота, приходящаяся на одного рабочего или станок [4, с. 54—61].

Законодательство о промналоге постоянно менялось. В течение 1920-х гг. был принят ряд новых положений, в которых варьировалось количество разрядов, уточнялись их признаки, ставки, стоимость патентов и т. д.

Первая попытка проведения подоходного обложения в БССР осуществилась в 1922/1923 финансовом году в виде денежного подворного налога. Согласно постановлению ВЦИК от 12 сентября 1922 г. налог планировали взимать согласно количеству пашни, сенокоса и скота. К установлению списков плательщиков были привлечены все возможные инстанции: сотрудники исполкомов, сельсоветов, домкомов, коммунальные службы и т. д. Ввиду того, что основная тяжесть налога падала на крестьянство, привлеченное к уплате натурального налога, платить налог оказалось практически некому по причине отсутствия в деревне дензнаков. Поступления налога составили всего 60% от ожидаемого дохода [6, с. 72—74].

Декрет от 19 августа 1921 г. о налоге с виноградных, изюмных и плодово-ягодных вин открыл начало косвенным налогам. Путем косвенного обложения государство стремилось приучить население к уплате налогов, обложить наиболее востребованные предметы потребления, зажиточные слои населения, сократить источники обложения.

Значительные поступления приносили акцизы на табак и табачные изделия, папиросные гильзы и бумагу, спички, пиво, квас, мед, фруктовые воды, менее значимыми были акцизы на технический спирт, соль, сахар, чай, кофе и его суррогаты, нефтяные продукты. Все перечисленные акцизы вводились с мая 1922 г.

Косвенные налоги собирались практически без недоимок, но в первые годы работу инспекций осложняли присылаемые центром несовершенные декреты и последующие уточняющие циркуляры, дополняющие, а то и меняющие их первоначальный смысл. Значительные суммы, поступающие от акцизов, давали государству возможность варьировать их количество и значение в общей массе поступлений, отменяя их на наиболее массовые товары и, наоборот, облагая товары, пользующиеся меньшим спросом.

Порядок взимания с населения местных налогов впервые был определен Декретом ВЦИК о местных финансах от 22 августа 1921 г., который предусматривал формирование местного бюджета путем предоставления местным исполкомам права изыскивать средства из налоговых источников. По аналогии с РСФСР аналогичная система действовала и в БССР. Для этого НКФ разработал список источников пополнения местных ресурсов и 15 октября 1921 г. обратился в СНК БССР с предложением введения дополнительных налогов: с домашних животных, с извозчичьих лошадей, за содержание домашней прислуги, с возов, останавливающихся на базаре, с билетов на зрелища и увеселения. Декретом СНК БССР от 18 февраля 1922 г. в дополнение к уже существовавшим местным налогам были были введены еще 10 местных городских и 7 налогов вне городских поселений [2, с. 13]. Новое Положение о местных финансах от 25 апреля 1926 г. определило единую систему финансов СССР. В соответствии с Положением из налоговых источников в местные доходы поступали отчисления от государственного промыслового налога, ЕСН, некоторых других налогов.

2 октября 1925 г. ЦИК принимает Положение о взимании налогов, которое урегулировало порядок взимания всякого рода налогов и пошлин [7, с. 211—212]. Положение определяло органы взимания налогов, порядок и меры взыскания недоимок, пеней и штрафов, порядок обжалования неправильных действий налоговых органов, предоставления отсрочек, сложения недоимок и возврата неправильно поступивших сумм. Общее руководство налоговым делом осуществлялось НКФ СССР. Организация дела взимания налогов, надзор за поступлениями их и руководство процедурой взимания налогов в пределах союзных республик осуществлялось наркомфинами этих республик. На окружные и уездные финансовые отделы возлагалось руководство налоговым делом в пределах соответствующей административно-территориальной единицы. Исполкомы отвечали за общее руководство налоговыми кампаниями. Взимание прямых государственных и местных налогов находилось в компетенции инспекторов по прямым налогам и их помощников, косвенных налогов — инспекторов по косвенным налогам и их помощников.

За сбор ЕСН были ответственны вол- и райисполкомы под непосредственным руководством налоговых органов. Органы фиска на основании обращения к руководству милиции, а в городах — в домоуправления, имели пра-

во получать необходимую информацию о налогоплательщиках и состоянии интересующих объектов обложения.

Анализ налоговых материалов показал, что по способу сбора и публикации сведений они делятся на оперативную и расширенную статистику. Первая давала текущую информацию для получения результатов обложения, состояла из небольшого числа сводных показателей. Вторая давала результаты по народнохозяйственному значению налогов [8].

Наиболее систематические данные о промысловом и подоходном обложении как в пространственном, так и во временном аспектах приведены в сборниках оперативной статистики, издававшихся налоговым управлением НКФ. Уровень агрегирования данных — губерния. Все материалы группировались по социальным секторам и разрядам с подразделом на городские и сельские. В подоходном обложении данные группировались по социальному положению и величине дохода.

Расширенная статистика представлена разрозненными данными по регионам и республикам СССР и в основном опубликована в «Выборочных обследованиях подоходного обложения за 1926—27 гг.», проведенных в РСФСР и УССР с целью подготовки налоговой реформы. Обследования представляют 33 группировочные таблицы с данными по месту жительства, социальному положению, основному занятию, размеру дохода, величине налога. Сведения расширенной статистики промыслового обложения изданы только по УССР. Обследование охватило около 51,9% промышленных и 78,8% торговых предприятий. В публикациях указываются разряд выбранного патента, год основания, состав занятых лиц, структура оборота и капитала, величина расходов, валового и чистого дохода, предмет торговли.

В середине 1920-х гг. проводилась разработка налоговых данных о торговле в ходе так называемых «сплошных учетов торговли». Публикации результатов содержат сведения о количестве торговых заведений, сумме их оборота, численности персонала в 36 регионах СССР. Они сгруппированы по видам продаваемого товара и величине предприятий. Такие же сведения есть по РСФСР и Украине. По полноте все данные сплошных учетов уступают оперативной статистике НКФ, так как проводился анализ только карточек предприятий, не имеющих пробелов в сведениях [8]. К сожалению, по территории БССР подобных публикаций нет.

Существует несколько способов определения точности и репрезентативности налоговой статистики. Первый способ подразумевает анализ технологии сбора и фиксации информации. Второй основан на сравнении налоговой статистики с промышленной и демографической. Применительно к сельскому населению, занимавшемуся только сельским хозяйством, следует использовать материалы учета ЕСН. Третий способ — сопоставление различных видов налоговой статистики.

Первичные сведения о ЕСН представлены оперативной статистикой налоговых органов. Они формировались в три таблицы — формы 1, 2, 3 [1, с. 25—105]. Форма 1 — поселенный окладной список — составлялась сельсоветом и представляла собой сводку данных о налогоплательщиках и объектах обложения в селении. Условно эту информацию можно систематизировать по следующим группам однородных признаков: 1 — учетные данные плательщика; 2 — сведения об объектах обложения; 3 — ставка и сумма налога, в том числе доля на местные нужды; 4 — сведения о порядке внесения платежей; 5 — контрольные отметки о порядке выполнения налога. Список содержал все необходимые дополнительные сведения: нормы перевода сенокосов и скота в облагаемые единицы, разряд урожайности, денежные доли налога и доли отчислений в местный бюджет.

Информация из поселенного окладного списка служила базой для заполнения форм 2 и 3 — сводки данных объектов обложения и размеров налога, а также сводки данных объектов обложения и размеров налога по группам хозяйств. Формы 2 и 3 заполнялись для волости, уезда и губернии исполнительными и налоговыми учреждениями соответствующего уровня. Форма 2 (простое суммирование итогов) заполнялась для волости волисполкомами при участии финагента; форма 3 (групповой подсчет) заполнялась уездными налоговыми органами. В волостной список объектов обложения заносилась тщательно проверенная информация поселенных списков. Форма 2 содержала всю ту же информацию, что и поселенный окладной список, просуммированную по контрольным графам поселенного списка. В этом варианте поволостного списка отображалась информация по общему количеству облагаемой земли в волости и отдельно по каждому селению, количеству населения и скота и общей сумме налога в волости.

Ценность налоговой статистики в том, что она содержит сопоставимые сведения за ряд лет. Публикации оперативной статистики позволяют раскрыть внутренний экономический механизм изучаемых явлений, понять их структуру.

Между тем, влияние природно-географического фактора оказывало заметное влияние на политику государства в области налогообложения и политики налогов. Значительная территория Беларуси требовала разветвленной сети налоговой инспектуры. Но в сложных условиях начала 1920-х гг. недостаток кадров не позволял проводить в полной мере такие налоговые кампании, как сбор подворно-поимущественного налога, организация трудгужналога и некоторые другие. Отчеты налоговых органов о результатах проведения кампаний показывают всю драматичность ситуации, которая проявлялась в недоимках по налогам, значительных перегибах на местах, недовольстве плательщиков непродуманными сроками уплаты и т. д.

Учитывая технологическую отсталость и слабую механизацию большинства крестьянских хозяйств, добиться существенного урожая они могли

только путем кропотливой обработки надела, обработанная площадь которого зависела по большому счету от количества мужской силы в хозяйстве. Один же хозяин не мог обработать значительные площади, а если все же обрабатывал, то отсутствие должного удобрения и качественных семян зачастую ставило урожай в прямую зависимость от погоды. Такая проблема нашла отражение в жалобах крестьян на списание части налога по причине неблагоприятных погодных условий и т. д.

Анализ налоговыми инспекциями жалоб крестьян позволил выделить несколько типов поведения крестьян в зависимости от объекта жалобы и стиля письма жалобщика. Выделяли жалобщиков, основная цель которых была в самой жалобе как таковой. Такие люди не шли на сотрудничество с органами налогообложения. По отношению к ним инспекторы разрабатывали соответствующие меры работы. Второй тип жалобщиков — люди, которые соглашались работать с инспекторами и видели в этом способ улучшения налогообложения и, возможно, снижения суммы подати. Такой контингент плательщиков рассматривался как наиболее идущий на контакт и предоставляющий наиболее объективные сведения, поскольку сами были заинтересованы в результате. Третий тип жалобщиков — люди, жалобы которых касались плательщиков такого же уровня, т. е. в жалобах плательщик сравнивал себя с таким же плательщиком. Инспекторы рассматривали их как относительно надежный источник, который тем не менее требует тщательной проверки.

Конечно, изучая источники по налогообложению крестьянства БССР в 1920-е гг., крайне сложно охватить весь их спектр. Важность анализа законодательных источников объясняется необходимостью понимания налогового механизма, полноты полномочий работников фиска, а также формирующейся в процессе налоговой кампании отчетности. Нужно помнить, что кроме материалов, касающихся непосредственно начисления и уплаты налогов, существовали материалы, к примеру, учета источников обложения, которые могут быть не менее важны для анализа социально-экономического развития деревни, чем конечные цифры поступивших налогов.

Источники и литература

1. Единый сельскохозяйственный налог 1923—1924 гг. / Наркомпрод и Наркомфин. — Москва: «Мосполиграф», 13-я тип. «Мысль печатника», 1923. — 164 с.
2. Материалы к докладу Наркомфина третьей сессии ЦИК Белоруссии. Июль 1922 г. — Минск: 1-я сов. тип., 1922. — 80 с.
3. Единый сельскохозяйственный налог, 1924—1925. Сборник налогового законодательства / Наркомпрод и Наркомфин. — Москва: Издание «Финансовой газеты», 1924. — 283 с.
4. Альтшулер, В. А. Налоги. Промысловый, подоходный, гербовый сбор и акцизы / В. А. Альтшулер. — Москва: «Экономическая жизнь», 1926. — 344 с.
5. Смоліч, А. Сельскагаспадарчыя раёны Беларускае Сав. Сац. Рэспублікі ў 1927—1928 гадох. Папярэдняя схема і мэтодолёгічныя ўвагі / А. Смоліч. — Менск-Minsk: 1930. — 140 с.

6. Вайтович, С. В. Материалы финансовых органов в изучении налогообложения в первые годы нэпа // С. В. Вайтович // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 7 / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2012. — С. 68—79.
7. Гензель, П. П. Налоговое законодательство СССР. — Москва: Издательство Мосфинотдела, 1927. — 216 с.
8. Свищев, М. А. Налоговая статистика как источник для изучения капиталистических элементов города в 1920-е гг. / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. МГУ им. М. В. Ломоносова. Ист. фак. Каф. источниковедения истории СССР. — Москва, 1996. — 26 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 03.06.2015

В. В. Мальцев,
старший научный сотрудник
Центра исследований белорусской культуры,
языка и литературы НАН Беларуси,
кандидат искусствоведения;
e-mail: vladmaltsev@inbox.ru

БЕЛОРУССКИЙ ТЕАТР В ОСВЕЩЕНИИ НЕМЕЦКОЙ ПЕЧАТИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Рейх доверял экспертным заключениям немецких специалистов. Для участия в разнообразной работе по изучению оккупированных территорий в годы Первой мировой войны были мобилизованы представители разных профессий: журналисты, общественные деятели, ученые. Их наблюдения и размышления, опубликованные в войсковой печати* или представленные отчетами штабу X армии, считались полезными для успешного ведения войны и определения стратегии немецкой государственной политики, проводившейся среди гражданского населения.

Авторы некоторых немецких публикаций откровенно признавались своим читателям, что жизнь бывшего Северо-Западного края Российской империи до начала войны была им малознакома, а почерпнуть какие-то сведения о малых нациях и народностях, населяющих эти территории, их языке и истории, бытовых и культурных традициях раньше потребности не возникало. Такую неосведомленность демонстрировали не только представители рядового экспертного подразделения, но и высший эшелон командного состава. «Осенью 1915 года я хотел составить представление о том, где группируются белорусы. Но сначала их буквально нигде нельзя было найти — вспоминал Э. Людендорф, бывший начальник штаба Главнокомандующего Восточного фронта. — Лишь позднее обнаружилось, что это весьма распространенное, но крайне ополяченное племя, стоявшее на столь низкой ступени культуры, что помочь им возможно было лишь продолжительным воздействием» [1]. Первоначальное недоумение немецкой администрации подтверждает и представительница белорусского общественно-политического движения, немка по рождению, Юлиана Менке: «Немцы сначала совсем не разбирались в национальных делах нашего края. Они знали россиян, поляков, евреев, частично литовцев, а белорусы были для них чем-то новым» [2]. Она активно сотрудничала с новой властью и в «белорусском вопросе» ее просвещала.

* В 1915—18 гг. на оккупированной части бывшего Северо-Западного края Российской империи выходило много газет на немецком языке: «Zeitung der X. Armee» («Газета X-й армии»), «Deutsche Kriegszeitung von Baranowitsch» («Барановичская войсковая газета»), «Pinsker Zeitung» («Пинская газета»), «Grodnoer Zeitung» («Гродненская газета»), «Wilnaer Zeitung» («Виленская газета»), выпускавшая еженедельные приложения «Bilderschau der Wilnaer Zeitung», посвященные культуре. Значительная часть этих изданий сохранилась в собраниях немецкой национальной библиотеки Берлина.

Освободительные и сепаратистские устремления представителей малых наций и народностей российских окраин Германия поддержала, в их лице обретая потенциальных союзников для борьбы с военным противником. При содействии немецкого командования в зонах оккупации была развернута впечатляющая национальная культурно-просветительская деятельность, взят курс на создание самостоятельных независимых государств, менявших геополитическую карту Центральной и Восточной Европы. Но довольно пессимистичный, коробящий белорусское ухо прогноз главнокомандующего Обер Оста о перспективах белорусского общественного движения и его заключение об исторической утрате ассимилированным, «национально обезличенным» народом своей идентичности, указывают, что любые зарождавшиеся в белорусской этнической среде попытки освободиться от российской опеки, оккупационной властью использовались, служили инструментом регулирования, удобным для проведения общих стратегических планов, намеченных Германией.

Белорусское общественно-политическое движение действительно было слишком молодо, интенсивно развивалось только с начала XX в., укреплялось, расширялось, и все же не стало массовым и общенародным. Представители национальной интеллигенции, претендовавшие на роль лидеров, к началу Первой мировой войны еще не были популярными фигурами, способными сплотить, получить кредит доверия и повести за собой широкие слои всего населения Северо-Западного края. Право на самостоятельное национально-культурное развитие белорусы вынуждены были отстаивать, противопоставив себя полякам и русским, за часть которых их несколько веков принимали и которые имели несопоставимо более мощную и разветвленную, почти поглотившую их историю, в том числе и историю национального творчества. Немногочисленная национальная интеллигенция признавала, что белорусская культура была превращена в почву, в «навоз» для произрастания соседних «великих культур» [3], но смиряться с этим не собиралась.

Лишь оформлявшаяся тенденция к «самобытному белорусскому развитию» открывала благоприятные возможности для деятельности немецких специалистов. Пафос Э. Людендорфа, воспринимающийся сегодня как наивный (покажите мне белоруса, как он выглядит?!), выразил общие задачи, поставленные в начале войны, в 1915 г., перед немецкими экспертами: прояснить, где белорусы расселены, чем отличаются от других народностей, как и в чем проявили себя в разные исторические эпохи и т. д. Командированные на Восточный фронт журналисты и ученые приняли активное участие в осмыслении культурного развития края и стали инициаторами важных общественных акций. Вот почему многие из них оставили о себе добрую память и индивидуальный след в изучении выявленного белорусского художественного наследия… Офицер штаба этнограф и картограф Фриц Куршман, впоследствии профессор Берлинского университета, исследовал происхождение региональной топонимики, изучал бытовые традиции и уклад деревенской жизни, наладив серию просве-

тительских лекций для немецких солдат. Профессор славянской филологии, славист и переводчик Рудольф Абихт в соавторстве с местным лингвистом Я. Станкевичем приступил к созданию белорусской грамматики — единого свода фонетических и орфографических норм и правил, без теоретического закрепления которых белорусский язык не мог обрести общепризнанного статуса национального языка, оставшись на официальном положении местного диалекта. Исследователь-искусствовед А. Иппель оказался искренним пропагандистом древнебелорусского искусства, вдохновителем выставок художественных древностей, а его труды [4], в переводах на белорусский изданные уже в первые годы советской власти, стали достоянием широкого круга отечественных специалистов и за давностью лет не утратили научной значимости.

Результатом совместной работы ученых и журналистов восточного фронта стал выход сборника «Беларусь». Он был издан на немецком языке в 1919 г. в Берлине под общей редакцией публициста Вальтера Егера. Во вступительном слове составитель писал: «Немецкая литература о Беларуси крайне мизерна. Обобщающих работ об этой стране и ее культуре на немецком языке не существует. С большими трудностями пришлось собирать материалы из многотомных трудов о России, из журналов и газет. И все же урожай собрался небогатый» [5]. Книга имела сопроводительный подзаголовок «территория, население, история, сельское хозяйство, культура, поэзия», была снабжена картами, иллюстрациями и бегло знакомила с самыми значительными фактами белорусской истории и культуры. Она выполняла те популяризаторские функции, которые обычно возлагаются на научно-популярные издания для широкого круга читателей и сравнима с кратким рекламно-справочным буклетом.

Пикантность ситуации заключалась в том, что ко времени выхода книги страны с названием «Беларусь» не существовало и возможность ее появления на карте центрально-восточной Европы оставалась под большим вопросом. БНР, официально не признанная ни Рейхом, ни Кремлем, рухнула с отступлением поддерживавших ее оккупационных войск. Организованное советской властью временное геополитическое образование ЛитБел со столицей в Вильно к середине 1919 г. под напором польской интервенции оказалось ликвидировано. Составной частью возрождающейся великой Речи Посполитой считали эти земли поляки. Беларусь, о которой писали немецкие авторы, не имела ни четких территориальных границ, ни ясного общественного строя, ни всенародно избранного правительства, ни международного признания своей суверенности, и сам предмет изучения в реально сложившихся исторических обстоятельствах выглядел слишком расплывчато, неопределенно, если не странно.

Чтобы очертить локус «белорусских территорий», немецкие исследователи взяли за основу карты этнического расселения народа и распространения белорусского языка, составленные в 1910-х гг. учеными императорского географического общества и отделения русского языка и словесности Российской академии наук. Этногеографический регион именовался ими Белоруссией. Обойдя, таким образом, спорные моменты границ и статуса белорусских территорий, немецкие авторы сталкивались с не менее дискуссионной проблемой национальной идентификации истории и культуры края. Белорусы признавались ими самостоятельной, отдельной нацией в многонациональном регионе. Следовательно, из краевой культуры предстояло вычленить то, что свидетельствовало бы только о белорусской национальной деятельности, провести селекционный отбор фактов и промаркировать те или иные явления как проявления коллективной воли и творческих сил исключительно белорусского народа. Художественная и бытовая культура других коренных народов края — поляков, евреев, русских, значительных по своей численности и глубоко связанных с историческим прошлым этой же земли, отфильтровывалась. История страны подменялась историей возрождающейся к жизни нации.

В серии очерков описывались бытовые обычаи, фольклор, показывалось становление художественных школ, освещалось древнее книгопечатанье, были намечены вехи в развитии литературы на белорусском языке. Впервые на международной арене в книге «Беларусь» была представлена и скромная к тому времени история белорусского театра [6]. Приведем фрагмент, касающийся ее освещения, полностью, помечая в сносках допущенные в тексте неточности, и отложив комментарий прочитанного на потом.

«В 50-х годах прошлого [девятнадцатого. — *В. М.*] столетия Дунин-Марцинкевич написал очерки о народной жизни и небольшую комедию «Селянка», музыка к которой создана знаменитым композитором Монюшко*, творчество которого также принадлежит белорусской нации. <…> Только этим временем датируется появление белорусского театра, хотя в XVII—XVIII ст. уже существовала комедия, и в иезуитских школах Гродно, Минска, Полоцка игрались произведения на библейские сюжеты, в которых люди из народа развлекали зрителей шутками. Эти иезуитские пьесы, однако, имеются во всех католических странах, и потому мы не можем в данном случае говорить о чисто белорусских произведениях**. Когда золотое время иезуитов прошло, о белорусском

* Польский композитор, дирижер, педагог Станислав Монюшко (1819—1872) родился в имении Убель Игуменского уезда Минской губернии и в разное время жил в Вильно и Минске.

** В школьном театре XVII—XVIII вв. спектакли шли на латыни. В коротких интермедиях на бытовые сюжеты с участием персонажей из народной среды звучала польская и белорусская речь. Интермедии, зафиксированные на польском, белорусском, украинском, литовском и др. языках, польский ученый первой половины XX в. Александр Брукнер (А. Брюкнер — в современных российских текстах) проанализировал и пришел к заключению, что они являются историческим наследием польской культуры, поскольку представляют собой литературную обработку поляками образцов белорусского народного языка. Иная интерпретация этих пограничных для развития инонациональных сцен явлений принята современным белорусским театроведением. «Наличие польско-белорусских интермедий» в школьном театре, по мнению отечественного исследователя конца XX в. Г. И. Барышева, «позволяет говорить

театре ничего не было слышно вплоть до того времени, когда Дунин-Марцинкевич вновь предпринял попытки по созданию народного театра[*]. Едва наметившееся возрождение (белорусского театра) было приостановлено русским правительством, запретом печати в 1865 году[**]. Довольно нерешительно отваживалась впоследствии молодежь кое-где играть, в 1890-х годах, к примеру, комедию Кропивницкого[***] «На ревизию», переведенную с украинского на белорусский язык. После отмены запрета на издание белорусской печати, последовавшее в 1905 году, белорусы стали создавать музыкально-драматические общества во всех значительных местечках, и в 1911 году был основан передвижной театр[****]. Янка Купала сочинил «Павлинку», Коганец «Модного шляхтича»[*****]. 12 февраля 1910 года в Вильно было дано первое белорусское представление — показ комедии «На ревизию» Кропивницкого, уже упоминавшейся выше. Театральное общество в Вильно активно работало и во время немецкой оккупации» [7].

<…> о специфической региональной культуре, носившей <…> смешанный характер». (См.: Барышев, Г. И. Театральная культура Белоруссии XVIII века. — Минск: Навука і тэхніка, 1992. — С. 14.) Интермедии и жанровые формы школьного театра принимаются ученым за важный исток зарождения белорусского национального театра, вбиравшего в себя и общий региональный опыт.

[*] Драматургическую и театральную деятельность В. И. Дунина-Марцинкевича писатель и литературовед М. И. Горецкий характеризовал как попытку «положить начало театра на белорусском языке в <... > эпоху несознательного возрождения белорусской культуры». (См.: Гарэцкі, М. І. Творы. — Мінск: Мастацкая літаратура, 1990. — С. 254.) Пьесы В. И. Дунина-Марцинкевича — билингвистичны, написаны на смешанном польско-белорусском языке. Одна часть персонажей упомянутой комедии «Селянка» говорила на польском, другая на белорусском. «Прекрасным пустоцветом» называли ее Е. Ф. Карский и М. И. Горецкий, поскольку послужить «хорошим примером для последующих белорусских национальных писателей» (Там же. С. 259) она не могла. В конце XIX — начале XX в. к белорусской литературе стали относить произведения, написанные авторами только на белорусском языке. С преодолением полилингвизма, изредка применявшегося затем драматургами в пьесах в качестве выразительного приема, создающего эффект неоднородности национально-языковой среды, белорусская литературная речь развивается, используя богатый арсенал собственных экспрессивно-фонетических особенностей.

[**] После поражения восстания 1863—64 гг. под руководством К. Калиновского слова «Белорусь», «белорусский» вытеснялись из публичного употребления; белорусский язык не звучал в церкви, школе, на сцене, в печати.

[***] В оригинале ошибочно «Крапницкий».

[****] Подразумевается первая белорусская труппа И. Т. Буйницкого. Действовала в 1910—13 гг., гастролировала по городам и местечкам Беларуси, выступала в Петербурге и Варшаве.

[*****] В оригинале неадекватный перевод заголовка пьесы К. Коганца: дословно «Современный муж».

Несколько статей о современном белорусском театре под криптонимом W. J. опубликовал в немецкоязычной прессе, выходившей в зоне оккупации в 1915—18 гг., редактор сборника Вальтер Егер, и логично предположить, что процитированный раздел был подготовлен им. Приведенному выше краткому обзору белорусской театральной культуры предшествовали две публикации, появившиеся в «Wilnaer Zeitung» в 1916 и 1917 гг. [8]. Среди немецких журналистов Обер Оста не было специалистов по истории театра, а белорусского тем более. Немецкие журналисты не занимались самостоятельными разысканиями, а только использовали материалы осведомленных белорусских авторов, которые, в свою очередь, намечали первые подступы к изучению национального театра, вычленяя его историю путем выборки фактов из трудов по русской и польской театральным культурам и выявляя драматургические тексты, написанные на белорусском языке. Одна из первых обзорных статей по истории национальной сцены была написана А. И. Луцкевичем в 1916 г. для белорусскоязычной газеты «Гоман» и тогда же без подписи была воспроизведена «Wilnaer Zeitung» [9]. При сравнении текстов, напечатанных белорусской и немецкой периодикой, выясняется, что раздел о театре в сборнике «Беларусь» представляет собой краткий конспект газетных публикаций А. И. Луцкевича. При сокращении и последующей редакторской литературной обработке этих газетных текстов были допущены некоторые неточности, и публикации, вышедшие в оккупационной периодике, выглядят более обстоятельными, подробными и точными, чем раздел итогового сборника. Факты в нем приводятся с минимальным комментарием. В их подаче, однако, намечены критерии определения культурной этнической идентичности, и в соответствии с ними конструируется схема истории развития белорусской сцены.

Единичные, эпизодические события, отдаленные друг от друга большой временной дистанцией, хотя и свидетельствуют о какой-то национальной творческой активности, но в целостную, самостоятельную историю театра, обладающую причинно-следственными связями, в изложении и восприятии немцев, еще не складываются. Слишком длинны паузы между пунктирными точками белорусского театрального процесса. Белорусам-энтузиастам (будь то В. И. Дунин-Марцинкевич или театральные деятели начала XX в.) всякий раз приходится начинать буквально с чистого листа, у них просто нет живых предшественников, опыт которых можно было бы развивать. Само словосочетание «национальная традиция» подразумевает выражение исторической преемственности, непрерывающейся временной связи между явлениями, и употребление его кажется не совсем уместным, поскольку длительно развивающихся и меняющихся художественных связей специалистами по изучению культуры к тому времени установлено не было, и национальные традиции белорусского театра формировались живым художественным процессом 1910-х гг. Концепция «прерывистого пути» белорусского театра была позднее положена и в основу первого театроведческого труда — книги Ф. К. Олехновича «Белорусский

театр», изданной в Вильно в 1924 г. И методы, которые использует автор — монтаж выписок из чужих исследований, и хронологические периоды-этапы, на которые разделяется история белорусской культуры, те же, что и в газетных публикациях белорусских и немецких авторов 1916—18 гг. Выделены и поименованы периодами различные явления, смысловые точки, вспышки, очаги национальной активности, из череды которых набрасываются общие контуры творческой истории: «школьный театр XVII—XVIII веков», «драматургия и театральные начинания Дунина-Марцинкевича в середине XIX века», «становление белорусского театра после революции 1905 года». Ф. Олехнович в отечественном искусствоведении признан автором и разработчиком первой по времени концепции истории белорусской сцены, однако многие идеи до него были высказаны в газетных публикациях периода оккупации, и писатель отчасти использовал эти тексты, не указав их в библиографии своей работы.

В основе создававшейся в 1910-е гг. национальной концепции истории национальной сцены лежало слово. Белорусский язык принимался в качестве интегрального и универсального элемента национальной культуры. Отбирались литературные произведения и постановки, в которых, пусть изредка, эпизодически, но звучала в XVII—XIX вв. белорусская речь.

Авторы немецкого сборника «Беларусь» наметили важный определительный критерий «национального искусства» — наличие оригинальной белорусской драматургии. Под «оригинальными пьесами» понимались не шедевры национального творчества, новаторство драматургической техники, своеобразие трактовок известных сюжетов и т. д., а просто любое непереводное произведение, созданное на белорусском языке. Развитие национальной сцены ставилось в зависимость от плодовитости белорусской литературы. Произведения на белорусском языке, указывалось в том же сборнике, «имеют различную ценность. Есть среди них такие, что могут выдержать мерки самой строгой критики. В лице Мицкевича (Я. Колас) и Ивана Луцевича (Янка Купала) Беларусь обладает двумя превосходными писателями и поэтами, которые находятся в расцвете своего творчества, и то удачное и прекрасное, что они уже успели создать, вселяет уверенность, что они еще будут обогащать литературу» [7, s. 76]. Поскольку имевшийся к началу войны репертуар белорусского театра был просто мал (не насчитаешь и десятка пьес), созданию и постановке белорусской драматургии деятели национальной культуры в 1915—18 гг. придавали первостепенное значение. При размытости, нечеткости собственно национального художественного опыта в XVIII—XIX вв. за современной литературой, постановками отечественной драмы закреплялось значение стягивающей, стержневой линии, формирующей самобытный путь развития белорусской сцены. Наличие у белорусов своего, собственного репертуара и служило для немцев показателем их этнической выделенности, а предпринимавшаяся целенаправленная деятельность по расширению «базового опыта» рассматривалась как признак роста, укрепления культурной самостоятельности.

Зрелых художественных форм в белорусских постановках немецкие корреспонденты не обнаружили, зато проявление самобытности народа увидели в песнях и танцах, которые были вкраплены во многие спектакли труппы, работавшей в Вильно. И об этнографическом наследии народа, и о трепетном отношении к нему самих белорусов писалось с уважением. В рецензиях танцы и вокальное исполнение, как правило, всегда выделялись и хвалились.

В основе складывавшихся в 1910-е гг. представлений о национальной самостоятельности белорусского театра лежали три составляющие: белорусский язык, национальная литература, использование фольклорно-этнографических элементов. Акцент делался на устойчивых опознавательных признаках, отличающих белорусскую культуру от других региональных.

Редакционные приоритеты в выборе поводов для газетных откликов показывают, что городу Вильно немцы отводили роль культурной столицы края, где поддерживались инициативы, возникавшие с их военным присутствием, а за Минском, провозглашенным в 1918 г. столицей БНР, закреплялось менее значимое положение. Все появившиеся в немецких газетах отзывы были посвящены белорусской театральной жизни Виленщины. Наиболее активно сообщения и статьи о театре публиковали «Wilnaer Zeitung» и «Zeitung der X. Armee».

Следуя принципу равного отношения к разноэтничным культурам края, провозглашенному в указе П. Гинденбурга 1915 г. [10], «Wilnaer Zeitung» завела сквозные рубрики — литовский, белорусский, еврейский, немецкий театр. В рамках этих национальных рубрик освещались и любительские постановки, и спектакли профессиональных трупп. Белорусская сцена была представлена только творчеством любительских коллективов и рассматривалась как составная часть этнического народного искусства, которое пока не выделило значительных фигур и находится в первоначальной стадии становления. Белорусская сцена — писала «Wilnaer Zeitung» — «лишь просыпается к своей собственной культурно-национальной жизни» [11]. Показательно, что и комедия Я. Купалы «Павлинка» в восприятии Вальтера Егера остается пьесой «молодого, медленно пробуждающегося народного искусства, которое пока только желает завоевать себе сторонников, (ищет) духовных поводырей» [12]. Белорусский театр немецкий журналист сравнил с наивным спектаклем, который увидел однажды в сиротском приюте около Вильно. В лесу на полянке дети разыграли сказку о девочке, которая собирала ягоды, заблудилась, попала к злым чудищам и была спасена добрыми силами. Не сам спектакль, а энтузиазм его участников — детей, испытывающих гордость оттого, что им доверили ответственное дело — участвовать в настоящей театральной постановке, дали роль — порождает удивление и живую заинтересованность автора. И наивный «ландшафтный спектакль», и строгая атмосфера приюта с аккуратно заправленными кроватками его воображением претворены почти в сказочную картинку затерянной в лесу избушки с гномами. Белорусский театр, по убеждению критика, в целом тоже слишком «мал» и безыскусен — «пока находится <…> в детских башмач-

ках» [13], — трудно предъявлять к нему завышенные требования и подходить с мерками развитых театральных держав. Такое общее видение белорусской сцены разделяли и авторы других корреспонденций. Актерское исполнение ролей в белорусских постановках немецкими журналистами не оценивалось, фамилии исполнителей не назывались.

Ссылаясь на отсутствие информации о развитии белорусской культуры по другую сторону российско-немецкого фронта, успехи белорусского театра немецкая печать связывала с деятельностью виленской драматической дружины*, созданной Ф. К. Олехновичем при белорусском клубе (открыт 01.06.1916). Отклики на ее постановки чаще всего публиковались без подписи и написаны по стандартному, привычному для провинциальной прессы тех лет канону: сообщалось, как публикой принимался спектакль и приводился краткий пересказ его сюжета. Рекламные и просветительские функции совмещались. Через доходчиво представленный сюжет газета приобщала читателей-военнослужащих к литературе местного народа и для тех из них, кто не прочь провести досуг в белорусском театре, он служил своеобразным путеводителем по спектаклю, вроде либретто. Желающие находились, и белорусский театр, равно как еврейский и русский, немецкие солдаты посещали. Типографские афиши выпускались на немецком и белорусском (набранном латиницей) языках. Участники труппы были заинтересованы в широком распространении информации о новых постановках: анонсы и статьи в разноязычных изданиях обеспечивали приток новой публики, способствуя росту популярности театра и, вероятно, белорусские артисты отчасти сами инициировали оперативное появление газетных откликов и рекламы. Уже упоминавшаяся Юлиана Менке была сотрудницей редакции «Zeitung der X. Armee» и играла в спектаклях любительской дружины.

Немецкоязычной печатью Ф. К. Олехновичу была создана репутация самой значимой фигуры современной белорусской сцены. Известный этнограф Е. Ф. Карский, в 1918 г. прибывший с разрешения немецких властей в зону оккупации, начал тогда знакомство с творчеством писателя и обзору его драматургии посвятил один из разделов научного сборника, изданного в 1926 г. на немецком языке в Берлине [14].

Актер, режиссер, драматург, театральный критик и педагог Ф. К. Олехнович — действительно одна из ключевых фигур в истории художественной белорусской культуры 1910—20-х гг. Правда, на протяжении почти всего советского периода имя его замалчивалось, вычеркивалось, значение преуменьшалось или очернялось, а свободный доступ к литературному наследию писателя, как и возможности для несуетливого и неангажированного изучения его сценической практики, появились только с середины 1990-х гг. Виленский период деятельности режиссера в исследовательской литературе,

* Немецкоязычными газетами называлась объединением белорусских любителей сцены.

изданной за последние десятилетия, представлен пока крайне скупо, и публикации немецкой периодики, безусловно, являются важным документальным свидетельством, поскольку существенно расширяют источниковедческое и информационное поле.

В отзывах отмечались заслуги Ф. К. Олехновича в создании национального театра — сплочении коллектива, подборе и подготовке репертуара, умении режиссера живо поставить массовые сцены и хорошее исполнение главных ролей.

Комедию драматурга «На Антоколье» (премьера — 26 декабря 1916 г.) «Wilnaer Zeitung» причислила «к лучшим пьесам, которые игрались до сих пор» [15]. В репертуаре любителей к тому времени уже шли «Модный шляхтич» К. Коганца, «Как они поженились» Володьского, «Хам» Э. Ожешко, «Михалка» бр. Долецких — спектакли, в которых изображалась деревенская жизнь. Явно завышенную оценку художественных достоинств комедии, ее выделение из общего списка, комплиментарное для автора, можно оправдать разве что новым ракурсом изображения белорусской среды: персонажи комедии — лица мещанского сословия, а действие ее разворачивается в условной городской среде современной Вильни (Антоколь — район городской окраины). Для логического завершения интриги необходимости в развернутой финальной сцене массовых гуляний совсем не было, но постановщик специально расширил ее, чтобы представить зрителям проявления белорусской культуры в повседневной жизни полиэтничного города. В парке Верки прогуливались отдыхающие горожане, чета пьянчужек пела смешные куплеты и под видом инвалидов войны клянчила милостыню, а группа национально ориентированной молодежи отплясывала «Лявониху». Многолюдная массовая сцена в саду была выстроена режиссером на чередовании концертных выступлений и жанровых, бытовых зарисовок. Отдыхающие оказывались вовлечены в стихийное празднество народных талантов и подогревали соперничество безымянных самородков, соревнующихся друг с другом в мастерстве сольного, дуэтного пения и зажигательных коленцах и приплясах. «Танцы, песни, и дуэты, — засвидетельствовала немецкая печать, — были представлены мило» [15, с. 3]. Возможно, впервые этнографическое наследие белорусов в этом спектакле показывалось как органичный сегмент бытовой культуры современных горожан.

В жанре музыкально-драматического спектакля с пением и народными танцами труппа показала несколько постановок, среди них была и «Павлинка». Купаловская пьеса тут шла переделанной — с изменением сюжетных линий, финала, дописанного или подправленного за автора Ф. К. Олехновичем. Ценность немецких публикаций состоит в том, что благодаря им (а другие газетные отзывы неизвестны) можно составить представление об особой театральной трактовке самой культовой пьесы белорусского репертуара и проследить ее влияние на создание последующей традиции сценического воплощения [16].

К годовщине деятельности труппы «Wilnaer Zeitung» уведомила читателей о намерении муниципальных властей: «…вызревает мысль преобразовать коллектив любителей, члены которого днем вынуждены зарабатывать на хлеб насущный и только вечером репетировать, в постоянную театральную труппу. Тогда это будет первый постоянный белорусский театр» [17]. Предполагалось, что за труппой будет закреплено более удобное стационарное здание. Об изменении статуса коллектива — переводе его на положение полупрофессионального — речь не шла, подразумевалось только создание более благоприятных условий для творческой работы, благодаря которым белорусский голос в художественной палитре культурной жизни города зазвучал бы более выразительно, и спектакли показывались регулярно, а не от случая к случаю. Профессиональные белорусские театры в Вильно не появились и позже, в межвоенные десятилетия, когда вся бывшая Виленская губерния оказалась в составе Польши, где сценическое творчество белорусов могло развиваться только в рамках любительского движения нацменьшинств.

Особенности и результаты культурной политики, проводившейся немцами на захваченных территориях, советская историческая наука не освещала. Даже сама постановка этого вопроса в 1920—30-е гг. казалась провокационной и невозможной, опасной, неизбежно заключающей в себе элемент пропаганды намерений и действий военно-политического врага. Без анализа виленской художественной жизни военных лет отечественные искусствоведы вполне обходились. Надолго в научном и художественном сознании укрепилось ложное представление, что с началом Первой мировой войны белорусская театральная жизнь в Вильно постепенно затухает, и виленская нитка истории белорусской сцены в отечественных искусствоведческих обзорах оказалась укорочена. Геополитические обстоятельства и выдвижение Минска в 1917—20 гг. в качестве нового общественно-политического и культурного белорусского центра, столицы, потеснившей Вильно с первых ролей на периферию, благоприятствовали укоренению такого восприятия истории развития художественной культуры. После установления государственных границ между советской Белоруссией и буржуазной Польшей в 1921 г., довоенный и послевоенный периоды белорусской театральной жизни Вильно вполне могли быть посчитаны и приниматься за часть истории мультикультурного развития другого государства.

На территории восточной Белоруссии приоритет отдавался формированию профессиональных национальных трупп, возникавших из местного любительского движения. Однако и немецкая периодическая печать, и авторы немецкого сборника «Беларусь» совершенно обошли вниманием белорусскую театральную жизнь Минска. Только один раз «Zeitung der X. Armee», редакция которой летом 1918 г. была переведена в Минск, поместила краткую хронику о представлении 16 июля на сцене городского театра «Маньки» Ф. Олехновича.

Вне интереса немецкоязычной печати оказались Первое товарищество белорусской драмы и комедии, созданное в мае 1917 г. и под руководством

Ф. П. Ждановича продолжившее выпускать новые спектакли, и попытки создания Белорусского государственного театра в 1918 г., и деятельность возникшего при немцах «Белорусского народного театра» — коллективов, наметивших путь к последующей профессионализации национальной сцены, завершившийся уже при советской власти в 1920 г. созданием Белорусского государственного театра (ныне Национальный академический театр им. Я. Купалы).

Немецкий обзор театральной жизни белорусов ограничивался территориями, оккупированными до февраля 1918 г., и был выборочен. Следствием этого стало то, что принятые белорусским искусствоведением за стержнеобразующие для театральной культуры белорусского государства явления и творческие организации немецкой печатью оказались проигнорированы: мнения по их поводу просто не были высказаны.

Тем не менее, отклики войсковой немецкой печати стали первыми иностранными публикациями о театральном творчестве белорусов и наметили первые шаги к популяризации знаний о национальной культуре среди немецкоязычной аудитории. Большое число переводных статей, написанных белорусскими авторами для «Гомана» и перепечатанных затем германскими изданиями, показывает, что общие позиции деятелей национального возрождения немцами были посчитаны приемлемыми и при последующем тиражировании информации, полученной из белорусскоязычных источников, взяты за основу [18]. Через анализ материалов, воспроизводившихся параллельно белорусскими и немецкими изданиями, легко выявить примеры мелких сокращений или расширений исходной информации, корректировку и фильтровку оценок, особенности редактуры белорусских текстов при переводе, — посчитав всю эту редакторскую работу за проявления сугубо немецкой подачи белорусских художественных событий. Оригинальные статьи, написанные немецкими авторами, составляют все же незначительный процент от общего числа появившихся публикаций о театре.

Конечно, страничка текста в брошюре о Беларуси, изданной в Берлине в 1919 г., промелькнувшие в региональной прессе военных лет обозрения и хроники о текущей практике белорусской сцены, не могли составить весомой, достаточной базы, чтобы заложить серьезные теоретические основы, которые могли быть впоследствии востребованы зарубежным искусствознанием. И общий рейтинг региональных малотиражных войсковых изданий обрекал появившиеся в них публикации на забвение. И то состояние, в котором застали немцы белорусскую сцену в годы войны, даже для пытливых «узких специалистов» зарубежья значительного профессионального интереса не представляло.

После позорного поражения в войне практический для обозримого будущего интерес к западным окраинам СССР немцы теряли. Белорусоведения, как особого и самостоятельного раздела страноведения, в германской науке не сформировалось. За исключением Ф. Куршмана и Р. Абихта — при-

знанных ученых, удостоенных персональных статей в современных немецких энциклопедиях, другие специалисты Восточного фронта, в том числе и В. Егер, присматривавшийся к белорусскому театру, не стали заметными фигурами и затерялись в немецком научном мире.

Фронтовые немецкоязычные публикации о театре 1916—18 гг. свободны от риторики идеологической конфронтации советской системе, формировавшейся только после октябрьской революции. В них точно фиксируется и документируется общее состояние развития белорусской сцены и намечена логика понимания ее самобытных черт, которые немцы связывали с языковой традицией и народной культурой. В распоряжении редакторов газет тогда оказалось мало материала для осмысления, что объективно отразило общую социокультурную ситуацию, связанную как с бытованием национального театра, так и с общим состоянием, уровнем его художественного развития. Профессиональной исполнительской школы не существовало, только первые попытки эстетического самоопределения делала режиссура, число белорусскоязычных коллективов было невелико, предшествующая история национального театра не вполне прояснена и туманна. В этих обстоятельствах с анализа театральной сценической практики акцент переносился на присутсвие в национальном репертуаре произведений белорусскоязычных литераторов. Миссия театра в 1910-е гг. была определена и почти сведена к пропаганде белорусской литературы. Национальной драме придана роль дирижера художественного процесса. Идеал постановки национальных пьес на национальном языке, как проявление особого национального пути белорусского театра, впоследствии был воспринят и деятелями советской Белоруссии, моделировавшими развивающуюся историю театра по знаковым для белорусской культуры постановкам произведений отечественных писателей. Эти критерии и методологические положения по конструированию общей истории белорусского театра, зарождавшиеся в пору Первой мировой войны и отразившиеся в немецкоязычных источниках, отечественным театроведением были сохранены.

Литература

1. Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. / Пер. с 5-го нем. издания под ред. А. Свечина. — Т. 1. — М.: Высший военный редакционный совет, Государственное издательство, 1923. — С. 151. Слово «племя» в те годы употреблялось для обозначения отдельных этнических групп населения, по отношению к которым определения «народность» и «нация» казались спорными. Подзаголовок «Очерки словесности белорусского племени» имеет, например, один из томов авторитетного академического исследования Е. Карского «Белорусы».
2. Кветка Вітан (Ю. Дубейкаўская). Беларуская дзейнасць пад першай нямецкай акупацыяй // Запісы. Беларускі інстытут навукі й мастацтва (Нью-Ёрк), 1974. — № 12. — С. 60. Кветка Вітан — псевдоним Юлианы Менке, члена виленского Белорусского комитета помощи жертвам войны, гражданской жены известного деятеля белорусского национального движения И. Луцкевича. После его смерти была замужем за архитектором Л. Дубейковским и взяла его фамилию.

3. См.: Анастасьин, Д, Вознесенский, И. Начало трех национальных академий // Память: исторический сборник. — Вып. 5. — Москва; Париж, 1982. — С. 171.
4. В переводе М. Байкова подготовленный А. Иппелем раздел «Беларускае мастацтва» опубликован журналом «Вольны сьцяг» (Мінск. — 1921. — № 2. — С. 10—11), а в 1925 г. вышел в Витебске отдельным изданием в новом переводе (Д-р Іппель. Беларускае мастацтва / Перакл. з ням. мовы Глярбава і М. Касьпяровіча. — Віцебск, 1925). Полный перечень публикаций ученого о белорусском искусстве воспроизведен в альманахе: Кантакты і дыялогі. Беларусь—Германія. — 1996. — № 3. — С. 14—17. Немецким специалистом впервые были введены в литературу научные понятия «белорусское искусство», «белорусская художественная школа», принятые за основополагающие отечественными искусствоведами. См.: Шматаў, В. Ф. Вехі: Пра беларуска-нямецкія мастацкія сувязі // Мастацтва. — 2003. — № 5. — С. 5—10.
5. Цит. в переводе с бел. языка по: Сакалоўскі, У. Л. Пара станаўлення. Вопыт параўнальнага вывучэння беларускай і некаторых класічных зарубежных літаратур. — Мінск: Навука і тэхніка, 1986. — С. 31. Далее все немецкоязычные тексты в статье цитируются в переводе М. В. и К. В. Мальцевых.
6. По наблюдению литературоведа В. Л. Соколовского при подготовке раздела о белорусском театре составителем не были использованы материалы, которые собрал и опубликовал Ф. фон Вильперт в статье «Народный театр» в сборнике «Das Land Ober-Ost» (Stuttgart, Berlin, 1917).
7. Weiβruthenien. Land, Bewohner, Geschichte, Volkswirtschaft, Kultur, Dichtung / Herausgegcben von Walter Jäger. — Berlin: Verlag Karl Curtius. — С. 73.
8. См.: (Homan) Weissrussisches Theater // Wilnaer Zeitung. — 1916. — 11 October. — № 262. — S. 3; Das weiβruthenische Theater // Wilnaer Zeitung. — 1917. — 14 November. — № 313. — S. 3. Здесь и далее орфография оригинала сохраняется.
9. Статья была подписана инициалами А. Н. (Антон Навина — литературный псевдоним Антона Луцкевича). Без подписи эта же статья опубликована в «Белорусском календаре» на 1917 г., по которому воспроизведена в собрании избранных сочинений А. Луцкевича, составленном А. М. Сидоревичем. (См.: Луцкевич, А. Выбраныя творы. — Мінск: Беларускі кнігазбор, 2006. — С. 26—28.) Немецкоязычной «Виленской газетой» статья А. Луцкевича публиковалась в 1916 г. с незначительными сокращениями. Была изменена и дописана рекламная концовка, сообщавшая о возобновлении спектаклей виленской драматической дружины и анонсировалась предстоящая 15 октября премьера «Хама» Э. Ожешко. Еще до публичного показа спектакля немецкая печать авансом создавала ему репутацию «краеугольного камня, который будет положен в историю белорусской сцены». (См: (Homan) Weissrussisches Theater // Wilnaer Zeitung. — 1916. — 11 October. — № 262. — S. 3)
10. См.: Туронак, Ю. Б. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. — Мінск: Беларусь, 1993. — С. 17—18.
11. (Homan) Weissrussisches Theater // Wilnaer Zeitung. — 1916. — 11 October. — № 262. — S. 3. Орфография оригинала сохранена. Вместо фамилии автора статьи немецкой печатью часто приводился заголовок белорусскоязычной газеты «Гоман», указывающий на использование или перепечатку ее материалов.
12. W. J. Weiβruthenisches Theater // Zeitung der X Armee. — 1917. — 21 Hornung. — № 215. — S. 8.
13. W. J. «Naturtheater» in einem weiβruthenischen Kinderheim // Zeitung der X. Armee. — 1917. — 4 Scheiding. — № 353. — S. 8. В статье не указываются ни название пьесы,

ни фамилия постановщика. Корреспондент газеты В. Егер стал очевидцем «ландшафтного спектакля», устроенного С. Корф в Черном Бору, местечке около Вильно, где размещался детский приют. Под ее руководством была разыграна одноактная фольклорная пьеса-сказка Ф. К. Олехновича «В лесной чаще». Создательницей детского театра «Золак» впоследствии были предприняты любопытные попытки возрождения мистерий о приходе весны, освещавшиеся в корреспонденции К. Брамера «Страстные игры в Вильно» (Brammer, K. Wilnaer Passionsspiele // Zeitung der X. Armee. — 1918. — № 530).

14. Karskij, E. Geschichte der weiβrussischen Volksdichtung und Literatur. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter & Co, 1926. — S. 198—200. Эта статья является переводом с русского на немецкий язык раздела книги: Карский Е. Францишек Олехнович // Карский, Е. Белорусы. — Пг., 1922. — Т. III. — Вып. 3. В ней впервые была предпринята попытка классификации драматургического творчества писателя.
15. Weiβrussisches Theater // Wilnaer Zeitung. — 1916. — Dezember. — № 337. — S. 2.
16. См.: Мальцев, В. В. Виленская «Павлинка» и особенности сценической традиции исполнения пьесы Я. Купалы // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. — Вып. 11. — Мінск: Права і эканоміка, 2011. — С. 236—244; Белорусский театр / Пер. с нем. и комментарии М. В. Мальцевой. // Там же. — С. 244—245.
17. Das weiβruthehische Theater // Wilnaer Zeitung. — 1917. — 14 November. — № 313. — S. 3.
18. Полный свод публикаций о белорусской культуре, появившихся в немецких изданиях за годы оккупации, был составлен В. Л. Соколовским, выпустившим в Германии солидный библиографический справочник (См.: Sakalouski, V. Weiβrubssland und Deutschland: Geistes- und Kulturbeziehungen zwishen 1914 und 1941. — Band 1: Bibliographie. — Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verlag, 2000. — S. 126—129). Часть театральных отзывов, опубликованных сначала белорусской, а затем продублированных немецкой печатью, была выявлена и отмечена в 1986 г. эмигрантом Е. Т. Калубовичем в газетной статье, воспроизведенной затем в авторском сборнике: Калубовіч, А. Крокі гісторыі. — Беласток; Вільня; Менск: Гамакс; Наша ніва; Мастацкая літаратура. — 1993. — С. 60—66. Библиографический список статей-дубликатов в действительности оказывается более обширным и дополнен новыми источниками, приведенными в научном комментарии к этой статье. К нему следует присоединить также и некоторые немецкие тексты, с рекламными целями цитировавшиеся в переводах внутри статей белорусских авторов, опубликованных национальной печатью 1917—18 гг.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 17.06.2015

А. М. Назаранка,
старшы выкладчык кафедры крыніцазнаўства БДУ,
магістр гістарычных навук;
e-mail: nazaranka@bsu.by

К. В. Смалякова,
старшы выкладчык кафедры крыніцазнаўства БДУ;
e-mail: smoliakova@bsu.by

МІНСКІ ГУБЕРНСКІ КАМІТЭТ УСЕРАСІЙСКАГА ЗЕМСКАГА САЮЗА: АРГАНІЗАЦЫЙНЫЯ АСПЕКТЫ ДЗЕЙНАСЦІ

Функцыянаванне дзяржавы і яе апарату ва ўмовах надзвычайных абставін — living рознабакова цікавая тэма, актуальная як з навукова-тэарэтычнага, так і з практычнага пункта гледжання. Безумоўна, вайна вымагае ад дзяржавы напружанай працы для выканання не толькі традыцыйных функцый, але і тых задач, што ў мірны час не паўстаюць. Адным з важнейшых рэсурсаў становіцца кансалідацыя грамадства, у першую чаргу — праз інстытуты цывільнага грамадства. Гісторыя Беларусі перыяду Першай сусветнай вайны дае нам у гэтых адносінах грунтоўны эмпірычны матэрыял, які, на нашу думку, яшчэ вельмі недастаткова вывучаны. З пачаткам вайны паўстае шэраг разнастайных грамадскіх арганізацый, сярод якіх справядліва па значнасці і маштабе дзейнасці вылучаюцца ўсерасійскія земскі і гарадскі саюзы, ваенна-прамысловыя камітэты і інш. Асаблівую цікавасць прадстаўляе дзейнасць Усерасійскага земскага саюза дапамогі хворым і параненым воінам (далей — УЗС) як арганізацыі, у падмурак якой была пакладзена сістэма прадстаўнічых органаў самакіравання на тэрыторыі Расійскай імперыі.

Спробы навуковага асэнсавання дзейнасці УЗС пачынаюцца яшчэ ў час вайны. Ужо ў 1915 г. выходзіць праца М. Д. Заграцкава, прысвечаная прававой прыродзе і асновам арганізацыі дзейнасці саюза. Даследчык прыйшоў да слушнай высновы аб істотным выхадзе саюза за межы мандата на аказанне дапамогі «хворым і параненым воінам» [12]. Пэўныя намаганні па абагульненні досведу працы УЗС прымаліся і самім саюзам [11; 13].

Класава-партыйны падыход, што пераважаў у гістарыяграфіі савецкага перыяду абумовіў спрашчэнні і схематызацыю ў вывучэнні грамадскага і дзяржаўнага жыцця ў час сусветнай вайны. Асобныя напрамкі дзейнасці УЗС (як і іншых грамадскіх арганізацый) пакідаліся без належнай увагі даследчыкаў, у лепшым выпадку — разглядаліся ў кантэксце іншых праблем. Нягледзячы на гэта, савецкія гісторыкі правялі значную працу па выяўленні крыніц, вызначэнні і характарыстыцы канкрэтна-гістарычных умоў працы УЗС у 1914—1917 гг. Да ліку нешматлікіх спецыяльных даследаванняў адносіцца выдадзены ў 1941 г. артыкул А. П. Паграбінскага па гісторыі земскага і гарадскога саюзаў, у якім робіцца спроба характарыстыкі не толькі канкрэтнай дзейнасці саюзаў, але і выяўлення іх узаемаадносін з цэнтральнымі і мясцовымі ўладамі [47].

У 1967 г. з’яўляецца праца В. С. Дзякіна «Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны», у якой разглядаліся асобныя напрамкі дзейнасці УЗС. У ёй негатыўна ацэньваліся дзеячы земскіх і гарадскіх самакіраванняў, у той жа час даследчык справядліва адзначаў, што саюзы імкнуліся выкарыстаць дабрачынную працу для пашырэння меж сваёй дзейнасці [8].

Цікавасць да вывучэння дзейнасці УЗС узрастае з канца 1970-х гг., калі сярод навукоўцаў разгортваецца дыскусія аб крызісе палітычнай сістэмы краіны ў перыяд Першай сусветнай вайны. Пытанні дзейнасці УЗС знаходзяць адлюстраванне на старонках прац па палітычнай і эканамічнай гісторыі, гісторыі медыцыны, шэрагу публікацый па бежанскай праблематыцы. Сярод аўтараў варта ўзгадаць М. П. Ярошкіна, В. І. Старцава, У. Я. Лаверычава [9; 14; 54] і інш. Асобныя пытанні дзейнасці УЗС закранаюцца і ў працах беларускіх даследчыкаў таго часу — Ц. Я. Саладкова, І. М. Ігнаценкі, Э. М. Савіцкага [10; 50; 53].

Асабліва варта адзначыць даследаванні М. Ф. Юрыя, з’яўленню якіх у пэўнай ступені паспрыяла перабудова, што разгарнулася ў СССР. Аўтар грунтоўна разглядае дзейнасць земскага і гарадскога саюзаў, цэнтральнага ВПК, земгора, вылучае яе перыядызацыю, падрабязна разглядае палітыку царскага ўрада ў дачыненні да земсаюза, адзначаючы мэтанакіраванае супрацьдзеянне з боку цэнтральных адміністрацыйных улад і падтрымку ваенных улад на фронце. Даследчык доказна прыходзіць да важнай высновы аб прыняцці земскім саюзам шэрагу дзяржаўных функцый [59].

За апошнія больш чым дваццаць гадоў стан даследаванасці гісторыі УЗС значна палепшыўся. У Расіі выйшлі працы В. М. Шавырына, М. Д. Судаўцова, А. С. Туманавай [56—58]. У шэрагу цікавых напрацовак вылучаецца прысвечанае дзейнасці УЗС на мясцовым узроўні (на Урале) дысертацыйнае даследаванне К. Я. Бажэнавай [2].

Узбагачаецца і беларуская гістарыяграфія пытання. У 1990-я гг. была выдадзена манаграфія В. П. Слабажаніна аб дзейнасці земстваў у беларускіх губернях, дзе даследчык згадвае і ўстановы УЗС [51]. Пытанні па аказанні дапамогі бежанцам даследваў С. Ф. Лапановіч [15], які сцвярджае, што пры ўсёй шматлікасці бежанскіх арганізацый, у Мінскай губерні пра бежанцаў клапаціўся ў асноўным Мінскі губкам УЗС, аднак пры гэтым неабгрунтавана кажа аб тым, што ўсю працу губкама фінансавала казна. Пытанні дзейнасці УЗС на тэрыторыі Беларусі распрацоўвае В. В. Васіленка [3; 4]. У 2006 г. з’яўляецца першы артыкул, спецыяльна прысвечаны Мінскаму губкаму УЗС. Артыкул гэты, праўда, хоць і змешчаны ў падрыхтаваным Нацыянальным гістарычным архівам Беларусі даведніку, аднак утрымлівае пэўныя недакладнасці. Так, не прайшло праверкі сцвярджэнне аб тым, што ўсе ўстановы УЗС насілі толькі ваенны характар [16].

У цэлым дзейнасць УЗС у маштабе Расійскай імперыі на дадзены момант вывучана няблага, аднак дзейнасць земсаюза ў беларускіх губернях не знайшла належнага разгляду ў айчыннай гістарыяграфіі. Таму пытанні працы мясцовых устаноў земсаюза патрабуюць далейшага ўважлівага вывучэння. У кантэксце гісторыі дзяржустаноў першачарговымі з’яўляюцца пытанні арганізацыйнага характару, вывучэнню якіх у дачыненні да Мінскага губкама УЗС прысвечана прапануемае ўвазе даследаванне.

Вырашэнне даследчыцкіх задач было пабудавана на прыцягненні шырокага кола крыніц, значная частка якіх неапублікавана і захоўваецца ў НГАБ (фонд 700 «Мінскі губернскі камітэт Усерасійскага земскага саюза дапамогі хворым і параненым воінам», фонд 325 «Мінская губернская земская ўправа»). Сярод асноўных груп крыніц неабходна адзначыць заканадаўчыя матэрыялы, арганізацыйна-распарадчую, справаздачную і ўліковую дакументацыю органаў і ўстаноў УЗС, статыстычныя матэрыялы. Прыцягваліся матэрыялы перыядычнага друку, перш за ўсё — спецыялізаваных выданняў самога УЗС [6; 11]. Каштоўныя звесткі былі выяўлены ў мемуарнай літаратуры [48; 49].

Уступленне Расійскай імперыі ў Першую сусветную вайну выклікала патрэбу ў мабілізацыі рэсурсаў і насельніцтва, пэўнай перабудове працы дзяржаўнага апарату. Да вырашэння задач ваеннага часу актыўна далучыліся і грамадскія арганізацыі. Адной з іх стаў створаны прадстаўнікамі земстваў 41 губерні Усерасійскі земскі саюз дапамогі хворым і параненым воінам. Рашэнне аб стварэнні УЗС было прынята на з’ездзе ўпаўнаважаных губернскіх земстваў, які адбыўся ў Маскве 30 ліпеня 1914 г. Вышэйшым органам УЗС абвяшчаўся з’езд упаўнаважаных земстваў (па адным ад губернскага земскага сходу і губернскай земскай управы), паміж з’ездамі справы саюза даручаліся галоўнаму камітэту (далей — ГК) у складзе дзесяці членаў пад кіраўніцтвам галоўнаўпаўнаважанага. Першым кіраўніком УЗС быў абраны князь Г. Я. Львоў. Акрамя таго, для ажыццяўлення дзейнасці па пэўных напрамках ці ў асобных раёнах быў уведзены інстытут упаўнаважаных ГК (пазней распаўсюджаны і на мясцовым узроўні). Упаўнаважаным ГК стаў і Барыс Мікалаевіч Самойленка, які як старшыня Мінскай губернскай земскай управы прадстаўляў на ўстановачным з’ездзе Мінскую губерню [11, № 1, с. 5—6, 50].

Ініцыятыва земскіх дзеячаў знайшла падтрымку ў Мікалая II, і 12 жніўня 1914 г. адбылося «Найвышэйшае зацвярджэнне саюза», на падставе якога 16 жніўня 1914 г. міністр унутраных спраў разаслаў губернатарам адпаведны цыркуляр. На доўгі час гэтыя «зацвярджэнне» і цыркуляр сталі адзінымі квазіправавымі падставамі дзейнасці УЗС, бо ніякіх статутных дакументаў прынята не было. Нягледзячы на тое што саюз, па-сутнасці, быў агульнаімперскім аб’яднаннем, створаным на падставе земскай арганізацыі, кіраўніцтва УЗС з самага пачатку адстойвала пазіцыю аб непрымяняльнасці да саюза земскага заканадаўства. Скептычныя адносіны кіраўніцтва УЗС да спроб легалізацыі дзейнасці саюза прасочваюцца і ў далейшым [11, № 35—36, с. 109—111]. Наступствам такога стаўлення быў тэзіс аб непаднагляднасці ўсіх органаў і ўстаноў саюза мясцовай адміністрацыі. Служачыя УЗС (члены губернскіх і павятовых камітэтаў, сакратары, справаводцы, загадчыкі складоў і інш.) не прызнаваліся земскімі

служачымі і не падлягалі зацвярджэнню з боку мясцовай выканаўчай улады. Губернатарам, у адпаведнасці з цыркулярам міністра ўнутраных спраў ад 16.08.1914, заставалася толькі «аказваць са свайго боку магчымае садзейнічанне і падтрымку… камітэтам земскага саюза» [11, № 2, с. 91].

1 сакавіка 1915 г. для ўсеагульнага ведання абвяшчаецца афіцыйнае распараджэнне аб прыняцці Усерасійскага земскага саюза і ўсіх яго ўстаноў пад сцяг Расійскага таварыства Чырвонага крыжа. Такое прыняцце праводзілася пры захаванні пэўных умоў. З аднаго боку, згодна з арт. 379 Палажэння аб палявым кіраванні войскаў у ваенны час дзейнасць усіх санітарных і гаспадарчых арганізацый земсаюза на тэатры ваенных дзеянняў накіроўваецца галоўнаўпаўнаважаным Чырвонага крыжа. З іншага боку, Чырвоны крыж афіцыйна прызнаваў поўную фінансавую, матэрыяльную, арганізацыйную самастойнасць земскага саюза [11, № 10, с. 3—4].

У красавіку 1916 г. у Дзярждуму быў унесены праект палажэння аб УЗС [55], аднак толькі пасля Лютаўскай рэвалюцыі дзейнасць земсаюза атрымала паўнавартаснае заканадаўчае афармленне. У сакавіку 1917 г. ГК ініцыяваў пашырэнне (у параўнанні з праектам палажэння 1916 г.) праваздольнасці саюза, што знайшло замацаванне ў зацверджаным 7 чэрвеня 1917 г. Часовым урадам пад старшынствам князя Львова статуце (палажэнні) УЗС [59, с. 294—295]. Земсаюзу давалася права засноўваць фабрычна-заводскія, крэдытныя і гандлёвыя прадпрыемствы; адкрываць навучальныя (вышэйшыя, сярэднія і ніжэйшыя) і асветніцкія ўстановы, а роўна аказваць такім установам садзейнічанне. Саюз мог на падставе агульных грамадскіх законаў набываць і адчужаць маёмасць, заключаць дагаворы, уступаць у абавязацельствы, а таксама ўчыняць грамадзянскія іскі і адказваць у судзе па маёмасных справах саюза [11, № 67—69, с. 151].

У якасці мясцовых арганізацый УЗС прадугледжваліся губернскія і павятовыя камітэты. Планавалася, што губернскі камітэт (далей — губкам) будзе фарміравацца з 10 абіраемых губернскім земскім сходам гласных, у яго склад увойдуць уся ўправа і прадстаўнікі павятовых камітэтаў — па адным ад кожнага, адзін з членаў санітарнага бюро губернскага земства і прадстаўнік губернскага санітарнага савета [11, № 1, с. 5]. Сярод задач губернскага земскага камітэта прадугледжваліся: арганізацыя планамернага размеркавання хворых па паветах і асобных пунктах губерні; арганізацыя спецыяльных шпіталяў у межах губерні; работы па выкарыстанні лячэбных устаноў у межах губерні; фінансаванне дзейнасці павятовых камітэтаў [17, л. 4, 7].

12 жніўня 1914 г. у Мінску адбыўся надзвычайны Мінскі губернскі земскі сход, на якім былі прыняты рашэнні аб далучэнні да УЗС, выдаткаванні УЗС 100 000 руб., па 50 000 губернскаму і галоўнаму камітэтам. На сходзе быў створаны Мінскі губернскі камітэт УЗС (далей — МГК) па прапанавай ГК схеме з тым адрозненнем, што ў склад губкама не быў уключаны член санітарнага бюро губернскага земства, але ўвайшоў прадстаўнік гарадскога кіравання. Апарат губкама склаўся ў даволі тыповым для ўстановы пачатку XX ст. выглядзе — канцылярыя, па накірунках дзейнасці — аддзелы, колькасць і канкрэтны пералік якіх змяняліся з цягам часу, упаўнаважаныя. Сход дазволіў МГК запрашаць да супрацоўніцтва іншых асоб з правам дарадчага голасу і ажыццяўлення выканаўчых дзеянняў. Упаўнаважанымі ад Мінскай губерні сход абраў Б. М. Самойленку і Р. А. Скірмунта [17, л. 12—12 адв.]. Варта адзначыць, што звестак аб удзеле Р. А. Скірмунта ў справах УЗС у дакументах губкама выяўлена не было. З 1915 г. членамі сходу ўпаўнаважаных губернскіх земстваў ад Мінскай губерні былі: ад Мінскага губернскага земскага сходу — А. А. Авраамаў, К. М. Дземідзецкі-Дземідовіч (абраны ў якасці другога ўпаўнаважанага надзвычайным земскім сходам у верасні 1916 г. [18, л. 38]), ад Мінскай губернскай земскай управы — Б. М. Самойленка [7].

14 жніўня праходзіць арганізацыйнае пасяджэнне МГК, на якім старшынёй губкама абіраецца Б. М. Самойленка. У сваім падрабязным дакладзе апошні звярнуў увагу на знаходжанне Мінскай губерні ў сферы ваенных дзеянняў, што выклікае, сярод іншага, неабходнасць шчыльнага ўзаемадзеяння з ваенна-санітарным начальствам. Ён паведаміў аб чаканнях ваенных па дапамозе земскага саюза ў справах абсталявання ложкаў, дастаўкі параненых з вакзалаў у лазарэты, арганізацыі размеркавальных пунктаў на вакзалах, харчовых пунктаў. Першапачатковымі крокамі з боку губкама дакладчык прапанаваў прыстасаванне ў губернскай бальніцы пэўнай колькасці ложкаў для цяжкапараненых і неадкладнае адкрыццё складу перавязачных матэрыялаў і пасцельнай бялізны. Камітэт падтрымаў прапановы старшыні, а таксама вырашыў шэраг арганізацыйных пытанняў: выраб бланкаў, пячатак і інш. [17, л. 57—61].

Ход вайны вельмі хутка выявіў недастатковасць тэрытарыяльнай арганізацыі мясцовых устаноў УЗС. Патрэбы арміі на фронце не маглі быць задаволены губернскімі камітэтамі: па-першае, дапамога хворым і параненым — абвешчаная мэта УЗС — была запатрабавана менавіта ў месцах вядзення баявых дзеянняў, а па-другое, з-за адсутнасці земскай арганізацыі ў асобных раёнах заходняй часткі імперыі там не ствараліся камітэты УЗС. Ужо восенню 1914 г. ГК ставіць пытанне аб фарміраванні асобага мясцовага камітэта па справах Заходняга фронту арміі і надзяляе адпаведнымі паўнамоцтвамі ўпаўнаважанага ГК В. В. Вырубава. Скліканая апошнім 18 лістапада 1914 г. у Варшаве нарада ўпаўнаважаных УЗС, занятых «на заходнім фронце», фактычна аформіла стварэнне франтавога камітэта УЗС. Каардынацыя дзейнасці ўстаноў саюза ў раёне тыла арміі ўскладалася на ўпаўнаважанага ГК Б. М. Самойленку, які на той час ужо з'яўляўся старшынёй МГК [11, № 4, с. 29—32]. Такое рашэнне адлюстроўвала пашырэнне сферы адказнасці МГК (прынамсі, яго старшыні) як тэрытарыяльна (ад Мінска да Брэста), так і функцыянальна (забеспячэнне тыла арміі). Аднак выразна размежаваць дзейнасць КЗФ і МГК не заўсёды проста — адзінства мэт, частковае супадзенне тэрытарыяльнага ахопу выклікалі неабходнасць сумеснай скаардынаванай дзейнасці па розных пытаннях.

Напрыклад, дапамогу бежанцам у Мінскай губерні аказвалі некалькі земскіх установ і камітэтаў УЗС: калі франтавы камітэт займаўся ўладкаваннем харчовых і медыцынскіх пунктаў на чыгуначным шляху руху бежанцаў, то губкам сумяшчаў клопат аб параненых воінах з правядзеннем медыка-санітарных мерапрыемстваў для бежанцаў, якія рухаліся гужавымі дарогамі і па чыгунцы [15, с. 77]. Цікава, што даволі часта КЗФ выступаў як орган з больш высокім статусам. Верагодна, такое стаўленне было абумоўлена параўнаўча лепшай матэрыяльнай забяспечанасцю КЗФ — у шэрагу выпадкаў патрэбы ўстаноў губкама задавальняліся складамі заходняй франтавой арганізацыі УЗС.

Адметнай рысай дзейнасці МГК была недастатковая размежаванасць яго кампетэнцыі і кампетэнцыі іншых дзяржаўных і грамадскіх устаноў — земскай управы, земскага сходу, Земгору, КЗФ самога УЗС. Гэта можна прасачыць не толькі па захаваўшыхся дакументах названых устаноў, але і па рашэннях ГК УЗС, які настойліва патрабаваў размяжоўваць фінансавы ўлік мясцовых устаноў земсаюза ад іншых арганізацый і забяспечваць узгодненасць дзейнасці па асобных напрамках [11, № 25, с. 8—9; № 28—29, с. 93—94]. Найбольш яскрава гэта праблема выяўляецца пры супастаўленні МГК і земскай управы, у якіх не толькі ў значнай ступені супадалі напрамкі дзейнасці, але і фактычна цалкам — кіраўніцтва.

З моманту заснавання УЗС яго асноўнай задачай абвяшчалася дапамога хворым і параненым вайскоўцам. Адпаведна гэтаму ствараліся такія падведамныя ўстановы, як шпіталі, бальніцы, лазарэты, харчовыя пункты, бані, лаўкі і інш.

На пачатку вайны сетка ўстаноў губкама была даволі сціплай — шэсць харчовых пунктаў, з якіх на трох была толькі гарбата [11, № 1, с. 44—46]. Шпіталяў УЗС па Мінскай губерні ў верасні 1914 г. яшчэ не было, па прычыне канцэнтрацыі ў Мінску вялікай колькасці шпіталяў ваеннага ведамства. Дзейнасць губкама ў гэты цяжкі час была накіравана на арганізацыю «харчова-перавязачна-размеркавальных пунктаў і шырокіх складоў бялізны, адзення і перавязачных сродкаў», што былі арганізаваны, акрамя Мінску, яшчэ ў Баранавічах, Калінкавічах, Брэст-Літоўску [11, № 11, с. 62]. Варта адзначыць, што такі пункт мог уключаць у сябе самыя разнастайныя службы — кухні, сталовыя, пральні, майстэрні і інш.

Адказваючы на патрэбы арміі, МГК стварае ўласныя лячэбныя ўстановы. І хаця на працягу ўсёй вайны бальніц у веданні губкама было няшмат, ужо на 1 чэрвеня 1915 г. спіс шпіталяў, якія знаходзіліся ў веданні МГК, налічваў 9 устаноў, агульнай колькасцю 769 ложкаў (усяго па імперыі ў веданні УЗС было 3429 шпіталяў на 170 817 ложкаў). Вылучалі ложкі 3 катэгорый: 1 — для цяжкапараненых (вялікая хірургія), 2 — для лёгкапараненых (малая хірургія), 3 — для тых, хто выздараўлівае, а таксама заразныя. У шпіталях УЗС на тэрыторыі Мінскай губерні ложкаў 3 катэгорыі не было, налічвалася звыш 400 хірургічных ложкаў і звыш 300 — для заразных хворых [52].

На 1 студзеня 1916 г. у веданні камітэта былі два хірургічныя лазарэты, тры патранаты, тры ўрачэбна-назіральныя і два ўрачэбна-харчовыя пункты, зубаўрачэбны камітэт, рэчавы і аптэчны склады. На красавік 1916 г. па Мінскай губерні значыцца ўжо 8 шпіталяў (4 — у Мінску, 1 — у павятовым горадзе, 3 — у пасяленнях) [11, № 37—38, с. 17]. Даныя ГК УЗС дазваляюць прасачыць даволі выразную тэндэнцыю скарачэння колькасці ложкаў у медустановах МГК — ад 842 у канцы 1914 г. [11, № 5, с. 6] да 305 у пачатку 1916 г. [5, с. 5]. З'ява дастаткова натуральная, паколькі з развіццём ваенных дзеянняў паступова мяняюцца і тыя задачы, выкананне якіх браў на сябе УЗС.

Пры пераглядзе франтавой арганізацыі УЗС, выкліканых вылучэннем самастойнага Заходняга фронту, паўстала пытанне эфектыўнасці работы саюза ў раёне дзеючай арміі. На пасяджэнні камітэта ПЗФ УЗС 21 верасня 1915 г. адзначалася, што ў сувязі з адступленнем арміі значна ўскладніліся задачы франтавой земскай арганізацыі. Існуючая сетка ўстаноў не магла справіцца з узрастаючай колькасцю бежанцаў, таму сфера адказнасці франтавога камітэта павінна быць абмежавана, а далейшая дзейнасць франтавой земскай арганізацыі накіравана, галоўным чынам, на задавальненне патрэб непасрэдна арміі, «памятуя, что въ сліяніи съ арміей и въ обслуживаніи всѣхъ ея нужд лежит прямое назначеніе всѣхъ земскихъ на фронтѣ» [24, л. 3 адв.]. Было вырашана прыцягваць да працы па дапамозе бежанцам «мясцовыя земскія сілы» нават там, дзе ўжо меліся ўстановы камітэта СЗФ. 22 верасня 1915 г. замест камітэта Паўночна-Заходняга фронту былі сфарміраваны камітэты УЗС Паўночнага (з цэнтрам у г. Пскоў) і Заходняга (з цэнтрам у г. Мінск) франтоў. За апошнім была замацавана большасць устаноў УЗС рэфармаванага фронту. Структура КЗФ была прадстаўлена ўпраўленнямі, створанымі для адпаведных пяці армейскіх раёнаў і сямі раёнаў прыфрантавой тылавой паласы (Аршанскі, Бабруйскі, Барысаўскі, Гомельскі, Мінскі, Полацкі, Смаленскі) [13, с. 3—4].

Дарэчы, сам губкам не лічыў «неабходным больш шырокі свой удзел у гэтай справе», паколькі ў губерні існавала дастаткова арганізацый па дапамозе бежанцам. Пры гэтым МГК пагаджаўся выступаць у ролі каардынатара для пераадолення «неўзгодненасці дзейнасці ўсіх гэтых арганізацый» [37, л. 54—55]. Аднак паступова на працягу 1916 г. тылавыя раёны, акрамя Аршанскага, перадаюцца ў веданне губернскіх камітэтаў.

Ва ўмовах набліжэння лініі фронту з'яўляліся новыя выклікі для УЗС. Несупынна павялічвалася колькасць бежанцаў — да мая 1916 г. у Мінскай губерні іх налічвалася ўжо каля 120 тыс., і «такая надбаўка прышлага насельніцтва разам з раскватэраванымі па вёсках воінскімі часткамі павялічыла скучанасць насельніцтва, а разам з тым павялічыла і да таго антысанітарны стан … вёсак» [37, л. 6]. МГК галоўнай сваёй мэтай абвясціў «ахову арміі ад заносаў у яе заразных захворванняў з боку мясцовага насельніцтва і бежанцаў». Гэта абумовіла паступовае фарміраванне сеткі ўстаноў, пераважана эпідэміялагічнай

скіраванасці. Характэрна, што структура такіх устаноў зацвярджалася Галоўным начальнікам забеспячэння армій Заходняга фронту [40, л. 95].

Адбывалася павелічэнне маштабу дзейнасці МГК за кошт перадачы яму ўстаноў іншых структур. У пачатку 1917 г. КЗФ паведамляў губернскім уладам аб немагчымасці працягу клопату аб бежанцах у раёне дзеяння 10-й арміі з-за адсутнасці сродкаў. Аднак Мінская губернская нарада па ўладкаванні бежанцаў не хацела браць гэтую справу на сябе і ва ўльтыматыўнай форме запатрабавала ад МГК «паведаміць аб тых распараджэннях, якія будуць зроблены для забеспячэння далейшага лёсу бежанцаў» [30, л. 72]. Не адмаўляючыся ад перадачы, МГК абмежаваўся ўнутрысаюзнымі «перамовамі» з КЗФ, але на ўмовах прыняцця харчпунктаў толькі разам з фінансавым забеспячэннем. Акрамя таго, у 1916—1917 гг. адбывалася перадача МГК устаноў ад Упраўлення галоўнаўпаўнаважанага па ўладкаванні бежанцаў Паўночнага і Заходняга франтоў («Поўначдапамога») [40, л. 95; 15 с. 108]. Губернскі камітэт прыняў размешчаныя ў Бабруйскім, Барысаўскім, Мазырскім, Мінскім і Рэчыцкім паветах харчовыя пункты, бальніцы, амбулаторыі, прытулкі і інш. [43, л. 2]. Перададзеныя ўстановы забяспечвалі харчовым пайком каля 50 тыс. бежанцаў. Урэшце ўдзел МГК у бежанскай справе набыў такія маштабы, што ў жніўні 1917 г. спецыяльная эвакуацыйная камісія вымушана была прызнаць, што губкам УЗС «з’яўляецца арганізацыяй, якая пераважна абслугоўвае бежанцаў і мясцовае насельніцтва, і толькі параўнаўча ў нязначнай частцы абслугоўвае сваімі медыцынскімі ўстановамі непасрэдна армію» [35, л. 13].

Адным з важных напрамкаў дзейнасці УЗС была арганізацыя матэрыяльнага забеспячэння ўласных устаноў (шпіталі, харчпункты і інш.), а таксама дапамога ў пастаўках для арміі. З самага пачатку справа гэта была наладжана праз цэнтральны склад у Маскве, аднак паступова ствараюцца склады і ў губернях. Першым з іх стаў склад у Мінску, адкрыты згодна з пастановай ГК ад 19 верасня 1914 г. У сваім дакладзе па гэтым пытанні старшыня МГК, упаўнаважаны ГК Б. М. Самойленка абгрунтоўваў неабходнасць адкрыцця склада як патрэбамі забеспячэння земскіх лазарэтаў і іншых устаноў, так і выкарыстаннем магчымасці размяшчэння буйнога размеркавальнага пункта бліжэй да лініі фронту. Мінскі склад стаў забяспечваць пастаўкі арганізацыям саюза ў Брэст, Варшаву, Броды, асабліва ў тэрміновых сітуацыях, для цягнікоў саюза, прыпісаных да Беластока. У далейшым падраздзяленне цэнтральнага склада УЗС было адчынена і ў Брэсце, улічваючы транспартную зручнасць і прыдатнасць такога размяшчэння для задавальнення патрэб УЗС у раёне тыла Паўднёва-Заходняга фронту [11, № 11, с. 63—64; № 12—13, с. 34—35].

Аналізуючы колькасны і якасны склад устаноў МГК УЗС, неабходна ўсведамляць некалькі праблем. Па-першае, характар дзейнасці саюза абумовіў тое, што, за выключэннем пачатковага перыяду вайны, сетка ўстаноў адрознівалася заўважным дынамізмам. Па-другое, вельмі недасканалай была методыка ўліку ўстаноў: адны і тыя ж установы маглі быць падлічаны як адна

(лазня; урачэбна-харчовы пункт у Мінску), або як дзве ці нават больш (лазня і лаўка пры лазні; урачэбна-харчовы пункт у Мінску ў складзе сталовай, лазні, прытулку, школы, інтэрнату і інш.). Акрамя таго, дакументы не пазбаўлены адавочных памылак падліку.

Сетка ўстаноў МГК была вельмі нестабільнай — губкам не толькі сам ствараў ці ліквідаваў установы, але і вымушаны быў мець справу са шматлікімі ўстановамі іншых структур. Калі ў першай палове 1916 г. колькасць устаноў МГК складала крыху больш 30 [26, л. 96—96 адв.; 31, л. 206—208], то на пачатак верасня яна ўзрасла да 91 [36, л. 5—6 адв.]. Такая дынаміка можа быць патлумачана асаблівасцямі арганізацыі ўліковай справы ў МГК, аднак на самой справе яна адлюстроўвае завершанасць перадачы ў веданне губкама ўстаноў тылавога характару ад КЗФ. Дарэчы, пытанне аб характары і канкрэтным складзе ўстаноў, якія павінны быць перададзены губкаму, выклікала даволі вострыя дыскусіі: калі кіраўніцтва «Поўначдапамогі» імкнулася перадаць усе свае ўстановы, аддаленыя ад фронту (геаграфічны прынцып), то Б. М. Самойленка адстойваў пазіцыю аб тым, што «неабходна кіравацца характарам устаноў» (функцыянальны прынцып). У выніку быў прыняты варыянт МГК — перадаваліся толькі ўстановы па абслугоўванні бежанцаў незалежна ад месца знаходжання [18, л. 41—53 адв.].

У канцы 1916 — пачатку 1917 г. у МГК склалася даволі разгалінаваная сетка разнастайных па характары і маштабе дзейнасці падведамных устаноў. Дакладную колькасць па названых раней прычынах вызначыць амаль немагчыма, аднак можна казаць аб тым, што ўстаноў было не менш за 65 [31, л. 509; 44, л. 37—40; 30, л. 65—68 адв.]. Цікава, што паводле звестак ГК у гэты ж час усяго сетка ўстаноў УЗС была прадстаўлена 7728 установамі, з іх 4100 — на фронце [59, с. 180].

На пачатак 1917 г. пад кіраўніцтвам Мінскага губкама дзейнічалі такія арганізацыі і ўстановы, як аддзелы, павятовыя камітэты, упраўленне, склады, пральні, харчовыя і ўрачэбна-харчовыя пункты, санітарна-дэзінфекцыйныя і эпідэмічныя атрады, прытулкі, прытулак-школа, школы, бальніцы, лазарэты, зубаўрачэбныя кабінеты, лазні, хлебапякарня, майстэрня, канюшня [30, л. 65—68 адв.]. У камітэце прымаліся спробы правесці сістэматызацыю падведамных устаноў, аднак нейкага канчатковага варыянта так і не было выпрацавана. Групіроўкі ажыццяўляліся ў залежнасці ад таго, для якіх патрэб праводзіліся. Так, установы падзяляліся па накірунках дзейнасці, ступені важнасці, тэрытарыяльным ахопе і іншых прыкметах на: медыцынска-санітарныя, харчовыя, транспартныя, вытворчыя і склады; падлягаючыя і не падлягаючыя эвакуацыі; абслугоўваючыя патрэбы арміі, мясцовага насельніцтва і бежанскія; створаныя губкамам і прынятыя ад іншых структур.

Фінансавыя сродкі УЗС складаліся з некалькіх крыніц: сродкі агульназемскай арганізацыі, узносы і ахвяраванні земстваў, урадавых субсідый. З цягам часу роля першых у агульным аб’ёме сродкаў падала, а апошніх — узрастала.

Так, калі ў жніўні 1914 г. дапамога ўрада склала 1 млн руб. з 4,5 млн агульных паступленняў, то ўжо ў наступным месяцы ўрад выдаткаваў 9 млн з 16,4 млн руб. [11, № 1, с. 43]. Паступовa заўважнай крыніцай сродкаў УЗС робяцца грашовыя і рэчавыя ахвяраванні грамадзян. Спісы ахвярадаўцаў публікаваліся ў афіцыйным выданні галоўнага камітэта УЗС (напрыклад, [11, № 7]).

ГК імкнуўся да таго, каб фінансаванне дзейнасці мясцовых камітэтаў ажыццяўлялася на падставе каштарысаў, аднак распаўсюджанай была і практыка выдаткавання сродкаў па хадайніцтвах на спецыяльныя патрэбы. Што да МГК, то першапачаткова сродкі паступалі непасрэдна ад ГК УЗС, а з прыёмам устаноў КЗФ — праз апошні [40, л. 95 адв.]. Дакументамі за 1916 г. пацвярджаецца паступленне плацяжоў праз дзяржаўнае казначэйства [32, л. 6]. Прадукты, матэрыялы, абсталяванне ўстановы МГК атрымлівалі з ГК (у першае паўгоддзе дзейнасці саюза Мінская губерня атрымала матэрыялаў на суму звыш 500 тыс. руб. і была па гэтым паказчыку трэцяй у імперыі [11, № 12—13, с. 23]), інтэнданцтва, складоў КЗФ. Камітэт меў і іншыя крыніцы паступлення сродкаў. Напрыклад, у справаздачы аб дзейнасці Мінскага губернскага камітэта за I паўгоддзе 1916 г. прыведзены наступныя фінансавыя паказчыкі:

Табліца 1

Паступленні і выдаткі МГК за перыяд з 01.01.1916 па 01.05.1916 [37, л. 51]

Найменне артыкула	Сума, руб.
Паступленні	
Галоўны камітэт	1 335 000
аднаразовыя дапамогі земстваў	60 000
ахвяраванні	7167,81
продаж рэчаў	2 929 830,97
выпадковыя паступленні	19 102,45
пераходны астатак	64 600
Усяго	**4 415 701,23**
Выдаткі	
шпіталі і лазарэты	280 274,28
харчовыя пункты	109 942,4
склады	1 724 908,39
розныя ўстановы камітэта	2 089 377,42
іншыя ўстановы	15 049,89
Усяго	**4 219 552,38**

Дастаткова вялікія матэрыяльна-грашовыя абароты стваралі рэальную прастору для неэфектыўнага выкарыстання часткі сродкаў. Невыпадкова ў цыркуляры МГК ад 14.11.1916 канстатавалася «надзвычай неэканомнае вядзенне гаспадаркі …, што можа … падарваць крэдыты камітэта». У сувязі з гэтым МГК звяртаў увагу ўпаўнаважаных і ўсіх устаноў камітэта на неабходнасць збераження сродкаў дзяржаўнага казначэйства [32, л. 6].

За кошт урадавых субсідый маглі быць пакрыты не толькі кошты матэрыяльных паставак для шпіталяў і інш., але і выдаткі па кіраванні на ўзроўні губернскіх і павятовых камітэтаў пры ўмове, што такія выдаткі панесены згодна з вызначанай каштарысам схемай і выкананнем патрабаванняў па справаздачнасці [11, № 14, с. 10—11]. Восенню 1915 г. ваенныя ўлады ўзгаднілі выдаткаванне УЗС сродкаў па гэтым артыкуле крыху больш за 50 000 руб. штомесяц (каля 1200 руб. на губерню) [11, № 26—27, с. 5—7]. Па даных бягучай справаздачнасці УЗС сярэдзіны 1916 г. на ўтрыманне губкама ГК выдаткоўваў 2500 руб. у квартал [5].

Кадравае забеспячэнне МГК развівалася па некалькіх напрамках. У дачыненні да кіруючых органаў асновай фарміравання асабовага складу сталі служачыя земскай арганізацыі, што адпавядала прынятым пры стварэнні саюза рашэнням. Колькасны склад губкама дакладна вызначаны ніколі не быў, можна толькі казаць, што членаў камітэта не павінна было быць менш за 10 чалавек (па колькасці абіраемых гласных; забароны ж на абранне гласным прадстаўніка земскай управы не было). У якасці пэўнай асаблівасці, што выявілася пры фарміраванні мінскага губкама, можна адзначыць уключэнне ў склад камітэта прадстаўнікоў ад горада. Паводле апублікаваных ГК звестках, колькасны склад МГК восенню 1915 і 1916 гг. быў 22 і 21 члены адпаведна. Персанальна склад МГК выглядаў наступным чынам: старшыня — Б. М. Самойленка, таварыш старшыні — С. Б. Хржанстоўскі, члены камітэта — А. М. Авраамаў, М. С. Анціповіч, І. Д. Арскі, М. М. Бурнашаў, Д. К. Вашчынін, К. М. Дземідзецкі-Дземідовіч, кн. І. Э. Друцкі-Любецкі, І. М. Івануха, С. Ф. Карзон, С. А. фон Мораншыльд, Ю. М. Пацехін, кн. А. Г. Радзівіл, С. М. Свяжынскі, І. І. Свянціцкі (толькі на 1915 г.), П. А. Смародскі, Я. М. Трушынскі, І. М. Шамігонаў, прадстаўнікі ад горада — А. І. Лапацін, К. В. Фалькoвіч, В. В. Янчэўскі [7].

Улічваючы, што тэрмін абрання членаў земскай арганізацыі складаў тры гады, а выбары прайшлі ў пачатку 1915 г., то можна казаць, што ў такім складзе МГК і функцыянаваў да пачатку 1918 г. (з улікам, канешне, выбыцця асобных дзеячаў).

Працай і камітэта, і ўправы камітэта кіраваў старшыня. Мінскі губкам ад моманту яго стварэння і да восені 1917 г. узначальваў Б. М. Самойленка (1878—1936). Пасля паспяховага выпуску з Пскоўскага кадэцкага корпуса быў прыняты ў Мікалаеўскае кавалерыйскае вучылішча ў Санкт-Пецярбургу, якое скончыў «па 1-м разрадзе». Удзельнічаў у руска-японскай вайне, за ўдзел у баях (у т. л. на Халхінголе) быў узнагароджаны шэрагам ордэнаў. Пасля звальнення з ваеннай службы ў студзені 1911 г. быў абраны навагрудскім павятовым прадвадзіцелем дваранства. Пачынаючы з 30 жніўня 1911 г. — старшыня Мінскай губернскай земскай управы (пераабраны ў лютым 1915 г.). У жніўні 1914 г. абіраецца старшынёй МГК. У час вайны займаў і шэраг іншых пасад — упаўнаважанага ГК УЗС па Мінскай ваеннай акрузе, члена КЗФ УЗС, старшыні эвакуацыйнай камісіі пры Мінскім ваенна-прамысловым камітэце, галоўнаўпаўнаважана-

га міністэрства земляробства па захаванні і эвакуацыі племяннoй жывёлы, упаўнаважанага па нарыхтоўкам хлеба для патрэб арміі і інш. 4 сакавіка 1917 г. пастановай Часовага ўрада быў прызначаны Мінскім губернскім камісарам «з пакіданнем у іншых пасадах» [23]. Верагодна, у 1917 г. пераехаў у Маскву. Пасля кастрычніка 1917 г. праз Шанхай з'ехаў у ЗША, пасля чаго апынуўся ў Францыі (як, дарэчы, і старшыня КЗФ В. В. Вырубаў, і галоўнаўпаўнаважаны УЗС князь Г. Я. Львоў). Сябраваў з вядомым кампазітарам С. С. Пракоф'евым [49].

Пасля ад'езду з Мінска Б. М. Самойленкі справамі МГК займаўся член губернскай земскай управы Д. К. Вашчынін [19, л. 1; 22, л. 53].

Што тычыцца кадравага забеспячэння падведамных губкаму ўстаноў, то асабовы склад апошніх фарміраваўся самымі рознымі шляхамі. Гэта ўключала і ініцыятыўныя звароты грамадзян з просьбай «прыняць на службу», і размяшчэнне звестак аб вакансіях у друку, і пераводы з іншых устаноў (у т. л. па хадайніцтвах ваенных улад). Існавала і практыка, якую сёння назвалі б кадравым аўтсорсінгам (пэўныя пасады замяшчаліся арцельшчыкамі з Масквы паводле дагавораў паміж УЗС і Гандлёва-прамысловай біржавой арцеллю [27, л. 9—9 адв.]). Склад служачых папаўняўся і пры перадачы МГК ад КЗФ, «Поўначдапамогі» розных устаноў, работнікі якіх афармляліся на працу ў земсаюз (напрыклад, у 1917 г. з прыняццем эпідэмічнага атраду ў м. Ленін Мазырскага павета на службу ў саюз паступае ўрач з адметным прозвішчам Гітлер [38, л. 1, 6—9]).

На працу ў земсаюз мог трапіць не кожны. У арганізацыі існавала практыка вядзення ГК канфідэнцыяльнага спісу «асоб, якія, як дапусціўшыя несумяшчальныя са службовымі абавязкамі праступкі, не могуць быць прыняты на службу» [27, л. 30—31]. Па агульным правіле не падлягалі найму і непаўналетнія. Аднак нарастаючыя цяжкасці з кадравым забеспячэннем устаноў УЗС, што асабліва было заўважна пры найме служачых—мужчын, заканамерна паставілі пытанне аб магчымасці пакідання на службе непаўналетніх (да 17 гадоў). Галоўнакамандуючы арміямі Заходняга фронту ў пачатку 1917 г. у адказ на шматлікія хадайніцтвы даў адпаведны дазвол. Пры паступленні на службу падлеткі абавязаны былі прад'явіць не толькі пасведчанне асобы, але і выдадзенае мясцовай паліцыяй пасведчанне добранадзейнасці (паслабленне «толькі ў выключных выпадках» магло быць зроблена для бежанцаў). Катэгарычна забаранялася прымаць на службу непаўналетніх, якія па месцы жыхарства належалі да акупіраваных тэрыторый [33, л. 46—46 адв.]. Зрэшты, такая падазронасць распаўсюджвалася і на дарослых, нягледзячы на тое што інтэграцыя «ссунутага вайной насельніцтва» паступова робіцца адным з напрамкаў працы УЗС.

Разнастайныя крыніцы дазволілі сфарміраваць даволі значны штат служачых. Па стане на пачатак студзеня 1917 г. персанал МГК і паведамных устаноў налічваў 1194 асобы, з іх 452 — вышэйшых, 742 — ніжэйшых [44, л. 37—40].

Служачыя УЗС як арганізацыі, што працуе на абарону краіны, маглі карыстацца адтэрміноўкамі ад вайсковай службы ці ўвогуле вызваляліся ад

выканання вайсковай павіннасці. Сярод ваеннаабавязаных з ліку служачых УЗС вылучаліся як тыя, хто ні пры якіх умовах не мог разлічваць на адтэрміноўку, так і тыя, хто па хадайніцтве ГК мог яе атрымаць, альбо тыя, хто ўвогуле вызваляўся ад прызыву. Пры гэтым у кастрычніку 1915 г. ГК, даводзячы пазіцыю ваеннага ведамства па пытанні адтэрміновак, у сваім цыркуляры мясцовым камітэтам адзначаў, што «няма ніякіх падстаў разлічваць на захаванне складу іх служачых у поўным аб'ёме». Мясцовыя камітэты павінны былі рыхтаваць спісы для хадайніцтваў аб адтэрміноўках, завяраць іх у мясцовай паліцыі і ў вызначаныя тэрміны прадстаўляць у ГК. Апошні ад свайго імя накіроўваў хадайніцтвы па служачых УЗС у галоўнае ўпраўленне Генеральнага штаба, які і прымаў канчатковае рашэнне — адмовіць у адтэрміноўцы, прадаставіць яе да вызначанага дня ці без пазначэння часу [11, № 26—27, с. 7—13]. Ужо ў снежні 1915 г. парадак прадстаўлення адтэрміновак быў істотна ўдакладнены: пры галоўным упраўленні Генеральнага штаба ствараўся галоўны камітэт і павятовыя (акруговыя, гарадскія) камітэты па справах аб прадстаўленні адтэрміновак ваеннаабавязаным. У склад такіх камітэтаў абавязкова ўключаўся прадстаўнік УЗС, канчатковыя рашэнні прымаліся на мясцовым узроўні [11, № 30—31, с. 4—5; 27, л. 39].

Натуральна, што такая прывілегія прываблівала тых ваеннаабавязаных, якія хацелі пазбегнуць накіравання ў часткі дзеючай арміі і, улічваючы дэзарганізацыю дзяржапарату, стварала шырокія магчымасці для злоўжыванняў. У канцы 1916 г. падчас пазапланавай праверкі ў арганізацыях раёнаў Заходняга фронту было выяўлена звыш 14 тыс. ухілістаў. Каменціруючы яе вынікі, камандуючы арміямі Заходняга фронту адказнасць ускладаў на мясцовыя цывільныя арганізацыі, якія «не прымалі меры да правільнай пастаноўкі справы камплектавання асабовага складу, ставячыся да гэтай справы абыякава і можа быць несвядома выступалі ў ролі ўкрывальнікаў ваеннаабавязаных асоб». Адказным за такое «злачыннае папусціцельства» камандуючы пагражаў прыцягненнем да суду [32, л. 52].

Падобныя прэтэнзіі пазней выказваў і Часовы ўрад: «у земскім і гарадскім саюзах і Земгоры ўдвая больш людзей, чым на ўсім фронце байцоў, паколькі … усяго толькі адна дзясятая частка прызваных у войска, сапраўды састаіць у шэрагах войскаў, дзевяць жа дзясятых — знаходзіцца ў тыле» [59, с. 333].

Статус супрацоўніка ўстаноў УЗС пацвярджаўся адпаведнымі асабістымі дакументамі (пасведчанні, асабовыя карткі, запісныя кніжкі), што выдаваліся арганізацыямі саюза. Кожнаму салдату пры паступленні на службу ў саюз выдавалася запісная кніжка, у якой фіксавалася праходжанне службы, выдача жалавання, абмундзіравання, амуніцыі, зброі, узнагарод. У асабовай картцы адлюстроўваліся даныя аб выплатах служачаму [28, л. 264—273, 342—347].

Паколькі такія дакументы станавіліся фактычным доказам не толькі прыналежнасці да УЗС, але і наяўнасці адтэрміноўкі (ці нават вызвалення) ад ваеннай службы, часта супрацоўнікі імкнуліся не вяртаць іх пры звальненні

альбо пераводзе. Нават дзеючыя вайскоўцы з ліку былых служачых УЗС злоўжывалі пасведчаннямі земсаюза, што засталіся ў іх на руках. Напрыклад, маглі па атрыманні адпачынку «для наведвання тэатра, бані і г. д.» зняць ваенную форму і явіцца ў гасцініцу па наяўных дакументах грамадскай арганізацыі. Такі стан у снежні 1916 г. стаў падставай для выдання спецыяльнага загада Галоўнакамандуючага арміямі Заходняга фронту «Аб адбіранні грамадскімі і прыватнымі арганізацыямі пры пераводах служачых альбо пры звальненні выдадзеных ім асабістых дакументаў» [32, л. 53].

Яшчэ на пачатку вайны для асоб, якія знаходзіліся на службе ў цывільных арганізацыях (і тылавых, і палявых), занятых у абароне дзяржавы і задавальненні ваенных патрэб, была ўведзена агульная для ўсіх, за выключэннем чыгуначнікаў, паходная форма [33, л. 47]. Усе элементы абмундзіравання выраблялiся ў асноўным па вайсковым узоры. Такая напаўваенная форма служыла наглядным сведчаннем прыналежнасці да асоб, якія састаяць на службе дзяржаве «на час дадзенай вайны» [32, л. 47].

Для супрацоўнікаў УЗС прадугледжваліся разнастайныя сацыяльныя гарантыі. Ужо 10 кастрычніка 1914 г. ГК зацвердзіў правілы забеспячэння на выпадак смерці і страты працаздольнасці сем'яў асоб медыцынскага персаналу, які знаходзіцца на службе земскага саюза. Далейшае развіццё дзейнасці УЗС «значна пашырыла кола асоб, якія хаця і не належаць да медыцынскага персаналу, але не менш яго … схільных да рызыцы захворванняў … раненняў ці іншых няшчасных выпадкаў». У сувязі з гэтым 30 чэрвеня 1915 г. згаданыя правілы былі перагледжаны: пашыраныя гарантыі былі распаўсюджаны на ўсіх служачых, за выключэннем ваеннаабавязаных і прыкамандзіраваных вайскоўцаў [11, № 20, с. 14]. У сакавіку 1917 г. ГК увёў дапамогу на пахаванне служачых УЗС з выплатай са сродкаў земсаюза да месячнага акладу, але не меней 100 руб. [11, № 58—60, с. 70].

Сярод грашовых кампенсацый для служачых УЗС вызначаліся «сталовыя», «кватэрныя», «абмундзіровачныя», памер якіх вызначаўся Галоўным камітэтам УЗС. Варта падкрэсліць, што МГК як орган УЗС прыфрантавой губерні карыстаўся асобным штатным раскладам акладаў, меў права самастойна з улікам мясцовых умоў вызначаць памер названых кампенсацый і выдаваць «абмундзіровачныя» ў памеры 10 руб. [33, л. 228—228а]. Для супрацоўнікаў, якія маглі пацвердзіць сапраўднасць патрэбы, прадугледжвалася магчымасць выплаты па рашэнні камітэта «пад'ёмных». Асоба, якая атрымала такую кампенсацыю, павінна была праслужыць не менш шасці месяцаў, а пры больш раннім звальненні — вярнуць усю суму [33, л. 41].

Цяжкасці ваеннага часу вымусілі летам 1917 г. пайсці на адступленні ад важнейшай гарантыі для працоўных — было абмежавана права на атрыманне адпачынку. Згодна з загадам ваеннага міністра А. Ф. Керанскага ўправай МГК 21 чэрвеня 1917 г. была прынята пастанова аб спыненні адпачынкаў служачых на ўвесь час вайны і пераглядзе ўжо прадстаўленых адпачынкаў. Рашэнне было

выклікана не толькі ўзрастаючым «кадравым голадам», але і істотнымі фінансавымі выдаткамі на замяшчэнне масава адсутных супрацоўнікаў [34, л. 85].

Вайна выклікала імклівае абясцэньванне грошай, таму каб неяк абараніць свае кадры, УЗС выкарыстоўваў індэксацыі і надбаўкі. Так, 16 кастрычніка 1917 г. на пасяджэнні ўправы МГК было прынята рашэнне аб устанаўленні працэнтных надбавак «на дарагоўлю» да акладаў усіх супрацоўнікаў МГК у памеры ад 100% да 25% [34, л. 92].

Прадугледжваліся асаблівасці аплаты працы ў МГК сумяшчальнікаў. Памер дадатковага ўзнагароджвання для іх абмяжоўваўся і вызначаўся з такім разлікам, каб агульная сума заробку не перавышала вызначанага штатным раскладам памеру [33, л. 41].

Асобы, занятыя ў земсаюзе ў раёне дзеючай арміі, маглі быць прадстаўлены да ўзнагароджвання з захаваннем патрабаванняў, вызначаных як імперскім заканадаўствам, так і актамі Расійскай арганізацыі Чырвонага крыжа [11, № 10, с. 5].

Дастаткова дэталёвую рэгламентацыю на ўзроўні УЗС атрымлівалі пытанні справаводства. Напрыклад, цыркуляр ГК ад 8 снежня 1915 г. № 13550 канстатаваў шматлікія парушэнні ў вырабе і выкарыстанні пячатак установамі УЗС і ўзмацняў адпаведныя патрабаванні, вызначаныя яшчэ ў красавіку 1915 г.: прадпісвалася форма пячаткі з пазначэннем наймення і падначаленасці ўстановы, ускладалася персанальная адказнасць за захоўванне і прыкладанне пячатак, забаранялася выкарыстанне пячатак для прыватнай карэспандэнцыі [11, № 28—29, с. 9—10].

Цыркулярам ГК ад 3 студзеня 1916 г. № 1 прадпісвалася адрасаваць карэспандэнцыю на канкрэтны аддзел, а ў адказах абавязкова пазначаць спасылку на ўваходны дакумент [11, № 30—31, с. 7].

На самым пачатку дзейнасці УЗС былі вырашаны пытанні арганізацыі фінансавага ўліку і справаздачнасці. У структуры ГК нават быў створаны спецыяльны кантрольны аддзел, неабходнасць якога абгрунтоўвалася «выключнымі памерамі аперацый земскага саюза» [11, № 4, с. 22].

Губернскія і павятовыя камітэты УЗС былі абавязаны складаць штомесячныя кароткія папярэднія справаздачы з указаннем крыніц даходу і артыкулаў выдаткаў па вызначанай схеме. Пасля атрымання звестак ад павятовых камітэтаў (да 10-га кожнага месяца), губкам абагульняў іх і разам з уласнай справаздачай павінен быў накіраваць у ГК (да 20-га кожнага месяца). Стымулам для трымання выканаўчай дысцыпліны была ўмова выдаткавання авансаў на наступныя месяцы толькі пасля прадстаўлення справаздач за папярэднія. Кіраўніцтва УЗС чакала, што вайна не будзе занадта працяглай: у правілах былі падрабязна ўрэгуляваны складанне, праверка і зацвярджэнне выніковай справаздачы «па заканчэнні кампаніі». Аператыўныя звесткі аб фінансавым баку дзейнасці УЗС падлягалі апублікаванню ў ІГК [11, № 4, с. 22—23]. Акрамя правілаў у дапамо-

гу мясцовым камітэтам, кантрольны аддзел падрыхтаваў метадычныя рэкамендацыі па вядзенні бягучага ўліку [11, № 14, с. 11—12].

У межах цэнтралізацыі кіравання на пачатку 1917 г. вядзенне ўліку па падаходным падатку ўсіх служачых УЗС засяроджваецца ў спецыяльна створаным падраздзяленні ГК у Маскве [34, л. 71].

Асобным напрамкам працы апарату было дакументаванне кадравай работы. Пры прыняцці на працу ў саюз заводзілася апытальная картка. Яе форма была ўніфікавана, аб чым сведчыла выкарыстанне тыпаграфскага бланка. У дадзеным дакуменце адлюстроўваўся «працоўны шлях» служачага, уключаючы род заняткаў да паступлення ў саюз [28, л. 350—350 адв.].

Для арганізацыі цэнтралізаванага ўліку супрацоўнікаў увосень 1916 г. у МГК быў створаны аддзел асабовага складу. На падраздзяленне ўскладалася вядзенне алфавіту служачых і асабовых спраў, выдача асабовых картак, камандзіровачных пасведчанняў і г. д. Усе ўпаўнаважаныя былі абавязаны пастаянна паведамляць у аддзел асабовага складу аб усіх кадравых зменах. Выдача заробку служачым магла праводзіцца толькі пасля зверкі спісаў супрацоўнікаў [34, л. 14—15].

У студзені 1917 г. пастановай управы МГК быў вызначаны парадак камандзіравання і аплаты адпаведных выдаткаў. Падставай для камандзіравання маглі быць распараджэнні МГК альбо заг. пунктам пры ўмове прызнання камандзіроўкі законнай губкамам. Памер камандзіровачных залежаў ад велічыні заробку супрацоўніка і вагаўся ад 2 да 5 руб. за дзень. Пры паездцы ў «буйныя гарады», да ліку якіх, акрамя Петраграда і Масквы, аднеслі Смаленск, выплаты маглі павялічвацца да 7 руб. Цікава, што адзначаным дакументам быў устаноўлены і абавязковы час працы ўсіх аддзелаў камітэта: з 10.00 да 16.00 і з 19.00 да 21.00 гадзін штодзённа, а па нядзелях — з 12.00 да 14.00 гадзін [33, л. 41 адв.—42].

Пры ўсіх намаганнях зрабіць работу апарату УЗС рацыянальнай, сістэме працы земсаюза былі ўласцівы «радавыя недахопы» цэнтралізацыі ў дзейнасці дзяржаўнага апарату, якія выклікалі шэраг недарэчнасцей у паўсядзённай рабоце. Загадчык урачэбна-санітарнага аддзела МГК урач У. І. Марзон на пасяджэнні ўправы МГК 8 мая 1917 г. апісваў іх наступным чынам: «… першая падстава для недарэчнасцей — псіхалагічная — адсутнасць жывой сувязі будуе сцяну адчужэння і недаверу, другая — маруднасць ажыццяўлення просьб з-за папярова-бюракратычнага вядзення спраў — нервуе персанал … і вядзе на шлях незадаволенасці ў адрас камітэта» [33, л. 96]. Разам з крытыкай У. І. Марзон выказваў меркаванне аб неабходнасці рэарганізацыі кіравання медыцынскай справай у камітэце па ўзоры Камітэта Заходняга фронту з уключэннем у склад медбюро трох урачоў (з падзелам сфер адказнасці). Дадзеная прапанова знайшла поўную падтрымку ўправы МГК [33, л. 96—97 адв]. У 1917 г. былі праведзены і іншыя арганізацыйныя пераўтварэнні ў самім камітэце (адкрыццё бежанскага і канцылярскага аддзелаў, заснаванне школьнага аддзела) [33, л. 154].

У кастрычніку 1917 г. у Мінск паступае выкліканае цяжкім фінансавым станам дзяржавы ўказанне Галоўнага камітэта УЗС па скарачэнні сеткі ўстаноў саюза. Кіраўніцтва МГК імкнулася падыйсці да выканання пастаўленай задачы максімальна прадумана, выключаючы механічнае скарачэнне лячэбных установ. Апошнія ліквідаваліся толькі тады, калі на адпаведнай тэрыторыі прысутнічалі медыцынскія арганізацыі мясцовага самакіравання. Калі ж установа УЗС функцыянальна дапаўняла сетку цывільнага медзабеспячэння, то яе імкнуліся захаваць, скарачаючы пры гэтым іх штаты да ўзроўню рэгулярнага шпіталя ці ўрачэбнага пункта [40, л. 95 адв.]. Акрамя таго, МГК прадугледзеў дастаткова мяккія ўмовы для супрацоўнікаў: звальняемым за скарачэннем штатаў альбо з-за ліквідацыі ўстаноў, без месячнага папярэджання павінна было выдавацца ўтрыманне за месяц наперад і, звыш таго, пазаштатнае ўзнагароджванне [36, л. 16].

Да пачатку 1918 г. фінансавае і рэчавае забеспячэнне МГК з вызначаных крыніц фактычна спынілася. Хаця каштарысы ўправай камітэта прадстаўляліся своечасова, сродкі па іх не паступалі з другой паловы 1917 г. Па стане на 1 студзеня 1918 г. камітэт недаатрымаў каля 3,2 млн руб. Катастрафічны недахоп сродкаў вёў да таго, што бежанцы ўжо з ліпеня 1917 г. не атрымлівалі датацый на жыллё і вопратку. Выдача пайкоў працягвалася да 1 кастрычніка [40, л. 53], але выключна таму, што мясцовыя пастаўшчыкі пагаджаліся выдзяляць харчы ў крэдыт. Не хапала грошай і на выплаты супрацоўнікам. Так, звальняемым у сувязі з ліквідацыяй устаноў работнікам палова кампенсацыі выдавалася ў форме даўгавых распісак. Тым жа, хто захаваў працу, з лістапада (некаторым супрацоўнікам — ужо з кастрычніка) 1917 г. заробак не плаціўся [40, л. 95 адв.].

У канцы снежня 1917 г. СНК Савецкай Расіі прымае дэкрэт «Аб рэарганізацыі Усерасійскага земскага саюза дапамогі хворым і параненым воінам», які абвяшчаў усе прадпрыемствы і ўстановы УЗС «уласнасцю Расійскай Рэспублікі». Дакумент цалкам мяняў склад ГК і даручаў апошняму «распрацаваць пытанне аб ліквідацыі» саюза [46].

Спыненне дзейнасці МГК УЗС не было ні імгненным, ні нават хуткім. XI надзвычайны Мінскі губернскі земскі сход 12 студзеня 1918 г. прыняў рашэнне аб перадачы функцый МГК губернскай земскай управе і ўскладанні на членаў апошняй абавязкаў членаў губкама. Аднак фактычна справамі камітэта з членаў управы займаўся толькі Д. Л. Вашчынін [19, л. 1—1 адв.].

19 студзеня 1918 г. у МГК атрымліваюць заснаванае на «прапанове» Прыёмачна-ліквідацыйнай камісіі грамадскіх арганізацый Заходняга фронту прадпісанне неадкладна распрацаваць план ліквідацыі ўстаноў камітэта.

Апынуўшыся ў надзвычай складаным становішчы, не маючы фактычна ніякіх сродкаў (23 студзеня засталося толькі крыху больш за 8 тыс. руб.) не толькі на аплату рахункаў падведамных устаноў, забеспячэнне бежанцаў, але і нават на заробкі членам управы, кіраўніцтва МГК, тым не менш, не прыпыняла дзейнасці, нават маючы на руках указанне аб ліквідацыі. Усведамляючы сваю

адказнасць за давераную справу, у першую чаргу — за папярэджанне эпідэмій і медыцынскае абслугоўванне, камітэт звяртаецца з просьбай аб фінансавай падтрымцы да СНК Заходняй вобласці і фронту. На падтрыманне медыцынскіх устаноў і выдачу харчпайкоў бежанцам запытвалася 1,5 млн руб. [40, л. 96].

На пасяджэнні ўправы МГК УЗС 30 студзеня 1918 г. было прынята рашэнне аб парадку перадачы ўстаноў камітэту. Так, майстэрні (за выключэннем пераплётнай, якая перадавалася бежанскаму выканкаму, і шавецкай, якая ліквідавалася), гаражы і лячэбныя ўстановы падлягалі перадачы ў Дээвакуацыйны камітэт, аптэчны склад — Рэчыцкаму земству ў вяртанне пазыкі, а харчовыя пункты, прытулкі і рэчавы склад— у Бежанскі выканаўчы камітэт Мінскага губернскага Савета сялянскіх дэпутатаў [41, л. 1; 39, л. 37]. Склад, дарэчы, нават праз месяц пасля рашэння аб яго перадачы быў далёка не пусты — там было тавараў на 65746 руб. (верагодна не паспелі распрадаць усе кашулі і кальсоны, бо іх засталося на 46,5 тыс. руб.) — не так мала ў параўнанні з 8 тыс. руб. у касе [42, л. 145].

Цікава, што ўжо 8 лютага 1918 г. земская ўправа цалкам перагледзела папярэдняе рашэнне МГК: усю маёмасць УЗС на тэрыторыі Мінскай губерні прыняць ва ўласнасць земства, а распачатую яе перадачу бежанскім арганізацыям прыпыніць. Пры гэтым прымаць якія-небудзь абавязацельствы ў дачыненні да служачых земсаюза ўправа не стала [19, л. 13 адв.].

Ліквідацыя аднаго з асноўных аддзелаў — бежанскага — прадугледжвалася з 1 сакавіка 1918 г., але нават на пачатку сакавіка то ў перапісцы пазначалася, што «адбываецца ліквідацыя ўстаноў Мінскага губернскага камітэта» [45, л. 25, 31], то губкам узгадваўся як «аддзел губернскай земскай управы па аказанні дапамогі насельніцтву» [19, л. 22 адв.]. Пазней (красавік—чэрвень 1918 г.) у складзе земскай управы функцыянуе аддзел (калегія) па ліквідацыі ўстаноў і маёмасцей УЗС [20, л. 40 адв.]. Цяжка дакладна вызначыць, калі была завершана ліквідацыя МГК: 20 мая 1918 г. земская ўправа стварыла кантрольна-рэвізійную камісію па справах, звязаных з ліквідацыяй устаноў і маёмасці УЗС [20, л. 42], аднак 24 жніўня 1918 г., разглядаючы пытанне «аб скарачэнні штата служачых ГК УЗС», тая ж управа зацвердзіла штат МГК у колькасці шасці чалавек [21, л. 114]. Але і гэта быў яшчэ не канец: 5 лістапада 1918 г. управа, адзначаючы «крытычны фінансавы стан», пайшла на яшчэ больш жорсткія меры і скараціла колькасць занятых справамі «былога МГК» супрацоўнікаў да чатырох і «перасяліла» яго з Архіерэйскага дома ў памяшканне ўправы. Заведванне справамі былога губкама было ўскладзена на «калегію па ліквідацыі б. Кам. ЗФ. УЗС» [22, л. 53—53 адв.].

Падагульняючы, варта адзначыць, што калі ніжнюю храналагічную мяжу дзейнасці МГК вызначыць нескладана — ён быў створаны ў жніўні 1914 г. па рашэнні Мінскага губернскага земскага сходу, то адказаць на пытанне, калі МГК спыніў існаванне не так проста. Можна сцвярджаць толькі, што актыўнасць губкама запаволілася з восені 1917 г., а расфарміраванне

ўстаноў было завершана не раней жніўня 1918 г. У юрыдычных адносінах ліквідацыя МГК завершана не была.

Сетка ўстаноў МГК не адрознівалася ўстойлівасцю. Калі на самым пачатку вайны было ўсяго шэсць устаноў, у пачатку 1916 г. — крыху больш за 30, восенню 1916 г. каля 90, а ў разгар зімы 1917 г. — не менш 65 з агульным штатам персаналу ў 1,2 тыс. чалавек. На служачых МГК была распаўсюджана сістэма сацыяльных гарантый, асабліва заўважная для ваеннага часу.

Прыфрантавое палажэнне Мінскай губерні ў значнай ступені абумовіла характэрныя напрамкі дзейнасці губкама, значэнне «дапамогі хворым і параненым воінам» у якой даволі хутка аслабла, а сам камітэт засяродзіўся на бежанскай справе, супрацьэпідэміялагічных мерапрыемствах і задавальненні разнастайных патрэб арміі. Да ліку асаблівасцей у дзейнасці МГК неабходна аднесці і заўважную неадмежаванасць яго кампетэнцыі ад кампетэнцыі іншых дзяржаўных і грамадскіх устаноў, хіба не ў першую чаргу, ад іншай структуры УЗС — Камітэта Заходняга фронту. Важным з'яўляецца і тое, што калі дзейнасць цэнтральных органаў земсаюза ў нямалай ступені звязваюць з удзелам у палітычнай барацьбе, то на ўзроўні губернскім такая скіраванасць не прасочваецца — у дзеячаў МГК на «высвятленне адносін» з дзяржаўнай адміністрацыяй проста не было часу.

Хаця прававое палажэнне МГК (як і ўсяго УЗС) працяглы час было даволі няпэўным, паводле паходжання і формы гэта была арганізацыя грамадская, паўстаўшая на падмурку земскага самакіравання. Паводле фактычнага характару ж дзейнасці, парадку і формах арганізацыі і ўнутранай рэгламентаванасці работы МГК выявіў сябе як у значнай ступені ўстанова дзяржаўная. У час, калі публічная адміністрацыя выявіла сваю няздольнасць выконваць важнейшыя дзяржаўныя задачы, менавіта ініцыятыва дзеячаў самакіравання і простых людзей (падтрыманая, праўда, дзяржаўным рублём) забяспечыла для арміі і насельніцтва пэўную «амартызацыю» цяжару вайны.

Як трапна адзначаў у верасні 1916 г. журналіст «New York Times», «расійскае грамадства праз свае сацыяльныя арганізацыі робіць тую ж працу, што і ўрады Англіі ці Францыі. Што яшчэ больш экстраардынарна, гэта тое, што недасведчаная маладая расійская дэмакратыя дасягнула столькі ж, калі не болей, чым высокацывілізаваныя і дасведчаныя французскі і англійскі ўрады» [60].

Крыніцы і літаратура

1. Ассигнования губернских и уездных земств на нужды, вызванные войной / Ред. «Известий глав. ком. Всерос. земского союза». — М., 1916. — V. 63. 215 с.
2. Баженова, К. Е. Деятельность организаций Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов на Среднем Урале в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / К. Е. Баженова; ГОУ Нижнетагильская гос. соц.-пед. акад. — Нижний Тагил, 2010.
3. Василенко, В. В. Изучение деятельности Всероссийского земского и городского союзов в российской и белорусской исторической науке / В. В. Василенко // Рома-

новские чтения — 7: сб. статей Междунар. науч. конф. / под общ. ред. А. А. Воробьева. — Могилев: УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2011. — С. 58—59.
4. Василенко, В. В. Организация и деятельность Могилевского губернского комитета Всероссийского земского союза (август 1914 — декабрь 1916 г.) / В. В. Василенко // Веснік Магілёўскага дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. Сер. А. Гуманітарныя навукі. — 2013. — № 1. — С. 26—32.
5. Ведомость № 6 расходов по содержанию учреждений Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам (на срок до 1-го июня 1916 года) / Главный комитет Всероссийского земского союза. — М.: тип. т-ва Рябушинских, 1916. — 119 стр. 4 л. прилож.
6. Вестник Комитета Западного фронта Всероссийского земского союза: отдел службы связи / ред.: И. В. Ильинский. — Минск, 1916—1917.
7. Всероссийский земский союз. Личный состав учреждений Всероссийского земского союза / Всероссийский земский союз. — М., 1915—1916.
8. Дякин, В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917) / В. С. Дякин. — Л.: Наука, 1967. — 363 с.
9. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России: [Научно-педагогические труды]. 5-е изд., доп. / Н. П. Ерошкин; под ред. А. Е. Иванова, А. Д. Степанского. — М.: РГГУ, 2008. — 710 с.
10. Игнатенко, И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии / И. М. Игнатенко. — М.: Наука и техника, 1986. — 344 с.
11. Известия Главного комитета / редкол.: Г. Е. Львов (гл. ред) [и др.]. — М.: Главный комитет Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам, 1914—1917. — №№ 1—60.
12. Загряцков, М. Д. Всероссийский земский союз (Общие принципы организации и юридическая природа) / М. Д. Загряцков. — Пг., 1915. — 29 с.
13. Краткий обзор деятельности Всероссийскаго земскаго союза на Западном фронте, 1915—1917 гг. / Ком. Западнаго фронта Всероссийскаго земскаго союза. — М: [б. и.], 1918.— 228 с.
14. Лаверычев, В. Я. По ту сторону баррикад: Из истории борьбы московской буржуазии с революцией / В. Я. Лаверычев. — М.: Мысль, 1976. — 288 с.
15. Лапановіч, С. Ф. Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанні дапамогі бежанцам у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914 — кастрычнік 1917 г.) / С. Ф. Лапановіч; М-ва ўнутр. спраў Рэс. Беларусь; установа адукацыі «Акадэмія М-ва ўнутр. спраў Рэс. Беларусь». — Мінск: Акад. МУС, 2010. — 127 с.
16. Минская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1793—1917) / сост. Т. Е. Леонтьева. — Минск: БелНИИДАД, 2006. — 392 с.
17. НГАБ. — Ф. 325. — Воп. 1. — Спр. 710. Материалы IV чрезвычайного минского земского собрания (доклады уездных земских собраний, положение о губернском земском союзе, списки лиц, прибывших на заседание).
18. Там жа. — Спр. 943. Журнал VIII чрезвычайного минского губернского земского собрания. Заседание 28.09.1916.
19. Там жа. — Спр. 1088. Журналы заседаний Минской губернской земской управы за январь—март 1918 г.
20. Там жа. — Спр. 1089. Журналы заседаний Минской губернской земской управы за апрель—июнь 1918 г.

21. Там жа. — Спр. 1090. Журналы заседаний Минской губернской земской управы 12.07.1918—31.08.1918.
22. Там жа. — Спр. 1091. Журналы заседаний Минской губернской земской управы за октябрь—декабрь месяцы 1918 г.
23. Там жа. — Спр. 1330. Личное дело Бориса Николаевича Самойленко.
24. Там жа — Ф. 700. — Воп. 3. — Спр. 8. Протоколы заседания от 15 октября 1915 г.
25. Там жа. — Воп. 2. — Спр. 2. Постановления Временного правительства, циркуляры Всероссийского земского союза о создании комитета и протоколы заседания комитета.
26. Там жа. — Воп. 1. — Спр. 4. Переписка с центральным вещевым складом Минского губернского комитета ВЗС по вопросам материальных заготовок.
27. Там жа. — Спр. 7. Переписка по личному составу.
28. Там жа. — Спр. 8. Списки служащих солдат, прикомандированных в Минский Губернский комитет ВЗС.
29. Там жа. — Спр. 28. Циркуляры Главного комитета ВЗС. Сведения о приютах, находящихся в ведении губернского комитета ВЗС.
30. Там жа. — Спр. 41. Переписка с Главным комитетом, врачебно-питательными пунктами и др. Об оказании медицинской и продовольственной помощи беженцам. Списки лечебных учреждений ВЗС.
31. Там жа. — Спр. 42. Список учреждений Минского Губернского Земского Комитета ВЗС, содержащихся на средства, отпущенные на помощь беженцам с целью охранить армию от заноса в нее заразных заболеваний.
32. Там жа. — Спр. 130. Циркуляры Минского губернского комитета ВЗС и контрольного отдела о ведении отчетности, взимании гербового сбора и др. Приказы по Минскому военному округу.
33. Там жа. — Спр. 137. Приказы по военному ведомству, переписка и списки личного состава.
34. Там жа. — Спр. 138. Циркуляры и выписки из протоколов заседаний Управы комитета о личном составе.
35. Там жа. — Спр. 159. Протоколы заседаний управы и общих собраний служащих губернского комитета.
36. Там жа. — Спр. 164. Выписки из журналов заседаний управы комитета.
37. Там жа. — Спр. 166. Отчет о деятельности Минского губернского комитета за I-е полугодие 1916 г. Сведения о населенных пунктах Минской губернии для оказания медицинской помощи, об обследовании населенных пунктов, о движении заразных болезней и др.
38. Там жа. — Спр. 219. Эпидемический отряд в м. Ленин Мозырьского уезда.
39. Там жа. — Спр. 226. Постановления управы МГК ВЗС.
40. Там жа. — Спр. 242. Докладная записка губернского комитета ВЗС о работе за период 1914—1918 гг. Переписка с Минским губернским беженским исполнительным комитетом о снабжении беженцев продпайком.
41. Там жа. — Спр. 359. Выписка из журнала заседания Управы о порядке передачи учреждений.
42. Там жа. — Спр. 360. Выписка из журнала заседаний Управы комитета. Список санитаров Центрального вещевого склада.
43. Там жа. — Спр. 364. Сведения об учреждениях, принятых от Североромощи.
44. Там жа. — Спр. 373. Список учреждений и обслуживающего персонала, находящихся в распоряжении Минского губернского комитета ВЗС.

45. Там жа. — Спр. 384. Протоколы общего собрания служащих, о выдаче им зарплаты. Списки личного состава губернского комитета ВЗС и переписка о закрытии некоторых учреждений комитета в связи с тяжелым финансовым положением.
46. О реорганизации Всероссийского земского союза помощи больным и раненым: Декрет Совета нар. комиссаров РСФСР, 29 дек. 1917 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. — 1917. — № 13. — Ст. 187.
47. Погребинский, А. П. К истории союзов земств и городов в годы империалистической войны / А. П. Погребинский // Исторические записки. — М., 1941. — № 12. — С. 39—60.
48. Полнер, Т. И. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова: Личность. Взгляды. Условия деятельности / Т. И. Полнер; [вступ. ст. Ю. А. Трубникова]. — М.: Русский путь, 2001. — 464 с.
49. Прокофьев, С. Дневник, 1907—1933 / Сергей Прокофьев. — Ч. 2: 1919—1933. — Париж: Sprkfv, 2002. — 890 с.
50. Савицкий, Э. М. Революционное движение в Белоруссии: август 1914 — февраль 1917 гг. / Э. М. Савицкий; научн. ред. К. И. Шабуня; Акад. наук Белорусской ССР, Ин-т истории. — Минск: Наука и техника, 1981. — 180 с.
51. Слобожанин, В. П. Земское самоуправление в Белоруссии / В. П. Слобожанин. — Минск: ИООО Право и экономика, 2003. — 168 с.
52. Список госпиталей, состоящих на учете Всероссийского Земского Союза: (на 1 июня 1915 г.). — М.: Всерос. Земск. Союз. Отдел эвакуации. — 2-е изд. — 1915. — 421 с.
53. Солодков, Т. Е. Борьба трудящихся Белоруссии против царизма (1907—1917 гг.) / Т. Е. Солодков. — Минск: Наука и техника, 1967. — 376 с.
54. Старцев, В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1907 гг.: Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия» / В. И. Старцев — Л.: Наука, 1977. — 272 с.
55. Стенографические отчеты. Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. 4 созыв. Сессия 4. — 1916. — № 111.
56. Судавцов, Н. Д. Земское и городское самоуправление в годы Первой мировой войны / Н. Д. Судавцов. — Ставрополь: Изд-во СГИ, 2001. — 718 с.
57. Туманова, А. С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.) / А. С. Туманова. — М., 2014. — 327 с.
58. Шевырин, В. М. Земский и городской союзы (1914—1917): Аналит. обзор / В. М. Шевырин. — М.: ИНИОН РАН, 2000. — 63 с.
59. Юрий, М. Ф. Буржуазные общественные организации в период первой мировой войны 1914—1918 гг. (Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов, Земгор, Центральный военно-промышленный комитет) [[Микроформа]]: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02. — Черновцы, 1990. — 554 с.
60. Levine Don, I. How the Russian armies are supplied. / Isaac Don Levine // New York Times. — 1916. — 23 Sept. — P. 6.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 07.09.2015

Д. Ч. Матвейчык,
загадчык аддзела публікацыі дакументаў
Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі,
кандыдат гістарычных навук;
e-mail: niab@niab.by

МАНАГРАФІЯ УСЕВАЛАДА ІГНАТОЎСКАГА «1863 ГОД НА БЕЛАРУСІ: НАРЫС ПАДЗЕЙ»: СПРОБА КРЫТЫЧНАГА АНАЛІЗУ

Паўстанне 1863—1864 гг. з'яўляецца адной з самых вядомых, але разам з тым і неадназначных падзей у гісторыі Беларусі XIX ст. У сувязі з гэтым яно шматразова станавілася аб'ектам увагі з боку беларускіх даследчыкаў. Бібліяграфія іх прац на сённяшні дзень налічвае сотні пазіцый. Праца Усевалада Ігнатоўскага займае сярод іх асобнае месца, бо з'яўляецца адзінай выдадзенай да гэтага часу беларускамоўнай манаграфіяй комплекснага характару. З гэтай прычыны яна ўжо не раз трапляла ў поле ўвагі беларускіх гісторыкаў. У 1985 г. у працы Уладзіміра Міхнюка пра беларускую міжваенную гістарыяграфію кніга Ігнатоўскага згадваецца, але без глыбокага аналізу і крытыкуецца з пазіцый марксісцкай метадалогіі за недасканаласць [12, с. 220—221]. У 1991 г. у навукова-папулярным нарысе Іларыёна Ігнаценкі і Аляксея Караля на некалькіх старонках змешчаны пераказ яе асноўнага зместу, які пачынаецца са слоў *«У навуковых адносінах найбольш цікавая праца Ігнатоўскага «1863 год на Беларусі»*, а заканчваецца фразай *«Работа «1863 год на Беларусі» захавала сваю актуальнасць і сёння»* [8, с. 63—67]. Амаль такая ж рыторыка ў адносінах да кнігі змешчана і ў навукова-папулярным нарысе Пятра Брыгадзіна і Ірыны Мацяс, які выйшаў у 1998 г., дзе манаграфія ацэньваецца як *«апошняя і найбольш значная праца У. М. Ігнатоўскага»* і *«грунтоўны твор»* [3, с. 66—69]. Аднак невядома ніводнай спробы крытычнага разбору манаграфіі і змешчаных у ёй звестак.

150-гадовы юбілей паўстання шырока адзначаўся ў колах беларускіх гісторыкаў. Былі праведзены канферэнцыі і выдадзена некалькі зборнікаў артыкулаў на адпаведную тэму. Навукоўцы ўсё часцей звяртаюцца да працы Ігнатоўскага ў пошуку матэрыялаў для вырашэння самых разнастайных навуковых праблем. Аднак часта некрытычнае ўспрыняцце гэтай працы вядзе да тыражавання зробленых у ёй памылак. З іншага боку, у некаторых сучасных даследаваннях на манаграфію не спасылаюцца ўвогуле, верагодна, з прычыны яе няведання некаторымі аўтарамі. Адпаведна наспела патрэба аналізу працы з пункту гледжання дасягненняў айчыннай і замежнай гістарыяграфіі на сённяшні дзень.

У 1920—30-я гады беларуская гістарыяграфія перажывала перыяд бурнага развіцця. Стварэнне навуковых і навучальных устаноў — Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Інстытута беларускай культуры, Інстытута гісторыі Акадэміі навук БССР і іншых — выклікала актывізацыю гістарычных даследаванняў у самых розных накірунках. Адным з аб'ектаў увагі навукоўцаў ста-

ла паўстанне 1863—1864 гг., чаму спрыяла яшчэ і храналагічная блізкасць — на той час былі жывыя нават некаторыя ўдзельнікі паўстання.

Манаграфія, якая выйшла ў свет у 1930 г. [6], у цэлым абагульняла назапашаныя да таго часу веды беларускіх гісторыкаў пра паўстанне. Вялікая частка адпаведных артыкулаў друкавалася на працягу 1920-х гг. на старонках часопіса «Полымя». Іх аўтарамі з'яўляліся Даніла Васілеўскі, Ян Віткоўскі, Уладзімір Пічэта, Міхась Мялешка, Іван Цьвікевіч і ўласна сам Ігнатоўскі. У гэты ж час паўстанне трапіла ў сферу даследаванняў Самуіла Агурскага, Фёдара Турука і шматлікіх іншых навукоўцаў (больш падрабязна пра гістарыяграфію паўстання ў міжваенны перыяд [гл.: 12; 17, с. 10—14]). Аднак манаграфія Ігнатоўскага моцна вылучаецца з усіх астатніх сваім аб'ёмам, глыбінёй, шырынёй прадметнага поля і колам ужытых крыніц. Ніжэй не будзе падавацца гісторыя яе з'яўлення, бо гэтая тэма заслугоўвае асобнага артыкула. Таксама не будуць закранацца падрабязнасці багатай біяграфіі Ігнатоўскага [гл.: 1; 2], што варта грунтоўнага і аб'ёмнага даследавання. Увага ж будзе засяроджана ўласна на самой манаграфіі.

Перад тым, як звярнуцца да крытычнага аналізу, варта зрабіць адну вельмі важную агаворку. Указваючы на ўсе памылкі ў манаграфіі, што будзе зроблена ніжэй, нельга не сказаць, што сам Ігнатоўскі іх прадбачыў. Перадапошні абзац у «Прадмове» прама ўказвае на гэта — *«Праца закранае пытаньне зусім мала вывучанае. Зразумела, у ёй павінна быць ня мала недахопаў. Тым ня менш друкаваць працу я лічу патрэбным, дзякуючы неабходнасьці вывучэньня такой важнай эпохі ў гісторыі Беларусі, як 60-я гады. Крытыка дасьць магчымасьць направіць недахопы і рушыць справу наперад»** [6, с. 22]. Яшчэ больш актуальнымі гэтыя словы робіць той факт, што ў апошні час цікавасць да працы Ігнатоўскага ўзрастае, сведчаннем чаго з'яўляецца яе перавыданне ў 2015 г. [7].

Праца мае дастаткова значны аб'ём — 275 старонак — і падзелена на 32 раздзелы. Раздзелы маюць невялікі аб'ём — ад 5 да 21 старонкі кожны. Прынцып падачы матэрыялу — тэматычна-храналагічны. Манаграфічныя даследаванні наступнікаў Ігнатоўскага будуць у цэлым мець адрозную структуру, аднак усе яны часткова яго паўтараюць у большай ці меншай ступені.

Ігнатоўскі абірае для сябе шырокае поле даследавання. Аповед пра ўласна паўстанне пачынаецца толькі з сотай старонкі. Уся папярэдняя частка прысвечана агляду палітычнай і эканамічнай сітуацыі напярэдадні выступлення, пачынаючы з 1856 г., і пошуку адказу на пытанне пра яго перадумовы і прычыны. Напрыклад, раздзел ««Лібэральныя» павевы 50-х гадоў» падрабязна распавядае пра адносную лібералізацыю палітычнага ладу ў Расійскай імперыі пасля паражэння ў Крымскай вайне, смерці імператара Мікалая I і прыходу да ўлады Аляксандра II. Хаця з іншага боку варта адзначыць, што падзеі, пра якія гавопыцца ў манаграфіі, заканчваюцца канцом 1864 г. — часам заканчэння ўласна

* Тут і ніжэй у назвах і цытатах з манаграфіі захавана арфаграфія арыгінала.

паўстання ў Каралеўстве Польскім, і Ігнатоўскі не спрабуе вызначыць доўгатэрміновыя наступствы выступлення. Колькасць пацярпелых у выніку рэпрэсій пасля паўстання ацэньваецца выключна на падставе звестак афіцыйнай расійскай статыстыкі, з прызнаннем, аднак, з аднаго боку, іх недасканаласці, а з другога — немагчымасці падаць якія-небудзь іншыя лічбы.

Ігнатоўскі ў прадмове да працы асобна спыняецца на тым, што паўстанне на тэрыторыі Беларусі павінна быць паказана на фоне маштабных падзей у Польшчы і Расіі, *«што і было зроблена ў самых кароткіх рысах»* [6, с. 22], аднак адпаведнага глыбокага даследавання ён не праводзіць і не ставіць сабе такую мэту. Звесткі пра падзеі ў Польшчы і Расіі ў сваёй пераважнай большасці запазычаны Ігнатоўскім з прац папярэднікаў — польскіх і расійскіх гісторыкаў: Валерыя Пшыбароўскага, Паўла Бранцава, Агатона Гілера, Баляслава Ліманоўскага, Аляксея Сідарава і інш.

Абіраючы для сябе геаграфічным абшарам даследавання Беларусь, Ігнатоўскі не спыняецца выключна на Беларусі савецкай — БССР, у склад якой уваходзілі ўсходнія і часткова цэнтральныя часткі сённяшняй Рэспублікі Беларусь. Яго даследаванне распаўсюджваецца таксама і на Беларусь Заходнюю, якая на той час уваходзіла ў склад Польшчы.

Кідаецца ў вочы моцная палітычная ідэалагізаванасць манаграфіі, якая напісана ў межах выключна марксісцкай метадалогіі і савецкай ідэалогіі таго часу. Яна пачынаецца з традыцыйных для савецкіх навуковых прац цытат і спасылак на творы «класікаў марксізму-ленінізму» Маркса, Энгельса і Леніна, а 10 старонак тэксту ў прадмове ўвогуле прысвечаны агляду іх ацэнак і поглядаў на паўстанне [6, с. 11—20]. Заканчваецца кніга крытыкай *«польскай прамысловай і зямельнай буржуазіі»*, якая *«як у Польшчы, так і на Беларусі, Літве і Украіне зьяўляецца вернаю хаўрусьніцаю расійскага царызму»* і якая *«падтрымлівала расійскі царызм і пасьля яго сьмерці ў асобах Дзянікіна, Урангеля, Калчака і іншых. Яна падтрымлівае яго і сягодня ў асобе эміграцкіх, белагвардзейскіх асколкаў, якія знаходзяць цёплы прытулак як у Польшчы, так і наогул у «дэмократычнай» Заходняй Эўропе»* [6, с. 263].

Палітызаванасць працы праяўляецца таксама ў ацэнцы Ігнатоўскім ролі розных саслоўяў у паўстанні, якая праводзіцца ў катэгорыях рэвалюцыйнасці/контррэвалюцыйнасці. Напрыклад, аднабакова крытыкуецца пазіцыя прывілеяванага саслоўя, асабліва буйных землеўласнікаў (лагер «белых»), якія, на яго думку, *«адразу пачалі граць у паўстаньні контр-рэволюцыйную ролю»* [6, с. 262]. Пры гэтым дваранства (у некарэктнай тэрміналогіі Ігнатоўскага — шляхта) з найбольш радыкальнага лагера ацэньваецца не менш крытычна: *«Чырвоныя па сваёй дробнабуржуазнай сутнасьці пайшлі на згоду з контр-рэвалюцыяй, і дзякуючы гэтаму аграрная рэволюцыя правалілася»* [6, с. 262]. Пры гэтым на працягу ўсяго твора ўсялякім чынам выстаўляецца наперад, фактычна «выпячваецца» сялянскае (аграрнае) пытанне. І менаві-

та адносіны сялянства да той ці іншай падзеі ці да паўстання ў цэлым акрэсліваюцца ў першую чаргу.

Для кнігі характэрны негатыўныя адносіны да ўсяго рэлігійнага, што таксама ўласціва савецкай барацьбе з «опіумам для народу». У шматлікіх выпадках Ігнатоўскі ўжывае разнастайныя словазлучэнні, выразы і іншыя формы тэксту, якія на сённяшні дзень варта акрэсліць як публіцыстычныя. Напрыклад, апісваючы дзейнасць аднаго з самых выбітных удзельнікаў паўстання ў Ковенскай губерні — ксяндза Антонія Мацкевіча (Антанаса Мацкявічуса), — Ігнатоўскі піша: *«Дробна-буржуазны рэволюцыянер, нават робячы рэволюцыю, атручвае масы імем бога ці цара, лічачы, што гэта дапамагае рэволюцыі»* [6, с. 144]. Рэлігію ж у цэлым Ігнатоўскі прама называе *«дурманом»* [6, с. 143—144].

Асобна варта звярнуць увагу на тэрміналогію ў манаграфіі, дзе падача матэрыялу ва ўсім тэксце вядзецца марксісцкімі катэгорыямі: рэвалюцыйнасць/контррэвалюцыйнасць, класавасць, буржуазнасць, феадалізм і г. д.

Неабходна адзначыць яшчэ адну значную хібу ў манаграфіі, якая моцна паўплывала на яе якасць. Нягледзячы на шырокае поле даследавання, кола выкарыстаных крыніц і літаратуры вузкае. У адпаведным раздзеле «Выкарыстаныя матар'ялы» іх змешчана толькі 171. Большая частка змешчаных у спісе пазіцый — гэта апублікаваныя рускамоўныя крыніцы, даследаванні і публіцыстычныя артыкулы. Іх ледзь разбаўляюць польскамоўныя пазіцыі, якіх крыху больш за 30, пераважна навуковыя працы, мемуарныя і гісторыкамемуарныя творы і невялікая колькасць беларускамоўных артыкулаў і кніг — каля 15. Пры гэтым ступень выкарыстання архіўных матэрыялаў нізкая. Адзіныя, што ўжываюцца ў манаграфіі, гэта копіі матэрыялаў III аддзялення Уласнай Яго Імператарскай Вялікасці канцылярыі, зробленыя Янам Віткоўскім і перададзеныя на захаванне ў архіў Акадэміі навук. У спісе яны прадстаўлены 8 пазіцыямі (№ 34—41). Іншыя матэрыялы проста адсутнічаюць. Пра прычыны гэтай адсутнасці магчыма выказаць меркаванне, што ў той час Магілёўскі і Мінскі гістарычныя архівы, якія захоўвалі матэрыялы па гісторыі Беларусі XIX ст., знаходзіліся ў стадыях сваёй арганізацыі ці рэарганізацыі і былі цалкам не распрацаваны.

Аднак і колькасць апублікаваных на 1930 г. крыніц, пераважна мемуараў, з'яўляецца значна большай за ўжытую ў манаграфіі. Пры чым іх публікацыя была здзейснена яшчэ ў часы Расійскай імперыі. Напрыклад, польскамоўныя ўспаміны Эдварда Паўловіча [23] і Вандаліна Чэрніка [20] пра паўстанне ў Навагрудскім павеце, цэлы пласт мемуарных крыніц пра падзеі ля Дынабурга [11], гісторыка-мемуарныя нарысы Валерыяна Валодзькі (псеўданім — Вацлаў Кошчыц) пра падзеі ў Мінскай губерні [22] і Ігната Арамовіча — у Гродзенскай [18], а таксама шматлікія іншыя не ўжытыя, а іх аўтары нават не згадваюцца ў іменным паказальніку. І гэта пры тым, што яшчэ ў 1923 г. у Варшаве Янам Гансяроўскім была выдадзена бібліяграфія прац і апублікаваных крыніц па гісторыі паўстання [19], і яна ж згадана ў спісе выка-

рыстаных крыніц (пазіцыя № 8). І калі наконт невыкарыстання польскамоўных мемуараў, якія ў значнай ступені выдаваліся па-за межамі Расійскай імперыі (але не ўсе) — у Львове, Кракаве, Парыжы і г. д., — яшчэ можна выказаць меркаванне, хоць і з вялізнай верагоднасцю дапушчэння недакладнасці, што яны маглі проста не дасягнуць мінскіх бібліятэк, то неўжыванне рускамоўных твораў Рамана Рагінскага [15], Якава Буткоўскага [4], Уладзіміра Краснянскага [9], Мікалая Палявога [14] і дзясяткаў іншых, што выходзілі ў шырокараспаўсюджаных у імперыі часопісах «Русская старина», «Исторический вестник» і да т. п., публікацый у часопісе «Вестник Юго-Западной і Западной России», «епархіяльных ведамасцях» усіх губерняў і інш. можна растлумачыць толькі недастатковай прапрацоўкай Ігнатоўскім і папярэднімі гісторыкамі адпаведнай літаратуры. У выніку вялікая частка масіву апублікаваных крыніц так і не была ўведзена ў навуковы ўжытак у міжваенны перыяд.

Вузкасць кола выкарыстаных крыніц і літаратуры мела важныя негатыўныя наступствы. У манаграфіі дапушчана вялікая колькасць фактычных памылак, а шматлікія падзеі засталіся самому даследчыку проста невядомымі. Увогуле, фактычная паўстання застаецца адным з найбольш слабых месцаў кнігі. Варта прывесці некаторыя прыклады памылак і пропускаў, зробленых Ігнатоўскім. Пры апісанні ваенных дзеянняў на Міншчыне ўвесну 1863 г., колькасць паўстанцаў у Слуцкім павеце акрэсліваецца лічбай *«каля 500 чалавек»* [6, с. 154], што перабольшана прыкладна ў 5—10 разоў у параўнанні з тым, што называецца ў дакументальных і мемуарных крыніцах [10]. У якасці колькасці атрада Людвіка Звяждоўскага на момант яго роспуску называецца лічба *«не больш як 30 чалавек»* [6, с. 141], у той час, калі ў дакументальных матэрыялах маецца дакладная лічба ў 144 чалавекі [13, с. 339]. Пра Рамуальда Траўгута пішуцца проста неверагодныя рэчы: *«14 і 15 мая адбываліся зацятыя бойкі з аддзелам Траўгута каля карчмы Міхаліны Віленскага павету. Аддзел Траўгута перакінуўся сюды з Горадзеншчыны»* [6, с. 152]. Хаця атрад Рамульда Траўгута ніколі не дзейнічаў ажно настолькі далёка на поўнач, а яго перакіданне з Кобрынскага, Слонімскага ці Пінскага паветаў у Віленскі было проста немагчымым, улічваючы баявую абстаноўку ў рэгіёне. У гэтыя дні Траўгут дзейнічаў у Кобрынскім павеце і 14(26) траўня быў разбіты атрадам пад камандаваннем генерала Артура Эггера [16, с. 235—238]. Апісанню баявых дзеянняў, што вяліся на тэрыторыі ўсёй Беларусі (за выключэннем Магілёўскай губерні) увесну 1863 г. — у самы актыўны ў гэтым плане перыяд, прысвечана ў манаграфіі ўсяго каля васьмі з паловай старонак тэксту — «Дзейнасць іншых паўстанцкіх груп на Беларусі вясною 1863 году» [6, с. 151—160]. Аднак і гэты невялікі раздзел напісаны сумбурна. У ім згадваецца толькі пра асобныя эпізоды, асобы, мясцовасці, а на падставе пададзеных звестак немагчыма скласці нават агульную карціну падзей. Прычым, увесь яго тэкст перасыпаны фактычнымі памылкамі.

Пры апісанні паўстання ў Магілёўскай губерні (раздзел «Падзеі на Магілёўшчыне») [6, с. 136—142] Ігнатоўскі канцэнтруе сваю ўвагу толькі на атрадзе Людвіка Звяждоўскага. Падзеі ў іншых паветах, дзейнасць іншых паўстанцкіх атрадаў і іх камандзіраў засталіся недаследаванымі. Толькі асобныя з іх згаданы ўсяго ў некалькіх радках тэксту і ў іншым раздзеле [6, с. 159].

Неабходна звярнуць увагу на некаторыя хібы ў структуры манаграфіі, а менавіта на храналагічную і сэнсавую непаслядоўнасць у размяшчэнні асобных раздзелаў. Так, спачатку падаецца матэрыял пра падзеі ў Дынабургскім павеце (раздзел «Выбух паўстаньня каля Дзьвінску (Дынабургу)») [6, с. 130—136] і на Магілёўшчыне (гл. вышэй) у канцы красавіка 1863 г., а ўжо затым — пра дзейнасць Зыгмунта Серакоўскага, які распачаў баявое выступленне свайго злучэння ў Ковенскай губерні на некалькі тыдняў раней (раздзел «А. Мацкевіч і кампанія З. Серакоўскага-Далэнгі») [6, с. 142—151). Прычынай гэтага з'яўляецца, найболып верагодна, яшчэ адна памылка Ігнатоўскага — у датаванні падзей. Ён карыстаўся як рускамоўнымі творамі, у якіх ужываўся юліянскі каляндар, так і польскамоўнымі, у якіх датаванне адбывалася паводле грыгарыянскага календара. Ігнатоўскі не робіць спробы пераводзіць даты аднаго календара ў другі, што ў некаторых выпадках вядзе да парушэння храналогіі.

Неабходна звярнуць увагу і на некаторыя спрэчныя пастулаты Ігнатоўскага. Напрыклад, прадмову і ўсю манаграфію ён пачынае са слоў: *«Паўстаньне 1863 году ў гістарычнай літаратуры звычайна носіць назву польскага паўстаньня. Такая назва павінна быць прызнана правільнаю»* [6, с. 1]. Аднак пры гэтым Ігнатоўскі не тлумачыць розніцу ў сэнсавым напаўненні тэрмінаў «паляк» («польскі») у сярэдзіне XIX ст. і ў другой чвэрці XX ст. Ды і аргументацыя на карысць такога сцвярджэння таксама выглядае неадназначна, бо яна цалкам ляжыць у палітычнай плоскасці (мэта паўстання — аднаўленне польскай дзяржавы, пашырэнне паўстання — на тэрыторыі *«Рэчы Паспалітай Польскай»*, цэнтр паўстання — Варшава), а не этнічнай (ці нацыянальнай).

Нягледзячы на ўсе недахопы, праца Ігнатоўскага выклікала цікавасць яго сучаснікаў. Тут варта больш падрабязна спыніцца часам на іх цалкам дыяметральна супрацьлеглых водгуках у адрас манаграфіі і яе аўтара. У 1931 г. у львоўскім часопісе «Гістарычны квартальнік» («Kwartalnik Historyczny») выйшла рэцэнзія на яе. Гісторык Зыгмунт Збаруцкі, хоць і з элементамі крытыкі, але ў цэлым станоўча ацэньваючы кнігу, піша пра Ігнатоўскага наступным чынам: *«**Камуністычная*** [выдзелена мной тут і ніжэй. — *Д. М.*] *пазіцыя аўтара дакладна бачная ў прадстаўленні прычын паражэння паўстання»* [8, s. 416—417]. З іншага боку, праз дзесяць гадоў пасля выхаду манаграфіі Інстытут гісторыі Акадэміі навук выпусціў у свет зборнік «Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі». У яго другім томе сёмы раздзел быў прысвечаны паўстанню 1863—1864 гг. Пра папярэдняе пакаленне яго даследчыкаў у томе пісалася: *«**Польскія агенты, беларускія нацыянал-фашысты**, імкнуліся паказаць, што нібы беларускі народ, у прыватнасці беларускае сялянства, паўстала сумесна з польскімі элементамі насельніцтва Беларусі супроць рускага ўрада і за паўстанцкі польскі ўрад. Такая пастаноўка пытання, як сведчаць публікуемыя тут новыя дакументы, з'яўляецца тэндэнцыйнай фальсіфікацыяй гістарычнай сапраўднасці»** [7, с. IX]. І гэтая апошняя характарыстыка сама па сабе з'яўляецца фальсіфікацыяй, бо нідзе ў манаграфіі Ігнатоўскага і ў працах яго калег няма сцвярджэнняў пра «сялянска-польскі» саюз падчас паўстання. Наадварот, у шматлікіх месцах Ігнатоўскі падкрэслівае (нават празмерна) той факт, што сялянства ў цэлым не падтрымала ідэю паўстання [6, с. 3—4, 18, 36, 111, 121 і інш.].

Лёс манаграфіі ўвогуле аказаўся складаным. Напрыклад, у кнізе наступніка Ігнатоўскага па пастаноўцы пытання і аўтара рускамоўнай манаграфіі «Паўстанне 1863 года ў Літве і Беларусі» беларускага гісторыка Анатоля Смірнова [16] яна, а таксама амаль увесь пласт беларускамоўнай гістарыяграфіі паўстання міжваеннага перыяду, нават не згадваецца. Хаця польскі даследчык Давід Файнгаўз, таксама слаба знаёмы з беларускай гістарыяграфіяй, кнігу Ігнатоўскага выкарыстоўвае [21].

Такім чынам, да змешчаных у манаграфіі факталагічных звестак неабходна ставіцца крытычна з прычыны дапушчэння вялікай колькасці памылак, што было вызначана вузкасцю ўжытых крыніц. Таксама неабходна з асцярожнасцю ставіцца да шматлікіх ацэначных меркаванняў і думак з прычыны выразнай ідэалагізаванасці працы і публіцыстычнага характару вялікай колькасці аўтарскіх пасажаў. Аднак з іншага боку, улічваючы ўзровень развіцця айчыннай гістарыяграфіі ў міжваенны перыяд, у заслугу Ігнатоўскаму варта паставіць, несумненна, вызначэнне структуры даследавання, якая ў далейшым будзе часткова запазычвацца наступнымі гісторыкамі, увядзенне ў навуковы ўжытак нявыкарыстаных на той час у навуковых распрацоўках крыніц і іх комплексаў, адкрыццё для айчыннай гістарыяграфіі вялікай колькасці асоб, што ўдзельнічалі ў паўстанні (у працы маюцца асабовы і геаграфічны паказальнікі) і падзей. У цэлым манаграфія Ігнатоўскага з'яўляецца тым падмуркам, на якім павінны грунтавацца ўдалейшым глыбокія даследаванні паўстання ў Беларусі.

Крыніцы і літаратура

1. Академик В. М. Игнатовский: документы и материалы / Национальная академия наук Беларуси, Институт истории, Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, Национальный архив Республики Беларусь; [сост.: В. В. Скалабан, Н. В. Токарев; редкол.: А. А. Коваленя (председатель) и др.]. — Минск: Беларуская навука, 2010. — 275, [2] с., [6] л. ил., портр., факсим. — (Люди белорусской науки).
2. Акадэмік У. М. Ігнатоўскі: Матэрыялы навук. чытанняў, прысвеч. 110-годдзю з дня нараджэння / склад. М. У. Токараў; прадм. І. Я. Навуменкі. — Мінск: Навука і тэхніка, 1993. — 102 с.
3. Брыгадзін, П. І., Мацяс, І. Д. Усевалад Ігнатоўскі: палітычны дзеяч, вучоны. — Мінск: Полымя, 1998. — 96 с. — (Нашы славутыя землякі).

* Граматыка арыгінала захавана.

4. Бутковский, Я. Н. Из моих воспоминаний (О положении Витебской, Минской и Ковенской губерний во время последнего польского мятежа) // Исторический вестник. — 1883. — Т. 14. — № 10. — С. 78—105; № 11. — С. 325—365.
5. Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі. Т. 2 (1772—1903 гг.) / пад рэд. Н. М. Нікольскага [і інш.]. — Мінск: Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1940. — 939 с.
6. Ігнатоўскі, У. 1863 год на Беларусі: Нарыс падзей. — Мінск, 1930. — 275 с. (Запіскі Аддзелу гуманітарных навук. — Кн. 13. — Працы Інстытуту гістарычных навук. — Т. V).
7. Ігнатоўскі, У. 1863 год на Беларусі: Нарыс падзей // ARCHE Пачатак. — 2015. — № 3. — С. 67—362.
8. Ігнаценка, І., Кароль, А. Усевалад Ігнатоўскі і яго час. — Мінск: [б. в.], 1991. — 121, [1] с.
9. Краснянский, В. Г. Из истории польского мятежа. Минская гимназия в 1861—1865 годах // Исторический вестник. — Т. 84. — 1901. — С. 937—972.
10. Матвейчык, Д. Ч. Уладзіслаў Машэўскі і спроба ўзброенага выступлення ў Слуцкім павеце ў 1863 г. // Паўстанне 1863—1864 гг. у Польшчы, Беларусі, Літве і Украіне: гісторыя і памяць: зб. навук. арт. / уклад.: В. В. Яноўская, А. У. Унучак, А. Э. Фірыновіч; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук. Беларусі, Ін-т гісторыі. — Мінск: Беларуская навука, 2014. — С. 79—92.
11. Матвейчык, Д. Ч. Успаміны Яўгена Плятэра пра паўстанне 1863—1864 гадоў у Дынабургскім павеце // Асоба і час: беларускі біяграфічны альманах. — Вып. 6. — Мінск: Лімарыус, 2015. — С. 48—67.
12. Михнюк, В. Н. Становление и развитие исторической науки Советской Беларуси (1919—1941) / под ред. П. Т. Петрикова. — Минск: Наука и техника, 1985. — 284, [2] с.
13. Паўстанне 1863—1864 гадоў у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях: Дакументы і матэрыялы Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі / уклад. Д. Ч. Матвейчык; рэдкал.: У. І. Адамушка [і інш.]. — Мінск: А. М. Вараксін, 2014. — 544 с.
14. Полевой, Н. Два года, — 1864 и 1865, из истории крестьянского дела в Минской губернии // Русская старина. — 1910. — Т. 141. — № 1. — С. 47—68; № 2. — С. 247—270.
15. Рогинский, Р. Из воспоминаний повстанца // Исторический вестник. — Т. 105. — 1906. — С. 422—452.
16. Смирнов, А. Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. — 392 с.
17. Фірыновіч, А. Э. Паўстанне 1863—1864 гг.: вядомыя і невядомыя крыніцы беларускіх архіваў. — Мінск: Беларуская навука, 2013. — 315 с.
18. Aramowicz, I. Pamiętnik o ruchu partyzanckim, w województwie grodzieńskiem, w 1863 i 1864 r. — Bendlikon: w Drukarni «Ojczyzny», 1865. — 84 s. (Marzenia)
19. Bibljografja druków dotyczących powstania styczniowego, 1863—1865 / zebrał i opracował Janusz Gąsiorowski. — Warszawa: Wojskowy Instytut Naukowo-Wydawniczy, 1923. — 394, IV s. — (Wydawnictwa Centralnej Bibljoteki Wojskowej; № 7).
20. Czernik, W. Pamiętniki weterana 1864 r. — Wilno: Druk Józefa Zawadzkiego, 1914. — 88 s.
21. Fajnhauz, D. 1863: Litwa i Białoruś / Inst. Historii PAN. — Warszawa: Neriton, 1999. — 357 s.
22. Koszczyc, W. Wspomnienia z powstania województwa mińskiego w r. 1863 // Polska w walce. Zbiór wspomnień i pamiętników z dziejów naszego wyjarzmienia / Wydał A. Giller. — T. 2. — Kraków, 1875. — S. 182—315.

23. Pawłowicz, E. Wspomnienia. Nowogródek—więzienie—wygnanie. — Lwów: W drukarni E. Winiarza, 1887. — 422 s.
24. Zborucki, Z. Ignatowski Wsewołod: 1863 god na Biełorusi // Kwartalnik historyczny. — T. 45. — 1931. — S. 416—417.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 11.09.2015

М. Ф. Шумейко,
ведущий научный сотрудник БелНИИДАД,
кандидат исторических наук;
e-mail: jesti@inbox.ru

ОТ «БѢЛОРУССКАГО АРХИВА ДРЕВНИХЪ ГРАМОТЪ» И. ГРИГОРОВИЧА К «БЕЛАРУСКАМУ АРХІВУ» М. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКОГО И Д. ДОВГЯЛЛО: К 90-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ (АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ) КОМИССИИ ИНСТИТУТА БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ[1]

Начало систематической научной публикации в Беларуси исторических источников по праву связывают с именем гомельского протоиерея отца Иоанна (И. И. Григоровича) (1792—1852), подготовившего в рамках румянцевского археографического проекта «Собрание государственных грамот и договоров» отдельный сборник документов, увидевший свет в 1824 г. и носивший региональный (белорусский) характер. «Белорусский архив древних грамот», а именно так назывался сборник, стал первым белорусским археографическим изданием, знаменовавшим собой зарождение в Беларуси археографии как сферы практической деятельности, призванной вводить в научный оборот исторические источники через их опубликование.

Соглашаясь с оценками современного российского археографа о характере российской археографии первой трети XIX в., в рамках которой был подготовлен «Белорусский архив древних грамот», как имперской, нацеленной на публикацию документальных источников, призванных показать, что территориальные приобретения XVIII — начала XIX в. есть не что иное как возвращение исконно российских земель [7, с. 317], нельзя в то же время не отметить, что идеями европейского Просвещения были проникнуты предисловия к первой, равно как и ко второй, оставшейся неизданной, части белорусского сборника. В последнем Григорович высоко оценивал значение увидевшей свет первой части сборника в деле накопления и распространения научного знания в области истории и филологии: «…появление в свет первой книжки Архива, разрушив многие преграды и предубеждения, по крайней мере объяснило истину, еще новую в здешнем крае, истину того, что *собирание старинных документов имеет особенную цену и пользу для исследователя истории и языка* [выдел. мною. — *М. Ш.*]» [1, л. 2; 6, с. 264].

Проявляя толерантность в отношении к представителям католичества и униатства и признавая их заслуги в гуманитарной сфере, православный священник И. Григорович своей деятельностью опровергает бытующее среди части исследователей белорусской истории мнение, что в отличие от униатского духовенства, давшего Беларуси И. Даниловича, И. Онацевича, М. Очеповского, И. Ярошевича и других, «з праваслаўных папоў ня выйшла нават адзінак, якія б спрабавалі нешта зрабіць для народа. Гэта цемрашалы, найперш русіфікатары» [17, с. 46].

[1] Статья подготовлена в рамках ГПНИ «История, культура, общество, государство», № госрегистрации 20113049.

Кстати, тот же автор, фрагмент работы которого мы только что процитировали, несколько противореча себе, дает весьма позитивную оценку археографической деятельности «праваслаўнага папа» И. Григоровича, называя «Белорусский архив древних грамот» первым археографическим сборником, целиком посвященным Беларуси, а его составителя — достаточно подготовленным с филологической точки зрения специалистом для занятий над материалами по истории Беларуси [18, с. 140][2].

Таким образом, 1824 год стал отправной точкой в истории белорусской археографии, точно так же, как для России такой вехой стал 1767 год, когда были изданы Радзивилловская, Никоновская летописи и Русская Правда [16, с. 16—24], а для Украины — 1843, год создания в Киеве Комиссии для разбора и издания древних актов, традиционно именуемой Киевской археографической комиссией [28].

Становление археографии в Беларуси пришлось на довольно непростой период в ее истории, что не могло не отразиться и на характере археографической продукции. Публикация документов в не так давно присоединенных к Российской империи белорусских землях оказалась под сильнейшим политическим и идеологическим влиянием. Это, как видели мы выше, утверждают и современные российские археографы; на это же обращали внимание в начале XX в. и многие белорусские историки, краеведы, этнографы, говоря о своего рода «битве за Беларусь», развернувшейся между польскими и российскими учеными в области археографии.

Так, первый ректор БГУ, ставший впоследствии известным славистом, академиком белорусской и союзной академий наук, В. И. Пичета писал в начале 1920-х гг.: «Архивные документы, касающиеся Белоруссии, значительное время политически связанной с Польско-Литовским государством, разбросаны по архивохранилищам и книгохранилищам России, Украины и Польши. Собиранием документов, их хранением, а также их изданием интересовались как польские, так и русские ученые. Работа тех и других шла параллельно. Однако долгое время впереди шли польские историки, так как Белоруссия, перешедшая к России после разделов Польши, долгое время была вне ученого внимания историков русских. Поэтому издание и собира-

[2] Впрочем, имелись и другие мнения о И. И. Григоровиче как археографе и текстологе; в частности, отличавшийся крайне тяжелым характером помощник гр. Н. П. Румянцева по подготовке «Собрания государственных грамот и договоров», известный русский археограф К. Ф. Калайдович (1792—1832) называл его не иначе как «выскочкой» и «семинаристом» (См.: Переписка протоиерея Иоанна Григоровича с гр. Н. П. Румянцевым (подг. Н. И. Григорович) // ЧОИДР. — 1864. — Кн. 2, апрель—июнь (отдельная пагинация). — С. 54.

ние документов производилось польскими исследователями, *освещавшими исторический материал с несколько односторонней польской точки зрения* [выдел. мною. — *М. Ш.*]» [14, с. 24—25].

Ему вторил руководитель Витебского окружного бюро краеведения Д. М. Василевский, отмечавший особенно активно начавшуюся православными священниками с 1840-х гг. в белорусских губерниях работу по изданию древних актов и грамот с целью доказать, что «праваслаўны» рускі сялянін з Беларусі падобен да маскаля ня толькі па вызнаньні, а і па мове». Далее он продолжал: «Палякі не здаваліся: яны таксама займаюцца выданьнямі беларускіх старадаўніх грамат, але, каб упэўніць чытача ў пераважнасьці польскай мовы на Беларусі, заведама псуюць свае выданьні, перакладаючы граматы з беларускай на польскую мову… Такі характар маюць «Skarbiec dyplomatow…» Даніловіча» [4, с. 8].

Заметим, что еще за четыре десятилетия до появления двухтомного «Skarbiec'a dyplomatow» (1860, 1862), И. Данилович во времена своего профессорства в Виленском университете подготовил к изданию обнаруженную профессором этого же университета М. К. Бобровским Супрасльскую летопись, транслитерировав ее польской графикой. Уже после отъезда Даниловича в Харьков летопись в таком виде была издана в 1827 г. Антонием Марциновским с предисловием профессора Виленского университета М. Сосновского [29]. Упоминавшийся выше Н. Н. Улащик «дипломатично» объясняет это обстоятельство желанием И. Даниловича познакомить владевших в большинстве своем польским языком жителей бывшего Великого Княжества Литовского с летописью, которая, по его мнению, вызовет у них наибольший интерес [20, с. 171—172].

Объективности ради отметим значительный позитивный вклад, внесенный профессурой Виленского университета в дело становления и развития археографии в белорусских и литовских губерниях. Напомним, что именно И. Данилович был инициатором создания в мае 1822 г. «Комитета для сличения Литовского статута», в состав которого, кроме него, вошли И. Н. Лобойко, И. Лелевель, Я. Зноско, К. Контрым. Этим было положено начало изучению и подготовки научных публикаций этого выдающегося памятника права Великого Княжества Литовского, которые успешно продолжаются и в сегодняшней Республике Беларусь [7, с. 136—138].

Продолжением дела И. Григоровича стал первый, появившийся на территории собственно Беларуси в 1848 г. сборник документов, готовившийся по инициативе минского гражданского губернатора А. В. Семенова специально созданной для этого комиссией под руководством ректора Минской духовной семинарии архимандрита Геласия [15].

Несмотря на соблюдение в нем одного из важнейших принципов, отличающих археографическое издание (передача текста на языке оригинала), сборник, тем не менее, не избежал проявления вненаучного влияния в части отбора документов. На это обстоятельство, сам того не желая, указывал рецензент,

отмечая, что главной задачей сборника, равно как и пятью годами ранее появившегося аналогичного виленского издания, являлось показать «повсеместное и, можно сказать, почти исконное владычество имени Русь, языка Русского и веры Православной в нынешних западных губерниях Российской империи, равно как и огромное преобладание там русской стихии народонаселения над всеми прочими» [12]. Разумеется, подобное не могло не иметь места и в работе созданной в 1864 г. Виленской археографической комиссии.

И тем не менее, оценивая результаты полувековой деятельности последней, не отрицая при этом ее определенной политической ангажированности, следует, на наш взгляд, согласиться с мнением того же Н. Н. Улащика, писавшего: «При всей тенденциозности публикаторов результатом их деятельности было издание массы разнообразнейших источников, представляющих огромное культурное богатство. Изданные документы живут сами по себе, нередко утверждая совсем не то, что хотели доказать составители и редакторы, готовя том к печати» [19, с. 15.]. Следует также прислушаться и к аналогичным суждениям единомышленницы и коллеги Улащика — А. Л. Хорошкевич, утверждающей, что «если ученые историки и филологи честно занимаются своим, пусть даже очень подверженным влиянию коньюнктуры трудом, они оказываются выше своего времени, даже не очень заботясь об этом» [21, с. 204].

С созданием белорусской советской государственности не могла не измениться тематика документальных публикаций, хотя формы организации их подготовки в определенной степени наследовали ранее существовавшие. Остановимся далее на одной из них, а именно, Историко-археологической (Археографической) комиссии Инбелкульта.

В отличие от России, где продолжала работать созданная еще в первой половине XIX в. Археографическая комиссия, утратившая после октября 1917 г. лишь статус императорской, в Беларуси, существовавшей до весны 1924 г. в рамках шести уездов Минской губ., подобную комиссию приходилось создавать едва ли не «с чистого листа». Правда, при этом учитывались традиции прекратившей свою деятельность летом 1915 г. Виленской археографической комиссии, последний председатель которой Д. И. Довгялло эвакуировался в Могилев, пережив там революционное лихолетье, немецкую оккупацию города в 1918 г. и возглавивший затем по поручению Главархива РСФСР работу по организации архивного дела в Могилевской губернии.

С открытием в 1921 г. высшего учебного заведения — Белорусского государственного университета, а в следующем — высшего научного учреждения — Института белорусской культуры и особенно после так называемого «первого укрупнения Беларуси» (весна 1924 г.) вопрос о восстановлении в Беларуси прерванной Первой мировой войной археографической традиции был переведен в практическую плоскость. Об этом говорил, выступая с докладом «Археографические работы в Белоруссии» на Первой всебелорусской конференции архивных работников возглавлявший Могилевский губернский

архив Д. И. Довгялло. Он и предложил создать в Минске как политическом и научном центре республики такую комиссию, которая бы «пачала падгатоўку для выданьня матэрыялаў па гісторыі Беларусі і гэтым самым працягнула тую працу, якая праводзілася да рэвалюцыі» [13, с. 39].

Не без влияния доклада Довгялло на архивной конференции археографическая работа в республике получает организационное оформление. Ею начинает заниматься созданная 24 февраля 1925 г. в структуре Инбелкульта Историко-археологическая секция во главе с ректором БГУ В. И. Пичетой. Последний, занимая ряд других ответственных должностей, естественно, не мог уделять секции должного внимания. С учетом данного обстоятельства в Минск были приглашены проживавший в Баку профессор М. В. Довнар-Запольский и упоминавшийся выше Д. И. Довгялло. С их переездом в Минск летом 1925 г. археографическая работа обретает реальный характер.

1 октября 1925 г. в структуре Историко-археологической секции создается одноименная комиссия, председателем которой становится Довнар-Запольский, а ученым секретарем — Довгялло. Несмотря на название «историко-археологической» («археографической» она станет именоваться с 1927 г., после реорганизации Инбелкульта), комиссия по характеру своей деятельности была археографической, что и отмечал ее секретарь в записке, направленной в 1927 г. в президиум Инбелкульта. В ней он, в частности, писал: «Пры акадэміях навук СССР, УССР, пры Кракаўскай акадэміі працуюць камісіі археаграфічныя. З *1 кастрычніка 1925 г.* [выдел. мною. — *М. Ш.*] Археаграфічная камісія заснавана пры Інстытуце беларускай культуры. Усе камісіі гэтыя працуюць над розшукамі, апрацоўкай і выданьнем у друку крынічных матар'ялаў, іх перапіскай, усебаковым іх вывучэньнем з боку археографічнага. Гэту ўстаноўку мае і Археографічная камісія ІБК» [26, с. 245].

Ровно через неделю после конституирования комиссии, 8 октября 1925 г. ее председатель и секретарь представили руководству Инбелкульта доклад с обоснованием необходимости продолжить *пофондовое* [выдел. мною. — *М. Ш.*] издание актов Литовской метрики, начатое, как известно, еще Петербургской археографической комиссией (в рамках серии «Русская историческая библиотека»)[3]. При этом они справедливо полагали, что «ў цяперашні час

[3] Как известно, отдельные акты Метрики издавались еще в первой половине XVIII в. Матеем Догелем, хотя это издание и не носило научного характера. Частично документами из архива великокняжеской канцелярии было укомплектовано и пятитомное издание «Актов Западной России», вышедшее в 1846—1853 гг. под редакцией И. Григоровича, бывшего главным редактором актов Петербургской археографической комиссии. И лишь с 1903 г. Археографическая комиссия перешла к полной публикации книг Литовской метрики в рамках одноименной четырехтомной подсерии серии «Русская историческая библиотека» (подготовку томов вели С. А. Бершадский, П. А. Гильтебрандт, И. И. Лаппо и С. Л. Пташицкий). Правда, им предшествовала публикация в

ніводная ўстанова РСФСР ужо не прыйме на сябе працы і расходаў па падоўжанью гэтага выданьня» [23, л. 268]. Целесообразность данной работы М. В. Довнар-Запольский и Д. И. Довгялло обосновывали научным значением составлявших Метрику документов как источников по изучению белорусской истории XV—XVIII вв.: «Кожнаму дасьледчыку беларускай старажытнасьці да XVIII ст. добра вядома, што без скарыстаньня Літоўскай метрыкі нельга асьвятліць усякае пытаньне і што з вывучэньня гэтае крыніцы патрэбна пачынаць дасьледчую працу па гісторыі Беларусі» [23, л. 268].

Одновременно комиссией был составлен и представлен в президиум Инбелкульта согласованный с Центрархивом республики список архивных фондов, вывезенных в разное время с территории Беларуси. Это было обусловлено принятым 18 сентября 1925 г. Президиумом ЦИК СССР постановлением о передаче Украинской ССР и Белорусской ССР их архивов, находившихся в архивохранилищах РСФСР (в основном это были документальные собрания учреждений Гродненской и Минской губ., эвакуированные на восток с началом Первой мировой войны).

17 октября 1925 г. комиссия приняла решение об издании «першага тома гістарычных дакументаў». И хотя название проектируемого сборника не фигурировало в протоколе заседания комиссии, нетрудно предположить, исходя из упоминания здесь же «Белорусского архива древних грамот» И. Григоровича, что такое же название и серийного инбелкультовского сборника документов не вызвало ни у кого возражений. Оно не только знаменовало сохранение традиций отечественной археографии, заложенных столетием ранее, но и подчеркивало национальный характер готовившегося издания — «Беларускі архіў».

Помимо основного серийного издания, комиссия предполагала готовить и публикации учебного типа в форме небольших брошюр объемом до 3 печ. листов. Был разработан план издания библиотечки исторических источников по истории Беларуси. В соответствии с ним должны были быть опубликованы фрагменты древнерусских, белорусско-литовских летописей, немецких и польских хроник, памятников права и др. Д. И. Довгялло при участии руководителя кафедры истории искусства Инбелкульта Н. Н. Щекотихина был подготовлен по книгам Литовской метрики альбом филиграней XVI—XVII вв. [9, с. 51—59]. К сожалению, реализовать эти планы, крайне важные для становления и развития в республике археографии и смежных с ней исторических дисциплин, комиссии не удалось.

Осенью 1926 г. вынужден был покинуть республику председатель комиссии М. В. Довнар-Запольский. Одной из причин этого стала его попыт-

1843 г. в двух томах «Книги посольской Метрики Великого княжества Литовского», готовившейся М. Оболенским, И. Даниловичем, М. Погодиным, Д. Дубенским.

ка издать книгу «История Белоруссии», которая была квалифицирована высшим партийным органом Беларуси как «манифест национал-демократизма»[4].

Руководство комиссией перешло к В. И. Пичете, а сама она была причислена к кафедре истории белорусского права реформированного Инбелкульта, которую также возглавлял ректор БГУ.

Однако еще до вынужденного отъезда из Минска М. В. Довнар-Запольский успел провести в январе 1926 г. Первый съезд исследователей белорусской археологии и археографии, который стал своего рода смотром научных сил гуманитарного профиля республики. К сожалению, на работу съезда, как и на ряд принятых им решений, в определенной степени повлияли происходившие в это время в Беларуси и в целом в СССР события общественно-политического и международного характера. Здесь мы имеем в виду деятельность так называемой Комиссии по интеллигенции, возглавляемой Председателем ЦКК КП(б)Б и наркомом РКИ БССР В. А. Радус-Зеньковичем, а также готовившийся договор о ненападении между Литовской Республикой и Союзом ССР, заключение которого литовская сторона увязывала с вопросом о Литовской метрике. Подробно об этом речь уже шла в нашей статье, опубликованной в российском археографическом издании [27, с. 171—180].

В 1927 г. увидел свет 1-й том «Беларускага архіва», который, как отмечал в предисловии к нему Д. И. Довгялло, являлся «першай археаграфічнай працай Гістарычна-археалагічнай камісіі Інбелкульта». Основу тома составил готовившийся Довгялло второй раздел, представлявший публикацию 134 документов за 1562—1697 гг. из хранившейся в рукописном отделе Могилевского отделения Белорусского государственного музея книги, содержавшей привилеи городу на магдебургское право, подтвердительные привилеи, выдававшиеся начиная с 1562 г. Значение данной публикации, на наш взгляд, являет собой наглядный пример проявления охранной функции, которую призваны осуществлять документальные издания. Дело в том, что книга Могилевского магистрата, документы которой опубликовал Довгялло в сборнике, впоследствии была утрачена.

Первый опыт Археографической комиссии Инбелкульта был замечен и отмечен научной общественностью как Беларуси, так и России, Польши, Латвии, Украины. Рецензиями на сборник откликнулись такие известные археографы и историки, как В. И. Пичета, С. Н. Валк, Р. Меницкий, Б. Р. Брежго, С. Иваницкий. С. Н. Валк писал о нем буквально следующее: «Надо отметить, что несмотря на несомненную спешку в подготовке этот первый том тем не менее отличается тщательностью работы, вниманием к требованиям археографии и хорошей внешностью» [3, с. 87].

[4] В 1994 г. хранившаяся в фонде Истпарта Беларуси Национального архива Республики Беларусь рукопись книги (без двух глав) издана в переводе на белорусский язык; в 2011 г. увидело свет 3-е, исправленное и дополненное издание книги на языке оригинала — русском.

Еще более удачным как по выбору объекта публикации, так и по уровню археографической подготовки оказался второй том «Беларускага архіва», готовившийся уже без участия Довнар-Запольского, исключительно только Д. И. Довгялло и увидевший свет в 1928 г. Он представлял собой пример пофондовых публикаций, на которые составитель перешел, готовя еще заключительные тома витебских «Историко-юридических материалов, извлеченных из актовых книг губерний Витебской и Могилевской» (в 1897—1903 гг.) и «Актов Виленской археографической комиссии» (в 1912—1914 гг.). Объектом публикации второго тома стала 16-я книга записей Литовской метрики (по классификации С. Пташицкого). Издавая том, Инбелкульт тем самым приступал к реализации резолюции Первого съезда исследователей белорусской археологии и археографии «О Литовской метрике», а также инициатив руководства Археографической комиссии, о которых шла речь выше.

И не вина составителя, что целиком публикуемая им 16-я книга записей ни по происхождению, ни по содержанию не имела никакого отношения к архиву великокняжеской канцелярии. Это были акты Витебского и Полоцкого гродских судов за 1530—1539 гг., попавшие в Метрику благодаря Яну Юровичу Глебовичу, бывшему в эти годы витебским, а затем полоцким воеводой, а потом ставшему канцлером ВКЛ, в ведении которого находилась так называемая Большая метрика. Обо всех этих обстоятельствах Д. И. Довгялло подробно информировал будущего пользователя публикацией в открывавшем второй том обстоятельном предисловии, носившем источниковедчески-археографический характер.

Высокий археографический уровень данной публикации ставит ее в один ряд с пофондовыми изданиями, готовившимися Петербургской археографической комиссией [см. сн. 2] и потому совершенно обоснованно составители Методических рекомендаций по изданию и описанию Литовской метрики включили 2-й том «Беларускага архіва» в перечень продолжающихся публикаций Метрики, присвоив ему условный 5-й номер (вслед за четырьмя номерами, которыми они обозначили четырехтомное издание в составе «Русской исторической библиотеки») [10, с. 14].

Не ставит под сомнение высокий археографически-источниковедческий уровень Д. Довгялло-метриканта и автор одного из лучших источниковедческих исследований, объектом которого выступает Метрика, Н. Г. Бережков, ссылаясь на первых страницах своей монографии на доклад Д. И. Довгялло о Метрике, с которым тот выступал на Первом съезде исследователей белорусской археологии и археографии [2, с. 154]. В этой связи нельзя не обратить внимания на излишне категорическое и едва ли соответствующее действительности утверждение современного молодого белорусского метриканта о том, что «Безнадзейна састарэла і методыка публікацыі «Беларускага архіва» Дз. Даўгялы, які абапіраўся на вопыт, што быў набыты ім у дарэвалюцыйны перыяд навуковай дзейнасці» [5, с. 203]. Разумеется, эдиционная практика в

сфере публикации Метрики Великого Княжества Литовского не может не способствовать приращению и обогащению методических приемов, однако, как совершенно справедливо отмечает современный российский археограф, «модернизация публикаторских подходов должна происходить на основе заложенных в них *базовых принципов* [выдел. мною. — *М. Ш.*], отвечающих запросам современной исторической науки, филологии, источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин» [22, с. 364].

Ставший последним третий том «Беларускага архіва»(издан в 1930 г.) невыгодно отличался от двух предыдущих. Вынесенный на обложку подзаголовок «Менскія акты» (вместо основного названия «Беларускі архіў»), отсутствие предисловия, «облегченная» передача текстов документов — все это указывает на имевшую место спешку, в условиях которой он готовился. И это действительно так. Завершение работы над томом совпало не только с реорганизацией Инбелкульта в Белорусскую академию наук, но что самое главное — с прокатившимися по Беларуси арестами в связи с инспирированным спецслужбами делом о так называемом «Союзе вызвалення Беларуси»[5].

Достаточно обратиться к протоколам заседаний белорусского отделения Всесоюзного общества историков-марксистов, проходивших в октябре—ноябре 1930 г., чтобы представить себе ту невыносимую обстановку политической и идеологической травли гуманитарной интеллигенции, включая и сотрудников Археографической комиссии уже Белорусской академии наук, которая развернулась в это время в республике.

«Певец православия», «последователь М. Кояловича» — такие эпитеты звучали в адрес 62-летнего Д. И. Довгялло, вынужденного каяться в «идеологических преступлениях», которых он не совершал. Именно так следует воспринимать его выступление на заседании общества 14 ноября 1930 г., когда уже был арестован в Минске и этапирован в Ленинград В. И. Пичета, а «выдавленный» в 1926 г. из Минска и проживавший в Москве М. В. Довнар-Запольский ожидал ареста[6]. Пытаясь смягчить критику в свой адрес пока еще только «идеологических следователей» (следователи НКВД начнут его допрашивать после ареста 10 декабря 1937 г.) [25, с. 114—116], Д. Довгялло признавал «неактуальными» и «ошибочными» публикации документов «старажытнасці», которые он готовил по поручению вначале Довнар-Запольского, а потом Пичеты: «Мяне, напрыклад, прымусілі займацца тым, каб я выдзяляў дакуманты, якія адносяцца да гісторыі гарадоў, тыя выданьні, якія паказвалі б нам законадаўчы кодэкс, які быў ў штодзённым ужываньні магістрату. Затым была зьвернута ўвага на выданьне літоўскага статуту. Таксама рашылі, што трэба выдаць адну з кніг, якія захоўваюцца у мэтрыках літоўскіх» [11, л. 111—112].

[5] Последнее представляло собой аналог «дела академика С. Ф. Платонова» в России, «Спілкі визволення України» в Украине.

[6] Смерть Довнар-Запольского в 1934 г. «избавила» ученого от ареста.

Последующая деятельность Археографической комиссии Белорусской академии наук не была столь продуктивной как в «инбелкультовский период». Да и собственно сама комиссия существовала по большей мере лишь на бумаге. Правда, в 1934—1935 гг. с ее участием был издан двухтомник о мануфактурах в Беларуси, готовившийся в рамках заключенного еще в 1930 г. между археографическими комиссиями белорусской и союзной академий наук договора о социалистическом соревновании [8]. С избранием в феврале 1931 г. президентом Белорусской академии наук П. О. Горина, ученика и помощника М. Н. Покровского по Обществу историков-марксистов, археографическая деятельность в республике сходит на нет. В этом нетрудно убедиться, обратившись к написанному в явно вульгаризаторском тоне, с использованием терминологии в духе пресловутого А. Вышинского очерку о Белорусской академии наук, где об археографии говорится (при этом совершенно безграмотно!) буквально следующее: «Помимо этого, обработаны и изданы «Минские акты», том 1 (XV—XVIII век); подготовлено к печати «Материалы по истории мануфактуры в Белоруссии в первой половине XIX века» [24, с. 64].

Подводя итоги, отметим, что инбелкультовский период в археографии, несмотря на его непродолжительность (1925—1928), сыграл, тем не менее, заметную роль в истории отечественной археографии. Именно в это время последняя приобретает национальный характер. Знаменательным событием этого периода стал Первый съезд исследователей белорусской археологии и археографии, не только обозначивший «болевые точки», существовавшие в археографии, но и наметивший пути к их преодолению. Активное участие Археографической комиссии в решении вопросов реституции архивных собраний способствовало поступлению в белорусские архивохранилища многих документальных комплексов, находившихся за пределами республики.

Начавшиеся с 1930-х гг. в Беларуси, равно как и в России, Украине, репрессии против научных кадров гуманитарного профиля (аресты Д. И. Довгялло, М. В. Мелешко, В. У. Ластовского, Я. И. Лёсика, В. И. Пичеты и др., фактическая высылка М. В. Довнар-Запольского, самоубийство первого президента Белорусской академии наук В. М. Игнатовского) прервали процесс развития национальной археографической школы. Довершению ее разгрома способствовала передача в 1938 г. архивных органов и учреждений в ведение НКВД. Это мероприятие почти наглухо закрыло двери архивов перед историками и археографами, лишив первых важнейших источников, а вторых — потенциальных объектов публикации.

Литература

1. Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ). — Ф. 6 (И. И. и Н. И. Григоровичи). — Оп. 1. — Д. 14.
2. Бережков, Н. Г. Литовская метрика как исторический источник. Часть 1: О первоначальном составе книг Литовской метрики по 1522 г. / Н. Г. Бережков. — М.; Л., 1946. — 180 с.

3. Валк, С. Н. Обзор документальных публикаций / С. Н. Валк // Архивное дело. — 1928. — Вып 3 (16).
4. Васілеўскі, Д. Сталецьце краязнаўчай працы на Беларусі / Д. М. Васілеўскі // Наш край. — 1926. — № 2—3 (5—6).
5. Груша, А. «Малапрыстасаваныя» рэкамендацыі ці малападрыхтаваныя рэцэнзенты? / А. І. Груша // Беларускі гістарычны агляд. — Мінск. — Т. 10. — Сш. 1—2 (18—19). Снежань 2003. — С. 201—227.
6. Запартыка, Г. В. І. І. Грыгаровіч / Г. В. Запартыка, А. М. Запартыка // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск, 2001. — Вып. 2. — С. 260—267.
7. Иван Лобойко. Мои воспоминания // Вильна 1823—1824: Перекрестки памяти / Сост.: Федута А. И. — Минск, 2008. — 244 с.
8. Козлов, В. П. Заметки о прошлой и современной археографии / В. П. Козлов // Археографический ежегодник за 2011 год. — М., 2014. — С. 317—320.
9. Матэрыялы да гісторыі мануфактуры на Беларусі ў часы распаду феадалізма. — Мінск, 1934—1935. — Т. 1, 2.
10. Матэрыялы да 100-годдзя з дня нараджэння М. М. Шчакаціхіна (1896—1940). — Мінск, 1996.
11. Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики/ Сост. А. Л. Хорошкевич, С. М. Каштанов. — Вильнюс, 1985. — 133 с.
12. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 1449 (Белорусское отделение Всесоюзного научного общества историков-марксистов). — Оп. 1. — Д. 13. — Л. 111—112 (Из выступления Д. И. Довгялло на заседании отделения 14 ноября 1930 г.)
13. Памятники русской старины, собранные и изданные в Минске [рец. на сб. док.: Собрание древних грамот и актов городов Минской губ., православных монастырей, церквей и по разным предметам. — Минск, 1848.] // Минские губернские ведомости. — 1849. — № 7. Неофициальная часть.
14. Первая всебелорусская конференция архивных работников, 12—15 мая 1924 г.: Док. и мат. — Минск, 1999. — 148 с.
15. Пичета, В. И. Введение в русскую историю (Источники и историография) / В. И. Пичета. — М., 1922. — 205 с.
16. Собрание древних грамот и актов городов Минской губ., православных монастырей, церквей и по разным предметам. — Минск, 1848.
17. Степанский, А. Д. К 225-летию русской археографии / А. Д. Степанский // Отечественные архивы. — 1992. — № 6. — С. 16—24.
18. Улашчык, М. М. Што ня зроблена / М. М. Улашчык // Беларускі гістарычны агляд. — Том 3. — Сшытак 1. Травень 1996. — С. 44—46.
19. Улашчык, М. М. Літаратурная спадчына Івана Грыгаровіча / М. М. Улашчык // Улашчык, М. М. Выбранае. — Мінск, 2001. — С. 140—143.
20. Улащик, Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода / Н. Н. Улащик. — М., 1973. — 303 с.
21. Улащик, Н. Н. По страницам отечественного летописания: Белорусско-литовское летописание / Н. Н. Улащик // Вопросы истории. — 1985. — № 1. — С. 63—72. Цит. по: Улашчык, М. М. Выбранае. — Мінск, 2001. — 604 с.
22. Хорошкевич, А. Л. Археографическая комиссия императорской Академии наук и ее традиции издания Литовской метрики / А. Л. Хорошкевич // Metriciana Т. 3. Минск, 2004.

23. Хоруженко, О. И. Современные принципы публикации актов Литовской метрики / О. И. Хоруженко // Археографический ежегодник за 2011 год. — М., 2014. — С. 347—364.
24. Центральный научный архив Национальной Академии наук Беларуси (ЦНА НАНБ). — Ф. 67 (Инбелкульт). — Оп. 1. — Д. 9.
25. Шпилевский, И. Ф. Белорусская Академия наук на пороге второй пятилетки. (Исторический очерк). Перевод с переработанного белорусского издания / И. Ф. Шпилевский, Л. А. Бобрович. — Минск, 1933. — 112 с.
26. Шумейко, М. Ф. Архивист и археограф Дмитрий Иванович Довгялло / М. Ф. Шумейко. — Минск, 2002. — 165 с.
27. Шумейко, М. Ф. Белорусская археография в XIX—XX вв. (Проблемы теории, истории, методики) / М. Ф. Шумейко. — Минск, 2007.— 498 с.
28. Шумейко, М. Ф. Первый съезд исследователей белорусской археологии и археографии 1926 года / М. Ф. Шумейко // Археографический ежегодник за 2007—2008 год. — М., 2012. — С. 171—180.
29. Єдиційна археографія в Україні у XIX—XX ст. Плани, проекти, програми видань. — Вип. 1. — Київ, 1993. — 231 с.
30. Latopisiec Litwy i kronika Ruska z rekopisu slawianskiego przepisane; wypisami z Wremennika Sofiyskiego pomnozone; przypisami i objasnieniami, dla czytelnikow polskich potrzebnemi, opatrzone; staraniem i praca Ignacego Danilowicza, professora zwyczaynego w Cesarskim uniwersytecie Charkowskiem. — Wilno, 1827.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 29.12.2014

В. В. Бараненка,
аспірант кафедры гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі
Рэспубліканскага інстытута вышэйшай школы,
магістр гістарычных навук;
e-mail: v.baranenka@gmail.com

ДАКУМЕНТЫ ЗАНАЛЬНАГА ДЗЯРЖАЎНАГА АРХІВА Ў г. ПОЛАЦКУ ЯК КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ ПРАВАСЛАЎНАЙ ЦАРКВЫ 1920—1930-х гг.

Вывучэнне гісторыі праваслаўнай царквы ў 1920—1930-я гг. і ўвядзенне ў навуковы зварот новага комплексу дакументаў па дадзенай тэме з'яўляецца дастаткова актуальным, што абумоўлена цікавасцю ўстаноў культуры, навукі, вышэйшых і сярэдніх навучальных устаноў, грамадзян Беларусі да гісторыі свайго краю і недастатковасцю надрукаванай крынічнай базы па дадзенай праблематыцы. Акрамя гэтага, выяўленне, абагульненне, аналіз не разгледжаных раней гістарычных звестак можа стварыць перадумовы для новага погляду на прычыны і наступствы сучасных сацыяльных працэсаў у грамадстве.

У гістарычным плане розныя аспекты дзейнасці праваслаўнай царквы разглядаліся навукоўцамі і даследчыкамі, у тым ліку са спасылкамі на архіўныя дакументы, выяўленыя ў фондах Занальнага дзяржаўнага архіва ў г. Полацку (далей — ЗДА ў г. Полацку). Разам з тым, асобныя працы, прысвечаныя архіўным крыніцам, якія асвятлялі становішча праваслаўнай царквы на тэрыторыі Полаччыны, адсутнічаюць.

На сённяшні дзень ЗДА ў г. Полацку ўтрымлівае дакументы, якія, згодна з сучасным адміністрацыйна-тэрытарыяльным падзелам, належаць да Верхнядзвінскага (да 1962 г. Дрысенскі), Лепельскага, Полацкага, Расонскага і Ушачскага раёнаў Віцебскай вобласці [1].

Асноўнымі крыніцамі вывучэння дадзенай тэмы з'яўляюцца дакументы, што захоўваюцца ў рэспубліканскіх і абласных архіўных установах. Аднак не менш каштоўныя дакументы, якія дазваляюць прасачыць становішча праваслаўнай царквы на тэрыторыі паўночна-ўсходняй Беларусі, утрымліваюцца і ў ЗДА ў г. Полацку.

Па паходжанні ўвесь комплекс архіўных матэрыялаў можна ўмоўна падзяліць на дзве групы:

1) дзяржаўна-партыйныя;

2) царкоўныя.

У сваю чаргу **дзяржаўна-партыйную дакументацыю** можна падзяліць на падгрупы: пратакольную, распарадчую, справаздачна-інфармацыйную, улікова-кантралюючую і судзебна-следчую.

Пратакольная дакументацыя пасяджэнняў калегіяльных органаў утрымлівае кароткі канспект дакладаў і выступленняў, змяшчае запісы ходу абмеркавання пытанняў, што датычацца праваслаўнай канфесіі, і рашэнняў па іх. У ЗДА ў г. Полацку захоўваюцца пратаколы выканкамаў розных узроўняў

Полацкага павета і акругі, розных камісій (Полацкай павятовай камісіі па ахове помнікаў даўніны і мастацтва, Камісіі па ахове помнікаў мастацтва, старажытнасці і прыроды пры Інбелкульце, Камісіі па канфіскацыі царкоўных каштоўнасцей і інш.).

У сваю чаргу, зыходзячы з пытанняў, змешчаных у пратаколах, што датычыліся праваслаўнай канфесіі, можна вылучыць пэўныя праблемныя блокі: стан [2, л. 6 адв., 26—26 адв.; 3, л. 42—42 адв., 44—47 адв.] і выкарыстанне будынкаў рэлігійных культаў [4, л. 168; 5, л. 369—369 адв., 377—377 адв.; 6, л. 4—4 адв., 29 адв., 38, 41], канфіскацыю царкоўных каштоўнасцей [7, л. 5—6 адв., 15—15 адв.], дзейнасць Саюза бязбожнікаў [8, л. 1 адв., 14] і інш.

Распарадчая дакументацыя прадстаўлена пастановамі, загадамі, цыркулярамі, інструкцыямі, актамі і г. д. Гэта падгрупа дакументаў найбольш шырокая і асвятляе самыя розныя аспекты ўзаемаадносін дзяржавы з царквой.

Так, фонд 28 «Асвейскі раённы аддзел Упраўлення НКУС БССР па Віцебскай вобласці» ахоплівае 1933—1941 гг. і змяшчае пастановы СНК БССР, загады і ўказанні НКУС БССР, загады раённага аддзела міліцыі і інш. У справе 167 дадзенага фонду змяшчаецца перапіска з раённымі органамі НКУС па выяўленні «несавецкіх» элементаў, да якіх адносілася і духавенства. У дакументах дадзенай справы сустракаюцца біяграфічныя звесткі аб царкоўных дзеячах і іх сем'ях [9, л. 363, 485].

Пэўны пласт распарадчай дакументацыі звязаны з дзейнасцю розных камісій. Так, 23 чэрвеня 1920 г. была створана Полацкая павятовая камісія па ахове помнікаў даўніны і мастацтва. Камісія займалася даследаваннем, апісаннем і кансервацыяй захаваўшыхся помнікаў, сярод якіх прысутнічалі праваслаўныя культавыя пабудовы, якія да сённяшняга часу не захаваліся: Пакроўская, Іаана-Багаслоўская, могілкавая Міхайлаўская, Экіманская цэрквы, рэшткі Барыса-Глебскага манастыра, праваслаўнай царквы ў в. Струнне Полацкага павета і інш. Становішча гэтых храмаў знайшло адлюстраванне ў актах дадзенай камісіі [10, л. 28—29 адв., 37—38 адв., 41, 48—49 адв.].

Падобная інфармацыя захавалася і ў дакументах Камісіі па ахове помнікаў мастацтва, старажытнасці і прыроды пры Інбелкульце [37].

Становішча і выгляд цэркваў у гады калектывізацыі, якія знаходзіліся на тэрыторыі Полацкай акругі, знайшлі сваё адлюстраванне ў актах мясцовых камісій. Так, захаваліся акты аб аглядзе становішча храмаў у в. Луначарскае, м. Валынцы Боркавіцкага раёна [11, л. 28; 12, л. 23].

Шырокі пласт распарадчых дакументаў захаваўся ў выніку правядзення кампаніі па канфіскацыі царкоўных каштоўнасцей у сувязі з голадам на Паволжы і паўднёвых раёнах РСФСР у 1924 г. Дадзеныя дакументы, у асноўным, захоўваюцца ў фондзе 51 «Полацкі павятовы Савет рабочых, сялянскіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў і яго выканаўчы камітэт» [7, л. 8 адв., 11, 34, 101—104 адв., 106, 107].

На тэрыторыі Полаччыны праводзілася работа па ўкараненні розных метадаў барацьбы з рэлігіяй, якія ўключалі нацыяналізацыю і канфіскацыю царкоўнай уласнасці, асабістай маёмасці духавенства; ускрыццё мошчаў прападобнай Еўфрасінні Полацкай, правядзенне антырэлігійных кампаній [13, л. 2—14 адв.; 14, л. 5; 36, л. 66—66 адв.].

З 1925 г. у СССР пачала дзейнічаць грамадская арганізацыя «Саюз ваяўнічых бязбожнікаў» (да 1929 г. «Саюз бязбожнікаў»), стварэнне якой было ініцыявана камуністычнай партыяй. На арганізацыю ўскладаліся вялікія надзеі ў справе барацьбы з рэлігіяй, што знайшло адлюстраванне ў дакументах Полацкага акружкама КП(б)Б [8, л. 14].

Сярод распарадчай дакументацыі можна вылучыць такі від дакументаў як шыфраграмы і тэлеграмы (у большасці з формай «сакрэтна» ці «зусім сакрэтна»). Па іх сродках перадавалася тэрміновая інфармацыя аб метадах далейшай працы ці вырашаліся тэрміновыя пытанні. Так, у фондах ЗДА ў г. Полацку захоўваецца шыфраграма старшыні губернскай Камісіі канфіскацыі царкоўных каштоўнасцей упаўнаважанаму Віцебскага губернскага аддзела ДПУ аб парадку канфіскацыі царкоўных каштоўнасцей па Полацкім павеце [7, л. 14]. Дапаўняе інфармацыю па правядзенні кампаніі канфіскацыі царкоўных каштоўнасцей тэлеграма ДПУ аб недапушчэнні перагібаў падчас выняцця царкоўнай маёмасці [7, л. 16].

Трэцяя падгрупа дзяржаўна-партыйнай дакументацыі — *справаздачна-інфармацыйная* (даклады, дакладныя запіскі, зводкі). У гэтай падгрупе абагульняюцца і інтэрпрэтуюцца даныя па арганізацыі за канкрэтны перыяд (месяц, квартал, год, пяцігодку), вызначаюцца перспектывы на наступны тэрмін. Мэтай справаздачнай дакументацыі з'яўлялася ажыццяўленне зваротнай сувязі паміж ніжэй- і вышэйстаячымі арганізацыямі.

Цікавым дакументам дадзенай падгрупы па гісторыі праваслаўнай царквы з'яўляецца дакладная запіска старшыні Дрысенскага РВК у Адміністрацыйны аддзел Полацкага акрвыканкама аб рэлігійных абшчынах і служачых рэлігійных культаў раёна [15, л. 1]. У дакуменце пералічваюцца як зарэгістраваныя, так і незарэгістраваныя даныя з указаннем колькасці веруючых. Сярод дакументаў ЗДА ў г. Полацку ёсць і даклад упаўнаважанага члена Праверачнай камісіі па правядзенню прац па канфіскацыі царкоўных каштоўнасцей па Полацкім павеце [7, л. 100].

Царкоўнае жыццё ў 1920—1930-х гг. было пад пільным наглядам кантралюючых дзяржаўных органаў (ДПУ, НКУС), якія мелі пэўныя адрозненні ад іншых дзяржаўных і партыйных устаноў. У выніку, матэрыялы дадзеных устаноў можна ўмоўна вылучыць у асобную падгрупу — *аператыўных матэрыялаў* (агентурныя данясенні, мемарандумы), якія складаліся на падставе звестак, што атрымліваліся ад інфарматараў, агентаў, сакрэтных супрацоўнікаў шляхам сакрэтнага назірання за людзьмі і выяўлення патрэбных звестак, прымянення перлюстрацыі карэспандэнцыі.

Сярод матэрыялаў дзяржаўных органаў захаваліся дакументы, што сведчаць аб падтрымцы органамі ДПУ прадстаўнікоў абнаўленства [16, л. 240].

Асаблівую цікавасць прадстаўляюць агентурныя данясенні інфарматараў НКУС БССР, у якіх акцэнтуецца ўвага на прыналежнасці да царквы і адносінах да яе мясцовых жыхароў. Змяшчаецца інфармацыя аб выкананні рэлігійных абрадаў на тэрыторыі Асвейскага раёна ў 1937—1939 гг., калі дзеючых цэркваў не засталося, і рэлігійнае жыццё працягвалася праз таемнае здзяйсненне набажэнстваў і абрадаў [17, л. 1, 10, 11, 14, 19, 27, 47; 18, л. 70, 137, 206, 234; 19, л. 61—64].

Адмысловая ўвага надавалася Усесаюзнаму перапісу насельніцтва 1937 г. Захаваліся і дайшлі да нас матэрыялы аб адносінах насельніцтва Асвейскага раёна да пытання перапіснога ліста, аб рэлігійных або атэістычных перакананнях рэспандэнта [17, л. 133; 19, л. 100].

Падобнага роду матэрыялы маюць вялікае значэнне для разумення атмасферы ў асяроддзі веруючага насельніцтва ў ходзе правядзення антырэлігійнай палітыкі. Менавіта ў іх мы назіраем непасрэдныя адносіны веруючых да тых ці іншых дзеянняў дзяржаўных органаў. Аднак варта прызнаць, што ва ўмовах таго часу многія праблемы этнаканфесійнай штодзённасці заставаліся за межамі дадзеных дакументаў.

Да *ўлікова-кантралюючай* дакументацыі адносяцца спісы, анкеты, ведамасці, табліцы, вопісы. Вартыя ўвазе кнігі ўліку малітоўных дамоў за 1925 г., якія прадстаўляліся ў Полацкі акрвыканкам райвыканкамамі раёнаў акругі. Так, захаваліся кнігі Полацкага [16, л. 258—263], Ветрынскага [16, л. 265—268], Ушачскага [16, л. 270 адв.—279], Вульскага [16, л. 282 адв.—285], Краснапольскага [16, л. 287—289], Дрысенскага [16, л. 292—295], Асвейскага [16, 298—301], Валынецкага [16, л. 302—303] і Расонскага [16, л. 305—308] раёнаў. На іх аснове ствараўся агульны спіс рэлігійных культавых устаноў, што знаходзіліся на тэрыторыі Полацкай акругі [16, л. 67—78]. Дадзеныя дакументы змяшчаюць інфармацыю пра назву рэлігійнага будынка, іх тып (прыходскія, прыпісныя, манастырскія і інш.), колькасць веруючых і святароў па кожнай царкве, кароткую характарыстыку святара (узрост, да якой царкоўнай арыентацыі ён належыць, адносіны да савецкай улады і інш.). Калі царква была закрыта, то адзначалася калі, кім і па якой прычыне. Акрамя агульнай інфармацыі па Полацкай акрузе, такая інфармацыя была падзелена і па раёнах Полаччыны. Згодна дадзеных дакументаў, на 1925 г. на тэрыторыі Полацкай акругі дзейнічала 81 царква. Трэба звярнуць увагу на тое, што некаторыя графы ў адносінах да прыналежнасці таго ці іншага святара да пэўнай царкоўнай групоўкі (ціханаўцы, абнаўленцы) заставаліся пустыя, што не дазваляе ў поўнай меры казаць пра суадносіны сіл царкоўных груп на тэрыторыі акругі.

Згодна з дэкрэтам ад 3 жніўня 1922 г. аб арганізацыі рэлігійных таварыстваў, веруючыя любой канфесіі маглі стварыць сваё рэлігійнае аб'яднанне (абшчыну). Для гэтага было неабходна прайсці рэгістрацыю ў мясцовых орга-

нах выканаўчай улады, каб заключыць дагавор на атрыманне ў карыстанне культавых будынкаў і інвентара для набажэнства. Заключэнне дагавора было абавязковым. Калі на працягу месяца абшчына не заключала яго, улады пазбаўлялі вернікаў права карыстання будынкам і інвентаром [20].

Згодна з умовамі дагавора, у храмах не дапускаліся палітычныя сходы, варожыя Савецкай уладзе, а таксама продаж і распаўсюджванне кніг, улётак, накіраваных супраць улады. У храмах павінны быць інвентарныя вопісы маёмасці. Дзякуючы гэтым вопісам да нашых дзён у архіўных дакументах захаваліся звесткі аб шматлікіх сельскіх цэрквах паўночна-ўсходняй частцы Беларусі. Дадзеныя дакументы мелі пэўную структуру: 1) апісанне вонкавага і ўнутранага выгляду храма; 2) указанне прадметаў і іх колькасці; 3) подпісы членаў царкоўнапрыходскага савета [21, л. 10—12; 22, л. 46—48; 23, л. 4—7].

Заключэнне дагавораў суправаджалася рэгістрацыяй усіх членаў абшчыны. Такім чынам, улада атрымлівала падрабязныя спісы прыхаджан, што дапамагала ёй ажыццяўляць кантроль над рэлігійнай дзейнасцю народа [22, л. 42—43; 23, л. 8—9 адв.].

Пэўны пласт улікова-кантралюючай дакументацыі прадстаўлены «Анкетамі служкаў рэлігійных культаў» [24, л. 6; 11, л. 11, 12 адв.—13; 12, л. 12; 25, л. 14; 26, л. 18; 27, л. 13—24]. У іх зафіксаваны біяграфічныя даныя асобы, звесткі аб выкананні ёй культавых абавязкаў і палітычнай лаяльнасці. У залежнасці ад прыналежнасці да тых ці іншых рэлігійных культаў, звесткі маглі вар’іравацца. Яны запаўняліся самой асобай і змяшчалі: прозвішча, імя і імя па бацьку, сан, месца службы і жыхарства, адукацыю, год і месца нараджэння, сацыяльнае і маёмаснае становішча, час паступлення ў духоўнае званне, звесткі аб месцы службы і займаемых пасадах з 1914 г. па цяперашні час.

Захаваўся і спіс служкаў розных рэлігійных культаў і манахаў г. Полацка за 1925 г. [16, л. 244].

У фондзе 28 «Асвейскае раённае аддзяленне Упраўлення Народнага Камісарыята ўнутраных спраў БССР» змяшчаюцца анкеты, запоўненыя супрацоўнікамі НКУС на аснове агентурных і афіцыйных матэрыялаў на главу сям’і [17, л. 12—13 адв., 15—16 адв.; 28, л. 78—79 адв.]. Анкета складаецца з 5 раздзелаў: агульныя звесткі; склад сям’і; што рабіў і чым займаўся як сам, так і асобныя члены сям’і (да рэвалюцыі і пасля); іншыя даныя; заўвага. Першы раздзел змяшчае асабістыя даныя (прозвішча, імя, імя па бацьку, год і месца нараджэння і інш.). У другім раздзеле змяшчаецца інфармацыя аб ступені сваяцтва, узросце, роду заняткаў і дакладным адрасе пражывання. Прысутнічаюць даныя аб маёмасным становішчы як да рэвалюцыі, так і пасля, даныя аб судзімасці, а таксама аб пазбаўленні сям’і выбарчых правоў.

У трэцім раздзеле акцэнтуецца ўвага да асобы духоўнага звання: калі зняў сан, то патрабавалася адзначыць прычыну зняцця і чым гэта было выклікана. Акрамя святароў, у дадзенай графе рабілася пазнака аб прыналежнасці рэпрэсаванага да царкоўнага, касцёльнага ці іншага рэлігійнага саветаў. Згодна дадзеных звестак можна аднавіць страчаныя імёны святароў цэркваў ці іншых рэлігійных дзеячаў 1920—1930-х гг.

Чацвёрты раздзел прысвечаны пытанням аб удзеле ў бандытызме, кантрабанднай дзейнасці, сувязях з замежнымі краінамі, а таксама аб прыналежнасці сваякоў да антысавецкіх элементаў.

У пятым раздзеле рабіліся пазнакі аб важных момантах жыцця анкетаванага, якія не ўвайшлі ў папярэднія раздзелы, але заслугоўвалі ўвагі з боку супрацоўнікаў НКУС.

Судзебна-следчыя дакументы, што датычацца праваслаўнай канфесіі ў 1920—1930-х гг., у фондах ЗДА ў г. Полацку прадстаўлены матэрыяламі ў адносінах да святароў в. Прудзінкі Боркавіцкага раёна (зараз Верхнядзвінскі раён) Кірыла Бяляцкага і Сакалішчанскай царквы Уладзіміра Забелы. Гэтыя справы былі ўзбуджаны ў сувязі з нявыплатай падаткаў святарамі. Сярод матэрыялаў спраў утрымліваюцца наступныя дакументы: скарга К. Бяляцкага аб няправільным абкладанні падаткам, картка падліку даходаў гаспадаркі за 1929 г., а таксама прысуд Боркавіцкага народнага суда Полацкай акругі ў адносінах святара. Справа У. Забелы захавалася ў больш дрэнным стане: прысутнічае толькі выпіска з пратаколу Боркавіцкага РВК аб пакіданні без змяненняў велічыні падатку ў адносінах да святара Сакалішчанскай царквы, а таксама картка падліку даходаў гаспадаркі апошняга за 1929 г. [29, л. 1—15, а1—а3].

У дадзеную падгрупу ўваходзіць і пратакол допыту былога старшыні царкоўнага савета Начскай царквы Полацкага павета па справе святара Н. Ананьчэнкі [30, л. 106—106 адв.].

Для характарыстыкі царкоўных працэсаў асаблівую каштоўнасць мае непасрэдна **царкоўная дакументацыя**. Крыніцы царкоўных інстытутаў і ўстаноў даюць магчымасць не толькі ўзнавіць унутранае жыццё царквы, але і адлюстроўваюць яе погляд на праблему адносін з дзяржавай. Сярод дадзеных дакументаў вылучаюцца: пратакольныя, арганізацыйныя і перапіска.

Пратакольная царкоўная дакументацыя прадстаўлена пратаколамі прыходскіх сходаў і пасяджэнняў царкоўных саветаў. Захаваліся пратаколы Сафійскага [31, л. 33, 38, 136—136 адв.] і Мікалаеўскага [31, л. 64—64 адв.] сабораў, Богаяўленскай [31, л. 53—53 адв., 60—60 адв., 79; 33, л. 572—573], Іаана-Багаслоўскай [31, л. 41—42], Дзёрнавічскай [32, л. 19] і іншых цэркваў. Дадзеныя пратаколы, у большасці, датуюцца 1922—1923 гг.

Асаблівую цікавасць па гісторыі праваслаўнай царквы прадстаўляе пратакол агульнага сходу веруючых праваслаўнага веравызнання г. Полацка ў храме Адзінаверчага прыхода 14 студзеня 1923 г. пры ўдзеле больш за 500 міран. Дадзены сход павінен быў вызначыць пазіцыю веруючых г. Полацка да абнаўленчага руху і, у прыватнасці, да абнаўленчых органаў [30, л. 36—36 адв.].

Другая падгрупа царкоўнай дакументацыі — *арганізацыйная* — уключае статуты і розныя палажэнні царкоўнай арганізацыі. Большую частку дакументаў падгрупы складаюць статуты прыходскіх абшчын, што заключаліся

падчас рэгістрацыі абшчыны. У іх агаворваліся мэты і задачы таварыства, склад, правілы прыёму новых членаў і выключэння з іх шэрагу, крыніцы паступлення сродкаў, кіраўніцтва ўнутранымі справамі, парадак змен статута ці яго палажэнняў і ліквідацыя арганізацыі ў асобных выпадках [34, л. 2—3; 35, л. 18—18 адв.; 22, л. 13—14].

У фондах архіва захавалася і копія Палажэння аб арганізацыі рупліўцаў царкоўнага абнаўлення [31, л. 99—100].

Перапіску царкоўнага паходжання ўмоўна можна падзяліць на: 1) унутрыцаркоўную (Ліст Благачыннага да веруючых Начскай воласці [30, л. 108—108 адв.], заява старшыні царкоўнага савета Богаяўленскай царквы г. Полацка аб немагчымасці выканання ўскладзеных на яго абавязкаў [31, л. 58] і інш.) і 2) карэспандэнцыю, якая была адрасавана ў грамадзянскія ўстановы, галоўным чынам — прасільнага характару (Прашэнне ўпаўнаважанага ВЦУ па Віцебскай епархіі ў Полацкі павятовы выканкам аб узяцці рэчаў з закрытага Богаяўленскага манастыра [30, л. 80—80 адв.], заявы на дазвол крыжовых ходаў [30, л. 81], заявы аб рэгістрацыі рэлігійных абшчын [31, л. 88] і інш.). Захаваліся заявы ад святароў, якія адмаўляліся ад святарскіх абавязкаў і сану [16, л. 94].

Такім чынам, у фондах ЗДА ў г. Полацку захоўваецца пэўны комплекс дакументаў, што змяшчаюць інфармацыю па гісторыі Рускай праваслаўнай царквы і яе ўзаемаадносінах з дзяржавай у 1920—1930-я гг. на тэрыторыі Полаччыны.

Гэтыя матэрыялы ўяўляюць вялікую даследчую цікавасць перш за ўсё таму, што дазваляюць прасачыць асноўныя напрамкі дзейнасці мясцовых выканаўчых органаў у адносінах да царквы, вызначыць этапы яе развіцця. Большасць дакументаў з'яўляецца ўнікальнай і дае магчымасць дэталёва рэканструяваць карціну згортвання царкоўна-адміністрацыйных структур у першыя дзесяцігоддзі савецкай улады. Унікальнасць і разнастайнасць змешчанай інфармацыі дазваляе аднесці іх у разрад каштоўных крыніц для вывучэння рэлігійнага жыцця як Полацкага рэгіёна, так і Беларусі ў цэлым.

Крыніцы

1. Характеристика фондов учреждения «Зональный государственный архив в г. Полоцке» [Электронный ресурс] // Архивы Беларуси. — Режим доступа: http://archives.gov.by/index.php?id=866571. — Дата доступа: 14.12.2014.
2. ЗГА в г. Полоцке. — Ф. 54. — Оп. 1. — Д. 342. — Л. 6—6 адв., 26—26 адв.
3. Там жа. — Д. 343. — Л. 42—42 адв., 44—47 адв.
4. Там жа. — Ф. 104. — Оп. 1. — Д. 62а. — Л. 168—168 адв.
5. Там жа. — Ф. 51. — Оп. 1. — Д. 154. — Л. 369—369 адв., 377—377 адв.
6. Там жа. — Д. 152. — Л. 4—4 адв., 29—30, 38—38 адв., 41—41 адв.
7. Там жа. — Д. 108. — Л. 5—6 адв., 8 об, 11, 14—16, 34, 100—104 адв., 106, 107
8. Там жа. — Ф. 143. — Оп. 1. — Д. 47. — Л. 1—1 адв., 10—15.
9. Там жа. — Ф. 28. — Оп. 1. — Д. 167. — Л. 363, 485.
10. Там жа. — Ф. 54. — Оп. 1. — Д. 343. — Л. 28—29 адв., 37—38 адв., 41, 48—49 адв.
11. Там жа. — Ф. 122. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 12 адв.—13, 28.

12. Там жа. — Д. 6. — Л. 12, 23.
13. Там жа. — Д. 120. — Л. 2—14 адв.
14. Там жа. — Ф. 150. — Оп. 1. — Д. 172. — Л. 5.
15. Там жа. — Ф. 129. — Оп. 1. — Д. 106. — Л. 1.
16. Там жа. — Ф. 104. — Оп. 1. — Д. 42а. — Л. 67—78, 94, 240, 244, 258—263, 265—268, 270 адв.—279, 282 адв.—285, 287—289, 292—295, 298—301, 302—303, 305—308.
17. Там жа. — Ф. 28. — Оп. 1. — Д. 163. — Л. 1, 10—16 адв., 19, 27, 47,133.
18. Там жа. — Д. 172. — Л. 70, 137, 206, 234.
19. Там жа. — Д. 173. — Л. 61—64, 100.
20. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 3 августа 1922 г. «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=18203;fld=134;from=18261-6;rnd=0.9949088452849537. — Дата доступа: 26.12.2014.
21. ЗГА в г. Полоцке. — Ф. 122. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 10—12.
22. Там жа. — Ф. 129. — Оп. 1. — Д. 20. — Л. 13—14, 42—43, 46—48.
23. Там жа. — Д. 21. — Л. 4—9 адв.
24. Там жа. — Ф. 122. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 6.
25. Там жа. — Д. 8. — Л. 14.
26. Там жа. — Д. 9. — Л. 18.
27. Там жа. — Ф. 143. — Оп. 1. — Д. 87. — Л. 13—24.
28. Там жа. — Ф. 28. — Оп. 1. — Д. 159. — Л. 78—79 адв.
29. Там жа. — Ф. 129. — Оп. 1. — Д. 1045. — Л. 1—15, а1—а3.
30. Там жа. — Ф. 51. — Оп. 1. — Д. 116. — Л. 36—36 адв., 80—81, 106—106 адв., 108—108 адв.
31. Там жа. — Д. 115. — Л. 33, 38, 41—42, 53—53 адв., 58, 60—60 адв., 64—64 адв., 79, 88, 99—100, 136—136 адв..
32. Там жа. — Ф. 122. — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 19.
33. Там жа. — Ф. 51. — Оп. 1. — Д. 28. — Л. 572—573.
34. Там жа. — Ф. 129. — Оп. 1. — Д. 15. — Л. 2—3.
35. Там жа. — Д. 19. — Л. 18—18 адв.
36. Там жа. — Ф. 51. — Оп. 1. — Д. 91. — Л. 66—66 адв.
37. Там жа. — Ф. 104. — Оп. 1. — Д. 81.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 18.02.2015

І. П. Клімаў,
дацэнт кафедры беларускай філалогіі і сусветнай літаратуры
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў,
кандыдат філалагічных навук;
e-mail: klimau@mail.ru

СПЕЦЫФІКА РЭЛІГІЙНАЙ КАМУНІКАЦЫІ Ў СФЕРЫ ПІСЬМЕНСТВА (НА АСНОВЕ ТЭКСТАЎ ХРЫСЦІЯНСТВА)

Пад камунікацыяй разумеецца працэс па абмену інфармацыяй з дапамогай пэўных сродкаў (сігналаў ці знакаў) паміж істотамі (ці істотай і створанай ёю машынай). Такі працэс абавязкова прадугледжвае наяўнасць пэўных кампанентаў (дзеянняў і прыстасаванняў): крыніцу і перадатчык інфармацыі, канал сувязі, у якім адбываецца ўласна перадача інфармацыі, а таксама яе носьбіт (сігнал, знак) і код (правілы за- і расшыфроўкі інфармацыі), нарэшце, прыёмнік з атрымальнікам інфармацыі. У гэтым працэсе абавязкова прысутнічае кантэкст (атачэнне, фон, умовы — напрыклад, час, месца, лік атрымальнікаў і інш.) і шум (розныя перашкоды), можа ажыццяўляцца зваротная сувязь (пацвярджэнне прыёму інфармацыі і праверка яе асноўных параметраў). Існаванне ўсіх падобных кампанентаў абумоўлена немагчымасцю ў аб'ектыўнай рэальнасці непасрэднага кантакту паміж крыніцай і атрымальнікам інфармацыі апрача як праз органы пачуццяў, што прымушае абодвух звяртацца да тых або іншых пасрэднікаў (сігнальных або знакавых сістэм, натуральных ці штучных).

У выпадку рэлігіі сітуацыя апрыёрна мусіць быць крыху інакшай, паколькі адзін з удзельнікаў камунікацыі надзелены незвычайнымі, звышнатуральнымі здольнасцямі — гэта сакральнае, прадстаўленае нейкім суб'ектам (Бог ці богі, дэман, дух і да т. п.), часта персаніфікаваным, або сілай (магічнай), звычайна ніяк не персаніфікаванай [4, с. 42—44, 158—163]*. Рэлігійная свядомасць, ідэалістычная па сваёй сутнасці, зыходзіць з пастулата, што сакральнае існуе рэальна — такая вера называецца фідэізмам — і дапускае непасрэдны кантакт з ім. Менавіта ў такой сітуацыі і даводзіцца казаць пра сакральную камунікацыю — абмен інфармацыяй з сакральным суб'ектам ці сілай. Паводле фідэістычных уяўленняў сакральнае валодае звышрэальнымі здольнасцямі, таму кантакт з ім можа праходзіць ментальна — непасрэдна ў свядомасці чалавека («голас гучыць прама ў душы», «Бог чытае думкі» і да т. п.). У такім выпадку перадатчык і прыёмнік, канал сувязі і знакавыя пасрэднікі (у т. л. і код) становяцца непатрэбнымі (хаця захоўваюць сваю моц кантэкст і шум). Чалавек (яго свядомасць) тады з'яўляецца прамым адпраўшчыкам ці атрымальнікам інфармацыі і не патрабуе сабе ніякіх пасрэднікаў ці сродкаў у камунікацыі.

* Выпадак, калі ўсе ўдзельнікі камунікацыі сакральныя істоты, не разглядаецца, паколькі з'яўляецца вельмі няясным, а інфармацыі наконт такой сітуацыі недастаткова. Пры камунікацыі з сакральным могуць адрозніваца легітымныя і нелегітымныя атрымальнікі інфармацыі (першыя — тыя, каму яна прызначалася, апошнія — фактычна выпадковыя прысутныя), а таксама яўныя і фіктыўныя атрымальнікі: першаму якраз і прызначаецца паведамленне, тады як апошні толькі замяшчае яго з-за няздольнасці таго фізічна прысутнічаць у момант камунікацыі [4, с. 187—189].

Аднак у аб'ектыўнай рэальнасці падобныя зносіны практычна немагчымыя па шэрагу відавочных прычын. З аднаго боку, у свядомасці чалавека няма сродкаў (апрача самаўнушэння ці аўтасугестыі), якія б дазволілі яму аб'ектыўна адрозніць уласныя вобразы, ідэі ці думкі ад тых, што «даслаў» сакральны суб'ект (сіла)*. Пры «атрыманні» інфармацыі ад такога суб'екта (сілы) непасрэдна ў свядомасці чалавека той не зможа пераканацца, што «паведамленне» сапраўды належыць нейкаму звышрэальнаму адпраўшчыку, а не самому чалавеку (хаця многія вернікі часта і сцвярджаюць адваротнае, аб'ектыўна пацвердзіць гэта немагчыма). З другога боку, у такіх «зносінах» адсутнічае зваротная сувязь: чалавек не мае іншых сродкаў апрача самаўнушэння, што найвышэйшы адрасат (і менавіта ён) атрымаў яго паведамленне, вярбальнае ці сфармуляванае ў чалавечай свядомасці. У выніку, пры ажыццяўленні сакральнай камунікацыі чалавеку фактычна даводзіцца займацца аўтакамунікацыяй [5, с. 255] — прыпісваць атрыманым «паведамленням» адвольныя семантыкі ці проста самому фармуляваць такія «паведамленні». Такім чынам, сакральная камунікацыя для назіральніка ўяўляе сабой або фікцыю, або цалкам суб'ектыўны феномен, які аб'ектыўна ніяк не можа быць зафіксаваны. Таму ў рэлігіях, нягледзячы на ўсе канстатацыі і апісанні такой камунікацыі, заўжды і непазбежна побач з ёй (а фактычна замест яе) выкарыстоўваецца апасродкаваны шлях абмену інфармацыяй. Менавіта ў гэтым выпадку трэба казаць пра рэлігійную камунікацыю.

У такой камунікацыі пасрэднікам найчасцей выступае натуральная знакавая сістэма — мова (у т. л. пісьмовы тэкст). Сапраўды, ва ўсіх рэлігіях сакральны суб'ект (сіла) звяртаецца да чалавека праз мову (звычайна — зразумелую таму), а таксама ўспрымае менавіта яе. Пры гэтым часта ў рэлігіях сцвярджаецца ці маецца на ўвазе, што чалавечая мова прынцыпова недасканалая ці толькі прыблізная для апісання сакральнага, для зносін з ім. На гэтай падставе ў філасофіі нават узнікла т. зв. праблема рэлігійнай мовы, калі з дапамогай чалавечай мовы цяжка ці зусім немагчыма апісаць Бога і яго ўласцівасці (пры гэтым такі Бог, згодна з уяўленнямі т. зв. аўрамічных рэлігій, разумеецца як поўны абсалют: бясконцы і ўсемагутны, непазнавальны і ўсяведны і г. д.). У такой сітуацыі для апісання Бога людзі мусяць звяртацца толькі да нейкіх недакладных і прыблізных замен — негацый (чым Бог не з'яўляецца), аналогій, сімвалаў, міфаў і да т. п. [9]. Пры падобным падыходзе, адпаведна, і разуменне такога Бога (у т. л. і яго паведамленняў) фактычна немагчымае, таму Богу (багам), у сваю чаргу, не застаецца нічога іншага, як зыходзіць да абмежаванасцей людзей і выкарыстоўваць дасяжны тым код ці сродкі зносін.

* Нават само паняцце аб'ектыўнасці пры гэтым губляецца, паколькі аб'ектыўна ў такім выпадку нічога не можа быць дасяжна назіранню ці фіксацыі.

Большасць і рэлігій, і вернікаў дапускае, што сакральнае па сваёй ініцыятыве можа выкарыстоўваць не толькі ўласцівую яму сакральную камунікацыю, але і апасродкаваную — чалавечую ці зразумелую чалавеку: вербальную. Найчасцей гэта з'явы акустычнай прыроды: галасы, прамовы, прароцтвы, гласалаліі і да т. п., а таксама адкравенні / аб'яўленні — прамая мова непасрэдна самога Бога (багоў), пачутая ці натхнёная. Але сакральнае можа выкарыстоўваць таксама і невербальныя сродкі: відзежы (у т. л. антрапамарфізмы) і сны, іншыя візуальныя вобразы (вясёлка, міраж, хмары і да т. п.), пахавыя і смакавыя вобразы, а таксама іх камбінацыі, у т. л. у спалучэнні з вербальнымі адзінкамі*. У якасці даволі простых сігналаў могуць служыць і стыхіі — землетрасенне, патоп, мор, голад, зацямненне сонца або месяца, навальніца, гром, дым, агонь і да т. п., якія тлумачацца людзьмі як тое ці іншае пасланне Бога ці багоў (напрыклад, «Бог злуецца», «Бог у гневе»). Рэлігійная свядомасць можа інтэрпрэтаваць як такія сігналы ці паведамленні не толькі з'явы прыроды, але таксама і падзеі асабістага жыцця, успрынятыя як субежнасці, паўтарэнні, супадзенні, тэндэнцыі і г. д. («Бог папярэджвае», «Бог пасылае знак»).

У сваю чаргу, у большасці рэлігій (калі не ва ўсіх) чалавек здольны камунікаваць з сакральным, стала ці аказіянальна. Тэарэтычна такая камунікацыя магчымая праз тры каналы: а) пэўныя вербальныя акты (просьбы, малітвы, глярыфікацыі, праклёны і г. д.), б) пэўныя стэрэатыпізаваныя дзеянні: рытуалы (у т. л. ахвярапрынашэнні, рухі, танцы) і спецыфічныя паводзіны (напрыклад, пост ці табу), а таксама невербальныя сімвалы (нямоўныя знакі, малюнкі (у т. л. татуіроўкі і арнаменты), пластычныя аб'екты і да т. п.), в) суб'ектыўнае інтэлектуальнае (інсайт, унутраная ўпэўненасць, унутранае «веданне») або пачуццёвае насланнё (натхненне) і/ці ўспрыманне (эмоцыі, якія аналізаваў Р. Ота [8], — нуміноз, галюцынацыі (відзежы, галасы), сны, мроі і інш.). Менавіта апошні канал трэба разглядаць як асноўную сферу сакральнай камунікацыі. Тут эмоцыі перадаюць тое, што семіятычным шляхам для верніка перададзена быць не можа (ці можа толькі са значнымі стратамі) — містычныя аспекты сакральнага, якія паводле свай сутнасці з'яўляюцца невыразнымі, непазнавальнымі. Аднак з прычыны суб'ектыўнасці такой камунікацыі толькі першыя два каналы з'яўляюцца асноўным аб'ектам рэлігійнай камунікацыі, і гэта знакавыя зносіны, вербальныя ці невербальныя. Тут вядучым сродкам зносін служаць вербальныя сімвалы — з-за сваёй устойлівасці і дак-

* Некаторыя даследчыкі лічаць, што ў сферы рэлігіі трэба адрозніваць два шляхі зносін у адным канале камунікацыі: вербальны (з дапамогай мовы) і сенсарны (праз органы пачуццяў: відзежы, галасы, дотык, смак), апошні нібыта і выкарыстоўвае Бог [2]. На самой справе гэта памылка: з аднаго боку, маўленне само з'яўляецца сенсарным працэсам, а з другога, у розных рэлігіях (напрыклад, у іудаізме і хрысціянстве) Бог часта выкарыстоўвае чалавечае маўленне, каб размаўляць са сваім народам, прарокамі ці іх ворагамі. Апрача таго, можа мець месца і камбінацыя вербальных ды невербальных сродкаў, што часта назіраецца ў рытуале.

ладнасці, што робіць чалавечую мову фактычна галоўным выразнікам рэлігіі. Добра вядома, што чым больш містычныя рэлігійныя веды, тым менш яны камунікабельныя [11, s. 330]. Адпаведна, чым больш вербалізавана інфармацыя той ці іншай рэлігіі, тым больш яна дасяжная для чалавека. Аднак роля мовы ў рэлігійнай камунікацыі таксама выключна важная яшчэ і таму, што мова незамяняльная пры зносінах вернікаў паміж сабой і астатнім светам.

Але вельмі значнай застаецца ў рэлігійнай камунікацыі і роля рытуалаў ды рытуалізаваных паводзін — невербальных семіётык (хаця часта ў камбінацыі з вербальнымі [4, с. 53—57]). У многіх выпадках менавіта яны дазваляюць уздзейнічаць на свет багоў, нават прымушаць іх да выканання нейкіх дзеянняў [7, p. 51]. У некаторых рэлігіях праз рытуал можна здабыць нават залежнасць багоў (духаў) ад чалавека — пры ўмове, што апошні правільна выконвае рытуал [7, p. 52—53; 11, s. 257—258; 4, с. 46—47, 136—138]. Такім чынам, сакральнае можна аўтаматычна вынікаць з дзеянняў людзей у рытуале, абы той быў правільна выкананы [7, p. 48]. Такая моц рытуалу заснавана на рэлігійным фармалізме — строгім прытрымліванні першапачатковага ўзору, які прынёс поспех [7, p. 49]. У рэлігіі рытуалы і эмоцыі ў некаторых аспектах маюць перавагу перад паняццямі і дэфініцыямі — як таму, што лягчэй успрымаюцца і не патрабуюць лагічнага аналізу, інтэлектуальнай працы, так і з-за самой прыроды рэлігіі, заснаванай на веры ці даверы.

Вернікі тэарэтычна могуць выкарыстоўваць усе тры вышэйакрэсленыя каналы для камунікацыі паміж чалавекам і сакральным, аднак на практыцы ў многіх рэлігіях такая камунікацыя, вербальная і невербальная, штучна ўскладнена, абмежавана, а то і наогул зведзена да нейкіх выключных сітуацый. Напрыклад, яна можа адбывацца толькі ў спецыяльных сітуацыях ці станах — у час рытуалу, малітвы, хваласпеву, экстазу і інш.; у снах, мроях, трансе, эйфарыі, пры галюцынацыях і інш.; пры дасягненні пэўнай кампетэнцыі, кваліфікацыі, фізіялагічнага і/ці сацыяльнага стану і да т. п. На думку некаторых даследчыкаў, камунікацыя з сакральным наогул а) адбываецца ў выключных ці памежных сітуацыях, у якіх апынаецца чалавек, і б) набывае драматызм ды напружанасць, паколькі накіравана да найвышэйшых сіл [5, с. 77—78]. Іншымі словамі, рэлігійная камунікацыя патрабуе: а) спецыяльнай сітуацыі (напрыклад, рытуалу, экстазу, фрустрацыі), б) эмацыйнай узбуджанасці (экспрэсіі, афекту) кшталту трымцення, страху ці замілавання перад сакральным, што ў дэталях было апісана Р. Ота [8].

Любая рэлігія так ці інакш дапускае ці прадугледжвае магчымасць двунакіраванага кантакту з сакральным — ад чалавека да сакральнага і наадварот (хаця ініцыятыва пачынаць такі кантакт з боку чалавека можа быць штучна абмежавана). Нават калі сакральны суб'ект ці сіла і не рэагуе адразу, у дадзены момант, на звяртанне верніка ці ахвярніка (святара), такая рэакцыя носьбітамі рэлігійнай свядомасці мяркуецца пазней або дапускаецца праз іншыя каналы. Вернікі інтуіцыйна прымаюць пастулат, што звышнатуральнае здоль-

на ўплываць на матэрыяльны свет (у т. л. чалавека), кантраляваць яго падзеі [10, p. 426]. Э. Дзюркгейм наогул лічыў, што мэта рэлігіі — рэгуляванне чалавечых адносін з сакральным (суб'ектам ці сілай), якое здольнае ўздзейнічаць на чалавека і яго жыццё [7, p. 41]. У такім выпадку рэлігійная камунікацыя мае за мэту здабыццё або спажыванне чалавекам прыхільнасці ці міласці такога суб'екта (сілы). Таму камунікацыя, у тым ці іншым выглядзе, непазбежна выконвае найважнейшую ролю ў любой рэлігіі.

Некаторыя даследчыкі спрабуюць пералічыць магчымыя жанры ці модусы вербальных зносін чалавека і Бога (калі «паведамленне» апошняга наогул можна выразіць з дапамогай чалавечай мовы). Так, Н. Мячкоўская паспрабавала падаць жанрава-камунікатыўную тыпалогію рэлігійных тэкстаў паводле пераважнай у іх мадальнасці [5, с. 79—81], фактычна ж — паводле мэтанакіраванасці маўленчага акта ў час рэлігійнай камунікацыі. Даследчыца вылучыла наступныя тыпы (далей жанры ў кожным тыпе прыводзяцца з некаторымі зменамі і ўдакладненнямі): 1) просьбы-пажаданні (замовы, заклёны і праклёны, анафемы, экзарсізмы, інвакацыі (выкліканні духаў, памерлых), добраславенні, некаторыя віды малітваў); 2) абяцанні (клятвы, абетніцы (прамісіі), прысягі); 3) гларыфікацыя (даксалогія), куды адносяцца фактычна толькі фрагменты хвалебных малітваў і гімнаў, дзе ўсхваляецца Бог і іншыя сакральныя істоты; 4) прадказанні (гаданні, прароцтвы, прадбачанні, відзежы); 5) запаветы, адрасаваныя чалавеку імператыўнага характару забароны або прадпісанні (наконт паводзін, поглядаў, рытуалаў і інш.); 6) Боскае адкравенне / аб'яўленне — непасрэдная мова самога Бога ці багоў. Як бачна, у такім пераліку прадстаўлены звяртанні да сакральнага (1—3), тады звяртанні з боку сакральнага да чалавека прадугледжваюць менш жанраў ці модусаў (5—6), а жанры (4) тут займаюць нейкае пасрэднае становішча, дапускаючы выкарыстоўваць сябе абодвум бакам.

Даволі часта ў многіх рэлігіях свету існуюць тыя або іншыя абмежаванні ці нават прамыя забароны на рэлігійную камунікацыю — і на пасланне паведамлення да сакральнага суб'екта (сілы), і на прыём сакральнай інфармацыі ад яго (яе). Сама такая інфармацыя лічыцца дасяжнай (зразумелай) далёка не ўсім вернікам, не ў любой сітуацыі і да т. п. Таму ў многіх рэлігіях для зносін з сакральным вылучаюцца спецыяльныя пасрэднікі (асобы ці аб'екты) — кантакцёры. Яны звычайна спецыялізуюцца на рэлігійнай камунікацыі і забяспечваюць яе паспяховасць. Такія пасрэднікі часта адзіныя здольныя адпраўляць і/ці прымаць сакральную інфармацыю, адпаведна, належным чынам (дэ)кадуючы яе. Хаця кантакцёрамі могуць служыць і прадметы (у т. л. амулеты, талісманы), большую ролю адыгрываюць усё ж персаніфікаваныя постаці. Гэта могуць быць як звышнатуральныя асобы (архіанёлы, анёлы, херувімы, серафімы і інш.; дэманы, д'яблы, бесы і інш., мерцвякі, прывіды, душы памерлых ці жывых людзей, жывёл, раслін і г. д.), так і чалавечыя асобы. У ліку апошніх можна вылучыць два асноўныя тыпы кантакцёраў: а) прарокі, шаманы — асобы, што ўваходзяць у кантакт у час сну ці бадзёрасці або ў час нейкага спантаннага рытуалу (сюды таксама можна аднесці ведуноў (медыўмаў, знахараў), натуральна, за выняткам іх лекавальнай, тэрапеўтычнай дзейнасці) [11, s. 246—247]*; б) жрацы, ці ахвярнікі (святары) — спецыялізаваныя ўдзельнікі сталага рэлігійнага культу (і часта галоўныя яго выканаўцы)**. Апошнія дзейнічаюць у складзе пэўнага культу, які і служыць кантэкстам іх дзейнасці, і часта існуюць за кошт такога культу. Яны нярэдка паходзяць са жрэчаскіх сем'яў (напрыклад: брахманы, левіты) і спецыяльна падрыхтаваныя для выканання рытуалаў і цырымоній, звычайна, звязаных з прынясеннем ахвяры (часта сімвалічнай) ці пакланеннем звышнатуральнаму суб'екту. Само выкананне такіх дзеянняў ужо азначае для вернікаў пэўны кантакт з сакральным, спробу паўздзейнічаць на яго. У гэтым працэсе ахвярнікі (жрацы) інстытуалізуюць зносіны з суб'ектам, ператвараючы такі кантакт з акта індывідуальнага вопыту (як у пракаў) у сацыяльны інстытут (карпаратыўную акцыю). Калі кантакт прарока, шамана абавязаны яго асабістаму натхненню (сувязю з сакральным) і характару, то кантакт ахвярніка (жраца) залежыць ад яго ролі ў рытуале і досягу да карпаратыўных ведаў і уменняў (звычайна набытых шляхам пераймання, навучання). Святар (ахвярнік, жрэц) дае дабрадаць ці выратаванне з-за сваёй пасады, тады як прарок — праз асабістую харызму [11, s. 268], якая, на думку М. Вебера, на самой справе азначае нейкі кшталт магіі [11, s. 269], чараўніцтва [11, s. 285]. Фактычна прарок з'яўляецца самавольным дэмагогам (звычайна з ліку ляікаў), які імкнецца замяніць традыцыйны рытуал этыкай пераканання [11, s. 285]. З больш рэдкіх тыпаў кантакцёраў можна назваць калектыўны кантакт, калі калектыў вернікаў разам выконвае рытуал ці звяртаецца з просьбай да Бога (багоў) [4, с. 180—182].

Рэлігійныя ўяўленні ці вучэнні ў больш-менш сістэматызаваным выглядзе, а таксама рытуальныя формулы і апісанні, этычныя вучэнні розных рэлігій фармулююцца і існуюць адпачатку ў вуснай форме. Аднак з развіццём і рэлігіі, і цывілізацыі яны часта выкладаюцца і замацоўваюцца ў пісьмовых тэкстах (такія веравызнанні называюць рэлігіямі Пісьма, ці кніжнымі рэлігіямі — «Buchreligion»)***. Пісьмовая форма надае такім рэлігіям стабільнасць

* Відаць, сюды нельга адносіць прадказальнікаў, якія фармальна не звяртаюцца да духаў, а толькі ведаюць правілы іх дзеяння, што дазваляе на падставе назірання сімптомаў прадказваць намеры і паводзіны духаў [11, s. 260]. Але аракул, які звяртаецца з пытаннем да боства, будзе адрозніваецца ад прадказальніка.

** Да іх ліку можна аднесці таксама містагогаў — настаўнікаў ці прапагандыстаў містычных вучэнняў. Звычайна гэта кіраўнікі грамады вучняў ці паслядоўнікаў, для якіх містагог ажыццяўляе містэрыі (патаемныя рытуалы — свайго роду магічныя дзеянні), прызначаныя для пасвечаных і закрытыя для астатніх, звычайна без апірышча на нейкую дактрыну [11, s. 272—273, 307]. Такая грамада звычайна нерэгулярная ў сваім складзе [11, s. 276].

*** Лік такіх рэлігій даволі значны, з найбольш масавых і шырока вядомых можна назваць: індуізм, зараастрызм, канфуцыянства, будызм, даасізм, іудаізм, хрысціянства,

(праз дакладнасць сэнсаў, упарадкаванасць і сістэматызаванасць вучэння) і ўплывовасць (дасяжнасць шырокаму колу атрымальнікаў), што спрыяе павелічэнню колькасці вернікаў і змяншэнню праціўнікаў ці апанентаў. Гэта вядзе да распаўсюджання самой рэлігіі ў свеце, за межы пэўнага племя, этнасу, дзяржавы — так узнікаюць сусветныя рэлігіі.

Сярод усіх рэлігійных тэкстаў вылучаюцца тэксты з максімальнай аўтарытэтнасцю ці з асаблівым статусам, які прынцыпова адрознівае іх ад любых тэкстаў прафаннага свету. Такія тэксты называюцца сакральнымі, паколькі ім (а часам і іх лінгвістычным элементам — літарам, словам, фразам і г. д.)* прыпісваецца сакральнасць — тыя або іншыя ненатуральныя, незвычайныя ўласцівасці [5, с. 77], якіх пазбаўлены ўсе астатнія тэксты свету, рэлігійныя і прафанныя. Да ліку такіх уласцівасцей сакральных тэкстаў адносяць: а) экстрарэальнае паходжанне (нібыта іх стварыў ці паслаў Бог, або ён натхніў на іх напісанне і да т. п. [4, с. 35—37]), б) магічнасць (здольнасць надаваць нейкія незвычайныя сілы ці дазваляць авалодваць імі, каб уплываць на рэчаіснасць), в) святасць (прысутнасць чысціні, беззаганнасць, безграхоўнасць, фактычна — этычнае вымярэнне), г) зразумеласць транцэндэнтным сілам [5, с. 77—79; 4, с. 33—34]. Паводле фідэістычных уяўленняў сакральнае слова ці тэкст валодае асаблівай сілай, магутнасцю і незвычайнымі ўласцівасцямі (напрыклад, дапамагае ўсталёўваць кантакт з Богам ці трансцэндэнтнай рэальнасцю), а таму часта з’яўляецца кампанентам культу. Таму словам і выразам (а часам таксама і літарам / знакам пісьма), усім або толькі частцы, прыпісваецца ў сакральным тэксце дадатковы змест — магічны (сакральны), які не вычэрпваецца звычайнай семантыкай такой адзінкі [4, с. 135—136]. Аднак пераходным рэлігіям (будызму, даасізму, канфуцыянству) фідэістычныя адносіны да слова і рэлігійнага тэксту не ўласцівыя, таму там фактычна няма сакральных тэкстаў [5, с. 141—144], хаця маюцца рэлігійныя і існуе пэўны аўтарытарны дыскурс (напрыклад, загады, указанні і павучэнні настаўнікаў, мудрацоў).

іслам [5, с. 146]. Свае тэксты мелі таксама рэлігіі, якія ўжо не існуюць, напрыклад, старажытнаегіпецкі і старажытнагрэчаскі політэізмы, сінтэтычныя мандэ(а)ізм і маніхейства. На ўзор буйных рэлігій Пісьма некаторыя пазнейшыя рэлігіі, сінкрэтычныя паводле свайго генезісу (былыя секты ці плыні буйных рэлігій), таксама набылі ўласныя тэксты (напрыклад, сікхі, язіды).

* Вернікі могуць прыпісваць сакральнасць не толькі тэксту, але і яго форме ці атрыбутам (літарам, іх элементам, матэрыялам пісьма, на якім ён змяшчаецца, і г. д.) ці выкарыстоўваць тэкст як сакральны аб’ект, талісман, амулет. Валоданне такім артэфактам ці дотык да яго здольны рабіць цудадзейны эфект — вылечваць, ратаваць ад бяды, праганяць дэманаў ці злых духаў і да т. п. Такая сакралізацыя можа быць абмежавана індывідуальнай схільнасцю, а можа інстытуалізоўвацца, замацоўвацца ў догмах і практыцы рэлігіі ці рэлігійнай групы. Нават у хрысціянстве сакральныя тэксты могуць выкарыстоўвацца ў якасці рэліквіі (параўн.: напрастольныя Евангеллі ці Апосталы ў час набажэнства).

Трэба разумець, што сакральнасць толькі прыпісана тэкстам, але не вынікае аб’ектыўна з якіх бы то ні было іх якасцей. Такім чынам, аўтарытэт, высокі статус сакральных тэкстаў грунтуецца толькі на ўяўленнях і ідэях людзей, якія вераць у святасць такіх тэкстаў (ці іх адзінак) — на чалавечым фідэізме. Сакральныя тэксты дэманструюць свае звышнатуральныя ўласцівасці і выяўляюць сваю сувязь з сакральным, як правіла, толькі для прыхільнікаў дадзенай рэлігіі, тады як для астатніх людзей (нават з рэлігійнай свядомасцю) падобнай каштоўнасці не маюць. За межамі групы вернікаў сакральныя ўласцівасці яе рэлігійных тэкстаў могуць не прызнавацца і адхіляцца, разглядацца як звычайныя тэксты — проста рэлігійныя ці нават прафанныя. Патрабаванні і пастулаты пэўнай рэлігіі маюць катэгарычную моц толькі для яе прыхільнікаў. Такім чынам, сакральнасць тэкстаў мае адносны характар, гэта фактычна статус, што самавольна прыпісваецца тэкстам пэўнай рэлігійнай супольнасцю [5, с. 77; 4, с. 13, 31—32]. Адзіная прыкмета сакральнасці тэкстаў палягае толькі ў тым, што іх нехта з пэўнага моманту прызнаў сакральнымі [4, с. 37]. Спецыфіку сакральных тэкстаў вывучае спецыяльная навука — іералогія.

У запісаных сакральных тэкстах змяшчаецца важная для рэлігіі інфармацыя: рытуальныя апісанні і формулы, культавыя прадпісанні, парады і развažанні жрацоў (ахвярнікаў) ці мудрацоў, паведамленне самога Бога ці багоў (т. зв. адкравенне / аб’яўленне), уласна рэлігійнае вучэнне, больш-менш звязнае: пра Бога і яго праявы, свет, веру і выратаванне, пазбаўленне цяжкасцей, пакутаў (у гэтым жыцці ці ў нейкім трансцэндэнтным існаванні пасля смерці), нормы паводзін і да т. п. Гэтая інфармацыя падаецца як выкладзеная прарокамі, жрацамі, мудрацамі ці наогул ананімнымі аўтарамі (чый статус нявызначаны або невядомы), нарэшце, непасрэдна самім Богам ці яго звышнатуральнымі прадстаўнікамі (анёламі, арханёламі і г. д.). Некаторыя даследчыкі падзяляюць галоўныя тэксты рэлігіі на наратыўныя і прэскрыптыўныя, дзелячы першыя яшчэ на гістарычныя і міфалагічныя, а другія — на маральныя і рытуальныя [1, с. 12]. У наратыўных пераважаюць метафары, якія апісваюць перажыванне сакральнага аўтарам, у прэскрыптыўных дамінуюць сімвалы, якія ўказваюць на пэўныя дзеянні і аб’екты, праз якія чытач (слухач) сам можа перажыць сакральнае [1, с. 12—13]. Натуральна, што строгі падзел рэлігійных тэкстаў на такія дыхатаміі даволі ўмоўны [1, с. 13]. Любым больш-менш буйным тэкстам уласцівы даволі разнастайны змест, таму больш падстаў казаць пра такі падзел не саміх тэкстаў, а іх тэматыкі. Суадносіны ў сакральных тэкстах наратыву і прэскрыпцыі, як і рытуалаў ды вераванняў, рэальнасці ды прыдумкі абумоўлены гістарычнымі ўмовамі развіцця той ці іншай рэлігіі. Гэтым таксама абумоўлена і жанравая форма такіх тэкстаў, і іх моўнае выражэнне — мова рэлігійнага тэксту можа быць часткова, а то і цалкам незразумелая (ці нават бессэнсоўная) для вернікаў або для большасці людзей, дасяжнай толькі для кантакцёраў, якія выступаюць інтэрпрэтатарамі такіх сакральных тэкстаў. Тым не менш, гэта ані не ўплывае на высокую аўтарытэтнасць гэтых тэкстаў.

У вачах вернікаў сакральныя тэксты набываюць асаблівы, высокі статус і ўяўляюцца нязменнымі ды шанаванымі [5, с. 131]. Н. Мячкоўская акрэслівае агульную лінгвістычную спецыфіку сакральных тэкстаў: ім уласціва ўзнёслая стылістыка і ўскладненая паэтыка, архаічная мова, супрацьпастаўленая мове штодзённай, а таксама, у пэўных выпадках, — клішаванасць, узнаўляльнасць [5, с. 78]. Я. Верашчагін сярод іншых рыс адзначае цьмянасць, незразумеласць сакральнага тэксту — ён называе гэта тэнэбрознасцю [3, с. 69, 72]. Яна не заўжды дасягаецца архаічнай мовай — у гэтых мэтах могуць выкарыстоўвацца і спецыфічныя літаратурныя прыёмы, такія, як ітэратыўнасць (паўтаральнасць) [3, с. 72]. З-за падобных прыёмаў часам і прафанныя тэксты магчыма зблытаць з сакральнымі (ці замаскіраваць пад апошнія). Відавочна, што падобныя рысы звязаны са спробамі перадаць нумінозн вербальнымі сродкамі, часта ўжо апрабаванымі ў іншых (прафанных) жанрах і тэкстах.

Замацаванне ў пісьмовай форме сакральнай традыцыі звычайна адбываецца ў пэўны момант гісторыі, але не заўжды праходзіць як нейкі аднамаментавы акт — часам ён расцягнуты нават на стагоддзі. Такі акт называецца пісьмовай фіксацыяй, сутнасць яго — афармленне папярэдняй вуснай традыцыі, нярэдка — даволі значнай і працяглай [5, с. 225—226]. Пры гэтым тэксты такой традыцыі звычайна зазнаюць істотныя трансфармацыі, звязаныя з пераходам ад вуснай формы да пісьмовай. Так, змяняюцца спосабы падачы зместу (а часам нават і сам змест) — напрыклад, губляецца значэнне тэмпу, інтанацыі, рытму, з'яўляецца магчымасць уводзіць розныя дэйксісы і канектары, выкарыстоўваць значныя пералікі, згадваць мноства імёнаў, дэталізаваць сюжэт, развіваць кампазіцыю і да т. п.; значэнне набываюць іншыя сродкі: асаблівасці графікі і арфаграфіі (колер і выгляд знакаў пісьма), матэрыялу пісьма, унутраныя адсылкі, кампазіцыйныя асаблівасці, падзел тэксту на часткі (рубрыкацыя) — эрганоміка тэксту і да т. п.

Пераход да пісьмовай стадыі вядзе і да значных сацыяльных наступстваў: пісьмовая фіксацыя парушае эзатэрызм, магічнасць ранейшай вуснай традыцыі — цяпер патаемныя веды ў выглядзе пісьмовых тэкстаў могуць станавіцца здабыткам нават ляікаў [11, s. 279—280]; страчваецца роля вусных захавальнікаў ці выканаўцаў традыцыі, а іх значэнне пераймаюць пісары і архівісты (бібліятэкары) — спецыялісты, што працуюць з тэкстамі. Далейшае функцыянаванне рэлігіі як «кніжнай» цягне за сабой і істотныя сацыяльныя змены. Патрэба правільна карыстацца, разумець і інтэрпрэтаваць сакральныя тэксты ператварае духавенства ў нейкі кшталт літаратараў [11, s. 304] ці дэкламатараў. Адпаведна, яго падрыхтоўка пераходзіць ад нейкага харызматычнага стану да літаратурнай адукацыі [11, s. 280, 366], так, што само духавенства пачынае нават замяшчаць канцылярыстаў [11, s. 280—281] не толькі фігуральна, але і фізічна (параўн. назву канцылярыстаў у Масковіі — дзякі, пад'ячыя).

Пры пісьмовай фіксацыі ранейшай вуснай традыцыі нярэдка ўзнікае некалькі, а то і шмат варыянтаў ці версій сакральнага тэксту (ад крыху неідэнтычных да вельмі адрозных), паколькі такі тэкст можа фіксавацца ў розных рэлігійных цэнтрах і/ці прымаць у свой склад розныя ўплывы і дадаткі [5, с. 134—137], перш за ўсё з боку вуснай традыцыі, якая адразу не адмірае са з'яўленнем пісьмовай перадачы. Гэтыя варыянты ці версіі могуць вольна цыркуляваць або наадварот неяк абмяжоўвацца ў сваім распаўсюджанні, а то і цалкам забараняцца і знішчацца (у пэўным цэнтры, рэгіёне)*. Яны могуць разглядацца як папярэднія, падрыхтоўчыя або скажоныя, ці наогул як няправільныя, шкодныя. Часам варыянты пераходзяць у апакрыфічную літаратуру або нават становяцца сакральнымі тэкстамі ў пэўнай секце, плыні, канфесіі, якая адколваецца ад ранейшай традыцыі, паколькі прапануе яе нейкае інакшае тлумачэнне.

З мэтай абмежавання ўжытку, цыркуляцыі і ўплыву іншых варыянтаў ці версій сакральнага тэксту можа адбывацца яго кадыфікацыя, калі ўсталёўваецца правільнасць (паслядоўнасць) як самога сакральнага тэксту (сюжэту, кампазіцыі, лексіка-сінтаксічнай структуры), так і склад яго частак, кніг [5, с. 132—134]. Пасля гэтага такі сакральны тэкст, як правіла, не ўлягае перагляду або зменам ці дадаткам — ён ахоўваецца і абараняецца ад пашкоджання ці дыверсій [5, с. 131, 231—234], паводле выразу М. Вебера — стэрэатыпізуецца [11, s. 348—350]. Больш таго, такі тэкст часам пачынае разглядацца як існы ад веку [11, s. 348]. Сама кадыфікацыя становіцца актуальнай ва ўмовах пашырэння рэлігіі ці яе канкурэнцыі з іншымі рэлігіямі або вучэннямі [4, с. 34]. Такія працэсы непазбежна суправаджаюцца супярэчнасцямі і спрэчкамі, рознымі тлумачэннямі і інтэрпрэтацыямі. Падобныя кантраверсіі і заклікана пераадолець кансервацыя традыцыі шляхам яе кадыфікацыі; калі такой патрэбы няма, то кадыфікацыя адбываецца вельмі марудна [11, s. 280]. Таму не дзіва, што кадыфікацыя праходзіць менавіта ў крызісныя моманты існавання той ці іншай рэлігіі.

Калі традыцыя фіксуецца і кадыфікуецца ў складзе некалькіх тэкстаў, то можа ўсталёўвацца канон — набор тэкстаў (ці склад яго частак, кампанентаў, сказаў, слоў) пэўнага, фіксаванага зместу і/або пэўнага статусу, якія не падлягаюць адвольным зменам. Канон узнікае або па традыцыі, або вызначаецца

* Гэтак адбылося ва іудаізме і ісламе, дзе практычна цалкам не захавалася ранейшых варыянтаў, ці версій, сакральных тэкстаў, хаця вучоным з розных крыніц вядома, што яны існавалі (напрыклад, у яўрэйскім Св. Пісьме згадваюцца «Кніга войнаў Яхвэ» (Лічбаў 21:14) ці «Кніга Праведнага», Навін 10:13; 2 Царстваў 1:18). Такі неаднолькавы лёс гэтых варыянтаў у розных рэлігіях абумоўлены рознай ступенню сакралізацыі ў іх пісьма (гэта, на думку М. Вебера, азначае захаванне ў рэлігіі элементаў магічнасці [11, s. 280]). Для іудаізму і іслама сакральнымі з'яўляюцца нават сама графіка, літары (паколькі іх сакральныя тэксты — боганатхнёныя, а ў ісламе — нават створаныя Богам і толькі прадыктаваныя анёлам прароку), тады як у хрысціянстве сакралізуецца звычайна толькі змест, а яго знешняя абалонка (літары і словы), якія фактычна належаць прафаннаму свету [4, с. 65]. Хаця час ад часу ў хрысціянстве з'яўляліся вучэнні і секты, што абсалютызавалі графіку і мову (параўн.: Вульгату ў эпоху Сярэднявечча, царкоўнаславянскі тэкст даніканаўскай версіі ў расійскіх стараабрадцаў), іх пазіцыі ніколі не былі татальнымі і звычайна пераадольваліся.

пэўным рэлігійным інстытутам (напрыклад, вярхоўнім святаром (ахвярнікам, жрацом) ці калектывам кампетэнтных асоб) шляхам выдання пэўнага распараджэння ці акта (дакумента) або ўвядзення пэўнага правіла, нормы. Канон можа быць закрытым, калі даданне новых тэкстаў не дапушчаецца, і адкрытым, калі новыя тэксты з цягам часу могуць дадавацца (гэтак, напрыклад, у індуізме). Аднак на працягу шматлікіх стагоддзяў перапіскі ў розных мясцінах нават у кананічных і недатыкальных тэкстах непазбежна назапашваюцца памылкі і адхіленні (іх мінімальная колькасць у Торы і ў Каране), якія так або інакш выдаляюцца і касуюцца, што патрабуе абачлівай рэдактуры і больш-менш пільнага ды сталага кантролю.

У розных рэлігіях назіраецца рознае стаўленне ў справе досягу яе прыхільнікаў да сакральнага тэксту і яго выкарыстання ў рытуале. Часам досяг да сакральных тэкстаў (напрыклад, іх чытанне і публічнае абмеркаванне або тлумачэнне) штучна абмежаваны (а то і забаронены зусім, як для ніжэйшых шыхтоў і кастаў у індуізме) і магчымы толькі для пасвечаных ці абраннікаў (імі звычайна з'яўляюцца ахвярнікі (жрацы), пракрокі, шаманы або нават пэўныя групы насельніцтва, як, напрыклад, вышэйшыя касты ў індуізме ці хрысціянскае духавенства ў эпоху Сярэднявечча) або толькі пасля выканання пэўных абрадаў ці здабыцця пэўнай адукацыі, кампетэнцыі, узросту, сацыяльнага статусу і да т. п. Гэта робіцца з мэтай пазбегнуць «няправільнага» разумення ці выкарыстання такіх тэкстаў [4, с. 33]. Зрэдку яны могуць захоўвацца ў патаемнасці, але ўсё ж часцей прапагандуюцца. У іншых рэлігіях досяг да сакральных тэкстаў больш ці зусім вольны, але і там можа патрабавацца піетэт ці пэўны псіхалагічны настрой (ад канцэнтрацыі ўвагі да экстазу) нават пры асабістым чытанні ці цытаванні (звычайна ў рэлігійным асяроддзі). Нашмат складаней абыходжанне з сакральным тэкстам пры выкарыстанні яго ў рытуале. Тут можа існаваць мноства акрэсленых і шчыльна кантраляваных патрабаванняў да зачытвання ці вымаўлення або цытацыі, да голасу, гучнасці, інтанацыі, тэмбру, рытму і г. д., да якасці і памеру матэрыялу пісьма, колеру і выгляду пісьмовых знакаў, да ўзяцця ў рукі ці ўручэння іншым асобам і г. д., выкананне розных спецыфічных маніпуляцый з сакральным тэкстам (перапіска, пераклад, тлумачэнне, рэдагаванне і да т. п.). Прычыны такой ізаляцыі сакральных тэкстаў у асноўным абумоўлены прафесійнымі мэтамі [11, s. 279]. Нярэдка парушэнне існуючых правілаў досягу да сакральнага тэксту ці яго выкарыстання ў рытуале можа акрэслівацца як яго прафанацыя (разбурэнне сакральнасці тэксту і/ці рытуалу, у якім ён выкарыстоўваецца), зграшэнне ці грэх або злачынства, што можа цягнуць няшчасці і пакаранні (у розным маштабе — толькі для асобы, што дапусціла падобную прафанацыю, ці для ўсёй сацыяльнай або этнічнай групы, якую такая асоба прадстаўляе, і г. д.).

На з'яўленні сакральнага тэксту працэс тварэння далейшай рэлігійнай літаратуры ў рэлігіях Пісьма, як правіла, не спыняецца. Існаванне пэўнага культу і яго функцыянераў (ахвярнікаў, ці жрацоў) і тым больш усталяванне рэлігійнай

арганізацыі — царквы — звычайна цягне за сабой развіццё разнастайнай рэлігійнай літаратуры (асабліва значных памераў яна дасягнула ў хрысціянстве і будызме). Пад уплывам культавай ці царкоўнай практыкі вакол зафіксаваных на пісьме сакральных тэкстаў паступова ўтвараецца далейшая рэлігійная літаратура, якая складаецца з тлумачальных, культавых, дапаможных і пераходных тэкстаў [6, с. 17—23, 78—79]. Параўнальна з сакральнымі, яны маюць ужо ніжэйшы статус і аўтарытэт, успрымаюцца як перыферыйныя, факультатыўныя, менш аўтарытэтныя ды абавязковыя і дапускаюць змены, пераробкі, рэдактуры і да т. п. [5, с. 134, 148—149, 159]. У выніку ўзнікае цэлы комплекс рэлігійных тэкстаў, вельмі разнастайных паводле сваёй формы і жанру, аб'ёму, паходжання і функцыі, а таксама ступені сакральнасці і аўтарытэтнасці. Такім чынам, далёка не ўсе рэлігійныя тэксты з'яўляюцца сакральнымі [4, с. 31—32]. У сувязі з гэтым некаторыя даследчыкі гавораць пра іерархію рэлігійных тэкстаў, вылучаючы сярод іх першасныя і другасныя (у генетычным і зместавым плане) [5, с. 148—149, 158—159]. На практыцы падобны падзел правесці даволі складана, паколькі статусы многіх тэкстаў і жанраў не аднолькавыя ў розных кантэкстах (у сферах ужытку, канфесіях / сектах, рэгіёнах / культурах, эпохах і да т. п.), што прыводзіць да разыходжання паміж рэальнай функцыяй такіх твораў (жанраў) у дадзенай рэлігіі (царкве, канфесіі, секце), у дадзеную канкрэтную эпоху і тым значэннем, што прыпісваецца тэкстам тэалогіяй ці догмай*. (Прыкладам можа служыць Апакаліпсіс у каталіцтве і ў грэка-візантыйскім праваслаўі: у першай канфесіі ён выкарыстоўваецца ў набажэнстве, у апошняй — не, адпаведна і рэальная распаўсюджанасць такога тэксту ў пісьменстве будзе ў гэтых канфесіях эпохі Сярэднявечча рознай).

У складзе далейшай рэлігійнай літаратуры вылучаюць комплекс асабліва аўтарытэтных тэкстаў — т. зв. Св. Паданне (уласціва хрысціянству і іудаізму), якое перадае (першапачаткова — у вуснай форме) догму, дух і сутнасць рэлігійнага вучэння (ад найбольш аўтарытэтных настаўнікаў ці іншых крыніц) [6, с. 8]. У хрысціянстве да Падання адносяцца творы вучняў Хрыста — апосталаў і яго паслядоўнікаў як бліжэйшых у часе (евангелістаў), так і духоўных (якія зносіліся трансцэндэнтна) — т. зв. Айцоў і Дактароў Царквы, святых і блаславёных,

* Догма — гэта, уласна, вучэнне святароў пра сэнс Адкравення (Аб'яўлення) і рэлігійнай традыцыі, якія якраз і тлумачацца з дапамогай дагматаў [11, s. 279]. Такім чынам, догма (і дагмат) — гэта не тое, што прадстаўлена ў Св. Пісьме (па меншай ступені, эксплiцытна), а тое, што выводзіцца з яго: нейкае цэласнае вучэнне (царквы ці духавенства). Дагматы адрозніваюць рэлігію ці прароцтва ад магіі [11, s. 340—341], аднак уласцівыя толькім некаторым рэлігіям (хрысціянству, іудаізму, ісламу, зараастрызму), хаця развітая і разнастайная дагматыка (веданне якой часткова нават абавязкова для нецаркоўнікаў) склалася толькі ў хрысціянстве [11, s. 281—282, 341]. У іншых рэлігіях (напрыклад, ведыйскай, канфуцыянстве) афіцыйная дагматыка адсутнічае (яе замяняюць больш-менш артадаксальныя меркаванні філосафаў), а святары ці выканаўцы культу з'яўляюцца і носьбітамі, і перадатчыкамі сакральных ведаў [11, s. 341].

тэолагаў, царкоўных пісьменнікаў і правазнаўцаў і інш. [5, с. 161—166]. Іх часта называюць яшчэ патрыстычнымі творамі, ці патрыстыкай [6, с. 2—4], у жанравых адносінах яны вельмі разнастайныя. «Корпус патрыстычных твораў практычна неабсяжны», у плане ж зместу яны характарызуюцца павышанай увагай да логіка-тэарэтычных і дактрынальных аспектаў тэалогіі [5, с. 163]. Аднак мяжа тэкстаў Св. Падання з астатнімі рэлігійнымі, але несакральнымі тэкстамі ў хрысціянстве не вельмі выразная і не заўжды можа быць праведзена дакладна, а калі і праведзена, то застанецца ў значнай ступені ўмоўнай ці прыблізнай. У выніку гістарычнага развіцця Св. Паданне набывае вельмі важнае значэнне ў вачах традыцыяналістаў і кансерватараў. Яго нават пачынаюць супрацьстаўляць Св. Пісьму, сцвярджаючы, што ў асобных выпадках і пытаннях Св. Паданне яму роўнае ці нават пераўзыходзіць: Св. Пісьмо няпоўнае ці не да канца зразумелае без Св. Падання [5, с. 164—165]. У пэўны момант абсалютызацыя гэтай пазіцыі ў каталіцызме прывяла, напрыклад, да выбуху Рэфармацыі ў XVI ст., калі пратэстанты адхілілі значэнне Св. Падання (яго сталі лічыць толькі калекцыяй дакументаў царкоўнага жыцця, помнікамі царкоўнай гісторыі, уключаючы туды нават ерэтычныя творы [6, с. 12, 15, 16]) і абвясцілі прымат Св. Пісьма.

Пад уплывам сакральных і аўтарытэтных (Св. Падання) тэкстаў, але часткова разам, паралельна з імі ўзнікае і развіваецца апакрыфічная літаратура [5, с. 138—139]. Яна ўяўляе сабой своеасаблівую (часта — больш мастацкую ці займальную) сюжэтную і тэматычную (а часта і жанравую ды функцыянальную) паралель да кананічнай, афіцыйнай рэлігійнай літаратуры (у асноўным Св. Пісьма і часткова Св. Падання — з апошняга вядомыя апакрыфічныя жыцці, фіктыўныя казанні, псеўдасвятыя і да т. п.). Адны апокрыфы паходзяць з ранніх часоў і з'яўляюцца больш-менш блізкімі сучаснікамі кананічных тэкстаў (проста з розных прычын не былі ўключаны ў канон або былі выключаны з яго), іх перайманнямі або стылізацыямі, іншыя маюць позняе паходжанне і фактычна з'яўляюцца другаснымі (і часта літаратурнымі) творамі, якія ўзніклі ў мэтах развіцця ці дэталізацыі ўжо існуючых кананічных ці афіцыйных твораў, у якасці стылізацыі ці рэплікі на іх і да т. п. Таму не ўсе апокрыфы маюць аднолькавы статус, некаторыя з іх прызнаюцца фальшыўкамі (падробкамі) ці прыдумкамі (стылізацыямі, ці перайманнямі), іншыя — ерэтычнымі творамі, вартымі знішчэння; гэта ўплывае на захаванасць апокрыфа і яго распаўсюджанасць*.

Як бачна, рэлігійнае пісьменства далёка неаднароднае, у ім можна вылучыць пэўныя часткі, ці складнікі, адрозныя паводле ступені сваёй сакральнасці і аўтарытэтнасці: а) сакральныя тэксты (Св. Пісьмо), б) высокааўтарытэтныя рэлігійныя тэксты, блізкія ці нават тоесныя сакральным (Св. Паданне), в) іншыя рэлігійныя тэксты (за выключэннем апакрыфічных), г) апакрыфічныя тэксты,

* У пазнейшыя часы да апакрыфічных у хрысціянстве адносілі таксама тэксты паўпаганскага зместу — астралагічныя, гадальныя, чараўнічыя, соннікі, зборнікі прыкмет, закляццяў і да т. п. Фігуральна апокрыфамі ў антыклерыкальнай літаратуры маглі называцца таксама забароненыя царкоўнымі творы ці кнігі, нават не звязаныя з рэлігіяй.

д) паліятыўныя, ці паўканфесіянальныя тэксты (пераходныя да свецкіх). У цэнтры рэлігійнага пісьменства заўжды знаходзяцца сакральныя тэксты, якія фактычна арганізуюць яго вакол сябе. Яны карыстаюцца найвышэйшай пашанай унутры супольнаці прыхільнікаў дадзенай рэлігіі, якія разглядаюць такія тэксты як (паў)магічныя і звышнатуральныя. Але сакральныя тэксты — гэта тэксты з меркаванай, прыпісанай сакральнасцю, якая актуальная толькі ў межах дадзенай рэлігійнай супольнасці. Яе члены лічаць і вераць, што такія тэксты ажыццяўляюць ці дапамагаюць ажыццяўляць рэлігійную камунікацыю, якая палягае ў зносінах паміж людзьмі і звышрэальным(і) сакральным(і) суб'ектам(і) ці сілай. Такія зносіны заснаваныя на чалавечым фідэізме і адбываюцца па розных каналах як вербальных, так і невербальных. Аднак у сваім развіцці сакральныя тэксты выяўляюць тыя ж тэндэнцыі, што і любыя іншыя аўтарытэтныя, прэцэдэнтныя тэксты: яны маюць вусную традыцыю і здабываюць у пэўны момант пісьмовую фіксацыю, праходзяць праз стадыі кадыфікацыі і кананізацыі, могуць канкураваць са сваімі варыянтамі. Пры гэтым мяжа паміж сакральнымі тэкстамі і бліжэйшымі да іх іншымі рэлігійнымі тэкстамі не заўжды выразная.

Літаратура

1. Арапов, А. В. Герменевтика сакрального текста [автореф. дисс. на соиск. уч. степ. доктора философ. наук] / А. В. Арапов. — Тула, 2007.
2. Варзонин, Ю. Специфика сакральной коммуникации / Ю. Варзонин, А. Ковтун // Коммуникативное пространство: измерения, пределы, возможности: Материалы выступлений на V Международной конференции РКА «Коммуникация-2010» / под ред. М. Б. Бергельсон, М. К. Раскладкиной. — М., 2010. — С. 132—137.
3. Верещагин, Е. М. К постижению природы сакрального текста: бытование Псалтыри на Руси, в России / Е. М. Верещагин // Язык Библии: лингвотекстологические исследования. — М.; СПб., 2012. — С. 63—74.
4. Гриненко, Г. В. Сакральные тексты и сакральная коммуникация: Логико-семиотический анализ вербальной магии / Г. В. Гриненко. — М., 2000.
5. Мечковская, Н. Б. Язык и религия: Лекции по филологии и истории религий: учебн. пособ. / Н. Б. Мечковская — М., 1998.
6. Сидоров, А. И. Курс патрологии: Возникновение церковной письменности / А. И. Сидоров. — М., 1996.
7. Durkheim, E. Les formes élémentaires de la vie religieuse: Le système totémique en Australie / E. Durkheim. — [2-me éd. revue]. — Paris, 1925. (Travaux de l'année sociologique).
8. Otto, R. Das Heilige: Über das Irrationale in der Idee des Göttlichen und sein Verhältnis zum Rationalen / R. Otto. — München, 1963.
9. Striver, D. R. The Philosophy of Religious Language: Sign, Symbol, and Story / D. R. Striver. — Cambridge / Mass., 1996.
10. Tylor, E. B. Primitive Culture: Researches into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Language, Art, and Custom: in 2 vols. / E. B. Tylor. — London, 1871. — Vol. 2.
11. Weber, M. Kapitel V. Religionssoziologie (Typen religiöser Vergemeinschaftung) / M. Weber // Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriß der verstehenden Soziologie / Besorgt J. Winckelmann. — [5. Aufl.] — Tübingen, 1980. — S. 245—381.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 22.06.2015

И. Н. Вибе,
научный сотрудник Российской национальной библиотеки,
кандидат исторических наук;
e-mail: irinavibe@yandex.ru

А. И. Раздорский,
заведующий группой исторической библиографии
Российской национальной библиотеки,
кандидат исторических наук;
e-mail: razdorv@ner.ru

«СВЕДЕНИЯ ИЛИ ОПИСАНИЯ ЦЕРКВЕЙ МОГИЛЕВСКОЙ ЕПАРХИИ» 1832 ГОДА (ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

Описания отдельных епархий Русской православной церкви, составленные в период с конца XVIII в. до 1917 г., являются исключительно ценными источниками по отечественной региональной истории, причем не только церковной. Особую значимость епархиальным описаниям придает то обстоятельство, что в большинстве из них содержатся собранные и обработанные по единой программе разнообразные сведения (порой весьма подробные) о самых мелких церковно-административных территориальных единицах Российской империи — приходах*.

Систематическое составление историко-статистических описаний епархий началось после принятия особого определения Синода на этот счет от 19 мая — 6 октября 1850 г. [1]. На основе таких описаний, которые должны были готовить преподаватели местных духовных академий и семинарий или другие лица духовного ведомства, имеющие интерес к историческим исследованиям, планировалось создать общий курс истории Российской церкви. Однако попытки составления епархиальных описаний неоднократно предпринимались задолго до синодального определения 1850 г.

Наиболее ранняя из известных в настоящее время работ подобного рода относится еще к концу XVIII в. Это «Подробное историческое описание Архангельской епархии», составленное, предположительно, студентом Московского университета Л. М. Максимовичем по благословению архангельского епископа Вениамина (Румовского-Краснопевкова). Впервые оно было опубликовано на страницах «Любопытного месяцеслова» в 1795 г. [2].

Несколько раз к составлению описаний отдельных епархий приступали в 1830-е гг.

* Подробнее об епархиальных описаниях см.: Раздорский, А. И. Историко-статистические описания епархий Русской православной церкви (1848—1916): Свод. кат. и указ. содерж. — СПб., 2007. — 960 с. Всего с 1795 по 1917 г. было опубликовано 61 историко-статистическое описание по 42 епархиям (на 1917 г. в Российской церкви насчитывалось 68 епархий и 1 экзархат).

В самом начале 1830-х гг. олонецкий епископ (с 1835 г. — архиепископ) Игнатий (Семенов) решил собрать исторические сведения обо всех приходских церквах Олонецкой епархии. В 1832 г. архиерей получил от причтов материалы по 135 приходам, оставшиеся неопубликованными [3].

В 1836 г. курский губернатор М. Н. Муравьев предложил местному епископу Илиодору (Чистякову) собрать историко-статистические сведения о Курской епархии. Губернатор просил архиерея, в частности, дать распоряжение о собирании в церковных и монастырских архивах различных «летописей и старинных описаний». Особое значение придавалось составлению описаний отдельных церквей и монастырей. Для сбора сведений была разработана специальная программа. Результаты ее реализации неизвестны. Скорее всего, запрошенные сведения в полном объеме так и не были собраны, а после того, как Муравьев в 1839 г. покинул Курск, работа по составлению описания была свернута [4].

В том же 1836 г. член Оренбургского губернского статистического комитета и присутствующий член Оренбургской духовной консистории протоиерей Иоанн Бреев представил в местную духовную консисторию подробную «Программу главнейших статистических вопросов, относящихся до описания состояния церквей Оренбургской епархии и их духовенства». По указу Оренбургской духовной консистории, утвержденному епископом Иоанникием (Образцовым), копии с этой программы были разосланы в духовные правления и благочинным. В течение 1837—1839 гг. с мест были получены сведения по отдельным приходам. Однако завершить работу над описанием Оренбургской епархии и напечатать его тогда так и не удалось [5].

Более удачно сложилась судьба описания Могилевской епархии, составленного в 1832 г. В отличие от описаний Олонецкой, Курской и Оренбургской епархий, по которым в 1830-е гг. велся только сбор материалов, могилевское описание было полностью завершено. Публикация его, впрочем, так и не состоялась и, надо полагать, изначально не предусматривалась составителями.

Эта рукопись имеет заглавие «Сведения или Описания церквей Могилевской епархии, учиненные Калужского кафедрального собора протоиереем Симеоном Зверевым». В настоящее время она хранится в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге в фонде 834 (Рукописи Синода) [6], в состав которого входят самые разные (в основном неизданные) материалы, относящиеся преимущественно к истории Православной церкви [7].

Помимо могилевского описания 1832 г. в фонде 834 находятся еще 25 рукописей, представляющих собой полные епархиальные описания или их отдельные составные части, относящиеся к 13 епархиям. Все они датируются

(прямым образом или по косвенным признакам) 1850-ми гг., т. е. были составлены во исполнение синодального определения 1850 г.*

Описание Могилевской епархии не имеет точной даты составления. Время завершения работы над ним может быть определено по датам составления описаний отдельных благочиний. Первое из них, описание Могилевского кафедрального собора, датировано 11 июля 1832 г., последнее — 11 декабря того же года.

Рукопись «Сведений» помещена в переплет из плотного картона (размер 36×22,5 см), оклеенный листами тонкой темно-коричневой бумаги. Углы переплета дополнительно оклеены более плотной бумагой песочного цвета. Корешок рукописи сделан из такой же бумаги песочного цвета. По всему корешку присутствуют небольшие пятна, внизу мелкие дырочки, по верхнему и нижнему краям множественные разрывы. Края верхней и нижней крышек переплета со стороны обреза (в особенности углы) сильно деформированы: картон расслоился, бумага обтрепалась. По центру верхней крышки переплета наклеен лист желтоватой бумаги прямоугольной формы (размер 19×17,5 см), со срезанными углами. На нем коричневыми чернилами, местами стершимися, крупным писарским почерком написано заглавие рукописи. Над заглавием в верхнем правом углу листа сделана карандашная отметка: »I». В верхнем левом углу верхней крышки переплета наклеен листок бумаги квадратной формы (размер 5,8×5,8 см) с надписью: «Рукопись № 1798 Архива Святейшаго Синода», в нижнем левом углу — листок бумаги прямоугольной формы (размер 7,5×5,2 см) с архивным шифром. На корешке внизу напечатано: «Библиотеки при Святейшем Правительствующем Синоде. Отд. I (рукописи). Шк. № 32. Пол. №». По центру корешка чернилами проставлено число 45, а в верхней части карандашом — число 18.

В рукописи 392 пронумерованных листа, фолиация сквозная, номера листов проставлены на лицевой стороне, в верхнем правом углу, арабскими цифрами, коричневыми чернилами. Кроме того, в рукописи присутствуют пять незаполненных литерных листов (11а, 78а, 201а, 242а, 305а), их фолиация проставлена карандашом, а затем перечеркнута чернилами. В начале и в конце рукописи находится по одному незаполненному и непронумерованному листу. На обороте листа 392 присутствуют подпись («Калужского кафедрального собора протоиерей Симеон Зверев») и скрепа («В сей книге перенумерованных триста девяноста два листа. Титулярный советник Нестеров»).

* В их число входят полные описания епархий Владимирской (в 2-х ч.), Могилевской (1852 г.), Оренбургской, Подольской, Полоцкой, Смоленской и отдельные составные части епархий Вятской, Кавказской, Кишиневской (4 рукописи), Пензенской (8 рукописей), Рязанской (2 рукописи), Санкт-Петербургской и Симбирской. О рукописных описаниях Могилевской и Полоцкой епархий подробнее см.: Раздорский, А. И. 1) Рукописные описания Могилевской епархии XIX в. в РГИА // Белорусский сборник: Статьи и материалы по истории и культуре Белоруссии. — СПб., 2005. — Вып. 3. — С. 152—155; 2) Историко-статистическое описание Полоцкой епархии Ксенофонта Говорского и судьба древнего Полоцкого архива // Археографический ежегодник за 2002 г. —М., 2004. — С. 117—126.

Текст рукописи написан на листах желтоватой бумаги. Их размеры неодинаковы, колеблются между 35—35,5 см в длину и 22—22,5 см в ширину. Листы сшиты в 35 тетрадей, от 2 до 24 листов в каждой. Некоторые листы рукописи имеют дефекты: частично оторваны от прошивки, продырявлены, протерты, испачканы желтоватыми и темными пятнами. При создании рукописи использовалась бумага двух видов. Бумага первого вида (листы рукописи с 1 по 201 и с 389 по 392) — плотная, имеет водяные знаки: филигрань «колокол с крестом», литеры KL, цифры года выпуска бумаги (на листах 1—11, 64—69 — 1828, на листах 12—63, 70—110, 389—392 — 1830, на листах 111—201 — 1831; в последнем случае под номером года помещено еще число 12). Бумага второго вида (листы рукописи с 202 по 388) имеет водяные знаки: литеры АИБ и цифры года выпуска (на листах с 367 по 388 — 1831, на листах с 202 по 366 — 1832). Бумага этого вида, выпущенная в 1832 г., — тонкая, в 1831 г. — плотнее, но менее плотная, чем бумага первого вида.

Текст рукописи написан темно-коричневыми чернилами, разными почерками, аккуратно и в основном разборчиво, с немногочисленными исправлениями, иногда с грамматическими и орфографическими ошибками. Трудно разобрать только отдельные подписи членов причтов и церковных старост, лично или с помощью доверенного лица (по причине неграмотности или болезни) скреплявших сведения по церквам. Дополнения, пояснения, вставки в основном тексте и на полях всегда сделаны тем же почерком (т. е. теми же лицами, позднее). На некоторых листах заметны стертые записи, взамен которых сделаны другие. По всем листам рукописи имеются скрепы чернилами: «Читал епископ Могилевский и Витебский Гавриил», «Калужский кафедральный Троицкого собора протоиерей Симеон Зверев», «Могилевский благочинный Могилевского кафедрального Иосифовского собора протоиерей Иаков Гладкой». На листах описаний каждого благочиния имеются скрепы благочинных.

Кроме того, рукопись содержит пометы и тексты, свидетельствующие о редакторской работе. Во-первых, над номером описания каждой церкви поставлен крестик, означающий, по-видимому, прочтение редактором. Во-вторых, по двум благочиниям рукою Зверева вписано: «Сколько римско-католических костелов, униатских церквей и часовен находится в ведомстве сего благочиния, ведомости благочинным и по предписанию из консистории не доставлено. Между тем, мною лично усмотрено, что Православная церковь в сем благочинии и во всей Витебской губернии находится среди многих римско-католических костелов, униатских церквей и каплиц. Калужского кафедрального собора протоиерей Симеон Зверев» (л. 329; схожий текст вписан на л. 349).

«Сведения» содержат информацию о 380 православных церквях Могилевской епархии. Весь текст единообразно оформлен. Данные по каждому бла-

гочинию, как правило, начинаются с нового листа, с соответствующим заглавием, отделенным от дальнейшего текста горизонтальной линией. В заглавие входят сведения о центре прихода: название, территориальная принадлежность, имя и фамилия благочинного, дата составления донесения («Могилевского уезда ведомства благочиния Могилевской Николаевской церкви протоиерея Иоанна Вонсевича 16 июля 1832 года» или «Копыского уезда ведомства благочиния Святодуховской, что в селе Русаках, церкви священника Василия Славецкого июля 25 числа 1832 года»). После заглавия следуют три колонки. В первой пронумерованы церкви, во второй помещены их описания, в третьей внесены заверяющие скрепы. Представление о структуре рукописи дает роспись ее содержания, помещенная в приложении к настоящей статье.

Описания приходов составлялись по единому формуляру, включавшему следующие разделы: 1) о церкви — название, местоположение (город, село, иногда протекающая река), теплая или холодная, материал постройки (каменная, деревянная, часто с указанием еще и материала крыши), физическое состояние фундамента, колокольни, иконостаса и икон, с указанием их количества и качества, обеспеченность церковной утварью (в некоторых описаниях с подробным перечнем наличного), ризницей, богослужебными книгами (иногда с указанием их состояния), с перечнем недостающих (церковный устав, месячные минеи, нотный октоих, ирмологий и др.), имеющаяся земля (отдельно количество пашенной, сенокосной, усадебной) и ее качество, расстояние до нее от церкви, способ использования (например, «священноцерковнослужители владеют и обрабатывают сами»), иногда с отметкой о ведущихся по ней судебных тяжбах, наличная церковная кошельковая сумма (иногда ее назначение); 2) о приходе — число дворов и душ мужского пола, сословный состав, материальное положение и владельческая принадлежность прихожан (во владении помещиков, католического ордена, казны и др.), фамилии и имена помещиков (с указанием их материального положения, часто вероисповедной принадлежности), имеющихся земельных владениях, производящихся в судах спорных делах между землевладельцами и приходом; 3) о причте — штатный и наличный состав, условия и место проживания (иногда с пояснением причин отсутствия жилья или его плохого состояния), наличие или отсутствие вспомогательного денежного оклада (с указанием причин назначения, иногда времени, с которого выделен). Описания по каждому благочинию завершаются таблицей, в которой указаны местоположение и количество каплиц, костелов, униатских церквей и католических монастырей (кляшторов).

Форма и порядок изложения сведений по церквям, как представляется, были заранее определены организаторами описания Могилевской епархии — лицами, чьи скрепы присутствуют на листах рукописи. Какие-либо инструктивные документы на этот счет выявить пока не удалось. Но судя по оформлению и структуре текстов, данная рукопись — это сводный беловой вариант, подготовленный в консистории по подлинным рапортам и донесениям из благочиний. Основным источником информации для непосредственных составителей были, по-видимому, клировые ведомости, содержавшие различные сведения о церковно-приходской жизни — о церковных сооружениях (с указанием времени постройки, случившихся пожаров, произведенных ремонтов и выделенных на них денежных средств), составе причта (с биографическими сведениями и послужными списками), приходе и многое другое. Информация в «Сведениях» дана более сжато и не персонифицирована. Такая обобщенная форма описания была продиктована, вероятно, политическими потребностями момента. После Польского восстания 1830—1831 гг. территория Западного края была взята под особый контроль российской администрации. Для планирования преобразований в регионе, в частности, унификации религиозной жизни (все это обсуждалось тогда в Комитете по делам Западных губерний), важно было быстро собрать данные обо всех православных церквях.

Поэтому, несмотря на заданную единую форму, присланные с мест описания отличались по информационной насыщенности, которая зависела от возможности представить данные по той или иной церкви в установленные сроки, личного интереса и добросовестности составителей. В «Сведениях» немало описаний, включавших, помимо односложных ответов на вопросы формуляра, пространные пояснения и дополнения — размышления об улучшении материального положения приходов, о повышении статуса православия в Западном крае и о многом другом. Для сравнения приведем несколько вариантов описаний.

Краткое, формальное описание выглядит так: «Петропавловская, что в селе Черных, церковь деревянная, холодная, с такою же колокольнею, иконостас в ней довольно тверд, иконы благоприличны, утварью, ризницею и книгами для служения достаточна. Земли при сей церкви усадебной, пашенной и сенокосной 36 десятин и 54 сажени, которая к плодородию не вся удобна, ибо зарощена во многих местах лесом. Сею землею священноцерковнослужители владеют и обрабатывают сами. Церковной суммы на лице 2 р[убля] 31 к[опейка]. Приходских дворов 97, в них мужеска пола душ 391. Домы у священноцерковнослужителей собственные, деревянные, на церковной земле устроенные, у священника весьма благоприлично и хозяйственным образом, священник, находящийся на дьяческой вакансии, Иоанн Демьянов Карножицкий имеет ветхий дом, а пономарь по недавнему определению к сей церкви не имеет таковаго, а проживает в богадельне, впрочем, для построения ему дома церковная земля имеется. По штату при сей церкви положено быть одному священнику, дьячку и пономарю, кои и состоят на лице. Причту сей церкви по малому количеству удобной к плодородию земли и бедности прихода назначен вспомогательный 300 р[ублевый] оклад, который и имеет быть получаем с 1832 года» (л. 15 об.).

Однако встречаются в «Сведениях» и значительно более подробные описания. Например: «Архангельская, что в селе Мокрядках, церковь деревянная,

холодная, выстроена в 1825 году из домовой княгини Стурдзы церкви, вместо сожженной в 1816 году, но как сия церковь построена из домовой ветхой, то и сия вновь выстроенная имеет в стенах ветхости до того, что в углах есть скважины, чрез кои проходит дождь, и сия церковь имеет вид похожий на амбар, поелику нет ни купола, ни главы, ни паперти, покрыта дранью, в стенах на место сгнивших бревен вставлены тонкие осиновые; пол намощен из мелких неровных досок; колокольня старая, ветхая, покачнувшаяся на одну сторону, поддерживается многими подпорками. Внутри иконостас написан самым худым искусством на холсте, на престоле одежда ситцовая, на жертвеннике набойчатая простого холста; сосуды медные, трое риз, одни белокосовые, другие полуштофные голубые, третьи шалоновые*, но и сии пожертвованы в Москве бывшему там с просительною книгою прихожанину. Книг служебных недостает Устава церковного, Апостола месячных миней, Октоиха на восемь главов, нотных Ирмология и Октоиха. Суммы церковной кошельковой, собранной с просительною книгою 439 рублей 59 к[опеек]. Выстроить новую церковь прихожане помещики по бедности не в состоянии и при том вероисповедания католического, а потому и не думают о сооружении приличного храма. Каммер-герша Варвара Николаевна Нарышкина, содержащая вероисповедание грекороссийское, имеющая в сем приходе 275 душ, с 1816 года не может решиться приступить к построению церкви, в селе ли Мокрядках на прежнем месте, или в сельце Павловке в своем имении, хотя многократно к сему убеждаема была и предложениями духовного начальства, и прошением священника. Ныне сего 1832 года августа 13 дня означенная помещица каммер-герша Варвара Нарышкина данною подпискою обязалась, вместо ветхой деревянной Архангельской церкви, состоящей в оном селе, выстроить в сельце Павловке, где находится дом ее с принадлежащим заведением, новую деревянную же церковь, о чем по приготовлении материала имеет особо просить епархиальное начальство, с приложением плана и фасада на предполагаемую церковь. Ежели же что попрепятствует ей исполнить сие ее желание, в таком случае принимает на себя обязанность оказать пособие в устройстве на сем же месте настоящей Мокрядской церкви. Существование сей церкви в сем приходе необходимо потому, что сей приход окружен униатами, которыми прихожане, не имея церкви и священника, могут быть совращены из православия в католическое вероисповедание. На содержание нового благоприличного храма и на устроение утвари церковной к поступающему от просительной книги доходу потребно наличной суммы до 3000 рублей. Земли при сей церкви усадебной, пашенной и сенокосной 36 десятин, которою владеют священноцерковнослужители сами, а обрабатывают им сию землю прихожане. Приходских дворов 104, в них мужеска пола душ 425. По штату положено при сей церкви священник и два причетника, а на лице

* Перечисляются виды тканей облачения духовных лиц: белокосовая — шелковая ткань с травами и разводами; полуштофная — плотная полушерстяная или полушелковая с крупным тканным рисунком; шалоновая — тонкая шерстяная саржевого плетения.

один священник. Дом священника на церковной земле собственный, устроен хозяйственно. По малому числу прихожан бедных крестьян положен сему причту вспомогательный 300 рублевый оклад, который имеет быть получаем с 1832 года» (л. 99 об.—100 об.).

Различие представленных с мест донесений заключалось не только в степени подробности описания местных церковных реалий. Некоторые православные священники сочли необходимым высказать и свои соображения о желательных общих мероприятиях правительства в религиозной сфере. По-видимому, такой подход местных священнослужителей к поставленной задаче вполне одобрялся и церковными властями региона.

В этой связи показательны многочисленные сюжеты о католических монастырях, костелах и их прихожанах, по собственной инициативе включавшиеся в донесения представителями местных причтов. Помимо фактических сведений о быте католических приходов, православные священники давали и рекомендации на их счет, исходя из интересов православия в крае. Так, например, причт Успенской церкви в селе Радомле сообщал, что по соседству с церковью находится «огромный деревянный католический кармелитанский* монастырь на казенной земле, на которой помещены домы трех ксендзов с садом и со всеми домашними принадлежностями; все сие строение занимает собою земли более десяти десятин. Сим римско-католическим монастырем обижается и церковь православная, и служители ее; церковь потому, что ксендзы чрез помещиков, содержащих католическое вероисповедание, совращают православных в свое вероисповедание», а «звук органа заглушает в церкви пение одного причетника»; тот же монастырь принудил священника построить свой дом на расстоянии целых пяти верст от церкви, от чего священник и прихожане терпели «изнурение». Внушительный список претензий к католическому монастырю завершался предложением православного священника: «Не благоугодно ли вместо того, чтобы на казенный щет устроять сию церковь, стоящую в казенном имении, сей монастырь обратить в православную церковь и крестьян, состоящих при сем монастыре числом до 11 душ, обратить и с землею в казенное ведомство по примеру грекороссийских монастырей, чрез что всякий соблазн, вредный святой Православной церкви и чадов ее, истребится» (л. 114—115).

Часты в «Сведениях» и предложения передать униатские церкви православным прихожанам, сетования на ведущуюся среди них ксендзами пропаганду, имеющую результатом переход их в католичество (т. н. «совращения»), на отсутствие материальной и иной помощи от населения из-за принадлежности его к католическому вероисповеданию.

Нередко затрагивались в донесениях с мест и вопросы об участии православных помещиков в благоустройстве церковных сооружений, о материальной помощи с их стороны, о спорных земельных угодьях между церковью и

* Имеется в виду кармелитский.

помещиками и, в целом, о заинтересованности землевладельцев в укреплении православия в крае. Так, в описаниях по Перероставскому благочинию Белицкого уезда священники отмечали, что в их приходах имеют место трудности с ремонтом церквей и земельные тяжбы, связанные с графом Сергеем Петровичем Румянцевым, на землях которого выстроены православные церкви: «Архистратиго-Михайловская, что в селе Марковичах… В сем селе есть церковь каменная, весьма великолепная, выстроена с позволения епархиального начальства, покрыта железом, внутри и снаружи выщекатурена, пол, двери и железные решетки сделаны на щет покойного канцлера графа Николая Петровича Румянцева, но смертию сего графа прекратилась окончательная достройка сей церкви; настоящий же граф Сергей Петрович Румянцев, получа в 1826 году все имение покойного в свое владение, доселе не приступает к устроению иконостаса, отчего и устроенное в церкви приходит в разрушение» (л. 284, 285). «Рождество-Богородицкая, что в селе Прибытках, церковь настоящая, холодная, деревянная, очень огромная, в углах, стенах, крыше и крыльце ветха. Внутри церкви над трапезою свод ветх и поддерживается деревянными подставками. Колокольня отдельная деревянная в стенах крепка, но крыша на ней ветха, о понуждении к возобновлению сей церкви помещика графа Сергея Петровича Румянцева производится с 1830-го года дело по духовному и гражданскому высшим начальствам, и по сему понуждению от графа Румянцева прислано на поправление церкви 200 р[ублей], которые и хранятся в церкви с запискою в приходную книгу; но сия сумма так малозначительна, что она недостаточна для сделания подмостков, нужных при починке церкви» (л. 286 об.—287). «Покровская, что в селе Красной Буде, церковь настоящая, холодная, деревянная в стенах крепка, но крыша ветха… Земли при сей церкви усадебной менее одной десятины, и сия состоит по разным местам, пашенной по Генеральному межеванию 36 десятин значится, на сию землю планов и межевых книг нет. Но сия земля отнята помещиком графом Сергеем Петровичем Румянцевым и отдана во владение крестьян, в 1826-м году за отмером на место отнятой по Генеральному размежеванию принадлежащей причту отведена другая крестьянская неудобная болотистая и пещаная. В 1828-м году по указу Правительствующего Сената предписано по жалобе священноцерковнослужителей отдать во владение причта ту самую землю, которая принадлежит церкви по Генеральному размежеванию, но доселе сей указ Правительствующего Сената остается без надлежащего исполнения» (л. 291 об.—292).

«Сведения» являются уникальным источником для освещения малоизвестных страниц истории православия в Могилевской губернии в николаевскую эпоху. Помимо общеисторических фактов, рукопись содержит информацию, отражающую колорит повседневной приходской жизни того времени — сведения о способах и материалах реставрации обветшалых церковных зданий, быте духовных лиц и многое другое. Крайне ценны статистические материалы с указанием наличного церковного имущества и земель. Особого

внимания заслуживают данные о взаимоотношениях православных причтов с землевладельцами и католическим духовенством. Подписи представителей причтов, составленные с полным воспроизведением имени и фамилии, могут дать существенную генеалогическую и биографическую информацию. В свете сказанного научное издание «Сведений» представляется актуальным и полезным для исследователей, которые смогут использовать данный источник при изучении самых разных тем по истории Беларуси*. В настоящее время И. Н. Вибе завершает подготовку текста «Сведений» к публикации.

Приложение

Роспись содержания рукописи
«Сведения или Описания церквей Могилевской епархии»

Осмотр могилевскому кафедральному Иосифскому собору и прочим градским церквам 1832 года июля 11 дня, на основании указа из Святейшего Правительствующего Синода во исполнение имянного его императорского величества высочайшего повеления от 14 марта 1832 года за № 2433 калужского кафедрального собора протоиереем Симеоном Зверевым при местных благочинном, священноцерковнослужителях и церковном старосте учиненный, по коему осмотру оказалось следующее (л. 1—6 об.).

Могилевского уезда [сельские церкви Могилевского градского благочиния] (л. 7—11 об.).

Могилевского уезда ведомства благочиния могилевской Николаевской церкви протоиерея Иоанна Вонсевича 16-го июля 1832 года (л. 12—22).

Копыского уезда ведомства благочиния копыской Преображенской церкви священника Алексея Гловацкого июля 21 дня 1832 г. (л. 22 об.—33).

Копыского уезда ведомства благочиния Святодуховской, что в селе Русаках, церкви священника Василия Словецкого июля 25-го числа 1832 года (л. 33 об.—39).

Оршанского уезда ведомства благочиния Троицкой, что в местечке Дубровне, церкви протоиерея Петра Копоневича, июля 27 дня 1832 года (л. 39 об.—55 об.).

Города Орши по благочинию Оршанского собора священника Иоанна Лепешинского августа 8-го дня (л. 56—57 об.).

Бабиновицкого уезда по благочинию микулинского священника Александра Цитовича августа 1 дня (л. 58—66 об.).

По благочинию лядянского священника Алексея Адамовича августа 3 дня (л. 67—78 об.).

Оршанского уезда по благочинию сватошицкого священника Иоанна Забеллина августа 6-го дня (л. 79—90).

---

* О желательности введения «Сведений» в научный оборот П. С. Горючко писал еще в начале XX в. (см.: Прибавление к церковным ведомостям. 1906. № 17. С. 1028—1029).

Чаусовского уезда по благочинию гладковской Святодуховской церкви священника Александра Чоловского августа 10 дня 1832 года (л. 91—103 об.).

Чаусовского уезда по благочинию чаусовской Николаевской церкви протоиерея Феодора Савинича августа 14 дня (л. 104—118).

По благочинию мстиславльского Троицкого собора священника Потапия Твердого августа 18 дня 1832 года (л. 118 об.—128 об.).

Мстиславского уезда по благочинию хославицкой Екатерининской церкви священника Антония Подрудзского августа 21 дня 1832 года (л. 129—135).

По благочинию судиловской церкви священника Михаила Пальчевского августа 24 дня Климовицкого уезда (л. 135 об.—153).

По благочинию костюковицкого священника Иоанна Сущинского августа 29 дня 1832 года (л. 153 об.—162 об.).

По благочинию палужской Николаевской церкви священника Иоанна Кирножицкого сентября 1 дня 1832 года Чериковского уезда (л. 163—174 об.).

По благочинию чериковского протоиерея Григория Стратоновича сентября 5 дня 1832 года (л. 175—187 об.).

По благочинию полоницкого благочинного священника Григория Заркевича сентября 8 дня 1832 года Чериковского уезда (л. 188—201).

По благочинию Быховскому, могилевской Петропавловской церкви протоиерея Алексия Сущинского сентября 17-го 1832 года Быховского уезда (л. 202—214).

По благочинию гайшинского священника Даниила Пригоровского сентября 20 дня 1832 года (л. 214 об.—225 об.).

Рогачевского уезда по благочинию разсохской Николаевской церкви священника Иакова Паславского сентября 25-го дня (л. 226—242 об.).

По благочинию мерколовицкого протоиерея Иоанна Паславского октября 1 дня 1832 года Рогачевского уезда (л. 243—260 об.).

Белицкого уезда по благочинию уваровицкой Рождество-Богородицкой церкви священника Алексия Петрашня октября 5-го дня 1832 года (л. 261—268).

По благочинию гомельского протоиерея Иоанна Львовского октября 6 дня 1832 года (л. 268—283 об.).

По благочинию перероcтовского благочинного священника Филиппа Соколова октября 11 дня 1832 года Белицкого уезда (л. 284—301 об.).

[По круговецкому благочинию священника Луки Демьяновича] (л. 302—305 об.).

Витебской губернии ведомства благочиния витебского Успенского собора протоиерея Евфимия Ремезова ноября 11-го дня 1832 года (л. 306—317 об.).

Благочиния себежского священника Иоанна Белинского (л. 318—321, 329 об.—338 об.).

Благочиния синеозерского священника Акиндина Махаринского (л. 321—329).

Невельского уезда ведомства благочиния Покровской, что в погосте Топорах, церкви священника Ильи Розанова (л. 339—349 об.).

Невельского уезда по благочинию каратаевской Николаевской церкви священника Димитрия Забеллина декабря 4-го дня 1832 года (л. 349 об.—368 об.).

Велижского уезда ведомства благочиния Преображенской, что в местечке Усвятах, церкви протоиерея Герасима Пржигоровского (л. 369—372 об., 389—391 об.).

Велижского благочиния протоиерея Стефана Петрашня декабря 11-го дня (л. 373—389).

[Описание церкви, находящейся в здании присутственных мест в г. Городке] (л. 392—392 об.).

Источники и литература

1. РГИА. — Ф. 796. — Оп. 131. — Д. 826. — Л. 7—8.
2. Подробное историческое описание Архангельской епархии // Любопытный месяцослов на лето от Рождества Христова 1795, заключающий в себе… подробное историческое описание Архангельской епархии и бывших в оной архиереев, до нынешних времен доведенное; также находящихся в оной монастырей в стате, вне оного состоящих и в приходские церкви обращенных, равным образом сколько всех в котором городе или уезде храмов приходских. — М., 1795. — С. 1—180. 2-й паг. — Переизд. см.: Описание Архангельской епархии 1795 года / [Изд. подгот. В. И. Иванов]. — Краснодар, 2009.
3. РГИА. — Ф. 802. — Оп. 16. — Д. 80. — Л. 2—11.
4. Раздорский, А. И. Программа по составлению историко-статистического описания церквей и монастырей Курской епархии в 1830-е гг. // Болховітіновський щорічник 2009. — Київ, 2010. — С. 114—119.
5. Чернавский, Н. М. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. — Вып. 2. — Оренбург, 1901/1902. — С. 471—473.
6. РГИА. — Ф. 834. — Оп. 2. — Д. 1798.
7. Описание рукописей, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода. — Т. 2. — Вып. 1. — СПб., 1906.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 01.12.2014

Г. М. Брэгер,
вядучы навуковы супрацоўнік
аддзела старажытных актаў НГАБ;

Л. А. Лінская,
старшы навуковы супрацоўнік НМГКБ

АРХІЎ СЛУЦКАГА ТРАЙЧАНСКАГА СВЯТА-ТРАЕЦКАГА МАНАСТЫРА (Т. 2: ДАКУМЕНТЫ 164—279 за 1762—1776 гг.)

Працягваем публікацыю апісання дакументаў Архіва Слуцкага Трайчанскага Св.-Траецкага манастыра, якія захоўваецца ў Нацыянальным музеі гісторыі і культуры Беларусі, распачатую ў мінулых выпусках «Беларускага археаграфічнага штогодніка».

Прадстаўлены 116 дакументаў за 1762—1776 гг. (№ 164—279 з 2-га тома калекцыі). Дакументы размешчаны па храналогіі яшчэ ў XIX ст. і аркушы пранумараваны. Аднак з-за няўважлівасці даўніх архівістаў сярод дакументаў трапляюцца не ўваходзячыя ў згаданы перыяд. Так, гэта дакументы за 1662 г. у выпісах XVIII ст. (№ 231), 1718 (№ 244а), 1726 (№ 278), 1747 (№ 201, 209), 1748 (№ 217), 1749 (№ 237), 1761 (№ 199) і 1778 (№ 242) гады. З апісваемых дакументаў у першую чаргу вылучаюцца дакументы як знешнепалітычнага характару, напрыклад, дэкларацыя расійскага пасла ў Рэчы Паспалітай да польскага караля з апраўданнем экспансіі Расіі ў Польшчу (№ 247), ліст польскага караля да французскага караля ў сувязі з экспансіяй суседніх дзяржаў у Рэч Паспалітую (№ 250б), Указ расійскай імператрыцы Кацярыны II аб заручынах яе сына цэсарэвіча Паўла (№ 279), так і асвятляючыя ўнутраную палітыку дзяржавы, гэта — інструкцыя ад шляхты паслам Генеральнай канфедэрацыі ВКЛ да караля (№ 202) і ўніверсал маршалка Генеральнай канфедэрацыі ВКЛ (№ 212). Таксама маюцца дакументы, асвятляючыя складаную ваенна-палітычную сітуацыю ў дзяржаве — загады і ахоўныя лісты вайсковых кіраўнікоў аб забароне расійскім вайскам рабаваць маёнткі і вёскі Слуцкай архімандрыі. Шэраг дакументаў асвятляе судовы працэс паміж кіраўніцтвам Слуцкай архімандрыі і ўласнікамі Слуцка Радзівіламі аб правах на фундушавыя маёнткі, у тым ліку рэестр дакументаў на нерухомую маёмасць цэркваў і манастыроў архімандрыіі за 1504—1768 гг. (№ 223). Шмат прадстаўлена ўказаў духоўнай кансісторыі Кіеўскай мітраполіі аб здзяйсненні духоўных судоў па розных справах, накіраванні святароў, вырашэнні адміністрацыйных і гаспадарчых пытанняў і інш. Акрамя шматлікіх судовых і натарыяльных дакументаў па маёмасці цэркваў, манастыроў і іх святароў, можна вылучыць наступныя цікавыя дакументы: апісанне Грозаўскага Свята-Мікольскага кляштара (№ 183), рэестры прыхаджан цэркваў Мазырскай і Петрыкаўскай пратапопій (№ 198), рэскрыпт аб накіраванні з Кіева майстра ў Дзяцелавіцкі манастыр для будаўнічых і рамонтных прац (№ 276), прэзенты духоўных і свецкіх асоб на пасады святароў цэркваў, а таксама прыватная перапіска між тымі ж асобамі.

164. Ліст кіева-пячэрскага архімандрыта Засіма да ігумена Дзятлавіцкага манастыра, прыпісанага да Кіева-Пячэрскай лаўры, айца Дарафея з паведамленнем аб пасылцы ў манастыр тэкстаў маніфеста і прысягі ў сувязі са смерцю расійскай імператрыцы Елісаветы Пятроўны і ўступленнем на прастол Пятра Фёдаравіча. Без месца, 15.02.1762.

Подпіс: Кіева-Пячэрскай лаўры архімандрыт старац Засім.

Арыгінал. Рус. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 327).

165. Рэляцыйны абдукцыйны квіт енерала ЯКМ Навагрудскага ваяводства Станіслава Васілеўскага агляду па просьбе слуцкага архімандрыта Дасітэуша Галяхоўскага ран на намесніку Морацкага манастыра Тэадозію Сухені і падданых манастырскай в. Морач, збітых Антоніем Акінчыцам, падлоўчым віленскага ваяводы, вялікага гетмана ВКЛ кн. Міхала Радзівіла. Морач, 21.03.1762.

Подпіс: Станіслаў Васілеўскі, енерал ЯКМ в[аяводства] Н[авагрудскага].

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 21. 2 арк. (арк. 328—329; арк. 329 чысты; з затылкам).

166. Указ духоўнай кансісторыі Кіеўскай мітраполіі слуцкаму архімандрыту Дасіфею Галяхоўскаму, каб прыехаў у Кіеў для судовага следства па пэўнай духоўнай справе, а замест яго на час следства ў Слуцкую архімандрыю пасылаецца ігумен Палтаўскага Крыжаўзвіжанскага манастыра іераманах Антоні. Без месца, 2.05.1762.

Подпісы: Мадэст, архімандрыт залатаверха-міхайлаўскі; Кіева-Выдубіцкага манастыра начальнік архімандрыт Мітрафан; Кіева-Петрапаўлаўскага манастыра ігумен Іосіф; мітраполіі Кіеўскай архідыякан Самсон; кансісторскі судовы пісар іераманах Венядыкт; канцылярыст іераманах Пётр.

Арыгінал. Рус. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 976 (зыходзячы кансісторыі, на палях). 2 арк. (арк. 330—331).

167. Указ духоўнай кансісторыі Кіеўскай мітраполіі Слуцкаму Св.-Траецкаму манастыру, што ў сувязі з вызавам былога слуцкага архімандрыта Дасіфея Галяхоўскага ў Кіеў на судовае следства па духоўнай справе кіеўскі мітрапаліт паслаў ліст да вялікага гетмана ВКЛ кн. Радзівіла з просьбай выдаць ліст-прэзенту на пасаду слуцкага архімандрыта ігумену Палтаўскага Крыжаўзвіжанскага манастыра іераманаху Антонію. Без месца, 13.05.1762.

Подпісы: Мадэст, архімандрыт залатаверха-міхайлаўскі; кіева-кірылаўскі ігумен Павел; намеснік кіева-падольскі іярэй Іакаў; кансісторыі судовы пісар іераманах Венядыкт; канцылярыст іераманах Пётр.

Арыгінал. Рус. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 1044 (зыходзячы кансісторыі, на палях). 2 арк. (арк. 332—333).

168. Данясенне духоўнай кансісторыі Кіеўскай мітраполіі да слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі, што прызначаны ў Слуцкі Траецкі манастыр ірадыяканам манах Кіева-Кірылаўскага манастыра Іаіль рукапаложаны кіеўскім мітрапалітам, аб чым у Слуцкую архімандрыю пасылаецца адпаведная грамата. Без месца, 18.03.1764.

Подпісы: катэдральны пісар іераманах Іакаў; мітраполіі Кіеўскай архідыякан Іларыён; крыжовы іераманах Арэст (?).

Арыгінал. Рус. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 131 (зыходзячы кансісторыі). 2 арк. (арк. 334—335; арк. 335 чысты).

169. Указ духоўнай кансісторыі Кіеўскай мітраполіі ў Мазырскую праваслаўную пратапопію з загадам абраць сярод святароў старшага (пратапопа) і зацвердзіць у Слуцкай архімандрыі ў сувязі з паступіўшымі праз брацлаўскага падстолія, мазырскага генеральнага камісара Міхала Лаўцэвіча скаргамі мазыран аб непрыстойных паводзінах мазырскіх святароў. Без месца, 20.03.1764.

Копіі подпісаў: архімандрыт Іларыён; катэдральны намеснік, ігумен Іосіф; кансісторскі пісар іераманах Ірадыён; канцылярыст Грыгоры Каралеўскі.

Подпісы: іярэй Дэміян Сакуновіч, н[амеснік?] м[азырскі]; Гаўрыіл Кунцэвіч, святар мазырскі; с[вя]та-праабражэнскі святар мазырскі Грыгоры Каранеўскі; святар Філіп Каранеўскі.

Тагачасная копія (пісана ў Мазырскай пратапопіі). Рус. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 222 (зыходзячы кансісторыі). 2 арк. (арк. 336—337).

170. Дароўны ліст удавы Параскі Янчыхі Слуцкаму Свята-Траецкаму манастыру на два моргі зямлі ва ўрочышчы да Слаўнага. Без месца, 9.05.1764.

Подпісы: Параска Янчыха, удава (крыжыкам); кс. Герасім Сваткоўскі, пракуратар а[рхімандрыі] Слуцкай; ксёндз Андрыян Корбут.

Арыгінал. Стб. м. Без філіграней. 2 арк. (арк. 338—339; арк. 339 чысты, з затылкам).

171. Рэверсальны ліст-кантракт слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай генеральнай праваслаўнай мітраполіі кс. Паўла Ваўчанскага, дадзены навагрудскаму кашталянічу Тэадору Незабытоўскаму на распрацоўку дрэва на віціны і іншыя патрэбы ў фундушавых пушчах манастыроў Слуцкай архімандрыі, якія знаходзяцца ў Капыльскім княстве за ракой Лошай паміж Старыцкай пушчай, за пэўную плату. Грозаўскі манастыр св. Мікалая, 20.05.1764. (Рэверсальны (адваротны) экзэмпляр, дадзены Т. Незабытоўскім кс. архімандрыту).

Подпіс: Тэадор Незабытоўскі, кашталян навагр[удскі].

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 9. 2 арк. (арк. 340—341; арк. 341 чысты, з затылкам).

172. Данясенне скрыгалаўскага прэзбітара Іаана Каранеўскага да слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі аб гвалтах, здзяйсняемых дворнай адміністрацыяй маёнтка Скрыгалава Казіміра Аскеркі: гвалтоўным прымушэнні праваслаўных парафіян хадзіць да новай уніяцкай царквы або касцёла, збіцці і рабаванні сялян за непадпарадкаванне і інш. Скрыга[ла]ў, 20.06.1764.

Подпіс: свя[тар] Іаан Каранеўскі, пра[з]б[і]тар скрыгалаўскі.

Арыгінал. Стб. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 342—342; арк. 343 чысты).

173. Прыватны ліст (пісьмо) петрыкаўскага пратапопа Яна Будовіча да [слуцкага архімандрыта] з паведамленнем аб прадстаўленні святарам Петрыкаўскай пратапопіі ліста духоўнай кансісторыі Слуцкай архімандрыі, прычым айцец Карп Загароўскі не жадаў без асабістага ліста кс. архімандрыта ехаць да Слуцка адпраўляць (атрымаць) святы антымінс, а таксама аб паездцы ў Слуцк айца Яна Скрыгалаўскага. Петрыкаў, 22.06.1764.

Подпіс: Ян Будовіч, пратапоп петрыкаўскі.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 346—347; арк. 347 чысты).

174. Прыватны ліст (пісьмо) свята-мікалаеўскага святара Карпа Загароўскага да слуцкага архімандрыта аб немагчымасці з-за галечы паехаць у Слуцк для адпраўлення (атрымання) святога антымінса. Без месца, 21.06.1764.

Пячатка (на арк. 345 адв.) на чырвоным сургучу К. Загароўскага (разламаная напалам).

Подпіс: іярэй Карпій Загароўскі, паро[х] с[вята]-мікала[еўскі].

Арыгінал. Стб. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 344—345; арк. 345 чысты, з адрасам).

175. [Выпіс з кніг суда Генеральнай канфедэрацыі ВКЛ]. Дэкрэт у інстанцыі інстыгатара ВКЛ па справе з віленскім ваяводам кн. Каралем Радзівілам, які ў 1755 г., будучы маршалкам Галоўнага Трыбунала ВКЛ, у сваім палацы ў Вільні спрабаваў забіць навагрудскага падчашага Яна Равінскага, нападаў на стацыі іншых трыбунальскіх дэпутатаў, а таксама перашкаджаў праўнаму працэсу ў справах шляхты на кадэнцыі Трыбунала ў Мінску і іншыя гвалты рабіў. Гродна, 16.08.1764.

Пячатка кустадыйная Міхала Бжастоўскага, вялікага канюшага ВКЛ, маршалка Генеральнай канфедэрацыі ВКЛ.

Подпісы: Ігнаці Стравінскі, войскі стар[адубскі], сакратар канфедэрацыі генеральнай ВКЛ; карыгаваў Шукевіч, стражнік і канцылярыст п[аве]та Слонім[скага], рэгент канфедэрацыі генеральнай ВКЛ.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 45 (алоўкам). 8 арк. (арк. 348—355; арк. 348 пашкоджаны).

176. а) [Выпіс з кніг суда Генеральнай канфедэрацыі ВКЛ]. Дэкрэт у справе слуцкага архімандрыта кс. Паўла Ваўчанскага і ўсяго праваслаўнага духавенства з кн. Каралем Радзівілам і п. Станіславам Жэвускім аб нявыплаце фундушавага воска з 1735 г. і іншых фундушаў Саборнай Катэдральнай царкве ў Слуцку на Замкавай гары, а таксама невытрыманні дамовы, заключанай яшчэ з нябожчыкам кн. Геранімам Радзівілам аб абмене пляцамі для адбудовы новай царквы пасля пажару. Брэст, 16.10.1764.

Пячатка кустадыйная і подпіс: М[іхал] Бжастоўскі, к[анюшы] в[ялікі] і маршалак генеральны Канфедэрацыі ВКЛ.

Подпісы: Ігнаці Стравінскі, войскі стар[адубскі], сакратар канфедэр[ацыі] генеральнай ВКЛ; карыгаваў Шукевіч, стражнік і канцылярыст п[аве]та Слон[імскага], рэгент канфедэрацыі генеральнай ВКЛ.

б) (на арк. 356, на палях). Нататка аб актыкацыі гэтага дакумента камісарам Слуцкай архімандрыі Якубам Леваноўскім у Мінскім гродскім судзе. Без месца, 21.05.1765.

Подпіс: выпіс згодны з актамі: Кубліцкі-Пятрух, р[э]г[ен]т гр[одскі] в[аяводств]а Мін[скага].

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 74. 8 арк. (арк. 356—363).

177. [Выпіс з кніг Метрыкі ВКЛ] караля Станіслава Аўгуста, 12.12.1767. Дэкрэт суда Генеральнай канфедэрацыі ВКЛ (гл. № 176-а). Брэст, 16.10.1764.

Копіі подпісаў: М[іхал] князь Чартарыскі, канцлер вялікі Вялікага княства Літоўскага; Юзаф Міклашэвіч, метрык[ант] ВКЛ.

Тагачасная копія. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: «Копія сего документа снята и поставлена въ С. Троицкомъ монастыре» (1-я пал. 19 ст.) 10 арк. (арк. 364—373; арк. 373 чысты, з затылкам).

178. Аблігацыйны квіт намесніка Заблудаўскага кляштара іераманаха Макарыя, дадзены Юзафу Роберсону на пазычаныя ў яго 12 злотых для паездкі ў Варшаву для аплаты выпісу дэкрэта ў справе Слуцкай архімандрыі, з тэрмінам вяртання пазыкі 24.06.1765 (стары стыль). У Германове (?), 12.12.1764.

Подпісы: іераманах Макары, н[амеснік] кляштара Заблуд[аўскага]; Якуб Леаноўскі, ка[місар] а[рхімандрыі] С[луцкай].

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 374).

179. Прыватны ліст (пісьмо) невядомага ад імя слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі кс. Дасітэуша Галяхоўскага да [віленскага ваяводы кн. Караля Радзівіла] з просьбай духавенства Слуцкай архімандрыі аб пацвярджэнні ім даўніх прывілеяў на вольнасці і правы і фундушаў на маёнткі, землі і даходы, а таксама аб вяртанні пэўным манастырам і цэрквам архімандрыі захопленых адміністрацыяй Слуцкага княства фундушавых вёсак і зямель. Без месца і даты (перад 1764 г.).

Дзве пячаткі (на арк. 375 адв.) на чырвоным сургучу невядомых асоб.

Подпісаў няма.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 375—376).

180. Указ духоўнай кансісторыі Кіеўскай мітраполіі ігумену Пінскага Багаяўленскага манастыра іераманаху Феафану Яворскаму з адказам на яго скаргу кіеўскаму мітрапаліту аб забароне чашнікам ВКЛ Аскеркай праваслаўнаму духавенству пабудаваць новую царкву замест спарахнелай старой царквы ў сяле Скрыгалава Мазырскага пав. і прымушэнні ім жа праваслаўных прыхаджан да ўніяцтва. Без месца, 18.03.1765.

Копіі подпісаў: Мадэст, архімандрыт залатаверха-міхайлаўскі; Самуіл, архімандрыт кіева-брацкі і сак[ра]тар; Епіфаній, архімандрыт нежынскі; ігумен Сіф (?) Гамалея; за судовага пісара манах Яікіф (?); канцылярыст Грыгоры Каралеўскі.

Тагачасная копія. Рус. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 513 (зыходзячы кансісторыі). 2 арк. (арк. 377—378; арк. 378 чысты).

181. Прыватны ліст (пісьмо) мазырскага спаскага празбітара Грыгорыя Каранеўскага да петрыкаўскага пратапопа (пратапразбітара) Іаана Будовіча з паведамленнем аб паездцы ў Скрыгалаў для служэння літургіі, аднак ніводзін прыхаджанін не прыйшоў у царкву і на споведзь, так як адміністрацыя мясцовага двара прымусіла пад страхам пакарання наведваць новую ўніяцкую царкву. Скрыгалаў, 20.03.1765.

Пячатка на кустодыі (арк. 381 адв.) і подпіс: Грыгоры Каранеўскі, празбітар спаскі мазыр[скі].

Арыгінал. Стб. м. (асноўны ліст) і пол. м. (пастскрыптум). Філігрань. 2 арк. (арк. 380—381).

182. Рэестр прэтэнзій Міхала Мелянтовіча па арэндзе фальварка Грозаўскага Св.-Мікольскага кляштара, прадстаўлены слуцкаму архімандрыту Паўлу Ваўчанскаму. Без месца, 19.04.1765.

Подпіс: Міхал Мелянтовіч, [...] (абрэвіятура пасады не расшыфравана).

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 379, 382; арк. 382 чысты).

183. Апісанне царквы, фальварка і іншых пабудоў Грозаўскага Св.-Мікольскага кляштара па сканчэнні трохгадовай арэнды кляшторнага фальварка Міхалам Мелянтовічам, складзенае пры перадачы кляштара грозаўскаму намесніку кс. Герасіму Сваткоўскаму. Без месца, 21.04.1765.

Подпіс: ксёндз Герасім Сваткоўскі, намеснік кляштара Грозаўскага.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 383—384; арк. 384 чысты).

184. Данясенне скрыгалаўскіх паповічаў Васіля і Данілы Каранеўскіх слуцкаму архімандрыту, намесніку Кіеўскай мітраполіі з просьбай узяць іх пад сваю абарону, так як па смерці іх бацькі скрыгалаўскага празбітара Іаана Каранеўскага 26.07.1764 уласнік маёнтка Скрыгалаў Казімір Аскерка забараніў рамантаваць старую праваслаўную царкву ў Скрыгалаве, загадаў прыхаджанам хадзіць у новую ўніяцкую царкву, а саміх паповічаў жадае зрабіць сваімі падданымі. Скрыгалаў, 26.04.1765.

Подпісы: Васілій Каранеўскі, паповіч скрыгалаўскі; Данііл Каранеўскі, паповіч скрыгалаўскі.

Арыгінал. Стб. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 385—386; арк. 386 чысты).

185. а) Позва слуцкаму архімандрыту, намесніку кіеўскай мітраполіі Паўлу Ваўчанскаму, устаўніку Слуцкай саборнай царквы Дэметрыю Акінчыцу і падскарбію брацтва Слуцкай Спаскай царквы Лявону Лапіцкаму ў суд Скарбавай камісіі ВКЛ у 1765 г. у справе Слуцкага жыдоўскага кагалу аб прадастаўленні легацыйных дакументаў. Без месца, 28.05.1765.

б) Рэляцыйны квіт енерала ЯКМ Навагрудскага ваяводства Юзафа Лянткоўскага аб падачы вышэйзгаданай позвы ў двары Слуцкай архімандрыі. Без месца, 28.05.1765.

Копія подпісу: Юзаф Лянткоўскі, енерал ЯКМ в[аяводства] Н[авагрудскаг]а.

Копія тагачасная. Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 21. 1 арк. (арк. 387).

186. Прыватны ліст (пісьмо) ігумена Пінскага манастыра Тэафана Яворскага да [слуцкага архімандрыта] з паведамленнем, што калі ён быў у мінулым годзе ў Пецярбургу, падаў у Замежную калегію супліку аб забароне панам Аскіркай будаваць новую Скрыгалаўскую царкву замест старой і прымушэнні праваслаўных парафіян да ўніяцтва і каталіцтва, на што атрымаў з калегіі ўказ. Пінск, 10.06.1765.

Копія подпісу: кс. Тэафан Яворскі, ігумен м[анастыра] Пін[скага].

Копія тагачасная. Пол. і рус. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 388—389; арк. 389 чысты).

187. а) Позва слуцкім абываталям і старшым Слуцкага кагалу Янкелю Азіковічу, Лейбе Ідэлёвічу, Іцку Янкелёвічу і іншым у суд Скарбавай камісіі ВКЛ у 1765 г. у справе слуцкага архімандрыта Паўла Ваўчанскага, устаўніка Слуцкай саборнай царквы Дэметрыя Акінчыца і падскарбія брацтва Слуцкай Спаскай царквы Лявона Лапіцкага аб невяртанні ў тэрмін пазычаных на обліг грошаў і нявыплаце працэнтаў з той сумы. Без месца, 22.06.1765.

б) Рэляцыйны квіт енерала ЯКМ Навагрудскага ваяводства Юзафа Вечара аб падачы вышэйзгаданай позвы ў двары Янкеля Азіковіча ў Слуцку. Без месца, 22.06.1765.

Копія подпісу: Юзаф Вечар, енерал Я. К. М. в[аяводс]тва Нав[агрудскага].

Копія тагачасная. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 29. 2 арк. (арк. 390—391; арк. 391 чысты, з затылкам).

188. Пленіпатэнцыйны ліст слуцкага архімандрыта Паўла Ваўчанскага, устаўніка Слуцкай Успенскай саборнай царквы Дэметрыя Акіншыца, падскарбія Лявона Лапіцкага і іншых братчыкаў брацтва пры Слуцкай царкве Праабражэння Гасподня, дадзены братчыку таго ж брацтва Базылю Хрысціничу на вядзенне іх справы з жыдамі Слуцкага кагалу аб выдэркафавых сумах паводле обліга ў судзе Скарбавай каміссіі ВКЛ. Слуцк, 22.06.1765.

Без пячатак і подпісаў.

Чарнавы варыянт. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 392—393).

189. Дакумент таго ж зместу, як № 188. Архімандрыя Слуцкая, 22.06.1765.

Подпісы: Павел Ваўчанскі, архімандрыт слуцкі, намеснік праваслаўнай мітраполіі Кіеўскай; Дымітры Акіншыц, устаўнік царквы саборнай Свята-Успенскай; Лявон Лапіцкі, падскарбі брацтва Праабражэння Гасподня; Міхал Мелянтовіч, б[ратчык] Пр[аабражэння] Гаспод[ня]; Стэфан Бяйкоўскі, б[ратчык] Пр[аабражэння] Гас[подня].

Арыгінал (з праўкамі ў тэксце рукой архімандрыта). Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 394—395).

190. Апісанне справы слуцкага архімандрыта Паўла Ваўчанскага, устаўніка Саборнай царквы Дэметрыя Акінчыца і брацтва Слуцкіх Спаскай і Саборнай цэркваў з Слуцкім кагалам аб грашовых даўгах з пералікам прэтэнзій і дакументаў за 1710—1765 гг. Без месца і даты [1765 г.].

Пячатак і подпісаў няма.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 20. 2 арк. (арк. 396—397).

191. Квітацыйны ліст слуцкага архімандрыта Паўла Ваўчанскага ад імя ўсяго духавенства Слуцкай архімандрыі, дадзены аканому Слуцкага княства Маляўскаму аб атрыманні ад яго 987 зл. і 9,5 гр., г. зн. працэнтаў на першую рату з агульнай сумы 56 418 зл. і 20 гр., прысуджанай Слуцкай архімандрыі на кн. Карале Радзівіле дэкрэтам Генеральнай канфедэрацыі ВКЛ у Брэсце ад 16.10.1764. Без месца, 16.11.1765.

Подпісы: Павел Ваўчанскі, архімандрыт слуцкі і праваслаўнай мітраполіі Кіеўскай намеснік; ксёндз Іларыён Мінкевіч, з усёй брацiей.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: 8. 2 арк. (арк. 398—399; арк. 399 чысты).

192. Рэестр грошаў, атрыманых Свята-Траецкім кляштарам Слуцкай архімандрыі ад розных асоб на працягу чэрвеня — верасня 1766 г., а таксама рэестр расходу гэтых грошаў за гэты ж перыяд на розныя царкоўныя і гаспадарчыя патрэбы. Без месца і даты.

Без пячатак і подпісаў.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 10 арк. (арк. 400—409; арк. 407—409 чыстыя).

193. Рэестр облігаў на грашовыя пазыкі, выдадзеных Слуцкім магістратам і асобнымі мяшчанамі брацтву пры Слуцкім манастыры Праабражэння Гасподня. Без месца і даты [пасля 1767 г.].

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 410).

194. Выпіс з кніг Мінскага гродскага суда ад 18.09.1766, выдадзены 22.01.1770. Квітацыйны ліст слуцкага архімандрыта кс. Паўла Ваўчанскага ад імя ігуменаў і святароў кляштараў і цэркваў Слуцкай архімандрыі, дадзены віленскім ваяводзічам Каралю і Геранiму Радзівілам і іх апекунам, а таксама іх генеральнаму пленіпотэнту слонімскаму старосце Ігнацію Стравінскаму, у сувязі з атрыманнем 56 418 зл. і 20 гр., прысуджаных архімандрыі дэкрэтам Генеральнай канфедэрацыі ад 16.10.1764 за пэўныя шкоды і нявыплаты фундушавых і легацыйных сум. Без месца, 1766 г. (без числа і месяца).

Пячатка кустадыйная мінскага старосты Ігнацыя Іваноўскага (Мінскага гродскага суда) (пашкоджана).

Подпіс: карыгаваў Фелікс Кубліцкі-Пятух, р[э]г[е]нт гр[одскі] мін[скі].

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 41. 6 арк. (арк. 411—416).

195. Выпіс з кніг Мінскага гродскага суда ад 18.09.1766, выдадзены 15.04.1768. Дакумент таго ж зместу, як № 194.

Пячатка кустадыйная мінскага старосты Ігнацыя Іваноўскага (Мінскага гродскага суда).

Подпіс: згодна з актамі — Фелікс Кубліцкі-Пятух, р[э]г[е]нт гр[одскі] в[аяводс]тва Мін[скага].

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: 9; № 8. 6 арк. (арк. 417—422).

196. Выпіс з кніг Мінскага гродскага суда, 18.09.1766. Дакумент таго ж зместу, як № 194 (1-ы экзэмпляр).

Пячатка кустадыйная мінскага старосты Ігнація Іваноўскага (Мінскага гродскага суда).

Подпіс: карыгаваў Д. Кубліцкі-Пятух, р[э]г[е]нт грод[скі] в[аяво]дства Мінскага.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: 63; № 76 (абедзве закрэслены); № 41-й. 6 арк. (арк. 423—428).

197. Выпіс з кніг Мінскага гродскага суда ад 18.09.1766, выдадзены 15.04.1768. Рэверсальны кантрактны ліст жыда Лейбы Меяровіча, генеральнага слуцкага арандатара, дадзены слуцкаму архімандрыту Паўлу Ваўчанскаму, з абавязкам у прызначаныя тэрміны выплачваць грошы за арэнду гарэлачнага шынка ў Трайчанах, які належыць Слуцкай архімандрыі. Без месца, 24.06.1766.

Пячатка кустадыйная мінскага старосты Ігнація Іваноўскага (Мінскага гродскага суда).

Подпіс: згодна з актамі — Фелікс Кубліцкі-Пятух, р[э]г[е]нт гр[одскі] в[аяводства] Мін[скага].

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 19. 4 арк. (арк. 429—432).

198. а) Рэестры прыхаджан (гаспадароў) Мазырскай і Петрыкаўскай пратапопій з пазначэннем колькасці мужчын і жанчын у кожнай сям'і па цэрквах Архістратыга Міхаіла, Вялікамучаніцы Параскевы, Праабражэнскай і Мікольскай у месцы Мазыры, Праабражэнскай у сяле Якімавічы, Вялікамучаніцы Параскевы ў сяле Аўцюцевічы, Мікалаеўскай у месцы Петрыкаве, Нараджэння Багародзіцы ў сяле Валасовічы, Апосталаў Пятра і Паўла ў сяле Сякерычы (прыпісной да Валасовіцкай), Вялікамучаніка Георгія ў сяле Загалле, Мікалаеўскай у сяле Лясковічы, Нараджэння Багародзіцы ў месцы Мазыры, Уваскрасенскай у месцы Петрыкаве, Апосталаў Пятра і Паўла ў сяле Навасёлкі. Без месца, 24 і 25.01., 14 і 15.02., 10.03.1767.

Подпісы святароў пад кожным рэестрам: Філіп Каранеўскі, святар храма с[вя]тога Архістратыга Міхаіла; С[вя]той Вялікамучаніцы Параскевы ц[а]р[к]вы святар Лука Кітуновіч; С[вя]та-Праабражэнскай ц[а]рквы мазырскай святар Грыгоры Каранеўскі; Дземіян Сакуновіч, іярэй м[ікольскі] М[азырскі]; іярэй Кеопцій (?) Сакуновіч, ц[а]рквы С[вя]той Вялікамучаніцы Параскевы; іярэй Карп Загароўскі; іярэі Герман і Ігнацій Пігулеўскія; іярэй Раман Смоліч; іярэй Дзімітры Смоліч; Гаўрыіл Кунцэвіч, святар царквы Нараджэння Пр[а]с[вя]той Б[агародзі]цы Мазырскай; іярэй Раман Сеняшэвіч, царквы С[вя]тых Першавярхоўных Апосталаў Пятра і Паўла.

б) Агульны рэестр цэркваў і іх святароў Мазырскай пратапопіі з пазначэннем колькасці двароў у кожнай парафіі. Без месца і даты (арк. 452).

Подпіс: Грыгоры Каранеўскі, адміністратар пратапопіі Мазырскай (пол. м.).

в) Нататка з пазначэннем, што вышэйзгаданыя рэестры знаходзяцца ў архіве Слуцкага Траецкага манастыра. Без месца, 29.01.1845 (арк. 464 адв.).

Подпіс: старшы чыноўнік асобых даручэнняў надворны саветнік К. Галдамовіч.

Арыгінал. Стб. м. (а, б), рус. м. (в). Філіграні. Стар. сігн.: № 41. 33 арк. (арк. 433—465; арк. 439, 455, 463, 465 чыстыя).

199. Ліст-консенс (дазвол) чашніка ВКЛ Гервазія Людвіка Аскеркі, выдадзены скрыгалаўскаму паповічу Філіпу Каранеўскаму на святарства ў парафіі і царкве Свята-Міхайлаўскай у Мазыры, з паведамленнем аб гэтым кіеўскаму мітрапаліту і арцыбіскупу кс. Арсенію Магілянскаму. Замак Мазырскі, 15.02.1761.

Пячатка на чырвоным сургучу і подпіс: Г[ервазі] Л[юдвік] Аскерка, ч[ашнік] ВКЛ.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: 5. 2 арк. (арк. з тэкстам без нумарацыі, арк. 467 чысты, з затылкам).

200. Ліст Ігнація Казлоўскага, міжрэцкага ўрадніка вялікага харужага ВКЛ [Станіслава Фердынанда] Жавускага, дадзены варабіёўскаму адміністратару таго ж Жавускага Юзафу Міраловічу, з паведамленнем і просьбай да ўсіх мытныхураднікаў, каб не затрымлівалі Міраловіча, пасланага суправаджаць вазы з сельскагаспадарчай прадукцыяй з украінскага маёнтка Міжрэчча ў літоўскі маёнтак Старчыцы, якія належаць Жавускаму. Замак Міжрэцкі, 17.03.1767.

Пячатка на чырвоным сургучу і подпіс: Ігнацы Казло[ў]скі.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. з тэкстам без нумарацыі, арк. 466 чысты, з матэматычнымі разлікамі на адвароце).

201. Выпіс з паточных кніг Галоўнага Трыбунала ВКЛ. Скарга пленіпатэнта Самуэля Грынявецкага, вольнаўскага старосты, ад імя інстыгатара ВКЛ Станіслава Бужынскага ў справе слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі Юзафа Аранскага з рэктарам Слуцкага езуіцкага калегіума Францішкам Бучынскім, брэсцкім афіцыялам, гнезненскім канонікам, бяльскім пробашчам, слуцкім і капыльскім плябанам Янам Людвікам Рэакурам, навагрудскай кашталянавай Марыянай з Ажахоўскіх Незабытоўскай і іншымі аб захопе езуітамі земляў маёнтка Малы Ямінск або Трайчаны, які належыць Слуцкай Свята-Траецкай архімандрыі, і іншых гвалтах і шкодах цэрквам і манастырам Слуцкай архімандрыі. Вільня, 26.04.1747.

Пячатка на кустодыі Галоўнага Трыбунала ВКЛ.

Подпісы: Антоні Салагуб, ген[ера]л артыл[ерыі] ВКЛ, Трыбунала Гал[оўнага] маршалак; Міхал Гарадэнскі, войскі, суддзя гродскі, дэпутат в[аяводства] Віленскага; Юзафат Гутаровіч, ст[арос]та нарвойскі, дэпутат павета Ашмянскага; Марцін Скарбек Важынскі, дэпутат п[аве]та Лідскага; Адам Юзаф Богуш, абозны, пісар гродскі і дэпутат п[аве]та Вількамірскага; [Ануфры Антоні] Дусяцкі-Рудоміна, [староста дамашэўскі], дэпутат п[аве]та Бра[слаўскаг]а; Матэуш Таньскі, ротм[істр] і дэпутат в[ая]в[о]дства Троцкага;

Юзафа Антоні Качаноўскі, дэпут[ат] п[аве]та Ваўкавыскага; Людвік Богуш, суддзя грод[скі] і дэпут[ат] п[аве]та Мазырскага, падскарбі Тр[ы]б[уна]ла Гал[оўнага] ВКЛ; Дамінік Абуховіч, скар[бнік] і дэпутат п[аве]та Мазырскага; Ян Ігнацы Мінкевіч, чаш[нік і] дэп[ута]т в[аяв]д[ств]а Вілен[скага], пісар Трыб[унала] Гал[оўнага] ВКЛ; карыгаваў Класовіч, р[эгент] п. (?) Т[рыбунала] Гал[оўнаг]а ВКЛ, кр[айчы] п[аве]та Стар[адубскага].

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 9; № 83-й. 4 арк. (арк. 468—471).

202. Інструкцыя паслам Генеральнай канфедэрацыі ВКЛ да караля Станіслава Аўгуста Шымону Касакоўскаму, ковенскаму падчашаму і канцылярысту, і Францішку Гедройцю, ваўкавыскаму падчашаму і канцылярысту, з пэўнымі патрабаваннямі ад шляхты. Без месца, 13.06.1767.

Без пячатак і подпісаў.

Тагачасная копія. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 472).

203. Ліст-адказ манахаў-ураднікаў канцылярыі Кіеўскай мітраполіі ад імя кіеўскага мітрапаліта архіяпіскапа Арсенія слуцкаму архімандрыту, намесніку Кіеўскай мітраполіі на яго данясенне аб рукапалажэнні ва іярэя і зацвярджэнні святаром паловы парафіі царквы Нараджэння Багародзіцы ў сяле Валасовічы Мазырскай пратапопіі паводле ліста-прэзенты ўласніка гэтага сяла мазырскага падкаморыя Міхала Яленскага. Без месца [Кіеў], 19.06.1767.

Подпісы: кафедральны пісар іераманах Іеремія; мітраполіі Кіеўскай архідыякан Іларыён; крыжовы іераманах Арэст.

Арыгінал. Рус. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 457 (зыходзячы канцылярыі). 2 арк. (арк. 473—474; арк. 474 чысты).

204. Прыватны ліст (пісьмо) [слуцкага архімандрыта] да віленскага ваяводы, генеральнага маршалка Каронная канфедэрацыі Караля Радзівіла, а таксама да яго генеральнага пленіпатэнта N. Язерскага, каморніка ВКЛ, з просьбай прыпыніць працэс па іх справе, які ідзе ў судзе Генеральнай канфедэрацыі ВКЛ. Без месца і даты [пасля 8.07.1767].

Без подпісу.

Тагачасная копія. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 475—476).

205. Ліст-адказ святароў мазырскіх цэркваў слуцкаму архімандрыту, намесніку Кіеўскай мітраполіі Паўлу Ваўчанскаму на яго ўніверсал аб немагчымасці прыбыцця ўлетку святароў Мазырскай пратапопіі з царкоўнымі і фундушавымі дакументамі ў Слуцк з-за пагрозы нападу на Мазырскае староства кн. Радзівіла з войскам, а таксама на яго ж указ аб выездзе святароў да Слуцка 27.08.1767 акрамя некаторых, якія не мелі магчымасці выехаць. Без месца і даты [пасля 27.08.1767].

Подпісы: Дземіян Сакуновіч, іярэй м[ікольскі] м[азырскі]; Гаўрыіл Кунцэвіч, святар прачыс[ценс]кі мазырскі; с[вя]та-праабражэнскі мазырскі святар Грыгоры Каранеўскі; Лука Кітуновіч, святар с[вя]та-параскеўскі; Філіп Каранеўскі, святар міхайлаўскі мазырскі; Лявонці Сакуновіч, святар С[вя]той Вялікам[у]ч[а]ніцы Параскевы.

Арыгінал. Стб./стукр. м. Без філіграні. 2 арк. (арк. 477—478; арк. 478 чысты).

206. Ліст-супліка святара Мазырскай царквы Св. Вялікамучаніцы Параскевы Лукі Кітуновіча да слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі Паўла Ваўчанскага аб захопе пласкавіцкім дэніфітарам, старшым Мазырскага бернардынскага кляштара кс. Феліксам вострава (участка зямлі), які належыць царкве, і высяканні лесу на дровы для палення цэглы, прызначанай на будаўніцтва касцёла. Без месца, 3.08.1767.

Подпіс: святар Лука Кітуновіч.

Арыгінал. Стб./стукр. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 479—480; арк. 480 чысты).

207. Ліст-данясенне святара Мазырскай Спаса-Праабражэнскай царквы Грыгорыя Каранеўскага да слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі Паўла Ваўчанскага аб незаконным ужыванні мазырскім мешчанінам Насовічам царкоўнага вострава Сухаверск, а таксама аб адняцці былым мазырскім старостам, рэферэндарам ВКЛ Антоніем Аскеркай дакументаў на сычэнне кануна на Спаскую царкву і перадачы іх уніяцкім цэрквам. Без месца, 3.08.1767.

Подпіс: с[вя]та-праабражэнскі мазырскі святар Грыгоры Каранеўскі.

Арыгінал. Стб./стукр. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 481—482; арк. 482 чысты).

208. Ліст-прашэнне мазырскага прачысценскага святара Гаўрыіла Кунцэвіча да слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі Паўла Ваўчанскага аб падачы яго скаргі да расійскага міністра аб тым, што ў 1757 г. муж сястры святара Еўдакіі Самуіл Карноклееў мазырскі бурмістр ЯКМ, быў забіты і былі абрабаваны яго чаўны з мёдам, што вёз на продаж у Кіева-Пячэрскую лаўру, падданымі сёл Навозы і Мнева двара Пакольскага на расійскім беразе, аб чым адбываўся працэс у Чарнігаўскім гродскім судзе, але да скутку не прыйшло. Без месца, 3.09.1767.

Подпіс: Гаўрыіл Кунцэвіч, святар прачыс[ценс]кі мазырскі.

Арыгінал. Стб./стукр. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 483—484).

209. Выпіс з кніг Мазырскага гродскага суда, 18.09.1747. Рэляцыйны квіт енерала ЯКМ Навагрудскага ваяводства Андрэя Паўловіча аб падачы позвы ў Камісарскі суд у Варшаве 6.11.1747 петрыкаўскаму плябану кс. Томашу Яленскаму ў яго Петрыкаўскай плябаніі ў справе слуцкага архімандрыта кс. Юзафа Аранскага. Без месца, 16.09.1747.

Пячатка на кустодыі Мазырскага гродскага суда (мазырскага падстаросты Віктара Яленскага).

Подпіс: карыгаваў Рудзінскі, рэгент мазыр[скі] і лянт[войт] м[еста] ЯКМ Мазыр[скага].

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: 19. 1 арк. (арк. 485).

210. Прыватны ліст (пісьмо) маршалка Кароннай канфедэрацыі і соймавага кн. Караля Радзівіла да кіеўскага мітрапаліта кс. Арсенія Магілянскага з паведамленнем аб атрыманні ліста ад слуцкага архімандрыта кс. Паўла Ваўчанскага і абяцаннямі зрабіць пэўныя захады па абароне праваслаўнай царквы ў сваіх маёнтках, атрыманых у спадчыну. Варшава, 18.11.1767.

Копія подпісу: Караль князь Радзівіл, марш[алак] Канф[едэрацыі] Кар[оннай] і соймавы.

Тагачасная копія. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 486—487; арк. 487 чысты, з затылкам).

211. Ардынанс старосты княства Слуцкага і Капыльскага Барталамея Непакойчыцкага кагалу Слуцкай сінагогі з патрабаваннем неадкладна выплаціць намесніку Кіеўскай мітраполіі, слуцкаму архімандрыту кс. Ваўчанскаму грошы з працэнтамі паводле ардынанса маршалка Кароннай канфедэрацыі і соймовага кс. Радзівіла. Слуцк, 21.12.1767.

Пячатка на чырвоным сургучу (захавалася часткова) і подпіс: Барталамей Непакойчыцкі, староста княства Слуцкага і Капыльскага.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 489 з тэкстам; чысты аркуш без нумарацыі).

212. Універсал быстрыцкага старосты, маршалка Генеральнай канфедэрацыі ВКЛ Станіслава Бжастоўскага да ўсіх сенатараў, ураднікаў і шляхты ВКЛ з прызывам падтрымаць на павятовых перадсоймавых сойміках 24.08.1767 патрабаванні Генеральнай канфедэрацыі ВКЛ да караля, у тым ліку наконт праваслаўнай царквы ў ВКЛ, і выступіць з гэтымі патрабаваннямі на экстраардынарыйным сойме ў Варшаве 5.10.1767. Без месца, 08.1767 (число прапушчана).

Копія подпісу: Станіслаў Бжастоўскі, маршалак Генеральнай канфедэрацыі ВКЛ.

Тагачасная копія. Пол. м. Філіграні. 1 арк. вялікага фармата («in folio»), перакладзены напалам (арк. 488).

213. а) Прыватны ліст (пісьмо) княгіні В. Друцкай-Любецкай да ігумена Дзяцелавіцкага манастыра кс. Руфа Дунаеўскага з абяцаннем даслаць свайго лунінскага аканома на вырашэнне ўзаемных прэтэнзій аб зямлі паміж яе воленскімі падданымі і лунінецкімі падданымі манастыра.

Пагост, 16.07.1767.

Подпіс: В. Друцкая-Любецкая, С. О. (абрэвіятура не расшыфравана).

б) Канверт, у якім знаходзіўся вышэйзгаданы ліст, з пазначэннем адраса і з апісаннем зместу ліста, зробленым у 19 ст.

Пячатка на чорным сургучу княгіні В. Друцкай-Любецкай.

Арыгінал. Пол. м. Фрагмент філіграні (на лісце). Стар. сігн. (на канверце): F. 10, № 10 (фасцыкул 10, дакумент № 10). 2 арк. (адзін з тэкстам ліста, другі складзены канвертам, абодва не нумараваныя).

214. Універсал слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі Паўла Ваўчанскага да ўсіх святароў цэркваў і манастыроў Слуцкай архімандрыі з загадам аб дастойным прыманні і абслугоўванні намесніка Слуцкай архімандрыі Герасіма Сваткоўскага, пасланага для выканання пэўнай царкоўнай справы. Без месца, 24.12.1767.

Пячатка на чырвоным сургучу і подпіс: Павел, архімандрыт слуцкі.

Арыгінал. Рус. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 489).

215. Ліст-кантракт слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі Паўла Ваўчанскага на арэнду на два гады выдадзены карчмы Трайчанскага манастыра св. Тройцы за 3 000 зл. у год адміністрацыі скарбу маршалка Генеральнай каронней канфедэрацыі і соймавага кн. Караля Радзівіла. Архімандрыя Слуцкая, 25.12.1767.

Пячатка на чырвоным сургучу і подпіс: Павел Ваўчанскі, архімандрыт слуцкі і мітраполіі Кіеўскай намеснік.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 5. 2 арк. (арк. 490—491; арк. 491 чысты).

216. Ліст-кантракт слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі Дасітэуша Галяхоўскага на арэнду на адзін год карчмы Трайчанскага манастыра слуцкім жыдам Лейзеру Абрамовічу і Азіку Міх[….] (канчатак прозвішча не захаваўся, абарваны край аркуша) за 430 талераў. Архімандрыя Слуцкая, 1.01.1762.

Без пячаткі і подпісу.

Тагачасная копія. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 492).

217. Дэкрэт войтаўскага суда Мазырскага магістрата аб пазбаўленні Тэадора Савіцкага Цэлепуна пасады мазырскага пратапопа паводле скаргаў мазырскіх святароў і мяшчан на яго крымінальныя ўчынкі, а таксама аб прызначэнні пратапопам і святаром царквы св. Міхала да канчатковага выраку з боку Кіеўскай мітраполіі спаскага празбітара Тэадора Мітукевіча. Мазырская ратуша, 7.02.1748.

Копія подпісаў: Гервазі Людвік Аскерка, староста судовы і войт мазырскі; Канстанты Кандратовіч, пісар магдэбурскі мазырскі.

Тагачасная копія. Пол. м. Філігрань. Старая фаліяцыя: арк. 35 (18 ст.) 1 арк. (арк. 493).

218. Тэстыманіяльны ліст старасцінскага ўрада Слуцкага замка, выдадзены слуцкаму архімандрыту [Паўлу] Ваўчанскаму паводле яго скаргі на глускага купца і абывателя Шлёму, які няслушна падаў супліку сваёй пані княжне навагрудскай ваяводзінай на архімандрыта наконт пэўнай пазыкі грошаў праз слуцкіх жыдоў. Слуцк, 4.03.1768.

Пячатка кустадыйная ўрада Слуцкага замка (кепскай якасці).

Подпіс: Ян Хрысціціч, намеснік стар[о]сты кн[яст]ва Слуцкага.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 3. 2 арк., змацаваныя пячаткай (арк. 494—495; арк. 495 чысты).

219. Ліст-паведамленне ражанскага падкаморыя, ротмістра Кароннага войска, маршалка канфедэрацыі графа Міхала Корвін-Красінскага да ўсіх расійскіх вайсковых афіцэраў і абываталяў аб падтрымцы палітыкі расійскага ўрада па абароне жыхароў ВКЛ праваслаўнага веравызнання і просьбай да расійскіх войскаў не чыніць гвалтаў і разбурэнняў у Рэчы Паспалітай. Бар, 7.03.1768.

Копія подпісу (аб згоднасці з арыгіналам): Яцэк Антоні Рагаля Каха[н]скі, канфедэрацыі канцылярыст, сакратар і пісар войска.

Тагачасная копія. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 496—497).

220. а) Позва старшаму Слуцкага праваслаўнага манастыра Паўлу Ваўчанскаму ў камісарскі суд, прызначаны Варшаўскім экстраардынарным соймам, які адбудзецца ў Вільні ў 1768 г., па справе апекуноў кн. Радзівілаў аб пераглядзе пунктаў дэкрэта Генеральнай канфедэрацыі, якім Слуцкай архімандрыі прысуджана выплата Радзівіламі сумы 56 418 зл. і 20 гр. Без месца, 12.03.1768.

Копія подпісу: Фелікс Зміёўскі, пісар зем[скі] в[аяводств]а Вілен[скага].

б) Рэляцыйны квіт енерала ЯКМ Навагрудскага ваяводства Базыля Лукомскага аб падачы згаданай позвы П. Ваўчанскаму ў Слуцку ў манастыры. Без месца, 12.04.1768.

Подпіс: Базылі Лукомскі, енерал ЯКМ в[аяводства] Н[авагрудскаг]а.

Арыгінал (енеральская копія). Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 9-по. 1 арк. (арк. 498).

221. Ліст-пленіпатэнцыя слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі Паўла Ваўчанскага і ўсяго слуцкага духавенства, дадзены намесніку Слуцкай архімандрыі Герасіму Сваткоўскаму на прадстаўленне інтарэсаў архімандрыі ў камісарскім судзе ў Вільні, прызначаным Варшаўскім экстраардынарным соймам, у справе апекуноў кн. Радзівілаў аб пераглядзе сумы 56 418 зл. і 20 гр., выплачваемай Радзівіламі Слуцкай архімандрыі. Архімандрыя Слуцкая, 25.04.1768.

Подпісы: Павел Ваўчанскі, архімандрыт слуцкі, з усім манашаствам і духавенствам; сведка Людвік Гардзяевіч, стр[ажнік] смале[нскі]; сведка Марцін Магільніцкі, капітан ЯКМ.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: «Сей листъ пленипотенцыальній не есть нужной». 2 арк. (арк. 499—500; арк. 500 чысты, з затылкам).

222. Прыватны ліст (пісьмо) М. Араноўскага да кутынскага старосты, аканома Слуцкага княства пана Пястжэцкага з паведамленнем, што ў справе памежнай між в. Цярушкі [Слуцкай архімандрыі] і маёнткамі кн. [Радзівілаў] духоўнікі маюць дакументы на дазвол карыстацца пушчай. Пагост, 24.05.1762.

Пячатка на чырвоным сургучу (на адвароце арк. 802, пашкоджаная) і подпіс: М. Араноўскі, П. С. (абрэвіятура не расшыфравана).

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 801—802; арк. 802 чысты, з адрасам).

223. Рэестр дакументаў за 1504—1768 гг. на фундушы і іншыя запісы ад розных асоб, якія належаць манастыру св. Тройцы і іншым манастырам і цэрквам Слуцкай архімандрыі, перададзеных браслаўскаму падстаросце Яну Мірскаму для вядзення справы слуцкага духавенства з кн. Радзівілам у камісарскім судзе. Без месца, 28.05.1768.

Подпіс: Ян Мірскі, падстар[оста] судовы бр[аслаўскі].

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 39. 2 арк. (арк. 503—504; арк. 504 чысты, з затылкам).

224. а) Пункты мемарыяла Слуцкага праваслаўнага духавенства, пісанага да свайго калятара, маршалка Канфедэрацыі Рэчы Паспалітай кн. [Караля Радзівіла], з пажаданнямі аб пацвярджэнні сваіх правоў з боку калятара. Без месца і даты. (Тагачасная копія).

Без подпісу.

б) Нататка аб прадстаўленні да актыкацыі згаданай копіі мемарыяла ў кнігах Галоўнага Трыбунала ВКЛ віцебскім каморнікам Янам Вольфам. Без месца, 16.06.1768.

Подпісы: Юзаф Мікалай Радзівіл, пісар в[ялікі], маршалак Тр[ыбунала] Гал[оўнага] ВКЛ; Антоні Яновіч, CPW (чашнік павета Вількамірскага), пісар Тр[ыбунала] Г[алоўнага] ВКЛ; згодна з актамі — Уладыслаў Кімбар, зем[скі] вілен[скі] і Т[рыбуна]ла Гал[оўнага] ВКЛ рэгент.

Тагачасная копія, прадстаўленая да актыкацыі. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 805).

225. Выпіс з кніг Галоўнага Трыбунала ВКЛ у Вільні, 16.06.1768. Прыватны ліст (пісьмо) маршалка Генеральнай кароннай канфедэрацыі і соймавага кн. Караля Радзівіла да старосты Слуцкага княства пана Непакойчыцкага з просьбай вырашыць скаргу слуцкага архімандрыта аб неатрыманні замены за ўзяты да Бажантарні кавалак архімандрыцкай зямлі, а таксама аформіць ад імя княжацкага скарбу арэнду архімандрыцкай карчмы на два гады, і па іншых пытаннях. Варшава, 17.11.1767.

Пячатка кустадыйная Галоўнага Трыбунала ВКЛ.

Подпісы: Юзаф Мікалай Радзівіл, пісар в[ялікі], маршалак Тр[ыбунала] Гал[оўнага] ВКЛ; Ян Гечэвіч, ротм[істр] і дэпутат в[аяводств]а Вілен[скага]; Фульгенты Каменскі, ротмістр і дэпутат п[аве]та Лідс[ка]га; Фелікс Клёт, р[отмістр?] і дэпутат павета Браслаўскага; Антоні Савіцкі, стражнік п[аве]та Старад[убскага], суддзя Тр[ыбуна]ла Гал[оўнаг]а ВКЛ; Міхал Таньскі, S. P. (абрэвіятура не расшыфравана, паводле даведнікаў — стражнік смаленскі), дэпутат з в[аяводства] Троцкага; Антоні Яновіч, CPW (чашнік павета Вількамірскага), пісар Тр[ыбунала] Г[алоўнага] ВКЛ; карыгаваў Уладыслаў Кімбар, зем[скі] вілен[скі] і Т[рыбуна]ла Гал[оўнаг]а ВКЛ рэгент; зверана з актамі — Кульповіч, нам[еснік] Кан[цылярыі] Тр[ыбу]н[аль]скай (на адвароце арк. 509).

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 81 (спраўлена з № 80-й); «Къ дѣлам Архімандріи Слуцкой не нужное». 4 арк. (арк. 806—809).

226. Выпіс з кніг Галоўнага Трыбунала ВКЛ у Вільні, 16.06.1768. Падаўчы ліст старосты Слуцкага і Капыльскага княства Барталамея Непакойчыцка-

га паводле ардынанса маршалка Кароннай канфедэрацыі і соймавага кн. [Караля] Радзівіла аб уступцы слуцкаму архімандрыту кс. [Паўлу] Ваўчанскаму да манастыра Слуцкай архімандрыі ўчастка зямлі, некалі ўзятага ў манастыра да княскай Бажантарні, і юрыздыкі да Слуцкага кляштара Св. Геляша, некалі яму належачай. Слуцк, 15.12.1767.

Пячатка кустадыйная Галоўнага Трыбунала ВКЛ.

Подпісы: гл. № 225.

Арыгінал: Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 81; «Сіе дѣло приложит[ь] къ дѣламъ Архімандріи Слуцкой». 4 арк. (арк. 510—513; арк. 513 чысты, з затылкам).

227. Выпіс з кніг Галоўнага Трыбунала ВКЛ у Вільні, 16.06.1768. Ліст-асігнацыя маршалка Кароннай канфедэрацыі і соймавага кн. Караля Радзівіла да лоўчага пушч Слуцкага княства, каб не забараняў на працягу года праваслаўнаму духавенству Слуцкага княства карыстацца палеглым дрэвам у княжацкіх лясах на дровы паводле даўніх фундушаў. Варшава, 17.11.1767.

Пячатка кустадыйная Галоўнага Трыбунала ВКЛ.

Подпісы: гл. № 225.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 514—515).

228. Выпіс з кніг Галоўнага Трыбунала ВКЛ у Вільні, 16.06.1768. Ліст-загад маршалка Кароннай канфедэрацыі і соймавага кн. Караля Радзівіла сваім слуцкім арандатарам, каб дазвалялі кс. слуцкаму архімандрыту на патрэбу свайго манастыра малоць у слуцкіх млынах задарма 80 карцоў жыта штогод паводле старажытнай канвенцыі за знішчаны манастырскі млын на рацэ Лакнеі. Варшава, 17.11.1767.

Пячатка кустадыйная Галоўнага Трыбунала ВКЛ.

Подпісы: гл. № 225.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 82-й (спраўлена з № 99-й); «Сіе дѣло приложить къ дѣламъ Архімандріи Слуцкой». 2 арк. (арк. 516—517).

229. Ліст-данясенне пінскага ігумена Уладзіміра Журакоўскага і грозаўскага ігумена Варлаама Уладычкі праваслаўнаму архіяпіскапу, мітрапаліту кіеўскаму, галіцкаму і Малой Расіі Арсенію Магілянскаму аб выніках следства, праведзенага імі ў Слуцку, у справе па ўзаемных скаргах слуцкага архімандрыта, а Слуцкага брацтва і Слуцкай пратапопіі аб грашовых і іншых прэтэнзіях. Без месца, 07.1768 (без чысла, у кансісторыі Кіеўскай мітрополіі атрымана 2.08.1768).

Копіі подпісаў: Уладзімір Журакоўскі, ігумен пінскі; Варлаам Уладычка, ігумен грозаўскі.

Тагачасная копія. Рус. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 2384 (уваходзячы кансісторыі Кіеўскай мітраполіі). 3 арк. (арк. 518—520).

230. Ліст-данясенне намесніка Слуцкай архімандрыі Іларыёна Мінкевіча і іераманаха Лукі Барановіча кіеўскаму мітрапаліту Арсенію Магілянскаму, што дасланыя скаргі былога намесніка Слуцкай архімандрыі Герасіма, які

збег, быццам слуцкі архімандрыт [Павел] Ваўчанскі спустошыў фундушы Слуцкага архімандрыцкага манастыра, не ёсць слушныя, а наадварот — архімандрыт гэтыя фундушы памнажае. Без месца, 11.08.1768.

Копіі подпісаў: ксёндз Іларыён Мінкевіч, НАС (намеснік архімандрыі Слуцкай); іераманах Лука Барановіч, САС (скарбнік? архімандрыі Слуцкай) (абодва падпісаліся па-польску).

Тагачасная копія. Рус. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 2601 (уваходзячы кансісторыі Кіеўскай мітраполіі). 1 арк. (арк. 521).

231. Выпіс з кніг Мінскага гродскага суда ад 18.09.1766, выдадзены 15.04.1768. Выпіс з кніг урада замка Слуцкага, 20.09.1720.

а) Ліст канюшага ВКЛ, генеральнага губернатара княства Прускага кн. Багуслава Радзівіла да сваёго іваньскага падстаросты Яна Лазарэвіча, каб штогод выдаваў папам і дэканам Саборнай царквы на замку Слуцкім па чатыры бочкі жыта кожнаму паводле даўніх фундушаў кн. Слуцкіх. Слуцк, 8.02.1662.

б) Ліст таго ж кн. Б. Радзівіла да свайго пагосцкага падстаросты Рафала Буйніцкага, каб штогод выдаваў папам і дэканам Саборнай царквы на замку Слуцкім дванаццаць вёдраў мёду з двара Пагосцкага і восем коп грошаў з арэнды пагосцкай паводле даўніх фундушаў кн. Слуцкіх. Слуцк, 8.02.1662.

Заўвага: абодва дакументы служаць брацтву пры Слуцкай Саборнай царкве Успення Багародзіцы (1720, 1766 гг.).

Пячатка кустадыйная мінскага старосты Ігнація Іваноўскага (Мінскага гродскага суда).

Подпіс: згодна з актамі — Фелікс Ян Кубліцкі-Пятух, р[э]г[е]нт гр[одскі] мін[скі].

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: 47. 6 арк. (арк. 522—527).

232. Ліст-ордэр Слуцкай архімандрыі намесніку Заблудаўскага Успенскага манастыра іераманаху Макарыю Марціновічу з загадам неадкладна ехаць у Варшаву, каб падаць прыкладзены пакет паўнамоцнаму паслу Расійскага двара кн. Мікалаю Васільевічу Рэпніну і атрымаць ад яго рэзалюцыю, якую па вяртанні ў Заблудаў неадкладна пераслаць у Слуцк да архімандрыта. Без месца, 22.09.1768.

Подпіс (або копія?): Павел Ваўчанскі, архімандрыт слуцкі і мітраполіі Кіеўскай намеснік.

Арыгінал (або тагачасная копія?). Рус. м. Фрагмент філіграні. 1 арк. (арк. 528).

233. Ліст-прэзента (прадстаўленне) віленскага ваяводы кн. Караля Станіслава Радзівіла з просьбай да архіяпіскапа, кіеўскага мітрапаліта Арсенія Магілянскага аб зацвярджэнні прызначанага празбітарам царквы Праабражэння Гасподня ў мястэчку Любань у Слуцкім княстве айца Яна Загароўскага пасля былога празбітара Мікалая Загароўскага. Нясвіж, 23.09.1768.

Копія подпісу: Караль князь Радзівіл.

Тагачасная копія. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. з тэкстам без нумарацыі; арк. 529 чысты, з затылкам).

234. Ліст-данясенне петрыкаўскага пратапопа Яна Будовіча слуцкаму архімандрыту, намесніку Кіеўскай мітраполіі [Паўлу Ваўчанскаму] з просьбай аб неадкладным прысланні ў Петрыкаўскую пратапопію ў Загальскую царкву Святога мучаніка Юрыя і ў Сякерыцкую царкву Святых апосталаў Пятра і Паўла святых антымінсаў, без якіх немагчыма адпраўляць богаслужэнні. Петрыкаў, 5.11.1768.

Подпіс: Ян Будовіч, пратапоп петрыкаўскі.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 530).

235. Пункты тлумачэння довадаў праваслаўных Грозаўскіх манастыроў Св. Яна і Св. Мікалая для падачы апеляцыі на дэкрэт эксдывізарска-таксатарскага суда ў Грозаве ў справе з уласнікамі маёнтка Грозаў наконт фундушавых земляў. Без месца і даты.

Без пячатак і подпісаў.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 48. 1 арк. (арк. 531).

236. а) Супліка Апанаса Высоцкага да [слуцкага архімандрыта Паўла Ваўчанскага] са скаргай на айца [слуцкага] пратапопа аб недазваленні выдаць замуж пляменніцу жонкі скаржніка і іншыя перашкоды. Без месца і даты.

Копія подпісу: Апанас Высоцкі.

б) Скрыпт сватоў Афанасія Высоцкага і іншых, дадзены кляштару Слуцкай архімандрыі, з запэўніваннем, што жаніх і нявеста, Базыль Есіповіч і Ефрасімія Леваноўна, абывацелі места Слуцка, не з'яўляюцца крэўнымі сваякамі. Архімандрыя [Слуцкая], 10.01.1769.

Подпісы: Афанасі Высоцкі; Ёсіф Мілеевіч; Марка Мілеевіч; Антоні Камінскі.

в) Скрыпт сватоў Яна Пышніча і іншых, дадзены кляштару Слуцкай архімандрыі, з запэўніваннем, што жаніх бязверхавіцкі абывацель Барыс Маглыш і нявеста агародніцкая абывацелька Феадосія Круглікоўна не з'яўляюцца крэўнымі сваякамі. Архімандрыя [Слуцкая], 11.01.1769 (стары стыль).

Подпісы (крыжыкамі): Ян Пышніч; Керый Роўны; Паўлюк Пышніц; Іван Круглік.

Арыгінал (тэкст (а) капійны, а тэксты (б і в) арыгінальныя). Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 532—533).

237. Асекурацыйны ліст арганіста Слуцкай езуіцкай капэлы Якуба Лаўрыновіча, дадзены слуцкаму архімандрыту, намесніку Кіеўскай мітраполіі Міхалу Казачынскаму, з абяцаннем апрацоўваць кавалак сенажаці за ракой Случ, атрыманы ад Слуцкай архімандрыі на тры гады, побач са сваёй зямлёй, і вярнуць гэтую сенажаць архімандрыі ў абумоўлены тэрмін. Без месца, 18.06.1749 (новы стыль).

Подпіс: Якуб Лаўрыновіч, арганіст капэлы Слуцкай О[рдэна] Е[зуітаў].

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 534—535; арк. 535 чысты, з затылкам).

238. Ліст-прашэнне манаха Мінскага манастыра [св. Пятра і Паўла] Марка Федарэвіча, ураджэнца горада Масквы, да [слуцкага] архімандрыта [Паўла Ваўчанскага] прыняць яго да якога-небудзь манастыра ў сувязі з тым, што з-за беднасці Мінскага манастыра ён быў адпушчаны з пашпартам і з-за цяжкіх часоў у краіне не мае дзе спыніцца (манах апісвае ў лісце сваю біяграфію). Без месца, 25.07.1769.

Подпіс: Марка Федарэвіч.

Арыгінал. Рус. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 536—537; арк. 537 чысты).

239. Указ духоўнай кансісторыі Кіеўскай мітраполіі ігумену Ануфрыеўскага замежнага манастыра Кіеўскай япархіі Яфрэму ўчыніць следства, ці жыў раней у яго манастыры іераманах Ісаія, і ці пастрыгаў ён у манахіні Аляксандру, у манашстве якой мае сумненне ігумення Муцінскага манастыра Мінадора. Без месца, 30.10.1769.

Подпісы: катэдральны намеснік іераманах Феафілакт; за кансісторскага пісара іераманах Кірыл; падканцылярыст Сава Паўлоўскі.

Арыгінал. Рус. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 1837 (зыходзячы кансісторыі). 2 арк. (арк. 538—539).

240. а) Выпіс з кніг Латычаўскага гродскага суда, 5-ы дзень па свяце Св. Тройцы, 1770 г. Скарга праваслаўных канельскага правіцеля кс. Сымяона Перароўскага і белацаркоўскага правіцеля кс. Базыля Заржэўскага ад імя ўсіх праваслаўных святароў Пераяслаўскай япархіі ў Кіеўскім і Брацлаўскім ваяводствах на Радамысльскую ўніяцкую кансісторыю і яе духавенства аб гвалтоўных наездах на двары праваслаўных святароў, збіцці іх жонак, захопах і спусташэннях праваслаўных цэркваў і іншых шкодах. Без месца [Латычаў], 5-ы дзень па свяце св. Тройцы, 1770 г.

Копіі подпісаў: карыгаваў Чайкоўскі; згодна з актамі — Асташэўскі.

б) Нататка аб звера цы гэтай копіі з арыгіналам. Без месца і даты.

Пячатка на чырвоным сургучу Пераяслаўскай катэдры.

Подпіс: катэдральны канцылярыст і паддыякан Дзімітры Сіманоўскі (рус. м.).

Тагачасная копія, завераная пячаткай і подпісам. Лацін. і пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 540—541; арк. 541 чысты, з затылкам).

241. Ліст-данясенне петрыкаўскага пратапопа Яна Будовіча да [слуцкага архімандрыта Паўла Ваўчанскага], што цэрквам св. Юрыя ў в. Загалле і св. апосталаў Пятра і Паўла ў в. Сякерычы патрэбныя новыя антымінсы, а згарэўшай Валасовіцкай царкве патрэбны два антымінса ў галоўны алтар Нараджэння панны Марыі і ў прыдзел Сыходжання Св. Духа. Петрыкаў, 12.02.1770.

Подпіс: Ян Будовіч, петрыкаўскі пратапоп.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 542—543; арк. 543 чысты, з затылкам).

242. а) Позва ігумену праваслаўнага Дзяцелавіцкага манастыра Мялеціу-шу Бувайлу і яго манахам у Навагрудскі гродскі суд па справе смаленскай кашталянічавай Людовікі з Пацаў Шчытавай. Без месца, 12.02.1778.

Без подпісу.

б) Рэляцыйны квіт енерала Я. К. М. Пінскага пав. Антонія Мыскевіча (?) аб падачы згаданай позвы ігумену манастыра ў Дзяцелавічах. Без месца, 17.02.1778.

Подпіс: Антоні Мыскевіч (?), енерал Я. К. М. п[аве]та Пінскага.

Арыгінал (енеральская копія). Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: F. 13, № 5. 1 арк. (арк. 544).

243. Ліст-паведамленне духоўнай кансісторыі Кіеўскай мітраполіі слуцкаму архімандрыту, намесніку Кіеўскай мітраполіі [Паўлу Ваўчанскаму], што манах Слуцкага Свята-Траецкага манастыра Лаўрэнці рукапаложаны ва іерадыякана ў храме Свяціцеля Мікалая ў Кіева-пустынна-мікалаеўскім манастыры, на што выдадзена грамата кіеўскім мітрапалітам Арсеніем. Без месца [Кіеў], 19.02.1770.

Подпісы: катэдральны пісар іераманах Іерэмія; мітраполіі Кіеўскай архідыякан Іларыён; крыжовы іераманах Арэст.

Арыгінал. Рус. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 204 (зыходзячы кансісторыі); «сія бумага не нужна» (на адвароце арк. 546). 2 арк. (арк. 545—546; арк. 546 чысты, з затылкам).

244. а) Ліст мешчаніна Трайчанскага прадмесця Астапа Лесуновіча продажу трайчанскаму мешчаніну Кіпрыяну Яскевічу свайго морга зямлі за 10 злотых. Слуцк, 3.06.1718 (стары стыль) (на адвароце арк. 547).

Подпісы: крыжык (Астапа Лесуновіча); Максім Кіселік (сведка).

б) Супліка брацііі неакрэсленага манастыра да [слуцкага архімандрыта] з просьбай аб дапамозе (сэнс не акрэслены дакладна). Без месца, 27.06.1770 (на арк. 547).

Без подпісаў.

Заўвага: адваротны бок дакумента (а) выкарыстаны для напісання чарнавога варыянта дакумента (б).

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 547).

245. а) Скрыпт Тадэуша Багдановіча, дадзены капыльскаму празбітару кс. Антонію Ярашэвічу з запэўніваннем аб неўзнаўленні ў будучым судовай справы, якую яны мелі між сабой і скончылі дамовай. Дактаровічы, 6.03.1771.

Копія подпісу: Тадэуш Багдановіч, АК (адміністратар капыльскі?).

б) Ліст Т. Багдановіча, дадзены капыльскаму празбітару [А. Ярашэвічу], што падданыя не будуць празбітару чыніць ніякіх прыкрасцяў па сканчэнні судовай справы. Дактаровічы, 10.03.1771.

Копія подпісу: Тадэуш Багдановіч.

Тагачасная копія. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 550 з тэкстамі дакументаў; чысты арк. не пагінаваны).

246. Квітанцыя Антмейстэрскай камісіі Санкт-Пецярбургскага легіёна аб забароне камандам згаданага легіёна браць правіянт і фураж з вёсак слуцкіх праваслаўных манастыроў, так як камісія ўжо атрымала ад манастыроў патрэбную квоту. Без месца, 10.03.1771.

Подпіс: правіянтмейстар Іван Давыдаў.

Арыгінал. Рус. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 548—549; арк. 549 чысты).

247. Дэкларацыя вялікага пасла Расійскай імперыі ў Рэчы Паспалітай К. дэ Сальдэрна, пададзеная польскаму каралю [Станіславу Аўгусту], са сведчаннямі жадання расійскай імператрыцы ўзяць пад апеку абяздоленыя народы Рэчы Паспалітай пад час дзеючых там узрушэнняў з мэтай уз'яднання народаў абедвюх дзяржаў. Варшава, 14/25.05.1771 (стары і новы стылі).

Копія подпісу К. дэ Сальдэрн.

Тагачасная копія. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 551—552).

248. Указ Маларасійскай калегіі Правячага Сената Расійскай імперыі з пацвярджэннем свайго ранейшага выраку аб звальненні з пасад з выдачай атэстатаў былых канцылярыстаў калегіі Дзмітрыя Зубрыцкага і Герасіма Адамовіча, якія паходзяць са святарскіх сыноў, паводле іх прашэнняў, так як Указ Сената аб забароне дзяржаўным установам звальняць асоб ніжніх чыноў датычыць вялікарасійскіх устаноў, але не датычыць асоб вольных саслоўяў з Маларосіі. Без месца, 30.12.1771.

Копіі подпісаў: оберсакратар Сяргей Анчурын; сакратар Сяргей Бельскі; канцылярыст Андрэй Бераў.

Тагачасная копія. Рус./стукр. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 351 (зыходзячы канцылярыі калегіі). 1 арк. (арк. 553).

249. Ахоўны ліст генерала-парутчыка Аўрама Раманава (?) паводле ўказа расійскай імператрыцы Кацярыны Аляксееўны, дадзены слуцкаму архімандрыту, намесніку Кіеўскай мітраполіі Паўлу Ваўчанскаму, аб забароне корпусу генерала і іншым расійскім войскам рабаваць вёскі манастыроў Слуцкай архімандрыі Цярэшкі, Шыпілавічы, Ямінск, Пасека, Сінягова, Пухавічы, Грозаў, Аксаметы, Кузмічы, Трайчаны, Морач, Ананьчычы і Убібацк. Мястэчка Каполе, 9.01.1772.

Пячатка на чырвоным сургучу і подпіс: генерал-паручнік Аўрам Раманаў (?).

Арыгінал. Рус. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 51 (зыходзячы канцылярыі корпуса). 2 арк. (арк. 554—555; арк. 555 чысты).

250. а) Рэспонс прускага караля Фрыдрыха да кіраўнікоў Канфедэрацыі Рэчы Паспалітай наконт аховы граніцы паміж Прусіяй і Рэччу Паспалітай і прыгранічных прускіх падданых, аб правах каталікаў і пратэстантаў і інш. Без месца і даты.

Копія подпісу: Фрыдрых, кароль.

б) Ліст польскага караля [Станіслава Аўгуста] да французскага караля, як гаранта польскай дзяржаўнасці, аб дапамозе Рэчы Паспалітай у сувязі з

пагрозай акупацыі і падзелу краіны паміж суседнімі дзяржавамі [Расіяй, Прусіяй і Аўстрыяй]. Без месца, 1772 г. (без числа і месяца).

Без подпісу.

Тагачасная копія. Пол. м. (пераклад з французскай мовы). Філіграні. 2 арк. (арк. 556—557).

251. а) Ліст петрыкаўскага пратапопа Яна Будовіча да [слуцкага архімандрыта Паўла Ваўчанскага] з просьбай выдаць святое міра для патрэб цэркваў Петрыкаўскай пратапопіі. Без месца і даты.

Подпіс: Ян Будовіч, пратапоп петрыка[ўскі].

б) Ліст-паведамленне слуцкага архімандрыта Паўла [Ваўчанскага] да петрыкаўскага пратапопа аб выданні 10.12.1769 духоўнай кансісторыяй Кіеўскай мітраполіі ўказа аб аплаце грашыма пратапопіямі за дасылаемае міра, таму і петрыкаўскі пратапоп павінен аплаціць кошт міра, дасланага пасля даты ўказа, каб атрымліваць міра і надалей. Без месца, 28.02.1773.

Подпіс (або копія подпісу?): Павел, архімандрыт слуцкі.

Арыгінал. Пол. м. (а); рус. м. (б). Філіграні. 2 арк. (арк. 558—559; арк. 559 чысты, з затылкам).

252. Сальвагвардыя (ахоўны ліст) генерал-паручніка Аврама Раманава (?), дадзенае манастыру Слуцкай архімандрыі, аб забароне расійскім войскам спаганяць без дазвольных дакументаў правіянт і фураж з маёнткаў Слуцкай архімандрыі. Гродна, 29.03.1773.

Копія подпісу: ад кавалерыі генерал-паручнік і ордэна Святой Ганны кавалер Аўрам Раманаў (?).

Тагачасная копія. Рус. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 269 (зыходзячы ваеннай канцылярыі генерала). 1 арк. (арк. 560).

253. Другі экзэмпляр дакумента № 252.

Тагачасная копія. 1 арк. (арк. 561).

254. Супліка іераманаха (?) Ігнація Вечара, які прызначаны дыспазітарам у Грозаўскі манастыр, да слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі Паўла Ваўчанскага, што прысланы да яго памочнікам айцец Антоні захапіў уладу і гаспадарку манастыра, забараніў падданым паслушэнства скаржніку і здзяйсняе розныя перашкоды ў кіраўніцтве манастыром. Грозаў, 28.03.1773.

Подпіс: і[ераманах?] Ігнаці Вечар.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 562—563).

255. а) Супліка іярэя Кандрація Пігулеўскага да [слуцкага архімандрыта Паўла Ваўчанскага] аб тым, што двое маскоўскіх жаўнераў прымусілі яго і яго бакалаўра напісаць білет на падводы, якія яны пыталіся спагнаць у панскім двары, а ўласнік двара паскардзіўся аб гэтым камандзірам маскоўскага войска. Без месца, 25.04.1773.

Подпіс: іярэй Кандраці Пугулеўскі (!, памылкова, трэба — Пігулеўскі) (стб. м.).

б) Рэзалюцыя слуцкага архімандрыта Паўла [Ваўчанскага] аб неадкладным правядзенні следства па гэтай супліцы. Без месца, 6.05.1773.

Подпіс: Павел, АС (архімандрыт слуцкі).

Арыгінал. Пол. м. (а), рус. м. (б). Філіграні. 2 арк. (арк. 564—565).

256. Указ Кіеўскай духоўнай кансісторыі архімандрыту Слуцкага Траецкага манастыра Паўлу [Ваўчанскаму] з загадам даслаць у Кіеўскую кансісторыю ведамасць з пералікам манастыроў, пратапопій і прыходскіх цэркваў, якія належаць да Слуцкай архімандрыі, з паказаннем імёнаў ігуменаў манастыроў і пратапопаў, а таксама колькасць манахаў у манастырах і святароў і дыяканаў пры цэрквах. Без месца, 5.06.1773.

Подпісы: катэдральнага а[д]м[іністра]т[а]ра (?) намеснік ігумен Мельхіседэк; канцылярыст Іван Вігідансі (?).

Арыгінал. Рус. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 566—567; арк. 567 чысты, з затылкам).

257. а) Універсал слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі Паўла Ваўчанскага да іярэяў Слуцкай архімандрыі аб скліканні на 6.07.1773 сабора Слуцкай архімандрыі, на які яны павінны з'ехацца. Без месца, 13.06.1773.

Подпіс: Павел, архімандрыт слуцкі.

б) Нататка аб атрыманні гэтага ўніверсала з Слуцкай архімандрыі ва Урэцкай плябаніі і перасылцы яго да Языльскай плябаніі. Без месца, 18.06.1773.

Подпіс: Емяллян Страховіч, празбітар ца[ркві] урэ[цкай].

в) Нататка аб атрыманні гэтага ўніверсала з Языля ў плябаніі Амговіцкай царквы і перасылцы яго ў Парэчча. Без месца, 22.06. [1773].

Подпіс: Парфені Звярковіч (?), ц[а]ркві А[мговіцкай].

г) Нататка аб атрыманні гэтага ўніверсала ў Жыцінскай плябаніі і адпраўцы яго ў Крынскую плябанію. Без месца, 26.06. [1773].

Без подпісу.

Арыгінал. Рус. м. (а); стб. м. (б); пол. м. (в, г). Філіграні. 2 арк. (арк. 568—569; арк. 569 чысты).

258. Ордэр Слуцкай архімандрыі іераманахам Іосіфу Абрамовічу, намесніку Слуцкага Свята-Траецкага манастыра, Іларыёну Манкевічу і Мельхіседэку Круцяльніцкаму з загадам прыбыць і ўдзельнічаць у пасяджэннях духоўнай кансісторыі Слуцкай архімандрыі, якія былі перад тым прыпыненыя ў неспакойныя для краіны часы. Без месца, 12.07.1773.

Подпіс: Павел, архімандрыт слуцкі і мітраполіі Кіеўскай намеснік.

Арыгінал. Рус. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 570—571; арк. 571 чысты).

259. Рапарт петрыкаўскага пратапопа Яна Будовіча [слуцкаму архімандрыту Паўлу Ваўчанскаму], што не з усіх цэркваў Петрыкаўскай і Мазырскай пратапопій удалося сабраць грошы на міра, з якімі паслаў у Слуцк празбітара Карпа Загароўскага. Петрыкаў, 2.07.1773.

Подпіс: Ян Будовіч, пратапоп петрыкаўскі.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 572—573; арк. 573 чысты).

260. а) Прашэнне іераманаха Слуцкага Траецкага манастыра Ясона Андрэеўскага, былога святара паловы парафіі Слуцкай Мікалеўскай царквы, да слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі Паўла Ваўчанскага аб выдачы распараджэння другому святару той жа Мікалаеўскай царквы Філіпу Багуцкаму, каб утрымліваў няпоўнагадовую дачку Андрэеўскага Таццяну з даходаў яго былой паловы парафіі паводле дэкрэта былога архімандрыта Дасітэя Ляхоўскага ад 1762 г. Без месца, 21.07.1773.

Подпіс: іераманах Ясон Андрэеўскі (пол. м.).

б) Распараджэнне слуцкага архімандрыта аб станоўчым разглядзе згаданага прашэння. Без месца, 21.07.1773 (на адвароце арк. 575).

Без подпісу.

Арыгінал. Стб./рус. м. (а); рус. м. (б). Філіграні. 2 арк. (арк. 574—575; арк. 575 пашкоджаны).

261. а) Данясенне іераманаха Ясона Андрыеўскага слуцкаму архімандрыту, намесніку Кіеўскай мітраполіі Паўлу Ваўчанскаму аб невыкананні айцом Багуцкім выраку архімандрыта аб утрыманні дачкі Андрыеўскага з яго паловы парафіі, а таксама аб нежаданні дзяліцца мёдам, які атрымлівае царква паводле фундуша з княжацкай каморы. Без месца і даты.

Подпіс: іераманах Ясон Андрыеўскі.

б) Рэзалюцыя слуцкага архімандрыта Паўла Ваўчанскага з загадам іярэю Філіпу Багуцкаму ўтрымліваць дачку Ясона Андрыеўскага з даходаў паловы парафіі. Без месца, 17.11.1773.

Подпіс: Павел, архімандрыт слуцкі.

Арыгінал. Стб. м. (а), рус. м. (б). Філігрань. 1 арк. (арк. 576).

262. а) Супліка падданага з вёскі Папоўцы Івана Шолама да [слуцкага архімандрыта Паўла Ваўчанскага] аб нападзе айца Філіпа Багуцкага на яго хату і разрабаванні яго гаспадаркі, а таксама аб згвалтаванні яго жонкі сынам святара Лявонам Багуцкім. Без месца і даты.

Подпіс: Іван Шолам.

б) Чарнавы запіс дэкрэта духоўнага суда кансісторыі Слуцкай архімандрыі па вышэйзгаданай скарзе. Без месца, 1773 г. (без чысла і месяца).

Без подпісаў.

в) Нататка аб вынесеным па гэтай справе дэкрэце. Без месца, 20.11.1773.

Без подпісу.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 577).

263. Ліст абываталяў Трайчанскай юрыздыкі Дзям’яна, Яна і Янкі Каленікаў, дадзены Слуцкаму Траецкаму манастыру, аб узяцці на парукі свайго малодшага брата Кузьмы Каленіка, абвінавачанага манастыром у пераходзе з манастырскага падданства ў места Слуцк, а таксама з абавязкам заплаціць доўг брата ў 64 злотых, пазычаных у Петрака Карабейніка. Архімандрыя [Слуцкая], 21.12.1773.

Подпісы (крыжыкамі): Дзям’ян Каленік; Іван Каленік; Янка Каленік; Кузьма Каленік.

Арыгінал. Пол. м. Фрагмент філіграні. 1 арк. (арк. 578).

264. Рэестр грашовых ахвяраванняў ад розных асоб Слуцкаму Праабражэнскаму манастыру і брацтву, а таксама даўгоў яму ж Слуцкага жыдоўскага кагалу і асобных мяшчан. Без месца і даты [1773 г.].

Подпіс: Ягор Рубцоў (пасада не зразумелая).

Арыгінал. рус. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 579—580; арк. 580 з чарнавымі нататкамі і затылкам).

265. Ордэр Слуцкай архімандрыі, выдадзены намесніку Слуцкай архімандрыі іераманаху Іосіфу Абрамовічу і ўсяму праўленню Слуцкай архімандрыі, з паведамленнем аб атрыманні ўказа духоўнай кансісторыі Кіеўскай мітраполіі і загадам адсочваць выкананне пунктаў указа. Без месца, 24.02.1774.

Подпіс: Павел, архімандрыт слуцкі і мітраполіі Кіеўскай намеснік.

Арыгінал. Рус. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 581—582; арк. 582 чысты).

266. Квіт (распіска) астроўскага вікарыя іярэя Пятра Скулоўскага аб атрыманні ўніверсала слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі Паўла Ваўчанскага і з абавязацельствамі выконваць яго пункты. Без месца, 27.03.1774.

Подпіс: іярэй Пётр Скулоўскі, вікары астроўскі.

Арыгінал. Рус. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 584).

267. Скрыпт вікарыя [Слуцкай?] Варварынскай царквы Мялеція Слаутовіча аб атрыманні ўніверсала слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі Паўла Ваўчанскага і з абавязацельствамі выконваць яго пункты. Без месца, 27.03.1774.

Подпіс: Мялеці Слаутовіч, вікары царквы Варварынскай.

Арыгінал. Пол. м. Без філіграні. 1 арк. (арк. 583).

268. а) Супліка празбітара Жыдаазёрскай царквы Яна Гаховіча да слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі [Паўла Ваўчанскага] з просьбай разглядзець яго спрэчку з падданымі [сяла Жыд-Возера] аб паншчыне і іншых павіннасцях, якія падданыя павінны выконваць для яго царквы. Без месца і даты.

Подпіс: Ян Гаховіч, празбітар ц[арквы] Жыдаазёрскай.

б) Рэскрыпт слуцкага архімандрыта Паўла [Ваўчанскага] з загадам разглядзець гэтую супліку на Саборы Слуцкай архімандрыі. Без месца, 11.04.1774 (на адвароце арк. 586).

Подпіс: Павел, АС (архімандрыт слуцкі).

Арыгінал. Пол. м. (а); рус. м. (б). Філіграні. 2 арк. (арк. 585—586).

269. Рэверсальны (адваротны) скрыпт Яна Яновіча, дадзены слуцкаму архімандрыту, намесніку Кіеўскай мітраполіі Паўлу Ваўчанскаму і ўсёй Слуцкай архімандрыі, з абавязкамі аб аплаце, апрацоўцы і іншым валокі зямлі

з сенажацямі за ракой Лакнеяй, атрыманай ім з фундушавых земляў Слуцкага Траецкага манастыра на пэўных умовах. Без месца, 23.04.1774 (стары стыль).

Подпіс: Ян Яновіч (крыжыкам).

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: «Не нужное». 2 арк. (арк. 587—588; арк. 588 чысты, з затылкам).

270. а) Рэестр прыходу царкоўных грошаў з продажу свечак і з скарбонкавых ахвяраванняў [Слуцкага Траецкага манастыра?] за 1773/1774 гг. Без месца, 10.07.1774.

б) Рэестр расходу грошаў на розныя царкоўныя патрэбы [Слуцкага Траецкага манастыра за 1773/1774 гг.]. Без месца, [10.07.1774].

Без подпісаў.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 589—590).

271. а) Дэкрэт Мазырскага гродскага суда па ўзаемных скаргах між магістратам места Мазыра і намеснікам пярэдняй стражы вялікай булавы войска ВКЛ Казімірам Апокай аб праве ўласнасці на востраў (участак зямлі) Мазырскай Мікольскай царквы. Без месца і даты (пасля 6.09.1774). (Дакумент без пачатку).

Копія подпісу: карыгаваў Стэфан Кульпоіць (? памылковая форма напісання), зем[скі] і грод[скі] п[аве]та Мазыр[скага] рэгент.

б) Асекурацыйны ліст Яна Апокі, дадзены навагрудскаму кашталянічу, мазырскаму войту Яну Яленскаму і ўсяму месту Мазыру, з абавязкам пасля выздараўлення жонкі выселіцца з месцкай зямлі востраў Мікольскі, якую атрымаў паводле каралеўскага прывілея па няслушнай заяўцы, паводле дэкрэта Мазырскага гродскага суда. Камаровічы, 10.11.1774.

Копіі подпісаў: Ян Апока; Анзельм Ант[оні] Корсак, суд[дзя] зем[скі] мазыр[скі]; Ян Кулеша, су[ддзя] зем[скі] смал[енскі].

Тагачасная копія. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 591—592).

272. Разлік грошаў, атрыманых Слуцкай архімандрыяй ад цэркваў і кляштараў за розныя царкоўныя патрэбы. Без месца, 4.05.1775.

Без подпісу.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 593—594; арк. 594 чысты).

273. а) Позва ў Навагрудскі гродскі суд навагрудскаму абознаму Міхалу Бярновічу ў скарзе старшага Грозаўскага манастыра айца Яцынта Пультынскага аб захопе сенажаці манастырскага фальварка Слабодка грозаўскім ураднікам М. Бярновіча Антоніем Блоцкім. Без месца, 22.05.1775.

Без подпісу і пячаткі.

б) (на палях) Нататка аб актыкацыі гэтай позвы ў кнігах Навагрудскага гродскага суда. Без месца, 11.09.1775.

Подпіс: Юзаф Абуховіч, н[аместнік] гродскі в[аяводства] Н[авагрудскага].

в) Рэляцыйны квіт енерала Я. К. М. Навагрудскага ваяводства Рафала Паўловіча аб падачы згаданай позвы М. Бярновічу ў яго маёнтку Грозаў Навагрудскага ваяводства. Без месца, 22.05.1775.

Подпіс: Рафал Паўловіч, енерал Я. К. М. в[аяводства] Н[авагрудскага].

г) Нататка аб актыкацыі гэтага квіта ў кнігах Навагрудскага гродскага суда. Без месца, 24.05.1775.

Подпіс: Абуховіч, р[эгент] гр[одскі] в[аяводства] На[вагрудска]га.

Арыгінал (енеральская копія). Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 35; 77-й (абедзве закрэсленыя); 75. 2 арк. (арк. 595—596; арк. 596 чысты, з затылкам).

274. Рэестры выдаткаў [Слуцкага Траецкага манастыра] на царкоўныя, гаспадарчыя, будаўнічыя і іншыя патрэбы за май — жнівень 1775 г. Без месца і даты [1775 г.].

Без подпісаў.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 7 арк. (арк. 597—603).

275. Рэестры выдаткаў [Слуцкага Траецкага манастыра] на царкоўныя, гаспадарчыя, будаўнічыя і іншыя патрэбы за верасень 1775 г. — люты 1776 г. (працяг дакумента № 274). Без месца і даты [1776 г.].

Без подпісаў.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 6 арк. (арк. 604—609; арк. 609 чысты).

276. а) Паведамленне архімандрыта Кіева-Пячэрскай лаўры Засімы ігумену прыпіснога замежнага Дзяцелавіцкага Праабражэнскага манастыра Мялецію аб пасылцы ў манастыр майстра Івана Пільніка для адрамантавання ў манастыры старой царквы, перабудовы будынка келляў у трапезную і пабудовы новай прыходскай царквы. Без месца, 15.12.1775.

Подпіс: архімандрыт Засіма.

б) Рапарт [ігумена Дзяцелавіцкага манастыра Мялеція ў Кіева-Пячэрскую лаўру] аб смерці 19.07.1776 прысланага майстра Івана Пільніка, які паспеў пачаць працы толькі на трапезнай. Без месца, 13.08.1776.

Подпіс: М[ялецій].

Арыгінал. Рус. м. Фрагмент філіграні. Стар. сігн.: № 3126 (зыходзячы канцылярыі Кіева-Пячэрскай лаўры). 1 арк. (арк. 610).

277. а) Квітацыйны ліст слуцкага архімандрыта Паўла Ваўчанскага, дадзены віленскім ваяводзічам Каралю і Гераніму Радзівілам і іх апекунам, аб атрыманні ад слонімскага старосты Ігнацыя Стравінскага, генеральнага пленіпатэнта Радзівілаў, паловы сумы грошаў, прысуджанай Слуцкай архімандрыі на Радзівілах дэкрэтам суда Генеральнай канфедэрацыі ў Брэсце 16.10.1764. Без месца, 27.06.1766.

Подпіс: Павел Ваўчанскі, архімандрыт слуцкі і праваслаўнай мітраполіі Кіеўскай намеснік.

б) Квітацыйны і асекурацыйны запіс слуцкага архімандрыта Паўла Ваўчанскага, дадзены тым жа К. і Г. Радзівілам і іх апекунам, аб атрыманні ад слуцкага аканома Гілярыя Дашкевіча другой паловы сумы грошай, прысуджанай дэкрэтам Генеральнай канфедэрацыі, а таксама з абяцаннем выдаць асобны квітацыйны ліст наконт гэтага. У Слуцкай архімандрыі, 23.07.1766.

Подпіс: Павел Ваўчанскі, слуцкі архімандрыт і праваслаўнай мітраполіі Кіеўскай намеснік.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: 3; № 800. 2 арк. (арк. 611—612).

278. Прыватны ліст (пісьмо) ігумена Грозаўскага Свята-Янскага кляштара віленскага канвента Антонія Дзёрткі да пана прапойскага старосты (імя не пазначана), калятара гэтага кляштара, з просьбай выршыць з князем Радзівілам пытанне аб захопах кляшторных земляў нясвіжскімі падданымі князя Радзівіла з в. Пятрылаўцы. З кляштара [Грозаўскага], 28.06.1726 (стары стыль).

Подпіс: Антоні Дзёртка, ігумен кляштара С[вя]та-Янск[ага] Грозаў[скага] канв[ента] Вілен[скага].

Арыгінал (?). Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 26. 2 арк. (арк. 613—614).

279. Указ расійскай імператрыцы Кацярыны II з аб'явай аб заручынах 14.09.1776 яе сына цэсарэвіча і вялікага князя Паўла Пятровіча з прынцэсай Віртэнберг-Штутгардскай, якой пры мірапамазанні дадзена імя Марыі Фёдараўны і тытул Яе Імператарскай Вялікасці вялікай княжны, па смерці яго першай жонкі вялікай княгіні Наталлі Аляксееўны. Санктпецярбург, 15.09.1776.

Подпісы: з друкаваным чытаў канцылярыст Аляксандр Федаровіч; з подліннай копіяй счытаў Герасім Славуцевіч, святар царквы Іванскай Слуцкай.

Тагачасная копія, завераная подпісамі канцылярыста і святара. Рус. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 615).

Артыкул паступіў у рэдакцыю 24.08.2015

Ю. М. Лаўрык,
вядучы навуковы супрацоўнік навукова-фондавага аддзела пісьмовых і выяўленчых крыніц Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь;
e-mail: lawryk@tut.by

КРЫНІЦЫ ТРАКТАТА СІЛЬВЕСТРА КОСАВА «ДІДАСКАЛІЯ АЛЬБО НАУКА О СЕДМИ САКРАМЕНТАХ»

Першы друкаваны айчынны праваслаўны трактат па сакраменталогіі «Дідаскалія альбо Наука о седми Сакраментах» выйшаў у Куцейне ў 1638 г. (пад пазначэннем 1637 г.) [13; 17, № 127], а пасля неаднойчы перавыдаваўся: у 1653 г. ён зноў выйшаў з варштата Богаяўленскага манастыра [14; 17, № 163] і да пачатку XVIII ст. яшчэ, прынамсі, 5 разоў выдаваўся рознымі ўкраінскімі друкарнямі [9, № 297, 390, 445 і інш.]. Тым не менш, дагэтуль «Дыдаскалія» не выклікала цікавасці ў даследчыкаў, якія найчасцей абыходзіліся толькі згадваннем яе сярод іншых твораў пісьменніка. Нават Іван Саверчанка, які даволі ўважліва прыглядаўся да літаратурнай спадчыны мітрапаліта, пра трактат узгадвае, хутчэй, між іншым [16]. Да больш падрабязнага разгляду «Дыдаскаліі» звяртаўся толькі Ігар Войніч, які прапанаваў аналіз тэкставага складу куцеінскіх выданняў трактата [8]. Тэкст «Дыдаскаліі» (паводле выдання 1653 г.) у наш час быў перавыдадзены І. Саверчанкам як дадатак у манаграфіі «Aurea Mediocritas» [15, с. 261—271].

Перадгісторыя з'яўлення трактата дастаткова вядомая. У 1635 г. Сільвестр Косаў быў пасвячоны на епіскапа мсціслаўскага, аршанскага і магілёўскага. Выконваючы на гэтай пасадзе свае пастырскія абавязкі, Косаў сутыкнуўся з вельмі слабай абазнанасцю падначаленага духавенства ў асновах веры, што прымусіла яго публічна выступіць на памесным саборы ў кастрычніку 1637 г. з пастырскім навучаннем у галіне праваслаўнай сакраменталогіі. Сваю прамову ён апублікаваў пад назвай «Дідаскалія альбо Наука … о седми Сакраментах алболи Тайнах».

Сільвестр Косаў пабудаваў трактат строга сістэматычна — у духу заходняй сакраменталогіі — але матэрыял выклаў максімальна коратка і ў лёгкай для ўспрымання форме пытанняў і адказаў. Ён карыстаўся лацінскай тэрміналогіяй, але прадубліраваў ужытыя тэрміны перакладам на звыклую для праваслаўных чытачоў мову.

Такі падыход выклікаў павагу да кнігі нават у такога заўзятага крытыка праваслаўя, як Кассян Саковіч, які ў прадмове да аднаго са сваіх перакладаў [2] прыраўнаў трактат да каталіцкіх прац і лічыў гэты дапаможнік прыдатным для навучання («przynamniey z Książki o 7. Sakramentach … po katholicku napisaney, mogliście nauczyć» [3, с. 2 нн]).

Сапраўды, будова «Дыдаскаліі» вытрымана ў духу схаластычнай тэалогіі. Уласна трактат падзяляецца на дзве часткі: у першай даюцца агульныя палажэнні («О Сакраментах или Тайнах в посполитости»), а ў другой паасоб-

ку разглядаецца кожная з гэтых таямніц («О Сакраментах зособна»). Сэнсавыя пасажы ў абедзвюх частках распачынаюцца з адпаведных дэфініцый. Таямніцы разглядаюцца ў традыцыйным для заходніх прац парадку: Хрост, Мірапамазанне, Еўхарыстыя, Пакута, Алеясвячэнне (Намашчэнне хворых), Святарства і Сужэнства; трактуюцца яны ў духу тамізму (які базуецца на арыстоцелевай метафізіцы) як сукупнасць матэрыі і формы.

Не чужая схаластычнай тэалогіі і падача матэрыялу ў выглядзе пытанняў і адказаў. Між іншым, яшчэ на пераломе XVI—XVII стст. у такой форме выкладаліся нават універсітэцкія курсы, прыкладам чаго з'яўляецца скрыпт выкладаў у 1594/1595 навучальным годзе прафесара тэалогіі Віленскай акадэміі Адама Брока. Гэты рукапіс, які сёння захоўваецца ў бібліятэцы Расійскай акадэміі навук, змяшчае два трактаты: першы з іх прысвечаны ўласна сакраменталогіі [6].

Варта прыглядзецца і да крыніц, на якія спасылаўся Косаў. На першы погляд, гэта тыповы для праваслаўнай працы падбор твораў грэчаскіх аўтараў, пераважна, патрыстычнага перыяду: Ян Златавусны, Васіль Вялікі, Рыгор з Нісы… Аднак уважлівы чытач знойдзе сярод іх і лацінскіх пісьменнікаў (св. Амвросій), а таксама творы хоць і грэчаскага паходжання, але больш вядомыя на Захадзе, чым на Усходзе. Так, напрыклад, ужо першая спасылка скіроўвае нас да зборніка гамілій Яна Златавуснага на Евангелле паводле св. Мацея — да кнігі, якую св. Тамаш з Аквіну цаніў «вышэй за Парыж» [5, с. 118], але якая на славянскім Усходзе была малавядомая*.

Бадай, ніхто з даследчыкаў не цікавіўся адмыслова крыніцамі, якімі Косаў карыстаўся пры напісанні трактата. Толькі Г. Фляроўскі ў размове пра творчасць пісьменніка адзначае, што «в отделе о таинствах Коссов пользовался известной книгой П. Аркудия»**. Аднак уся аргументацыя расійскага багаслова базуецца на выкарыстанні пісьменнікам лацінізмаў [18, с. 51], а пададзеныя прыклады (матэрыя і форма, транссубстанцыя) занадта агульныя, каб сведчыць пра запазычанне з нейкага канкрэтнага трактата — таму меркаванне Фляроўскага ўяўляецца недастаткова абгрунтаваным.

Праведзены намі аналіз тэалагічнай літаратуры XVI — 1-й трэці XVII ст. паказаў, што асноўнай крыніцай, на якую абапіраўся Сільвестр Косаў пры падрыхтоўцы пісьмовага тэксту сваёй «Науки … о седми Сакраментах», з'яўляюцца «Казанні пра сем Сакрамантаў Каталіцкай царквы» Пятра Скаргі [4]. Косаў выкарыстаў тэкст Скаргі для стварэння структурнага «шкілета» свайго трактата, шмат чаго скараціў, але штосьці і дадаў, а запазычаныя месцы перапрацаваў у рэчышчы праваслаўнага багаслоўя.

* Напрыклад, гэты зборнік нават не згадваецца ў працы А. Віктарава, якая ахоплівае фонды бібліятэк найбуйнейшых манастыроў Паўночнай Русі (прысутнае на с. 274 «Толковое Евангелие Златоуста» мы атаясамліваем з т. зв. «Евангеллем навучальным») [7].

** Відаць, маецца на ўвазе праца «Libri 7 de Concordia Ecclesiae Orientalis e Occidentalis, in septem Sacramentorum administratione» [1].

Абедзве кнігі дэманструюць шмат у якіх месцах не толькі аднолькавы ход разважанняў, але таксама і паралелізм ужытых выразаў і цытат. Падабенства ж загалоўкаў у «Дыдаскаліі» з кнігай Скаргі можна заўважыць не толькі ў тытуле, але, напрыклад, і ў першым паводле парадку казанні, назва якога «O Sakramentach w pospolitości Kazanie iedno» [4, с. 1] — блізкая паводле гучання да загалоўка 1-й часткі трактата Косава.

Разгледзім адзін з уступных пасажаў са згаданага казання Скаргі, які Косаў выкарыстаў двойчы: у прадмове да «Дыдаскаліі» і ў 1-й частцы трактата (тут і далей цытаты мы даём паводле арфаграфіі арыгінала; маргінальныя спасылкі ўзяты ў круглыя дужкі).

Skarga, P. O Sakramentach w pospolitości, Kazanie iedno… — S. 1—2.	**Автор до чительника // Косов, С. Дидаскалия. — С. 3 нн.**	**О сакраментех или тайнах в посполитости // Там жа. — С. 1.**
Te Sakramenta wobec i w pospolitości tak się opisują: Znaki są powierzchne smysłom naszym podległe, Od Pana Boga ustawione, które usprawiedliwienie y poświęcenie nasze, nie tylko oznaczają, ale je też czynią i sprawują. A do lepszego zrozumienia uważyć się ma, co jeden S. Doktor napisał, iż Pan Bog z głębokiey mądrości swoiey, człowiekowi, który iest widomym ciałem obłożony, pod widomemi też y cielesnemi znaki, niewidome dary swoie niebieskie daie. (Chrisost: homil: 83, in Matth.)	Тайны або вем, алболи Сакрамента, будучи знакам видомыми — суть инструментами и сродками	Сакрамента алболи тайны — суть видомые знаки и причины инструментальные ласки Божой. Абовем през оные невидимо на душу нашу ласку свою Всемогучый Бог вливает. Потверждает то Златоуст святый, тыми словами мовячи: «Господь Бог з глубокои мудрости своей, чловекови, который видомым телом ест обложоный, под видомыми теж и телесными знаки невидомые дары свое небесные дает». (З҃ла на Ма[ф]: в Го/ми[л]: н҃г)
… przez ktore nas Pan Bóg w Sakramentach poświęca y usprawiedliwia, y łaską swoią napełnia.	през которые Бог невидимо ласкою Своею души наши оздабляеть и усправедливяеть, а до спасения	

вечного
приспособляеть.

Як бачым, запазычанні ў «Дыдаскаліі» не з'яўляюцца літаральнымі — Косаў не проста паўтарае чужыя словы, але, следуючы за думкай арыгінала, творча перапрацоўвае матэрыял да такой ступені, што толькі пазбавіўшы працытаваныя дэфініцыі раскошных барочных шатаў, можна заўважыць, што і Скарга, і Косаў трактуюць пра адно і тое ж*.

Уласна кажучы, калі б размова ішла толькі пра падабенства дэфініцый і аднолькавы ход разважанняў, тады мы, памятаючы пра вучобу Косава ў замежных універсітэтах, маглі б дашуквацца супольнай крыніцы для гэтых двух тэкстаў сярод заходнееўрапейскіх тэалагічных трактатаў — апублікаваных або выкладаных ва ўніверсітэтах. Аднак супадзенні ўжытай лексікі і працытаваных слоў пераконваюць нас у тым, што прататыпам для «Дыдаскаліі» Косава паслужылі менавіта казанні Скаргі.

На цытаце з гамілії Яна Златавуснага яшчэ хацелася б крыху затрымацца. У сваёй працы Скарга памыліўся з нумарам гамілії, зірнуўшы на загаловак наступнага па цытаце тэксту, а не папярэдняга: на самой справе цытаваныя словы знаходзяцца не ў 83-й гамілії, а ў 82-й (такога роду памылкі не з'яўляюцца рэдкімі ў творах са спасылкамі на зборнікі).

Ніжэй прапануюцца адпаведныя словы Яна Златавуснага ў рускім перакладзе паводле выдання Маскоўскага патрыярхата: «Христос не предал нам ничего чувственного, но все духовное, только в чувственных вещах. Так и в крещении: чрез чувственную вещь, воду, сообщается дар, а духовное действие состоит в рождении и обновлении. Если бы ты был бестелесен, то Христос сообщил бы тебе эти дары бестелесно; но так как душа твоя соединена с телом, то духовное тебе сообщает через чувственное» [10, с. 826].

На той час зборнік гамілій Яна Златавуснага на Евангелле Мацея не друкаваўся ні па-польску, ні па-царкоўнаславянску, ні па-старабеларуску. Скарга карыстаўся лацінскім выданнем, з якога і ўзяў патрэбны матэрыял, перастварыўшы яго па-польску. Але, як бачым, ён не цытуе Яна Златавуснага даслоўна, а пераказвае фрагмент дастаткова вольна — дакладней, падсумоўвае цэлы пасаж у адным сказе. Менавіта таму гэты сказ Скарга ўводзіць праз злучнік «Iż» і не бярэ ў двукоссі (або, дакладней, у квадратныя дужкі, якімі простая мова вылучалася ў кракаўскіх выданнях).

* Аднак звернем увагу, што ніжэй, пры вызначэнні паасобных сакрамантаў, Скарга і сам актыўна карыстаецца паняццямі «znak widomy», «śrzodek» і «instrument» — з той толькі розніцай, што калі «instrument» у яго з'яўляецца сінонімам сакраманту, то выразы «śrzodek» і «znak widomy» звычайна азначаюць «матэрыю» апошняга. Так, напрыклад, у казанні «O Bierzmowaniu» ён гаворыць: «To tu iasna barzo prawda, iż śrzodek y znak widomy do przyimowania Ducha ś. było ono ręku kładzienie Apostołow» [4, с. 26—27], а ў казанні «O Trzecim Sakramencie, ktory się zowie Eucharistia»: «Widome y zwierzchnie znaki w tym Sakramencie są chleb i wino» [4, с. 38].

Косаў жа ў «Дыдаскаліі» цытуе менавіта Скаргавы словы, а не Яна Златавуснага, прычым у амаль нязменным выглядзе: толькі крыху іх абеларусіўшы. Больш таго, думаючы, што гэта дакладная цытата, Косаў бярэ яе ў двукоссе. Дарэчы, менавіта запазычаннем у Скаргі і тлумачыцца дзіўная памылка ў «Дыдаскаліі» пры спасылцы на крыніцу цытаты: «в Го/ми^{л}: н҃г» (выд. 1637 г.) [13, с. 2] і «в¬ Ѡми: н҃г» (выд. 1653 г.) [14, с. 2] — гэта значыць «у Гамілії 53»*. Відаць, у рукапісе Косава, як і ў Скаргі, стаяў нумар: 83 (паводле кірылічнай нумарацыі: п҃г), але наборшчык «Дыдаскаліі» 1637 г. зблытаў «п» з «н» (што, пагодзімся, зрабіць нескладана, асабліва пры даволі дробным шрыфце), а яго наступнік у 1653 г. паўтарыў памылку.

Паралелі з тэкстамі Скаргі мы знаходзім і ў іншых месцах «Дыдаскаліі». Напрыклад, згаданае намі вышэй тамістычнае ўспрыманне сакраманту як сукупнасці матэрыі і формы таксама прысутнічае ў цытаваным вышэй казанні «O Sakramentach w pospolitości»: «(…) każdego Sakramentu złożenie y uczynienie jest, z rzeczy tych widomych, y uczutych, ktore są jako materya: a z słow wymowionych, ktore są jako forma abo tworzenie» [4, с. 3].

У Косава думка пра матэрыю і форму не вельмі дарэчна злучана ў адным пункце з ідэяй пра неабходнасць волі святара да ажыццяўлення сакраманту («Чого потреба до каждого сакраменту? — Потреба матеріи, формы и воли священнической до посвященья» [14, с. 2]). Апошняя ідэя таксама ўзята з кнігі Скаргі — з пасажу, які месціцца старонкай ніжэй: «Bo acz słowa Boskie samy przez się mocne y dzielne są, na sprawienie Sakramentu, y mocą się ich wszystko dzieje: jednak skutek ich y wykonanie, na przykładaniu od osoby na to obraney zawisło. Tak iż jesli kapłan … myśli swey y serca, y woley do tego nie przyłoży: skutku nie mają.» [4, с. 4]. У Скаргі пераход да неабходнасці святарскай волі ад размовы пра матэрыю і форму (якой і з'яўляюцца прамоўленыя святаром падчас сакраманту словы) лагічна абумоўлены ходам разважанняў. Косаў жа апускае злучальныя звёны, і праз гэта ў яго змешваюцца паняцці рознага парадку.

Наследаванне Скаргу мы назіраем і ў 2-й частцы «Дыдаскаліі» — аналагічны ход разважанняў, такія ж прыклады і цытаты:

O Chrzćie świętym, Kazanie Pierwsze, w liczbie Wtore. — S. 8.	**О сакраментех зособна // Косов, С. Дидаскалия. — С. 6.**
Naprzod, co iest Chrzest ś. iako się staie, ktora iego materya … Materya Chrztu ś. y znak widomy a cielesny jest, woda szczera y prosta, tak morska iako y rzeczna, studzenna y iezioma, iakakolwiek byle przyrodzona, choć ciepła choć zimna choć	Которая есть матерія сакраменту Крещенія? — Ест вода прирожоная, а не приправная. Мает еднак тая вода прирожоная посветитеся для чести сакраменту и постановеня церковнаго. А если ба нужда и гвалт вытягал,

* Ва ўзнаўленні тэксту «Дыдаскаліі» І. Саверчанкам памылкова паказана: 52. На самой справе, у абодвух выданнях трактата стаіць: «н҃г», гэта значыць «53».

błotna. Przetoż w wodkach czynionych, Chrzest być nie może. Bo sam Pan przyrodzoną wodę mianował. y w Dzieiach Apostolskich nad rzeczkę iednę przyjechawszy, Eunucha wodą prostą Filip ochrzcił (Acto: 8).	может и непосвященою водою окрестити кого священник. Яко Филип святый крестил евнуха в реце одной. (Читай о том Василия святого «О тайнах» в главе 17 и «Деяніях апостольских»).

Гэтая частка ўжо больш самастойная. Нават з пададзенага вышэй фрагмента відаць, што хоць Косаў і працягвае ў значнай ступені абапірацца на казанні Скаргі, але дапаўняе іх сваімі меркаваннямі са спасылкамі на аўтарытэты (у дадзеным выпадку на Васіля Вялікага). Таксама ён, услед за праваслаўнай традыцыяй, настойвае на пасвячэнні хрысцільнай вады, у той час як Скарга ў сваім тэксце абзацам ніжэй лічыць гэта неабавязковым: «ono poswięcenie nie iest z potrzeby, ale tylko z przystoyności y czci sakramentu « [4, с. 8]. І гэта, натуральна, не адзінае месца ў «Дыдаскаліі», дзе Косаў не згаджаецца з аўтарам «Казанняў».

У гэтым кантэксце нам цікава прасачыць, якімі яшчэ матэрыяламі карыстаўся праваслаўны епіскап пры падрыхтоўцы свайго трактата. Прыгледземся да спасылак, што прысутнічаюць у «Дыдаскаліі» і параўнаем цытаты, якія за імі хаваюцца, з цытатамі ў «Казаннях» Скаргі.

Для выданняў XVII ст. характэрна мяшанае ўжыванне маргінальных і ўнутрытэкставых спасылак. Сярод крыніц, якія пазначаны ў маргінальных спасылках «Дыдаскаліі», пералічаны наступныя творы Айцоў Царквы: «О тайнах» Васіля Вялікага; «Слово погребне о Валентыніяне» св. Амвросія; «О міропомазаніи» св. Кіпрыяна; «Катэхизіс мистакгомскій» св. Кірылы Іерусалімскага; «О іерействе» Яна Златавуснага.

Дзякуючы ўнутрытэкставым спасылкам мы можам дадаць да іх наступныя тэксты: пастановы 6-га Сусветнага сабору; 69-я гамілія «до люду» Яна Златавуснага; «Эксамен, албо Шестодневник» Васіля Вялікага; 3-ці ліст 2-й кнігі з неўказанага бліжэй твору св. Кіпрыяна; гамілія «О Воскресеніи» Рыгора Ніскага; «Молитва до Маслоосвященія»; «Каноны Апостольския» 17, 18; непазначаны твор Васіля Вялікага; 36-я пастанова Карфагенскага Сабора.

Значная частка пералічаных вышэй спасылак мае адпаведнікі ў тэксце «Казанняў» Скаргі. Фактычна нам не ўдалося адшукаць там тры спасылкі з фрагмента пра сужэнства святароў (што цалкам натуральна з увагі на цэлібат лацінскага духавенства): «Читай о том в Канонах Апостольских 17, 18; и в Василія Великаго, и 36 Собору Картагинского» [14, с. 30]; таксама не знайшлося дзвюх спасылак на творы Васіля Вялікага («О тайнах» [14, с. 6] і «Эксамен, албо Шестодневник» [14, с. 22]) і па адной — на пастановы 6-га Сусветнага сабору [14, с. 10], гамілію «О Воскресеніи» Рыгора Ніскага [14, с. 23] і «Молитву до Маслоосвященія» [14, с. 27]. Можна дапусціць, што згадкі гэтых тэкстаў уведзены непасрэдна самім Сільвестрам Косавым. Аднак пошук тэкстаў непасрэдных крыніц трактата ўяўляецца справай малаперспектыўнай з той, прынамсі, прычыны, што ні ў водным з адзначаных выпадкаў

пісьменнік не падае дакладнай цытаты, а толькі абмяжоўваецца звычайнай адсылкай або ў лепшым выпадку пераказам.

Затрымаемся яшчэ пэўны час на цытатах, спасылкі на якія прысутнічаюць і ў «Дыдаскаліі», і ў «Казаннях» Скаргі. Як мы бачылі ў выпадку 82-й гаміліі Яна Златавуснага на Евангелле паводле Мацея, у выпадку цяжкадаступнасці патрэбнага твора Косаў пазычаў цытату наўпрост з кнігі Скаргі і дапасоўваў яе да свайго беларускамоўнага тэксту. Але ці рабіў ён гэтак жа і тады, калі меў патрэбныя кнігі ў сваім распараджэнні? Інакш кажучы, ці звяртаўся пісьменнік да рукапісаў і старадрукаў, што бытавалі ў разглядаемы час на беларускай ці царкоўнаславянскай мове, каб пры іх дапамозе перадаць цытаты, запазычаныя ў Скаргі? Возьмем для прыкладу трактат Яна Златавуснага «О священстве», які ўбачыў свет у Львове ў 1614 г. [11; 9, кн. 1, № 95]. Нават калі не згадваць, што Косаў не адзін год пражыў на Украіне, у тым ліку ў Львове, гэтая кніга была для яго даступна ўжо хаця б таму, што прысутнічала ў бібліятэцы куцеінскага Богаяўленскага манастыра[*], з якім Косаў як епіскап мсціслаўскі, аршанскі і магілёўскі шчыльна супрацоўнічаў. Як відаць з выкарыстанай пісьменнікам назвы трактата («О іерействе»), а таксама з самога тэксту цытаты, патрэбныя для сябе фрагменты аўтар перакладаў наўпрост з лацінскай[**] і польскай моў:

Skarga, P. Kazania… — S. 86.	**Иоанн Златоуст. Книга о священстве. — С. 166.**	**Косов, С. Дидаскалия. — С. 16—17.**
«Kapłan, prawi, za wszystek świat poselstwem wstawia się y Boga prosi, aby wszystkim ludziom nie tylo żywym ale y umarłym grzechy odpuszał».	«(…) о всей оубо вселенней ходотайствоующу, и м[о]лящуся о всех, не живых токмо, но и отшедших грехом м[и]л[о]стива быти Бога».	«Іерей за весь свет вставляется и Бога просит, абы всем людем — не только живым, але и умарлым — грехи отпущал».

Не менш даступнымі для Косава былі і тэксты «Новага запавету»: Евангелляў, апостальскіх Дзеяў і Лістоў. Іх фрагменты складаюць у трактаце вялікі комплекс цытат і звычайна пераклікаюцца са спасылкамі, што прысутнічаюць у «Казаннях» Пятра Скаргі. Беларускія і ўкраінскія праваслаўныя друкаваныя выданні «Новага запавету» канца XVI — 1-й паловы XVII ст. традыцыйна змяшчаюць стандартны царкоўнаславянскі тэкст[***], але ў «Дыдаскаліі» гэтыя фрагменты, як і ўсе іншыя, пададзены па-старабеларуску. У якасці пры-

[*] Адзін з асобнікаў выдання са збораў НББ (шыфр: 096/4185) мае ўкладны запіс 1626 г. у Богаяўленскі манастыр.

[**] У «Казаннях» Скаргі пададзена спасылка на лацінскі загаловак трактата «De Saterdotio».

[***] Выключэннем з'яўляецца пераклад Цяпінскага, але ён ахоплівае толькі няпоўныя два Евангеллі.

кладу для разгляду возьмем цытату з Евангелля паводле св. Яна (Ян 3, 3), якая з’яўляецца для нас зручнай па некалькіх аспектах.

Skarga, P. Kazania… — S. 8.	**Царкоўнаславянскі тэкст стараддрукаў.**	**Косов, С. Дидаскалия. — С. 7.**
Kto się nie odrodzi w wodzie y w Duchu ś. nie wnidzie krolewstwo Boże.	Аще кто неродится водою и д[у]хомъ неможетъ внити во Ц[а]рствіе Б[о]жіе.	Если ся хто не отродить от воды и Духа, — не внидет в Царство Небесное».

З гэтага супастаўлення відаць, што пададзеная ў «Дыдаскаліі» цытата мае пэўныя рысы, якія лучаць яе з тэкстам Скаргі («się nie odrodzi» — «ся … не отродить», «nie wnidzie» — «не внидет»), але прысутнічаюць і такія асаблівасці, што нагадваюць царкоўнаславянскі тэкст («Аще кто» — «Если … хто»).

Падлік падабенстваў і адрозненняў, атрыманых пасля параўнання новазапаветных цытат «Дыдаскаліі» з адпаведнымі месцамі ў Скаргавых «Kazaniach» і ў царкоўнаславянскім тэксце айчынных стараддрукаў, схіляе нас да меркавання, што Косаў перакладаў новазапаветныя фрагменты з кнігі Скаргі, хоць, верагодна, і рэдагаваў іх, карыстаючыся адным з айчынных праваслаўных выданняў або рукапісаў «Новага запавету» ці проста з памяці. На карысць апошняй версіі (рэдагавання з памяці) сведчаць выпадкі, калі варыянт у «Дыдаскаліі» адрозніваецца ад абодвух іншых, асабліва пры супадзенні апошніх між сабой, што найчасцей сведчыць пра адыход Косава ад канону. Прыклад гэтага нам таксама дае цытаваны вышэй фрагмент з Евангелля паводле Яна: «krolewstwo Boże» — «Ц[а]рствіе Б[о]жіе» — «Царство Небесное».

Падсумоўваючы вышэйсказанае, адзначым, што будова «Дыдаскаліі» Сільвестра Косава і выкарыстаны пры яе напісанні матэрыял нясуць прыкметы значнага ўплыву «Казанняў пра сем Сакрамантаў Каталіцкае царквы» аўтарства Пятра Скаргі — менавіта гэты тэкст, нягледзячы на яго каталіцкае паходжанне, пакладзены ў аснову праваслаўнага трактата. «Дыдаскалія» не вылучаецца арыгінальнасцю думкі і не ўяўляе сабой літаратурнага шэдэўра, пакліканага ўвекапомніць імя стваральніка. Але такая мэта перад ёй, як і перад іншымі творамі епіскапа, не ставілася. Галоўнай задачай трактата было непасрэднае задавальненне інфармацыйных патрэб праваслаўнага духавенства і свецкіх вернікаў.

Сільвестр Косаў быў адукаваным тэолагам і здольным літаратарам, але галоўнае — ён быў царкоўным дзеячам і асветнікам, а таму свае творчыя сілы і імпэт ён скіраваў, перш за ўсё на ўвасабленне ідэі рэфармавання Праваслаўнай царквы. Менавіта дасягненню гэтай мэты і павінны былі служыць яго творы, у тым ліку і «Дыдаскалія», якая сваю ролю выканала, пра што сведчыць яе значная папулярнасць у праваслаўнага чытача і неаднакратныя перавыданні.

Літаратура і крыніцы

1. Arcudius, P. Libri 7. de Concordia Ecclesiae Orientalis e Occidentalis, in septem Sacramentorum administratione / Auctore Petro Arcudio. — Lutetia Parisiorum: apud Sebastianus Cramoisy, 1626. — [10], 617, [37] p.

2. [Dubowicz, Jan]. Sobór Kiiowski schismaticki … / Z ruskiego na polski ięzyk przez Wielebnego X. Kassiana Sakowicza przełożony y powtore z druku wydany. — Krakow: w Drukarni Marcina Filipowskiego, 1642. — [16 c.]
3. [Sakowicz, K. Przedmowa] // [Dubowicz, Jan]. Sobór Kiiowski schismaticki … / Z ruskiego na polski ięzyk przez Wielebnego X. Kassiana Sakowicza przełożony y powtore z druku wydany. — Krakow: w Drukarni Marcina Filipowskiego, 1642. — C. [2].
4. Skarga, P. Kazania o Siedmiu Sakramentach Kościoła Katolickiego. Do których przydane Kazania Przygodne … / Czynione y napisane od X. Piotra Skargi Societatis Iesu. — Kraków, 1600. — [10], 529 s.
5. Żurek, A. ks. Wprowadzenie do Ojców Kościoła / ks. Antony żurek. — Kraków, 1993. — 160 s.
6. Адам Брок. Два трактата (о семи таинствах и семи смертных грехах) // Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 6: Рукописи латинского алфавита XVI—XVII вв. / сост. И. Н. Лебедева; АН СССР, Библиотека. — Л.: Наука, 1979. — С. 169—170.
7. Викторов, А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России / А. Е. Викторов. — СПб: тип. Имп. Акад. наук, 1890. — II, [1], 378, [1] с.
8. Войніч, І. Прадмоўна-пасляслоўны комплекс да кнігі Сільвестра Косава «Дыдаскалія» / І. Войніч // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай. У 2 ч. Ч. 1: Тэарэтычныя праблемы літаратуразнаўства, міфалагічныя і фальклорныя традыцыі ў літаратуры, славянскія літаратуры ад сярэднявечча да асветніцтва, беларуская літаратура ў яе сувязях з іншымі літаратурамі свету / рэдкал.: Л. К. Тарасюк і інш. — Мінск: БДУ, 2000. — С. 52—54.
9. Запаско, А. П. Памятники книжного искусства: Каталог старопечатных книг, изданных на Украине / А. П. Запаско, Я. Д. Исаевич. У 2 кн. — Львов: Вища школа; Изд-во при Львовском ун-те, 1981—1984. — Кн. 1; Кн. 2. — Ч. 1, 2.
10. Иоанн Златоуст. Иже во святых отца нашего Иоанна, архиепископа Константина Града Златоустого избранные творения. Толкование на Святого Матфея Евангелиста: в 2 кн. — [М.: Изд-во «Посад», 1993]. — Кн. 1, 2.
11. Иоанн Златоуст. Книга о священстве. — Львов: Друк. брацтва, 1614. — [60], 448 с.
12. Косаў, С. Дідаскалія альбо Наука, которая ся первей из уст священником подавала о седми Сакраментах алболи Тайнах … / Сільвестр Косаў // Саверчанка, І. Aurea mediocritas: Кніжна-пісьмовая культура Беларусі (Адраджэнне і ранняе барока) / Іван Саверчанка. — Мінск: Тэхналогія, 1998. — С. 261—271.
13. Косаў, С. Дідаскалія альбо Наука, которая ся первей из уст священником подавала о седми Сакраментах алболи Тайнах … / от превелебнаго его милости господина о[т]ца Сілвестра Косова еп[и]с[ко]па мстиславского, оршанского и могилевскаго. — Куцейна: Друкарня Богаяўленскага манастыра, 1637. — 31 с. (НББ: МФ 09/589).
14. Косаў, С. Дідаскалія альбо Наука, которая ся первей из уст священником подавала о седми Сакраментах алболи Тайнах … / от превелебнаго его милости господина о[т]ца Сілвестра Косова, на тот час еп[и]с[ко]па мстиславского, оршанского и могилевскаго, а теперешнего милостью Божиею митрополита Киевскаго, галицкого и всея России. — Куцейна: Друкарня Богаяўленскага манастыра, 1653. — 31 с. (НББ: МФ 09/473).
15. Саверчанка, І. Aurea mediocritas: Кніжна-пісьмовая культура Беларусі (Адраджэнне і ранняе барока) / Іван Саверчанка. — Мінск: Тэхналогія, 1998. — 319 с. + (64 с. укл.).

16. Саверчанка, І. В. Палемічная літаратура / І. В. Саверчанка // Гісторыя беларускай літаратуры XI—XIX стагоддзяў. У 2 т.— 2-е выд. — Мінск: Бел. навука, 2007. — Т. 1: Даўняя літаратура XI — першая пал. XVIII ст. — С. 524—527.
17. Старадрукаваныя кірылічныя выданні XVI — XVIII ст. / склад. Г. Я. Галенчанка // Кніга Беларусі (1517—1917): Зв. каталог / ДБЛ БССР; склад. Г. Я. Галенчанка, Т. В. Непарожная, Т. К. Радзевіч. — Мінск: БелСЭ, 1986. — С. 9—192, № 1—390.
18. Флоровский, Г. В. Пути русского богословия / Г. Флоровский. — Вильнюс, 1991. — [12], 599, [1] с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 10.04.2015

А. А. Макиенко,
старший научный сотрудник
отдела источников новейшей истории Украины
Института украинской археографии
и источниковедения имени М. С. Грушевского
Национальной академии наук Украины,
кандидат исторических наук;
e-mail: olex.makienko@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ СОХРАННОСТИ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСОБОЙ ВСЕУКРАИНСКОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ (1920—1922 гг.)

Постреволюционный этап развития архивного дела в Украине ознаменовался формированием новой социокультурной реальности, актуализировавшей проблему использования архивных ценностей для потребностей нового политического режима. Недооценка научного значения архивной информации обусловила доминирование в среде правящей элиты сугубо утилитарных подходов к определению дальнейшей судьбы архивов. В советской Украине архивные документы стали объектами масштабной макулатурной кампании, санкционированной партийно-государственным руководством республики.

К началу 1920-х гг. экономика Украины находилась в состоянии глубочайшего кризиса, связанного с дезорганизацией хозяйственной жизни, разрушением промышленной инфраструктуры, нехваткой сырьевых ресурсов, разрывом торговых связей и др. Объемы производства существенно сократились, наростал дефицит товаров широкого потребления.

Серьезным испытанием для архивной отрасли стал прогрессирующий «бумажный голод». В 1913—1914 гг. в Украине действовало 43 предприятия бумажной промышленности, производивших ежегодно 26,9 тыс. тонн бумаги и 2 тыс. тонн целлюлозы [1, с. 73]. Последующие исторические события обусловили резкое сокращение производства и занятости на предприятиях отрасли, многие из них прекратили работу. Согласно данным В. Студинского, в 1916 г. число работающих предприятий бумажной промышленности уменьшилось до 25, а к 1920 г. — до 16 [1, с. 86]. Находящиеся в подчинении Южного районного управления Главбума ВСНХ РСФСР бумажные фабрики были в катастрофическом положении: в 1920 г. их валовый продукт составлял около 3,4% довоенного уровня (1,3 тыс. тонн бумаги и картона) [1, с. 92]. Нехватка бумаги негативно отразилась на функционировании предприятий полиграфической промышленности, тормозила делопроизводственную деятельность органов власти, различных учреждений, предприятий, организаций.

Борьба с бумажным дефицитом стала важнейшим направлением государственной экономической политики. Наиболее решительные шаги в этом направлении предприняли советские правительства России, Украины и Беларуси в течение 1919—1921 гг. Для скорейшего восстановления бумажной

промышленности употреблялись характерные для военно-мобилизационной модели хозяйствования командно-административные методы. Вследствие ограниченности альтернативных источников сырья единственным надежным ресурсом для поддержания работы бумажных фабрик были признаны архивные документы. Таким образом, архивы были обречены стать жертвой хозяйственных инициатив новой власти, а архивные работники встретиться с ранее невиданными вызовами в своей профессиональной деятельности.

Среди государственных органов, ведавших заготовкой архивной бумаги в советских республиках, специфическое положение занимала Особая Всеукраинская архивная комиссия (ОВАК), действовавшая на территории УССР в 1920—1922 гг. Не являясь формально архивным органом, она все же существенно повлияла на процессы национального архивного строительства. Историографическая оценка результатов ее деятельности довольно противоречива. Скептический подход к характеристике роли и значения ОВАК в истории архивного дела на территории Украины был заложен еще в 1920-х гг. трудами активных участников архивного строительства в УССР (Е. Иванова, В. Барвинского, О. Водолажченко, А. Цветкова, Ф. Герасименко и др.) [2, с. 46—47; 3, с. 73—85; 4, с. 9]. Работа архивных учреждений рассматривалась через призму непримиримой борьбы с «Молохом» бумагозаготовительных органов [5, с. 134]. ОВАК и ее местные органы обвинялись в стимулировании утилитарных подходов к национальному документальному наследию [2, с. 47]. Несколько смягченный вариант подобной оценки встречался и в научных публикациях 1960—1970-х гг. [6, с. 5—6; 7, с. 6]. Зарождение оптимистичного подхода к характеристике роли и значения ОВАК произошло в украинской историографии 1930-х гг. на волне критики «буржуазно-националистических» взглядов историков-архивистов 1920-х гг. По мнению А. Юрченко, предшественники проявили «враждебную тенденциозность», выискивая «только теневые стороны» в деятельности ОВАК [8, с. 157]. В противовес их позиции в работах А. Гринберга, Г. Сергиенко, А. Митюкова и других акцент переносился на позитивные стороны макулатурных кампаний, в частности, как оптимального средства избавления архивов от утильматериалов [9, с. 53; 10, с. 15—18; 11, с. 31—35]. Под влиянием подобных оценок долгие десятилетия работа ОВАК и ее местных органов рассматривалась как исключительно прогрессивное явление советского архивного строительства. В публикациях современных историков-архивистов предпринимаются попытки согласования существующих подходов в оценке характера и последствий макулатурной кампании в УССР начала 1920-х гг., определения реальной роли ОВАК и ее местных органов в утилизационных процессах [12; 13]. В этом отношении показательными являются выводы авторов соответствующей статьи в «Украинской архивной энциклопедии» [14]. Впрочем, целый ряд вопросов организации и практической деятельности ОВАК, в частности, в региональном измерении остаются малоизученными. В данной публикации предпринимается попытка выяснения значения работы ОВАК для обеспечения сохранности национального документального наследия.

В 1919—1922 гг. утилизационные работы в архивах той или иной степени интенсивности проводились во многих советских республиках [15, с. 71—77; 16, с. 360—363; 17, с. 15—16]. Как правило, дело заготовки архивной бумаги в регионах находилось в ведении местных органов управления народным хозяйством — совнархозов. Их утилизационно-заготовительные отделы стали главными распорядителями бумажных запасов, наделенных функциями учета, распределения и снабжения различными типами бумаги органов власти, учреждений, предприятий и организаций. В условиях милитаризации промышленности заготовка бумаги приобретала характер боевых заданий, а препятствование их выполнению грозило виновнику военным трибуналом [18, л. 108, 349]. Быстрое исчерпание наличных запасов бумаги при отсутствии перспектив их своевременного пополнения бумажными фабриками вынудило совнархозы приступить к разборке архивов для извлечения чистой (или получистой) бумаги. Их сотрудники регистрировали и опечатывали архивы, а также вывозили архивные документы для утилизации на соответствующие склады [19, л. 88 об.; 20, л. 9, 16—17, 28—30, 43; 21, л. 12; 22, л. 1, 10 об.; 23, л. 1—13]. Для вырезания годной к использованию бумаги нередко создавались отдельные «архивные» мастерские со штатом технических рабочих. Остатки архивной бумаги передавались местным органам Главбума ВСНХ для последующей утилизации на бумажных фабриках, а в случае их отсутствия оставались в ведомственном хранении.

Главными конкурентами утилизационно-заготовительных отделов совнархозов в деле эксплуатации запасов архивной бумаги были местные советские учреждения — держатели архивов ликвидированных советской властью дореволюционных учреждений. По мере обострения бумажного кризиса эти архивы постепенно превращались в источник снабжения канцелярскими принадлежностями (бумагой, папками, палитурками) делопроизводственных подразделений советских учреждений. Обычным явлением в жизни служащих стали «субботники» и «воскресники» по сортировке архивной бумаги [24, л. 30, 202 об.]. Нередко, согласно соответствующим инструкциям, заготовленной бумагой снабжались структуры всей ведомственной вертикали [25, л. 123]. Значительное распространение в этот период получила практика натурпремирования работников архивной бумагой. Подобные мероприятия губительно отражались на физическом состоянии архивных дел, сохранении целостности архивов.

Активизация стихийных утилизационных работ в архивах актуализировала вопрос об организации соответствующего надзора за процессом разборки архивов со стороны специалистов. В этом, прежде всего, проявляли заинтересованность архивные работники, представители научно-педагогической интеллигенции. Архивные ценности могли быть безвозвратно утрачены в

результате непрофессиональных действий технического персонала, не имеющего представления о деловом и научном значении документов.

В РСФСР декретом СНК от 22 апреля 1919 г. «О хранении и уничтожении архивных дел» ведущая роль в процессе утилизации архивных документов была отведена Главному управлению архивным делом Наркомпроса РСФСР, контролирующего работу специальных экспертных комиссий для разборки архивных фондов [26, с. 9—11]. Впрочем, подобный надзор не гарантировал надежной защиты архивных ценностей от директивного вмешательства органов управления народным хозяйством [15, с. 74—75]. Значительно хуже была постановка разборочных работ в архивах УССР и БССР. Неразвитость архивного законодательства, отсутствие центральных органов управления архивным делом, организационная слабость местных кадров архивистов, их финансовая необеспеченность способствовали самоуправному хозяйничанью разнообразных заготовительно-распределительных структур, рассматривавших архивы в качестве основных источников пополнения бумажных запасов.

В некоторых регионах Украины для обеспечения контроля над извлечением архивной бумаги местной интеллигенцией было инициировано создание особых архивных комиссий с привлечением представителей научной общественности. Так, 25 мая 1920 г. решением Мариупольского военревкома вместо разборочной комиссии совнархоза была образована архивная комиссия из представителей полиграфического и юридического отделов, отдела народного образования «с правом кооптации ученых сил» [27, л. 83]. Благодаря вмешательству ее членов удалось спасти от уничтожения большую часть архива Мариупольской уездной земской управы, отобрав ценные исторические документы для хранения в местном краеведческом музее [28, л. 67]. 23 июня 1920 г. Лебединским уездным исполкомом была создана «особая» комиссия для разбора архивов и выделения из них «всего, имеющего историческую ценность» в составе местных краеведов и просвитян Ю. Базавлука, Б. Руднева и Н. Грищенко [29, с. 76]. Их усилиями в специально оборудованном помещении бывшего здания Лебединского земства были сконцентрированы архивы земской и городской управ, части архивов мировых судей, земских начальников, дворянской опеки и др. [30, л. 120].

Наиболее рациональной была постановка утилизационных работ в губернских центрах, где функционировали специальные архивные органы — архивные секции губернских комитетов охраны памятников искусства и старины. По согласованию с местными совнархозами разборкой архивов здесь занимались особые экспертные комиссии. Так, в Киеве решением коллегии губнаробраза от 1 марта 1920 г. при архивном управлении были созданы две такие экспертные комиссии [31, л. 114]. Комиссии в составе представителей архивного управления и ведомства — держателя архива, а также научного эксперта в соответствующей области рассматривали подлежащие утилизации архивные документы в трех ракурсах — с точки зрения их ценности в отношении архивном (как интересный образец делопроизводства, «архивный уникум»), научном (как исторический источник) и практическом (как справочный материал для учреждений и частных лиц) [32, л. 94]. Ненужные документы передавались в распоряжение совнархоза, а отобранные для дальнейшего хранения концентрировались в архивном управлении. Впрочем, надлежащий контроль за ходом утилизационных работ в архивах со стороны уполномоченных архивных органов был редким исключением в регионах Украины.

Известную настойчивость в деле упорядочения разборки архивов проявляли и местные органы Главбума ВСНХ. Их заинтересованность объяснялась вполне прагматичным желанием направить стихийные утилизационные процессы в архивах в нужное для удовлетворения потребностей бумажной промышленности русло. Поэтому руководство Главбума приложило максимум усилий для борьбы с необоснованными претензиями держателей архивов относительно архивной бумаги. Именно Главбуму принадлежала инициатива создания в УССР центрального государственного органа с особыми полномочиями в архивном деле, способного с одной стороны удовлетворить сырьевые запросы возрождающейся бумажной промышленности, а с другой — учесть интересы представителей научной общественности.

7 февраля 1920 г. согласно докладной записке уполномоченного по восстановлению бумажной промышленности А. Маковского, Всеукрревком принял постановление «Об использовании всех советских, бывших государственных, общественных и частных архивов», возложив контроль за разборкой архивов с целью утилизации ненужных документов на Особую комиссию Всеукрревкома в составе представителей ревкома (М. Бутвин), архивной секции ВУКОПИСа (Д. Багалей) и Главбума (А. Маковский) [33]. Комиссия должна была установить «точный порядок использования архивов». Без ее разрешения любые действия с архивными документами категорически запрещались. Научный подход в деле изъятия и утилизации ненужных документов должно было обеспечить включение в состав комиссии известного украинского историка и архивиста, академика Д. Багалея, сыгравшего выдающуюся роль в советском архивном строительстве на территории Украины. Месяц спустя СНК УССР подтвердил чрезвычайные полномочия созданного государственного органа, присвоив ему название «Особая Всеукраинская архивная комиссия» [34, л. 38].

В 1920—1922 гг. ОВАК функционировала как постоянный коллегиальный орган при управлении делами СНК УССР. Основной формой работы членов комиссии являлось заседание (всего за неполных два года — 20). Сохранившаяся документация свидетельствует о нерегулярности заседаний ОВАК. Наибольшей продуктивностью ее работа отличалась в первой половине 1920 г., когда состоялось 15 заседаний; в дальнейшем же интенсивность деятельности комиссии существенно снизилась. Последний протокол заседания ОВАК датирован 14 июля 1921 г. [3, с. 75]. Изначально, при отсутствии отдельного технического аппарата комиссии, центром как подготовки, так и

реализации ее организационно-распорядительных решений стала возглавляемая академиком Д. Багалеем архивная секция Харьковского губкописа. Именно здесь были разработаны принятые ОВАК рекомендации относительно установления порядка изъятия ненужных архивных документов, его практической реализации [35, л. 24 об.]. Сотрудники архивной секции (Д. Багалей, Е. Иванов, В. Мигулин, В. Барвинский, А. Цветков и другие), снабженные мандатами ОВАК, были мобилизированы для выполнения плана обследования архивов Харькова и его округи.

Впоследствии практические потребности расширения утилизационных работ, а также усиления контроля за разборкой архивов в регионах обусловили организацию сети местных органов ОВАК. 24 апреля 1920 г. СНК УССР утвердил «Положение об организации губернских комиссий по изъятию и утилизации ненужных архивных материалов» [34, л. 21]. В состав губернской комиссии включались представители губисполкома (председатель комиссии), архивной секции губкописа, Главбума и рабоче-крестьянской инспекции. В обязанности созданных подразделений входили надзор за отбором советскими учреждениями документов делового значения, подлежащих ведомственному хранению, выделение совместно с архивными секциями губкописов документов научного значения и изъятие ненужных документов для снабжения предприятий Главбума. Комиссии по изъятию и утилизации ненужных архивных материалов были созданы во всех губернских центрах УССР — Харькове (19 мая 1920 г.), Николаеве (17 июня 1920 г.), Луганске (28 июня 1920 г.), Полтаве (8 августа 1920 г.), Одессе (10 августа 1920 г.), Чернигове (4 ноября 1920 г.), Киеве (9 ноября 1920 г.), Екатеринославе (12 декабря 1920 г.), Виннице (15 января 1921 г.), Кременчуге (9 февраля 1921 г.), Александровске (15 февраля 1921 г.) и Житомире (15 апреля 1921 г.) [36, л. 3; 37, л. 6; 38, л. 3]. Кроме того, в некоторых губерниях развернули свою деятельность уездные архивные комиссии — в Константинограде, Лубнах, Прилуках, Ромнах, Тирасполе, Херсоне, Черкассах и других городах Украины.

Разработанный ОВАК образцовый штат губернской комиссии предполагал наличие отдельного персонала служащих, исполняющих как делопроизводственные функции (секретарь, делопроизводитель, конторщик, машинистка, курьер), так и собственно архивно-технические работы (инструкторы, разборщики архивов) [36, л. 1]. Фактически штатное расписание определялось финансовыми ресурсами и объемами работы конкретных комиссий. Так, с марта 1921 г. Полтавская губернская архивная комиссия — одна из наиболее продуктивных среди аналогичных комиссий — имела следующий штат сотрудников: председатель, три члена, секретарь, бухгалтер, делопроизводитель, машинистка, курьер, технический руководитель, пять инструкторов для города и уездов, тридцать сотрудников-архивистов. В состав каждой из подведомственных ей уездных архивных комиссий должны были входить председатель, три члена, секретарь, инструктор, семь сотрудников-архивистов [39, л. 27]. В Херсоне местное отделение губернской архивной комиссии функционировало вообще без собственного штата технических работников, пользуясь услугами рабочих управления полиграфической промышленности [40, л. 515]. В составе комиссий трудилось немало известных украинских историков, архивистов, памятниковедов — Е. Иванов (г. Харьков), И. Рыбаков (г. Полтава), О. Фотинский (г. Житомир), А. Флоровский (г. Одесса), В. Шугаевский (г. Чернигов), М. Астряб (г. Лубны) и др. Многие сотрудники комиссий приобрели ценный для их дальнейшей архивной деятельности опыт работы (О. Водолажченко, Н. Павлова, А. Цветков, Я. Жданович, П. Буйницкий и др.).

Основными направлениями деятельности ОВАК стали подготовка нормативной базы для организации процесса разборки архивов, его научно-методическое обеспечение, разрешение конфликтных ситуаций в отношениях между субъектами утилизационных работ. При этом широко использовался накопленный ранее опыт постановки подобных работ как на территории Украины, так и за ее пределами. В частности, при составлении плана разборки архивов на заседании ОВАК 16 февраля 1920 г. был рассмотрен доклад академика Д. Багалея «Законодательство и практика изъятия из архивов ненужных материалов в Западной Европе, России и Украине» [3, с. 78]. Всего за период деятельности ОВАК приняла на своих заседаниях 12 постановлений, распоряжений и инструкций, определяющих порядок утилизационных работ в архивах Украины, а также инициировала принятие ряда нормативно-правовых актов, имевших непосредственное влияние на дальнейшее развитие архивного дела в республике.

Среди приоритетов организационно-методической работы ОВАК можно выделить регистрацию архивов, организацию их охраны, разработку оснований экспертизы ценности документов разбираемых архивов.

Учитывая цели, поставленные советским правительством перед ОВАК, ее первоочередным заданием стало обеспечение выявления и учета архивов. Развивая положения упоминавшегося уже постановления Всеукрревкома от 7 февраля 1920 г. ОВАК издала ряд распоряжений о проведении регистрации архивов (17 февраля, 15 мая, 4 сентября 1920 г., 25 марта 1921 г.), обязывающих учреждения — держателей архивов — оперативно предоставлять информацию об их местонахождении, количественных и качественных параметрах содержащихся в них документов, наличии описей, ответственных за сохранность архивов лиц [3, с. 76]. В свою очередь, местные органы ОВАК публиковали соответствующие приказы через официальные печатные органы исполнительных комитетов [41, 42]. Впрочем, эффективность подобного метода выявления и учета архивов в условиях ограниченной коммуникации между Харьковом, губернскими и уездными городами, центрами волостей, а также низкой исполнительской дисциплины в системе местного управления была незначительной. Аналогичными были результаты практикуемых некоторыми местными органами ОВАК анкетных обследований архивов. Стремясь скрыть факты самоволь-

ной утилизации архивов, респонденты нередко оправдывали их отсутствие уничтожением «враждебно настроенными к архивам» бандами либо проходящими мимо частями Красной Армии. Более успешной была практика личных обследований архивов в местах их хранения. Вполне очевидно, что рассчитывать при этом на особое содействие держателей архивов, стремящихся к дальнейшей эксплуатации бумажных запасов, сотрудники местных органов ОВАК не могли. Нередкими были факты противоправного отказа в доступе к архивным документам со стороны соответствующих должностных лиц [43, л. 74—74 об.]. Однако вопреки сопротивлению обследуемых учреждений, предприятий и организаций архивными комиссиями были зарегистрированы сотни архивов в различных регионах Украины.

Не менее важным заданием ОВАК и ее местных органов была организация охраны архивных ценностей от уничтожения и повреждения. Незамедлительность принятия решительных мер в этом направлении диктовалась поступающей информацией о массовых явлениях стихийной утилизации архивов на местах. Основные усилия были направлены на преодоление ведомственного произвола по отношению к архивам, прекращение самостоятельной заготовки архивной бумаги советскими учреждениями, расхищения документов отдельными лицами.

Фундаментальное значение как для обеспечения сохранности архивных ценностей, так и постановки архивного дела в республике в целом имело утверждение СНК УССР 20 апреля 1920 г. «Временного положения об архивном деле», разработанного ОВАК. Документ провозглашал все архивы общенародным достоянием. Учреждениям — держателям архивов — запрещалось их уничтожать, продавать или передавать кому-либо. Отныне на ведомственном хранении могли оставаться только нужные для текущего делопроизводства архивные документы, остальные же в обязательном порядке передавались в заведование архивных секций при губернских отделах народного образования. Устанавливалась строгая ответственность за нарушение положений постановления [44]. Апеллируя к данному нормативно-правовому акту, ОВАК получила возможность привлекать к охране архивов правоохранительные органы.

Постановлением СНК УССР от 24 апреля 1920 г. «Об утилизации архивной бумаги» советские учреждения лишались также права распоряжаться извлеченной из архивов ненужной бумагой, которая должна была беспрепятственно вывозиться Главбумом. По соглашению с архивной комиссией они могли претендовать не более чем на 25% данной бумаги при условии компенсации Главбуму затрат на ее извлечение [34, л. 20].

Разумеется, сам факт принятия указанных нормативно-правовых актов не мог гарантировать прекращение хищнического истребления архивных ценностей в регионах Украины. Борьба ОВАК и ее местных органов с незаконными претензиями держателей архивов, вопреки установленной для них юридической ответственности, продолжалась. Реагируя на информацию об

угрозе архивам, они регулярно направляли органам власти жалобы на незаконное использование архивных документов, обращались за помощью к правоохранительным структурам, принимали меры к опечатыванию и перевозке архивов в безопасные помещения [3, с. 76—77]. Наиболее радикальные шаги в этом направлении предприняла Полтавская губернская архивная комиссия, принявшая на своем заседании 4 декабря 1920 г. решение о концентрации в Полтаве всех уездных и волостных архивов [39, л. 16].

Наиболее сложным было противостояние ОВАК с разнообразными утилизационно-заготовительными структурами, функционировавшими при поддержке местных органов власти. Их дальнейшая работа во многом стимулировалась благодаря материальной заинтересованности представителей партийно-государственной номенклатуры. Показательной была ситуация, сложившаяся в Ромнах летом 1921 г. во взаимоотношениях уездной архивной комиссии и утильотдела совнархоза. Комиссия, пытаясь остановить самовольную утилизацию архивов, в итоге получила от исполкома недвусмысленное предписание «без всяких разговоров» передать годную архивную бумагу союзу потребительских обществ для снабжения ею местных учреждений [45, л. 188 об.].

В условиях острого бумажного дефицита не столько архивная информация, сколько ее носитель приобретали реальную материальную ценность. Так, в 1922 г. на рынках Чернигова 20 фунтов архивной бумаги обменивали на пуд ржи. Стабильно высокая рыночная стоимость бумаги создавала благоприятные предпосылки для расцвета незаконных операций по сбыту извлеченной из архивов бумаги.

Впрочем, борьба ОВАК с противоправными действиями хозяйствующих субъектов постепенно начинала приносить позитивные результаты. Так, в марте 1921 г. в Александровске (Запорожье) с формированием архивной комиссии была остановлена утилизация архивов полиграфотделом местного совнархоза [46, л. 39]. В октябре 1921 г. в Одессе удалось прекратить пагубную деятельность комиссии по использованию архивов, обрезков бумаги и тряпья при Одесском губсовнархозе, сконцентрировавшей на своем складе для дальнейшей переработки 3800 пудов документов городской управы, управления земледелия и государственных имуществ, нотариального архива и др. [47, л. 80, 82].

Важно отметить, что необходимость проводимых ОВАК и ее местными органами охранных мероприятий по-разному мотивировалась представителями заинтересованных в их работе ведомств. Архивисты, подчеркивая научную и культурную ценность сохраняемых документов, видели их будущее в составе фондов исторических архивов. Сотрудники же Главбума беспокоились о сохранности архивов исключительно в силу их сырьевого потенциала. Подобное различие в видении значения архивных документов неминуемо порождало конфликт интересов, в полной мере проявивший себя уже на этапе разборки архивов.

Исходя из функционального назначения ОВАК и ее местных органов, центральное место в их деятельности занимали работы по разборке архивов. ОВАК, осуществляя научно-методическое сопровождение работы местных архивных комиссий, подготовила ряд соответствующих нормативных документов: «Временная инструкция о порядке изъятия и утилизации ненужных архивных материалов», «Дополнительная инструкция» с определением обязанностей сотрудников комиссий, инструкции для разборки архивов отдельных ведомств (судебных учреждений, органов земского самоуправления) [3, с. 77, 79]. Их применение в работе местных архивных комиссий должно было обеспечить научный подход в деле изъятия ненужных архивных документов.

Разборка любого архива предполагала несколько этапов. Сперва учреждение — держатель архива — выделяло необходимые для текущего делопроизводства документы с предоставлением их описей на рассмотрение архивной комиссии. Остальная часть архива подлежала экспертизе на предмет извлечения ценных для науки документов, проводимой силами сотрудников архивных комиссий совместно с архивными секциями при отделах народного образования. При этом использовались специальные инструкции, составленные инструкторами-экспертами для работы с каждой категорией архивов.

Во всех архивах применялась комбинированная система отбора дел по описям и через непосредственное ознакомление с содержанием документов. Неприкосновенными архивным секциям передавались на постоянное хранение комплексы документов любых учреждений до начала XIX ст., губернских учреждений до 1880 г., земских и городских учреждений 60—70-х гг. XIX ст., из остальных же сохранялись только наиболее интересные для истории учреждения документы. Сохранению подлежали также все завершенные дела советских учреждений, профсоюзных и кооперативных организаций (для них устанавливался 5-летний срок ведомственного хранения). Согласно инструкции ОВАК, особого внимания требовала экспертиза ценности документов в архивах военно-морского ведомства, канцелярий губернаторов, казенных палат, управлений государственных имуществ, губернских чертежных, судебных учреждений, духовных консисторий, а также культурно-образовательных заведений, содержащих ценнейшие документы по истории общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни. К ним примыкали документы новейшего периода истории, касающиеся крестьянского, рабочего, общественного и революционного движений (подлежали передаче в архивы революции).

Изъятию ненужных документов для передачи Главбуму, прежде всего, подвергались архивы с потенциально большой долей утильматериалов — почтово-телеграфного ведомства, железнодорожных управлений, тюремной инспекции, контрольных палат, казначейств, банковских учреждений, частных фирм и предприятий. Уничтожению подлежали однотипные по форме и содержанию дела (кроме типичных документов, автографов, образцов делопроизводства, печатей, гербовых бумаг, печатных бланков). Признанные ненужными дела вносились в опись, утверждавшуюся на заседании комиссии, и после этого согласно акту передавались представителям Главбума [48, л. 1—2 об.].

Таким образом, инструкции ОВАК относительно порядка разборки архивных дел стали первыми нормативными документами в этой сфере, применявшимися во всеукраинском масштабе. Они послужили фундаментом для разработки теоретических основ экспертизы ценности документов в Украине [49, с. 24—25].

Фрагментарность сохранившегося комплекса делопроизводственных документов ОВАК и ее местных органов не позволяет установить точный объем утилизированных ими архивных документов. По данным ОВАК, к июлю 1921 г. в Екатеринославской, Киевской, Полтавской и Харьковской губерниях, где функционировали отделы утилизации Югбума, архивные комиссии изъяли для нужд бумажной промышленности более 128 тыс. пудов архивной бумаги [36, л. 6]. В других губерниях результативность утилизационных работ была значительно ниже. Это дает основания утверждать, что преследуемые Главбумом при создании ОВАК цели были далеки от реализации (планировалось ежегодно заготовлять до 600 тыс. пудов бумаги).

Среди причин недостаточной динамичности утилизационной работы ОВАК и ее местных органов следует подчеркнуть слабость их организационной структуры, отсутствие развитой коммуникации между центром и регионами, неудовлетворительное финансовое положение архивных комиссий, недостаточную компетентность их сотрудников.

Однако главным недостатком существующей организации утилизационных работ в Украине стали трудноустранимые противоречия между представителями бумагозаготовительных структур и научной общественности. В своей «Автобиографии» академик Д. Багалей вспоминал: «Положение мое в этой комиссии было очень тяжелым, поскольку бумажный трест, в пользу которого она была составлена, стремился захватить как можно больше архивной бумаги и перерабатывать ее на фабриках, в то время как мы, наоборот, должны были сохранить все бумаги, имеющие какой-либо научный вес для будущего. И в Харькове, и в других культурных центрах была уничтожена тогда масса ценных архивных материалов, которые не смогли отстоять архивные секции, работавшие одновременно с Центральной архивной комиссией, а временами и сама центральная комиссия не могла проследить за самоуправными разрушительными поступками бумажного треста» [50, с. 138]. Особенно драматично для судьбы архивов складывалась ситуация в регионах, где отсутствовали более-менее прочные традиции архивных исследований, ощущалась нехватка соответствующих кадров культурных работников (Херсонщина, Донбасс). Этим нередко пользовались бумагозаготовительные структуры, вывозя архивы на свои склады без предварительного рассмотрения компетентными лицами.

Впрочем, представители творческой интеллигенции приложили немало усилий для ограничения претензий Главбума на поставку архивной бумаги. Ощущая ответственность за сохранность национального документального наследия, члены комиссий отвергали саму идею применения плановых показателей в таком деликатном деле как разборка архивов, настаивали на тщательном соблюдении установленного порядка экспертизы ценности документов [51, л. 32]. Следствием подобной позиции становились санкции по отношению к «негибким» архивным комиссиям (в частности, на Подолье) [52, л. 4]. Неоднократно жалуясь на бездеятельность архивных комиссий, представители Главбума с раздражением отмечали, что «архивники в каждой бумажке видят ценность», а учреждения «слишком далеко трактуют § декрета о деловом материале» [53, л. 345]. Зная о планах создания Главного архивного управления при Наркомпросе УССР, они справедливо опасались свертывания макулатурной кампании в архивах Украины. Представители Главбума стремились к изменению существующей постановки утилизационных работ для предоставления больших прав хозяйствующим субъектам, разрабатывали новый проект декрета об утилизации архивов [54, л. 7—7 об., 8].

С осени 1921 г. новосозданный центральный орган управления архивным делом — Главарх УССР — направил усилия на прекращение любых утилизационных работ в архивах. Началась подготовка к принятию охранного законодательства в архивном деле, созданию полноценной системы архивных учреждений, разрабатывалось соответствующее научно-методическое обеспечение. Постановлением СНК УССР от 13 января 1922 г. деятельность ОВАК и ее местных органов была прекращена, а их права и обязанности переданы Главарху УССР и губернским архивным управлениям [55]. Таким образом, дело разборки архивов полностью перешло под контроль уполномоченных архивных органов.

Результаты деятельности ОВАК и ее местных подразделений достаточно противоречивы. Усилиями представителей творческой интеллигенции удалось добиться внедрения научного подхода в процесс утилизации архивов, направить стихийные утилизационные процессы в организованное русло. Анализ мероприятий комиссий в области регистрации, учета и охраны архивов, постановки экспертизы ценности документов свидетельствует об их весомом вкладе в архивное строительство на территории Украины. При этом во многих случаях, уступая влиянию бумагозаготовительных организаций, ОВАК и ее местные органы допустили уничтожение ценных архивных документов, не смогли предотвратить повреждение многих архивов. Под давлением научной общественности они были вынуждены передать свои специальные полномочия по надзору за архивными ценностями компетентным архивным органам.

Литература и источники

1. Студінський, В. А. Паперова промисловість України XVI — XX століття: Монографія / В. А. Студінський. — Вид. 2-е, доп. і випр. — Житомир, 2004. — 268 с.

2. Водолажченко, О., Барвінський, В. Короткий нарис історії архівної справи на Україні та діяльності Укрцентрархіву за 1924 р. / О. Водолажченко, В. Барвінський // Архівна справа. — 1925. — Кн. 1. — С. 45—72.
3. Цвітков, А. Особлива Всеукраїнська Архівна Комісія / А. Цвітков // Архівна справа. — 1925. — Кн. 1. — С. 73—85.
4. Герасименко, Х. До історії архівної справи на Полтавщині: Короткий історичний нарис / Х. Герасименко / ЦАУ УСРР; Полтав. краєвий архів. — Харків, 1928. — 12 с.
5. Іванов, Є. Центральний історичний архів у Харкові (1880—1924 рр.) / Є. Іванов // Архівна справа. — 1925. — Кн. 1. — С. 119—143.
6. Пількевич, С. Д. Головні етапи розвитку архівної справи на Україні (1917—1965 рр.) / С. Д. Пількевич // Історичні джерела та їх використання. — Київ, 1968. — Вип. 3. — С. 5—30.
7. Радянське архівне будівництво на Україні // Архіви України. — 1968. — № 3. — С. 5—13.
8. Юрченко, А. Архивы и архивное строительство Советской Украины / А. Юрченко // Архивное дело. — 1938. — № 3(47). — С. 145—166.
9. Грінберг, А. Й. Архівне будівництво на Україні в період іноземної інтервенції і громадянської війни (1918—1920) / А. Й. Грінберг // Наукові записки КДУ. — Київ, 1956. — Т. XV. — Вип. VI. — С. 47—57.
10. Сергієнко, Г. Перші радянські архівні установи на Україні / Г. Сергієнко // Науково-інформаційний бюлетень АУ УРСР. — 1960. — № 3(4). — С. 9—18.
11. Мітюков, О. Г. Радянське архівне будівництво на Україні. 1917—1973 / О. Г. Мітюков. — Київ, 1975. — 270, [1] с.
12. Чиркова, М. Утилізація архівів як засіб боротьби з паперовою кризою в 20-х роках (на прикладі Полтавщини) / М. Чиркова // Архівний збірник до 80-річчя Державного архіву Полтавської області: Мат-ли наук. конф. — Полтава, 1998. — С. 40—51.
13. Макієнко, О. А. Херсонські архіви й утилізаційна кампанія початку 1920-х років / О. А. Макієнко // Наукові записки / Херсонський обласний краєзнавчий музей. — Херсон, 2010. — С. 174—187.
14. Матяш І., Макієнко О. Особлива Всеукраїнська архівна комісія / І. Матяш, О. Макієнко // Українська архівна енциклопедія / Ред. кол.: І. Б. Матяш (гол.), І. Н. Войцехівська, Л. А. Дубровіна та ін. — Київ, 2008. — С. 634—635.
15. Савин, В. А. «Хранить нельзя уничтожить». Формирование и организация Государственного архивного фонда РСФСР-СССР. 1918—1950-е годы / В. А. Савин. — М., 2000. — 225 с.
16. Нариси історії архівної справи в Україні / За заг. ред І. Б. Матяш та К. І. Климової. — Київ, 2002. — 612 с.
17. Клепиков, Н. Е. Макулатурные кампании в белорусских архивах 1920-х — начала 1930-х гг. / Н. Е. Клепиков // Отечественные архивы. — 2009. — № 3. — С. 14—20.
18. Государственный архив Киевской области. — Ф. Р-1. — Оп. 2. — Д. 5.
19. Государственный архив Винницкой области. — Ф. Р-992. — Оп. 1. — Д. 37.
20. Государственный архив Житомирской области. — Ф. Р-32. — Оп. 5. — Д. 41а.
21. Государственный архив Херсонской области. — Ф. Р-411. — Оп. 1. — Д. 36.
22. Государственный архив Хмельницкой области. — Ф. Р-1010. — Оп. 1. — Д. 285.
23. Государственный архив Черниговской области, отдел в г. Нежин. — Ф. Р-817. — Оп. 1. — Д. 25.
24. Государственный архив Киевской области. — Ф. Р-1. — Оп. 2. — Д. 14.

25. Государственный архив Херсонской области. — Ф. Р-439. — Оп. 1. — Д. 2.
26. Основные декреты и постановления советского правительства по архивному делу. 1918—1982 гг. / ГАУ при Совете министров СССР. — М., 1985. — 77 с.
27. Государственный архив Донецкой области. — Ф. Р-1204. — Оп. 1. — Д. 60.
28. Государственный архив Донецкой области. — Ф. Р-1204. — Оп. 1. — Д. 248.
29. Макієнко, О. А. На сторожі архівної спадщини: сторінки історії Лебединського архівного гуртка (20-ті рр. ХХ ст.) / О. А. Макієнко // Пам'ятки: археографічний щорічник. — Київ, 2011. — Т. 12. — С. 70—80.
30. Государственный архив Сумской области. —Ф. Р-940. —Оп. 1. —Д. 3.
31. Государственный архив Киевской области. —Ф. Р-142. —Оп. 1. —Д. 69.
32. Государственный архив Черниговской области. —Ф. Р-5399. —Оп. 1. —Д. 1.
33. Про використання всіх Радянських, бувших державних, громадських і приватних архівів // Збірник узаконень та розпоряджень Всеукраїнського революційного комітету. — Харків, 1920. — Ч. 2. — С. 20.
34. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее — ЦГАВО Украины). — Ф. 14. — Оп. 1. — Д. 14.
35. ЦГАВО Украины. — Ф. 14. — Оп. 1. — Д. 9.
36. Там же. — Д. 18.
37. Государственный архив Винницкой области. — Ф. Р-2625. — Оп. 3. — Л. 1.
38. Государственный архив Николаевской области. — Ф. Р-97. — Оп. 1. — Д. 3.
39. Государственный архив Полтавской области. — Ф. Р-1871. — Оп. 1. — Д. 7.
40. Государственный архив Херсонской области. — Ф. Р-1887. — Оп. 3. — Д. 188.
41. Известия Николаевского губисполкома и губкома КП(б)У. — 1920. — 16 сентября.
42. Известия Подольского губисполкома, губкома КП(б)У и губпрофсовета. — 1921. — 30 октября.
43. Государственный архив Черниговской области. — Ф. Р-647. — Оп. 1. — Д. 1.
44. Известия Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета и Харьковского губревкома. — 1920. — 29 апреля.
45. Государственный архив Сумской области. — Ф. Р-5699. — Оп. 1. — Д. 114.
46. Государственный архив Запорожской области. — Ф. Р-12. — Оп. 1. — Д. 6.
47. Государственный архив Одесской области. — Ф. Р-100. — Оп. 1. — Д. 40.
48. Государственный архив Харьковской области. — Ф. Р-4366. — Оп. 1. — Д. 3.
49. Сельченкова, С. З історії експертизи цінності документів та укладання переліків докуентів в Україні у 1920—1930-ті роки / С. Сельченкова // Студії з архівної справи та документознавства. — Київ, 2004. — Т. 12. — С. 23—33.
50. Багалій, Д. Автобіографія: П'ятдесят літ на сторожі української науки та культури / Д. Багалій. — Київ, 1927. — 163 с.
51. Государственный архив Харьковской области. —Ф. Р-4366. — Оп. 1. — Д. 10.
52. Государственный архив Винницкой области. — Ф. Р-925. — Оп. 2. — Д. 304.
53. ЦГАВО Украины. — Ф. 14. — Оп. 1. — Д. 17.
54. Государственный архив Полтавской области. — Ф. Р-3872. — Оп. 1. — Д. 155.
55. Про ліквідацію діяльності ОВАК, губерніальних комісій і архівних секцій Губвиконкомів // Збірник постанов та розпоряджень робітничо-селянського уряду України. — Харків, 1922. — Ч. 1. — С. 21.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 10.04.2015

Д. С. Самахвалаў,
дацэнт кафедры крыніцазнаўства БДУ,
кандыдат гістарычных навук

АРХІВЫ «ВУСНАЙ» ГІСТОРЫІ Ў ЗША

Для таго каб зразумець значнасць і важнасць захавання крыніц «вуснай» гісторыі ў ЗША, трэба перш за ўсё звярнуцца да мінулага гэтага напрамку. У сучаснай гістарыяграфіі прыняты розныя тэрміны вызначэння пачатку вусных гістарычных даследаванняў. Некаторыя адносяць іх да часоў глыбокай старажытнасці, першых спроб фіксацыі галасоў вядомых людзей на фанографе або да вынаходніцтва партатыўных прылад фоназапісу. Відавочна, што прагрэс тэхнічных сродкаў меў прамое дачыненне да папулярызацыі збору вусных крыніц, аднак цікавасць да іх навуковай апрацоўкі і пільнага захавання звязаны з развіццём сацыяльнай гісторыі.

У 1948 г., калі Алан Нэвінс, прафесар Калумбійскага ўніверсітэта, заснаваў першы ў ЗША даследчы цэнтр «вуснай» гісторыі для вывучэння біяграфій палітыкаў, то ён абапіраўся не столькі на свой вопыт вучонага, колькі журналіста [5, с. 3]. Інтэрв'ю як метад збору інфармацыі пакуль не быў распаўсюджаны сярод гісторыкаў. Ён выкарыстоўваўся культурнымі антраполагамі і сацыёлагамі. Праца гісторыкаў была сканцэнтравана пераважна вакол пісьмовых крыніц. Вусныя крыніцы ўспрымаліся як надзвычай суб'ектыўныя і нават ужо ў першыя дзесяцігоддзі існавання «вуснай» гісторыі не пералічваліся акадэмічнымі даследчыкамі ў якасці надзейных [2, с. 262].

Змены ў станоўчым стаўленні былі паступовымі, суправаджаліся вострай палемікай і дыскусіямі. «Вусная» гісторыя з'явілася ў ЗША ў пасляваенны час дзякуючы панаванню інструменталісцкага гледжання на гісторыю не як на навуку, а як на мастацтва, што адкрывала магчымасць для занятку сур'ёзнымі гістарычнымі даследаваннямі прадстаўнікам іншых прафесій — ваенным, журналістам, эканамістам і г. д. Такая сітуацыя была даволі спецыфічнай, бо ў еўрапейскіх краінах і СССР статус гісторыі як складанай сацыяльна-гуманітарнай навукі не выклікаў сумневаў, а таму гістарычныя працы непрафесійных гісторыкаў не атрымлівалі скрупулёзнага абмеркавання. У ЗША яны не толькі абмяркоўваліся, але часцяком ставіліся ў прыклад прафесійным гісторыкам. Дзякуючы гэтаму «вусная» гісторыя паспяхова прайшла першы этап сваёй інстытуалізацыі.

Даследаванні А. Нэвінса і яго паслядоўнікаў былі накіраваны на збор успамінаў і прамоў выбітных асоб. Фактычна гэты напрамак «вуснай» гісторыі заставаўся найбольш папулярным да сярэдзіны 1970-х гг. З 1950-х гг. пад уплывам культурнай антрапалогіі «вусная» гісторыя таксама ўжывалася для вывучэння невялікіх этнічных груп, што доўгі час не мелі пісьмовасці, аднак зберагалі багатую вусную традыцыю. У абодвух выпадках колькасць рэспандэнтаў была абмежаванай, праблемы з захаваннем і каталагізацыяй фоназапісаў вырашаліся традыцыйным шляхам. Звычайна цэнтрамі захоўвання з'я-

ляліся бібліятэкі, таму носьбіты інфармацыі апрацоўваліся і каталагізаваліся згодна з нормамі, прынятымі ў бібліятэчнай справе.

З 1960-х гг. сітуацыя ў далейшым развіцці «вуснай» гісторыі істотна змянялася пад уздзеяннем ідэй так званай новай гісторыі, якая ўзнікла як спроба рэфармавання традыцыйных поглядаў на сутнасць і мэты гістарычнага даследавання. Амерыканскі гістарыёграф Роберт Дж. Ліфтан вызначае наступныя рысы новай гісторыі: радыкалізм думак, што часам вёў да поўнага адмаўлення папярэдніх здабыткаў; інтэграцыю гісторыі з іншымі навуковымі накірункамі; скіраванасць на інтэрпрэтацыю замест факталогіі [7, с. 337]. У рэчаіснасці гэта выявілася не столькі ў стварэнні радыкальна новых напрамкаў накшталт кліяметрыі або псіхагісторыі, што ставілі за мэту цалкам рэарганізаваць гістарычную навуку, а ў пераглядзе ўжо існуючых метадаў працы. У дачыненні да «вуснай» гісторыі рэфармаванне азначала магчымасць пашырэння тэматыкі і паглыблення праблематыкі. «Вусная» гісторыя пакуль яшчэ не разглядалася як нейкі асобны метадалагічны напрамак. У ёй бачылі толькі крыніцу атрымання дадатковай карыснай інфармацыі. Метадамі «вуснай» гісторыі пачалі карыстацца прадстаўнікі новай сацыяльнай гісторыі — тыя, хто імкнуўся з блізкіх да аб'екта вывучэння пазіцый даследаваць штодзённае жыццё, сацыяльныя і гендарныя адносіны, рабочы рух, міграцыйныя працэсы і г. д.

Імпульс з боку новай сацыяльнай гісторыі спарадзіў хвалю публікацый, аўтары якіх ігнаравалі папярэдні вопыт недаверу да вусных крыніц, а часам нават ставілі іх значнасць вышэй за пісьмовыя. У англамоўнай навуковай літаратуры 1970-х гг. дамінаваў пункт гледжання брытанскіх прыхільнікаў «вуснай» гісторыі. Адзін з іх, гісторык-марксіст Пол Томпсан адкрыта абвяшчаў раўназначнасць вусных і пісьмовых крыніц і дэмакратычны характар «вуснай» гісторыі як самастойнага напрамку, які вывучае так званую «маўклівую большасць» [1]. Адваротным меркаваннем было тое, што вусныя крыніцы суб'ектыўныя, прычым гэтая суб'ектыўнасць вынікае як з боку рэспандэнта, так і з боку даследчыка [10, с. 66]. Асабіста амерыканская гістарыяграфія «вуснай» гісторыі таго часу не ўтрымлівала значных дыскусій, але станоўча рэагавала на довады брытанскіх калег. У ЗША дзейнічалі асобныя спецыялісты — прыхільнікі «вуснай» гісторыі, а таксама ствараліся супольныя праекты, якія абмяркоўваліся ў спецыялізаваных выданнях. У 1966 г. сфарміравалася Асацыяцыя «вуснай» гісторыі (Oral History Association), якая з 1973 г. выдае часопіс «Вусны гістарычны агляд» (The Oral History Review), а ў нашы дні таксама мае асабісты фінансавы фонд для заахвочвання навуковых праектаў і шэраг штогадовых узнагарод для даследчыкаў.

Гісторыкі Дэвід Данэвэй і Віла Баўм вылучаюць самастойнае маладое пакаленне «вусных» гісторыкаў, што пачалі працу ўжо ў 1980-х гг. [8, с. 59—61]. Яны карысталіся новым абсталяваннем, у тым ліку здымалі відэа, акрамя таго, па-новаму разглядалі сутнасць свайго занятку. «Вусная» гісторыя стала для іх не проста пошукам даступных крыніц інфармацыі, але адлюстраваннем

таго, як успрымаецца мінулае рэспандэнтамі. У такой інтэрпрэтацыі суб'ектыўнасць не падавалася абмежаваннем, наадварот — стварала падставу для лепшага разумення аб'екта даследавання праз яго індывідуальныя пачуцці і перажыванні. Менавіта ў гэты перыяд «вусная» гісторыя як асобны напрамак і спосаб вывучэння гісторыі канчаткова атрымлівае прызнанне і пашырэнне.

У нашы дні збор вусных крыніц гістарычнай інфармацыі ў ЗША — даволі пашыраная з'ява. Прычым, ім займаюцца не толькі гісторыкі, а і прадстаўнікі розных прафесій, у тым ліку ў межах сваёй галіны дзейнасці. Так, у некаторых медыцынскіх установах рэспандэнтамі становяцца пацыенты, а апытанне праводзяць урачы [9]. Мэта такіх даследаванняў мае дваісты характар — вывучэнне гісторыі ўстановы праз успаміны тых, хто звяртаўся ў яе, і назапашванне досведу зносін з пацыентамі для саміх урачоў. «Вусная» гісторыя разглядаецца як эфектыўны спосаб заахвочвання да вывучэння гісторыі школьнікаў, студэнтаў, аматараў краязнаўства, членаў добраахвотных аб'яднанняў, дзяржаўных чыноўнікаў, прыхільнікаў пэўных палітычных партый і г. д. У дадзенай сітуацыі назіраецца відавочная неаднастайнасць у метадалогіі збору інфармацыі, вызначэння каштоўнасці інтэрв'ю, выкарыстання тых ці іншых тэхнічных прылад, а таксама магчымасцей іх захавання і публікацыі.

Асноўную функцыю арганізацыі навуковых вусных гістарычных даследаванняў і захавання вуснай гістарычнай інфармацыі ў ЗША ажыццяўляюць прафесійныя цэнтры, якія самастойна рыхтуюць інтэрв'юераў (прычым, значная частка супрацоўнічае з такімі цэнтрамі на аматарскіх пачатках), наймаюць тэхнічны персанал, клапоцяцца пра захаванне і распаўсюджванне сабраных матэрыялаў. На сайце Асацыяцыі «вуснай» гісторыі пералічваецца больш за пяцьдзясят буйных цэнтраў [3]. Дваццаць пяць з іх працуюць пры ўніверсітэтах, пяць — пры музеях, пяць — пры архівах.

У мінулым асноўным дакументам, прызначаным для захавання, лічыўся запіс інтэрв'ю на паперы, часта старанна адрэдагаваны даследчыкам. Фоназапіс мог не захоўвацца або захоўваўся часткова і ў любым выпадку лічыўся дадаткам да папяровага. Сітуацыя пачала змяняцца з 1950-х гг. з пашырэннем выкарыстання партатыўных магнітафонаў і набыццём навыкаў доўгатэрміновага захавання фоназапісаў у бібліятэках і архівах. Аднак папяровы адрэдагаваны запіс заставаўся важным да пачатку эры лічбавых тэхналогій, якія дапамаглі адмовіцца ад захавання інфармацыі «вуснай» гісторыі як на паперы, так і непасрэдна на арыгінальным носьбіце, накшталт магнітнай плёнкі. Фоназапіс інтэрв'ю можа суправаджацца тэкставай расшыфроўкай, але абодва захоўваюцца ў лічбавым фармаце. Гэта дазваляе эканоміць плошчу памяшкання, адведзенага для ўладкавання архіва, ажыццяўляць хуткі пошук патрэбных звестак, уносіць праўкі ў тэкст і рыхтаваць публікацыі. Зніжэнне коштаў на тэхнічныя прылады, распаўсюджанне розных фарматаў захавання лічбавай інфармацыі і спосабаў іх канвертацыі зрабілі даступным захоўванне вялікай колькасці інтэрв'ю не толькі для буйных, але і малых цэнтраў, а таксама для

асобных даследчыкаў. Аднак ва ўніверсітэцкіх архівах «вусная» гісторыя ўсё яшчэ захоўваецца пераважна на паперы.

Пераход да лічбавых тэхналогій зрабіў актуальным праблему ўніфікацыі захавання матэрыялаў «вуснай» гісторыі. Дэвід Лэнс, прадстаўнік Міжнароднай асацыяцыі гукавых і аўдыёвізуальных архіваў (International Association of Sound and Audiovisual Archives), прапануе праводзіць яе праз падзел працы вуснага гістарычнага архіва на этапы. На яго думку першы арганізацыйны этап павінен грунтавацца на стварэнні праграмы вуснага гістарычнага даследавання, пастаноўкі мэты і задач, разумення, што будзе з'яўляцца канкрэтным вынікам даследавання. На аснове праекта праграмы фарміруецца першасная структура архіва. На другім этапе адбываецца падрыхтоўка праектаў запісаў інтэрв'ю, а ўнутраная пабудова архіва набывае складаныя часткі, што засноўваюцца па прынцыпах тэматыкі, але павінны ўлічваць асобныя выпадкі, калі інтэрв'ю аднаго рэспандэнта можа тычыцца некалькіх тэм. Першыя два этапы важныя асабліва таму, што накіраваны не толькі на забеспячэнне захавання ўжо атрыманай інфармацыі, але і дазваляюць загадзя планаваць яе аб'ём, ухіляюць магчымасць памылак інтэрв'юераў на наступным этапе — зборы інтэрв'ю. Апошні этап уключае тэхнічную апрацоўку і працэс зберагання [6, с. 104—108].

Прапанаваны Д. Лэнсам варыянт уніфікацыі тычыцца толькі зместу працы і адлюстроўвае вопыт менавіта амерыканскіх архіваў «вуснай» гісторыі, паколькі большасць з іх маюць рэгіянальную або вузка накіраваную спецыялізацыю. Фактычна ён разлічаны на прынцып «адна навуковая праграма — адзін архіў», не прадугледжвае ўзаемадзеянне паміж рознымі архівамі і ўлік доўгатэрміновых абставін, калі заканчэнне фінансавання праекта можа стаць канцом дзейнасці архіва, а перадача яго матэрыялаў у іншыя архіўныя ўстановы будзе ўскладняцца адсутнасцю адзінай для ўсіх структуры і фармату запісаў. Такім чынам, назапашаныя матэрыялы павінны будуць зноў перапрацоўвацца або размяркоўвацца па розных архівах згодна з адпаведнай тэматыкай.

Стабільнае фінансаванне, якое атрымліваюць буйныя цэнтры, вызначае іх перавагу ў падрыхтоўцы і выкарыстанні прафесійных кадраў. Тэхнічны персанал архіва павінен разумець сутнасць праекта, працы інтэрв'юераў, праводзіць перапісванне, індэксацыю, каталагізацыю і цытаванне перададзенай для зберагання інфармацыі. Такая праца даволі складаная і можа запатрабаваць каля чатырох гадзін для апрацоўкі аднаго інтэрв'ю. Д. Лэнс лічыць, што ў сярэднім адзін работнік апрацоўвае каля шасцісот гадзін інтэрв'ю ў год [6, с. 110]. Да гэтага трэба дадаць патрэбу ў перанавучанні ў сувязі са сталымі зменамі тэхнічнага абсталявання. Падрыхтоўка тэхнічнага персаналу і інтэрв'юераў вядзецца цэнтрамі самастойна і, калі ўлічваць іх вузкую спецыялізацыю, не заўсёды прадугледжвае магчымасць працы ў іншых падобных установах. Цякучасць кадраў разбурае стабільную працу малых цэнтраў.

Яшчэ адной праблемай з'яўляецца даступнасць захоўваемых матэрыялаў. Тры дзесяцігоддзі таму «вусныя» гісторыкі сцвярджалі, што іх высілкі

накіраваны на дэмакратызацыю ў атрыманні інфармацыі. Але з 2004 г. у амерыканскіх навуковых часопісах вядзецца дыскусія, наколькі спраўдзіліся іх чаканні [4, с. 246]. Знешне сітуацыя выглядае прыстойна. Усе архівы «вуснай» гісторыі дэкларуюць сваю адкрытасць. Многія з іх прадстаўляюць запісы для карыстання ў Інтэрнэце, але, як правіла, толькі абраныя ўрыўкі. Прадставіць сапраўды свабодны доступ праз Інтэрнэт пакуль не здольны ніводны з іх. Універсітэцкія цэнтры «вуснай» гісторыі часцей працуюць пры бібліятэках, а таму адчынены для вучоных і студэнтаў, а не для кожнага. Прыватныя архівы наогул не арыентаваны для супрацоўніцтва з даследчыкамі звонку, прадстаўляюць толькі частку матэрыялаў і кантралююць іх публікацыю.

Вопыт развіцця «вуснай» гісторыі ў ЗША дэманструе пэўную своеасаблівасць. З аднаго боку, «вусная» гісторыя як напрамак даследаванняў лічыцца важнай і стабільна развіваецца. З другога, гэта спараджае вялікі аб'ём новых матэрыялаў і праблему іх перапрацоўкі і захавання. Апошняя вырашаецца з дапамогай стварэння архіваў пры спецыялізаваных цэнтрах. Спецыялізацыя адбываецца згодна з тэматыкай і праблематыкай асобных праектаў, у працы многіх цэнтраў заўважны рэгіянальны ўхіл, што накладае пэўныя абмежаванні. Пераадоленне выяўленых праблем пакуль вырашаецца шляхам адкрыцця новых цэнтраў, а не рэфармавання ўнутранай працы ўжо існуючых. Рэформы, калі і адбываюцца, то звязаны з тэхнічнымі зменамі і не закранаюць узаемадзеянне цэнтраў. Поўная адкрытасць архіваў «вуснай» гісторыі пакуль застаецца дэкларацыяй, што супярэчыць чаканням з боку даследчыкаў і грамадства. Падобныя тэндэнцыі ў будучым могуць прывесці да стагнацыі, згубы папулярнасці «вуснай» гісторыі і пераарыентацыі гісторыкаў да традыцыйных пісьмовых крыніц або пошукаў нечага новага.

Літаратура

1. Томпсон, П. Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. — М.: Изд-во «Весь мир», 2003.
2. Тош, Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. — М: Изд-во «Весь Мир», 2000.
3. Centers and Collections [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: http://www.oralhistory.org/centers-and-collections. — Дата доступу: 15.03.2015.
4. Charlton, T., Myers, L., Sharpless, R. History of Oral History: Foundations and Methodology. — AltaMira Press, 2007.
5. Columbia University Center for Oral History Ten-Year Report. — Columbia Center for Oral History, 2011.
6. Lance, D. Oral history // Audiovisual archives: A practical reader / Ed. by Helen Harrison. — Paris: General Information Programme and UNISIST, United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 1997. — P. 103—112.
7. Lifton, R. J. History and Human Survival / R. J. Lifton. — New York: Random Hause, 1970.
8. Mariner, N. Oral History: From Fact Finding to History Shaping // Historia. A Journal of the Epsilon Mu Chapter, Phi Alpha Theta and Eastern Illinois University History Department. — Vol. 14, 2005. — P. 59—69.

9. Smith, G., Winslow, M. Ethical challenges in the oral history of medicine // The Handbook of Oral History / Ritchie, D. A. (ed.). — New York: Oxford University Press, 2011. — P. 372—392.
10. Summerfield, P. Culture and Composure: Creating Narratives of the Gendered Self in Oral History Interviews // Cultural and Social History. — № 1, 2004. — P. 65—93.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 04.06.2015

С. С. Злобин,
аспирант исторического факультета БГУ;
e-mail: zlobinssss@mail.ru

ПОНЯТИЕ «ГРАНИЦА» КАК ОСНОВА ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО ПОВОРОТА В ИНДОЛОГИИ

В современной исторической науке неоспоримым является утверждение о том, что историография, история исторической мысли, методология истории отражают не только внутреннюю логику развития исторической дисциплины. Появление новых подходов обусловлено также факторами общественно-политической, социокультурной жизни. Именно так происходит адаптация современного исследовательского инструментария в рамках индологии. Сама жизнь заставляет менять точку зрения на основные проблемы истории и культуры Индии.

Например, пришедший к власти в результате победы Бхаратия Джаната парти (БДП) на всеобщих парламентских выборах в 2014 г. нынешний премьер-министр Индии Нарендра Моди использует идеологию, основанную на призыве отказаться от различий в обществе и сконцентрироваться на самом важном элементе современности — развитии. Развитии всех сфер жизни человека и общества, но в первую очередь, конечно же, на развитии экономики. Не важно, кто ты — мусульманин, парс, христианин или индус, мужчина или женщина, брахман или далит, бенгалец или телугу. Главное — прими участие в развитии своей страны, и это принесет пользу и тебе самому. Казалось бы, такая идеология очень миролюбива, она примиряет различные общественные группы для какой-то большой цели — благо страны и личное благо. Однако, когда Нарендра Моди говорит о великой стране, кого он имеет в виду? Кто эта великая индийская цивилизация, кто входит в ее границы? Не остаются ли за ее рамками те, кто не индус, не мужчина, не брахман, т. е. мусульманин, парс, христианин, женщина и далит?

То, что именно так может произойти, иллюстрирует обсуждение темы «Должна ли бы быть Гита национальной книгой?» в рамках программы «Лево, право и центр», вышедшей 8 декабря 2014 г. на телеканале NDTV 24×7 [21]. Дискуссия развернулась вокруг противоречивого утверждения министра иностранных дел Индии Сушмы Сварадж о том, что Бхагавадгита, священная книга индуизма, должна быть национальной книгой Индии. Защищал позицию Сварадж представитель БДП Самбит Патра. Оппонировал ему известный театральный режиссер и актер Аамир Раза Хусейн, указывавший на то, что в такой стране как Индия, стране многих религий и верований, нельзя сделать одну книгу священнее другой (Гита не может быть священнее Корана). С. Патра же пытался связать Бхагавадгиту не с индуизмом, а с индийской цивилизацией и говорил, что именно в Гите заложены наиболее ее существенные основы. В этой дискуссии особенно интересно то, что цивилизация представлена как некое над-целое индийской культуры и истории,

обладающее четкими границами и ясной сутью, что и выражено, собственно, в Гите. Пусть ты и другой веры, но согласись, что Гита — самая священная книга, и будешь допущен в рамки великой цивилизации. Нет — останешься вне ее границ и, следовательно, вне концепции развития.

Оказывается, «индийская великая и удивительная цивилизация» может обладать слишком жесткими границами. Оригинальную критику такой жесткости границ предлагает постколониализм.

Постколониализм [1; 5; 10; 26] — это направление в гуманитаристике, истоки которого связаны с выходом в 1978 г. книги «Ориентализм» работавшего в США арабского ученого Эдварда Саида. В рамках этого направления развитие гуманитарного дискурса рассматривается исключительно как часть колониальной системы знания, основу которой составляет описание Востока, как находящегося на более низкой ступени развития, чем Запад [1, p. 40—41]. Принижение Востока осуществлялось и осуществляется за счет монополии Западом на репрезентационные средства, что позволяет порождать мифы, конструирующие единственно возможную реальность. В рамках постколониализма источник практически всех идей о Востоке (в данном случае, об Индии) рассматривается как порождение колониализма, поэтому причины жесткости границ, в которые вписывается какое-либо цивилизационное целое стоит искать в механизме функционирования колониальной системы знания. С точки зрения постколониализма даже такой ярый сторонник сильной и независимой Индии как Нарендра Моди — наследник колониализма. Для того, чтобы понять, как подобное может быть, нужно ответить на следующие вопросы: каким образом в рамках постколониального поворота осуществляется критика такой жесткой интерпретации границы как у Моди, какой другой подход к границам объектов истории и культуры Индии в современном их понимании предлагается постколониализмом, и возможно ли на основе этого подхода создать некую альтернативную версию описания истории и культуры Индии?

Основой для ответа на поставленные вопросы является тезис о том, что колониализм при помощи непереходимой, жесткой границы описываемых категорий истории и культуры Индии утверждал Индию как угнетаемого Другого для Запада. Индия была всего лишь объектом для анализа в той системе знаний, которую обозначал для нее Колонизатор. Для Индии устанавливалась какая-то ее суть как некоего целого, к которой можно было свести причины всех происходящих событий в рамках этого целого. Сутью могло быть варварство, отсталость, неисторичность, духовность и, конечно же, религия. Речь не идет о том, что исследования велись как-то неправильно. Речь идет о том, что перспектива, открывавшаяся на историю и культуру того региона, который сегодня называется Южной Азией, оказывалась чрезмерно зауженной.

Например, Ромила Тхапар, один из наиболее выдающихся историков Древней Индии [23; 24], обращаясь к проблеме влияния колониализма на интерпретацию индийской истории, указывает на то, как британские колониальные исследователи, отказывая Индии в «чувстве истории», принимали на себя тяжкое бремя по описанию ее прошлого. Они брались за ведические тексты как за неоспоримую основу интерпретации индийской цивилизации и, основываясь только на них, объясняли любое явление в индийской истории, в том числе и ее настоящее. Р. Тхапар задает следующие вопросы: где богатая традиция интерпретации этих текстов, споры о которых принимают самые причудливые формы вплоть до наших дней, где история индийских мусульман, джайнов, буддистов, парсов? [19].

Колониализм наполнил дискурс об Индии категориями, обладающими очень жесткими границами и не позволяющими описать маргинальные элементы, которые просто замалчиваются. Граница представляет собой реализацию властных стремлений того, кто ее установил, — Колонизатора. Именно он создал такой дискурс религиозных различий, который вылился в непримиримую вражду Индии и Пакистана, именно он таким образом сконструировал пространство гуманитарных наук, что даже такое широкое понятие — как «человек» — оказывается слишком узким, не давая голоса женщине Индии, далиту, рабочему и т. д. В связи с подобной критикой механизма колониальной власти в рамках постколониального поворота предлагается по-иному взглянуть на границы объектов истории и культуры Индии в современном их понимании.

В первую очередь, это касается того, где проходит граница. Для постколониализма граница — это не просто то, что размежевывает две категории, например, индус — мусульманин, мужчина — женщина, развитый — отсталый. Скорее это то, что обозначает необходимость соотнести объект с его колониальным контекстом. Непроходимая граница делает объекты абсолютно самостоятельными, не требующими дальнейших пояснений, т. е. не требующими никакого контекста. Но для постколониализма эта самостоятельность объекта является только тем, генеалогию чего следует связать с колониализмом.

Примером того, как не учитывается контекст, а объект описывается как рожденный уникальной индийской цивилизацией, могут служить взгляды на кастовую систему назначенного в июле 2014 г. главой входящего в состав Министерства развития человеческих ресурсов Индийского Совета исторических исследований Йеллапрагада Сударшана Рао. Он утверждает, что кастовая система была отлично действовавшей основой общественных отношений в Древней Индии, но оказалась совершенно непонятой в мире современном, в мире модерна, что есть главная причина ее сегодняшней критики [18]. Т. е. касты — это то, что надо для Индии, просто европейцы запутали индийцев. Самое главное в этом дискурсе — это четкие оппозиции: каста — европейцы, индийская уникальность — европейская уникальность.

Однако в рамках постколониального поворота при учете контекста ясность понятия «каста» исчезает. Ключевые моменты дискурса о касте переносятся на те колониальные феномены, которые сделали возможным конструирование понятия «каста» во всем богатстве его смыслов. Это не значит, что до

колониализма касты не было, а во время колониализма ее просто придумали. Это значит, что наиболее яркими проявлениями кастовая система в современном своем понимании обязана именно колониализму. Теми проявлениями, которые позволяют говорить о феномене касты как о некой системе координат общественно-политической идентичности в Индии. Например, исследующая отношения между кастовой системой, территориальностью и колониализмом Мриду Раи, работавшая в Йельском университете, Тринити-колледже в Дублине и Калькуттском университете, предлагает оставить в стороне вопрос о сути кастовой системы, источнике ее происхождения, и остановиться на проблеме того, как кастовая система существует в сегодняшнем мире, и, в частности, почему она настолько наполнена насилием. Ответом, который дает М. Раи, служит указание на пространство, среду существования каст, которое было фрагментировано британской властью, создавшей разрыв в локальных реципрокальных связях между различными кастами, согласно которым каждая каста должна была выполнять свои обязанности. Кастовая система была выведена из локального состояния на уровень некой новой общности, некой «Индии», на котором высшие касты при помощи насилия стали стараться найти себе место в заново рождаемой системе кастовых отношений [15].

Объект исследования высвобождается из оков жестких границ, упор на контекст как бы приводит его в движение. Развивая рассуждения по поводу контекстуализации каст обратимся к исследованиям кастового вопроса профессором Колумбийского университета Анупамой Рао [17]. А. Рао противопоставляет традиционному взгляду на касту, как некую совокупность наследуемых прав и обязанностей, свою трактовку кастовой системы как рамок борьбы за права человека. А. Рао говорит, что каста, в первую очередь, характеризуется не как четко выделенная социокультурная группа, а как элемент сложного становления модернистской общественно-политической идентичности в Индии, начало чему было положено, безусловно, в период колониализма [3].

Специфическое положение границы в историко-культурном дискурсе Индии определяет специфическое состояние объектов истории и культуры Индии. Самой главной их характеристикой становится то, что при рассмотрении в колониальном контексте они лишаются своей «естественности». Именно как отражение естественного порядка вещей объяснял кастовый строй безымянный брахман в документальном фильме «Индия неприкасаемая», посвященном проблеме низших каст в Индии. Ради примера он обращается к сравнению человеческого тела и кастового строя. Например, говорит он, шудра, который в его примере обозначает ногу, поранился. Тогда брахман (рот) кричит. Кшатрий (руки) сразу же начинает ощупывать ногу. В этом и есть красота кастовой системы, заключает брахман. Все на своем месте [13].

Постколониализм ведет войну против такой естественности. Будь то мысль или тело, все получает социокультурное измерение и ставится в зависимость от колониального контекста. «Живопись», «танец», «гхаты» и т. д. —

это не просто этнографические объекты, которые должны вызывать восхищение у влюбленных в Индию туристов. «Тело», «пол», «секс» — это не только категории, возникающие в разговоре об экзотичной Камасутре, это также зона осуществления колониальной власти. На данный момент в рамках англоязычной историографии (Новая имперская история [7; 9; 25], школа «Исследование угнетения» [8; 11; 12]) трактовка британского колониализма в первую очередь как проекта культурного, а не политического или экономического все более и более становится преобладающей. Это значит, что для понимания того, как осуществлялась колониальная власть в Южной Азии, требуется рассматривать детали, мелочи повседневной жизни угнетавшихся индийцев и правивших британцев, их представления, мечты, фантазии, стратегии осознания себя в этом мире, а не действия политических партий и баланс экономических интересов. Когда мы смотрим на женщину Индии, то должны видеть не только загадочный мир Востока, но попытаться предположить, как сложилась давящая на нее маскулинность жизненного пространства, какова связь между индийским модерном и ее сексуальностью, какое место дискурс об ее освобождении занимает в феминистских теориях, сложившихся в контексте европоцентричной мысли [2; 6; 7; 16; 22].

Итак, постколониализм критикует жесткость связанных с колониализмом категорий истории и культуры Индии, раскрывает их колониальные контексты. Казалось бы, следующим шагом должно быть создание альтернативы европоцентричной традиции изучения Индии. Но последователи постколониализма вовсе не пытаются противопоставить колониальным категориям свой понятийный аппарат и писать настоящую историю Индии, потому что это будет новое приписывание жестких рамок идентичности. Здесь надо помнить, что постколониальный поворот тесно связан с таким явлением как постмодернизм. В рамках постколониализма идут жаркие споры по поводу того, является ли постколониализм частью постмодернизма, или они противопоставлены друг другу, или просто делят общий фундамент [10, p. 23—41; 26, p. 115—147]. Однако признать необходимо: господство в постколониализме отрицания абсолютной истины и возможности построения связного, четкого рассказа. Можно работать только уже с тем языком, который и есть язык колониальный, но только работать так, чтобы говорить не о сути, а о пограничье. Надо не принимать объекты в жестких границах, как будто это естественно, так и должно быть. Надо, отталкиваясь от этой границы, встраивать объект в его колониальный контекст, рассматривать его генеалогию от колониализма до современного понимания его природы. Дискурс об Индии может родиться только на границе рассказа об Индии, которая есть его начало, но никак не конец. В этом плане любой нарратив об Индии — это нарратив о тех феноменах, которые рождаются на границе.

Женщина, религия, вера, нация, межобщинные конфликты такие, как между мусульманами и индусами, — деконструируя, критикуя колониальную

природу этих феноменов, постколониальный поворот дает возможность исследователям развивать их, основываясь на рассуждениях о колониальном контексте их происхождения. И первое, что стоит критиковать, это стремление оформить культурно-исторический дискурс в цивилизационные рамки. Например, всю вторую половину 1990-х гг. в индологии шло активное обсуждение книги Джеффри Крипала «Дитя Кали: мистическое и эротическое в жизни и учении Рамакришны» (Рамакришна — учитель Свами Вивеканды, религиозного деятеля, важнейшей фигуры в реформировании индуизма в XIX в.) [14]. Дж. Крипал высказался в пользу гомоэротической природы мистического опыта Рамакришны. Это вызвало бурю негодования. Были сделаны две попытки запретить книгу для распространения в Индии, впрочем, обе неудачные. Во всей волне критики большинство исследователей, так или иначе, указывало на то, что Дж. Крипал проигнорировал всю сложность индийской цивилизации, не понял ее границ [4; 20; 27]. С точки зрения постколониализма, главным вопросом является не то, какую сторону принять в этом споре, а то, почему такой спор возможен, почему возможна такая истерика и почему формула «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись друг с другом» все еще актуальна? Почему существует такое узкое понимание культурных различий Индии и Запада, при котором между ними так мало точек соприкосновения, что остается только страх перед загадочной природой друг друга?

В рамках постколониального поворота именно британский колониализм обвиняется в конструировании узкой трактовки важнейших категорий дискурса об истории и культуре Индии. Главным следствием колониального правления являются трудности понимания индийцами мусульман, высшими кастами каст низших, мужчинами женщин, преодоление чего является первостепенной задачей для современной Индии. Без этого велик риск социальных кризисов, религиозного фундаментализма, поэтому и существует необходимость критиковать, деконструировать природу самых естественных явлений таких, как духовность, вневременность индийской культуры или джихад у мусульман через раскрытие колониального контекста их генеалогии и не рассматривать как совершенно чужие, недоступные пониманию феномены другой цивилизации.

Литература и источники

1. Саид, Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э. Саид. — СПб.: «Русский міръ», 2006. — 640 с.
2. Alexander, M. J., Mohanty, C. T. Feminist Genealogies, Colonial Legacies, Democratic Futures / M. J. Alexander, C. T. Mohanty. — Psychology Press, 1997. — 422 p.
3. Anupama Rao. The Caste Question / Interview with A. Rao // The Agenda with Steve Paikin [Electronic resource]. — TVOntario. — 23 June 2011. — Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=Q7_zmUghLmw. — Date of access: 22.09.2014.
4. Banerjee, A., De Nicolas, A., Ramaswamy, K. Invading the Sacred / A. Banerjee, A. De Nicolas, K. Ramaswamy. — Rupa & Co, 2007. — 545 p.
5. Bhabha, H. K. The Location of Culture / H. K. Bhabha. — Routledge, 1994. — 307 p.

6. Burton, A., Ramusack, B. N. Feminism, Imperialism and Race: A Dialogue Between India and Britain / A. Burton, B. N. Ramusack // Women's History Review [Electronic resource]. — 1994. — Vol. 3. — Iss. 4. — P. 469—481. — Mode of access: http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/09612029400200065. — Date of access: 08.02.2015.
7. Burton, A. M. Burdens of History: British Feminists, Indian Women, and Imperial Culture, 1865—1915 / A. M. Burton. — University of North Carolina Press, 1994. — 301 p.
8. Chakrabarty, D. Subaltern Studies and Postcolonial Historiography / D. Chakrabarty // Nepantla: Views from South [Electronic resource]. — 2000. — Vol. 1. — Iss. 1. — P. 9—32. — Mode of access: https://libcom.org/files/subaltern.pdf. — Date of access: 11.12.2012.
9. Dirks, N. B. The Scandal of Empire: India and The Creation of Imperial Britain / N. B. Dirks. — Harvard University Press, 2006. — 416 p.
10. Gandhi, L. Postcolonial Theory: A Critical Introduction / L. Gandhi. — New York: Columbia University Press, 1998. — 196 p.
11. Guha, R. Dominance without Hegemony: History and Power in Colonial India / R. Guha. — Harvard University Press, 1998. — 134 p.
12. Guha, R., Spivak G. C. Selected Subaltern Studies / R. Guha, G. C. Spivak. — Oxford University Press, 1988. — 434 p.
13. India Untouched: Stories of People Apart: Part II / India Untouched: Stories of People Apart: Documentary // Directed by Stalin K [Electronic resource]. — Drishti: Media, Arts and Human Rights. — 2007. — Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=dKXB5YClUt8. — Date of access: 20.10.2013.
14. Kripal, J. J. Kali's Child: The Mystical and the Erotic in the Life and Teachings of Ramakrishna / J. J. Kripal. — University of Chicago Press, 1995. — 386 p.
15. Prof. Mridu Rai: Caste System In India / Interview with M. Rai // The MacMillan Report [Electronic resource]. — Yale University. — 31 March 2009. — Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=Q7_zmUghLmw. — Date of access: 22.09.2014.
16. Puri, J. Concerning «Kamasutras»: Challenging Narratives of History and Sexuality / J. Puri // Signs [Electronic resource]. — 2002. — Vol. 27. — No. 3. — P. 603—639. — Mode of access: http://www.asia-europe.uni-heidelberg.de/fileadmin/Documents/Research_Areas/Research_Project_B/B8_Rethinking_Gender/Puri_Concerning_Kamasutras.pdf. — Date of access: 25.01.2015.
17. Rao, A. The Caste Question: Dalits and the Politics of Modern India / A. Rao. — University of California Press, 2009. — 392 p.
18. Rao, Y. S. Indian Caste System: A Reappraisal / Y. S. Rao // Yellapragada Sudershan Rao Blog [Electronic resource]. — September 26, 2007. — Mode of access: http://ysudershanrao.blogspot.in/2007/09/indian-caste-system.html. — Date of access: 21.06.2014.
19. Romila Thapar. India's Past and Present: How History Informs Contemporary Narrative / Interview with R. Thapar // In conversation with International Development Research Centre (IDRC, Canada) President David M. Malone [Electronic resource]. — IDRC. — 29 June 2010. — Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=J8HhLJzpx3Y. — Date of access: 15.09.2014.
20. Sharma, A. Hindus and Scholars / A. Sharma // Religion in the news [Electronic resource]. — 2004. — Vol. 7, No. 1. — Mode of access: http://www.trincoll.edu/depts/csrpl/RINVol7No1/Hindus%20and%20Scholars.htm. — Date of access: 20.01.2015.
21. Should Gita be the National Book? / «Left, Right and Centre» Show [Electronic resource]. — NDTV. — December 8, 2014. — Mode of access: http://www.ndtv.com/video/player/left-right-centre/should-gita-be-the-national-book/347775. — Date of access: 09.12.2014.

22. Sinha, M. Colonial Masculinity: The «Manly Englishman» and The «Effeminate Bengali» in The Late Nineteenth Century / M. Sinha. — Manchester University Press, 1995. — 191 p.
23. Thapar, R. Asoka and the Decline of the Mauryas / R. Thapar. — Oxford University Press, 1997. — 344 p.
24. Thapar, R. Early India: From Origins to AD 1300 / R. Thapar. — The Penguin Group, 2002. — 556 p.
25. The New Imperial Histories Reader / ed. by S. Howe. — Routledge, 2009. — 470 p.
26. The Postcolonial Studies Reader / ed. by B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin. — Routledge, 1995. — 526 p.
27. Tyagananda, S., Vrajaprana, P. Kali's Child Revisited or Didn't Anyone Check the Documentation? / S. Tyagananda, P. Vrajaprana // Evam: Forum on Indian Representations [Electronic resource]. — 2002. — Vol. 1, Iss. 1—2. — Mode of access: http://www.infinityfoundation.com/mandala/s_rv/s_rv_tyaga_kali1_frameset.htm. — Date of access: 20.01.2015.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 29.04.2015

ПУБЛІКАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ

А. М. Латушкін,
дацэнт кафедры крыніцазнаўства
гістарычнага факультэта БДУ,
кандыдат гістарычных навук;
e-mail: archives@tut.by

АБ ГІСТОРЫІ ЎКЛЮЧЭННЯ ГРАМАТ І АКТАЎ ДЗЯРЖАЎНАГА АРХІВА ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў СКЛАД АРХІВА НЯСВІЖСКАЙ АРДЫНАЦЫІ КНЯЗЁЎ РАДЗІВІЛАЎ У ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XVII ст.

Пад «граматамі і актамі дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага» ў тэксце трэба разумець комплекс арыгінальных, пераважна пергаментных, дакументаў 1387—1644 гг. і іх копій, сучасных арыгіналам, якія належаў да складу дзяржаўнага архіва ВКЛ і ўключаў 4 асноўныя групы актаў: 1) агульназемскія прывілеі ВКЛ; 2) акты уній ВКЛ і Кароны Польскай; 3) пагадненні аб міры паміж ВКЛ і гаспадарамі малдаўскімі, вялікімі князямі маскоўскімі; 4) булы (брэвэ) і лісты рымскіх пап, адрасаваныя вялікім князям літоўскім. Самастойнасць і цэласнасць дадзенага комплексу актаў з архівазнаўчага пункту гледжання, а таксама яго прыналежнасць да т. зв. дзяржаўнага архіва ВКЛ пацвярджаецца архіўнай уліковай дакументацыяй, у прыватнасці, актамі прыёму-перадачы дакументаў найвышэйшага канцлера Льва Сапегі новаму канцлеру Альбрыхту Станіславу Радзівілу ў 1623 г. [8; 19; 20].

У польскай гістарыяграфіі для наймення арыгіналаў прывілеяў на пергаміне часта ўжываецца слова лацінскага паходжання «dyplom», адпаведна адносна дадзенай часткі архіва ВКЛ можна сустрэць паняцце «część dyplomatyczna». Адпаведнікам у айчыннай гістарыяграфіі можа выступаць паняцце «граматы», або «частка архіва, якая складаецца з арыгінальных актаў і грамат». Дадзенае паняцце выразна адрознівае азначаную частку архіва ВКЛ ад іншай, напрыклад, метрыкальнай у выглядзе сшыткаў і кніг (кодэксаў), якая намі не разглядаецца.

Гісторыя распрацоўкі і стан даследавання праблемы на кан. 1990-х гг. асвятляўся аўтарам раней [21]. Вынікі даследаванняў тэмы ў пытаннях часу і абставін уключэння часткі дзяржаўнага архіва ВКЛ у склад прыватнага збору Радзівілаў у другой палове XVII ст. сцісла можна прадставіць наступным чынам.

Галоўны ўклад у распрацоўку тэмы захоўвання дзяржаўных актаў ВКЛ у складзе Нясвіжскага архіва роду кн. Радзівілаў зрабілі польскія навукоўцы С. Пташыцкі, Я. Якубоўскі, С. Кутшэба, У. Сямковіч, В. Мікульскі. Час уваходжання дакументаў архіва ВКЛ у склад архіва Радзівілаў у даследаваннях акрэсліваецца перыядам ад 1651 г. або пачатку другой паловы XVII ст. (пазнейшыя

даты — 1653 г., 1656 г.) да 1688 г. (ранейшыя даты — 1667 г., 1685 г.)[1]. Адносна шляху і прававых падстаў такой акцыі фігуруе версія «прысваення» архіва пасля смерці канцлера ВКЛ Альбрыхта Станіслава Радзівіла ў 1656 г. яго спадкаемцамі, прадстаўнікамі нясвіжскай лініі роду Радзівілаў. Больш падрабязна эвалюцыя поглядаў навукоўцаў на гісторыю дадзенага пытання выглядае так.

Упершыню 2-ю пал. XVII ст. як час уваходжання дакументаў архіва ВКЛ у склад Нясвіжскага архіва і адпаведна патрэбу верыфікацыі гіпотэзы Станіслава Пташыцкага аб 1551 г. і прававых асновах далучэння дзяржаўных актаў ВКЛ да архіва Радзівілаў паставіў пад сумненне прафесар Уладыслаў Сямковіч на пасяджэнні Гістарычнага таварыства 22.02.1913 г. Пазней ён развіў свае погляды ў рэфераце, выкладзеным 23.10.1921 г. у віленскім Таварыстве аматараў навук [27, s. XXII]. Яго паплечнік Станіслаў Кутшэба ў сваёй працы «Historia źródeł dawnego prawa polskiego» (1926 г.) сцвярджаў, што да сярэдзіны XVII ст. архіў захоўваўся ў асноўным пры скарбе земскім ВКЛ пад апекай падскарбія. Час жа далучэння яго да архіва Радзівілаў па С. Кутшэбе — 2-я пал. XVII ст. [26, s. 389—392, 447].

Ян Якубоўскі сцвярджаў, што прывілей 1551 г. з'яўляецца фальсіфікатам 2-й пал. XVII ст. і без спасылак на крыніцы ўказваў факт вывазу з Вільні «дыпламатычнай часткі архіва ВКЛ» (значэнне паняцця — гл. вышэй) у 1655 г. канцлерам ВКЛ, ардынатам альцкім князем Альбрыхтам Станіславам Радзівілам [25, s. 6, załaczniki A, B].

С. Кутшэба і У. Сямковіч (у супрацоўніцтве з С. Пташыцкім) у прадмове да працы «Akta unii Polski z Litwą 1385—1791» канкрэтызавалі верагодныя храналагічныя межы часу ўваходжання дзяржаўных дакументаў ВКЛ у архіў Радзівілаў з Нясвіжа — 1653—1667 гг., а таксама зрабілі абгрунтаваныя высновы аб фальсіфікацыі Радзівіламі прывілея Жыгімонта II Аўгуста ад 03.11.1551 г. у перыяд 1721—1743 гг. [27, s. XIX—XXII]. Аднак даследчыкі так і не адказалі на пытанні, хто ўратаваў архіў ВКЛ пры маскоўскай акупацыі Вільні ў 1655 г., дзе ён захоўваўся пасля і якім чынам ён трапіў у архіў Радзівілаў.

Праблему гісторыі архіва ВКЛ у перыяд XVI—XVII стст. закранаў і апошні архівіст нясвіжскіх ардынатаў Б. Туган-Таўрагінькі ў працы «Z dziejów Archiwum Radziwiłłów oraz wartość zbiorów dla nauki polskiej» (Варшава, 1955—1969), аднак пры гэтым ён цалкам абапіраўся на напрацоўкі папярэднікаў, пераважна С. Кутшэбы і У. Сямковіча [11].

Больш дэталёва дадзены аспект асвятліў В. Мікульскі ў 1997 г. у артыкуле «Dokumenty z archiwum WXL w archiwum warszawskim Radziwiłłów». Для адказу на пытанне аб часе і ўмовах уваходжання актаў з архіва ВКЛ у архіў Радзівілаў ён дадаў наступныя палажэнні: 1) канцлер Альбрыхт Станіслаў Радзівіл,

[1] Тут мы не разглядаем ранейшы перыяд і выпадкі, калі канцлеры ВКЛ — прадстаўнікі роду Радзівілаў захоўвалі дзяржаўныя акты ВКЛ, а таксама версію С. Пташыцкага адносна даты 1551 г. як пачатку гісторыі захоўвання Радзівіламі нясвіжскай лініі дзяржаўных актаў ВКЛ, што варта асобнага даследавання [29; 30].

выязджаючы ў канцы 1654 г. да Тухолі на Памор'і, забраў з сабой і частку архіва ВКЛ — граматы (менавіта гэтыя акты названы ў пазнейшых інвентарах архіва 1685 г., 1688 г.), за выключэннем кніг Метрыкі; 2) астатняя частка архіва ВКЛ (кнігі Метрыкі, скарбовыя акты) захоўвалася ў Альцы, дзе і загінула разам з прыватным архівам Радзівілаў альцкай лініі падчас нападу казакоў на Альцкі замак 30 жніўня 1648 г.; 3) найбольшая частка дакументаў, якія захоўваліся ў канцлера ВКЛ Альбрыхта Станіслава Радзівіла, трапілі ў валоданне да нясвіжскай лініі роду Радзівілаў пасля смерці канцлера ў 1656 г. шляхам пераходу яго ўладанняў і іншай маёмасці ў спадчыну падканцлеру, ардынату нясвіжскаму Міхалу Казіміру Радзівілу (1635—1680) [28, s. 74—75].

За апошні час аб істотных зрухах у аб'ёме ведаў па праблеме пакуль сказаць нельга. Сярод найбольш грунтоўных айчынных прац, прысвечаных тэме, трэба адзначыць публікацыю «Помнікі права Беларусі XIV — XVI стст.: агульназемскія прывілеі і акты дзяржаўных уній. Крыніцазнаўчы дапаможнік» (Мінск: БелНДІДАС, 2015). Гэта выданне — важны крок у распрацоўцы тэмы беларускімі гісторыкамі. Яно ўпершыню ў айчыннай гістарыяграфіі комплексна і на адпаведным навуковым узроўні, некалькі пераўзыходзячым заяўлены статус крыніцазнаўчага дапаможніка, прадстаўляе два асноўныя віды дзяржаўна-прававых актаў ВКЛ — земскія прывілеі і акты уній ВКЛ з Каралеўствам Польскім. Аднак праца амаль не раскрывае гісторыю захоўвання дакументаў, што натуральна з улікам мэты і характару выдання [22][2].

Такім чынам, час і абставіны, пры якіх Радзівілы завалодалі найкаштоўнейшай часткай дзяржаўнага архіва, застаюцца пакуль недастаткова высвечанымі. Сучасныя польскія даследаванні перыяду другой паловы XVII ст. у гісторыі ВКЛ і аналіз выяўленых намі крыніц па тэме дазваляюць наступным чынам рэканструяваць гісторыю падзей.

1. Нягледзячы на гісторыю захоўвання прадстаўнікамі роду Радзівілаў дзяржаўных актаў у XVI ст., фактам застаецца тое, што ў канцы XVI — пачатку XVII ст. дзяржаўны архіў, у тым ліку яго «дыпламатычная частка», або граматы

[2] Ацэнка значэння працы для беларускай гістарыяграфіі заслугоўвае асобнай рэцэнзіі або артыкула, тут жа хацелася б пазначыць каштоўнасць працы ў кантэксце праводзімага намі даследавання, як добры выпадак, што дазваляе падкрэсліць пэўную розніцу аб'екта даследавання. Спіс прадстаўленых у выданні актаў дастаткова поўна адлюстроўвае склад толькі дзвюх з чатырох груп дакументаў той часткі дзяржаўнага архіва, якая вывучаецца намі — агульназемскіх прывілеяў ВКЛ і актаў уній з Каронай Польскай (змешчаны тэксты дзяржаўна-прававых актаў указаных відаў, пазначана месца захоўвання арыгіналаў, копій і іншыя звесткі). Гэта натуральна, бо выданне носіць выразную археаграфічна-крыніцазнаўчую скіраванасць і мела на мэце комплексна прадставіць акты, пакладзеныя ў аснову дзяржаўна-прававога ладу Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай. Асаблівасць жа нашага даследавання ў яго *архівазнаўчым* характары, скіраванасці на вывучэнне гісторыі і рэканструкцыю поўнага складу вышэйапісанай часткі дзяржаўнага архіва ВКЛ — «актаў і грамат» — як цэласнага адасобленага комплексу, прадстаўленага арыгінальнымі дакументамі ўсіх чатырох груп, ацэнка паўнаты захаванасці комплексу.

ў форме арыгіналаў, знаходзіліся пад апекай канцлера Льва Сапегі. На 1623 г. яны захоўваліся ў «скарбовым склепе ў замку караля яго міласці Віленскім» [8, s. 1, 22]. У рукі наступнага канцлера Альбрыхта Станіслава Радзівіла ён трапляе не раней за 11 сакавіка 1623 г. Гэты факт фіксуе вопіс («акт прыёму-перадачы») дзяржаўных актаў ВКЛ, перададзеных ваяводам віленскім Львом Сапегай канцлеру Альбрыхту Станіславу Радзівілу пры заступленні апошняга на пасаду, які вядомы ў некалькіх экзэмплярах. Адзін з іх, што адлюстроўвае метрыкальную частку архіва і датуецца ўласна 11 сакавіка 1623 г., быў выяўлены Г. Я. Галенчанкам у фондах рукапіснага аддзела Дзяржаўнай публічнай бібліятэкі імя Салтыкова-Шчадрына ў зборы П. П. Дуброўскага (цяпер Расійская нацыянальная бібліятэка ў Санкт-Пецярбургу, аддзел рукапісаў, збор П. П. Дуброўскага, аўтограф 124, арк. 98—113) і апублікаваны [19; 20].

Другі, у выглядзе копіі, захоўваецца ў варшаўскай частцы Нясвіжскага архіва Радзівілаў у Галоўным архіве старажытных актаў у Варшаве і датуецца 26 лістапада 1623 г. [8]. Асаблівасць яго ў тым, што акрамя кніг метрыкі вопіс утрымлівае і спіс прывілеяў і арыгінальных актаў ВКЛ агульнадзяржаўнага значэння. Вопіс называе некалькі іх груп: 1) земскія прывілеі ВКЛ; 2) акты уній ВКЛ і Кароны Польскай; 3) двухбаковыя пагадненні аб міры паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Маскоўскай дзяржавай, Малдавіяй; 4) лісты (граматы) рымскіх пап вялікім князям літоўскім. Вопіс ад 26 лістапада 1623 г. пакуль адзіны з вядомых поўных апісанняў архіва ВКЛ за перыяд 1623—1685 гг. Верхняй датай датуецца наступны вопіс азначаных дзяржаўных актаў у частцы актаў і грамат, што быў складзены па загадзе ўжо прадстаўнікоў роду Радзівілаў як іх захавальнікаў. Такім чынам, пазнейшая за 1623 г. амаль 60-гадовая гісторыя захоўвання неметрыкальнай часткі архіва застаецца недастаткова высвенай.

2. Версія захоўвання актаў у перыяд канцлерства альщкага ардыната Альбрыхта Станіслава Радзівіла (1623—1656) у Нясвіжскім палацы Радзівілаў не пацвярджаецца захаванымі вопісамі архіва. Найбольш поўны з іх, што дайшоў да нас, — вопіс архіварыуса і бібліятэкара Нясвіжскага замка Радзівілаў Яна Гановіча, складзены ў 1650 г. разам з вопісам замкавай бібліятэкі Радзівілаў. Арыгінал першага з іх захоўваецца ў складзе часткі архіва Нясвіжскай ардынацыі Радзівілаў у AGAD [12]. Другі — у Бібліятэцы Польскай акадэміі навук у Курніку. Дадзеныя вопісы маюць першараднае значэнне ў якасці крыніц, што адлюстроўваюць склад дакументальных і кніжных збораў Нясвіжскага замка ў сярэдзіне XVII ст. Значную каштоўнасць яны ўяўляюць сабой нават з мастацкага пункту гледжання, паколькі шыкоўна афармленыя рукой аўтара, маюць скураную вокладку, аздобленую цісненнем і металічнымі накладкамі. Такім чынам, вопіс Нясвіжскага архіва 1650 г. яшчэ не згадвае ніводнага з указаных актаў архіва ВКЛ, што, зрэшты, канстатуецца і ранейшымі даследчыкамі [27, с. XIX].

Знакамітыя мемуары Альбрыхта Станіслава Радзівіла не праліваюць святло на азначанае пытанне [15; 16; 17; 18]. Карэспандэнцыя канцлера за перыяд 1612—1656 гг. таксама не пацвярджае фактаў перадачы дакументаў пад апеку прадстаўнікоў нясвіжскай або біржанскай галін роду [3; 4; 5; 6].

Малаверагодным з'яўляецца і тое, што канцлер захоўваў дадзеную частку архіва ВКЛ ва ўласным Альщкім замку, цэнтры Альщкай ардынацыі, як, напрыклад, кнігі метрыкі і акты скарбу ВКЛ (згодна са сцвярджэннем В. Мікульскага і яго папярднікаў) [28, s. 74—75]. Наўрад ці мог ён адважыцца на перамяшчэнне дзяржаўных архівалій у глыб краіны, фактычна ў эпіцэнтр небяспекі. Так, сам князь на час ваенных падзей у канцы 1654 г. выехаў да Тухолі на Памор'і, у 1655 г., жыў у Гданьску. З карэспандэнцыі вынікае, што бяспечным месцам ён лічыў таксама Мальбарк (жнівень 1655 г.) [5, s. 24—25]. Аднак нават калі дапусціць такую верагоднасць, то гэтыя акты пасля спалення Альщкага замка казакамі ў 1648 г. проста б не захаваліся. Аб чарговым выпадку знішчэння маёнткаў князя на Валыні татарамі сам канцлер паведамляў у лісце да ваяводы мальбаркскага ўжо напрыканцы жыцця: «Усе мае валынскія маёнткі пераўтвораны ў попел, акрамя двух найменшых фальваркаў. Падданых не меней за 4000 да Арды ўзята, амаль трэцюю частку Пінска тыя ж татары спалілі і падданых забралі» (без даты, 1655—1656 гг.) [6, s. 15].

Разам з тым само сцвярджэнне, што кнігі Метрыкі, скарбовыя акты захоўваліся менавіта ў Альщы, дзе і загінулі разам з прыватным архівам Радзівілаў альщкай лініі падчас нападу казакоў на Альщкі замак 30.08.1648 г., на наш погляд, таксама патрабуе пацвярджэння, асабліва ў частцы скарбовай. Бо «след» скарбовых актаў, як будзе адзначана ніжэй, вядзе да Януша (1612—1655) і Багуслава (1620—1669) Радзівілаў. Ды і неабходнасць вывазу метрыкальнай часткі архіва да Альщкі не зусім зразумелая, бо, як вядома, акрамя «скарбовага склепа» на Віленскім замку, у 1636 г. месца для захоўвання кніг метрыкі ў сталіцы было дадаткова забяспечана выдзяленнем асобных каменных будынкаў — камяніцы віленскага абывацеля Яна Ключаты каля гарадскога рынку, паблізу Уваскрасенскай царквы, і прыватнага дома немца Ланга на вул. Шкляной.

Так ці інакш, найбольш верагодным падаецца тое, што комплекс агульнадзяржаўных грамат знаходзіўся пры канцлеры. Адметна, што вопіс даследуемай часткі архіва за 1685 г. утрымлівае дакументы пазнейшыя за дату складання вопісу 1623 г., перыяду кіравання Уладзіслава IV («list od Krola Władysława od Cara Moskiewskie(g)o o Smierci Caciley Renaty») [дадатак А]. Гэта ўказвае на тое, што азначаны комплекс працягваў папаўняцца і пры Альбрыхце Станіславе Радзівіле, а значыць, знаходзіўся ў межах дасягальнасці для яго, верагодна, у сталіцы ВКЛ. Нагадаем, як сцвярджаў Ян Якубоўскі, канцлер у 1655 г. вывез «дыпламатычную частку архіва ВКЛ» менавіта з Вільні [25, s. 6].

3. Вялікі канцлер ВКЛ Альбрыхт Станіслаў Радзівіл, верагодна, не быў той асобай, непасрэдна ад якой, як сцвярджалася ў літаратуры, частка дзяржаўнага архіва ВКЛ разам з іншай рухомай, у тым ліку архівы, і нерухомай маёмасцю князя, напрыклад, Альщкай ардынацыяй, перайшла да нясвіжскай галіны роду Радзівілаў, і, у прыватнасці, да ардыната нясвіжскага Міхала Казі-

міра Радзівіла (1635—1680) шляхам пераходу ў спадчыну[3]. Найверагодней, першапачаткова дзяржаўны архіў ВКЛ, як мінімум яго частка, быў вывезены вялікім гетманам ВКЛ Янушам Радзівілам. Пасля ж яго смерці схаваны канюшым ВКЛ Багуславам Радзівілам, верагодна, у Караляўцы. На гэта ўказваюць наступныя дакументы і звесткі.

У варшаўскай частцы Нясвіжскага архіва захоўваецца дакумент, які адлюстроўвае падзеі 1669 г., звязаныя з рэалізацыяй сеймавай пастановы аб пошуку архіва скарбу ВКЛ [2]. Яшчэ сейм 1667 г. пастанавіў правесці пошукі і рэвізію архіва дзяржаўнага скарбу [13, с. 994]. Да 1669 г. гэта заданне, відаць, выканана не было. На 1669 г. у склад камісіі для рэалізацыі дадзенай пастановы ўваходзілі: біскуп жмудскі Казімір Пац, найвышэйшы гетман ВКЛ Міхал Казімір Пац, Крышпін Кіршэнштайн, А. Гелгуд. Камісія атрымала даручэнне: «каб мы сур'ёзнае правялі расследаванне — куды … падзеліся архівы скарбу, у якіх Рэч Паспалітая адчувае крайнюю патрэбу» [2, s. 1]. Прыбыўшы ў пач. 1669 г. у Вільню, камісіі ўдалося ўстанавіць, што архіў знаходзіцца ў скрабцы канюшага ВКЛ Багуслава Радзівіла «сярод рэліквій» скарбца былога вялікага гетмана ВКЛ Януша Радзівіла. У сувязі з гэтым камісары скіравалі да князя ліст з ветлівай просьбай даставіць скарбовы архіў у Вільню к 15 сакавіка 1669 г. і здаць дакументы згодна з вопісам, што мусіў знаходзіцца пры тым жа архіве. На гэты ж тэрмін прызначаўся чарговы збор камісіі і скліканіся іншыя ўпаўнаважаныя да справы ўраднікі і асобы. Канчатковую справаздачу аб справе камісары планавалі падрыхтаваць к элекцыйнаму сейму.

Такім чынам, дакумент пацвярджае, што пэўныя часткі дзяржаўных архіваў ВКЛ маглі быць вывезены вялікім гетманам Янушам Радзівілам. Пасля яго смерці іх, разам з іншымі каштоўнасцямі князя, прыняў на захоўванне канюшы ВКЛ Багуслаў Радзівіл і да канца 1660-х гг. спакойна імі валодаў.

Дакладна невядома, дзе знаходзіліся дакументы пры жыцці Януша Радзівіла. Дакладна аднак тое, што князь Багуслаў шукаў рэчы і дакументы вялікага гетмана адразу пасля смерці Януша (31.12.1655 г.). Так, ім разам з князем Міхалам Казімірам Радзівілам была прадпрынята таемная спроба выратавання цела і маёмасці князя, у тым ліку дакументаў, з абложанага і ўрэшце спаленага войскамі ВКЛ Тыкоціна — апошняга прыжыццёвага месцазнаходжання апальнага гетмана. Ліст князя Міхала Казіміра Радзівіла да князя Багуслава так апісвае гэту акцыю і яе вынікі. Слугі Міхала Казіміра пранікі ў фартэцыю ўжо пасля яе падзення. На той момант большасць рэчаў князя і «спраў» была разрабавана або спалена. Пэўная іх частка, відаць, з архіва самога Януша ці Багуслава, была захоплена войскамі. Міхалу Казіміру Радзівілу ўдалося ўратаваць толькі рэшту папер. Ніякіх узгадак аб частцы архіва ВКЛ у Тыкоцінскім замку ў крыніцы таксама няма. Гэта ўказвае на тое, што дзяржаўныя акты ВКЛ у Тыкоціне на час

[3] Гэты факт нельга разглядаць як пераход спадчыннай уласнасці — дакументы былі ўласнасцю дзяржавы.

яго штурму, хутчэй за ўсё, адсутнічалі, у адваротным выпадку дадзены факт не мог бы застацца незаўважаным відавочцамі падзей, якія пераказвалі іх у вядомых успамінах, тым больш Міхалам Казімірам у паведамленні князю Багуславу. Вось найбольш істотныя выпрымкі з ліста: «Пасля атрымання лістом інфармацыі ад вашай княскай міласці аб рэчах вашай княскай міласці я запытваўся тут, але [знайсці і ўратаваць іх] амаль немагчыма, бо адны былі расцягнуты, а другія ў пажары згінулі. … *Справы вашай княскай міласці некаторыя знаходзяцца ў войску фасцыкуламі, іншыя будуць перададзены вашай княскай міласці, але наколькі я зразумеў, большасць іх знішчана* (выдзелена. — *А. Л.*). Калі б я сам быў на той час пад Тыкоцінам і, пры гэтым атрымаў бы ад вашай княскай міласці інфармацыю, удалося б мне болей урававаць, але па прычыне імклівага штурму і падзення фартэцыі ўсё выйшла іначай…» [7, с. 35—36].

4. У 1660-я гг. пытанне дзяржаўнага архіва і валодання ім уключаецца ў «павестку дня» ўнутрыпалітычнай барацьбы ў ВКЛ. Перыяд другой паловы 1660-х — пач. 1670-х гг. — гэта час жорсткага саперніцтва родаў Радзівілаў і Пацаў за вышэйшыя пасады ў дзяржаве і ўплыў на ўнутраную палітыку. Асноўнымі фігурантамі барацьбы сталі падканцлер ВКЛ, ардынат нясвіжскі Міхал Казімір Радзівіл (1635—1680), канюшы ВКЛ Багуслаў Радзівіл (1620—1669) з аднаго боку, і вялікі гетман ВКЛ Міхал Казімір Пац (1624—1682) і канцлер ВКЛ Крыштаф Пац (1621—1684) — з другога [23; 24].

Перадгісторыя пытання наступная. 30 чэрвеня 1668 г. Ян Казімір надаў Міхалу Казіміру Радзівілу прывілей на пасаду падканцлера ВКЛ. Гэта быў не згодны з заканадаўствам шлях прызначэння на пасады, так як намінацыю на пасаду падобнага рангу можна было атрымаць толькі падчас сейма. Больш таго, ужо пасля адрачэння караля польскага і вялікага князя літоўскага Яна Казіміра ад трона (16 верасня 1668 г.) на варшаўскім сейме 20 лістапада таго ж года Міхал Казімір Радзівіл абвясціў, што мае прывілей на пасаду польнага гетмана ВКЛ, нададзены яму яшчэ дзеючым манархам за дзень да адрачэння, 15 верасня 1668 г.[4] Такім чынам, сумяшчаліся ў руках адной асобы ваенная і канцлерская вышэйшая дзяржаўныя пасады, што зноў супярэчыла тагачасным канстытуцыйным нормам. Відавочна, атрыманне гэтай пасады ва ўмовах трымання саапернікамі Радзівілаў пасад вялікага канцлера ВКЛ (Крыштаф

[4] К. Бабятынскі і іншыя даследчыкі звяртаюць ўвагу на тое, што дата надання Міхалу Казіміру Радзівілу прывілея на гетманства польнае — не адпавядае рэчаіснасці і з'яўляецца вынікам фальсіфікацыі, прадпрынятай Міхалам Казімірам Радзівілам: 1) вестка аб смерці польнага гетмана Валовіча павінна была дасягнуць Варшавы за два дні, што магчыма толькі тэарэтычна; 2) падканцлер Міхал Казімір актыкаваў тэкст прывілея ў кнігу метрыкі, якая вялася ім, аднак дата яго надання тут не 15, а 16 верасня. Адметна, што дадзеная кніга метрыкі так і не была перададзена ні Міхалам Казімірам, ні яго нашчадкамі ў скарб дзяржавы. Факт разыходжання паміж арыгіналам і копіяй застаўся невядомым і быў адкрыты толькі ў цяперашні час, пасля выяўлення і вывучэння арыгінала азначанай кнігі метрыкі ў Бібліятэцы Літоўскай акадэміі навук [31].

Пац) і вялікага гетмана (Міхал Казімір Пац) і з такімі парушэннямі афіцыйных працэдур не магло не выклікаць канфлікту.

У працэсе барацьбы Пацы імкнуліся скарыстацца ўсімі магчымымі аргументамі супраць Радзівілаў. Пытанне дзяржаўнага архіва стала адным з ключавых пунктаў гэтых спрэчак. Вышэй ужо быў згаданы адзін з сюжэтаў спробы высвятлення на дзяржаўным узроўні лёсу скарбовага архіва ў пач. 1669 г. Важныя факты з гісторыі пытання раскрывае польскі даследчык Конрад Бабятынскі. Згодна з яго даследаваннямі найвастрэй пытанне архіва было пастаўлена падчас элекцыйнага сейма 1669 г. Так, 6 чэрвеня 1669 г. разам з чарговымі патрабаваннямі прыхільнікаў Пацаў да Міхала Казіміра Радзівіла аб адмаўленні ад польнага гетманства як незаконна захопленага вялікі гетман літоўскі Міхал Казімір Пац запатрабаваў ад Багуслава Радзівіла, каб той вярнуў усе схаваныя ім «справы і *прывілеі ВКЛ* (выдзелена. — *А. Л.*) і каб прасочана было тое, ці ўсе ёсць, бо паміж імі павінны быць некаторыя, што патрабавалі недапушчэння рэлігійных дэсідэнтаў да дзяржаўных пасад» [23, s. 231]. Такім чынам, у дадзеным выпадку, у адрозненне ад справы вяртання скарбовага архіва, мова ішла канкрэтна аб земскіх прывілеях ВКЛ.

Патрабаванне вяртання дзяржаўных актаў было скіравана ў Багуслава Радзівіла як пратэстанта і, відаць, у значнай ступені ўзнікла ў выніку выкарыстання партыяй Міхала Казіміра Паца антыдэсідэнцкага пытання ў сваіх палітычных мэтах. Гэта пацвярджаюць пазнейшыя падзеі 7 чэрвеня, калі гетман паўторна ўзняў перад Багуславам Радзівілам пытанне схаваных ім прывілеяў, у палеміку на яго баку ўключыўся біскуп жмудскі, які абвінавачваў «дысідэнтаў» у крыўдах, нанесеных вернікам і маёмасці рыма-каталіцкага касцёла. Так ці інакш, пытанне вяртання архіва стала адным з апошніх, на якім спынілася палеміка палітычная і пачалося ўзброенае супрацьстаянне дзвюх партый. Князь заявіў, што ён можа аддаць «меншую булаву» толькі з уласным жыццём. Паўстала пагроза зрыву элекцыйнага сейма. 19 чэрвеня, па сведчанні мемуарыста Багуслава Маскевіча, Радзівілы адважыліся на фізічную ліквідацыю Крыштафа і Міхала Казіміра Пацаў у выпадку, калі б дайшло да двайнога абрання «Латарынчыка» і «Нойбурга» [23, s. 232]. Як вядома, праблему супрацьстаяння магнатэрыі нечакана вырашыла шляхта, якая абрала каралём Міхала Карыбута Вішнявецкага. Гетман Пац хутка падтрымаў новага караля, быў уключаны ў камісію па распрацоўцы т. зв. «pacta conventa», дзе, між іншым, спрабаваў увесці пункт аб забароне сумяшчэння некалькіх дзяржаўных пасад, скіраваны супраць Радзівіла. Напружанне паміж Радзівіламі і Пацамі зменшылася. Апошнія нават пагадзіліся пакінуць гетманства польнае Радзівілу пры ўмове паразацвярджэння яго на пасадзе новым манархам, аднак у цэлым яны паслядоўна імкнуліся дасягнуць сваёй мэты па аслабленні Радзівілаў.

29 чэрвеня Пацамі быў прадстаўлены Радзівілам спіс умоў пагаднення пад назвай «Пункты [пагаднення], якія іх міласць паны Пацы прад'явілі князям Радзівілам» [1, с. 591—592][5]. Яго асноўныя ўмовы: 1) гетманства польнае перазацвярджаецца новым манархам са скасаваннем прывілея Яна Казіміра; 2) ад падканцлерства князь адмаўляецца; 3) узамен артымлівае кашталянства віленскае. Адметна, што разам з іншымі патрабаваннямі Пацы зноў вярнуліся да пытання архіва. Так, сярод 17 пунктаў умовы прымірэння быў змешчаны асобны пункт аб вяртанні Радзівіламі архіваў, прычым, відаць, не толькі скарбовых, а ўсіх дзяржаўных, якія павінны былі б захоўвацца ў скарбе дзяржавы: «14. Каб узятыя архівы да скарбу ВКЛ усе цалкам былі вернутыя» [1, с. 592]. Пагадненне павінна было быць падпісана, аднак Міхал Казімір Радзівіл не пагадзіўся аддаць ні адной пасады і абнародаваў тэкст умоў.

Для выхаду з тупіковай сітуацыі бакі абралі… дуэль. Яна павінна была адбыцца 2 ліпеня 1669 г. у 4 гадзіны раніцы пад Варшавай «паміж Грыбавым і Чэрняковым» на шпагах і пісталетах. Канюшы ВКЛ князь Багуслаў Радзівіл павінен быў сустрэцца з гетманам Міхалам Казімірам Пацам, а падканцлер ВКЛ Міхал Казімір Радзівіл — з канцлерам Крыштафам Пацам. Аднак за пасрэдніцтвам манарха і іншых высокапастаўленых асоб (Пражмоўскага, біскупа куяўскага К. Ф. Чартарыйскага) 2 ліпеня ў 6 гадзін вечара адбылося публічнае прымірэнне бакоў. У выніку Міхал Казімір Радзівіл заставаўся на абедзвюх пасадах, Міхалу Казіміру Пацу абяцалася ваяводства віленскае, а яго пратэжэ Антонію Гіларыю Палубінскаму — староства жмудскае. Пры ўмове ж, калі б вялікае гетмантсва зрабілася вакантным, яно даставалася Палубінскаму, а староства жмудскае — Багуславу Радзівілу [23, s. 234].

Невядома, што, аднак, было вырашана адносна архіва. Верагодна, гэта пытанне далей не будзіравалася. Як мінімум да сейма 1673 г. Тады была прынята чарговая канстытуцыя па тым жа пытанні [14, с. 156]. Аднак цалкам і яна не была выкананая. Далейшая гісторыя сведчыць, што Радзівілы не вярнулі дзяржаўныя акты. У сітуацыі вострай унутрыпалітычнай барацьбы за ўладу валоданне дзяржаўным архівам, і тым больш такой важнай яго часткай як земскія прывілеі і акты уній, давала дадатковую перавагу перад канкурэнтамі, павышала статус трымальніка такога роду актаў. Тым больш што з абраннем Яна III Сабескага Радзівілы аказаліся параднёныя з манаршай фаміліяй (праз шлюб ардыната нясвіжскага Міхала Казіміра Радзівіла і Кацярыны з Сабескіх, сястры манарха), што стала для іх пачаткам новага этапу ўзвышэння.

5. З 1680-х гг. пачынаецца пацверджаная крыніцамі гісторыя комплексу дзяржаўных актаў ВКЛ як часткі архіва Нясвіжскай ардынацыі Радзівілаў. Першым пацверджаннем гэтаму выступае вопіс дакументаў Кацярыны з Сабескіх Радзівіл (?— 1694), у першым шлюбе Заслаўскай, на той час удавы Міхала Казіміра Радзівіла (пам. у 1680 г.), ваяводы віленскага, падкаморага, гетмана польнага, VI ардыната нясвіжскага і IV алыцкага, складзены ў Варшаве 18 ліпеня 1685 г. [9] (дадатак А). Згодна з вопісам частка дзяржаўнага

[5] Дакумент не датаваны. К. Бабятынскі датуе 29 чэрвеня 1669 г.[23, s. 233].

архіва ВКЛ на той час знаходзілася ў Варшаве. Яна захоўвалася разам з комплексам іншых, найбольш каштоўных дакументаў роду Радзівілаў — прывілеяў на пасады, тытулы, землеўладанні. Дзяржаўныя акты ВКЛ былі змешчаны ў вялікай акаванай скрыні, у 12 шуфлядах і трох т. зв. «шкатулах»[6]. Шуфляды і шкатулы пазначаліся літарамі «A», «B», «C». Кожная з шуфляд дзялілася на 5 аддзелаў, пазначаных арабскімі літарамі ад 1 да 5. Шкатулы пазначаліся: A лічба 4, B лічба 5, C лічба 3. Унутры шуфляд і шкатул дакументы мелі літарныя абазначэнні згодна з літарамі лацінскага алфавіта. Колькасць дакументаў у шуфлядах/шкатулах была розная — ад 2 да 12 шт. Агульная колькасць названых актаў — 75, не ўлічваючы прывілеяў на т. зв. «рускай» мове (шуфляды: B лічба 2; C лічба 5), апісаных агульна як «прывілеі рускія, якія немагчыма прачытаць». Два дакументы былі прапушчаны: у шкатуле пад літарай A лічба 5 «Ruskie» не ўказаны дакумент D — вопіс пасля літары C называе адразу літару E; у шуфлядзе пад літарай C лічба 2 не ўказаны дакумент F — вопіс пасля літары E называе адразу літару G [9, с. 3, 5; дадатак А].

Крыніцы і літаратура

1. Archiwum Główny Akt Dawnych (AGAD). — Zespół № 354 «Archiwum Radziwiłłów, t. zw. Warszawski» (AR). — DziałII. — ks. 22, 1094 k., 1665—1673.
2. AGAD. — AR. — DziałII. — sygn. 1565, k. 1—3, b. d. [не пазней 15 сакавіка 1669 г.].
3. AGAD. — AR. — DziałIV. — sygn. 8 (MF 90954) Лісты Альбрыхта Станіслава Радзівіла, 67 арк., 1612—1646 гг.
4. AGAD. — AR.— DziałIV. — sygn. 9 (MF 90955) Лісты Альбрыхта Станіслава Радзівіла, 69 арк., 1646—1652 гг.
5. AGAD. — AR. — DziałIV. — sygn. 10 (MF 90956) Лісты Альбрыхта Станіслава Радзівіла, 61 арк., 1652—1655 гг.
6. AGAD. — AR. — DziałIV. — sygn. 11 (MF 90957), 33 арк., 1655—1656 гг.
7. AGAD. — AR. — DziałIV. — sygn. 361 (MF 91306) Лісты Міхала Казіміра Радзівіла за 1649—1658 гг., 67 s.
8. AGAD. — AR. — DziałXXVII «Sumariusze i inwentarze archiwów radziwiłłowskich». — Sygnatura 11. Regestr przywilegiów W. X. Lit. oddanych do zamku Xiążąt Radziwiłłów 26.11.1623 r.
9. AGAD. — AR.— DziałXXVII «Sumariusze i inwentarze archiwów radziwiłłowskich». — Sygnatura 13 «Regestr spraw 1685 r.». B. a., b. d. [XVII w., po 1688 r.]. Cz. I «Regestr spraw Jaśnie Oświeconej X[ięż]nej Jmci Katarzyny z Sobieszyna Radziwiłłowej (zm. 1694 r. 1 v. Zasławskiej) podkanclerzynej i hetmanowej W. X. Lit. etc. etc. dnia 18 Julii roku 1685 sporządzony w Warszawie». S. 1—16; Cz. II «Regestr spraw przesłanych od X[ięż]nej Jej Mości, które odebrałem od Jego M[oś]ci P[an]a Taszkiewicza […] we Gdańsku dnia 19 Nowembra anno 1684», S. 17—24.
10. AGAD. — Czytelnia, Inwentarz działu XXVII, Archiwum Radziwiłłów, t. zw. Warszawskiego, oprac. R. Jankowski.

[6] У. Сямковіч і С. Кутшэба прыводзілі агульную лічбу ў 15 шкатул [27, с. XIX].

11. Biblioteka Narodowa w Warszawie.— Rps. 9067, część 2. — Tuhan-Taurogiński B. Z dziejów Archiwum Radziwiłłów oraz wartość zbiorów dla nauki polskiej. — Warszawa, 1969. — S. 8—10.
12. Zespół № 354 «Archiwum Radziwiłłów, t. zw. Warszawski». — Dział Rękopisy biblioteczne. — Sygn. VIII-16. Zebranie przywilejów, praw i spraw rożnych… J. Hanowicz, 1650 r.
13. Volumina legum: w 8 t. / oprac.: Xsięża Piary w Warszawie. — wyd. 3-e. —Warszawa: Wydawnictwa Artystyczne i Filmowe, 1980. — T. 4: 1641—1668. — 501 s., XVII.
14. Volumina legum: w 8 t. / oprac.: Xsięża Piary w Warszawie. — wyd. 3-e. — Warszawa: Wydawnictwa Artystyczne i Filmowe, 1980. — T. 5: 1669—1697. — 463 s.
15. Альбрыхт Станіслаў Радзівіл. Дыярыюш аб падзеях у Польшчы / Публ.: А. Сьвяжынскі // Спадчына. — 1995. — № 6. — С. 123—170.
16. Альбрыхт Станіслаў Радзівіл. Дыярыюш аб падзеях у Польшчы / Публ.: А. Сьвяжынскі // Спадчына. — 1996. — № 1. — С. 224—259.
17. Альбрыхт Станіслаў Радзівіл. Дыярыюш аб падзеях у Польшчы / Публ.: А. Сьвяжынскі // Спадчына. — 1996. — № 2. — С. 166—204.
18. Альбрыхт Станіслаў Радзівіл. Дыярыюш аб падзеях у Польшчы / Публ.: А. Сьвяжынскі // Спадчына. — 1996. — № 3. — С. 160—195.
19. Галенчанка, Г. Я. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага: гісторыя, даследаванні, выданні (кароткі нарыс) / Г. Я. Галенчанка. — Мінск: БелНДІДАС, 2014. — 88 с.
20. Голенченко, Г. Я. Реестр книг Метрики Великого княжества Литовского 1623 г. / Г. Я. Голенченко // Исследования по истории Литовской Метрики: сб. науч. труд. / АН СССР, Инст. истории СССР; редкол.: В. Т. Пашуто [и др.]. — М., 1989. — С. 341—356.
21. Латушкін, А. М. Дзяржаўныя акты Вялікага княства Літоўскага ў складзе Нясвіжскага архіва князёў Радзівілаў: стан і накірункі даследавання праблемы / А. М. Латушкін // Мінулае і сучаснасць: архівы ў сістэме гуманітарных ведаў: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвеч. 100-годдзю Віцебскай вучонай архіўнай камісіі (Мінск, 20 мая 2009 года) / рэд. кал. Н. М. Дзятчык, С. У. Жумар, В. С. Пазднякоў [і інш.]. — Мінск: БелНДІДАС, 2010. — С. 31—37.
22. Помнікі права Беларусі XIV — XVI стст.: агульназемскія прывілеі і акты дзяржаўных уній: крыніцазнаўчы дапаможнік / склад.: Г. Я. Галенчанка, А. А. Жлутка, А. А. Мяцельскі [і інш.]. — Мінск: БелНДІДАС, 2015. — 388 с.
23. Bobiatyński, K. Michał Kazimierz Pac, wojewoda wileński, hetman wielki litewski: działalność polityczno-wojskowa / K. Bobiatyński. — Warszawa: [s. n.], 2006. — 412 k., [4] k. tabl. złoż.
24. Codello, A. Rywalizacja Paców i Radziwiłłów w latach 1666—1669 / A. Codello // Kwartalnik Historyczny. — 1964. — Rocznik 71, zeszyt 4. — S. 913—930.
25. Jakubowski, J. Archiwum Państwowe W. X. Litewskiego i jego losy / J. Jakubowski // Archeion. — 1931. — T. 9. — S. 1—18.
26. Kutrzeba, S. Historia źródeł dawniego prawa polskiego: w 2 t. / S. Kutrzeba. — Lwów: Wyd. zakł. narod. im. Ossolińskich, 1926. — T. 2. — Cz. 2: Źródła innych praw w Rzeczypospolitej Polskiej obowiązujących. — 462 s.
27. Kutrzeba, S. Akta unii Polski z Litwą 1385—1791 / S. Kutrzeba, W. Semkowicz. — Kraków: Druk. UJ, 1932. — 570 s.
28. Mikulski, W. Dokumenty z archiwum WXL w archiwum warszawskim Radziwiłłów / W. Mikulski// Miscellanea historico-archivistica. — 1997. — T. 7. — S. 71—83.

29. Ptaszycki, St. Gdzie się przechowywały i przechowują obecnie akta unii Litwy z Polską? / St. Ptaszycki // Kwartalnikhistoryczny. — 1902. — RocznikXVI.— Zeszyt 1. —S. 589—591.
30. Ptaszycki, S. Encyklopedia nauk pomocniczych historii i literatury polskiej: w 2 cz. / S. Ptaszycki. — 2-e wyd.— Lublin: nakładem U. Lubelskiego, 1922. — Cz. 1. — 283, V s.
31. Rachuba, A. Księga Metryki Litewskiej w zbiorze Litewskiej Akademii Nauk w Wilnie/ A. Rachuba // Lietuwos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretacija. — Vilnius, 2007. — S. 182—184.

Дадатак А

Вопіс дакументаў княгіні Кацярыны з Сабескіх Радзівіл (?—1694) з апісаннем комплексу актаў і грамат з дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага. Варшава, 18 ліпеня 1685 г.

Месца захоўвання і апісанне. Archiwum Główny Akt Dawnych, Zespół № 354 «Archiwum Radziwiłłów, t. zw. Warszawski», Dział XXVII «Sumariusze i inwentarze archiwów radziwiłłowskich», sygn. 13. Regestr spraw 1685 r. Część I «Regestr spraw Jaśnie Oświeconej X[ięż]nej Jmci Katarzyny z Sobieszyna Radziwiłłowej (zm. 1694 r. 1 v. Zasławskiej) podkanclerzynej i hetmanowej W. X. Lit. etc. etc. dnia 18 Julii roku 1685 sporządzony w Warszawie». S. 1—6 (копія) [9].

Рукапіс, папера, in folio, польская, лацінская мова. Стан захавання здавальняючы. Правы край аркуша пашкоджаны, маюцца сляды ўздзеяння вільгаці, разрывы на тытульным аркушы.

Адзінка захоўвання № 13 уяўляе сабой сшытак in folio, які складаецца з дзвюх частак: 1) вопіс пад назвай «Regestr spraw Jaśnie Oświeconej X[ięż]nej Jmci Katarzyny z Sobieszyna Radziwiłłowej (zm. 1694 r. 1 v. Zasławskiej) podkanclerzynej i hetmanowej W. X. Lit. etc. etc. dnia 18 Julii roku 1685 sporządzony w Warszawie» з апісаннем складу дзвюх скрынь і дзвюх т. зв. шкатул з актамі дзяржаўнага архіва ВКЛ за перыяд канца XIV — першай паловы XVII ст. (першая скрыня, с. 1—6) і важнейшых сацыяльна- і маёмасна-прававых актаў роду Радзівілаў — прывілеяў на пасады, тытулы, землеўладанні (у т. л. староствы), фінансавых дакументаў за перыяд XVI ст. — 1683 г. (s. 6—16); 2) вопіс пад назвай «Regestr spraw przesłanych od X[ięż]nej Jej Mości, które odebrałem od Jego M[oś]ci P[an]a Taszkiewicza […] we Gdańsku dnia 19 Nowembra anno 1684»— вопіс розных, пераважна маёмасна-прававых, фінансавых спраў Кацярыны з Сабескіх Радзівіл (?—1694) за перыяд 1631—1664 гг. (s. 17—24).

Згодна з вопісам аддзела XXVII фонду «Архіў Радзівілаў, т. зв. Варшаўскі» адзінка захоўвання № 13 не мае дакладна вызначаных аўтара і часу стварэння. Вопісы былі створаны ў розны час — адпаведна 18 ліпеня 1685 г. і 19 лістапада 1684 г., маюць розны почырк, маюцца адрозненні ў паперы. Зведзены пад адну вокладку яны былі, верагодна, не раней 1688 г. Аўтар вопісу аддзела XXVII фонду «Архіў Радзівілаў, т. зв. Варшаўскі» Рафал Янкоўскі датуе дадзеную адзінку захоўвання дваякім чынам — XVII ст. і часам пазней 1688 г. [10, s. 44—45]. Другая дата, відавочна, вызначана на падставе запісу на апошняй старонцы рукапісу: «Regestr spraw różnych w szkatułach będących przepisane na nowy regestr przy zrewidowaniu jest tu i regestr osobny J. M. x[ię]dza [Jana Chryzostoma Benedykta Gnińskiego (zm. 1715)], biskupa kamienieckiego ręką pisany, takze insz przepisany na nowy 1688 anno» (с. 25).

Нумарацыя старонак — простым алоўкам у правым верхнім куце аркуша ад 1 да 6, адваротны бок аркуша не пранумараваны.

Правілы перадачы тэксту. Тэкст не мадэрнізуецца. Скарачэнні раскрываюцца ў круглых дужках згодна з сучаснымі правіламі арфаграфіі польскай мовы. Вынасныя літа-

ры перадаюцца курсівам. Цітлы не ўзнаўляюцца. Лігатура «ae» раскрываецца (адзіны выпадак ужывання — «Lituaniae», арк. 4). Вялікія літары, знакі пунктуацыі, кустоды захоўваюцца. Пры публікацыі не перадаюцца: 1) падкрэсліванне нумараў ад 1 да 5, якімі нумаруюцца шуфляды і шкатулы ў скрыні; 2) пазначэнне пераносаў слоў праз знак, падобны да «=«. Канец радка пазначаецца адной вертыкальнай рыскай, канец старонкі — дзвюма. Нумары старонак перадаюцца ў квадратных дужках курсівам. Парадкавая нумарацыя дакументаў нададзена пры публікацыі.

7-Reiest spvaw-7 [7]|
1685||*[2]*

Regestr **S**praw Iasnie Oswieconey X(ię)zney I(ej) m(oś)ci Katarzyny z| Sobieszyna Radziwiłłowey Podkanclerzyney y Hetmanowey W(ielkieg)*o*| X(ięstw)*a* L(i)tt(ewskieg)*a* etc(etera) etc(etera) d(nia) 18 Iulÿ Roku 1685 sporządzony W Warszawie|

Naprzod Przywileie rozne w skrzyni Wielkiey Okowaney.|

Pod Literą A Liczbą 1mum |

1. Przywiley pierwszy po Rusku pisany w ktorym Caucia Krolewska ze za wycho|dzenie z nim na Woynę Połock Przyłączyc do Litwy obiecuie |
2. Przywiley Drugi pod Literą B: na Vnią Woginiu przez Xięcia Mikołaia |Radziwiła W(ojewo)de Wilenskiego Kanclerza W(ielskieg)*o* X(ięstw)*a* Litt(ewskieg)*o* Wyprawiony |
3. Przywiley Trzeci pod Literą. C: O Wyprawienie pieszych na Woinę |
4. Przywiley Czwarty pod literą. D. Warunek Stanom Litewskim na Ziazd Trapa|ski,[8] ktory dla pilnych potrzeb złozony był Wolnosciom Ich szkodzic niema |
5. Przywiley Piąty pod Literą E: z Moskwą List do lat dwudziestu |
6. Przywiley pod Literą F: na Statut W(ielkieg)*o* X(ięstw)*a* Litt(ewskieg)*o* ze ma bydz[9] Drukowany |
7. Przymierny List pod literą G: z Iwanem Carem Moskiewskim a Krole[m][10]| Zygmontem y Augustem Polskimi do Siedmi Lat. |
8. Przymierny List pod Literą H: Cara Moskiewskiego Fedorowicza z Krolem | I(ego) m(oś)cią Zygmontem pierwszym do lat dwunastu |
9. Przywiley pod Literą I: Zygmonta Trzeciego na potwierdzenie Statutu now[o][11]| poprawionego. |
10. Przywiley pod Literą K: poprywiaiący zamokłe niektore Przywileie | w Prawach W(ielkieg)*o* X(ięstw)*a* Litt(ewskieg)*o* |

---

7 *Вялікімі літарамі; так у тэксце, трэба чытаць* spraw.
8 *Так у дакуменце, трэба чытаць* Trabski.
9 *Так у дакуменце, трэба чытаць* być.
10 *Аркуш пашкоджаны, сляды гніення паперы, адна літара ўзноўлена па сэнсу.*
11 *Аркуш пашкоджаны, сляды гніення паперы, адна літара ўзноўлена па сэнсу.*

11. Przywiley pod Literą L: na Statut y Insze Ziemskie Rzeczy po pierwszym | zmaczanym reassumowany |

12. Pod Literą M. List Przymierny Krolewicza Kazimierza z Wielkim | Nowogrodem. |

W szufladzie pod Literą A. Liczbą 2do |

13. Przywiley pierwszy pod Literą A. w ktorym Krol Iagielo[12] pakta Czy|ni z Bratem Swoim z Xiązęciem Litewskim Zygmuntem |

14. Pod Literą B. List Arcibiscupa Fryderyka do P. P(anow). Litewskich | względem Vnyey pisany ||*[3]*

15. Przywiley pod Literą C: w ktorym Vnią Czynią z Xięstwem Litewskim Arcy|biskup Fryderyk y Senatorowie Polscy Co potym Krol Alexander | swoym potwierdził przywileiem |

16. Przywiley pod Literą D: Stephana Krola Polskiego W ktorym nada|ie Wolnosci Wielkiemu Xięstwu Litewskiemu. |

W szufladzie pod Literą A. Liczbą Tertia |

17. Przywiley pod Literą A: list Strony Panow Litewskich na Vnią dany |

18. Przywiley pod literą B: potwierdzenie Praw danych W(ielkiego) X(ięstw)*a* L(i)tt(ewskieg)*o*[13] od Krola Zygmunta | pierwszego |

W szkatule pod Literą A. Liczbą 4tor[14]|

19. Przywiley pod Literą A. w ktorym potwierdzenie wszytkich praw y Wolnosci W(ielkieg)*o* X(ięstw)*a* Litt(ewskieg)*o*przez| Krola Augusta. |

20. Przywiley pod Literą B: Deklaratia artykulow …[15] Strony Vniey uczynionych |

21. Przywiley pod Literą C: albo list na Vnią od Krola Augusta |

22. Przywiley pod Literą D: potwierdzenie wolnosci W(ielkiego):X(ięstwa): Litt(ewskiego): od Krola Alexandra.|

23. Przywiley pod literą E: W ktorym Zygmunta Trzeciego przysięga X(ięstwu): Litewskiemu na | wszytkie Wolnosci poniewaź na Electiey iego nie byli.|

24. List na Papierze pod Literą F: na stwierdzenie pokoiu z Moskwą na lat pietnascie od Krola Zygmonta |

25. Przywiley pod Literą G: na Drukowanie Statutu W(ielkieg)*o* X(ięstw)*a* Litt(ewskieg)*o* Panu Sapiezie dany. |

26. Pod literą H: Extract z Listu Stanow Koronnych na Vnią. |

---

[12] *Так у дакуменце, трэба чытаць* Iagieło.

[13] *Так у дакуменце, трэба чытаць* W(ielkiemu) X(ięstw)*u* L(i)tt(ewskieg)*mu*.

[14] *Так у дакуменце.*

[15] *Неразборліва адна літара, верагодна,* z.

27. Przywiley pod Literą I: w ktorym Zygmont pierwszy Wolną Electią swoię oznaymuie y…|wa[16] y prawa takze Wolnosci W(ielkieg)*o* X(ięstwa) Litt(ewskiego) potwierdza. |

28. Przywiley pod Literą K: w ktorym Zygmont pierwszy potwierdza prawa y wolnosci X(ięstwa) | Litewskiego od Iagielona Alexandra Witolda Xiąząt Litewskich nadane. |

W szkatule pod literą A. liczbą 5to Ruskie |

29. Przymierny list pod Literą A. Kniazia Moskiewskiego z Zygmontem Augustem do | dwu Lat. |

30. Przywiley pod Literą B: na Sądy Powiatowe |

31. Przymierny list pod literą C. Krolewicza Kazimirza ze Pskowiany |

32. Przymierny list pod literą E[17]: Kniazia Moskiewskiego Iwana z Zygmontem Augustem do pię[ciu lat][18]|

33. Pod literą F: Symeon Xiąze Drucki zapisuie się Krolowi Polskiemu Iagielanowi | ze po Witoldzie inszego Pana nad niego miac niema. |

34. Pod literą. G. List Dimitra Worotynskiego zapisuiącego się z Zamkiem Kozielskim [słu]|zẙc[19] Kazimierzowi Iagielonowiczowi.|

35. Pod literą H. list od boiar dumnych Moskiewskich strony Esstoniey |

36. Pod literą I: Altarz …[20] od Mikołaia Papierza Krolowi Kazimierzowi Iagielonowiczowi |

Pod Literą K ||*[4]*

37. Pod literą K od Grzegorza Papierza breue z Consilium Bazyleyskiego od Władysława | Iagielona. |

38. Pod literą L. od tegoz Papierza tomuz Krolowi breue na odpust zupelny przysmierci |

39. Pod literą M: list od Krola Władysława od Cara Moskiewskie(g)*o* o Smierci Caciley Renaty |

W szufladzie pod literą B: liczbą 1mu(s) |

40. Przywiley pierwszy pod literą A. w ktorym Kredens dwoch Senatorow Li|tewskich do dwoch Senatorow Polskich od Krola na Conciliu(m) przed Seymem | przyiezdzaiących |

41. Przywiley drugi pod literą B. w ktorym Extrakt Vniey z Polską W(ielkieg)*o* X(ięstw)*a* L(i)tt(ewskiego).|

---

[16] *Неразборліва каля 3 літар, магчыма, паўтор слова* pra|wa.

[17] *Так у дакуменце, дакумент пад літарай* D *не ўказаны (прапушчаны?).*

[18] *Далей тэкст не праглядаецца — сыходзіць у месца развароту сшытка, каля 6 літар узноўлена па сэнсу.*

[19] *Тэкст не праглядаецца — сыходзіць у месца развароту сшытка, каля 3 літар узноўлена па сэнсу.*

[20] *Неразборліва каля 9 літар, верагодна,* pertutile.

42. Przywiley Trzeci pod literą C. w ktorym Senatorowie Polscy przypuszczaią do herbow Senatorow Litewskich |

43. Przywiley Czwarty pod literą D: na papirze[21] w ktorym umowa Senatorow Polskich |z Litewskimi o rozgraniczeniu Inflant. |

44. Przywieley Piąty pod literą E: w ktorym plenipotentia Alexandra X(ięcia). L(itewskiego). dana Posłom |

45. Przywiley szosty pod literą F: w ktorym Zygmont pierwszy nadaie Szlachcie Litew|skiey wolnosci w dobrach ich dziedzicznych naksztalt szlachty Polskiey |

46. Przywiley Siodmy pod literą. G: w ktorym Krol Zygmont Trzeci potwierdza postanowio|ny posah od Stephana Krola Krolowey Annie |

W szufladzie pod literą B. liczbą 2do|

Wszytkie Przywileie Ruskie ktorych przeczytac nie mozno |

W szufladzie pod literą B. liczbą 3tio |

47. Przywiley pierwszy pod literą A. w ktorym potwierdzenie praw PP(anom) Litewskim od Krola | Augusta. |

48. Przywiley wtory. pod literą B. to iest list Panow Koronnych na Seymie Lubelskim na Vnią dany. |

49. Przywiley Trzeci pod literą C. w ktorym Compromis Krola Augusta na potwier|dzenie wszytkich praw y wolnosci W(ielkiemu) X(ięstwu) Litewskiemu. |

W szufladzie Pod literą B. liczbą 4to |

50. Przywiley pierwszy Władysława Iagiellona Zygmuntowi Bratu na Wilno y Inne Litew|skie Miasta Sam tylko sobie tytuł Supremi Principis Lituaniae Za|chowuiąc y po iego Smierci ad filios Suos Vladysłaum et Cazimiru(m) | Eundem Ducatum Excepiendo na ktorym iest Litera A. |

51. Przywiley drugi pod literą B: w ktorym posłowie z Litwy na Piotrkowskim Seymie | na Electią Alexandra Krola Wysłani unią Vmawiaią |

W szufladzie pod literą B: liczbą 5to|

52. Przywiley pod literą A w ktorym Electia Krola Alexandra w Piotrkowie przy Po|słach W(ielkieg)*o* X(ięstw)*a* L(i)tt(ewskieg)*o*|

53. Przywiley pod literą B: Krola Augusta Stanowienie Vniey |

54. Przywiley pod literą C Krola Kazimierza Iagielona Syna na prawa W(ielkiemu) X(ięstwu) Litewskiemu[22]||*[5]*

55. Przywiley pod Literą D. W ktorym Krol Stefan waruie posag Zenie Swey Annie |

[21] *Так у дакуменце, трэба чытаць* papierze.

[22] *Слабакантрасна.*

W szufladzie pod literą C liczbą 1mum |

56. Przywiley pod literą A w ktorym Krol August ratificuie Vmowioną unią na Ziezdzie | Parczowskim |

57. Przywiley pod literą B. w ktorym Zygmont Xięstwa Litewskie(g)*o* Z Senatorami Polskiemi | ligę bierze przeciwko X(ię)ciu Swidrygiełowi w młodosci Władysława Iagie|lonowego Syna. |

58. Przywiley pod literą C. gdzie deputaci Polscy na ziezdzie z Deputatami Litewskie|mi zgadzaią się o rownym wydzieleniu Inflant |

59. Przywiley pod literą D. w ktorym rozni Panowie Polscy przyimuią roznych do | herbu Panow Litewskich |

60. Pakta pod literą E. w ktorym zawieraią się miedzy Władysławem Iagielonym y Zy|gmontem Bratem Xiązeciem Litewskim iakimi Sposobami Litwa do Po|lski nalezyc ma. |

W szufladzie pod literą C: liczbą 2do |

61. Przywiley pierwszy pod literą A. Krola Zygmonta pierwszego w ktorym dla obrania Zy|gmonta Augusta Syna za X(ię)cia Litewskiego wszytkie przywileie y Wolnosci | W(ielkiemu) Xięstwu Litewskiemu Confirmuie y approbuie.|

62. Przywiley Drugi pod literą B. intytułowany Extrakt Przywileiu Krola Augusta na Vnią |

63. Przywiley Trzeci pod literą C. krola Władysława Iagielonowicza w ktorym potwierdza | …[23] Swego Iagielona zawarł przymierza z Zygmontem Stryiem X(ięciem) Litewskim.|

64. Przywiley Czwarty pod literą D. w ktorym Zygmont pierwszy potwierdza Litewskie…[24]| Wolnosci wszytkie ktore mieli ich Antecessorowie. |

65. Oblig pod literą E. Władysława Iagielona Krola dany Alexandrowi Witoldowi | na pientsed Rublow. |

66. Przywiley pod Literą G[25]: w ktorym Krol Władysław za Consensem Zygmonta | X(ię)cia L(itewski)ego Kosciołom nadane y Szlachcie Wiary Katholickiey rozne Wolnosci |

67. Przywiley pod literą H. W ktorym wolnosci nadaie Krol Iagieło tym ktore y z Po|ganstwa wiarę Chrzescianską przyimowali |

W szkatule pod Literą C liczbą 3tio |

68. Przywiley pod literą A. Konfirmatia Krola Stephana praw wszytkich W(ielkieg)*o* X(ięstw)*a* Litt(ewskiego) |

69. Przywiley pod literą B: tegoz Krola y Anny zony iego na prawa temuz Xięstwu |

[23] *Неразборліва каля 4 літар, тры апошнія …*ydz.

[24] *Слабакантрасна каля 2 літар, магчыма,* Litewskiemu.

[25] *Так у дакуменце, дакумент пад літарай* F *не ўказаны (прапушчаны?).*

70. Przywiley pod literą C. w ktorym Zygmąt pierszy synowi Augustowi zleca urzędy Litewskie | w Brzesciu |

71. Przywiley pod literą D. w ktorym Zygmąt Synowi Augustowi spuszcza urzędy W(ielkieg)*o* X(ięstw)*a* Litt(ewskiego) Ca…[26]|

72. Przywiley pod literą E: w ktorym stany Litewskie daią plenipotentią swoim Traktowa|nia na Seym o Vniey. |

Przywiley pod Literą F.[27]||*[6]*

73. Pryzwiley pod literą F. w ktorym Krol Zygmont przy Electiey Augusta Syna za X(ięcia) [Litewskiego] | potwierdza prawa roznym osobom partykularnym wlosci nadaie. |

74. Przywiley pod literą G: w ktorym się iednoczy Wladysłław Iagielo z Zygmontem | Bratem X(ięciem) L(itewskim). przeciwko wszelkim nieprzyiaciołom |

W szufladzie pod literą C. Liczbą 4to |

75. Sama Xięga Axamitna ze Srebrną puszką Grubą y z przykrywatkiem w tey | Xiędze wszytkie przywileie W(ielkieg)*o*X(ięstw)*a* L(i)tt(ewskieg)*o* ktore in particulari są, zawiera|ią się Generalnie od Krola Augusta. |

W szufladzie pod literą C: liczbą 5to |

Same tylko przywileie Ruskie ktorych przeczytac nie mozno.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 06.06.2015

[26] *Неразборліва каля 3 літар.*
[27] *На ніжнім полі справа.*

З. В. Антановіч,
дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта БДУ,
кандыдат гістарычных навук;
e-mail: zinantonowicz@gmail.com

ІНВЕНТАР ЛАЗАВІЦКАГА РЫМСКА-КАТАЛІЦКАГА КАСЦЁЛА ЗА 1864 г.

У архіўных установах Беларусі на дадзеным этапе захоўваецца значны аб’ём матэрыялаў дзейнасці рымска-каталіцкай царквы. Найбольшым попытам даследчыкаў карыстаюцца інвентары і візіты кляштараў і касцёлаў, якія рознабакова характарызуюць стан маёмасцей каталіцкага духавенства і колькасць святароў. Азначаныя віды дакументаў адносяцца да спецыяльнай справаводнай дакументацыі рымска-каталіцкіх кансісторый, з якіх дзве — Магілёўская і Мінская, на чале з арцыбіскупам і біскупам адпаведна ажыццяўлялі адміністрацыйна-тэрытарыяльнае кіраўніцтва і духоўны суд на тэрыторыі, у тым ліку беларускіх губерняў Расійскай імперыі. Пры гэтым адным з напрамкаў дзейнасці царквы з’яўляўся фінансава-маёмасны ўлік, які праводзіўся шляхам інвентарызацыі або люстрацыі маёмасці, што набывала пераважна планавы характар згодна са структурным будаўніцтвам канфесіі і цэнтралізаванасцю сістэмы яе кіравання. У выніку яе правядзення ствараліся два віды дакументаў: інвентары і візіты. Галоўным адрозненнем паміж інвентарамі і візітамі вылучаецца акцэнтаванне ў першых — фінансава-маёмаснага стану кляштара або касцёла, а ў другіх — пастырскай дзейнасці святароў. Візіты падзяляюць на генеральныя (належалі кампетэнцыі візітатара) і пастырскія (дэканскія). Рэвізіі ў межах дэканатаў праводзіліся пробашчамі або дэканамі, хаця афіцыйна пастырская візіта ўваходзіла ў сферу кампетэнцыі біскупа, які праводзіў падчас яе абрад бежмавання. Яны адбываліся штогод цалкам або часткова па касцёлах дэканатаў, прычым пэўны прыход наведваўся біскупам не менш як адзін раз у пяць гадоў. Вынікі люстрацыі фарміраваліся ў асобныя справы аднаго касцёла або па дэканатах. Пры гэтым непасрэдна інвентары сустракаюцца радзей за візіты.

Нягледзячы на тое што азначаныя комплексы дакументаў запатрабаваны гісторыкамі, мастацтвазнаўцамі і даследчыкамі шэрагу спецыяльных гістарычных дысцыплін [2; 3; 9; 10], пераважна па-за іх увагай застаюцца справы аб рамонце, ліквідацыі касцёлаў і капліц, а яшчэ менш запатрабаванымі — справы аб перамяшчэннях святароў. Гэта звязана, у першую чаргу, з адсутнасцю тэматычнай распрацоўкі гэтых спраў для вылучэння і апісання ў іх складзе каштоўных відаў дакументаў, што садзейнічала б паспяховасці зваротаў карыстальнікаў да рэтраспектыўнай дакументнай інфармацыі.

Пераважна пры перамяшчэннях святароў складаліся вопісы маёмасцей, аднак, зыходзячы з мэты складання і структуры, інвентары з’яўляліся таксама прываблівым відам дакументаў для афармлення прыёму-перадачы маёмасцей прадстаўніцтваў царквы паміж духавенствам. У сярэднім яго асабісты склад змяняўся кожныя 6—7 год да паўстанняў 1830-х гг. і асабліва — 1863—

1864 гг., калі ратацыя адбылася ў выніку арыштаў і высылкі святароў амаль на $^{1}/_{3}$ [1]. Гэта таксама закранула Лазавіцкі касцёл Клімавіцка-Мсціслаўскага дэканата. Гэты касцёл быў пабудаваны з дрэва на каменным фундаменце ў 1752 г. на сродкі палкоўніка польскіх войск М. Кіркора. Парафія не вылучалася з іншых па колькасці прыхаджан, таму пры размеркаванні іх на класы ў 1844 г. была аднесена да 4-га (1030 прыхаджан і 275 руб. штогадовага ўтрымання з Чэрыкаўскага казначэйства) [4, арк. 177 адв.]. У 1854 г. з'яўляюцца звесткі аб прыналежных капліцах у м. Хацімск, фальв. Янава, маёнт. Забялышына і в. Свірэль, а колькасць прыхаджан за 10 год павялічылася да 1099. Пры гэтым у 1846 г. скончыўся разбор прыхаджан з праваслаўным духавенствам, што дазваляе меркаваць аб большым складзе парафіі ў прамежкавы перыяд. Акрамя таго, паводле пададзеных звестак у архіве Магілёўскай кансісторыі захоўвалася справа аб яго пабудове [6, арк. 28 адв.—29]. Нягледзячы на пэўнае развіццё парафіі, спробы пабудаваць каменны касцёл скончыліся няўдала. Найбольшы ўнёсак у яго падтрыманне належыць ксяндзу Францішку Луба (нар. каля 1818 г., шляхецкага паходжання), які атрымаў адукацыю ў Драгічынскім вучылішчы і Беластоцкай гімназіі. Пасля заканчэння апошняй у 1839 г. навучаўся ў Віленскай дыяцэзіяльнай семінарыі, а затым — духоўнай акадэміі ў Санкт-Пецярбургу. У 1846 г. заняў пасады настаўніка Закону Божага ў Магілёўскай губернскай гімназіі, павятовым вучылішчы і двух дзявочых пансіёнах, а таксама ў прытулку [7, арк. 60—61; 8, арк. 87—88]. З 1849 г. Ф. Луба стаў пробашчам Лазавіцкага касцёла. Сваю дзейнасць ён пачаў з прашэння да мітрапаліта І. Галавінскага аб перабудове касцёла, аднак дазволена было толькі яго адрамантаваць у 1852 г. У наступныя гады быў адрамантаваны і пафарбаваны фундамент і сцены, зроблены драўляныя амбон, два канфесіяналы і восем лаў, перароблены арган. Перабудова касцёла скончылася ў 1854 г., калі ён быў асвечаны мясцовым дэканам Феліксам Іваноўскім [5, арк. 23—24]. У наступным годзе, у тым ліку дзякуючы поспехам у кіраўніцтве касцёлам, Ф. Луба стаў клімавіцка-мсціслаўскім дэканам, а з прызначэннем у Талачынскі касцёл у 1860 г. заняў месца магілёва-капыскага, дзе пад яго кіраўніцтвам адбыўся шэраг адміністрацыйна-тэрытарыяльных рэарганізацый [6, арк. 10—13, 24 адв.—25, 50—58; 7, арк. 60—61; 8, арк. 87—88]. Пасаду Ф. Луба ў Лазавіцкім касцёле ў 1860-я гг. займаў Юзаф Тамашэўскі (нар. каля 1820 г., шляхецкага паходжання), лёс якога таксама склаўся цікава. Ён атрымаў адукацыю ў Трашкунскім дваранскім вучылішчы, Віленскай і Магілёўскай рымска-каталіцкіх семінарыях. Рукапакладзены ў 1844 г. і прызначаны вікарыем Аршанскага касцёла. У 1845 г. Ю. Тамашэўскі стаў настаўнікам лацінскай мовы ў Аршанскім дваранскім вучылішчы, адкуль перамешчаны на пасаду пробашча Севастопальскага ваеннага касцёла і капелана Чарнаморскага флоту. У 1854 г. пры аблозе Севастопаля атрымаў агнястрэльнае раненне галавы і быў кантужаны. Па стане здароўя да 1858 г. пражываў у г. Арол, а затым быў прызначаны ў Санкт-Пецярбургскі касцёл св. Кацярыны. У 1860 г. заняў пасаду эканома рымска-каталіцкай акадэміі, адкуль быў

перамешчаны ў Лазавіцкі касцёл [7, арк. 204—215; 8, арк. 143—146]. Тут ён працаваў падчас паўстання 1863—1864 гг. Таму менавіта Ф. Луба было даручана кантраляваць прыём-перадачу касцёла. Справа супраць Ю. Тамашэўскага была ініцыіравана ў студзені 1864 г., калі Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторыяй з канцылярыі галоўнага кіраўніка Магілёўскай губерні М. М. Мураўёва было атрымана паведамленне, што згаданы святар, які займаў пасаду пробашча Лазавіцкага касцёла, быў прызнаны палітычна нядобранадзейным і «заўважаны ў варожых дзеяннях супраць праваслаўнай царквы», за што з яго належала спагнаць 100 руб. [5, арк. 1—1 адв.]. Гэта было распаўсюджанае абвінавачанне ў дачыненні рымска-каталіцкага святарства, якое каралася спагнаннем, высылкай у аддаленыя рэгіёны Расійскай імперыі і пазбаўленнем правоў ажыццяўлення душпастырскай дзейнасці. У дачыненні Ю. Тамашэўскага дзяржаўныя ўлады першапачаткова абмежаваліся спагнаннем. Яго планавалася перамясціць на пасаду вікарыя Мсціслаўскага касцёла, аднак у хуткім часе кіраўніцтвам губерні было прынята рашэнне таксама аб яго высылцы ў Пермскую губерню пад надзор паліцыі [5, арк. 6—7 адв.]. Цікавая рэакцыя святара на абвінавачанні. У сваім рапарце ў кансісторыю Ю. Тамашэўскі сведчыў сваю нявіннасць і абвінавачваў ваеннага кіраўніка Клімавіцкага пав. Батурына ў тым, што апошні помсціў асабіста святару. Нягледзячы на гэта, ён цалкам прымаў пакаранне і, улічваючы, што высылаўся без пазбаўлення правоў на правядзенне набажэнтва, Ю. Тамашэўскі прасіў дазвалення ўзяць з сабой адзін прыбор для літургіі з касцёла пад распіску ў сувязі з тым, што ў месцах высылкі адсутнічаюць магчымасці для правядзення набажэнстваў [5, арк. 9].

Пасля паведамлення Магілёўскай кансісторыі рашэння дзяржаўных улад клімавіцка-мсціслаўскаму дэкану Марціну Гарлеўскаму было прадпісана Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторыяй абавязаць перамяшчаемага святара скласці інвентар касцёла на падставе храналагічна апошняга і адлюстраваць у ім усе адбыўшыеся змены ў маёмасці касцёла [5, арк. 3, 7 адв.]. На месца Ю. Тамашэўскага адміністратарам быў прызначаны малады святар Ян Даўгяла. Ён паходзіў са шляхецкай сям'і (нар. каля 1831 г.). З 1847 г. навучаўся ў Расіенскім павятовым 5-класным вучылішчы Ковенскай губ., а ў 1852 г. паступіў у мінскую рымска-каталіцкую семінарыю. Пасля рукапалажэння ў 1857 г. прызначаны вікарыем Магілёўскага архікатэдральнага касцёла, у 1860 г. перамешчаны ў Чачэрскі касцёл, а ў 1861 г. — Мсціслаўскі [7, арк. 58—59; 8, арк. 159—160]. Менавіта ім была пастаўлена пад сумніў дакладнасць вядзення фінансавай праваздачнасці папярэднікам. Так, Я. Даўгяла настойваў, што М. Гарноўскай было адпісана на карысць касцёла 200 руб., а не 50, як сведчыў Ю. Тамашэўскі [5, арк. 12]. Высвятленне абставін і прыняцце рашэння было таксама ўскладзена на дэкана М. Гарлеўскага (нар. каля 1820 г., шляхецкага паходжання), хаця звычайна падобныя пытанні разглядаліся кансісторыяй [5, арк. 18—18 адв.]. Гэта было абумоўлена, па-першае, неабходнасцю хуткага выканання прадпісанняў органаў дзяржаўнай улады аб высылцы святара, а па-другое, ква-

ліфікаванасцю дэкана. Так, ён узначаліў дэканат з 1860 г. Навучаўся ў Гродзенскай губернскай гімназіі і Мінскай рымска-каталіцкай семінарыі, пасля заканчэння якой у 1845 г. паступіў у Санкт-Пецярбургскую акадэмію, дзе атрымаў званне кандыдата св. багаслоўя. У 1849 г. рукапакладзены з прызначэннем настаўнікам лацінскай і нямецкай моў пры Сестранцэвіцкім вучылішчы. У 1853 г. заняў месца настаўніка Закону Божага ў будаўнічым кадэцкім корпусе, адкуль быў пераведзены ў 1854 г. на аналагічную пасаду ў Мсціслаўскае дваранскае вучылішча і з 1855 г. М. Гарлеўскі прызначаны адміністратарам мясцовага касцёла [8, арк. 147—148]. Ім, на падставе прадстаўленых звестак, было высветлена, што не маючы даходу ад агарода, Ю. Тамашэўскі з атрыманых грошай аплаціў 1% урадавага збору (25 руб. 25 кап.), аб чым прадставіў адпаведны квіток, а таксама аплаціў выраб драўляных свечак на пружынах (24 руб.). З уласных даходаў ксяндзом было выдзелена 100 руб. у бягучым годзе на тры брамы па 20 руб. кожная [5, арк. 12—12 адв.]. Для прыпынення далейшых прэтэнзій дэканам было вырашана таксама дадаць да інвентару найбольш значныя дакументы: пасведчанне клімавіцка-мсціслаўскага дэкана Ф. Іваноўскага аб асвячэнні адрамантаванага Лазавіцкага касцёла ад 15 снежня 1854 г., а таксама суправаджальны ліст і копію рашэння Клімавіцкага павятовага суда ад 13 студзеня 1855 г. аб звароце касцёлу зямлі, занятай памешчыкам Балашовым ад 2 ліпеня 1856 г. [5, арк. 29—30].

Інвентар быў падрыхтаваны ў кастрычніку 1864 г. У мэтах аптымізацыі тэрмінаў ён афармлены на паперы без філіграней. Дакладнасць завяралася адбіткам пячаткі дэкана ў правым верхнім кутку аркушаў. У адпаведнасці з нарматыўнымі актамі Расійскай імперыі інвентар Лазавіцкага касцёла складзены на рускай мове са значнай колькасцю паланізмаў пры апісанні гаспадаркі і лацінізмаў у дачыненні літургічных прадметаў. Структура разглядаемага дакумента традыцыйна падзяляецца на тры часткі (уводная, асноўная і заключная). Пры гэтым маюцца пэўныя асаблівасці, абумоўленыя мэтамі складання і складальнікамі. Так, уводная частка абмежавана толькі звесткамі пра час яго складання, а месца знаходжання і кароткая гісторыя касцёла выкладзена ў першым раздзеле асноўнай часткі — «Касцёл». Тут жа акцэнтаваны шляхам нумарацыі кожнай паасобку змены, якія адбыліся пад кіраўніцтвам Ф. Луба, што падкрэслівае выдзяленне складальнікам інвентару яго асабістай ролі ў дзейнасці касцёла і нехарактэрна для звычайных інвентароў і візіт. Далей прадстаўлены ў выглядзе табліц пералікі кніг, штучных кветак, арнатаў, бялізны, дываноў, срэбра і золата, харугваў і катафала, якія знаходзіліся ў касцёле. Кожная з табліц складалася з трох граф, дзе пералічваліся нумар па парадку, найменне прадмета і колькасць. У адрозненне ад традыцыйных інвентароў адсутнічае пазначэнне колькасці алтароў у касцёле, а таксама апісанне прэзбітэрыума (хору). У трэцім раздзеле характарызуюцца гаспадарчыя пабудовы (будынкі плябані, прыналежных зямель, багадзельні і могілкі). Пры гэтым адзначана іх трухлявасць і адсутнасць фундушоў на ўтрыманне.

Падставай для чацвёртага раздзела, паводле пазначэння складальніка, выступіў інвентар 1849 г., на падставе якога прымаў рэчы Ф. Луба. Ён таксама складзены ў выглядзе аналагічных табліц: адзенне святара, бялізна, бляха, жалеза, драўляныя рэчы, шкло. Каштоўныя рэчы са срэбра, волава, медзі і бронзы апісаны ў больш падрабязных табліцах, уключаючы іх пробу, вагу ў фунтах і лоты. Імі карысталіся святары падчас набажэнстваў. Апісанне зроблена дэталізавана для адрознення кожнай з рэчаў. Усяго пазначана 324 прадметы, з якіх 129 (40%) належалі да каштоўных. Звесткі пра парафію, вылучаныя ў пяты раздзел, уключаюць памежныя парафіі, чатыры капліцы і матэрыял, з якога яны пабудаваны, наяўнасць іх фінансавага забеспячэння і колькасць прыхаджан (925 чалавек). У бібліятэцы (шосты раздзел) захоўваліся старажытныя кнігі на розных мовах у неразабраным выглядзе (80), а таксама архіў касцёла. Літаратура не апісана, а сярод архіўных дакументаў пазначаны без указання колькасці метрычныя кнігі аб народжаных (з 1768 г.), шлюбаваных (з 1770 г.) і памерлых (з 1764 г.) амаль з моманту заснавання касцёла, а таксама спісы прыхаджан. Па адной кнізе было з указамі, відавочна, Магілёўскай кансісторыі, а таксама ўліку добраахвотных ахвяраванняў прыхаджан. Тут таксама пазначана колькасць царкоўных кніг, якія не трапілі ў папярэдні пералік. Далей пазначаны званы, апісанне якіх традыцыйна змяшчаецца ў першым раздзеле, а таксама жывёла і хатнія птушкі, якія звычайна адлюстроўваюцца пры апісанні гаспадаркі. Рэчы плябані складаюць сёмы раздзел. Да іх ліку таксама складальнікам аднесены гумно, кацялок для таплення воску, казённая і касцёльная пячаткі. У заўвагах пазначаны струхлеўшыя з 1849 г. рэчы, а таксама адсутныя жывёлы.

Да інвентаруададзены распіска ў перадачы і прыманні касцёла ад 16 кастрычніка 1864 г., а таксама два завяральныя запісы. Першы з іх быў з пазначэннем колькасці аркушаў (восем) і завярэннем пячаткай дэкана, а другі — са спасылкай на ўказ Магілёўскай кансісторыі аб перадачы маёмасцей касцёла Я. Даўгяла і замацаванне подпісам дэкана факта перадачы.

Такім чынам, уласцівасці інвентару Лазавіцкага касцёла звязаны ў першую чаргу з абставінамі яго складання і незапланаванасцю рэвізіі, што абмяжоўвала складальніка ў тэрмінах. Так, мэтай інвентарызацыі было не рэвізаванне фінансава-маёмаснага стану прадстаўніцтва каталіцкай царквы, а перадача адказнасці за яго ад аднаго святара іншаму. Таму дадзены інвентар складзены святаром касцёла, а не ўпаўнаважанай асобай з ліку вышэйшага кліру. Пры гэтым кантроль правільнасці афармлення і дакладнасці пададзеных звестак ускладаліся на дэкана. Сярод знешніх прыкмет інвентару Лазавіцкага касцёла вылучаецца завярэнне паперы толькі адбіткам пячаткі дэкана. Непасрэдна ў структуры інвентару можна вылучыць некалькі ўласцівасцей. Так, у параўнанні з традыцыйнымі тут скарочаны ўводзіны. У асноўнай частцы прадстаўляецца магчымасць прасачыць змены ў маёмасным стане касцёла на працягу 20 год. Пры гэтым акцэнтуецца роля Ф. Луба ў яго развіцці. Акрамя таго, адсутнічае апісанне алтароў і хору, хаця ў касцёле меўся арган, а таксама фундушоў з-за іх

адсутнасці. Цікава, што парушана структура асноўнай часткі: разарваны звесткі аб гаспадарчых пабудовах (трэці раздзел) і непасрэдна гаспадарцы (пасля шостага раздзела), апісанне плябані (трэці раздзел) і рэчаў у ёй (сёмы раздзел). У заключнай частцы маюцца два завяральныя запісы і распіска новапрызначанага святара аб наяўнасці ўсіх пазначаных у інвентары рэчаў, што набліжае азначаны дакумент да акта прыёму-перадачы маёмасці. Таму інвентар Лазавіцкага касцёла цалкам дазваляе характарызаваць яго складаны фінансава-маёмасны стан і адлюстроўвае бясспрэчную каштоўнасць гэтага віду крыніц для шырокага кола даследчыкаў, нягледзячы на складанасці іх выяўлення.

Тэкст перадаецца па сучасных правілах арфаграфіі з захаваннем сінтаксічных, стылістычных і моўных асаблівасцей, а таксама структуры арыгіналу. Скарочаныя словы раскрываюцца ў квадратных дужках.

Інвентар Лазавіцкага рымска-каталіцкага касцёла, 1864 г. [5, арк. 23—29][*]

[Арк. 23] Инвентарь Лозовицкого римско-католического приходского костела равно плебании и принадлежащих к оному строений составлен 1864 года[**].

<u>Костел</u>[***]

Лозовицкий римско-католический приходской костел состоит в местечке Лозовице Могилевской губернии Климовицкого уезда, деревянный в 1752 году построенный полковником войск польских Киркором[****] на каменном фундаменте. Костел сей был поддержан в 1828 году заботливостью и издержками г[оспод] Станислава и Регины Комар, бывших предводителей дворянства Климовицкого уезда. Но после сего костел сей вновь пришел к ветхости, о чем было настоятелем ксендзом Лубо[*****] доносимо епархиальному начальству ныне покойному митрополиту Головинскому[******]. В следствие того, вместо предполагаемой настоятелем кс[ендзом] Лубо постройки нового каменного костела,

[*] Дакумент напісаны на белай паперы без філіграней, заверанай адбіткам пячаткі дэкана ў левым верхнім кутку аркушаў. У правай ніжняй чвэрці апошняга аркуша (арк. 30) змешчана сургучная пячатка дэкана чырвонага колеру, якой замацаваны белыя шнуры, сшываючыя аркушы дакумента. Дзве кроплі сургуча дыяметрам 0,8 і 0,6 см паслядоўна змешчаны на адвароце апошняга аркуша пад вуглом каля 30° у бок яго левай верхняй часткі ад сярэдзіны пячаткі. Справа пранумаравана валавым парадкам у верхнім правым кутку аркушаў, для замацавання пагінацыі выкарыстана напісанне ў цэнтры аркушаў фрагментаў (па дзве—тры літары) пасады і рангу асобы, адказнай за фарміраванне справы — загадчыка стала губернскага сакратара У. Елісевіча. Палі па 1—2 мм з усіх бакоў адзначаны простымі рыскамі атрамантам, аналагічным дакументу. Напісаны цёмна-карычневым атрамантам, адным почыркам на рускай мове.

[**] Аддзелена ад наступнага тэксту гарызантальнай рыскай.

[***] Тут і далей — падкрэслена ў тэксце дакумента тым жа атрамантам.

[****] Маецца на ўвазе М. Кіркор.

[*****] Тут і далей маецца на ўвазе былы пробашч касцёла Ф. Луба.

[******] Тут і далей маецца на ўвазе Магілёўскі арцыбіскуп, мітрапаліт Ігнаці Галавінскі.

при обстоятельствах тогдашних проект несостоялся, и митрополит Головинский при всех усилиях не успел испросить разрешения для построения нового каменного костела, но лишь только исходатайствовал починку оного, которая и последовала на основании высочайшагоповеления изъясненного в отношении к его высокопреосвященству г[осподина] министра внутренних дел от 24 октября 1852 года за № 2599. За сим же дозволением при пособии 500 рублей серебром из ремонтного капитала при помощи бывшего предводителя Климовицкого уезда помещика Александра Голынского, равно же помещицы того уезда Марьи Горновской и многих других лиц, костел во все упадающий приведен в следующее положение, а именно:

1. В 1853 и 1854 годах весь костел был подважен[*] и дан под ним равно и всем строением каменный фундамент
2. Стены костела взяты в клямры[**] железные
3[е].[***] Внутри и снаружи обшит шалевкой[****], которая так снаружи [Арк. 23 адв.], как и внутри покрыта маслинной краской[*****], т. е. снаружи под серый цвет, а внутри под белый, блейвасовой краской[******], исо шпаклевкой[*******]
4. Покрыт с берестою гонтом[********] и выкрашен олейной краской под цвет кирпичный, а в 1859 году в другой раз для прочности перекрашен издержками настоятеля кс[ендза] Лубо
5. Сделан новый амбон[*********] из ольхового дерева под политуру[**********]
6. Сделано 8 лавок и два конфессионала[***********] тоже с ольхового дерева, но покрыты лаком и вновь переделаны коштом настоятеля ксендза Лубо
7. Вновь переделан орган о трех мехах и десяти голосах органмейстером Иваном Богушевичем
8. В целом костеле дан новый пол на каменных штандарах[************] и выкрашен маслинной краской, а в 1859 году издержками настоятеля ксендза Лубо во второй раз перекрашен для прочности и чистоты

[*] Падважыць — прыпадняць.

[**] Клямра (дужка) — жалезная пласціна, якой замацоўваюцца жалезныя лісты падчас будаўніцтва.

[***] Так у тэксце.

[****] Шалёўка — тонкая дошка (не больш 1 см таўшчынёй), якая выкарыстоўвалася для абшыўкі будынка.

[*****] Маецца на ўвазе — масленая (алейная) фарба.

[******] Блейвасавая фарба (блейвейс) — свінцовыя бялілы.

[*******] Шпатлёўка (шпаклёўка) — пастападобная замазка, прыгатаваная на алеі або клеі.

[********] Гонт — кароткія тонкія дошкі для пакрыўкі дахаў.

[*********] Амбон — узвышэнне каля алтара ў касцёле для чытання Евангелля і прамовы казанняў.

[**********] Палітура — лак, які выкарыстоўваецца для паліравання прадметаў.

[***********] Канфесіянал — спавядальня ў касцёле.

[************] Штандара (штандар) — адна з дубовых свай, загнаных у зямлю пад зрубам замест падмурка.

9.	Цымбориум[*] на Великом престоле бывшее прежде крашено только простой краской, ныне сделано под мат золотом на белом тле[**], равно тоже и восемь реликвиар[***] отделаны в подобный способ заботливостью и издержками ксендза Лубо	
10.	Вокруг костела целого дана деревянная ограда в штахет[****] и выкрашена маслинной краской, а в 1859 году оная ограда заботливостью настоятеля кс[ендза] Лубо вновь перекрашена для прочности	
11.	Костел Лозовицкий после переделки, освящен был под прежним наименованием Пресвятой Троицы чрез Климовицко-Мстиславского декана Феликса Ивановского /utidelegatus[*****]/ в 1854 году месяца декабря 15° дня в присутствии духовенства и народа	
12.	Костел сей состоит в середине местечка Лозовицы. С фронта имеет он две башни с крестами и железными цепями. Сзади сего костела находится маленькая башня с крестом железным. Фасад Лозовицкого костела и вся наружность оного в ничем не изменилась, и потому имеет он длины 32½ арш[ина]. Ширины 17½ аршин. Иконы в костеле [Арк. 24] сем теже самые, но только к четырем иконам, а именно: к Пресвятой Богородице, к Распятию Иисуса Христа, к Св[ятому] Апостолу Фадею и к Св[ятому] Антонию, сделаны новые рамы под мат крытые золотом. Старые же рамы от Пресвятой Богородицы и Распятия приделаны к иконамСв[ятых] Петра и Павла, которые находятся на стене в презбитериум[******]	
	Книги	Штук
1.	Мшал[*******] новый один	1
2.	Мшал старый один	1
3.	Каноны[********] к трем престолам[*********] в чечетковых рамах за стеклом	9
	Цветы	
1.	Цветы сделаны из воска, в четырех больших вазонах[**********] из саксонской старинной порцеляны[***********], штук вместе с цветами	8
2.	Цветы в меньших двух вазонах с украшениями сделаны под чугун, всего вместе с цветами штук четыре	4

[*] Цымборыум — даразахавальніца.
[**] Маецца на ўвазе — аснове.
[***] Рэлiквіяр — гэта скрыня або іншы прадмет для захавання рэліквій.
[****] Штакет (штахет) — вузкія драўляныя планкі для агароджы.
[*****] «У якасці ўпаўнаважанага» (пераклад з лацін.).
[******] Прэзбітэрыум (лацін.) — прастора паміж нефам і алтаром.
[*******] Мшал (місал) — кніга з малітвамі і спевамі для правядзення набажэнстваў.
[********] Канон — збор палажэнняў нарматыўнага характару.
[*********] Прастол — галоўная прыналежнасць алтара хрысціянскага храма.
[**********] Вазон — гаршчок для кветак.
[***********] Парцэлян — фарфор.

3.	Цветы привезенные из Парижа помещицей Антониной Голынской в вазонах порцеляновых, всего с цветами четыре	4
4.	Тоже помещица Голынская пожертвовала подсвечников больших четыре накладного серебра	4
	Орнаты	
1.	Орнатов разного цвета штук пять	5
2.	Капа белого цвета материальная одна	1
	Белье	
1.	Альб[*] перкалевых[**] штук шесть	6
2.	Комж[***] перкалевых штук шесть	6
3.	Пурификаторов[****] изголландского полотна двенадцать	12
4.	Гумералов[*****] перкалевых штук шесть	6
5.	Корпораловиз полотна голландского штук шесть	6
6.	Тувальней[******] перкалевых, обшитых разными узорами шидельковой работы на канве, штук /шесть/[*******] семь	7[********]
	[Арк. 24 адв.] Ковры	
1	Ковров к ступеням алтарей штук три	3
2	Сукон к ступеням алтарей красных тонких три и одно старое. Всего штук четыре	4
	Серебро и золото	
1.	Чаш серебряных 12 пробы штук две	2
2.	Пушка[*********] серебряная вызолоченная одна	1
3.	Ампулок с подносом накладного серебра штук три	3
4.	Турибулюм[**********] с лодкой накладного серебра штук всего две	2
5.	Крест с деревом Св[ятого] Креста бронзовый позолоченный один	1
	Хоругвей[***********]	
1	Хоругвей голубых с шитьем на канве иконами шт[ук] две	2
	Катафал[************]	
1	Катафал о четырех ступенях выкрашенный один	

[*] Альба — доўгае белае літургічнае адзенне святара.
[**] Перкаль — шчыльная баваўняная тканіна.
[***] Комж — элемент адзення святара.
[****] Пурыфікатар — льняное палатно для выцірання келіха пасля еўхарыстыі.
[*****] Гумерал — элемент адзення святара ў выглядзе шырокай накідкі, якая цалкам пакрывае яго плечы і рукі да кісцей.
[******] Тувальня — рушнік.
[*******] У дужкі ўзяты, відавочна, памылковы варыянт.
[********] Выпраўлена з лічбы «6».
[*********] Пушка — келіх, які выкарыстоўваецца для захавання еўхарыстыі.
[**********] Турыбулум — кадзільніца.
[***********] Харугва — рэлігійны сцяг з выявай Ісуса Хрыста, Маці Божай і святых.
[************] Катафалк — узвышэнне пад балдахінам для труны.

Строение Плебаниальное

Плебаниальный жилой дом деревянный. В нем шесть комнат, вновь пристроенная прихожая, кладовая и сени — все ветхое. В комнатах находится четыре печи кирпичные, а по состоянию и долгому употреблению в топливе требует совершенной переделки. При них же имеются и вьюшки[*] двойные с дверцами из жести, все старое и негодное к употреблению, как равно и дверцы с вьюшками чугунные. Дверей на железных цепях с железными замками 9, окошек 11 и столько же двойных. Под жилым домом каменный погреб. Весь этот дом настоятелем кс[ендзом] Лубо был исправляем и переделан по возможности доступной по ветхости, и вновь покрытый дором[**] под железный гвоздь. Выходов из жилого дома два. По левой стороне от главного выхода находится ледник, покрытый дором под железный гвоздь. За ледником на черном дворе имеется официна[***] о трех комнатах с кладовой. В оной трое дверей с замками испорченными ныне на железных завесах[****] [Арк. 25] и имеет в себе 5 окошек с двойными рамами. За сею официною в соединении сделана кухня с плитой, которая находится без всякого употребления по случаю порчи. В ней одно окошко. Подле[*****] кухни следует комната, так называемая людская, с печкой простой, ныне вновь переделанной, с тремя окнами, дверь одна, весь флигель сей покрыт дором в лопаты, ныне требующим вовсе переделки. Возовня, гостиная конюшня, хлев для птиц и мелкого скота, коровник и конюшня на четырех испорченных уже стойлах; при них двери двойные на железных завесах и крюках. Фронтовые ворота сделаны на модель городской ивы, крашены маслинной краской на железных завесах и крюках, а ныне вовсе испортившихся по ветхости. Целый двор огорожен скобленной лемой[******] в шулы[*******]. Кроме сего, находится на правой стороне жилого дома вендлярня[********].

Примечание[*********]: все строение и ограда по ветхости и гнилости требует вновь переделки совершенной.

Угодья

Костел Лозовицкий не имеет никаких угодий, кроме четырех десятин земли, находящейся под усадьбою костела, плебании, экономических строений, богодельни и огородов. При этом ныне решением Климовицкого уездного суда 13º января 1855 года, возвращены сему костелу четыре десятины земли,

* В’юшка — засоўка, якая ўкладвалася ў печную трубу для спынення цягі паветра.
** Дор (драніца) — сколы прамаслойнага дрэва, якія выкарыстоўваліся для накрыцця даху.
*** Афіцына — працоўнае памяшканне.
**** На наступным аркушы слова «завясах» паўтараецца.
***** Маецца на ўвазе — каля кухні.
****** Лема — плот.
******* Шулы (шуллі) — слуп для плота.
******** Вендлярня — месца для вэнджання страў.
********* Падкрэслена хвалістай рыскай.

которые в месте из давних времен окопаны рвом с большой насыпью и кругом обсажены деревом и лозой.

Богодельня

Богодельня с двумя комнатами, с сенями и двумя кладовыми, равно с неоконченной третьей комнатой, построена на костельной земле, при которой имеется и маленький огород. В Богодельне помещается органист и одна старуха бедная. Впрочем, богодельня сия не имеет никаких обеспечений и фундушей.

Кладбище

Кладбище, не бывшее огороженным от своего существования и находящееся при самой дороге, не в дальнем расстоянии от местечка [Арк. 25 адв.], ныне огорожено в штахет самый лучший и выкрашено под цвет чугунный маслинной краской. Имеет двойные ворота на железных цепях и крюках. Все это было сделано заботливостью настоятеля ксендза Лубо, но в настоящее время по истечении десятилетнего существования во многих местах требуется переделка по гнилости дерева в шульях.

В Ризнице утварь костельная, принятая б[ывшим] настоятелем ксендзом Лубо по инвентарю значущемуся с 1º декабря 1849 года.

№		Штук
1.	Риза или орнат белый парчовый с принадлежностями разной материи зеленой китайкой[*] подшитый	1
2.	Орнатов белых одинаковой материи с серебряными галунами Московским китаем подшитых 3 ветхие, из коих сделан 1 и подшит белым полотном	1
3.	Орнат белый материальный в полосы и цветы белым китаем подшитый	1
4.	Орнат красный парчовый в паски[**] золотые с галуном шелковым	1
5.	Орнат гредитуровый в паски и цветы красный с колюмной[***] белой подшитый китайкой	1
6.	Орнат красный гредитуровый с колюмной белой подшитый желтой китайкой	1
7.	Орнат красный гредитуровый с колюмной белой подшитый желтым холстом	1
8.	Орнат с той же материи без прибора	1
9.	Орнат штофовый[****] голубой в цветы золотые китайкой красной подшитый	1
10.	Орнатов повседневных зеленых гредитуровых красным холстом подшитых	2

* Кітайка — шчыльная баваўняная тканіна, з якой шылі верхнюю вопратку.
** Паскі — палоскі.
*** Колюмна — калона.
**** Штоф — цяжкая шаўковая або ваўняная тканіна з тканым малюнкам.

11.	Орнат светло зеленый с колюмной белой красным холстом подшитый без прибора	1
12.	Орнат черный китайковый в полоски с колюмной белой желто-зеленой китайкой подшитый	1
13.	Стихоры[*] и дальмативы[**] галуном белым обложены	2
14.	Тоже дальмативы белые в цветы с галуном шелковым красным китаем подшитые	2
15.	[Арк. 26] Орнатов кофейнных в цветы серебряные с прибором	2
16.	Орнат белый без отличий ветхий	2
17.	Орнат атласовый в желтые фиолетовые полосы, подшитый шелковой старой материей в цветы маленькие галуном обложен	1
18.	Орнат с дымки черный белым галуном обложен ветхий	1
19.	Орнат полупарчевый с прибором ветхий	1
20.	Капа[***] белая в цветы серебряные, внизу обложена галуном шелковым, в верху обе полы с каймой узорчатой шитая[****], китаем красным подшита	1
21.	Капа гредитуровая розовая, подшита китаем небесным	1
22.	Капа гредитуровая шита цветами, обложена калителью белой, а вокруг галуном	1
23.	Капа траурная китайковая в полоски и цветы серебряные обложена капителью и подшита холстом черным <u>Примечание</u>[*****]: Все эти капы и два орнаты очень ветхие	1
24.	Эфод или заслонка к Св[ятым] Тайнам с материи шелковой белой в паски темные, и цифрой Иисуса Христа[******] имени с галуном шелковым	1
25.	Шаль в регисты светло-бледно-желтые около с обводкой фиолетовой	1
	<u>Белье</u>	
1.	Альб миткальных[*******] с кружевами широкими в разные цветы отделанных и разноцветным холстом подбитых	3
2.	Альба муслиновая с кружевами внизу китайкой старой кармазиновой[********] подшитая	1

[*] Сціхіра (сціхора) — зборнік літургічных спеваў на біблейскія матывы.
[**] Дальматыў — зборнік для музычнага суправаджэння набажэнства.
[***] Капа — адзенне святара, якое нагадвае плашч, накідку.
[****] Выпраўлена на літару «я».
[*****] Падкрэслена хвалістай рыскай.
[******] Маецца на ўвазе напісанне літар IHS (Iesus Hominum Salvator (Ісус, спасіцель чалавецтва — лацін.).
[*******] Міткаль — неапрацаваная тонкая баваўняная тканіна палатнянага пляцення.
[********] Кармазін — ярка-чырвоны колер тканіны.

3.	Альба холста швабского с кружевом внизу китайкой розовой подшита	1
4.	Альб холста ткацкого старых исправленных с кружевами внизу две и одна с красными наметками	3
5.	Корноралов[*] из холста голландского вовсе старых	8
6.	Корноралов из холста швабского старых и негодных к употреблению по ветхости	7
7.	Субкорноралов из голландского холста, также ветхих	4
8.	Пурификаторей[**] с разного холста новых и старых 60 из коих в остатке годных к употреблению 38 штук	38
9.	[Арк. 26 адв.] Комжробковых с кружевами белых	1
10.	Комжа холста голландского с белым кружевом	1
11.	В разных цветах холстяных покрывал на престол	6
12.	Тувальни[***] голландских с кружевами две	2
13.	Тувальни из голландского полотна с дорожками и шелковыми галунами	5
14.	Полотен или скатертей простого холста к застиланию под тувальни	5
15.	Утиральников[****] небольших к престолам разного холста	12
16.	Подвязка к пасхалу с белым кружевом	1
17.	Занавесок разной материи пар девять	9
18.	Гумералов траурных 2 ⎡по ветхости остаются	2
19.	Гумералов цветных 3 ⎣без всякого употребления	3
20.	Альбы простого холста ветхие	2
21.	Антепедиум[*****] гредитуровых светло-красных галуном обложенных	3
22.	Антепедиум разного цвета вседневных старых и негодных к употреблению	4
23.	Антепедиум до Великого престола из белой материи с отметкой кармазиновой гажтованых[******] фольгой	1
24.	Антепедиум материальных зеленых с отменными цветами кармазиновыми шитья фольгой до меньших престолов	2
25.	Антепедиум материи небесной с колонами белыми и небесной каймой	1
26.	Антепедиум материальное дикого цвета с отметкой кармазиновой и галунами подбитый холстом	1

[*] Карнарала — белая тканіна прамавугольнай формы, на якую ставіцца келіх падчас літургіі.
[**] Пурыфікатар — белая тканіна, якой аціраецца эўхарыстычны посуд пасля ачышчэння.
[***] Тувальня — ручнік.
[****] Уціральнік — ручнік.
[*****] Антыпендыум — пакрывала для вонкавага боку алтара.
[******] Гаптавана (гажтавана) — вышыта.

		Проба	Фунт	Лоты	Штук
27.	Платок светло-небесного цвета шелковый старый для покрытия амбона по ветхости без употребления состоит				1
28.	Платок кафового* цвета тоже без употребления состоит				1
29.	Бург для Св[ятых] Тайн при поездке к больным				2
30.	Поясков шерстяных и нитяных				3
31.	Подушек к престолам хороших и старых				9
32.	Процессий на холсте писанных старых и к употреблению негодных				5
35**.	Капки или футлярки на чашу Св[ятых] Тайн				2
	[Арк. 27] <u>Серебро костельное</u>	Проба	Фунт	Лоты	Штук
1.	Оклад серебряный у великого чудотворца Св[ятого] Фадея Апостола с сиянием и обувью	8	3		3
2.	В престоле у Пресвятой Богородицы венец серебряный и полулуна у ног	8		31	2
3.	В престоле Иисуса Христа венец	14		6	1
4.	В иконе Спасителя сердце	14		2	1
5.	Монстранциум*** серебряная фольерованной работы с сиянием и лунами хорошо золоченная	7		6	1
6.	Ковгль**** больший серебряный внутри вызолоченный с крышкой для хранения Св[ятых] Тайн	10	2	6	1
7.	Чаша великая серебряная с дискусом***** внутри вызолоченная	8		24	1
8.	Чаша тоже серебряная внутри вызолоченная с дискусом	8		21	1
9.	Тоже чаша серебряная с короной серебряной внутри вызолоченная	8		21	1
10.	Тоже чаш малых серебряных внутри вызолоченных с дискусами	7		23	2
11.	Дискус серебряный вызолоченный для ношения Св[ятых] Тайн к больным	7		7	1
12.	Дискус на Св[ятыя] Тайны с крышкою без позолоты	6		13	1

* Кафавы (кафейны) колер.
** Так у тэксце.
*** Манстранцыя (дараносіца) — канструкцыя з празрыстай паласцю пасярэдзіне, дзе знаходзіцца гостыя.
**** Ківорый — пасудзіна для асвячэння і захавання гостый.
***** Дыскос — сподак, які ставіцца на алтары пры асвячэнні гостый.

		Проба	Фунт	Лоты	Штук
13.	Приношении серебряных разных проб пред иконою Св[ятого] Фадея Апостола, Божией Матери и Св[ятого] Антония 42 весом			24	42
14.	Полклямерка в венжине иконы Св[ятой] Екатерины серебряная 1. крестик коронно-золотой с белым бисером 1. Серьги 2. Янтарный крестик 1. Третий же коронно-золотой за стеклом с крошечною фигурою				6
15.	Медаль серебряная 1812 году и бронзовая 1, всего две				2
16.	Крест золотой низкой пробы				1
17.	Цепочка маленькая вызолоченная серебряная				1
18.	Колечек золотых червонного золота малых 2. Французского 3, один широкий. Серьги 2. Всего				7
	[Арк. 27 адв.] <u>Цына или олово</u>	Проба	Фунт	Лоты	Штук
1.	Подсвечников оловянных больших на Великом престоле 6 весом по 9 фунтов каждый		54		6
2.	Подсвечников оловянных меньших весом по 3 ф[унта] каждый		30		10
3.	Подсвечников меньших тоже 6 весом по 3 фунта		18		6
4.	Ампулок* на вино и воду штук шесть		3		6
5.	Подносов к тем же ампулкам штук три		3		3
6.	Сосуд для умывания пальцев на престоле		2		1
7.	Чаша для Св[ятой] воды к крещению младенцев		8		1
8.	Сосудчик на Св[ятую] воду		5		1
	<u>Медь в ризнице</u>				
1.	Таз небеленый		5		1
2.	Котельчик на Св[ятую] воду				1
	<u>Бронз или спиж</u>				
1.	Подсвечников маленьких 6 весу по ½ ф. каждый		3		6
2.	Подсвечников на винтах вовсе испорченных два		¾		2
3.	Колокольчиков малых при престолах 7 из коих три только годные к употреблению		2		7

* Ампула — шкляная або металічная пасудзіна, у якой падаюцца віно або вада падчас набажэнства.

4.	Кадильниц две, весьма старые от употребления	2
5.	Колокольчик на стене у закристии	1
	Бляха или жесть	
1.	Фонарь старый и негодный к употреблению	1
2.	Сосудчик для складывания просфир* или гостий	2
3.	Чаша для складу ладону крашенная, но вовсе старая и без употреб[ления]	1
	Железо	
1.	Железо или форма для печения оплаток	2
2.	Железо для вырезывания гостий или комуникантов	1
3.	Железо для вырезывания гостий	1
4.	Щипцов старых и инструментов	2
	Деревянные вещи	
1.	В ризнице комод с тремя ящиками для риз	1
2.	[Арк. 28] Тоже комод с двумя ящиками	1
3.	Шкаф с двойными дверьми с ченом и висящим замком	1
4.	Сундук большой окованный с ченом и висящим замком для хранения вещей церковных	1
	Стекло	
1.	Жирандоль** о 12 подсвечниках хрустальная	1
2.	Жирандоль с лампой тоже хрустальная	1

Приход

Приход Лозовицкий граничит с Костюковицким, Ивандарским, Кричевским и Шумяцким. В оном имеется каплиц с вечными индультами четыре, а именно: Хоцимская*** и Яновская**** каменные, Забяльшинская***** и Свирельская****** деревянные, из коих первая Хоцимская филиальная состоит в 45 верстах от своего приходского костела, вторая, т. е. Яновская, тоже филиальная в 18 верстах, третья, т. е. Забяльшинская, филиальная в 25 верстах, четвертая, т. е. Свирельская, в 12 верстах. Из коих Хоцимская и Яновская филиальные каплицы находятся в хорошем состоянии, а Забяльшинская и Свирельская суть ветхие. Все же поименованные каплицы не имеют никаких особых фундушей. В сем приходе один город уездный, два местечка, околиц 17, господских дворов 24. Прихожан в оном мужеского пола 494, женского 431, а вообще 925 душ.

* Просфіра (гостыя, аплатка, камунікант) — літургічны хлеб.
** Жырандоля — дэкаратыўная падстаўка з разгалінаваннямі для некалькіх свечак.
*** Хацімск, м. Клімавіцкага пав. Магілёўскай губ.
**** Янава, фальв. Клімавіцкага пав. Магілёўскай губ.
***** Забялышына, маёнт. Клімавіцкага пав. Магілёўскай губ.
****** Свірэль, в. Клімавіцкага пав. Магілёўскай губ.

Библиотека

В библиотеке находится старинных малополезных книг восемьдесят штук, многие без переплета и некомплектные, а частью без начала и конца, из коих суть польские, латинские, немецкие и французские со словарями старинными.

1º Метрические книги о родившихся с 1768 по 1864 г.
2º о бракосочетавшихся с 1770 по 1864 г.
3º об умерших с 1764 по 1864 г.
4º о предбрачных экзаменах с 1825 по 1864 г.
5º [Арк. 28 адв.] Список прихожан с 1845 по 1859 год
6º Книга указов одна
7. Книга на доброхотное пожертвование адна

Книги церковные

Мшал старый маленький светский один. Ритуал* один. Агентка** старая одна. Евангеличка тоже старая одна.

Колокола

Колокола небольшие четыре, завешены в одной из башен костела

Скот и птицы

Коровы старые две. Свиньи две. Гусей четыре. Кур две.

Вещи плебаниальные

Перкат бывший старый, ныне переделан вновь и покрыт репсом*** полосатым кафового цвета с черным. Подушка одна и одеяло одно. В кладовой два большие сундука, один окованный бляхой на двух ченах, а другой простой с одним ченом, и два простые комоды или шкафы с двойными дверцами.

Овин**** состоящий в огороде на усадебной земле на шести парах столбов построен с одною осетью. Это строение по существованию своему издавна совершенно ветхое.

Чугунный котельчик для перетопки воска один.

Печать костельная одна и казенная одна.

Примечание. Показанные вещи по инвентарю писанному с 1849 г. сентября 1º дня весьма ветхие, а именно:

1º. Ковер белый средней величины по ветхости своей ничего не стоит — 1.

2º. Сукна красного два куска вовсе старые.

3º. Ковер шерстяной тоже весьма старый — 1.

4º. Ковров старых вовсе к употреблению негодных 2 и 5º. Орнат белый материальный в полосы и цветы красным китаем подшитый после переделки, как видно, переименован белым китаем подшитый, а затем первого не имеется, но все равно имеет в примечании вещей поименованных, кои уже и тогда показанные были ветхими и негодными к употреблению.

* Рытуал — прызначаны для збору святаром сакрамэнтаў і сакрамэнталіяў.
** Агентка — кніга для правядзення набажэнстваў.
*** Рэпс — шчыльная тканіна з дробнымі рубчыкамі.
**** Гумно —будынак для сушкі снапоў перад малацьбой.

[Арк. 29] Также. Писанные с 1849 г. три лошади немолодых не имеется и ныне, как значится по выданному свидетельству от Климовицкого земского суда за № 8862 октября 31 дня в том, что с 1828 года вовсе не существовали.

[…][*] [Арк. 30] *По сей описи дан костел и все к оному принадлежащее имущество, сполна принял в заведывание 16 октября 1864 года Лозовицкого приходского костела администратор ксендз Иоанн Довгялло*[**].

По сей описи на основании распоряжения его преосвященства г[осподина] викария капитула и за сим последовавшего указа из Могилевской римско-католической консистории от 3 сентября за № 3603 все имущество передано назначенному администратором Лозовицкого[Арк. 30 адв.] *приходского римско-католического костела ксендзу Иоанну Довгялло. 1864 октября 16 дня. Климовицко-Мстиславский декан Гарлевский*[***].

Літаратура і крыніцы

1. Антановіч, З. В., Гарбачова, В. В Лёсы святароў Магілёўскай і Мінскай рымска-каталіцкіх дыяцэзій пасля паўстання 1863—1864 гг. / З. В. Антановіч, В. В. Гарбачова // Беларускі гістарычны часопіс. — 2009. — № 12. — С. 23—28.
2. Пыко, А. В. Инвентарь 1820 г. костела Св. Михаила Архангела ордена августинцев в д. Михалишки / А. В. Пыко // Сообщения Национального художественного музея Республики Беларусь. — 2008. — Вып. 7. — С. 224—254.
3. Носевич, В. Л. Демографические показатели белорусского крестьянства во второй половине XVIII — первой половине XIX в. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://new.hist.asu.ru/biblio/histdem/10.html. — Дата доступа: 30.01.2015.
4. НГАБ. — Ф. 1781. — Воп. 2. — Спр. 3261. — Справа аб размеркаванні парафій на класы, 1844 г.
5. Там жа. — Спр. 5628. — Справа аб перамяшчэнні пробашча Лазавіцкага касцёла кс. Т. Тамашэўскага ў іншую губерню, 1864 г.
6. Там жа. — Воп. 25. — Спр. 33. — Ведамасці парафій Магілёўскай архідыяцэзіі, 1854 г.
7. Там жа. — Спр. 149. — Фармулярныя спісы рымска-каталіцкага духавенства Магілёўскай архідыяцэзіі за 1860 г.
8. Там жа. — Спр. 150. — Фармулярныя спісы рымска-каталіцкага духавенства Магілёўскай архідыяцэзіі за 1861 г.
9. Polak, J. Inwentarz oraz kronika parafii i kościoła pw. św. Marcina w Międzyrzeczu 1522—1939 / J. Polak. — Międzyrzecze: SPM. — 2012. — 271 s.
10. Radwan, M. Kościół w Rosji i na Białorusi w relacjach duszpasterzy (1892—1926) / M. Radwan. — Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 1999. — 215 s.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 09.02.2015

[*] Апушчаны копіі дакументаў: Пасведчанне клімавіцка-мсціслаўскага дэкана Ф. Іваноўскага аб асвячэнні адрамантаванага Лазавіцкага касцёла, 15 снежня 1854 г.; Суправаджальны ліст і копія рашэння Клімавіцкага павятовага суда ад 13 студзеня 1855 г. аб звароце касцёлу зямлі, занятай памешчыкам Балашовым, 2 ліпеня 1856 г.

[**] Напісана іншым почыркам.

[***] Напісана іншым почыркам.

РЭЦЭНЗІІ

В. У. Герасімчык,
настаўнік гісторыі
Верцялішкаўскай сярэдняй школы Гродзенскага раёна,
магістр гістарычных навук

НОВЫ ТВОР ПА ГІСТОРЫІ ПАЎСТАННЯ 1863—1864 гг.

Рэцэнзія на выданне: *Матвейчык, Д. Ч. Паўстанне 1863—1864 гадоў у Беларусі: нарыс баявых дзеянняў.* — Мінск: Медысонт, 2013. — 122 с.

У серыі «Беларусь у войнах» у 2013 г. пабачыла свет кніга Дзмітрыя Матвейчыка, прысвечаная паўстанню 1863—1864 гг. Галоўнай мэтай кнігі аўтар называе «папулярызацыйную» і бачыць сваю задачу ў тым, каб «даць шырокаму колу чытачоў агульнае ўяўленне пра баявыя дзеянні паўстанцаў у Беларусі ў 1863 годзе». Аб цяжкасцях у выкананні пастаўленай задачы і працы над тэкстам слушную заўвагу выказаў адзін з укладальнікаў серыі «Беларусь у войнах» археолаг Мікалай Плавінскі, прэзентуючы выданне на сустрэчы з чытачамі ў г. Гродна 7 лістапада 2013 г., адзначыўшы, што «зрабіць кнігу навукова-папулярную значна цяжэй, чым навуковую».

Аднак ва ўмовах сённяшняй патрэбы беларускага грамадства ў творах, якія даходліва распавядаюць пра складаныя старонкі нашага мінулага, кніга Д. Матвейчыка з'явілася доўгачаканай і выклікала вялікую цікавасць да, словамі аўтара, гэтага «сціплага твора» (чым ужо дасягнула сваёй мэты).

Кніга складаецца з уступу, чатырох глаў, заключэння і спіса крыніц і літаратуры.

Ва ўступе Д. Матвейчык слушна заўважае: 1) паўстанне 1863—1864 гадоў — адна з самых неадназначных з'яў у гісторыі Беларусі перыяду яе знаходжання ў складзе Расійскай імперыі, ацэнка якой у пазнейшы час залежала ад палітычнай кан'юнктуры таго ці іншага даследчыка, 2) шматлікія даследчыкі разглядалі самыя разнастайныя бакі паўстання, але да гэтага часу паўнавартаснае комплекснае манаграфічнае даследаванне па гісторыі паўстання на беларускай мове не выдадзена, ды ўвогуле адзіным такім даследаваннем гісторыі паўстання на беларускай мове з'яўляецца кніга Усевалада Ігнатоўскага [4].

З першай думкай варта пагадзіцца цалкам, з тым дадаткам, што такая залежнасць захоўваецца і ў цяперашні час. У адносінах да другой варта заўважыць, што кніга У. Ігнатоўскага хоць і з'яўляецца адзінай канцэптуальнай манаграфіяй па паўстанні на беларускай мове, але яна не з'яўляецца адзінай у беларускай гістарыяграфіі, паколькі маецца яшчэ рускамоўная манаграфія Анатоля Смірнова [7], якая значна пераўзыходзіць паводле свайго ўплыву і навуковай паўнаты твор У. Ігнатоўскага, надоўга прыхаваны, аднак нядаўна перавыдадзены [5]. Сёння з'яўленне канцэптуальнага манаграфічнага даследавання, арыенцірам якога можа выступіць, напрыклад, праца польскага гісторыка Стэфана Кяневіча [10], застаецца вельмі чаканай падзеяй.

Нягледзячы на тое што кніга Д. Матвейчыка — перш за ўсё нарыс баявых дзеянняў паўстанцкіх атрадаў супраць царскіх войскаў, яна ахоплівае больш шырокае кола праблем, якія адлюстраваны фактаграфічна. Сярод іх і ўзмацненне напружанасці на землях Беларусі, Літвы і Польшчы напярэдадні паўстання, і падрыхтоўка вайсковага выступлення супраць царскіх улад, дзейнасць паўстанцкай арганізацыі і супярэчнасці ўнутры яе, меры па задушэнні выступлення і інш.

Першая глава «Напярэдадні паўстання» складаецца з чатырох пунктаў і распавядае пра напружаную сітуацыю, якая склалася ў Беларусі ў пачатковы перыяд панавання імператара Аляксандра II. У гэты час, нягледзячы на спробы паслаблення жорсткіх мер самадзяржаўя, расла незадаволенасць мясцовага насельніцтва, якое вылілася ў з'яўленні маніфестацыйнага і росце сялянскага руху. Таксама ў кнізе прыводзяцца звесткі пра мерапрыемствы па падрыхтоўцы вайсковага выступлення, узбраенне і суадносіны варожых бакоў: напачатку 1863 г. трохтысячнай паўстанцкай арганізацыі ў Беларусі і Літве супрацьстаялі 123,5 тыс. расейскіх вайскоўцаў (і гэта без уліку батальёнаў унутранай варты, інвалідных і этапных камандаў, паліцыі, якія таксама прымалі ўдзел у падаўленні паўстання). Тут жа варта адзначыць імкненне Д. Матвейчыка нават ва ўмовах абмежаванага фармату даць схематычны агляд таго, чым звычайна грэбуюць падручнікі — падзей у суседніх Каралеўстве Польскім і Літве. Гэта тым больш важна, што, нягледзячы на рэгіянальныя асаблівасці ў Беларусі і Літве, паўстанне 1863—1864 гг. на гэтых землях адбывалася перш за ўсё ў кантэксце больш шырокага выступлення і з'яўлялася спробай адраджэння былой Рэчы Паспалітай (форма і разуменне якой выклікалі спрэчкі).

Аднак варта заўважыць, што ў дадзенай главе бракуе, магчыма, згадкі пра шэраг важных крыніц. У першую чаргу — Маніфест аб пачатку паўстання ад 22 студзеня 1863 г., у якім ворагам абвяшчаецца царызм, які ганьбіць лепшае і культывуе найгоршае ў чалавеку. Маніфест завяршаўся зваротам да «маскоўскага народа», такога ж прыгоннага, пакутлівага і прыгнечанага, як і іншыя народы імперыі, далучыцца да барацьбы супраць рабаўніцкага самадзяржаўя [1, с. 2].

У той жа час, паколькі кніга Д. Матвейчыка з'яўляецца ў першую чаргу нарысам баявых дзеянняў, то варта было б асобную яе частку прысвяціць асноўным прынцыпам, якіх прытрымліваліся паўстанцы ў арганізацыі (склад, падзел на адзінкі, узбраенне, адзенне) атрадаў і іх тактыцы, для чаго варта згадаць падрыхтаваныя ў Варшаве «Інструкцыю для ваяводскіх і павятовых вайсковых начальнікаў» і «Інструкцыю для фарміравання партызанскіх атрадаў конных стралкоў» [1, с. 33—41]. Гэта дазволіць зразумець чытачу, чаму большасць паўстанцкіх атрадаў намагалася прытрымлівацца галоўнага прынцыпу партызанскай вайны: «Усе сродкі нішчання варожых сіл добрыя і павінны быць выкарыстаны» [3, с. 8].

Другая глава «Пачатак паўстання ў Беларусі і Літве» складаецца з двух пунктаў і прысвечана перыяду (студзень—сакавік) арганізацыі і дзейнасці першых паўстанцкіх атрадаў, а таксама рознагалоссям паміж «белымі» і «чырвонымі». Нягледзячы на невялікі аб'ём (9 старонак), прысвечаны баявым дзеянням у пачатковы перыяд паўстання, у кнізе пазначаны дзве важнейшыя падзеі дадзенага перыяду: 1) бітва пад Сямятычамі (6—7 лютага 1863 г.), паражэнне ў якой перакрэсліла план па шырокаму ўздыму паўстання ў заходніх паветах Гродзенскай губерні, і рэйд атрада Рамана Рагінскага, які за 24 дні прайшоў па Беларусі каля 750 км [6]. У той жа час, меркаванне наконт спецыяльнага падпалу генералам Захарам Манюкіным Сямятыч падчас бою (с. 26) не адпавядае рэчаіснасці. Расійская артылерыя абстрэльвала толькі дамы, у якіх заселі паўстанцы і стралялі па царскіх войсках. Аднак вецер пагнаў полымя па ўсім мястэчку. У той жа момант сам Манюкін выкарыстоўваў прыклад Сямятычаў для запалохвання жыхароў усяго краю і прадухілення іх ад удзелу ў паўстанні і яго падтрымкі. Напрыклад, у закліку да жыхароў Драгічына расійскі генерал пісаў: «Калі хочаце паспытаць долю Сямятычаў, — слухайцеся мяцежнікаў, і даю вам слова, — вы будзеце пакараны» [1, с. 50].

У дадзенай главе ўвага таксама прысвечана пытанню супярэчнасцей паміж двума палітычнымі кірункамі ў паўстанцкім руху — «чырвонымі» і «белымі», нявырашанасць якіх стала адной з падстаў паражэння паўстання. Гэтаму паспрыяла таксама сабатаванне на пачатковым этапе выступлення актыўнай дзейнасці «белымі» (у Беларусі і Літве на чале з Якубам Гейштарам), якія ў выніку перавароту адхілілі ад улады радыкальных «чырвоных» (у Беларусі і Літве на чале з Канстанцінам Каліноўскім).

Трэцяя глава «Баявыя дзеянні ў красавіку 1863 — пачатку 1864 года» складаецца з васьмі пунктаў. Яна з'яўляецца найбольш важнай, і, адпаведна, самай вялікай у кнізе (займае 63 старонкі). Аснову яе ўяўляе апісанне дзеянняў паўстанцкіх атрадаў, падзеленых у адпаведнасці з адміністрацыйна-тэрытарыяльнымі адзінкамі (губернямі), якія ўтваралі абшар сучаснай Беларусі (Магілёўская, Віцебская, Мінская, Віленская, Гродзенская). Такая структура мае падабенства з класічнай працай бібліятэкара музея ў Раперсвілі Станіслава Зяліньскага [11], дзе, аднак, узброеныя сутыкненні пададзены сухой хронікай. Д. Матвейчык жа выкарыстоўвае ў якасці формы выкладання тэксту нарыс, што толькі паляпшае якасць яго прачытання.

Сярод частак трэцяй главы найбольш поўнай з'яўляецца апісанне падзей у Мінскай губерні, у той час як пункты пра Гродзенскую і, асабліва, Віленскую губерню пажадана было б пашырыць, як гэта яскрава паказваюць некаторыя больш познія выданні [2; 8]. Аднак нават у такой форме пададзены самыя важныя падзеі і прозвішчы паўстання ў адзначаных рэгіёнах.

Апошняя, чацвёртая глава кнігі «Рэпрэсіі супраць удзельнікаў паўстання» дае пералік і кароткія апісанні мерапрыемстваў, распачатых царскімі ўладамі на чале з Міхаілам Мураўёвым па задушэнні выступлення 1863—1864 гадоў.

Асобна неабходна вылучыць шэраг станоўчых бакоў твора Д. Матвейчыка, дзякуючы якім яна з'яўляецца не толькі нарысам баявых дзеянняў паўстанцкіх атрадаў, а ператвараецца ў кнігу з элементамі комікса. Нададзеная вялікая ўвага падбору ілюстрацыйнага матэрыялу дае свой плён, з'яўляючыся не проста дадаткам да асноўнага тэксту, а ператварыўшыся ў гісторыю паўзверх гісторыі. Прычым сярод рэдкіх ілюстрацый маюцца як гравюры з французскага выдання «Le Monde illustré», так і каляровыя выявы элементаў паўстанцкай вопраткі.

Усяго ў кнізе на 122 старонках змешчана амаль 150 выяў. Сярод іх — шэсць дзясяткаў фотаздымкаў паўстанцаў, што з'яўляецца першым у Айчыннай гісторыі прыкладам збору такой колькасці постацей 1863 г. пад адной вокладкай, пераўвышаны толькі тэматычным фотаальбомам Камілы і Язэпа Янушкевічаў «Партрэты паўстаньня» (198 выяў) [9]. На дзесяцярых самых значных паўстанцаў у Беларусі кніга змяшчае асобныя біяграмы з кароткім апісаннем падзей іх жыцця (Раман Рагінскі, Юльян Бакшанскі, Людвік Остык-Нарбут, Вінцэнт Канстанцін Каліноўскі, Якуб Вільгельм Гейштар, Зыгмунт Эразм Гаспар Юзаф Серакоўскі, Людвік Звяждоўскі, Генрык Дмахоўскі, Валеры Антоні Урублеўскі, Рамуальд Траўгут). Не пакідае аўтар па-за ўвагай і самых прадстаўнічых асоб царскай машыны задушэння паўстання (Захар Манюкін-Няўструеў, Артур Эгер, Уладзімір Назімаў, Міхаіл Мураўёў), якія таксама анатацыйна ахарактарызаваны ў адпаведных біяграмах.

Такім чынам, кніга Дзмітрыя Матвейчыка з'яўляецца важным крокам на шляху папулярызацыі ў Беларусі гісторыі паўстання 1863—1864 гг. і заслугоўвае самай высокай адзнакі. Таму, падтрымліваючы яе аўтара, варта спадзявацца, «што для прафесійных даследчыкаў яна паслужыць дадатковым стымулам да напісання паўнавартаснай аб'ёмнай навуковай манаграфіі па гісторыі паўстання, а для аматараў гісторыі будзе карыснай для азнаямлення з такой цікавай і маштабнай падзеяй». На жаль, 150-я ўгодкі паўстання 1863—1864 гг. не дазволілі перайсці такую патрэбную мяжу аналітычнай працы агульнанацыянальнага значэння. Аднак, дзякуючы «Нарысу» Дзмітрыя Матвейчыка на гэтым шляху зроблены чарговы значны крок наперад.

Літаратура

1. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края. — Часть 2. — Вильна: Губ. тип., 1915.
2. Быхаўцаў, М. І. Паўстанне 1863—1864 гадоў у Ваўкавыскім павеце. — Гародня: б. в., 2014. — 344 с.: іл., партр., карта. — (Гарадзенская бібліятэка).
3. Герасімчык, В. Валянцін Парчэўскі — прыхільнік партызанскай вайны (з гісторыі паўстання 1863—1864 гг.) // Ніва. — № 17. — 26.04.2015.
4. Ігнатоўскі, У. 1863 год на Беларусі: Нарыс падзей. — Мінск, 1930. — 275 с. (Запіскі Аддзелу гуманітарных навук. — Кн. 13. — Працы Інстытуту гістарычных навук. — Т. V).

5. Ігнатоўскі, У. 1863 год на Беларусі. Нарыс падзей // ARCHE Пачатак. — 2015. — № 3. — С. 67—362.
6. Карпович, О. В. Рейд отряда Романа Рогинского по Беларуси зимой // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. — 2013. — № 1. — С. 37—41.
7. Смирнов, А. Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. — 392 с.
8. Хаценчык, З. А., Канецкі, Д. В. Падзеі паўстання 1863 г. на Вілейшчыне: гістарычныя нарысы. — Мінск: Кнігазбор, 2013. — 67 с.: іл., партр., карты.
9. Янушкевіч, К., Янушкевіч, Я. Партрэты паўстання. Фотаальбом. — Ракаў, 2014. — 130 с.
10. Kieniewicz, S. Powstanie styczniowe. — Wyd. III. — Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2009. — 816 s.
11. Zieliński, S. Bitwy i potyczki 1863—1864. Na podstawie materiałów drukowanych i rękopiśmiennych Muzeum Narodowego w Rapperswilu. — Rapperswil, 1913. — 559 s.; tabl., mapy.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 05.06.2015

ПОСТАЦІ

Д. В. Лісейчыкаў

ДА 70-ГОДДЗЯ З ДНЯ НАРАДЖЭННЯ АЛЫ КУПРЫЯНАЎНЫ ГАЛУБОВІЧ

Першы кіраўнік у гісторыі любой установы займае надзвычай важнае месца. Гісторыкі без цяжкасцей прыгадаюць імёны нашых першых віцебскіх і віленскіх архіварыусаў Аляксандра Сазонава і Мікіты Гарбачэўскага. Менавіта яны заклалі асновы і ў многім вызначылі накірункі далейшага развіцця архіўнай справы на беларускіх землях у канцы XIX ст. Ёсць такая знакавая постаць і ў найноўшай гісторыі Беларусі. Гэта першы дырэктар Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі Ала Купрыянаўна Галубовіч.

Ала Купрыянаўна нарадзілася 6 красавіка 1945 г. у г. Тбілісі (Грузія) у сям'і вайскоўца. Пасля сканчэння школы ў г. Віцебску паступіла на гістарычны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

З ліпеня 1970 г. працавала навуковым супрацоўнікам у Віцебскім краязнаўчым музеі, са жніўня 1975 г. — старшым захавальнікам фондаў, старшым навуковым супрацоўнікам аддзела забеспячэння захаванасці дакументаў і навукова-даведачнага апарату Цэнтральнага дзяржаўнага гістарычнага архіва БССР у г. Мінску. З 1982 па 1984 г. працавала інспектарам навукова-выдавецкага аддзела Галоўнага архіўнага ўпраўлення пры Савеце Міністраў БССР. З 1985 па 1992 г. — загадчыкам чытальнай залы, пасля загадчыкам аддзела інфармацыі, публікацыі і навуковага выкарыстання дакументаў ЦДГА БССР.

У студзені 1993 г. Ала Купрыянаўна была прызначана на пасаду намесніка генеральнага дырэктара Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (комплекс дакументаў XIV — пач. XX ст.), а ў жніўні 1995 г. узначаліла новастворaны Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі, на пасадзе дырэктара якога знаходзілася да красавіка 2012 г.

Яна ўзначаліла НГАБ, калі архіў знаходзіўся на этапе станаўлення, пошуку свайго месца ў сістэме дзяржаўных архіўных устаноў, вырашэння надзвычай важных для 1990-х гг. пытанняў фінансавання і матэрыяльна-тэхнічнага забеспячэння. Менавіта пад кіраўніцтвам Алы Купрыянаўны адбылася знакавая з'ява — пераезд архіва ў новы будынак па вуліцы Крапоткіна, 55, дзе ён знаходзіцца і на сённяшні дзень.

90-я гады мінулага стагоддзя — гэта час, калі архіўныя ўстановы прыстасоўваліся да патрэб новага, адкрытага грамадства. Сыходзілі ў нябыт часы, калі ў архіў можна было трапіць толькі паводле накіравання з сур'ёзных навуковых інстытутаў. Мінулым сваёй зямлі і свайго роду пачаў цікавіцца масавы карыстальнік. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі стаў першым аб'ектам «генеалагічнага буму» канца 1990-х гг. Ала Купрыянаўна, якая мела каласальны вопыт працы ў чытальнай зале і ў якасці загадчыка аддзела выкарыстання дакументаў, як ніхто разумела ўсе асаблівасці і цяжкасці гэтага накірунку архіўнай працы. Менавіта тады ў НГАБ была распрацавана методыка работы па выкананні генеалагічных запытаў — найбольш папулярнай і працаёмкай паслугі архіва. Ала Купрыянаўна брала актыўны ўдзел у працы самых разнастайных навукова-практычных канферэнцый па генеалагічнай тэматыцы не толькі ў Беларусі, але і ў Польшчы, Расіі, Украіне і нават Вялікабрытаніі.

У той складаны час архіву трэба было думаць аб актывізацыі публікацыйнай дзейнасці. Менавіта пры падтрымцы і пры непасрэдным удзеле А. К. Галубовіч былі заснаваны доўгатэрміновыя выдавецкія праекты «Беларусь у актавых кнігах» і «Гербоўнік беларускай шляхты». На сённяшні дзень у гэтых серыях выйшла 5 кніг. У 2001 г. пад рэдакцыяй Алы Купрыянаўны пачаў выходзіць зборнік навуковых паведамленняў і

артыкулаў «Архіварыус», які хутка зрабіўся вядомым і прэстыжным выданнем для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па гістарычных навуках. Дзякуючы намаганням дырэктара для інтэнсіфікацыі навуковай работы ў архіве ў 2004 г. быў створаны асобны аддзел публікацыі дакументаў. Сама Ала Купрыянаўна таксама актыўна ўдзельнічала ў публікацыйнай дзейнасці — яе аўтарству належаць некалькі дзясяткаў навуковых і навукова-папулярных артыкулаў у беларускіх выданнях і выданнях краін Садружнасці Незалежных Дзяржаў. Колькасць інтэрв'ю для сродкаў масавай інфармацыі, тэле- і радыёперадач з яе ўдзелам не паддаецца падлікам. Пад кіраўніцтвам А. К. Галубовіч у 2006 г. быў падрыхтаваны доўгачаканы даведнік «Фонды Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі». Папярэдняе падобнае выданне па нашых старажытных дакументах выходзіла толькі ў 1974 г.

Сёння ўспрымаецца як дадзенасць, што архіў мае ўласны афіцыйны вэб-сайт, праводзіць алічбоўку сваіх старажытных дакументаў, удзельнічае ў прэс-канферэнцыях, «круглых сталах», супрацоўнічае з установамі розных краін у пытаннях захавання дакументальнай спадчыны. Усё гэта аформілася і было, як сёння кажуць, «абкатана» менавіта ў час кіраўніцтва архівам Алы Купрыянаўны.

Асаблівую ўвагу надавала яна працы з маладымі архіўнымі кадрамі, у лік якіх у свой час пашанцавала трапіць і мне. Моладзь прыходзіла не толькі праз размеркаванне з гістарычных факультэтаў, але і мэтанакіравана ішла з жаданнем працаваць у канкрэтным, унікальным архіве. Я ж пасля работы ў адной з сярэдніх школ на Палессі не асабліва ўяўляў, чым і як буду займацца ў такой сур'ёзнай установе, як Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. Нават не мог падумаць, наколькі родным праз некалькі гадоў ён зробіцца для мяне. Баяўся, што не хопіць ведаў і вопыту. І на ўсіх этапах сваёй архіўнай кар'еры я адчуваў падтрымку і дапамогу Алы Купрыянаўны.

Сёння не толькі архіўныя работнікі НГАБ, але і супрацоўнікі многіх устаноў архіўнай галіны, выкладчыкі вышэйшых навучальных устаноў Рэспублікі Беларусь могуць назваць Алу Купрыянаўну Галубовіч сваёй настаўніцай.

За сваю плённую працу А. К. Галубовіч не раз атрымлівала прэстыжныя дзяржаўныя ўзнагароды: Ганаровыя граматы Нацыянальнага Сходу Рэспублікі Беларусь, Галоўнага архіўнага ўпраўлення пры Савеце Міністраў СССР і БССР, Дэпартамента па архівах і справаводстве Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь, а таксама медаль «Ветэран працы» і знак «Ганаровы архівіст Беларусі».

Ад усяе душы віншуем Алу Купрыянаўну з юбілеем! Жадаем ёй моцнага здароўя і доўгіх гадоў жыцця ў акружэнні блізкіх людзей.

— ◊ —

Л. В. Кисель

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КАРАСЬК НИНЫ ВИТАЛЬЕВНЫ

В 2015 г. исполняется 75 лет старейшему работнику Государственного архива Гродненской области Караськ Нине Витальевне. Более сорока пяти лет она трудилась в архивных учреждениях Гродненщины: 20 лет — архивариусом, реставратором, начальником читального зала, старшим хранителем фондов Центрального государственного исторического архива в г. Гродно (ныне — Национальный исторический архив Республики Беларусь в г. Гродно), 25 лет — старшим научным сотрудником отдела фондов, учета и научно-справочного аппарата (1979—1980), архивистом 1 категории группы информации, публикации и научного использования документов, археографом 1 кате-

гории отдела информации, публикации и научного использования документов (1980—1984), заведующим отделом информации, публикации и научного использования документов (1984—2005) Государственного архива Гродненской области.

Родилась Нина Витальевна Караськ 1 августа 1940 г. в с. Савино Карагайского района Пермской области. Закончила Московский историко-архивный институт в 1966 г. Сомнений в том, кем быть, у Нины Витальевны не было. Патриархом архивного дела на Гродненщине называют Виталия Иосифовича Варычева, отца Нины Витальевны, возглавлявшего областной архивный отдел почти 30 лет. Он родился 5 мая 1917 г. в с. Обвинске Пермской области. Закончил Пермское педагогическое и Тюменское пехотное училища. С первых и до последних дней Великой Отечественной войны сражался на Северо-Западном, Волховском, Ленинградском, 3-м Прибалтийском и 1-м Белорусском фронтах. За ратные подвиги был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степеней, медалями «За оборону Ленинграда», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

После увольнения в запас в 1955 г. Варычев Виталий Иосифович возглавил архивный отдел управления МВД по Гродненской области, а в 1960 г. — архивный отдел исполнительного комитета Гродненского областного Совета депутатов трудящихся. Он проводил огромную работу по созданию филиалов областного государственного архива в городах Лиде и Новогрудке, совершенствованию их комплектования, созданию базы данных архивных документов, улучшению организации делопроизводства в организациях области. В. И. Варычев является автором «Справочника административно-территориального деления Гродненской области (1944—1970)», многих статей, методических пособий и инструкций. Он воспитал целую плеяду молодых архивистов, в том числе и свою дочь Караськ Нину Витальевну.

Деятельность Н. В. Караськ в архивных учреждениях Гродненщины связана с использованием документов. Она занималась усовершенствованием справочника по истории колхозов и совхозов Гродненского района, принимала участие в выявлении документов для сборников «Народное образование в БССР (1941—1965)», «Издательское дело и печать в БССР (1941—1980)», Справочника о немецко-фашистских лагерях, гетто, других местах принудительного содержания гражданского населения на временно оккупированной территории Беларуси в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (1998), книг «Память» Зельвенского, Слонимского и Сморгонского районов, рассекречиванием документов. Хорошо знала состав и содержание фондов периода вхождения современной территории Гродненской области с состав Польши, владела польским языком. В основном, именно она исполняла так называемые «консульские» запросы. Внесла значительный вклад в популяризацию и использование документов Национального архивного фонда Республики Беларусь.

В 1999 г. Н. В. Караськ присвоена высшая квалификационная категория. Она награждена медалью «Ветеран труда», дважды — Почетной грамотой Главного архивного управления при Совете Министров БССР и Белорусского республиканского комитета профсоюза работников госучреждений, Почетной грамотой Гродненского обкома профсоюза работников госучреждений и архивного отдела Гродненского облисполкома, Почетной грамотой Центрального государственного исторического архива в г. Гродно. В 2004 г. награждена нагрудным знаком «Ганаровы архівіст Беларусі».

С юбилеем Вас, уважаемая Нина Витальевна, здоровья Вам, бодрости, благополучия, долголетия!

— ◊ —

В. Н. Надежина

ЧЕЛОВЕК В АРХИВНОМ ДЕЛЕ

(80 лет со дня рождения Л. Н. Кисловой)

5 января 2015 г. исполнилось 80 лет со дня рождения Людмилы Николаевны Кисловой, архивиста Гомельской области, бывшего сотрудника учреждения «Государственный архив Гомельской области».

Людмила Николаевна родилась в г. Острогожске Воронежской области, в 1957 г. окончила Московский историко-архивный институт и с 31 августа 1957 г. связала свою судьбу с Государственным архивом Гомельской области.

Людмила Николаевна, пройдя путь от научного сотрудника отдела общих фондов, археографа публикаторской группы архива, старшего научного сотрудника отдела использования и публикации документов до заведующего отделом информационно-поисковых систем и автоматизированных архивных технологий (с 1979 г. по 2002 г.), прекрасно знала все направления деятельности архива. Л. Н. Кислова принимала участие в работе всесоюзных, республиканских и областных конференций по вопросам архивного дела, которые проводились в Москве, Минске, Гродно, Брянске, Чернигове. Она является одним из составителей справочников «Государственные архивы Гомельской и Могилевской областей (1917—1941 гг.)» (1970), «Административно-территориальное устройство БССР. Т. 1 (1917—1941 гг.)» (1985), сборников документов «Восстановление народного хозяйства Гомельской губернии (1921—1925 гг.)» (1960), «Сила братства: О дружбе и сотрудничестве трудящихся Брянской, Гомельской и Черниговской областей (1946—1977 гг.)» (1980), «Плечом к плечу: Сборник документальных материалов о боевом сотрудничестве трудящихся Брянской, Гомельской и Черниговской областей в годы гражданской (1918—1920 гг.) и Великой Отечественной (1941—1945 гг.) войн» (1972). Принимала участие в подготовке республиканских сборников документов по истории индустриализации, коллективизации, народного образования, библиотечного дела и др.

За успехи в работе и многолетний добросовестный труд Л. Н. Кислова награждена знаком «Отличник архивной службы», Грамотой Президиума Верховного Совета БССР, Почетной грамотой Архивного управления при Совете Министров БССР и ЦК профсоюза работников государственных учреждений, Почетной грамотой Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь, Почетными грамотами руководства Гомельской области и Государственного архива Гомельской области.

Архивисты Гомельской области от всей души поздравляют Людмилу Николаевну Кислову с юбилеем и желают здоровья, бодрости духа и семейного благополучия, много счастливых дней, уважения, любви и понимания близких людей.

— ◊ —

А. М. Грыневіч

ДА 90-ГОДДЗЯ КАЦЯРЫНЫ ПЯТРОЎНЫ МІХАЙЛАВАЙ

10 жніўня 2015 г. Кацярыне Пятроўне Міхайлавай, аднаму з самых старэйшых і заслужаных ветэранаў архіўнай справы, споўнілася 90 гадоў.

Нарадзілася Кацярына Пятроўна 10 жніўня 1925 г. у сяле Барысава Бабаеўскага раёна Валагодскай вобласці (Расія). Гісторык, архівіст. З сям'і служачага. Пасля заканчэння сярэдняй школы ў 1943 г. працавала піянерважатай у Барысаўскім дзіцячым доме. Скончыла гістарычны факультэт Ленінградскага педінстытута ў 1949 г. Была накіравана ў архіўны аддзел МУС па Ленінградскай вобласці, дзе працавала інспекта-

рам. З 1950 г. па 1951 г. выкладала гісторыю ў Старaладажскай сярэдняй школе, з 1951 г. па 1955 г. — у Чырвонабярэжскім тэхнікуме механізацыі сельскай гаспадаркі Жлобінскага раёна Гомельскай вобласці. З 1955 г. па 1957 г. працавала настаўнікам гісторыі ў Свяцілавіцкай сярэдняй школе Веткаўскага раёна Гомельскай вобласці.

З 1 верасня 1957 г. — навуковы супрацоўнік АУ МУС БССР, з 8 лютага 1958 г. па 31 снежня 1963 г. — навуковы супрацоўнік Дзяржархіва Мінскай вобласці, з 1 студзеня 1964 г. па 12 красавіка 1968 г. — навуковы супрацоўнік ЦДГА БССР у г. Мінску, з 12 красавіка 1968 г. — інспектар аддзела навуковага выкарыстання і інфармацыі, старшы інжынер арганізацыйна-метадычнага аддзела Галоўархіва пры Савеце Міністраў БССР. 1 кастрычніка 1976 г. прызначана намеснікам дырэктара ЦДАКФФД БССР. З 1 лістапада 1983 г. на пенсіі.

За асабісты ўклад у развіццё архіўнай справы Кацярына Пятроўна неаднаразова была ўзнагароджана падзякамі і граматамі. Кацярына Пятроўна — чалавек высокай культуры, выдатны арганізатар, сапраўдны майстар сваёй прафесіі.

Калектыў Беларускага дзяржаўнага архіва кінафотафонадакументаў віншуе Кацярыну Пятроўну Міхайлаву з юбілеем. Жадаем моцнага здароўя, натхнення і доўгіх гадоў жыцця.

— ◊ —

Р. Ф. Горячева

ПАМЯТИ АРХИВИСТА.
ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА СИНИЦИНА (1930—2009)

В этом году исполнилось бы 85 лет бывшему сотруднику Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно Ольге Николаевне Синициной.

33 года — эту немалую часть своей жизни — она отдала архивной работе. Но этой части жизни предшествовал другой жизненный отрезок, события которого приближали ее к еще нечетко видимой, маячившей где-то на далеком горизонте, мечте. А начиналось все с тяжелого детства.

Ольга Николаевна родилась 22 июня 1930 г. в Гомеле в семье рабочих. В 1940 г. семья, состоявшая из шести человек (у родителей было четыре дочери), переехала в Гродно, а через год город был оккупирован фашистами. Годы оккупации и сопровождавшие их нужда, голод, унижения оставили неизгладимый след в памяти маленькой Оли. До конца своих дней Ольга Николаевна вспоминала эти трагические события, собирала сведения о них, сопоставляла факты, и в конечном итоге написала воспоминания о судьбе жителей деревни Княжеводцы, которые были опубликованы в периодической печати. И сейчас, в год 70-летия Великой Победы, особо остро ощущаются воспоминания очевидца событий тех страшных лет.

«… Гродно был оккупирован на второй день войны. Начались годы бесправного, унизительного, полуголодного существования. Все годы оккупации были закрыты школы, дети не учились. Все взрослое население и подростки обязаны были работать за гроши и хлебную карточку, на воскресенье хлеб не полагался. Жили впроголодь, как рабы. Был введен комендантский час с 22 часов до 6 утра.

Ранней весной 1943 г. из деревни к нам приехал брат отца и в разговоре с отцом упомянул, что в деревне некому пасти скот: корову и бычка. Услышав это, я стала просить дядю взять меня пастушкой. Дядя стал меня отговаривать: «надо будет очень рано вставать, пасти скот в любую погоду, что я этим никогда не занималась». Но я его упросила, и он согласился взять меня в деревню. Мне тогда шел тринадцатый год.

На пятый день войны, во время боя, сгорел дом дяди. Под жилье приспособили часть хлева, вставили раму, поставили печь.

После дойки и завтрака я угоняла корову и бычка на пастбище, которое находилось очень далеко от дома и принадлежало имению Черлена. За пастьбу надо было вносить плату в имение. В один из дней я пригнала корову на дневную дойку, дядя вывел меня на дорогу и рукой показал в сторону Скиделя, там полыхало огромное пламя. Горели дома в деревне Пузовичи, все жители были расстреляны, немцы не отпустили даже родственников, приехавших из других деревень на свадьбу. Это произошло 14 июля 1943 г. После этой страшной трагедии многие жители деревни Княжеводцы уходили к родственникам и знакомым в другие деревни. Но наступило время уборки урожая, и люди стали возвращаться домой. Этим и воспользовались немецкие палачи.

23 июля я проснулась очень рано от шума машин, проезжавших мимо дворов по проселочной дороге. Дядя с женой уже не спали и все время разговаривали, глядя в окно. Мимо нашего двора стали проходить немцы, каждый из них сопровождал семью. Женщин и детей размещали в одном гумне, мужчин — в другом. Моя тетя предложила мне, на всякий случай, спрятаться в несжатой ржи, а дядя дал денег на билет и сказал, чтобы я шла на железнодорожную станцию Черлена. Когда я подошла к перекрестку — увидела оцепление, немецкие солдаты стояли с автоматами, тут же стояло несколько грузовых машин с ящиками. Идти дальше мне не разрешили. Я остановилась у забора дома, из которого жителей уже увели в гумно. К машинам подходили немцы за ящиками. Всем им, проходящим мимо меня, я говорила, что из Гродно, но никто не обращал на меня никакого внимания. Я уже чувствовала, что с Княжеводцами произойдет то же, что произошло с Пузовичами. Я не плакала, но все время думала о том, как меня будут расстреливать, как я буду умирать.

Прошло много времени, высоко поднялось солнце, и вдруг от машины отошел военный и рукой поманил меня. Я подошла к нему, и он спросил: «Паненка из Гродно?». Я ответила утвердительно, после чего он провел меня мимо машин, вывел на дорогу и сказал, чтобы я шла не оглядываясь. Я пошла в имение Черлена, где жила моя тетя с семьей. Она все время стояла на коленях в Черленской церкви и молилась за спасение брата, его жены и всех жителей деревни.

Через несколько часов на попутной подводе я уехала в Гродно.

В этот же день моя мама узнала о том, что произошло в Княжеводцах. От Гродно до Княжеводцев 48 километров, и мама побежала за мной. В Черленах от моей тети она узнала о том, что я уехала в Гродно. Не выпив даже стакана воды, мама побежала обратно в Гродно, и когда она увидела меня живой, радости не было конца.

Моего дядю и его жену немцы расстреляли, две семьи соседей дяди, которые спрятались во ржи, немцы расстреляли тоже. Всего в деревне Княжеводцы было сожжено 152 дома, зверски уничтожено и погребено 922 человека. Перед своим отступлением, в июне 1944 г., немцы привезли из Гродненской тюрьмы заключенных и заставили их отрыть могилы. Заметая следы своих преступлений, сожгли все трупы».

Познав цену человеческой жизни, Ольга Николаевна часто повторяла фразу, которая отвечала ее жизненной позиции: *«Все, что угодно, можно пережить, только бы не было войны»*.

В 1944 г. Оля поступила в третий класс общеобразовательной школы и окончила шесть классов. Дальнейшее продолжение учебы не представлялось возможным, так как надо было зарабатывать свой хлеб и помогать семье. В 1947 г. она поступила на работу в гродненский универмаг, но денег в семье хронически не хватало, и в 1949 г. Ольга Нико-

лаевна уехала по вербовке в Петрозаводск, где работала кухонным контролером в кафе. Все это время ее не покидала мысль о завершении образования, и там же, в Петрозаводске, в школе рабочей молодежи она закончила седьмой и восьмой классы. Вернувшись в Гродно в 1952 г., от старшей сестры Галины, работавшей в филиале ЦГИА БССР в г. Гродно, узнала, что в архиве имеется вакантная должность архивариуса, и без раздумий поступила туда на работу. Работая в архиве, окончила девятый и десятый классы вечерней школы. Ее цель — получить законченное десятилетнее образование — была достигнута.

Работа в архиве поглотила Ольгу Николаевну всецело. История всегда влекла ее, а столкнувшись в работе с архивными документами, отражающими историческое прошлое Гродненщины, и особенно ее родного Гродно, поняла, что архивной ниве посвятит всю свою жизнь. Результатом этого решения стало поступление в 1961 г. на заочное отделение факультета архивного дела Московского историко-архивного института. Старательно постигая основы архивоведения, результат которого более чем успешно отражался в зачетной книжке, в 1967 г. окончила институт. Мечта, которая брезжила на горизонте детства и юности, осуществилась.

За годы работы в архиве Ольга Николаевна прошла путь от архивариуса до старшего научного сотрудника отдела учета документов, информационно-поисковых систем и автоматизированных архивных технологий. Много сил и труда вложила в создание научно-справочного аппарата, комплектование документов, разработку различных методических пособий.

Долгие годы, вплоть до ухода на пенсию, Ольга Николаевна заведовала и занималась сохранением и использованием печатных изданий научно-справочной библиотеки архива. Все годы работы в архиве она проявляла живейший интерес к документам, постоянно делая для себя открытия. Работая с документами, попутно вела записи, связанные с историей родного Гродно, и ее знания о прошлом города не переставали удивлять. Долгие годы поддерживала связь со старожилом города Гродно Андреем Ивановичем Червяковским (работавшим еще до революции делопроизводителем в Гродненском губернском правлении), почерпнув из общения с ним много интересных событий и фактов исторического прошлого Гродно. Кропотливо накапливая краеведческий материал, появилась потребность поделиться им с гродненцами. Так в периодической печати стали появляться ее статьи, которые неизменно отличались живым слогом и одной ей присущим стилем.

Автору этих строк довелось проработать с Ольгой Николаевной с 1976 по 1985 г., и за все годы общения раскрывались такие черты ее характера, как пунктуальность, ответственность, скрупулезность, крайне бережное отношение к архивным документам. Всегда поражало ее доскональное знание архивных фондов, которым она щедро делилась с коллегами. Ольга Николаевна была страстным библиофилом; долгие годы собирая домашнюю библиотеку, она не переставала удивлять своими знаниями классической русской и зарубежной, мемуарной литературы.

Работая архивариусом, мне довелось проводить с Ольгой Николаевной проверку наличия фондов научно-справочной библиотеки, и что меня тогда поразило, так это обширные знания об истории комплектования библиотеки, и самое главное — об авторстве и внутреннем содержании каждого печатного издания.

Заслуженными оценками труда Ольги Николаевны стали награды, среди которых Почетная грамота Верховного Совета БССР, Почетная грамота Архивного управления при Совете Министров БССР. Ей посвящен очерк в библиографическом справочнике «Архівісты Беларусі» (Мінск, 2006).

РЭЗЮМЭ

Фёдараў М. Ш. Да 75-годдзя арганізацыі архіўнай справы ў Заходняй Беларусі.

У артыкуле разглядаюцца арганізацыйныя і прававыя аспекты інтэграцыі архіваў Заходняй Беларусі ў склад Адзінага дзяржаўнага архіўнага фонду як лагічнае завяршэнне пачатых 17 верасня 1939 г. мерапрыемстваў грамадска-палітычнага характару, якія прывялі да ўз'яднання заходніх рэгіёнаў Беларусі ў адзінай беларускай савецкай дзяржаве. Адзначаецца незавершанасць працэсу інтэграцыі ў сувязі з пачаткам Вялікай Айчыннай вайны, падчас якой заходнебеларускія архівы панеслі значныя страты, якія працягваюць сказвацца да гэтага часу.

Афанасьева Таццяна Юр'еўна. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна (да гісторыі стварэння і станаўлення).

Са стварэннем Гродзенскага губернскага праўлення ў 1802 г. быў заснаваны і яго архіў, які паклаў пачатак дзейнасці сённяшняга архіва, нягледзячы на тое, што афіцыйнай датай утварэння Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі ў г. Гродна з'яўляецца 11 лютага 1940 г. У 40—60-я гг. XX ст. фонды архіва папаўняліся дакументальнымі матэрыяламі з архіваў СССР. У пачатку XXI ст. архіў прымаў дакументы рэлігійных устаноў, з аддзелаў ЗАГС Гродзенскай і Брэсцкай абласцей. У жніўні 2014 г. архіў цалкам пераехаў у новы будынак.

Карапузава Ганна Генадзьеўна. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці: гісторыя, развіццё, кадры (1940—2015 гг.).

Артыкул прадстаўляе кароткі нарыс гісторыі заснаванага ў 1940 г. Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці.

Шэршань Вольга Іванаўна. Юбілей Баранавіцкага архіва.

Артыкул прадстаўляе кароткі нарыс гісторыі заснаванага ў 1940 г. Дзяржаўнага архіва Баранавіцкай вобласці, які з 1996 г. называецца Занальным дзяржаўным архівам у г. Баранавічы.

Адамовіч Аксана Уладзіміраўна. Шлях даўжынёй у 75 гадоў (да юбілею ўстановы «Занальны дзяржаўны архіў у г. Маладзечна»).

Артыкул прадстаўляе кароткі нарыс гісторыі заснаванага ў 1940 г. Дзяржаўнага архіва Віленскай вобласці, які з 1996 г. называецца Занальным дзяржаўным архівам у г. Маладзечна.

Стэфановіч Марына Міхайлаўна. Архіўная служба горада Пінска адзначае сваё 75-годдзе.

Артыкул прадстаўляе кароткі нарыс гісторыі заснаванага ў 1940 г. Дзяржаўнага архіва Пінскай вобласці, які з 1996 г. называецца Занальным дзяржаўным архівам у г. Пінску.

Пазднякоў Валерый Сямёнавіч. «Беларускаму археаграфічнаму штогодніку» 15 гадоў.

У артыкуле аналізуюцца гісторыя і змест «Беларускага археаграфічнага штогодніка» за 2000—2014 гг.

Козак Кузьма Іванавіч. Фонды архіваў і музеяў аб германскай акупацыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны 1941—1944 гг.

Артыкул асвятляе архіўныя і музейныя фонды ў Беларусі і за мяжой, у якіх утрымліваюцца матэрыялы аб германскай акупацыі Беларусі ў 1941—1944 гг. Зроблены аналіз паўнаты і рэпрэзентатыўнасці гэтых фондаў, а таксама ступені захаванасці

дакументальных комплексаў германскіх органаў улады і вайсковых частак, якія дзейнічалі на акупаванай тэрыторыі Беларусі.

Кулінок Святаслаў Валянцінавіч. Гістарыяграфія разведвальнай дзейнасці беларускіх партызан у гады Вялікай Айчыннай вайны.

Артыкул прысвечаны даследванню гістарыяграфіі па разведвальнай дзейнасці беларускіх партызан у перыяд Вялікай Айчыннай вайны. Аўтар вывучае навуковыя працы па гэтым пытанні, аналізуе дасягненні, недахопы і перспектывы даследавання тэмы.

Трацціяк Алена Іванаўна. Аднаўленне мірнага жыцця ў БССР у 1944—1945 гг. у сюжэтах кіначасопіса «Савецкая Беларусь».

Дадзены артыкул адлюстроўвае аднаўленне ўсіх сфер мірнага жыцця БССР: эканамічнай, грамадска-палітычнай і культурнай у 1944—1945 гг. на прыкладзе сюжэтаў кіначасопіса «Савецкая Беларусь».

Вайтовіч Сяргей Уладзіміравіч. Крыніцы па падаткаабкладанні сялянскіх гаспадарак БССР у 1920-х гг.

Разглядаюцца крыніцы па падаткаабкладанні вёскі ў 1920—1930-х гг. Даецца характарыстыка некаторых відаў крыніц: заканадаўчых, масавых, матэрыялаў справаводства. Даецца выснова, што важнасць аналізу заканадаўчых крыніц тлумачыцца неабходнасцю разумення падатковага механізму, паўнаты паўнамоцтваў работнікаў фіску, а таксама справаздачнасці, што фарміруецца падчас падатковай кампаніі, што акрамя матэрыялаў, якія тычацца непасрэдна налічэння, выплаты падаткаў, існавалі матэрыялы, да прыкладу, уліку крыніц абкладання, якія могуць быць не менш карыснымі для аналізу сацыяльна-эканамічнага развіцця вёскі, чым канчатковыя лічбы паступлення падаткаў.

Мальцаў Уладзімір Валер'евіч. Беларускі тэатр у адлюстраванні нямецкага друку перыяду Першай сусветнай вайны.

На матэрыяле публікацый пра беларускі тэатр перыяду Першай сусветнай вайны выяўляюцца асноўныя, прынятыя нямецкімі выданнямі параметры этнічнай ідэнтыфікацыі культуры беларусаў і селекцыйныя крытэрыі адбору фактаў для мадэлявання самастойнай гісторыі беларускай сцэны.

Назаранка Арцём Міхайлавіч, Смалякова Кацярына Віктараўна. Мінскі губернскі камітэт Усерасійскага земскага саюза: арганізацыйныя аспекты дзейнасці.

Артыкул прысвечаны выяўленню і характарыстыцы статусу, напрамкаў дзейнасці, падведамнай сеткі, парадку арганізацыі работы, кадраваму і фінансаваму забеспячэнню дзейнасці Мінскага губернскага камітэта Усерасійскага земскага саюза. Выяўлены і ўдакладнены звесткі аб розных баках дзейнасці камітэта. Паказаны асаблівасці дзейнасці камітэта, абгрунтоўваецца думка аб дзяржаўным характары яго дзейнасці.

Матвейчык Дзмітрый Часлававіч. Манаграфія Усевалада Ігнатоўскага «1863 год на Беларусі: нарыс падзей»: спроба крытычнага аналізу.

У артыкуле робіцца спроба аналізу адной з найбольш значных прац па гісторыі паўстання 1863—1864 гг. у Беларусі беларускага гісторыка Усевалада Ігнатоўскага, выдадзеная ў 1930 г. Вызначаюцца моцныя і слабыя бакі манаграфіі, даецца ацэнка мэтазгоднасці абранай структуры, паўнаце комплексаў прааналізаваных крыніц, выкарыстанай метадалогіі і тэрміналогіі, а таксама ўкладу ў айчынную гістарыяграфію ў цэлым. Даюцца рэкамендацыі па яе выкарыстанні ў далейшых навуковых распрацоўках.

Шумейка Міхаіл Фёдаравіч. Ад «Бѣлорусскаго архива древнихъ грамотъ» І. Грыгаровича да «Беларускага архіва» М. Доўнар-Запольскага і Д. Даўгялы: да 90-годдзя стварэння Гісторыка-археалагічнай (Археаграфічнай) камісіі Інстытута беларускай культуры.

У артыкуле разглядаюцца генезіс і першыя крокі эдыцыйнай археаграфіі ў Беларусі ў першай трэці XIX ст., а таксама захаванне яе традыцый у БССР. У складзе Інстытута беларускай культуры ў 1925 г. была створана Гісторыка-археалагічная (Археаграфічная) камісія. Яе члены разгарнулі актыўную эдыцыйную дзейнасць, надаўшы ёй нацыянальны характар, пры гэтым яны абапіраліся на досвед і традыцыі мінулых гадоў. Асноўнае серыйнае выданне камісіі «Беларускі архіў», якое пачало выходзіць з другой паловы 1920-х гг., азначала захаванне, працяг і развіццё ў Беларусі археаграфічных традыцый, закладзеных стагоддзем раней першым беларускім археаграфічным зборнікам «Беларускі архіў старажытных грамат», падрыхтаваным гомельскім протаіерэем Іаанам Грыгаровічам.

Бараненка Віктар Віктаравіч. Дакументы Занальнага дзяржаўнага архіва ў г. Полацку як крыніцы па гісторыі праваслаўнай царквы 1920—1930-х гг.

У артыкуле разглядаецца спецыфіка, структура і інфармацыйны склад выяўленых аўтарам дакументаў па гісторыі Рускай праваслаўнай царквы, якія захоўваюцца ў фондах Занальнага дзяржаўнага архіва ў г. Полацку. Зроблена спроба сістэматызацыі комплексаў дакументаў па паходжанні (дзяржаўна-партыйныя і царкоўныя) і па відах дакументаў. Паказаны іх спецыфічныя асаблівасці, адзначаны найбольш каштоўныя дакументы. Акцэнтуецца ўвага на ўнікальнасці і разнастайнасці змешчанай у іх інфармацыі.

Клімаў Ігар Паўлавіч. Спецыфіка рэлігійнай камунікацыі ў сферы пісьменства (на аснове тэкстаў хрысціянства).

Артыкул прысвечаны асноўным паняццям і этапам камунікацыі паміж чалавекам і сакральным, наколькі такі працэс можна ўявіць паводле больш-менш аб'ектыўных даных. У артыкуле разглядаюцца кампаненты і ўмовы сакральнай і рэлігійнай камунікацыі, а таксама асноўныя агрэгаты і стадыі развіцця рэлігійнага пісьменства. Асноўная ўвага нададзена азначэнню і спецыфіцы сакральных тэкстаў. У беларускай навуцы такая тэма ўздымаецца ўпершыню.

Віба Ірына Мікалаеўна, Раздорскі Аляксей Ігаравіч. «Звесткі або Апісанні цэркваў Магілёўскай епархіі» 1832 года (крыніцазнаўчая характарыстыка).

У артыкуле прадстаўлена падрабязная крыніцазнаўчая і археаграфічная характарыстыка ўнікальнага рукапісу 1832 г. «Звесткі або Апісанні цэркваў Магілёўскай епархіі», якая захоўваецца ў Расійскім дзяржаўным гістарычным архіве. Прыведзены таксама агульныя звесткі аб складанні апісанняў розных епархій Рускай праваслаўнай царквы ў 1830—1850-я гг. У дадатку да артыкула змешчаны роспіс зместу магілёўскага рукапісу.

Брэгер Герман Максімавіч, Лінская Ларыса Антонаўна. Архіў Слуцкага Трайчанскага Свята-Траецкага манастыра (т. 2: дакументы 164—279 за 1762—1776 гг.).

Чарговая публікацыя дакументаў Архіва Слуцкага Трайчанскага Свята-Траецкага манастыра за 1762—1776 гг. асвятляе гісторыю манастыроў і цэркваў Слуцкай праваслаўнай архімандрыі, складанасці існавання праваслаўнай царквы ў ВКЛ у гэты перыяд, узаемаадносіны святароў і іерархаў розных канфесій і свецкіх асоб, сацыяльна-эканамічную гісторыю паселішчаў рэгіёна.

Лаўрык Юрый Мікалаевіч. Крыніцы трактата Сільвестра Косава «Дідаскалія альбо Наука о седми Сакраментах».

У артыкуле разглядаюцца крыніцы, якімі карыстаўся беларускі пісьменнік і царкоўны дзеяч XVII ст. Сільвестр Косаў пры падрыхтоўцы «Дыдаскаліі» — першага

айчыннага трактата па праваслаўнай сакраманталогіі. Вывучэнне заходнееўрапейскіх і польскіх тэалагічных выданняў XVI — першай трэці XVII ст. паказала, што асноўнай крыніцай для працы Косава паслужыла кніга былога рэктара Віленскай езуіцкай акадэміі Пятра Скаргі — «Kazania o Siedmiu Sakramentach Kościoła Katolickiego». Параўнанне тэкстаў «Дыдаскаліі» і «Kazań» сведчыць, што Косаў запазычыў з гэтай кнігі для свайго трактата істотную частку матэрыялу, які перапрацаваў у рэчышчы праваслаўнай традыцыі, а таксама дапоўніў спасылкамі на дакументы кананічнага права Усходняй царквы і на творы грэчаскіх айцоў.

Макіенка Аляксей Анатольевіч. Праблемы захаванасці дакументальнай спадчыны ў дзейнасці Асаблівай Усеўкраінскай архіўнай камісіі (1920—1922 гг.).

У артыкуле разгледжаны праблемы функцыянавання Асаблівай Усеўкраінскай архіўнай камісіі ў кантэксце макулатурнай кампаніі ў архівах Украіны, санкцыянаванай органамі савецкай улады ў пачатку 1920-х гг. Аўтарам прааналізаваны абставіны і перадумовы стварэння камісіі, вызначаны арганізацыйныя прылады, задачы, асноўныя напрамкі работы АУАК і яе мясцовых органаў, а таксама выяўлены фактары, якія паўплывалі на выніковасць іх дзейнасці. Асаблівая ўвага нададзена ўсталяванню ролі Асаблівай Усеўкраінскай архіўнай камісіі ў забеспячэнні захаванасці архіўных каштоўнасцей у рэгіёнах Украіны.

Самахвалаў Дзмітрый Сяргеевіч. Архівы «вуснай» гісторыі ў ЗША.

У першыя дзесяцігоддзі свайго развіцця як напрамку даследаванняў «вусная» гісторыя разглядалася ў ЗША ў якасці даступнай альтэрнатывы працы з пісьмовымі дакументамі. Аднак паступленне вялікага аб'ёму інфармацыі спараджае праблемы ў яе далейшым захаванні і выкарыстанні.

Злобін Сяргей Сяргеевіч. Паняцце «мяжа» як аснова посткаланіяльнага павароту ў індалогіі.

У артыкуле разглядаецца, як у рамках посткаланіяльнага павароту ў індалогіі развіваецца крытыка меж найважнейшых аб'ектаў гісторыі і культуры Індыі, якія прадпісваюцца цывілізацыйным падыходам. Падкрэсліваецца, што асновай гэтай крытыкі з'яўляецца прызнанне сувязі паходжання гэтых меж з рэалізацыяй уладных інтэнцый брытанскіх каланізатараў, якія выкарыстоўвалі такія катэгорыі як «каста», «канчына Індыі», «санскрыт» для канструявання Індыі як экзатычнага Іншага для Брытаніі, далёкага і незразумелага. Асаблівая ўвага надаецца тэхніцы апісання аўтарамі, якія знаходзяцца пад уплывам посткаланіялізму, канструявання сучаснага разумення аб'ектаў гісторыі і культуры Індыі ў каланіяльным кантэксце. Таксама вылучаецца прынцыповая немагчымасць пабудовы ў рамках посткаланіяльнага павароту якой-небудзь альтэрнатывы дыскурсу гісторыі і культуры Індыі, які ўзнік у эпоху каланіялізму, па прычыне ўзаемасувязі посткаланіялізму з постмадэрнізмам і адсутнасцю ўсялякіх прэтэнзій на адзіную пануючую ідэю.

Латушкін Андрэй Мікалаевіч. Аб гісторыі ўключэння грамат і актаў дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага ў склад архіва Нясвіжскай ардынацыі князёў Радзівілаў у другой палове XVII ст.

Аўтар разглядае гісторыю часткі дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага. У яе ўваходзілі 4 групы актаў: 1) прывілеі на правы і свабоды землеўладальнікаў (шляхты) ВКЛ; 2) акты уній ВКЛ і Каралеўства Польскага; 3) пагадненні аб міры паміж ВКЛ і Маскоўскай дзяржавай, Малдавіяй; 4) граматы рымскіх пап, што былі дадзены вялікім князям літоўскім на адпушчэнне грахоў і іншыя прывілеі. Аўтар разглядае новыя крыніцы, якія асвятляюць гісторыю ўключэння гэтых дакументаў у склад архіва

Нясвіжскай ардынацыі Радзівілаў у другой палове XVII ст. (пры жыцці князёў Міхала Казіміра Радзівіла (1635—1680) і яго жонкі Кацярыны з Сабескіх Радзівіл (?—1694). Аўтар выказвае меркаванне, што першапачаткова гэтай часткай архіва завалодалі князі Януш (1612—1655) і Багуслаў (1620—1669) Радзівілы. У артыкуле публікуецца вопіс дадзенай часткі дзяржаўнага архіва ВКЛ 1685 г. — як часткі архіва Кацярыны Радзівіл. Ён захоўваецца ў складзе Галоўнага архіва старажытных актаў у Варшаве.

Антановіч Зінаіда Васільеўна. Інвентар Лазавіцкага рымска-каталіцкага касцёла за 1864 г.

У артыкуле публікуецца інвентар Лазавіцкага касцёла Клімавіцкага павета Магілёўскай губерні, складзены падчас прыёму-перадачы яго маёмасці ад пробашча Ф. Тамашэўскага, які высылаўся па загадзе дзяржаўных улад па палітычных матывах пасля паўстання 1863—1864 гг. у Пермскую губерню пад нагляд паліцыі, ксяндзу Я. Даўгялу. У прадмове вылучаны шэраг асаблівасцей складання гэтага віду дакументаў, прымяняльна да прыёму-перадачы маёмасці, звязаных з афармленнем інвентара, а таксама яго структурай і зместам.

РЕЗЮМЕ

Федоров М. Ш. К 75-летию организации архивного дела в Западной Беларуси.

В статье рассматриваются организационные и правовые аспекты интеграции архивов Западной Беларуси в состав Единого государственного архивного фонда как логическое завершение начатых 17 сентября 1939 г. мероприятий общественно-политического характера, которые привели к воссоединению западных регионов Беларуси в едином белорусском советском государстве. Отмечается незавершенность процесса интеграции в связи с начавшейся Великой Отечественной войной, в ходе которой западнобелорусские архивы понесли значительные потери, продолжающиеся сказываться до сих пор.

Афанасьева Татьяна Юрьевна. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (к истории создания и становления).

С учреждением Гродненского губернского правления в 1802 г. был создан и его архив, который положил начало деятельности современного архива, несмотря на то, что официальной датой образования Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно является 11 февраля 1940 г. В 40—60-е гг. XX в. фонды архива пополнялись документальными материалами из архивов СССР. В начале XXI в. архив принимал документы религиозных учреждений, из отделов ЗАГС Гродненской и Брестской областей. В августе 2014 г. архив полностью переехал в новое здание.

Карапузова Анна Геннадьевна. Государственный архив Брестской области: история, развитие, кадры (1940—2015 гг.).

Статья представляет собой краткий очерк истории основанного в 1940 г. Государственного архива Брестской области.

Шершень Ольга Ивановна. Юбилей Барановичского архива.

Статья представляет собой краткий очерк истории основанного в 1940 г. Государственного архива Барановичской области, который с 1996 г. называется Зональный государственный архив в г. Барановичи.

Адамович Оксана Владимировна. Путь длиною в 75 лет (к юбилею учреждения «Зональный государственный архив в г. Молодечно»).

Статья представляет собой краткий очерк истории основанного в 1940 г. Государственного архива Виленской области, который с 1996 г. называется Зональный государственный архив в г. Молодечно.

Стефанович Марина Михайловна. Архивная служба города Пинска отмечает свое 75-летие.

Статья представляет собой краткий очерк истории основанного в 1940 г. Государственного архива Пинской области, который с 1996 г. называется Зональный государственный архив в г. Пинске.

Поздняков Валерий Семенович. «Беларускаму археаграфічнаму штогодніку» 15 лет.

В статье анализируются история и содержание «Беларускага археаграфічнага штогодніка» за 2000—2014 гг.

Козак Кузьма Иванович. Фонды архивов и музеев о германской оккупации Беларуси в годы Великой Отечественной войны 1941—1944 гг.

Статья освещает архивные и музейные фонды в Беларуси и за границей, в которых имеются материалы о германской оккупации Беларуси в 1941—1944 гг. Сделан анализ полноты и репрезентативности этих фондов, а также степени сохранности документальных комплексов германских органов власти и военных частей, действовавших на оккупированной территории Беларуси.

Кулинок Святослав Валентинович. Историография разведывательной деятельности белорусских партизан в годы Великой Отечественной войны.

Статья посвящена исследованию историографии по разведывательной деятельности белорусских партизан в годы Великой Отечественной войны. Автор изучает научные работы по данной проблеме, анализирует достижения, недостатки и перспективы исследования темы.

Третьяк Елена Ивановна. Восстановление мирной жизни в БССР в 1944—1945 гг. в сюжетах киножурнала «Савецкая Беларусь».

Данная статья посвящена восстановлению всех сфер мирной жизни БССР: экономической, общественно-политической и культурной в 1944—1945 гг. на примере сюжетов киножурнала «Савецкая Беларусь».

Вайтович Сергей Владимирович. Источники по налогообложению крестьянских хозяйств БССР в 1920-х гг.

Рассматриваются источники по налогообложению деревни в 1920—1930-х гг. Дается характеристика некоторым видам источников: законодательным, массовым, материалам делопроизводства. Делается вывод, что важность анализа законодательных источников объясняется необходимостью понимания налогового механизма, полноты полномочий работников фиска, а также формирующейся в процессе налоговой кампании отчетности, что кроме материалов, касающихся непосредственно начисления, уплаты налогов, существовали материалы, к примеру, учета источников обложения, которые могут быть не менее важны для анализа социально-экономического развития деревни, чем конечные цифры поступивших налогов.

Мальцев Владимир Валерьевич. Белорусский театр в освещении немецкой печати периода Первой мировой войны.

На материале публикаций о театре, появившихся в годы Первой мировой войны, выявляются основные, принятые немецкими изданиями параметры этнической идентификации культуры белорусов и селекционные критерии отбора фактов, подходящих для моделирования самостоятельной истории белорусской сцены.

Назаренко Артем Михайлович, Смолякова Екатерина Викторовна. Минский губернский комитет Всероссийского земского союза: организационные аспекты деятельности.

Статья посвящена выявлению и характеристике статуса, направлений деятельности, подведомственной сети, порядка организации работы, кадровому и финансовому обеспечению деятельности Минского губернского комитета Всероссийского земского союза. Выявлены и уточнены сведения о различных сторонах деятельности комитета. Показаны особенности деятельности комитета, обосновывается мысль о государственном характере его деятельности.

Матвейчик Дмитрий Чеславович. Монография Всеволода Игнатовского «1863 год на Беларусі: нарыс падзей»: попытка критического анализа.

В статье делается попытка анализа одной из наиболее значительных работ по истории восстания 1863—1864 гг. в Беларуси белорусского историка Всеволода Игнатовского, изданная в 1930 г. Определяются сильные и слабые стороны монографии, дается оценка целесообразности избранной структуры, полноте комплексов проана-

лизированных источников, использованной методологии и терминологии, а также вкладу в отечественную историографию в целом. Даются рекомендации по ее использованию в дальнейших научных разработках.

Шумейко Михаил Федорович. От «Бѣлорусскаго архива древнихъ грамотъ» И. Григоровича к «Беларускаму архіву» М. Довнар-Запольского и Д. Довгялло: к 90-летию создания Историко-археологической (Археографической) комиссии Института белорусской культуры.

В статье рассматриваются генезис и первые шаги эдиционной археографии в Беларуси в первой трети XIX в., а также сохранение ее традиций в БССР. В составе Института белорусской культуры в 1925 г. была создана Историко-археологическая (Археографическая) комиссия. Ее члены развернули активную эдиционную деятельность, придав ей национальный характер, при этом они опирались на опыт и традиции прошлых лет. Начавшее выходить со второй половины 1920-х гг. основное серийное издание комиссии «Беларускі архіў» знаменовало сохранение, продолжение и развитие в Беларуси археографических традиций, заложенных веком ранее первым белорусским археографическим сборником «Белорусский архив древних грамот», подготовленным гомельским протоиереем Иоанном Григоровичем.

Бараненко Виктор Викторович. Документы Зонального государственного архива в г. Полоцке как источники по истории православной церкви 1920—1930-х гг.

В статье рассматривается специфика, структура и информационный состав обнаруженных автором документов по истории Русской православной церкви, хранящихся в фондах Зонального государственного архива в г. Полоцке. Сделана попытка систематизации комплексов документов по происхождению (государственно-партийные и церковные) и по видам документов. Показаны их специфические особенности, отмечены наиболее ценные документы. Акцентируется внимание на уникальности и разнообразии находящейся в них информации.

Климов Игорь Павлович. Специфика религиозной коммуникации в сфере письменности (на основе текстов христианства).

Статья посвящена основным понятиям и этапам коммуникации между человеком и сакральным, насколько этот процесс можно представить по более-менее объективным данным. В статье рассматриваются компоненты и условия сакральной и религиозной коммуникации, а также основные агрегаты и стадии развития религиозной письменности. Основное внимание уделено определению и специфике сакральных текстов. В белорусской науке такая тема поднимается впервые.

Вибе Ирина Николаевна, Раздорский Алексей Игоревич. «Сведения или Описания церквей Могилевской епархии» 1832 г. (источниковедческая характеристика).

В статье представлена подробная источниковедческая и археографическая характеристика уникальной рукописи 1832 г. «Сведения или Описания церквей Могилевской епархии», хранящейся в Российском государственном историческом архиве. Приведены также общие сведения о составлении описаний различных епархий Русской православной церкви в 1830—1850-е гг. В приложении к статье помещена роспись содержания могилевской рукописи.

Брегер Герман Максимович, Линская Лариса Антоновна. Архив Слуцкого Тройчанского Свято-Троицкого монастыря (т. 2: документы 164—279 за 1762—1776 гг.).

Очередная публикация документов Архива Слуцкого Тройчанского Свято-Троицкого монастыря за 1762—1776 гг. освещает историю монастырей и церквей Слуцкой

православной архимандрии, проблемы деятельности православной церкви в ВКЛ в данный период, взаимоотношения священников и иерархов разных конфессий и светских лиц, социально-экономическую историю поселений региона.

Лаврик Юрий Николаевич. Источники трактата Сильвестра Косова «Дідаскалія альбо Наука о седми Сакраментах».

В своей статье автор обращается к рассмотрению источников, которыми пользовался белорусский писатель и богослов XVII в. Сильвестр Косов при подготовке «Дидаскалии» — первого отечественного трактата по православной сакраментологии. Изучение западноевропейских и польских теологических изданий XVI — 1-й трети XVII в. показало, что основным источником для работы Косова послужила книга бывшего ректора Виленской иезуитской академии Петра Скарги — «Kazania o Siedmiu Sakramentach Kościoła Katolickiego». Сравнение текстов «Дидаскалии» и «Kazań» свидетельствует, что Косов заимствовал из этой книги для своего трактата существенную часть материала, который переработал в духе православной традиции, а также дополнил ссылками на документы канонического права Восточной церкви и произведения греческих отцов.

Макиенко Алексей Анатольевич. Проблемы сохранности документального наследия в деятельности Особой Всеукраинской архивной комиссии (1920—1922 гг.).

В статье рассмотрены проблемы функционирования Особой Всеукраинской архивной комиссии в контексте макулатурной кампании в архивах Украины, санкционированной органами советской власти в начале 1920-х гг. Автором проанализированы условия и предпосылки создания комиссии, определены организационное устройство, задачи, основные направления работы ОВАК и ее местных органов, а также выявлены факторы, повлиявшие на результативность их деятельности. Особое внимание уделено установлению роли Особой Всеукраинской архивной комиссии в обеспечении сохранности архивных ценностей в регионах Украины.

Самохвалов Дмитрий Сергеевич. Архивы «устной» истории в США.

В первые десятилетия своего существования как направления исследований «устная» история рассматривалась в США в качестве доступной альтернативы работы с письменными документами. Однако поступление большого объема информации порождает проблемы в ее дальнейшем хранении и использовании.

Злобин Сергей Сергеевич. Понятие «граница» как основа постколониального поворота в индологии.

В статье рассматривается, как в рамках постколониального поворота в индологии развивается критика границ важнейших объектов истории и культуры Индии, предписываемых цивилизационным подходом. Подчеркивается, что основой данной критики является признание связи происхождения этих границ с реализацией властных интенций британских колонизаторов, использовавших такие категории как «каста», «женщина Индии», «санскрит» для конструирования Индии как экзотичного Другого для Британии, далекого и непонятного. Особое внимание уделяется технике описания авторами, находящимися под влиянием постколониализма, конструирования современного понимания объектов истории и культуры Индии в колониальном контексте. Также выделяется принципиальная невозможность построения в рамках постколониального поворота какой-либо альтернативы дискурсу истории и культуры Индии, возникшему в эпоху колониализма, по причине взаимосвязи постколониализма с постмодернизмом и отсутствием всяких претензий на единую господствующую идею.

Латушкин Андрей Николаевич. Об истории включения грамот и актов государственного архива Великого Княжества Литовского в состав архива Несвижской ординации князей Радзивиллов во второй половине XVII в.

Автор рассматривает историю части государственного архива Великого Княжества Литовского. В нее входили 4 группы актов: 1) привилегии на права и свободы землевладельцев (шляхты) ВКЛ; 2) акты уний ВКЛ и Королевства Польского; 3) соглашения о мире между ВКЛ и Московским государством, Молдавией; 4) грамоты римских пап, что были даны великим князьям литовским на отпущение грехов и другие привилегии. Автор рассматривает новые источники, которые освещают историю включения этих документов в состав архива Несвижской ординации Радзивиллов во второй половине XVII века (при жизни князей Михаила Казимира Радзивилла (1635—1680) и его жены Екатерины из Собеских Радзивилл (?—1694). Автор высказывает мнение, что изначально этой частью архива завладели князья Януш (1612—1655) и Богуслав (1620—1669) Радзивиллы. В статье публикуется опись данной части государственного архива ВКЛ 1685 — как части архива Екатерины Радзивилл. Она сохраняется в составе Главного архива древних актов в Варшаве.

Антонович Зинаида Васильевна. Инвентарь Лозовицкого римо-католического костела за 1864 г.

В статье публикуется инвентарь Лозовицкого костела Климовичского уезда Могилевской губернии, составленный во время приема-передачи его имущества от настоятеля Ф. Томашевского, который был выслан по распоряжению государственных властей по политическим мотивам после восстания 1863—1864 гг. в Пермскую губернию под надзор полиции, ксендзу И. Довгялло. В предисловии характеризуется ряд особенностей составления данного вида документов, применительно к приему-передаче имущества, связанных с оформлением инвентаря, а также его структурой и содержанием.

SUMMARY

M. Sh. Fedorov. On the 75th Anniversary of the Organization of Archives in Western Belarus.

The article deals with the organizational and legal aspects of the integration of the archives of Western Belarus into the Unified State Archival Fund launched as a logical completion of September 17, 1939 events of social and political nature that led to the reunification of the western regions of Belarus in a single Belarusian soviet state. This integration process was not completed due to the outbreak of the Great Patriotic War, during which Western Belarusian archives suffered heavy losses, continues to affect so far.

Tatstsana Afanas'eva. National Historical Archives of Belarus in Grodna (the History of Creation and Development).

With the creation of the Grodna provincial government in 1802 his archive was based, which marked the beginning of National Historical Archives of Belarus in Grodna, despite that the official date of creation of the Archives is February 11, 1940. In 1940—1960th Archives were replenished documents from the archives of the Soviet Union. At the beginning of the 21st century Archives received documents of religious institutions from the civil registration offices of Grodna and Brest regions. In August 2014 Archives moved to new building.

Hanna Karapuzava. State Archives of Brest Region: History, Development, Staff (1940—2015).

The article is a brief outline of the history of the State Archive of the Brest region (founded in 1940).

Volha Shershen'. Baranavichy Archives' Anniversary.

The article is a brief outline of the history of the State Archive of the Baranavichy region (founded in 1940), which since 1996 is called the Zonal State Archive in Baranavichy.

Aksana Adamovich. The Path Length of 75 Years (for the Anniversary of Zonal State Archives in Maladzechna).

The article is a brief outline of the history of the State Archive of the Vileyka region (founded in 1940), which since 1996 is called the Zonal State Archive in Molodechno.

Maryna Stefanovich. Archive Service of the Pinsk City Celebrates Its 75th Anniversary.

The article is a brief outline of the history of the State Archive of the Pinsk region (founded in 1940), which since 1996 is called the Zonal State Archive in Pinsk.

Valery Pazdniakoŭ. 15 Years of «The Belarusian Archeographical Year-Book».

The article analyzes the history and content of «The Belarusian Archeographical Year-Book» in 2000—2014.

Kuz'ma Kozak.. Archives and Museums Funds on the German Occupation of Belarus in the Great Patriotic War 1941—1944.

The article deals with the archival and museum collections in Belarus and abroad, which have materials about the German occupation of Belarus in 1941—1944. The article analyzes the completeness and representativeness of these funds, as well as the degree of preservation of documentary complexes of the German authorities and military units that operated in the occupied territory of Belarus.

Svyatoslav Kulinok. Historiography of the Reconnaissance Activities of Belarusian Partisans During the Great Patriotic War.

Article is devoted to the study of history in reconnaissance activities of Belarusian partisans during World War II. The author analyzes the scientific data on this problem, identifies achievements, shortcomings and prospects of research on this topic.

Alena Tratstsyak. Restoration of Peaceful Life in the Belarusian SSR in 1944—1945 in the Film Magazine «Soviet Belarus».

This article is dedicated to the reconstruction of peaceful life of the BSSR in economic, social, political and cultural spheres in 1944—1945. The article is based on the facts from the film magazine « Sovetskaya Belorus».

Siarhey Vajtovich. The Sources of Taxation of the farms of the BSSR in the 1920th.

The article is about the sources of taxation in the village of 1920—1930. The characteristic of some types of sources is in the article: legislative, mass, materials of records management. It is concluded that the importance of analyzing the legislative sources due to the need of understanding of the tax mechanism, authority employees completeness, and emerging in the process of tax reporting campaign. In addition to the material directly related charges, taxes, there were the data, for example, an inventory of sources of taxation, which may be no less important for the analysis of social and economic development in the countryside than the final figures received by taxes.

Uladzimir Maltsaŭ. Belarusian Theater in the German Press Coverage of the First World War.

Emanating from publication data on Belarusian Theater during the period of the First World War, it was possible to work out parameters of the ethnic identification of the Belarusian culture. Furthermore, criteria for the selection of data from the available materials can be spotted, which are applied by German editors in order to reconstruct the autonomous rise of the Belarusian stage.

Artsem Nazaranka, Katsaryna Smaliakova. Minsk Provincial Committee of the All-Russian Zemstvo Union: Organizational Aspects of Activity.

Artsiom Nazaranka and KatsiarynaSmaliakovain their article identify and characterize organizational aspects of activity status, activities, network of subordinate institutions, organization of work, staff and finances ofMinsk provincial committee of the All-Russian Zemstvo Union. The authors have revealed and clarifiedinformation about differentaspects ofthe committee activities. Particularities of the committee are described, and idea about publicnature ofits activities is substantiated.

Dzmitry Matveichyk. Usevalad Ignatouski's Monograph «The Year 1863 in Belarus: the Outline of Events»: the Attempt of Critical Analysis.

In the article one of the most remarkable studies about the history of 1863 Rebellion in Belarus is analyzed. The study, written by Usevalad Ignatouski, was published in 1930. The strong and weak points of the monograph are determined in the article, the structure of monograph, the completeness of sources complex that had been analyzed, methodology, that the author used in the study, and the terminology are assessed, as well as the Ignatouski's contribution to the Belarusian historiography in general. There are also recommendations about the using of the monograph materials in future studies.

Michail Shumeyka. From «Belarusian Archive of Ancient Letters» by I. Grygarovich to «Belarusian Archive» by M. Dounar-Zapolski and D. Daugyala: the 90th Anniversary of the Historical and Archaeological (Archaeographical) Committee of the Institute of Belarusian Culture.

The article discusses the genesis and the first steps of editional archeography in Belarus in the first third of the 19th century as well as the preservation of its traditions in the BSSR. As part of the Institute of Belarusian Culture the Historical and Archaeological (Archaeographical) Committee was created in 1925. Its members launched an active editional activity, giving it a national character, and they relied on the experience and traditions of yesteryear. In the second half of the 1920s, the main serial edition of the Committee «Belarusian archive» marked the conservation, continuation and development of archaeographical traditions rooted century

before by the first Belarusian archaeographical collection «Belarusian archive of ancient letters» prepared by Gomel Archpriest John Grygarovich.

Viktar Baranenka. Documents of Polotsk Zonal State Archive as Historical Sources of Orthodox Church of the 1920—1930th.

Specifics, composition and informational structure of the historical documents of the Orthodox Church discovered by the author are considered in the article. The documents are stored in funds of Polotsk zonal state archive. They were systematized by the origin (governmental-party and church) and types. The specific features of documents are shown; the most important documents are noted. The attention is focused on uniqueness and a variety of information from documents.

Ihar Klimaŭ. Specifics of Religious Communication in Domain of Writing (on the Basis of Texts of Christianity).

The article is devoted to basic concepts and phases of the communication between human and sacral how far it is possible to represent this process by more or less impartial data. The article deals with components and framework of sacral and religious communication, as well as basic aggregations and stages in development of religious writing. Main attention is paid to definition and specifics of sacral texts. Such theme is raised in Belarusian science first.

Iryna Vibe, Alyaksey Razdorski. «Information or Description of the Churches of the Magileu Diocese», 1832 (Source Materials Characterization).

The paper presents a detailed source and archeographical description of unique manuscript «Information or Description of the Churches of the Magileu Diocese» (1832) stored in the Russian State Historical Archive. Also an overview of compiling of descriptions of the various Russian Orthodox Church dioceses in 1830—1850s is given. Attached to the article contains a content of the Magileu manuscript.

Herman Breger, Larysa Linskaya. The Archive of St. Trinity Monastery of Troychany in Slutsk (v. 2: documents Nr. 164—279, c. 1762—1776).

The current publication of the documents (1762—1776) of the archive of St. Trinity Monastery of Troychany in Slutsk reveals the history of the monasteries of the churches of the Slutsk Orthodox Archimandrite, the problems of the activities of Orthodox Church in the Grand Duchy of Lithuania during this period, relations between priests and bishops of various confessions and secular people, socio-economic history of towns and villages in the region.

Jury Lauryk. Sources of the Tractate «Dydaskalija albo Nauka o Sedmi Sakramentach» by Sylvester Kosaw.

In this publication the author turns to studying of the first Belarusian tractate on Orthodox sacramentology «Dydaskalija» by Sylvester Kosaw, the bishop of Mscislaw, Orsha and Mahiliow. The special attention in the article is paid to sources of the tractate. After analyzing European and Polish theological literature of 16th—17th c., the author makes a conclusion, that «Dydaskalija» based on «Kazania o Siedmiu Sakramentach» by Piotr Skarga, Polish Jesuit and former the Rector of Academy in Vilna. The author states an opinion that Sylvester Kosaw borrowed most of material from the mentioned book and rewrote it in accordance with the Orthodox theological tradition.

Alexej Makiyenko. Problems of Preservation of Documentary Heritage in the Activities of All-Ukrainian Special Archive Commission (1920—1922).

The article deals with problems of functioning of the All-Ukrainian special Archive Commission in the context of junk campaign in the archives of Ukraine, authorized the Soviet authorities in the early 1920s. The author analyzes the conditions and prerequisites for the creation of the

commission, defined organizational structure, objectives, main directions of the ASAC and its local authorities, and also identified factors that influenced the performance of their activities. Particular attention is paid to the role of the establishment of the All-Ukrainian special Archive Commission in ensuring the preservation of archival values in the regions of Ukraine.

Dzmitry Samakhvalaŭ. Oral History Archives in the USA.

During the first decades of its development, Oral History was seen in the USA as an approachable alternative for traditional written documents. But the wide content of new Oral History information has called into existence different problems in its safekeeping and applying in research.

Siarhei Zlobin. The «Boundary» Notion as a Basis for Postcolonial Turn in South Asia Studies.

The article considers the development of criticism against boundaries of the most important categories of Indian history and culture dictated by civilizational approach within the Postcolonial turn. It's underlined that the basis of this criticism is the recognition of the relations between the origins of these boundaries ant the authoritative intentions of British colonizers who employed such categories as «caste», «Indian woman», «Sanskrit» to construct India as the exotic, distant and incomprehensible Other for Britain. The special emphasis is put on the narrative means applied by the authors under the influence of the Postcolonial turn in order to examine how contemporary understanding of the objects of Indian history and culture has been established within colonial context. It is also argues that within the Postcolonial turn there is no possibility for any alternative to the Indian history and culture discourse which emerged in colonial period because of correlation between postcolonialism and postmodernism and because of absence of claims for metanarrative.

Andrei Latushkin. About the History of Incorporating Charters and Acts of State Archives of the Grand Duchy of Lithuania in the Archive Nesvizh Ordination Princes Radziwill in the Second Half of the 17th century.

The author examines the history of the State Archives of the Grand Duchy of Lithuania (GDL). It consisted of four groups of acts: 1) the privileges of the rights and freedoms of landowners (gentry); 2) acts uny GDL and the Kingdom of Poland; 3) peace agreement between GDL and Muscovy, Moldova; 4) ratification popes that were given to Grand Duke of Lithuania in the absolution and other privileges. The author considers new sources that illuminate the history of the inclusion of these documents in the archive of the Radziwill family Nesvizh ordination in the second half of the 17th century(in the life of Prince Michael Casimir Radziwill (1635—1680) and his wife Catherine with Sobieski Radziwill (?—1694). The author suggests that this part of the archive was originally captured princes Janusz (1612—1655) and Bohuslav (1620—1669) Radziwill. The article is published inventory of this part of the ON state archive in 1685 — as part of an archive of Catherine Radziwill. It is stored as part of the Central Archives of Historical Records in Warsaw.

Zinaida Antanovich. Inventory of Lozovits' Rome Catholic Church for 1864.

Inventory of Lozovits' church (Klimovichi district, Mogilev Province) is published in the article. It was drawn up during the reception and transmission of its property by the abbot F. Tomaszewski to priest I. Dovgyallo. F. Tomaszewski was bunished by order of the public authorities to the Perm province under police surveillance for political reasons after the rebellion of 1863—1864. Peculiarities of makingthis type of documents in attitude to the reception and transmission of property associated with composition of inventory, as well as its structure and content characterized in the introduction of the article.

ПРАВІЛЫ ДЛЯ АЎТАРАЎ «БЕЛАРУСКАГА АРХЕАГРАФІЧНАГА ШТОГОДНІКА»

1. «Беларускі археаграфічны штогоднік» публікуе навуковыя даследаванні па розных галінах тэарэтычнай і практычнай археаграфіі, архівазнаўства, дакументалістыкі і сумежных спецыяльных гістарычных дысцыплін, а таксама інфармацыйныя матэрыялы і рэцэнзіі на апублікаваныя працы.
2. Рэдакцыйная калегія прымае да разгляду матэрыялы, якія адпавядаюць патрабаванням, што прад'яўляе Вышэйшая атэстацыйная камісія Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў.
3. Рэдакцыйная калегія публікуе ў першую чаргу артыкулы, прадстаўленыя асобамі апошняга года паслявузаўскага навучання (аспірантура, дактарантура, саіскальніцтва).
4. Аўтары нясуць персанальную адказнасць за прадстаўленне ў рэдакцыю ўжо раней апублікаваных артыкулаў або артыкулаў, прынятых да друку іншымі выданнямі.
5. Аўтары артыкулаў і публікацый дакументаў нясуць адказнасць за дакладнасць перадачы тэксту дакументаў, цытат і спасылак.
6. Аўтары разам з рукапісам навуковага артыкула прадстаўляюць выпіску з пратакола пасяджэння вучонай рады, аддзела, кафедры з месца працы з рэкамендацыяй артыкула да друку.
7. Дапускаецца замест выпіскі з пратакола прадставіць дзве рэцэнзіі — доктара і кандыдата навук, якія з'яўляюцца спецыялістамі ў той галіне ведаў, па якой зроблена даследаванне. Рэцэнзіі павінны ўтрымліваць рэкамендацыі артыкула да друку.
8. Рэкамендацыі да друку навуковых артыкулаў, падрыхтаваных супрацоўнікамі органаў і ўстаноў Дзяржаўнай архіўнай службы Рэспублікі Беларусь, ажыццяўляюць вучоныя рады БелНДІДАС, БелНДЦЭД, дзяржаўных архіваў.
9. Для публікацый дакументальных крыніц, матэрыялаў інфармацыйнага характару, рэцэнзій рэкамендацыі да друку не патрабуюцца.
10. Рукапіс завяраецца подпісам аўтара з праставўленнем даты, а таксама ўказваюцца прозвішча, імя і імя па бацьку, месца працы, займаемая пасада, вучоная ступень, званне, кантактныя тэлефоны (e-mail) для сувязі рэдакцыі з аўтарам (не публікуюцца) і кантактныя тэлефоны (e-mail) для зваротнай сувязі чытачоў з аўтарам (публікуюцца). Разам з раздрукоўкай прадстаўляецца ідэнтычны электронны варыянт артыкула.
11. Артыкул забяспечваецца анатацыяй на беларускай (рэзюмэ), рускай (резюме) і англійскай (summary) мовах памерам 100—150 слоў.
12. Аб'ём навуковага артыкула — не менш за 14 тыс. і не больш за 20 тыс. знакаў, аб'ём публікацыі дакументальных крыніц — да 40 тыс. знакаў. Раздрукоўка выконваецца шрыфтам Times New Roman, кегль 14 пунктаў, праз 1,5 інтэрвала, палі верхняе і ніжняе па 2 см, левае 3 см, правае 1,5 см.

13. Бібліяграфічныя спасылкі афармляюцца згодна з главой 5 Інструкцыі па афармленні дысертацыі і аўтарэферата (пастанова ВАК Рэспублікі Беларусь ад 22.02.2006 № 2, апублікавана ў Нацыянальным рэестры прававых актаў Рэспублікі Беларусь 20 сакавіка 2006 г., № 41, 7/603).
14. Тэрмін падачы артыкулаў — да 1 сакавіка бягучага года. Пасля 1 сакавіка матэрыялы прымаюцца для публікацыі ў штогодніку ў наступным годзе.
15. Рэдакцыйная калегія не бярэ платы за апублікаванне навуковых артыкулаў.

Рэдакцыйная калегія
«Беларускага археаграфічнага штогодніка»
вул. Крапоткіна, 55, 220002, г. Мінск,
arheograph@belniidad.by

ЗМЕСТ

АГУЛЬНЫ СХОД АРХЕАГРАФІЧНАЙ КАМІСІІ ДЭПАРТАМЕНТА ПА АРХІВАХ І СПРАВАВОДСТВУ МІНІСТЭРСТВА ЮСТЫЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

В. С. Поздняков. О выполнении Плана публикаций документов Национального архивного фонда Республики Беларусь на 2009—2013 гг. и принятии Плана публикаций документов Национального архивного фонда Республики Беларусь на 2014—2018 гг. 5
М. Ф. Шумейко. Возобновление археографической традиции: к 15-летию создания Археографической комиссии Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь..... 14

ДА 75-ГОДДЗЯ АРГАНІЗАЦЫІ АРХІЎНАЙ СПРАВЫ Ў ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ

М. Ш. Федоров. К 75-летию организации архивного дела в Западной Беларуси..... 25
Т. Ю. Афанасьева. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (к истории создания и становления)..... 36
А. Г. Карапузова. Государственный архив Брестской области: история, развитие, кадры (1940—2015 гг.)..... 41
О. И. Шершень. Юбилей Барановичского архива..... 51
О. В. Адамович. Путь длиною в 75 лет (к юбилею учреждения «Зональный государственный архив в г. Молодечно»)..... 54
М. М. Стефанович. Архивная служба города Пинска отмечает свое 75-летие..... 59

АРТЫКУЛЫ

В. С. Пазднякоў. «Беларускаму археаграфічнаму штогодніку» 15 гадоў..... 62
К. И. Козак. Фонды архивов и музеев о германской оккупации Беларуси в годы Великой Отечественной войны 1941—1944 гг. 67
С. В. Кулинок. Историография разведывательной деятельности белорусских партизан в годы Великой Отечественной войны..... 100
Е. И. Третьяк. Восстановление мирной жизни в БССР в 1944—1945 гг. в сюжетах киножурнала «Савецкая Беларусь»..... 117
С. В. Вайтович. Источники по налогообложению крестьянских хозяйств БССР в 1920-х гг. 125
В. В. Мальцев. Белорусский театр в освещении немецкой печати периода Первой мировой войны..... 133
А. М. Назаранка, К. В. Смалякова. Мінскі губернскі камітэт Усерасійскага земскага саюза: арганізацыйныя аспекты дзейнасці..... 148
Д. Ч. Матвейчык. Манаграфія Усевалада Ігнатоўскага «1863 год на Беларусі: нарыс падзей»: спроба крытычнага аналізу..... 170
М. Ф. Шумейко. От «Бѣлорусскаго архива древнихъ грамоть» И. Григоровича к «Беларускаму архіву» М. Довнар-Запольского

и Д. Довгялло: к 90-летию создания Историко-археологической (Археографической) комиссии Института белорусской культуры............179
В. В. Бараненка. Дакументы Занальнага дзяржаўнага архіва ў г. Полацку як крыніцы па гісторыі праваслаўнай царквы 1920—1930-х гг. 191
І. П. Клімаў. Спецыфіка рэлігійнай камунікацыі ў сферы пісьменства (на аснове тэкстаў хрысціянства)..199
И. Н. Вибе, А. И. Раздорский. «Сведения или Описания церквей Могилевской епархии» 1832 года (источниковедческая характеристика)...213
Г. М. Брэгер, Л. А. Лінская. Архіў Слуцкага Трайчанскага Свята-Траецкага манастыра (Т. 2: дакументы 164—279 за 1762—1776 гг.).........225
Ю. М. Лаўрык. Крыніцы трактата Сільвестра Косава «Дідаскалія альбо Наука о седми Сакраментах»..254
А. А. Макиенко. Проблемы сохранности документального наследия в деятельности Особой Всеукраинской архивной комиссии (1920—1922 гг.)..264
Д. С. Самахвалаў. Архівы «вуснай» гісторыі ў ЗША..278
С. С. Злобин. Понятие «граница» как основа постколониального поворота в индологии 284

ПУБЛІКАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ

А. М. Латушкін. Аб гісторыі ўключэння грамат і актаў дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага ў склад архіва Нясвіжскай ардынацыі князёў Радзівілаў у другой палове XVII ст. 292
З. В. Антановіч. Інвентар Лазавіцкага рымска-каталіцкага касцёла за 1864 г. 310

РЭЦЭНЗІІ

В. У. Герасімчык. Новы твор па гісторыі паўстання 1863—1864 гг. 328

ПОСТАЦІ

Д. В. Лісейчыкаў. Да 70-годдзя з дня нараджэння Алы Купрыянаўны Галубовіч..333
Л. В. Кисель. К 75-летию со дня рождения Караськ Нины Витальевны 334
В. Н. Надежина. Человек в архивном деле (*80 лет со дня рождения Л. Н. Кисловой*)...336
А. М. Грыневіч. Да 90-годдзя Кацярыны Пятроўны Міхайлавай 336
Р. Ф. Горячева. Памяти архивиста. Ольга Николаевна Синицина (1930—2009) 337
Рэзюмэ...340
Резюме...345
Summary..350
Правілы для аўтараў 354

CONTENTS

GENERAL MEETING OF ARCHEOGRAPHICAL COMMISSION OF THE DEPARTMENT FOR ARCHIVES AND RECORDS KEEPING OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF REPUBLIC OF BELARUS

V. Pazdniakoй. On the implementation of the documents publications plan of the National Archival Fund of the Republic of Belarus for 2009—2013 and making documents publications plan of the National Archival Fund of the Republic of Belarus for 2014—2018..5
M. Shumeyka. Resuming archeographical tradition: the 15th anniversary of Archeographical Commission of The Department for Archives and Records Keeping of the Ministry of Justice of Republic of Belarus.....................................14

ON THE 75TH ANNIVERSARY OF THE ORGANIZATION OF ARCHIVES IN WESTERN BELARUS

M. Fedorov. On the 75th Anniversary of the Organization of Archives in Western Belarus 25
T. Afanas'eva. National Historical Archives of Belarus in Grodna (the History of Creation and Development)...36
H. Karapuzava. State Archives of Brest Region: History, Development, Staff (1940—2015) 41
V. Shershen'. Baranavichy Archives' Anniversary...51
A. Adamovich. The Path Length of 75 Years (for the Anniversary of Zonal State Archives in Maladzechna)...54
M. Stefanovich. Archive Service of the Pinsk City Celebrates Its 75th Anniversary...59

ARTICLES

V. Pazdniakoй. 15 Years of «The Belarusian Archeographical Year-Book» 62
K. Kozak. Archives and Museums Funds on the German Occupation of Belarus in the Great Patriotic War 1941—1944...67
S. Kulinok. Historiography of the Reconnaissance Activities of Belarusian Partisans During the Great Patriotic War...100
A. Tratstsyak. Restoration of Peaceful Life in the Belarusian SSR in 1944—1945 in the Film Magazine «Soviet Belarus»...117
S. Vajtovich. The Sources of Taxation of the farms of the BSSR in the 1920th...125
U. Maltsaй. Belarusian Theater in the German Press Coverage of the First World War...133
A. Nazaranka, K. Smaliakova. Minsk Provincial Committee of the All-Russian Zemstvo Union: Organizational Aspects of Activity 148
D. Matveichyk. Usevalad Ignatouski's Monograph «The Year 1863 in Belarus: the Outline of Events»: the Attempt of Critical Analysis....................................170
*M. Shumeyka***.** From «Belarusian Archive of Ancient Letters» by I. Grygarovich to «Belarusian Archive» by M. Dounar-Zapolski and D. Daugyala: the 90th

Anniversary of the Historical and Archaeological (Archaeographical) Committee of the Institute of Belarusian Culture 179
V. Baranenka. Documents of Polotsk Zonal State Archive as Historical Sources of Orthodox Church of the 1920—1930th 191
I. Klimaй. Specifics of Religious Communication in Domain of Writing (on the Basis of Texts of Christianity) 199
I. Vibe, A. Razdorski. «Information or Description of the Churches of the Magileu Diocese», 1832 (Source Materials Characterization) 213
H. Breger, L. Linskaya. The Archive of St. Trinity Monastery of Troychany in Slutsk (v. 2: documents Nr. 164—279, c. 1762—1776) 225
J. Lauryk. Sources of the Tractate «Dydaskalija albo Nauka o Sedmi Sakramentach» by Sylvester Kosaw 254
A. Makiyenko. Problems of Preservation of Documentary Heritage in the Activities of All-Ukrainian Special Archive Commission (1920—1922) 264
D. Samakhvalaй. Oral History Archives in the USA 278
S. Zlobin. The «Boundary» Notion as a Basis for Postcolonial Turn in South Asia Studies 284

PUBLICATIONS OF DOCUMENTS

A. Latushkin. About the History of Incorporating Charters and Acts of State Archives of the Grand Duchy of Lithuania in the Archive Nesvizh Ordination Princes Radziwill in the Second Half of the 17th century 292
Z. Antanovich. Inventory of Lozovits' Rome Catholic Church for 1864 310

REVIWES

V. Gerasimchyk. New Work on the History of the Revolt of 1863—1864 328

PERSONALITIES

D. Liseichykau. On the 70th Anniversary of Ala Kupryianauna Galubovich 333
L. Kisel. On the 75th Anniversary of Nina Vitaleuna Karas'k 334
V. Nadzezhyna. The Person in the Archival Work (the 80th Anniversary of L. Kislova) 336
A. Grynevich. On the 90th Anniversary of Katsiaryna Piatrouna Mikhailava 336
R. Garachava. In Memory of Archivist Volga Mikalaeuna Sinitsyna (1930—2009) 337

Навуковае выданне

Беларускі археаграфічны штогоднік

Заснаваны ў 2000 годзе

Выпуск 16

Рэдактары: *Т. М. Мальцава*, *Т. В. Салавей*, *А. У. Хмялеўская*
Камп'ютарная вёрстка *П. А. Рэзванава*

Падпісана да друку 11.11.2015. Фармат 60×84$^1/_{16}$.
Папера «Гознак» 65 г/м^2. Рызаграфія. Умоўн. друк. арк. 20,92.
Улік.-выд. арк. 22,94. Тыраж 100 экз. Зак. 9.

Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы (БелНДІДАС).
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы і распаўсюджвальніка друкаваных выданняў ад 24.03.2014. Нумар у Дзяржаўным рэестры выдаўцоў, вытворцаў і распаўсюджвальнікаў друкаваных выданняў Рэспублікі Беларусь № 1/229.
Вул. Крапоткіна, 55, 220002, г. Мінск.